Франсуа Кенэ. Выбранныя мѣста. Съ портр. автора.—Объясненія отъ редакціи «Библіотеки». Ст. «Жизнь и произведенія *Франсуа Кенэ*», *Александра Миклашевскаго,* съ полнымъ спискомъ экономическихъ и философскихъ произведеній Кенэ. Въ приложеніи Tableau Economique. *Выпускъ VI.* Стр. LII+279.—1896 г. Ц. 1 р.

Жанъ Батистъ Сэ. *Трактатъ политической экономіи.* Пер. *Е. Н. Каменецкой.* Съ портр. авт. Съ объясненіемъ отъ редакціи и ст. «Жизнь и труды». *Ж.-Б. Сэ* Стр. XXI+112.—**Фредерикъ Бастіа.** Кобденъ и Лига.—Экономическіе софизмы и Гармоніи.—Что видно и чего не видать Пер. *З. С. Яновской,* со статьею «Жизнь и труды Бастіа» и библіографическимъ спискомъ. Стр. XVI+240.—Оба писателя въ одномъ *VII выпускѣ.*—1896 г. Ц. 1 р.

Ж. Симондъ де-Сисмонди. *Новыя начала политической экономіи.* Пер. *Б. О Эфруси.* Съ портр. автора и ст. переводчика — «Жизнь и труды С. де-Сисмонди». *Выпускъ VIII.* Стр. LVIII+292.—1897 г. Ц. 1 р.

Д. Э. Кэрнсъ. Выбранныя мѣста. Съ портр. автора. Логическій методъ. пол. экон. Стр. 127.—Основные принципы и цѣнность. Стр. 147.—Международная торговля. Стр. 80.—Со ст. «Жизнь и сочиненія Д. Э. Кэрнса». Стр. XXXI.—1897. Ц. 1 р.—Пер. *Туганъ-Барановскаго. Выпускъ IX.*

Ричардъ Кобденъ. *Лига и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ.—Рѣчи Кобдена въ парламентѣ и на митингахъ* Пер. *Е. Н. Каменецкой.* Съ предисл. *М. П. Щепкина* Вып. X. Стр. LVIII+314. 1899 г. Ц. 1 р.

Дозволено цензурой.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.

ФИЛОСОФСКІЯ и СОЦІОЛОГИЧЕСКІЯ

ОСНОВАНІЯ МАРКСИЗМА.

Этюды по соціальному вопросу.

МАСАРИКА

профессора чешскаго университета въ Прагѣ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

П. НИКОЛАЕВА.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер. с. д.
1900.

Библіотека имени В. И. Ленина
45219-41

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе.

I.

Задача этого изслѣдованія. Литературныя пособія.

A.

Содержаніе и методъ изслѣдованія.

Стр.

1. Соціальный вопросъ. Соціализмъ и марксизмъ. 2. Понятіе марксизма. 3. Содержаніе и методъ изслѣдованія. 3

B.

Литературныя пособія для изученія (теоретическаго марксизма).

4 Соціалистическая литература. Сочиненія не соціалистовъ о соціализмѣ. Литературныя пособія 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Историческій матеріализмъ.

II.

Теорія познанія и метафизика Маркса—Энгельса: позитивный матеріализмъ.

A.

Научное и философское развитіе Маркса.

5. Развитіе европейскаго мышленія послѣ французской революціи. Философія становится политически-соціальной и научной (позитивной). Вліяніе на Маркса и Энгельса нѣмецкой, французской и англійской философіи. 6. Марксъ подъ вліяніемъ Фейербаха переходитъ отъ гегеліанства къ позитивизму. Марксъ и Фейербахъ. 7. Переходъ Маркса отъ нѣмецкой философіи къ соціализму. Марксъ есть нѣмецкій фило-

Стр.

софъ по преимуществу. Нѣмецкая философія менѣе идеологична, чѣмъ полагаетъ Марксъ. 8. Марксъ и Гегель. Подъ вліяніемъ Фейербаха историзмъ Гегеля у Маркса дѣлается матеріалистическимъ—историческій матеріализмъ 17

B.

Историзмъ Маркса—матеріалистическая діалектика.

9. Превращеніе Марксомъ гегелевской діалектики въ матеріалистическую. 10. Марксизмъ и дарвинизмъ—діалектика Маркса и современный эволюціонизмъ. 41

C.

Позитивный матеріализмъ Маркса.

11. Опредѣленіе матеріализма Марксомъ и Энгельсомъ. 12. Некритическій объективизмъ и вульгарный матеріализмъ Маркса и Энгельса. Ихъ догматизмъ. 13. Позитивизмъ Маркса и Энгельса. Позитивная наука противъ метафизики и идеологіи. 14. Позитивистическое ученіе объ антропоморфизмѣ. Мифъ и критика. Идеологія. 15. Опредѣленія понятія философіи у Энгельса. (Логика и діалектика. 16. Система наукъ Маркса и Энгельса. Проблема классификаціи и организаціи наукъ есть логическая и соціальная. 17. Историческія науки Энгельса. Преувеличенный историзмъ Маркса и Энгельса. Реализмъ противъ историзма. 18. Марксъ и Энгельсъ, какъ соціологи. Соціализмъ и соціологія. 19. Натурализмъ Маркса и Энгельса: соціализмъ и естествознаніе. Демократично ли естествознаніе? 20. Соціалистическое популяризированіе науки. Рабочіе и философія. Теорія и практика. 21. Объективизмъ Маркса. Марксизмъ, какъ реакція противъ субъективнаго идеализма и романтизма. Марксъ, Фейербахъ, Шопенгауеръ. Соціалистическое настроеніе. 22. Предварительный общій приговоръ о философіи Маркса—марксизмъ есть эклектизмъ. Отсутствіе критики и органическаго синтеза современныхъ философскихъ элементовъ. Революціонный атеизмъ 50

D.

Современные марксисты противъ матеріализма.

23. Противъ матеріализма Баксъ, К. Шмидтъ, Штернъ, Бернштейнъ (защитники матеріализма: Плехановъ, Мерингъ). Возвратъ къ Канту. 82

III.

Историческій матеріализмъ.

A.

Опредѣленія историческаго матеріализма.

24. Названіе: историческій матеріализмъ. Различныя опредѣленія Маркса. 25. Опредѣленія Энгельса. Марксъ и Энгельсъ въ различное время сами себѣ противорѣчатъ. 26. Современные марксисты: Баксъ и Каутскій, Шмидтъ, Бернштейнъ, Эрнстъ, Куновъ, Плехановъ. Попытка систематическаго и нематеріалистическаго опредѣленія понятія

Стр.

историческаго матеріализма. 27. Историческій матеріализмъ Маркса есть позитивный, объективистическій историзмъ и натуралистическій экономизмъ. Всемогущія „отношенія“. Ультрапозитивный аморализмъ Маркса. Марксъ и Энгельсъ въ концѣ концевъ признаютъ мораль. 28. Анализъ экономическихъ отношеній, ихъ экономическое и соціальное значеніе. a) Отношенія производства (обмѣна—сообщеній). Трудъ. Классовая борьба. b) „Человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ“. Физіологическія, моральныя и интеллектуальныя вліянія богатства и бѣдности. c) Такъ называемыя животныя жизненныя потребности. Primum vivere, deinde philosophari (Шопенгауеръ и Контъ. d) Власть надъ природой. Теорія и практика. e) Историческій матеріализмъ и дарвинизмъ и эволюціонизмъ. Энгельсъ и Морганъ. 29. Позднѣйшія разъясненія марксистовъ сводятся къ вопросу о степени значенія экономическаго матеріализма. Главный вопросъ: суть ли экономическія отношенія причина всей культурной жизни и одни ли они реальны—этимъ не устраняется 85

B.

Историческій матеріализмъ, какъ стремленіе къ научной исторіи: экономическій матеріализмъ.

30. Историческій матеріализмъ требуетъ истинно научной исторіи. 31. Требованіе основательно, но Марксъ не удовлетворяетъ ему. Сущность историческаго метода. Историческіе факты и объясненіе ихъ смысла. Исторія и ея отношеніе къ философіи и соціологіи. Матеріалистическая исторія невозможна. Историческій матеріализмъ Маркса—идеологія. 32. Недостатки преувеличеннаго историзма. Историзмъ, какъ не критическій эмпиризмъ. Что такое исторія? Историзмъ, какъ логика фактовъ. Современность, какъ образъ прошлаго. Историзмъ, какъ методологическій и этическій диллетантизмъ. 33. Марксъ и Энгельсъ нигдѣ не доказали экономическаго матеріализма. Экономическія отношенія не находятся въ причинномъ отношеніи съ идеологіей. 34. Нѣсколько примѣровъ экономическаго объясненія. 35. Экономическій матеріализмъ есть философскій и методологическій примитивизмъ; множественность и сложность соціальныхъ причинъ требуютъ точнаго сравнительнаго метода. 36. Экономическій матеріализмъ долженъ признавать индивидуальное сознаніе иллюзіей. Психологія опровергаетъ экономическій матеріализмъ. 37. Марксъ не разработалъ своего иллюзіонизма ни психологически, ни соціологически. Марксъ и Гегель. Философія ищетъ смысла міра и жизни. 38. Всѣ соціально историческія силы приводятся въ концѣ концевъ къ тремъ высшимъ психическимъ категоріямъ: разуму, чувству и волѣ. Вопросъ о первенствѣ той или другой психической дѣятельности. Шопенгауеръ, Контъ, Кантъ и Гегель. Марксъ матеріализируетъ діалектику Гегеля и приходитъ такимъ путемъ къ первенству воли, какъ и Шопенгауеръ. Вопросъ о психической и соціально-исторической движущей силѣ и о самопроизвольности — насколько мы свободны? 39. Научный соціализмъ противъ экономическаго матеріализма: положительная, научная экономика есть не слѣдствіе, а предпосылка экономическаго коммунизма. Позитивная и „идеологическая“ идеологія? Снова проблема антропоморфизма. 40. Обоснованіе Марксомъ исторіи, какъ точной науки въ связи съ развитіемъ новой соціологіи и съ общественными науками вообще. 41. Развитіе

Стр.
экономическаго матеріализма; Марксъ, какъ послѣдователь общаго мнѣнія ученыхъ 120

IV.

Организація классоваго общества. Историческіе законы и теорія развитія.

A.

„Движущая сила движущихъ силъ"—Энгельса: классовая борьба. Масса и личность.

42. Объясненіе Энгельса относительно двухъ (трехъ) большихъ классовъ и ихъ экономической борьбы: Экономическіе интересы этихъ классовъ суть движущія силы современнаго общества. 43. Общество состоитъ не изъ этихъ только классовъ. 44. Неопредѣленность понятій: пролетаріатъ и буржуазія. 45. Понятіе о классовой борьбѣ и борьбѣ вообще тоже неопредѣленно. Общество организуется не только посредствомъ борьбы. 46. Психологія историческихъ силъ и особенно „движущихъ силъ". Тройные мотивы—психологическое и экономическое qui pro quo. 47. Психологія массы—иллюзіонизмъ. Индивидуализмъ и соціализмъ. Коммунизмъ не только экономическій, но и духовный (логическій и этическій), даже біологическій. Коммунизмъ и матеріалистическій натурализмъ. 48. Главныя правила для изученія отношенія индивида къ массѣ. Антропоморфическое пониманіе массы и общества. Есть ли общество организмъ? Ошибочность метода органической школы въ соціологіи. Вопросъ о правахъ общества. Большинство—меньшинство—индивидъ. Марксизмъ не разрѣшилъ проблему индивидуализма и коллективизма (соціализмъ, общій коммунизмъ). Массы не являются конечной движущей силой въ исторіи. 49. Общее сознаніе развивается исторически—историческое сознаніе. 50. Историческій очеркъ важнѣйшихъ взглядовъ на отношеніе индивидуальнаго сознанія къ общему. 154

B.

Историческіе законы и теорія развитія.

51. Марксъ и Энгельсъ видятъ научность исторіи въ установленіи законовъ, какъ естественныхъ законовъ. 52. Неясность понятій о научномъ объясненіи. Имѣется ли у Маркса общій законъ развитія? 53. Теорія развитія Маркса на основаніи закона отрицанія отрицанія. Эта теорія катастрофъ не согласуется съ эволюціонизмомъ. 54. Марксъ гораздо болѣе настаиваетъ на развитіи, чѣмъ на прогрессѣ. Позитивистическая безстрастность. Мѣрило прогресса. 55. Регрессъ въ прогрессѣ. 56. Важнѣйшія стадіи развитія. 57. Прямолинѣйнаго, массоваго, внезапнаго прогресса не существуетъ. Есть ли будущій коммунизмъ положеніе стаціонарное? 58. Какъ объясняетъ Марксъ прогрессъ? Объясненіе прогресса должно быть не только соціологическимъ, а и метафизическимъ. Возвратъ къ Канту есть метафизическій пересмотръ матеріализма. 186

C.

Общественный идеалъ и утопія. Свобода воли и историческіе законы.

Стр.
59. Боязнь утопіи у марксистовъ. Что такое утопія? 60. Взгляды Маркса, Энгельса и марксистовъ на программу будущаго. Наука объ общественномъ идеалѣ Ренара. 61. Общественно историческое предвидѣніе и предсказаніе. 62. Это предсказаніе не устраняетъ этики, сознанія и совѣсти. Этика и исторія философіи. 63. Скачекъ въ царство свободы—свобода воли. Соціальная телеологія и соціальный идеалъ. 64. Смѣшеніе детерминизма съ фатализмомъ у Маркса и Энгельса. „Отношенія" и вообще натуралистическій объективизмъ. 200

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Сущность и развитіе экономической организаціи общества.

V.

Борьба экономическихъ классовъ.

A.

Картина современнаго капитализма по Марксу.

65. Задача этой части нашего этюда: изображеніе экономическихъ классовъ и ихъ борьбы. 66. Теорія цѣнности Маркса. Цѣнность товаровъ создается трудомъ. 67. Обмѣнъ, прибавочная стоимость и капиталъ. Трудъ, какъ товаръ. Наемная плата. Дѣйствіе машинъ и техническаго прогресса вообще. Резервная армія: относительное перенаселеніе. Концентрація капиталовъ. Экономическій фетишизмъ. 68. Развитіе капиталистической крупной промышленности со времени такъ называемаго первоначальнаго накопленія. 69. Три главныя стадіи экономическаго развитія. Законъ отрицанія отрицанія ведетъ капитализмъ къ коммунизму. Экспропріація экспропріаторовъ. 70. Формулированіе этихъ взглядовъ Энгельсомъ. 215

B.

Критика теоріи прибавочной стоимости Маркса.

71. „Капиталъ" Маркса есть теорія капиталистической эксплуатаціи. Объектъ нашей критики есть понятіе о прибавочной стоимости. 72. Цѣнность не объясняется однимъ только трудомъ. Доказательство этаго противорѣчіе между I и III частями „Капитала". Прибавочный трудъ или конкуренція? Важнѣйшія изъ попытокъ объяснить противорѣчіе. 73. Сознавалъ ли это противорѣчіе самъ Марксъ? 74. Соціологическіе и философскіе недостатки марксизма проявились и въ экономическихъ ученіяхъ. Особыя свойства „Капитала"—необработанность и колебанія. 75. Одинъ трудъ не создаетъ цѣнности. Безъ категоріи полезности нельзя установить понятія о цѣнности. Что создаетъ цѣнность самаго труда? Трудъ и рабочая сила. 76. Матеріалистическій объективизмъ теоріи цѣнности Маркса. Марксъ противъ элемента полезности, такъ какъ полез-

Стр.

ность указываетъ на мотивъ. Спросъ не согласуется съ экономическимъ матеріализмомъ. Психофизическое сужденіе о трудѣ. 77. Отношеніе этики и экономики. Эгоизмъ и альтруизмъ въ экономической жизни. Сущность и методъ экономики. 78. Физическій и умственный трудъ; простая и сложная работа. Неудовлетворительность экономическаго матеріализма. Цѣнность труда не измѣряется временемъ—теорія найма Маркса противорѣчитъ этому. 79. Понятіе объ общественномъ трудѣ. Фетишизмъ труда. 80. Раздѣленіе труда. Идеалъ абсолютной способности. Матеріализмъ не способенъ правильно понять проблемму о раздѣленіи и организаціи труда. 81. Раздѣленіе труда, какъ основа образованія классовъ. Классы собственности и труда. Объясненіе развитія классовъ Энгельсомъ. 82. Ученіе Маркса о концентрированіи капитала невѣрно; средній классъ не исчезаетъ, какъ учитъ Марксъ. Третья часть тутъ снова противорѣчитъ первой. Бернштейнъ противъ теоріи катастрофъ, прибавочной цѣнности и классовой борьбы 83. Противорѣчіе между капитализмомъ и пролетаріатомъ. Сущность современнаго капитализма. Капитализмъ не единственная причина нищеты. Общее положеніе рабочихъ опровергаетъ теоріи Маркса о всеобщемъ упадкѣ. Соціалистическое настроеніе не декадентское. 84. Теорія Маркса объ упадкѣ опровергается и данными статистики населенія. Марксъ противъ Мальтуса и Лассаля. Марксъ за Дарвина, а потому... и за Мальтуса. Снова третья часть противорѣчитъ первой. 85. Самъ Марксъ раздѣляетъ свои два главные класса на индивидуумовъ. 86. Марксъ о торговлѣ. Современный купецъ. 87. Аграрный вопросъ. Ученіе Маркса о религіи и его теорія цѣнности. 88. Экономическая исторія Маркса. 89. Окончательный приговоръ объ экономикѣ Маркса. Значеніе его теоріи цѣнности—вѣкъ труда. Мелкая работа. Демократическій трудъ и аристократическій спортъ. Революціонерство Маркса и Энгельса было еще аристократическимъ и романтическимъ. Несостоятельность матеріализма 229

VI.

Происхожденіе и развитіе цивилизаціи. Коммунизмъ.

A.

Коммунизмъ будущаго.

90. Марксизмъ есть по существу коммунизмъ. Требованія Маркса. Его послѣдователи. 91. Коммунизмъ и матеріализмъ. 92. Коммунизмъ Маркса есть система не только экономическая, а и духовная, и вообще культурная. 93. Опредѣленіе понятій: соціализмъ, коммунизмъ, коллективизмъ. 94. Критика системы Маркса. Мнимое противорѣчіе коммунизма и капитализма. Насколько коммунизмъ подготовленъ уже теперь? Неопредѣленность принципа раздѣла имуществъ и т. д. Въ концѣ концовъ Марксъ и Энгельсъ почти совершенно отказались отъ коммунизма 287

B.

Первобытный коммунизмъ. Развитіе семьи и цивилизація.

95. Марксъ и Платонъ. Значеніе семьи для коммунизма Маркса. Сочиненіе Энгельса о семьѣ. 96. Основная идея этаго сочиненія;

Стр.

общество организуется сначала семейными узами, а не производственными отношеніями. Противорѣчіе съ историческимъ матеріализмомъ. 97. Энгельсъ объ отдѣльныхъ стадіяхъ развитія семьи и культуры. 98. Аморализмъ contra морализма. Фетишизмъ кровнаго родства. Мнѣнія Энгельса о первобытной семьѣ невѣрны. Матріархата не существовало. 99. Сущность первобытнаго рода. Родовой строй не составляетъ противорѣчія государству. Первобытный коммунизмъ отрицателенъ, а не положителенъ. Первобытный аграрный коммунизмъ. 100. Родовой строй у европейскихъ народовъ, у германцевъ и славянъ. Русская община и задруга. Энгельсъ и славянофилы. 101. Цивилизація и варварство—вырожденіе. 102. Критика культурной исторіи Энгельса и въ особенности его теоріи вырожденія. 103. Что такое, собственно говоря, первобытный коммунизмъ Энгельса? Абсолютнаго коммунизма никогда не существовало. Половой и семейный коммунизмъ, какъ основа экономическаго 302

C.

Женскій вопросъ. Свободная любовь.

104. Будущій коммунизмъ долженъ также распространяться и на отношенія между полами. Исторія моногаміи по Энгельсу. Семья у буржуазіи и у пролетаріевъ. Соціализмъ и индивидуальная половая любовь. Свобода любви въ будущемъ. 105. Декадентство у Энгельса и его основаніе: матеріализмъ. Двойной типъ декадентства—католическій и протестантскій. Любовь, но не свобода любви . . . 341

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Идеологическія системы.

VII.

Государство и право.

106. Развитіе политическаго мышленія въ Германіи 107. Ученіе Маркса о государствѣ и развитіе этого ученія. Государство и буржуазія. Политическое государство. 108. Ученіе Энгельса о государствѣ. Государство, какъ противорѣчіе родовому строю. Развитіе государства. Его вымираніе. 109. Ученіе историческаго матеріализма о государствѣ неудовлетворительно—сущность и значеніе государства. Государство и экономическая организація. Государство и церковь. Государство и національность. Понятіе объ „обществѣ“ у Маркса и Энгельса. Анархизмъ и государственный соціализмъ. Бернштейнъ противъ Маркса и Энгельса. 110. Развитіе современнаго государства: экономическая и интеллектуальная организаціи взаимно дополняются. Государство и философія. Афилософизмъ и астатизмъ (анархизмъ). Централизація и автономія; функціональная, или мѣстная автономія. 111. Философія права Маркса и Энгельса. 112. Объемъ права шире объема хозяйства. Форма производства не обусловливаетъ формъ собственности. Дѣйствительно ли санкція права только въ силѣ и въ волѣ большинства? 113. Объясненіе че-

Стр.

ловѣческихъ правъ Энгельсомъ и въ особенности его объясненіе пролетарнаго требованія равенства. 114. Позитивный историзмъ не признаетъ позитивныхъ правовыхъ понятій. Человѣческія права развиваются въ церковно-религіозной сферѣ. Понятіе равенства у Маркса и Энгельса неопредѣленно. 353

VIII.

Націонализмъ и интернаціонализмъ.

115. Новыя мнѣнія марксистовъ по поводу національнаго вопроса. 116. Мнѣнія Маркса и Энгельса. Ихъ практическій интернаціонализмъ. 117. Развитіе принципа національности. 118. Каутскій о федерализмѣ націй. Національность и гуманность. Права языковъ—право естественное. Космополитизмъ, націонализмъ, соціализмъ. 119. Марксъ и марксисты о славянствѣ. Марксисты противъ германскаго шовинизма. 120. Марксъ и еврейскій вопросъ 390

IX.

Религіозный вопросъ.

121. „Капиталъ“ Маркса доводитъ до конца критику религіи Фейербаха: религіозный антропоморфизмъ, какъ экономическій фетишизмъ. 122 Религіозная философія Энгельса. 123. Антропоморфизмъ не исчерпываетъ всей сущности религіи. Марксъ и Энгельсъ, слѣдуя Фейербаху, возрождаютъ раціонализмъ. Религія и ея этическій и соціальный элементы. Современная борьба. 124. Революціонный атеизмъ Маркса—христіанство, религія рабовъ. 125. Вліяніе религіи въ новое время. Реформація. Культурное значеніе великаго историческаго религіознаго дуализма—католицизмъ и протестантизмъ. Сущность протестантизма и его значеніе для современной философіи, науки, морали и политики. Два типа хозяйства, и въ особенности соціализма—католическій и протестантскій. Историческій матеріализмъ и религіозный вопросъ. 126. Отношеніе марксизма къ католицизму, протестантизму и еврейству. 127. Марксисты и религіозный вопросъ. Есть ли религія частное дѣло? Поскольку соціализмъ есть движеніе религіозное? 416

X.

Этическій вопросъ.

128. Марксъ и Энгельсъ за позитивный аморализмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за гуманитарный моралізмъ. Они признаютъ гуманизмъ Фейербаха—реальный гуманизмъ безъ сантиментальности. Классовая мораль относительна, и не смотря на это она „дѣйствительно человѣчна“. 129. Теоретико-познавательное обоснованіе нравственнаго закона. Нравственный законъ абсолютенъ — въ какомъ именно смыслѣ? Чистой классовой морали не существуетъ—дѣйствительно человѣчная мораль будущаго. Основной теоретико познавательный вопросъ объ этической санкціи. Нравственность и религія. 130. Матеріальное содержаніе нравственнаго закона. Дуализмъ у Маркса и Энгельса. Эгоизмъ и альтруизмъ. По мнѣнію Маркса, человѣкъ

Стр.

по существу эгоистъ. 131. Страхъ Маркса предъ сантиментальностью неосновательнъ. Развитіе современнаго идеала гуманности. Гуманность невозможна безъ любви—соціализмъ долженъ быть не только научнымъ, но и соціальнымъ. Аристократическій гедонизмъ Маркса и Энгельса. 132. Современная любовь — демократическая любовь. 133. Марксисты теперь признаютъ самостоятельность и дѣятельность не эгостической морали. 134. Разсужденія о вопросахъ практической этики: преступленіе и наказаніе. Преступленіе и экономическія отношенія. Проституція 441

XI.

Соціализмъ и искусство.

135. Соціализмъ современнаго искусства. Историческій матеріализмъ и искусство. 136. Вліяніе соціализма на отдѣльные роды искусства. 137. Общественно-образовательное значеніе искусства. Зачатки соціальной и соціалистической эстетики (Рёскинъ, Моррисъ, Баксъ, Кранъ и Толстой). Матеріализмъ труда и позивистическій интеллектуализмъ приводятъ къ неуваженію къ красотѣ 459

XII.

Марксизмъ есть абсолютный объективизмъ.

138. Марксизмъ, какъ философская система: абсолютный объективизмъ, какъ контрастъ абсолютнаго субъективизма (идеализма). Важнѣйшіе изъ тезисовъ марксизма. Несостоятельность абсолютнаго объективизма. 139. Марксизмъ и вопросы новой философіи и этики. 140. Общественное и этическое значеніе марксизма. 141. Марксъ и Энгельсъ. 467

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

Критика практики марксизма.

XIII.

Главные вопросы политики марксизма.

A.

Революція или реформа?

142. Революціонизмъ Маркса—матеріализмъ, какъ „практически-критическая дѣятельность“. Позже Марксъ становится болѣе умѣреннымъ 143. Политическое завѣщаніе Энгельса. Революція признается невозможной и не нужной. 144. Послѣдователи Маркса и Энгельса. Ихъ борьба изъ за радикализма и оппортунизма. Вопросъ о допустимости компромисса. 145. Философія гуманистическаго переворота на основаніи Фейербаховскаго гуманизма. 146. Эта философія романтическая и идеологическая. 147. Категорическій императивъ практической критики Маркса. Не критическая критика. Отрицаніе и творческая критика. Чисто эмпирическая критика исто-

Стр.

ризма, а не критика принциповъ. Аморальная критика. Объективистическая критика безъ самокритики. 148. Критика Маркса, какъ дальнѣйшее развитіе философіи Фейрбаха. Недовольство Маркса проистекаетъ не изъ экономической критики, а изъ философіи. 149. Критика Маркса и Шопенгауера. Марксъ и пессимизмъ. Пессимизмъ объективизма и субъективизма. Современная склонность къ самоубійствамъ, какъ соціальный вопросъ. Самоубійство и убійство. Современные титаны и ихъ борьба. Атеистическій революціонизмъ. 150. Сущность современнаго философскаго и религіозно-этическаго развитія со времени реформаціи. Фаустъ Маркса превращается въ избирателя. 151. Марксизмъ и анархизмъ. 152. Внутреннія противорѣчія практическаго марксизма: революціонизмъ происхожденія французскаго и не подходитъ къ нѣмецкой философіи. Католическій и протестантскій соціализмъ. Колебанія между эволюціонизмомъ и катастрофизмомъ. Теорія цѣнности противорѣчитъ катастрофизму. 477

B.

Марксизмъ и парламентаризмъ.

153. Марксизмъ становится государственнымъ соціализмомъ. Преувеличенная оцѣнка политической дѣятельности. Соціалъ демократическая партія, какъ партія соціальной реформы въ современной философіи. Отрицательный и положительный радикализмъ. 154. Марксизмъ и конституціонныя формы: республиканизмъ. Развитіе конституціоннаго государства. Вопросъ о формѣ правленія становится менѣе острымъ. „Соціальная имперія“. Марксизмъ и милитаризмъ. Внѣшняя политика. 155. Демократизмъ конституціоннаго государства. Реформа конституціонализма (Всеобщее избирательное право. Представительство меньшинства. Референдумъ. Инціатива. Автономія и централизація. Муниципальный соціализмъ). 156. Демократизмъ и научная политика: антропоморфное понятіе о массѣ. Демократическое суевѣріе. 157. Политическая примитивность какъ слѣдствіе антропоморфическаго демократизма. 158. Недостатки политическаго примитивизма. 159. Марксизмъ и экономическія общества. Общества образовательныя. Нравственная пропаганда. Концентрированная общественная работа. Демократизмъ, какъ міровоззрѣніе и его политика sub specie aeternitatis. 513

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ.

Окончательный выводъ.

XIV.

Научный и философскій кризисъ въ марксизмѣ.

160. Хроническій кризисъ научнаго, философскаго и политическаго марксизма. 161. Обсужденіе этого вопроса. 530

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой работѣ я поставилъ себѣ задачу уяснить значеніе марксизма, какъ философской и соціологической системы.

До сихъ поръ обсуждали только экономическое значеніе марксизма и въ особенности изслѣдовали отдѣльные его лозунги и ученія; напр. разсуждали о томъ, возможенъ или невозможенъ коммунизмъ. Но даже и тутъ не излагали полнаго ученія Маркса о коммунизмѣ. Для партійныхъ писателей это вполнѣ понятно; но для меня важно изложить ученія Маркса и Энгельса цѣликомъ и въ ихъ связи.

Эта моя работа между прочимъ доказываетъ, что для нашего времени и въ особенности для рѣшенія соціальныхъ вопросовъ марксизмъ гораздо важнѣе, чѣмъ въ этомъ обыкновенно сознаются.

При этомъ Марксъ и Энгельсъ, какъ мыслители, несомнѣнно выигрываютъ при обсужденіи ихъ философіи и метода. Марксъ и Энгельсъ вынуждаютъ насъ къ обсужденію многихъ вопросовъ, о которыхъ до сихъ поръ почти ничего не говорилось въ литературѣ о Марксѣ.

Я прослѣживаю, насколько это было для меня возможно, развитіе важнѣйшихъ вопросовъ въ литературѣ марксизма; такимъ образомъ читатель можетъ получать изображеніе положенія марксизма въ наукѣ. Появившіяся во время корректированія моей книги сочиненія Каутскаго и Бернштейна я не могъ обсуждать, хотя довольно подробно излагаю воззрѣнія этихъ двухъ главнѣйшихъ теоретиковъ марксизма.

Моя книга составилась изъ университетскихъ лекцій. Это объясняетъ, почему я часто привожу извлеченія изъ сочи-

неній и статей Маркса и Энгельса. Въ стилистическомъ отношеніи книга отъ этого, можетъ быть, и страдаетъ, но за то выигрываетъ дѣло. Многія произведенія Маркса и Энгельса почти недоступны большинству читателей и потому они не могутъ имѣть полнаго представленія о подвергаемыхъ мною критикѣ ученіяхъ; понятно, что я привожу такія извлеченія изъ сочиненій Маркса и Энгельса, въ которыхъ особенно ярко высказаны ихъ главныя идеи и ихъ обоснованія. Такимъ образомъ получается возможность характеристики стиля Маркса и Энгельса и ихъ манеры работать.

При составленіи этой книги мнѣ много помогалъ г. Каландра изъ Вѣны. (Переводами, составленіемъ указателя и т. дал.).

Авторъ.

Прага. 27 марта 1899 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Задача этого изслѣдованія.—Литературныя пособія.

А.

Содержаніе и методъ изслѣдованія.

1. Для моего изслѣдованія я избралъ условное заглавіе: «соціальный вопросъ», хотя такое заглавіе и не совсѣмъ удобно вслѣдствіе его двусмысленности. Соціальный вопросъ—это громадное количество фактовъ экономическихъ и общественныхъ, матеріальныхъ и моральныхъ страданій, всегда и повсюду бросающихся намъ въ глаза, обратимъ ли мы вниманіе на роскошь богатыхъ или на нужду бѣдняковъ, наблюдаемъ ли мы жизнь городовъ или деревень, посмотримъ ли внимательно на наши улицы или на нашу домашнюю жизнь. Соціальный вопросъ—въ настоящее время—это безпокойство и недовольство, желаніе и трепетъ, надежда и отчаяніе, страданіе и озлобленіе тысячъ и милліоновъ людей.

Конкретно и практически соціальный вопросъ въ настоящее время есть вопросъ о соціализмѣ, а соціализмъ у насъ есть преимущественно марксизмъ. Потому то намъ и нужно заняться марксизмомъ. Въ этомъ первомъ своемъ изслѣдованіи я ограничиваюсь изложеніемъ и критикой соціологическихъ и философскихъ основаній марксизма.

Совершенно естественно, что при изученіи соціализма всякій спе-

ціалистъ считаетъ свою точку зрѣнія важнѣйшей. Юристъ (напр., Менгеръ) полагаетъ, что вопросы соціализма слѣдуетъ формулировать юридически; экономисты придаютъ особое значеніе вопросамъ экономическимъ; а я хочу изслѣдовать соціализмъ и спеціально марксизмъ соціологически и философски; мнѣ кажется, что я имѣю на это право уже по тому одному, что экономическихъ работъ по этому вопросу такъ много, какъ будто бы соціализмъ фактически есть исключительно вопросъ экономическій, какъ будто соціализмъ есть только вопросъ брюха, вопросъ о ножѣ и вилкѣ — а таковъ онъ только для соціальныхъ лакеевъ, которыхъ, правда, очень много въ наше время, когда почти все сдѣлалось «соціальнымъ».

Выдающіеся соціалисты объявляютъ, что соціализмъ въ теоретическомъ отношеніи есть полное и вполнѣ новое міровоззрѣніе, а въ практическомъ стремленіе къ новому общественному порядку; безспорно, что экономическія воззрѣнія и экономическія учрежденія очень важны, но они отнюдь неисчерпываютъ всего соціализма (даже съ точки зрѣнія историческаго матеріализма).

Вопросы соціализма по преимуществу суть вопросы философскіе. Современный соціализмъ съ его практикой и его теоріей заставляетъ каждаго пересмотрѣть свое міросозерцаніе и свое поведеніе. Соціализмъ становится пробнымъ камнемъ для нашаго знанія и для нашей совѣсти.

2. Уже неоднократно задавался вопросъ, можно ли вообще говорить о марксизмѣ. Марксъ не выработалъ полнаго міровоззрѣнія, онъ далъ намъ только большіе или меньшіе отрывки такого міровоззрѣнія; партійное движеніе, принявшее экономическое ученіе Маркса, не представляется единымъ; оно не охватываетъ всего соціализма и т. д. Я полагаю, что и можно и должно говорить о марксизмѣ.

Совершенно вѣрно, что Марксъ не представилъ намъ подробно выработанной философской системы, но всякій, прочитавшій хотя бы только одну первую часть «Капитала», можетъ точно опредѣлить, въ чемъ состоитъ міровоззрѣніе Маркса. Философскимъ міровоззрѣніемъ обладаетъ не только тотъ, кто разработалъ его систематически въ различныхъ отрасляхъ знанія. А помимо того, Марксъ излагалъ свою философію въ спеціальныхъ работахъ. Эти послѣднія недостаточно извѣстны, такъ какъ онѣ помѣщались въ газетахъ, теперь недоступныхъ или въ сочиненіяхъ, давно забытыхъ. Въ замѣткахъ о Фейербахѣ, въ статьѣ о философіи права Гегеля, въ статьѣ объ еврейскомъ вопросѣ, въ сочиненіи о «Святомъ семействѣ» (Энгельсу въ немъ принадлежитъ незначительная часть) и наконецъ въ многочисленныхъ отрывкахъ разныхъ сочиненій и во многихъ статьяхъ (большое, двутомное, написанное совокупно съ Энгельсомъ философское сочиненіе не было издано) — мы имѣемъ достаточно полную философію Маркса. Марксъ съ самаго начала очень усердно занимался

философіей; онъ хотѣлъ сдѣлаться философомъ по профессіи и даже позже, въ концѣ жизни, онъ лелѣялъ мысль написать логику и исторію философіи. И дѣйствительно, его развитіе отъ абстрактной философіи къ конкретной соціальной наукѣ было, такъ сказать, совершенно логическимъ; Марксъ строитъ свою экономическую систему на фундаментѣ своей философіи. Сначала онъ занимается философіей (онъ хотѣлъ сдѣлаться доцентомъ философіи), и уже потомъ посвящаетъ себя изученію соціализма, который приводитъ его къ соціологіи, въ концѣ концевъ онъ дѣлается спеціалистомъ въ политической экономіи и въ исторіи экономической жизни. Къ философскимъ сочиненіямъ примыкаютъ его историческія и политическія работы, именно статьи о 1848-мъ годѣ; въ этихъ работахъ мы находимъ философскія и соціологическія воззрѣнія Маркса.

О марксизмѣ, наконецъ, можно говорить еще и по той причинѣ, что Энгельсъ и, навѣрное, при помощи самого Маркса систематизировалъ его философію. Марксъ и Энгельсъ работали вмѣстѣ почти сорокъ лѣтъ, въ теченіи многихъ лѣтъ видѣлись чуть ли не каждодневно, и философскія работы Энгельса представляютъ обработку идей Маркса. Читатель найдетъ много доказательствъ этого въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Сочиненія о Фейербахѣ и противъ Дюринга суть теорія познанія и метафизика не одного только Энгельса, а и Маркса. А сочиненіе противъ Дюринга имѣло особенно большое и рѣшительное вліяніе на новое поколѣніе германскихъ марксистовъ [1]).

Вѣрно и то, что Марксъ и Энгельсъ развивались, и что въ теченіи времени ихъ воззрѣнія, и притомъ далеко не второстепенныя, измѣнились. Но вѣдь ихъ и у Канта можно различить различныя фазы развитія — нечего ужъ и говорить о Шеллингѣ и другихъ. Это развитіе идей Маркса и Энгельса еще и теперь не закончено у младшихъ вождей германскій соціалъ — демократической партіи. Я въ этомъ развитіи вижу кризисъ, но не думаю, чтобы марксизмъ въ силу этого переставъ быть отдѣльной, обособленной философской, соціологической и политической системой.

3. Полный и систематическій анализъ соціальныхъ вопросовъ, по моему мнѣнію, всего лучше будетъ произвести въ слѣдующемъ порядкѣ:

---

[1]) О сочиненіи противъ Дюринга, этой метафизикѣ марксизма, Каутскій говоритъ, что оно произвело истинный переворотъ въ головахъ марксистовъ; только благодаря ему они выучились вполнѣ понимать Маркса, только это сочиненіе очистило ихъ мышленіе отъ всѣхъ остатковъ утопизма, катедеръ-соціализма и буржуазно демократическаго мышленія. (Neue Zeit. 1894. „Дарвинизмъ и Марксизмъ“). Въ томъ же родѣ говоритъ объ этомъ сочиненіи и Бернштейнъ (Neue Zeit. 1894. О третьемъ изданіи Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenchaft).

Начинать слѣдуетъ съ изложенія философскаго содержанія соціальныхъ ученій.

Отъ философскихъ основаній можно перейти къ соціологической теоріи.

Тутъ снова слѣдуетъ опредѣлить сначала абстрактныя основы ученія, а потомъ и конкретныя. Въ первомъ отдѣлѣ дѣло идетъ главнымъ образомъ объ объясненіи общественной организаціи (такъ называемая статика соціологіи) и ея развитія (философія исторіи или динамическая соціологія); второй отдѣлъ посвященъ отдѣльнымъ общественнымъ дисциплинамъ, какъ то ученію о государствѣ, экономикѣ, исторіи, или соціальной (напр., экономическая исторія вообще, исторія промышленности, политическая и т. д.) или общей, главнымъ образомъ исторія культуры.

За этой теоретической частью изслѣдованія нужно приступить къ анализу практической общественной дѣятельности, какъ соціалистической, такъ и не соціалистической.

Наконецъ остается еще исторія соціальныхъ и соціалистическихъ ученій и исторія соціалистическаго движенія.

Такой планъ, очевидно, составленъ на основаніи особой классификаціи наукъ. Въ нашемъ изслѣдованіи мы неоднократно будемъ говорить о такой классификаціи; здѣсь я касаюсь этого предмета только затѣмъ, чтобы указать на логическій порядокъ моихъ изслѣдованій, первую часть которыхъ я пока исполнилъ. Въ этомъ первомъ изслѣдованіи я начинаю съ марксизма; во второй книгѣ я хотѣлъ бы описать развитіе соціалистическаго движенія въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и въ заключеніе изложить основные принципы соціальной реформы. Но я не знаю, найдется ли у меня достаточно мужества для такой работы.

Пока я не намѣренъ составлять планы и для меня довольно работы о марксизмѣ.

Въ литературѣ, въ особенности въ антисоціалистической, обыкновенно обсуждаются отдѣльныя утвержденія и ученія Маркса, напр. вопросы о томъ, вѣрно ли, что общество пролетаризируется, вѣрна ли теорія цѣнности Маркса и т. д. Конечно, всѣ эти вопросы очень важны. Но меня гораздо болѣе интересуютъ вся система и ея философскія основанія, чѣмъ эти отдѣльные вопросы. Я заявляю, что не буду уклоняться отъ обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, но для меня важно цѣлое, вся система Маркса, о которой до сихъ поръ совершенно умалчиваютъ.

Потому то я выбралъ совершенно другой способъ изложенія. Различныхъ и часто превосходныхъ «Сущностей» соціализма издано довольно много, но это по большей части скорѣе политическія тенденціозныя сочиненія, чѣмъ изложеніе спорныхъ ученій, а я имѣю въ виду именно такое изложеніе. Потому я излагаю отдѣльныя ученія

Маркса и Энгельса подробно и, поскольку это возможно, ихъ собственными словами; я дѣлаю это также и потому, что нѣкоторыя важныя работы Маркса почти недоступны. Въ особенности слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что послѣдователи Маркса не позаботились о своевременномъ изданіи его философскихъ и политическихъ трудовъ и статей; потому о Марксѣ и судятъ такъ односторонне, только какъ объ экономистѣ, а не какъ о соціологѣ и философѣ. Ученіе о прибавочной стоимости, конечно, одно изъ самыхъ важныхъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не было важно знать, какъ высказался Марксъ, напримѣръ, о праздникѣ по случаю Седана и т. д. При критическомъ изданіи всѣхъ старыхъ работъ Маркса онъ, какъ мыслитель, только выигралъ бы—и во всякомъ случаѣ мы лучше знали бы его. Теперь же при всемъ желаніи довольно трудно узнать всего Маркса [1]). А кромѣ того весьма и весьма чувствуется отсутствіе сколько нибудь полной біографіи Маркса.

Такъ какъ я цѣню въ литературѣ факты не менѣе, чѣмъ принципы, то я стремился, по крайней мѣрѣ при обсужденіи главныхъ вопросовъ, доказать, что Марксъ въ теченіи времени самъ измѣнялъ свои воззрѣнія, и что ученіе Маркса развивалось его собственными послѣдователями.—Такимъ образомъ я и пришелъ къ выводу, составляющему заглавіе послѣдней главы моей книги.

Къ этому выводу, что въ современномъ марксизмѣ происходитъ научный и философскій кризисъ, я прихожу, какъ убѣдится читатель, только благодаря изученію фактовъ, а не вслѣдствіе теоретической вражды къ марксизму.

B.

Литературныя пособія для изученія (теоретическаго) марксизма.

4. Слѣдующія важнѣйшія источники и пособія необходимы для изученія положенія соціалистическими и спеціально марксистскихъ изслѣдованій.

Полное перечисленіе статей и сочиненій Маркса даетъ Энгельсъ

---

[1]) Я замѣчу (хоть это и не совсѣмъ относится къ дѣлу), что общественныя библіотеки должны бы обратить большое и болѣе систематическое вниманіе на соціалистическую литературу и въ особенности на различныя важныя обсужденія программъ, на протоколы собраній партіи и т. д. Даже въ большихъ библіотекахъ вы найдете любую программу средней школы, а о крупномъ общественномъ движеніи совсѣмъ не заботятся. Потому то для этой работы мнѣ пришлось безпокоить многихъ, и знакомыхъ и не знакомыхъ. Я искренно благодарю ихъ всѣхъ за ихъ услуги и за ихъ доброту.

въ «Словарѣ государственныхъ наукъ» (Handwörterbuch d. Staatswiss.); привожу это перечисленіе:

«Капиталъ—Критика политической экономіи», часть первая 1867 г.; самъ Марксъ исправилъ и дополнилъ второе изданіе 1872 года; въ 1883 году Энгельсъ далъ третье, исправленное изданіе и, наконецъ, въ 1890-мъ онъ же издалъ четвертое. Это изданіе должно быть окончательнымъ; кромѣ фактическихъ корректуръ оно отличается точнымъ просмотромъ столь частыхъ у Маркса цитатъ. Вторую часть Энгельсъ издалъ въ 1885 г , второе изданіе, исправленное только стилистически, въ 1893 г. Третья часть появилась въ двухъ частяхъ тоже въ изданіи Энгельса въ 1894 г. Четвертая часть, исторія теорій прибавочной стоимости, появится подъ редакціей Каутскаго.

«Критика политической экономіи» (Zur kritik) появилась въ 1854 г. Это первоначальное изложеніе перваго отдѣла «Капитала», но въ ней болѣе историческихъ разсужденій, чѣмъ въ «Капиталѣ». Новое изданіе Каутскаго появилось въ 1897 г.

«Нищета философіи» (Das Elend der Philosophie), отвѣтъ на «Философію нищеты» Прудона, появилось на французскомъ языкѣ въ 1847 г. Нѣмецкій переводъ исправленъ по рукописи Маркса и сдѣланъ Бернштейномъ и Каутскимъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса—второе изданіе 1892 г. Прибавлены извлеченія изъ вышеупомянутаго сочиненія: Zur Kritik и рѣчь Маркса о свободѣ торговли въ 1847 г.

«Манифестъ коммунистической партіи»—Лондонъ 1848 г. Онъ написанъ совмѣстно съ Энгельсомъ, позже изданъ подъ заглавіемъ: «Коммунистическій манифестъ», съ предисловіями Маркса и Энгельса, пятое изданіе, Берлинъ, 1891 г.

«Классовая борьба во Франціи 1848—1850. Перепечатано изъ «Новой Рейнской газеты» (Гамбургъ 1850 г.). Съ введеніемъ Энгельса, 1895 г.

«18 брюмера Людовика Бонапарта» 1852 г., третье изданіе, 1889 г.

«Революція и контръ-революція», нѣмецкій переводъ Каутскаго 1896 г. Рядъ статей Маркса о 1848 годѣ, въ 1851 и 1852 годахъ написанныхъ для Ньюркской газеты Daily Tribune.

«Восточный вопросъ». Письма 1853—56 годахъ о событіяхъ крымской войны». Изданіе (англійское). Элеоноры Марксъ-Эвелингъ и Эд. Эвелинга 1898 г.

«Критика гегелевской философіи права».—Введеніе и «О еврейскомъ вопросѣ» въ Deutsche.Französischen Jahrbüchern 1844. (Парижъ, вышло только два номера).

«Святое семейство или критика критической критики. Противъ Бруно Бауера и товарищей его»—Фр. Энгельса и Карла Маркса 1845 г.

Полное перечисленіе работъ Фридриха Энгельса появилось тоже въ вышеупомянутомъ Словарѣ.

«Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 1878 г.; второе изданіе въ 1885 г. окончательное, такъ какъ въ третьемъ 1894 г. добавленія незначительныя. Глава X написана Марксомъ. Сочиненіе вызвано работами Дюринга: «Cursus der Philosophie, als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung, 1875 г., Cursus der National und Socialökonomie, третье изданіе 1892 г. и Kritische Geschichte des Nationalökonomie und des Socialismus, третье изданіе 1879 г. (Дюрингъ отвѣчалъ Энгельсу въ новыхъ изданіяхъ).

«Людвигъ Фейербахъ и конецъ классической нѣмецкой философіи». Исправленная перепечатка изъ Neue Zeit (1886 г.) съ прибавленіемъ: Карлъ Марксъ о Фейербахѣ въ 1845 г. (Это небольшое сочиненіе представляетъ рефератъ о книгѣ Штарке—Людвигъ Фейербахъ» 1885).

«Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». По поводу изслѣдованій Моргана 1884 года, четвертое изданіе 1892 г.

«Развитіе соціализма изъ утопіи въ науку» 1883 г.; четвертое, исправленное изданіе 1891 г. Въ англійскомъ изданіи этого сочиненія (переводъ Эд. Эвелинга съ особымъ введеніемъ автора) важно введеніе Энгельса. Сочиненіе представляетъ переработку нѣкоторыхъ частей сочиненія противъ Дюринга; въ заключеніи прибавлена статья о германской маркѣ по Мауреру.

«Положеніе рабочаго класса въ Англіи. По собственнымъ наблюденіямъ и подлиннымъ источникамъ». 1845 г., второе изданіе 1892.

Сочиненія Лассаля—Рѣчи и сочиненія Ферд. Лассаля. Новое полное изданіе съ біографіей Бернштейна 1892 г. три части.

Въ настоящее время изъ германскихъ соціалистовъ какъ писатели и журналисты извѣстны Бернштейнъ, Куновъ, Шмидтъ, Каутскій, Мерингъ, Бебель, Либкнехтъ, Фольмаръ, Эрнстъ и др.

Каутскій--главный редакторъ научнаго журнала Neue Zeit. Изъ его работъ упомяну: Karl Marx Oekonomische Lehren Gemeinverständlich dargestellt und erläutert, четвертое изданіе 1893 г. Эрфуртская программа—объясненіе ея принципіальной части» 1892 г. «Парламентаризмъ, Народное законодательство и соціалъ демократія» 1893 г.

Бернштейнъ далъ очень важныя статьи въ Neue Zeit. (Вопросы соціализма» и друг.). Ср. «Общественная и частная собственность. Къ объясненію соціалистической программы» 1891.

Куновъ—«Организація родства у австралійцевъ. Къ исторіи разви-

тія семьи, 1894 г. «Общественный строй имперіи Инковъ. Изслѣдованіе древне перуанскаго аграрнаго коммунизма» 1894 г. и многочисленныя статьи.

Шмидтъ—«Средняя величина прибыли на основаніи мірового закона Маркса 1889 г. и многія статьи.

Мерингъ историкъ литературы и исторіографъ германской соціалъ демократіи: «Die Lessing—Legende. Eine Rettung. Ueber den historischen Materialismus. 1893.

Бебель—«Женщина и соціализмъ» 25 изданіе 1895 г. «Наши цѣли», шестое изданіе 1886 г. «Шарль Фурье, его жизнь и его теорія» 1890 г.

Либкнехтъ извѣстенъ, какъ журналистъ. Изъ его небольшихъ работъ упомяну: «Къ вопросу о землевладѣніи» 1874 г. «Знаніе есть сила: сила есть знаніе»; «Что такое соціалъ демократы и чего они хотятъ?» и другія брошюры.

Фольмаръ—«О ближайшихъ задачахъ германской соціалъ демократіи» 1891 г. «О государственномъ соціализмѣ» 1892 г.

Бернштейнъ — Гуго — Каутскій—Лафаргъ—Мерингъ— Плехановъ: «Исторія соціализма» 1895. Каутскій: «Предшественники соціализма. Отъ Платона до анабаптистовъ» 1895 г.; «Отъ Томаса Мора до кануна французской революціи 1895 г. Мерингъ: «Исторія германской соціалъ демократіи. 1. Отъ іюльской революціи до прусской конституціонной борьбы 1830—1863 г. «1897 г. 2. Отъ открытаго письма Лассаля до Эрфуртской программы 1863—91 г.» 1898 г. Эту книгу надо отличать отъ «Исторіи германской соціалъ демократіи» того же автора (1879 г.)—тутъ онъ является противникомъ соціалъ демократіи.

Обращаю вниманіе читателя на книги:

Дитцгена — Acquisit der Philosophie und Briefe über Logik.—Особая демократическая пролетарная логика 1895.

Лютгенау—«Естественная и соціальная религія 1894 г.

Петерса—«Вѣра въ человѣчество, естественно научное психологическое и историческое обоснованіе» 1896 г.

Штернъ—«Философія Спинозы», второе изданіе 1896 г.

Очень богата и содержательна англійская соціалистическая литература, но у насъ она мало извѣстна.

Гайндманъ—«Историческая основа соціализма» 1893 г. «Торговые кризисы въ девятнадцатомъ вѣкѣ» 1892.

Бельфортъ-Баксъ, юристъ и товарищъ Мориса: «Религія соціализма» 4 изд. 1896. «Этика соціализма» 1893. «Откровенныя рѣчи (Outspoken Essays) 1897. «Учебникъ исторіи философіи для студентовъ» 2-е изд. 1888.

Моррисъ, поэтъ и романистъ: «Искусство и соціализмъ» 1894 г. Совмѣстно съ Баксомъ—«Соціализмъ, его развитіе и результаты» 1893. Совмѣстно съ Гайндманомъ: «Принципы соціализма (Summary of the Principles of Socialism) 1892 г.

Эвелингъ (зять Маркса) соединяетъ ученіе Маркса съ дарвинизмомъ; онъ написалъ: Марксъ для студентовъ, введеніе къ изученію «Капитала Маркса» 2 изд. 1895.—не особенно ясное извлеченіе изъ первой части «Капитала».

Эд. и Элеонора Марксъ—Эвелингъ: «Женскій вопросъ» 1887 г.

Фабіанцы подъ редакціей Шоу издаютъ Fabian Essays in Socialism. (Шоу—«Экономическія основанія»; Сидней Веббъ—Историческое развитіе. Кларкъ—Развитіе промысловъ; Олливьеръ—Соціализмъ съ этической точки зрѣнія; Безантъ—Промышленность въ соціальномъ государствѣ. Шоу—Переходъ къ соціалъ демократіи).

Fabian Essays по нѣмецки изданы Грунвальдомъ: «Англійскіе соціальные реформаторы» 1897 г.

Шоу—«Иллюзіи соціализма» (Wiener Zeit 1896). «Невозможность анархизма» 1893 г. «Сущность Ибсенизма» 1891.

Сидней Веббъ—«Соціализмъ, истинный и ложный» (Fabyan Tract, № 51). «Соціализмъ въ Англіи 2 изд. 1893 г. «Лондонская программа» 1891 г. Совмѣстно съ женой (Беатрисой Поттеръ)—«Исторія трэдъ уньонизма» нѣмецкій переводъ Р. Бернштейна съ примѣчаніями и послѣсловіемъ Е. Бернштейна. «Промышленная демократія» 1897 (нѣмецкій переводъ Гуго: «Теорія и практика».

Г-жа Веббъ (Поттеръ): «Кооперативное движеніе въ Великобританіи» 1893, нѣмецкій переводъ Брентано.

Сидней Веббъ—Соціализмъ въ Англіи, изложенный англійскими соціалистами, нѣмецкое оригинальное изданіе Куреллы (В. Моррисъ—С. и Б. Веббъ, изъ марксистовъ Гайндманъ и Бельфортъ—Баксъ; христіанскій соціалистъ Уэсткоттъ; изъ независимой рабочей партіи Блэтчфортъ и Томъ Маннъ; несоціалисты Шоу, Моудслей, Абрагамъ и Аустинъ; трэдъ-уньонисты Джонъ Бёрнсъ и доцентъ Оксфордскаго университета Болль.

Замѣчательно также собраніе выдающихся писателей подъ заглавіемъ:

Forecasts of the Coming Century by a decade of Writers 1897 г. (Моррисъ—Общественный идеалъ въ искусствѣ. Смартъ — Программа соціалистическаго парламента. Уоллесъ—Націонализація земли. Томъ Маннъ—Тредъ—уньонизмъ и кооперація. Миссъ Стэси—Столѣтіе женскаго движенія. Миссъ Макъ-Миланъ—Средства и цѣли воспитанія. Грантъ—Алленъ—Естественное первенство. Шоу—Иллюзіи соціализма. Сальтъ—Соціализмъ и литература. Карпентеръ—Переходъ къ свободѣ).

Обращаю вниманіе на сочиненіе оригинальнаго мыслителя Карпентера: «Цивилизація, ея причина и другія статьи» 4-е изд. 1895 г.

Пирсонъ—«Шансы смерти и другіе этюды объ эволюціи» 1890.

Изъ американцевъ Гронлендъ (родомъ датчанинъ): «Наша судьба. Вліяніе соціализма на мораль и этику» 2 изд. 1891. «Будущій переворотъ» 1880 г. «Кооперативная республика» 1884. «Ça ira» 1888.

Изъ французскихъ марксистовъ въ настоящее время наиболѣе извѣстны два зятя Маркса Лафаргъ и Гэдъ и Девилль.

Лафаргъ: «Право на лѣнь» 1883. Совмѣстно съ Девиллемъ: «Курсъ соціальной экономіи» 1884 (Лафаргъ трактуетъ объ историческомъ матеріализмѣ, естественной сферѣ (дарвинизмъ) и искусственной средѣ (классовая борьба); Девилль излагаетъ историческую часть: происхожденіе капитала и пролетаріата, кооперація и промышленность, машины и крупная промышленность, конецъ капитализма). Вмѣстѣ съ Гэдомъ Лафаргъ издалъ: «Программа рабочей партіи, ея исторія, ея соображенія, ея статьи 2 изд. 1891 г. На нѣмецкомъ языкѣ: «Экономическій матеріализмъ по воззрѣніямъ Маркса» 1886. «Развитіе собственности» 1890 г.

Гэдъ: «Коллективизмъ и революція» 1879 г. «Общественная служба и соціализмъ» 1883 г. «Коллективизмъ въ College de France» 1883 г. «Опытъ соціалистическаго катехизиса» 1878.

Девилль—Le Capital de K. Marx resumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique» 1887 г. «Анархизмъ» 1885. «Соціалистическіе принципы» 1896.

Упомяну еще о Малонѣ: Le socialisme integral 2 части, 2 изд. 1891. Precis historique, theoretique et pratique de socialisme 1892. La morale sociale (съ біографіей Кладеля и введеніемъ Жореса) 1887. Учебникъ политической экономіи 1883.

Изъ послѣдователей Малона упомянемъ о Ренарѣ, профессорѣ въ Лозаннѣ: «Критика борьбы» (Critique de Combat) 3 ч. 1894—97 г. «Этюды о современной Франціи» 1888. «Соціалистическій режимъ. Принципы его политической и экономической организаціи» 1898.

Изъ итальянской соціалистической литературы:

Бертолини—Современный соціализмъ 2 изд. 1895.

Энрико Ферри—Соціализмъ и современная наука. Нѣмецкій дополненный переводъ Куреллы 1895.

Мерлино—За и противъ соціализма—критическое изложеніе принциповъ и системъ соціализма 1897.

Голландецъ Домела Ньювенгюйсъ теперь склоняется къ этическому анархизму и къ ученію Толстого. Изъ его сочиненій укажемъ: «Мое прощаніе съ церковью». «Жизнь Іисуса». «О французской революціи» и др. Онъ написалъ критику германской соціалъ-демократіи: Различныя направленія въ германской соціалъ-демократіи. Нѣмецкій переводъ Ауэрбаха съ предисловіемъ автора 1892.

Изъ славянскихъ соціалистовъ упомянемъ:

Сабина—Duchovny komunismus 1861.

Бельтовъ—Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп. 1895.

Плехановъ—Исторія матеріализма (Гольбахъ-Гальвецій—Марксъ) 1896. Нѣмецкая брошюра объ анархизмѣ и сочиненіе: Н. Г. Чернышевскій, литературно-историческій этюдъ 1894 г.

Струве—Критическія замѣтки объ экономическомъ развитіи Россіи. 1894 г.

Научные и литературные журналы: Neue Zeit Штутгардтъ съ 1883 г. Socialistische Monatshefte съ 1895 г. съ приложеніемъ Socialistische Akademiker. Akademie (Прага), органъ соціалистической молодежи съ 1897 г. Revue Socialiste (органъ Малона) съ 1885 г.

Интересно обсужденіе Марксизма съ точки зрѣнія анархистовъ: Черкесовъ—Pages d'histoire Socialiste 1. Doctrines et actes de la Social-Demokratie 1896.

Систематическая разработка соціальныхъ вопросовъ не соціалистами:

Ланге—Рабочій вопросъ. Его значеніе для настоящаго и будущаго. 5 изд. 1894.

Шеффле—Сущность соціализма 13 изд. 1891 г. «Безнадежность соціалъ-демократіи» 3 изд. 1891. «Пораженіе соціалъ-демократіи безъ исключительныхъ законовъ» 1890.

Геркнеръ—Рабочій вопросъ 2 изд. 1897.

Зомбартъ—Соціализмъ и Общественное движеніе въ 19 вѣкѣ 1896.

Максъ Лоренцъ—Марксистская соціалъ-демократія 1896.

Джонъ Рэ (Rae)—Современный соціализмъ 1891.

Руссель—Германская соціалъ-демократія, съ приложеніемъ о соціалъ-демократіи и женскомъ вопросѣ въ Германіи Алисы Руссель 1896 г.

Слонимскій въ 1896 г. напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» рядъ статей о марксизмѣ. На русскомъ языкѣ онѣ появились въ 1898 г.: Экономическое ученіе К. Маркса. Нѣмецкій переводъ и введеніе Шапиро въ 1897 г.

Лавеле—Современный соціализмъ 9 изд. 1894 г. (въ англійскомъ переводѣ Орпена прибавленъ обзоръ англійскаго соціализма).

Виллей—Современный соціализмъ.

Вуаренъ—Une vue d'ensemble de la question sociale, le problème, la methode 1895.

Молинари—Какъ разрѣшится соціальный вопросъ? 1896.

Жане—Происхожденіе современнаго соціализма 3 изд. 1896.

Адлеръ—Основанія марксовской критики существующаго народнаго хозяйства 1897 г. и статьи въ Handwörterbuch der Staatswiss.

Венкштернъ—Марксъ 1896.

Платтеръ—Kritische Beiträge zur Erkenntniss unserer socialen Zustände und Theorien. 1894. Демократія и соціализмъ 1897.

Іентчъ (Ientsch)—Ни коммунизмъ, ни капитализмъ 1896.

Нѣкоторые писатели пытались понять соціализмъ въ средѣ общаго общественнаго развитія и поставить его на широкомъ соціологическомъ и философскомъ фундаментѣ; дѣлались даже попытки посредствомъ критики соціализма создать соціологію (соціальную философію):

Л. Штейнъ—Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи о соціальной философіи и ея исторіи 1897 г.

Ю. Вольфъ—Система соціальной политики 1. Обоснованіе: Соціализмъ и капиталистическій общественный строй. Критическая ихъ оцѣнка, какъ основа соціальной политики 1892.

Штамммлеръ—Хозяйство и право по матеріалистическому взгляду на исторію. Соціально политическое изслѣдованіе 1896.

Христіанскій соціализмъ: 1. Эвангельскій: Пауль Гёре (Göhre)—Евангелически-соціальное движеніе 1896. Науманъ—Что такое христіанскій соціализмъ? 2 изд. 1896 г. Рабочій катехизисъ—его же 1889 г.

Кауфманъ—Христіанскій соціализмъ 1888 г.

Флинтъ—Соціализмъ 1894 г.

Стюартъ Гидламъ—Христіанскій соціализмъ (Fabian Tract № 42). Священство и прогрессъ. Служба человѣчеству.

Сарсонъ—Эвхаристія и общая жизнь съ комментаріемъ на причащеніе 1883 г.

Уэтскоттъ—Соціальная сторона христіанства 1887. Соціализмъ—чтеніе на конгрессѣ въ Гуллѣ 1890.

Герронъ (американецъ)—Христіанское общество, съ введеніемъ Берри 1894. Посланіе Христа къ богатымъ 1896.

Блайсъ (американецъ).—Что такое христіанскій соціализмъ?—Исторія христіанскаго соціализма и пр.

Эли (американецъ)—Соціальная сторона христіанства 1889.

2. Католическій: Энциклика папы Льва XIII 15 мая 1891 г. Rerum novarum (De conditione opificum).

Кеттелеръ—Рабочій вопросъ и христіанство 1864. Либерализмъ, соціализмъ и христіанство. Рѣчь на 21 общемъ собраніи католическихъ союзовъ Германіи 1871. Католики въ Германской Имперіи. Проэктъ политической программы 1873 г.

Жираръ—Кеттелеръ и рабочій вопросъ съ историческимъ введеніемъ о католическомъ соціальномъ движеніи 1896.

Нитти—Католической соціализмъ—Этюды современнаго соціализма 1891 г.

Леонъ Грегуаръ—Папа, католики и соціальный вопросъ 1895 г.

Анри Жоли—Христіанскій соціализмъ 1892.

Каттрейнъ—Соціализмъ, изслѣдованіе его основаній и его осуществимости 1898.

Вейссъ—Соціальный вопросъ и общественный строй или институціи ученія объ обществѣ 2 части 1892.

Ленцъ—Соціализмъ въ исторіи и его характеръ или только католическая церковь можетъ разрѣшить соціальный вопросъ 1893.

3. Соціализмъ у православныхъ существуетъ только въ зачаткѣ; мнѣ извѣстно только:

Неплюевъ—Трудовыя братства (нѣмецкій переводъ 1893).

Изъ систематическихъ экономическихъ сочиненій укажу на работы нѣкоторыхъ писателей прогрессивнаго и соціальнаго направленія:

Маршаль—Principles of Economics. 2 изд. 1895. Elements of Economics of Industry. 2 изд. 1896.

Жидъ—Политическая экономія 5 изд. 1896.

Вагнеръ—Основы политической экономіи 1 часть Основы народнаго хозяйства; 2 часть народное хозяйство и право.

Филиповичъ—Очеркъ политической экономіи 1. Общее ученіе о народномъ хозяйствѣ 2 изд. 1897.

Множество данныхъ по экономикѣ въ вышеупомянутомъ Handwörterbuch der Staatswissenchaften: Конрадъ, Эльстеръ, Лексисъ, Лёнингъ. 6 частей 1890—94. Двѣ дополнительныя части 1895—97. Главный недостатокъ—мало свѣденій о политикѣ и государственномъ правѣ.

Oesterreichisches Staatswörterbuch—Мишлеръ-Ульбрихъ 3 части 1895—1897 г.

Staats lexikon—Изданіе общества Гёрреса 5 частей 1887—98.

Шёнберга—Учебникъ политической экономіи 3 части, 4 изд. 1896—1898 г.

Сэй а Шайллп — Nouveau Dictionnaire d'Economie politique 2 части 1891—92.

Wörterbuch der Volkswirthschaft, изд. Эльстера 1898.

Энциклопедіи соціализма авторовъ-соціалистовъ:

Штегеманъ и Гуго—Handbuch des Socialismus. 1894.

Луксъ—Social politisches Handbuch. 1892.

Блайсъ —A Handbook of Socialism. 1895.

Вурмъ —Volkslexikon 3 части 1894—97.

Штамгамеръ—Библіографія соціализма и коммунизма 1893.

Его же—Библіографія соціальной политики 1897.

Что читать? Списокъ книгъ для соціальныхъ реформаторовъ, Fabian Tract 29. 1896.

Лондонскій издатель Зонненштейнъ издалъ каталогъ современныхъ сочиненій, въ которомъ приведена новѣйшая соціальная литература: a) Best Books 1891. b) Reader's Guide to Contemporary literature 1895.

Примѣчаніе. *Первую часть „Капитала“ я вездѣ цитирую по второму изданію.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Историческій матеріализмъ.

II.

Теорія познанія и метафизика Маркса-Энгельса: позитивный матеріализмъ.

A.

Научное и философское развитіе Маркса.

5. Марксъ въ 1841 г. получилъ въ Берлинѣ званіе доктора философіи; если онъ и оставилъ намѣреніе читать въ Боннѣ философію (онъ видѣлъ, какъ прусское правительство поступило съ его другомъ Бруно Бауэромъ, бывшимъ въ то время доцентомъ богословія въ Боннѣ), то все же онъ занимался главнымъ образомъ философіей, что доказываютъ его статьи и работы въ началѣ сороковыхъ годовъ. Но уже въ 1842 году онъ становится не только сотрудникомъ, но и редакторомъ оппозиціонной «Рейнской газеты» и съ этого времени онъ посвящаетъ свое вниманіе политическимъ и общественнымъ вопросамъ, и не только теоретическимъ, а и практическимъ.

Марксъ въ философіи исходитъ отъ Гегеля (и тоже самое слѣдуетъ сказать и объ Энгельсѣ) и особенно отъ лѣвыхъ гегеліанцевъ, стоявшихъ въ сороковыхъ годахъ во главѣ философской и политической оппозиціи противъ прусскаго и австрійскаго абсолютизма (противъ Меттерниха). Марксъ не ограничивался, однако,

философіей Гегеля, онъ развивался далѣе въ духѣ новаго направленія.

Новая германская философія исходитъ отъ Канта. А значеніе Канта основано на томъ, что онъ своимъ критицизмомъ боролся противъ скептицизма XVIII вѣка, представителемъ котораго былъ Юмъ и въ связи съ этой своей главной теоретической задачей видѣлъ истинное значеніе жизни и всего міра въ нравственности. Такъ что уже Кантъ указывалъ людямъ нашего вѣка на практику.

На этомъ основаніи и въ этомъ направленіи развивалась послѣ Канта вся философія. Фихте рядомъ со своей идеалистической теоріей создалъ импозантную общественную и политическую философію —его протесты противъ Наполеона ясно указываютъ на практическій характеръ его мышленія. Лассаль основательно настаиваетъ на этомъ именно моментѣ философіи Фихте.

Шеллингъ и еще болѣе Шопенгауеръ съ особой настойчивостью выдвигаютъ элементъ воли; Шопенгауеръ, вполнѣ въ духѣ тогдашняго романтизма, признаетъ разумъ за второстепенный элементъ и для него воля настоящая сущность человѣка и всего міра. Наоборотъ Гегель стоитъ на сторонѣ разума и за разумъ, но и онъ стремится главнымъ образомъ къ созданію философіи общества и исторіи; его ученики, слѣдуя тому же настроенію, занимаются историческими и государственными и политическими вопросами.

Такое развитіе въ эпоху, видѣвшую великую революцію и ея продолженія, было вполнѣ естественно; оно въ философіи уже указываетъ на наступленіе 48 года — французская революція продолжаетъ непрерывно бродить въ умахъ того поколѣнія. Французская революція была и все еще остается великимъ урокомъ, доступнымъ для всѣхъ, умѣющихъ мыслить и желающихъ дѣйствовать. Франція республиканизируется, Англія демократизируется, Пруссія вводитъ реформы, и нѣмецкія государства волей и неволей подготовляются къ конституціонализму, который въ концѣ концовъ вводится даже въ Австріи; старый аристократическій режимъ шагъ за шагомъ отступаетъ предъ новымъ демократическимъ строемъ. Вмѣстѣ съ обществомъ демократизируется и соціализируется и философія.

Для общественной, т. е. для этической философіи религія была главной проблеммой—и при томъ не только метафизической и теоретической, а и практической проблеммой, такъ какъ церковь, и не только католическая, а и протестантская, была главной опорой стараго порядка.

Духъ новой антитеологической, антихристіанской и даже антирелигіозной философіи ярко проявлялся даже въ искусствѣ и въ литературѣ. Фаустъ Гете освѣщаетъ своимъ проникновеннымъ свѣтомъ всѣ стремленія ищущаго человѣчества; борящійся съ Богомъ титанъ кончаетъ свое земное поприще владыкой и политикомъ. Едва

Гете смежилъ очи, какъ появляется Ленау, и опять таки съ Фаустомъ; рядомъ съ Ленау Гейне бросаетъ въ массы свои титаническія, революціонно-анархистскія стихотворенія; Гейне скоро становится другомъ Маркса, и поклонникомъ Лассаля и видитъ въ этомъ философѣ-агитаторѣ ожидаемаго Мессію. Стремленія эпохи проявляются и у Геббеля, въ его буржуазной драмѣ (Марія Магдалина 1844 года); въ это же время появляются Отто Людвигъ и Готфридъ Келлеръ, искавшіе въ своихъ произведеніяхъ народа. Келлеръ также, какъ и Марксъ, исходитъ отъ Фейербаха [1]). Искусство и литература демократизируются.

Даже теологія не можетъ противустоять новому настроенію. Шлейермахеръ, основатель новой протестантской теологіи, пытается соединить съ Евангеліемъ и съ религіозностью моравскихъ братьевъ Платона, Канта и Спинозу; онъ ищетъ истинной нравственности даже въ Люциндѣ Шлегеля—Штраусъ могъ бы поставить свой знаменитый вопросъ: христіане ли мы, гораздо раньше. Католическіе и впадавшіе въ католицизмъ романтики, вродѣ Гёрреса, Генца, Галлера и др., даже истый протестантъ Сталь, требовавшій обращенія науки къ протестантизму, не могли сопротивляться развитію прогрессивнаго мышленія, представителями котораго были лѣвые гегеліанцы.

Философія послѣ Канта получила особый отпечатокъ и оригинальный интересъ еще и потому, что она все болѣе и болѣе соединяется съ отдѣльными научными дисциплинами. Старая метафизика превращается въ научную философію, какъ теперь ее обыкновенно называютъ Философствуютъ научно, implicite въ отдѣльныхъ научныхъ дисциплинахъ или сознательно соединяютъ философію съ науками. Новое направленіе естественно проявляется въ различныхъ методахъ. Это направленіе проявлялось уже у Гербарта и Бенеке. Гербартъ, напр., пытается создать математическую психологію при очевидномъ вліяніи Гаусса (его учебникъ психологіи появился въ 1834 г.). Бенеке основываетъ философію на психологіи.

Въ особенности начинаютъ оказывать вліяніе на философію естественныя науки (Іоганъ Мюллеръ, Робертъ Майеръ, Либихъ, Гумбольтъ и др.).

Это направленіе проявляется уже вездѣ въ сороковыхъ годахъ (тутъ мы говоримъ только о первой половинѣ нашего столѣтія). Медицинская психологія или физіологія души Лотце появляется въ 1852 году. Эта книга тѣмъ болѣе любопытна, что Лотце не матеріалистъ. Въ тоже время появляются Фохтъ, Молешотъ, Бюхнеръ

[1]) Подробную характеристику этого направленія нашего столѣтія см. въ статьяхъ: „Современный человѣкъ и благочестіе“ (Moderni clovek a nabozenstvi Nase Doba, 1897 г.).

съ ихъ антиреакціоннымъ матеріализмомъ; но главную роль игралъ Фейербахъ, перешедшій отъ пантеизма Гегеля къ гуманистическому матеріализму.

Ко всему этому мы, конечно, должны присоединить и развитіе нѣмецкаго общества въ Пруссіи и въ другихъ германскихъ странахъ; мы должны помнить о развитіи милитаризма и бюрократіи, объ общественныхъ и финансовыхъ реформахъ послѣ французскихъ войнъ, о развитіи земледѣлія и промышленности, о позднѣйшемъ развитіи желѣзно дорожной сѣти и путей сообщенія вообще, о конституціонныхъ и административныхъ реформахъ — однимъ словомъ, о всей полнотѣ жизни, выразителями которой были главнѣйшіе изъ новыхъ философовъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствовали на германскую философію философіи французская и англійская.

Понятно, что революціонная Франція возбуждала повсемѣстно и постоянно сильнѣйшій интересъ. Развитіе французской философіи подобно развитію германской, но она была радикальнѣе, такъ какъ Франція была очагомъ революціи.

Послѣ французской революціи философія становится преимущественно соціологической; вопросъ о соціальной реформѣ настоятеленъ, такъ какъ революція продолжается и до настоящаго времени органически не закончена. Ле-Метръ и послѣ него цѣлый рядъ католическихъ философовъ борятся за старый порядокъ; школьная философія умѣренно либеральна и эклектична (Кузенъ и др.); но за новый порядокъ стоитъ радикальная философія и она въ большинствѣ случаевъ соціалистическая: Сенъ Симонъ, Фурье, Прудонъ и вообще соціализмъ. Отъ всѣхъ нихъ отличается Контъ съ его позитивизмомъ, опирающимся на науку и противящимся скептицизму Юма при помощи научнаго и политическаго труда.

Во французской литературѣ тоже есть свои Фаусты — Ролла и Октавъ Мюссе и цѣлый рядъ различныхъ фигуръ: Рене, Оберманъ, Адольфъ —до нашихъ временъ. Ж. Зандъ переходитъ открыто въ лагерь соціалистовъ.

Въ Англіи Байронъ, Шелли и др. продолжаютъ переворотъ, начатый Юмомъ, и отразившійся въ философіи обоихъ Миллей и другихъ позитивистовъ, а потомъ въ философіи эволюціонистовъ; соціализмъ крѣпнетъ и научно и политически — вскорѣ послѣ іюньской революціи, въ 1832 году совершается парламентская реформа, благодаря которой англійскій аристократизмъ демократизируется еще больше, чѣмъ сама Франція съ ея республиканскимъ строемъ. Оуэнъ, Карлейль, Чартисты — эти немногія имена обозначаютъ новый философскій и соціальный періодъ.

Карлъ Марксъ (родившійся въ 1818 году и въ сороковыхъ годахъ умственно созрѣвшій) воспринялъ почти всѣ эти вліянія. Гегель

велъ его къ философіи исторіи и къ политической философіи; эта философія исторіи благодаря фейербаховской критикѣ религіи становится матеріалистической и соціальной. Пріѣхавъ въ Парижъ въ 1847 году, Марксъ знакомится съ французскимъ соціализмомъ и позитивизмомъ.

На нѣкоторое время его учителями становятся Сенъ-Симонъ, Прудонъ и Контъ; изъ Франціи и Бельгіи изгнанникъ уѣзжаетъ, наконецъ, въ Англію и тамъ, съ 1849 года до своей смерти въ 1883 году, съ небольшими перерывами занимается все время подробнымъ изученіемъ англійскаго соціализма, политической экономіи и вообще англійскаго общественнаго развитія. На короткое время онъ снова въ международномъ обществѣ играетъ роль практическаго политическаго вождя. Жизнь превратила нѣмца гегеліанца въ франко-англійскаго позитивиста, вложившаго свою философію въ экономическія изслѣдованія.

6. «Мы, нѣмецкіе соціалисты, гордимся тѣмъ, что происходимъ не только отъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, но и отъ Канта, Фихте и Гегеля».

Такъ въ 1891 году Энгельсъ рисовалъ свою и Маркса родословную; это означаетъ, что германскій соціализмъ не только экономическая, а и философская система. Я могу сказать, что онъ прежде всего философская система, и читатель вскорѣ убѣдится, что, дѣйствительно, соціализмъ Маркса происходитъ главнымъ образомъ отъ германской философіи.

При отсутствіи полнаго и критическаго изданія сочиненій и статей Маркса (и Энгельса) и при отсутствіи подробной біографіи невозможно съ полной точностью опредѣлить философское и научное развитіе Маркса во всѣхъ его деталяхъ; многое остается сомнительнымъ и нерѣшеннымъ. Только детальное сравненіе ученій Маркса съ ученіями его предшественниковъ можетъ дать намъ полную картину его развитія; до тѣхъ поръ, пока не существуетъ подобной монографіи, приходится довольствоваться эскизомъ, который мы попытаемся предложить читателю [1]).

---

[1]) Наиболѣе достовѣрная изъ біографій Маркса это написанная Энгельсомъ для „Народнаго календаря“ Браке 1878 г. и для „Словаря государственныхъ наукъ. Біографія самого Энгельса тоже въ этомъ „Словарѣ“ Литературные источники для обѣихъ біографій у Меринга—„Исторія“ 11. Философское развитіе Маркса: наиболѣе достовѣрныя, хотя и краткія указанія у Маркса и особенно у Энгельса (въ введеніяхъ къ сочиненіямъ Маркса). Объ отношеніи къ Гегелю и Фейербаху говоритъ Энгельсъ („Фейербахъ“); о первомъ періодѣ Маркса и Энгельса у Струве.— Этюды и замѣчанія къ исторіи развитія научнаго соціализма (Neue Zeit 1896—97). „Двѣ неизвѣстныя раньше статьи Маркса въ сороковыхъ годахъ. Къ исторіи развитія научнаго соціализма“ (N. L. 95—96). Объ этомъ предметѣ вообще см. Плехановъ: „къ исторіи матеріализма“ 1896. Мерингъ

Марксъ, какъ писатель, выступилъ гегеліанцемъ, послѣдователемъ Фейербаха и членомъ многочисленной гегеліанской лѣвой, представителями которой были такіе люди, какъ Фейербахъ, Бруно Бауеръ, Штраусъ, Штирнеръ, Рихтеръ и др. Важнѣйшія работы этой партіи вышли въ тридцатыхъ, и главнымъ образомъ въ сороковыхъ годахъ [1]). Въ это же время начинается литературная дѣятельность Маркса и Энгельса; впервые Марксъ выступилъ съ статьями въ «Рейнской газетѣ» въ 1842 году.

Какъ сказано, Марксъ былъ фейербахіанецъ; вліяніе на него Фейербаха было самое сильное, послѣ вліянія Гегеля.

Фейербахъ постепенно шагъ за шагомъ, перешелъ онъ пантеизма Гегеля къ матеріализму [2]). Гегель въ его абсолютномъ идеализмѣ, въ его абсолютномъ разумѣ соединилъ ученье Фихте объ *я* съ есте-

---

—Исторія германской соціалъ-демократіи. Изъ писателей несоціалистовъ Адлеръ—Grundlagen 1887. О философіи Маркса: Бартъ—Философія исторіи Гегеля и гегеліанцевъ до Маркса и Гартмана, 1890. Его же: „Философія исторіи, какъ соціологія“ 1897. Вериго—Марксъ, какъ философъ 1894. Шитловскій (соціалистъ). Къ исторіи и критикѣ марксизма (Deutsche Worte 1895).

[1]) Гегель умеръ въ 1831 г. Фейербахъ.—Мысли о смерти и безсмертіи 1830. Штраусъ. — Жизнь Іисуса 1835. Hall'sche Jahrbücher (Руге - Эхтермейеръ) въ 1838 г. (въ 1841 г. переименованы въ Deutsche Jahrbücher, запрещены въ 1843 г.). Штраусъ.—Христіанское вѣроученіе въ его историческомъ развитіи и его борьба съ современной наукой 1840 г. Фейербахъ.—Сущность христіанства 1841. Б. Бауеръ.—Критика евангельской исторіи синоптиковъ 1841. Рейнская газета 1842 г. Deutsche.—Französische Jahrbücher 1844. (Руге—Марксъ). Фейербахъ.—Сущность религіи 1845. Штирнеръ.—Индивидъ и его собственность (Der Einzige und sein Eigenthum) 1845. Марксъ—Энгельсъ. Святое Семейство 1845. Руге.—Два года въ Парижѣ 1845. Новая Рейнская газета Маркса 1848—49. Руге.—Реформа 1848.

[2]) Фейербахъ переходитъ отъ пантеизма къ атеизму около 1838 года (въ сочиненіи о Бэйлѣ); съ этого времени его воззрѣнія о сущности религіи прочно устанавливаются, какъ они систематически изложены имъ въ 1845 г. въ „Сущности религіи“. Штарке различаетъ три стадіи метафизическаго развитія Фейербаха. 1. 1828—37. Всеобщее есть реальное, субстанція; 2. 1838—43. Реальное въ индивидѣ борется съ всеобщимъ, разумъ колеблется между ними; 3. 1844—72. Разумъ обращается къ чувственно реальному. Полное собраніе сочиненій Фейербаха 10 томовъ 1846—66 г. Ср. Грюна—Философское развитіе Фейербаха, его переписка 1820-50 2 т. 1874.

Для знакомства съ Фейербахомъ необходимы: Критика философіи Гегеля 1839 г. Предварительныя тезы для реформы философіи 1842 г. Принципы философіи будущаго 1843. Дневникъ 1834—36. Тайна жертвы или человѣкъ есть то, что онъ ѣсть 1866. Исторія новой философіи отъ Бэкона Веруламскаго до Бенедикта Спинозы (введеніе). О Фейербахѣ: Штарке—Людвигъ Фейербахъ 1885 и Болинъ—Фейербахъ, его дѣятельность и его современники 1891. Іодль—Исторія этики въ новой философіи II.

ственной философіей Шеллинга, и Фейербахъ унаслѣдовалъ это соединеніе, но далъ ему натуралистическое и матеріалистическое истолкованіе.

У Фейербаха, какъ и у всѣхъ лѣвыхъ гегеліанцевъ, религіозный вопросъ стоитъ на первомъ планѣ философскаго мышленія; самъ Фейербахъ не вполнѣ рѣшилъ этотъ вопросъ, онъ навсегда застрялъ въ немъ, такъ что Штирнеръ былъ не совсѣмъ не правъ, называя его теологомъ (по просту попомъ) [1]).

Фейербахъ видитъ сущность религіи въ антропоморфизмѣ. Человѣкъ вслѣдствіе своего эгоизма при помощи фантазіи идеализируетъ свою природу и превращаетъ ее въ Бога. Наука о такомъ антропоморфическомъ Богѣ и есть теологія.

Для язычества Богъ былъ національнымъ, такъ какъ человѣкъ былъ націоналистомъ,—человѣкъ былъ грекомъ, евреемъ, римляниномъ. Національный богъ есть противорѣчіе духа, составляющаго сущность человѣка, такъ какъ эта сущность основана на единеніи всѣхъ націй и народовъ. Греческая философія дѣлаетъ національно ограниченнаго человѣка космополитомъ, но только христіанство въ его Логосѣ завершаетъ это развитіе; Логосъ, всеобщій, объединяющій людей Разумъ, отождествляется съ Богомъ и становится объектомъ религіи. Но христіанство, въ силу того, что оно признавало этотъ Духъ только духомъ, а не тѣломъ, порождало рѣзкій контрастъ и раздоръ между духомъ и матеріей, между сверхчувственнымъ и чувственнымъ; христіанство было антикосмическимъ, отрицательнымъ, отвращающимся не только отъ суеты міра сего, но и отъ самого положительнаго міра. Потому то христіанство уничтожило всѣ науки, кромѣ теологіи, и въ особенности естествознаніе. Но такъ какъ теологія анализировала свой объектъ и старалась мыслить о немъ, понять его, она превращалась въ философію. Правда, эта философія служила только теологіи, она не была продуктивной и довольствовалась традиціей (аристотелизмъ) — это обусловливало ея абстрактность и логически-метафизическій характеръ (схоластика). Тѣмъ не менѣе схоластика приводила человѣка къ мышленію и къ сомнѣнію; ту же услугу оказало человѣку и искусство (Возрожденіе). Схоластика и искусство создали «чисто человѣческій духъ», «духъ свободный, самосознательный, вселюбящій, все охватывающій, вездѣприсущій, всеобщій, мыслящій и научный, духъ, замѣнившій отрицательно религіозный».

Этотъ новый принципъ для того, чтобы господствовать надъ міромъ и умами, долженъ былъ быть тоже религіознымъ; человѣкъ

---

[1]) „Богъ былъ моей первой мыслью, разумъ второй, а человѣкъ былъ моей третьей и послѣдней мыслью. Субъектъ божества есть разумъ, а субъектъ разума человѣкъ“ 11. 410. (1843—44).

можетъ бороться съ религіей только при помощи религіи, отречься отъ старой религіи онъ можетъ только при посредствѣ новой. И такой новой религіей былъ протестантизмъ.

Протестантизмъ сдѣлалъ изъ Бога человѣка; Христосъ—человѣкъ есть Богъ протестантизма. Католицизмъ стремился къ познанію Бога an und für Sich; протестантизмъ заботится только о томъ, что есть Богъ для человѣка; у него уже нѣтъ спекулятивныхъ и созерцательныхъ стремленій; онъ не есть теологія, а только христологія, т. е. религіозная антропологія. Христіанство въ протестантизмѣ утрачиваетъ свою абстрактность и свой отрицательный характеръ.

Но протестантизмъ отрицаетъ Бога только практически, теоретически онъ Его сохраняетъ. Тѣмъ, что онъ различаетъ существенное отъ несущественнаго, онъ укрѣпляетъ мышленіе и въ концѣ концевъ создаетъ философію. По своему существу протестантизмъ есть противорѣчіе вѣры и разума, какъ католицизмъ есть противорѣчіе духа и плоти. Вслѣдствіе этого внутренняго противорѣчія въ протестантизмѣ проявляется тотъ же духъ, который проявляется въ схоластикѣ и въ искусствѣ эпохи Возрожденія (Возрожденіе пробудило стараго язычника и христіане признали его своимъ близкимъ, роднымъ по крови), тотъ духъ, который проявляется въ свободномъ гражданскомъ обществѣ, тотъ духъ, который призналъ при борьбѣ между государями и іерархіей автономію и авторитетъ государства и его главы, духъ индивидуальной независимости и личнаго чувства свободы.

Новый духъ этотъ не могъ сдѣлаться продуктивнымъ самъ по себѣ—онъ воспринимаетъ старую культуру и становится благодаря такому воспріятію продуктивнымъ и самосознающимъ. А разъ духъ созналъ себя, онъ обращается къ природѣ. Природа становится непосредственнымъ объектомъ разсмотрѣнія; ея изслѣдованіе дѣлается существеннымъ объектомъ философіи, опытъ становится орудіемъ мыслящаго человѣчества. Естествознаніе получаетъ міровое значеніе [1]).

Опытъ предполагаетъ стремленіе къ познанію природы; и это стремленіе само происходитъ отъ сознанія противорѣчія между бытіемъ и видимостью, изъ сомнѣнія, что вещи не таковы, какими онѣ кажутся; такимъ образомъ это стремленіе предполагаетъ критику, скептицизмъ (Бэконъ, Декартъ). А такой скептицизмъ предполагаетъ, что духъ въ человѣкѣ, иначе говоря, человѣческій индивидъ понимаетъ себя отличнымъ отъ природы; только при такомъ противорѣчіи духа и природы духъ имѣетъ интересъ къ познанію природы, потому что только при подобномъ различеніи созерцаніе природы дѣйствуетъ на него, поражаетъ его.

[1]) Фейербахъ въ статьѣ о Гегелѣ (II,231) высказываетъ такое положеніе: „Единственное спасеніе состоитъ въ возвращеніи къ природѣ.

Такимъ образомъ задача новаго времени состоитъ въ осуществленіи и въ очеловѣченіи Бога—потому что въ дѣйствительности Богъ есть только человѣкъ, но человѣкъ безсознательный, не мыслящій, стало быть de facto не очеловѣченный, и изъ Бога, т. е. изъ человѣка, долженъ развиться настоящій, дѣйствительный, мыслящій и философствующій человѣкъ. Теологія должна превратиться въ антропологію, но въ антропологію философскую. Протестантизмъ уже дошелъ до религіозной антропологіи, а философія должна пойти дальше; Спекулятивная философія становится истинной, послѣдовательной и разумной теологіей, т. е. она превращаетъ надъ-мірового и выше человѣческаго Бога, Бога безпредметнаго, въ человѣка, въ дѣйствительнаго, подлиннаго человѣка [1]). Богъ былъ иллюзорнымъ, фантастическимъ, небеснымъ человѣкомъ, потому на практикѣ Онъ былъ нечеловѣкомъ. Потому-то, говоритъ Фейербахъ, атеизмъ не есть что либо отрицательное, онъ есть положительный гуманизмъ [2]).

Новая (фейербаховская) философія «дѣлаетъ человѣка и природу, какъ основу человѣка, всеобщимъ и высшимъ объектомъ философіи—она дѣлаетъ такимъ образомъ антропологію и физіологію универсальной наукой».

Религія, по мнѣнію Фейербаха, проходитъ три фазы развитія.

Старые восточные народы, греки и римляне представляютъ антропоморфнаго бога патріархомъ; для нихъ Богъ отецъ всего, Онъ непосредственно дѣлаетъ все, Онъ неотдѣлимъ отъ природы. Евреи, магометане и христіане (въ средніе вѣка) сдѣлали изъ Бога абсолютнаго монарха; Его автократическое могущество проявляется въ чудесахъ, внѣ Его не существуетъ ничего самостоятельнаго. Наконецъ у раціоналистовъ Богъ становится конституціоннымъ монархомъ, Онъ связанъ законами природы. Раціонализмъ, собственно говоря, уже не теизмъ, онъ непослѣдовательный натурализмъ. («Только безсознательность, безхарактерность, половинчатость можетъ желать соединить вѣру въ Бога съ природой и естествознаніемъ»).

Человѣкъ Фейербаха не индивидъ, а политическій и соціальный

[1]) „Теологія есть вѣра въ призраки. Но у обыкновенной теологіи призраки въ чувственномъ воображеніи, а у спекулятивной въ нечувственной абстракціи“ II. 249.

[2]) „Кто утверждаетъ обо мнѣ только то, что я атеистъ, тотъ почти ничего обо мнѣ не знаетъ. Вопросъ о существованіи или несуществованіи Бога, о противорѣчіи между теизмомъ и атеизмомъ, принадлежитъ XVII и XVIII вѣкамъ, а отнюдь не XIX-му. Я отрицаю Бога—у меня это означаетъ, что я отрицаю отрицаніе человѣка, что я ставлю на мѣсто иллюзорнаго, фантастическаго, небеснаго человѣка, который, въ дѣйствительной жизни необходимо приводитъ къ отрицанію, человѣка чувственнаго, подлиннаго, и стало быть и необходимо политическаго и соціальнаго. Вопросъ о бытіи или не бытіи Бога для меня есть только вопросъ о бытіи или не бытіи человѣка“. I. ст. XIV, XV.

человѣкъ; Фейербахъ разсматриваетъ человѣка въ государствѣ и въ обществѣ, хотя при этомъ не уничтожается различіе между *я* и *ты* [1]).

Фейербахъ именно въ этомъ смыслѣ говоритъ о коммунизмѣ и признаетъ себя коммунистомъ; для него коммунизмъ есть ничто иное, какъ альтруизмъ, т.-е. противорѣчіе эгоизму, признаваемому имъ своимъ этическимъ принципомъ, какимъ его признавали раньше Юмъ и англійскіе моралисты [2]).

Общеніе человѣка съ человѣкомъ есть условіе сознанія и разума; оно есть самый принципъ и критерій истины [3]). Этотъ общечеловѣкъ (общественный человѣкъ, Gemeinschaftsmensch) есть Богъ [4]).

Фейербахъ призналъ религію антропоморфизмомъ, но онъ не отрекался отъ нея. Слѣдуя Канту, онъ просто приводилъ религію къ нравственности [5]). Религія Фейербаха есть религія человѣчности.

И такъ какъ онъ не отрекался отъ религіи, то несмотря на весь свой эмпиризмъ и матеріализмъ онъ подобно его учителю Гегелю

---

[1]) Кромѣ приведенной цитаты ср.: „государство есть реализированная, уясненная, объясненная цѣлостность человѣческаго существа“ (11,267). „Отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ (für sich) не имѣетъ сущности человѣка ни въ себѣ, какъ моральномъ существѣ, ни въ себѣ, какъ въ существѣ мыслящемъ. Сущность человѣка состоитъ только въ общности, въ единеніи (въ единствѣ—Einheit) человѣка съ человѣкомъ—въ единствѣ, опирающемся на реальности различія между *я* и *ты*“ (11,344).

[2]) „Каковъ мой принципъ? Ego и Alter Ego, эгоизмъ и коммунизмъ, потому что оба они столь же нераздѣльны, какъ голова и сердце. Безъ эгоизма нѣтъ головы, а безъ коммунизма нѣтъ сердца“ (11,413). Въ критикѣ Штирнера (въ „Сущности христіанства“ о „Индивидѣ и его собственности“, появившемся анонимно въ 1845 г.). Фейербахъ говоритъ: „такимъ образомъ Ф. не есть ни матеріалистъ, ни идеалистъ, ни философъ тождества. Что же онъ такое? Онъ въ мысли тоже, что въ дѣлѣ, въ духѣ тоже, что въ плоти, въ существѣ тоже, что въ чувствахъ—человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, такъ какъ Ф. видитъ сущность человѣка только въ общеніи, то онъ есть общечеловѣкъ, коммунистъ“ (359).

[3]) „Идеализмъ правъ, когда онъ ищетъ происхожденія идей въ человѣкѣ; но онъ не правъ, когда онъ выводитъ идеи отъ самосущаго существа (für sich seienden Wesen), изъ существа изолированнаго, изъ фиксированнаго, какъ душа, человѣка, однимъ словомъ изъ *я* безъ существующаго чувственнаго *ты*. Идеи происходятъ только изъ общенія, изъ обращенія человѣка съ человѣкомъ. Понятія, и разумъ вообще, не получаются въ одиночку, изъ себя самихъ. Для произведенія человѣка, духовнаго также, какъ и физическаго, необходимы два человѣка. Общеніе человѣка съ человѣкомъ есть первый принципъ и критерій истины и всеобщности“ (11,330).

[4]) „Уединеніе есть конечность и ограниченность: общественность, общность есть свобода и безконечность. Человѣкъ самъ по себѣ (für sich) есть человѣкъ (въ обычномъ смыслѣ слова); человѣкъ съ человѣкомъ, единство *я* и *ты* есть Богъ“ (11,344).

[5]) „Только этика есть истинная религія“. „Только этическая идея есть единственная положительная идея религіи“ (11,124).

остается все таки рѣшительнымъ раціоналистомъ. Потому онъ говоритъ, что наше собственное *я* есть тѣло во всей его цѣлостности, что единственный источникъ сознанія и познанія есть чувство, но чувство понимаетъ только разумъ [1]).

Потому извѣстное положеніе: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ», имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ обыкновенно толкуютъ его; покрайней мѣрѣ самъ Фейербахъ заявляетъ, что мы ѣдимъ не только пищевымъ каналомъ, а и дыхательными путями и чувствами, именно глазами и ушами, что мы ѣдимъ и перевариваемъ (потому что какая же ѣда безъ перевариванія?) и мозгомъ [2]).

Но, скажетъ намъ читатель, зачѣмъ это изложеніе взглядовъ Фейербаха, когда дѣло идетъ о Марксѣ? Именно затѣмъ, что дѣло идетъ о Марксѣ. Марксъ (и Энгельсъ) исходятъ отъ Фейербаха и вліяніе Фейербаха на Маркса было очень значительно, гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагали. Кто понялъ эти немногія страницы о Фейербахѣ, тотъ больше пойметъ марксизмъ, чѣмъ при непереваренномъ прочтеніи первой части «Капитала».

Марксъ прежде всего заимствовалъ у Фейербаха мнѣніе, что религія есть антропоморфизмъ. Онъ согласенъ съ сужденіемъ Фейербаха о христіанствѣ и юдаизмѣ и вообще принялъ фейербаховское объясненіе происхожденія религіи.

Теорія антропоморфизма была очень плодотворной для Маркса. Посредствомъ такого объясненія религіи Фейербаха возродили деизмъ прошлаго вѣка и въ особенности воззрѣнія Юма. Марксъ впослѣдствіи распространилъ воззрѣнія Фейербаха на антропоморфизмъ не только на философію, слѣдуя въ этомъ и Конту (см. слѣдующій анализъ идеологіи Маркса и его отношеніе къ позитивизму Конта), но и на экономію (товаръ, какъ фетишъ въ «Капиталѣ»).

Фейербахъ сходится съ Юмомъ и въ этикѣ, но онъ гуманность и симпатію Юма превращаетъ въ романтическую любовь. Юмъ, какъ

---

[1]) „Тѣло въ его цѣлостности есть мое *я*, моя сущность“. „Умственная дѣятельность тоже есть органическая дѣятельность“. „Истинно и божественно только то, что не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ, что само собой непосредственно достовѣрно, что непосредственно говоритъ за себя, что влечетъ за собой непосредственно утвержденіе своего существованія—нѣчто рѣшенное, нѣчто несомнѣнное, ясное, какъ солнце. А ясно, какъ солнце, только чувственное; тамъ, гдѣ начинается чувственное, исчезаютъ всякія сомнѣнія и споры. Тайна непосредственнаго знанія есть чувственное“. Но при этомъ „все говорятъ чувства, но чтобы понять ихъ высказыванія, нужно объединить ихъ. Читать евангелія чувствъ въ ихъ связи и значитъ мыслить“ (11,379).

[2]) Положеніе: „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ“, высказано Фейербахомъ въ 1850 г. въ рецензіи на книгу Молешота: Ученіе о пищевыхъ средствахъ для народа“. („Естествознаніе и революція“ въ Blätter für literarische Unterhaltung, теперь у Грюна 11,73). Приводимое въ текстѣ объясненіе въ вышеупомянутой работѣ: „Тайна жертвы“.

истый представитель восемнадцатаго вѣка, былъ раціоналистомъ безъ романтики; Фейербахъ къ деистическому раціонализму прибавляетъ романтическую сантиментальность. Фейербахъ прямо отождествляетъ разумъ съ любовью [1]). Марксъ въ этомъ отношеніи ближе къ Юму, такъ все его философское настроеніе рѣшительно раціоналистическое. Потому то Марксъ также, какъ и Юмъ, видитъ въ религіи только теорію, тогда какъ Фейербахъ подъ вліяніемъ Шлейермахера признаетъ ее практическимъ дѣломъ человѣческаго сердца. («Слезы сердца сгущаются въ облако Божества только на небѣ фантазіи»). Но и Фейербахъ въ послѣдніе годы училъ также, какъ и Юмъ, что религія не улучшаетъ людей.

Марксъ усвоиваетъ натурализмъ и матеріализмъ Фейербаха; онъ только болѣе рѣшительно соединяетъ этотъ матеріализмъ съ позитивизмомъ; но все таки въ матеріализмѣ Маркса проглядываетъ сильная антирелигіозная тенденція, характеризующая также и матеріализмъ Фейербаха. Эта тенденція замѣтна у всѣхъ лѣвыхъ гелеліанцевъ.

Фейербахъ возражаетъ противъ религіи и спеціально противъ христіанства не только теоретически, а и практически. Онъ отвергаетъ христіанскую этику, аскетизмъ и вообще отреченіе [2]). У него мы уже встрѣчаемъ то, что болѣе опредѣленно высказали Штирнеръ и позже Нитцше [3]). Марксъ въ этомъ отношеніи вполнѣ согласенъ съ Фейербахомъ, ему христіанство представляется рабской религіей. Фейербахъ революціонеръ, а Марксъ еще болѣе революціоненъ; вся жизненная тактика, все поведеніе у нихъ не христіанскія.

Въ своемъ стремленіи къ природѣ и естественности Фейербахъ въ стремленіи къ счастію видитъ главную основу поведенія; потому онъ подобно Руссо и Шопенгауеру рекомендуетъ слѣдовать всѣмъ естественнымъ влеченіямъ и склонностямъ [1]). Марксъ является и въ этомъ послѣдователемъ Фейербаха.

Марксъ также, какъ и Фейербахъ, признаетъ философію Гегеля завершеніемъ философіи, и въ особенности германской. Потому оба они критикуютъ спеціально Гегеля и опредѣляютъ свое отношеніе къ нему [2]).

Марксъ видитъ въ Фейербахѣ призваннаго и совершеннаго критика гегелевской философіи; по его мнѣнію, Фейербахъ дѣйствительно превзошелъ міровоззрѣніе Гегеля, чего не въ состояніи были сдѣлать ни Штраусъ, ни Бауеръ. По мнѣнію Маркса, Фейербахъ въ особенности пошелъ дальше абсолютнаго духа Гегеля [3]).

Новая философія, по мнѣнію Фейербаха, должна быть не только теоретическая; будучи полной и послѣдовательной, она должна быть и практическая. Она даже существенно практическая, такъ какъ замѣняетъ религію; въ дѣйствительности, она сама есть религія [4]). По мнѣнію Фейербаха, истина не содержится ни въ одномъ мышленіи, ни въ одномъ знаніи. «Истина есть только цѣлостность человѣческой жизни и бытія» [5]). Только тамъ, гдѣ теорія не отрицаетъ практику, а практика теорію, есть характеръ, истина и религія [6]). Практика, говоритъ Фейербахъ совершенно подобно Карлейлю, разрѣшаетъ всякое сомнѣніе, не разрѣшаемое теоріей [7]). «Истинная философія стремится дѣлать не книги, а людей» [8]).

---

[1]) „Любовь есть разумъ“ (1,119).

[2]) „Долгъ повелѣваетъ отреченіе. Что за безуміе! Долгъ повелѣваетъ наслажденіе. Мы должны наслаждаться. Отреченіе есть только печальное исключеніе изъ правила, оно должно появляться только тогда, когда это повелѣваетъ нужда. Въ этомъ случаѣ, конечно, хорошо и разумно изъ нужды сдѣлать добродѣтель“ II, 393. (Дневникъ 1834—36 г.).

[3]) Для характеристики стиля и настроенія см. напр. слѣдующія положенія изъ чтеній о сущности религіи: „Цѣль моихъ сочиненій, а также и моихъ лекцій, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей изъ теологовъ антропологами, изъ теофиловъ филантропами, изъ кандидатовъ будущей жизни изучающими земную жизнь, изъ религіозныхъ и политическихъ лакеевъ небесной и земной монархіи и аристократіи свободными, самосознательными гражданами земли“. И заключеніе: „Я желаю только, чтобы мнѣ удалась моя задача, сдѣлать васъ изъ друзей божьихъ друзьями человѣка, изъ вѣрующихъ мыслителями, изъ нищихъ работниками, изъ христіанъ, которые по собственному ихъ признанію, на половину ангелы, и на половину звѣри, людьми, людьми полными“.

[1]) „Слѣдуй смѣло всѣмъ своимъ влеченіямъ и склонностямъ—но только всѣмъ! И ты не будешь жертвой какой нибудь одной изъ нихъ!“ (II, 394. Дневникъ). „Нравственность налагаетъ обязанности и даже законы. Но обязанности суть ничто иное, какъ основныя влеченія, основныя способности и основныя желанія человѣка“ IX, 212.

[2]) Оба они писали статьи о философіи Гегеля, Марксъ о философіи права. Фейербахъ говоритъ: „Философія Гегеля есть завершеніе новой философіи. Историческая необходимость и оправданіе права въ новой философіи связаны главнымъ образомъ съ критикой Гегеля“ (II, 299). Именно на основаніи такого указанія и написана статья Маркса о Гегелѣ въ Deutsch—Franzosischen Iahrbüchern.

[3]) „Только Фейербахъ, завершившій и критиковавшій Гегеля съ точки зрѣнія самаго Гегеля и замѣнившій абсолютный духъ метафизики дѣйствительнымъ человѣкомъ на основаніи природы, завершилъ критику религіи, обрисовавъ крупными и мастерскими штрихами критику метафизики Гегеля, и, стало быть, критику всякой метафизики“—„Святое семейство“ 220. Ср. съ этимъ мнѣніемъ объ абсолютномъ духѣ Гегеля слова Фейрбаха: „абсолютный духъ — это скончавшійся Богъ Теологіи, еще сохранившійся въ философіи Гегеля въ качествѣ призрака“ II, 249. „Логика Гегеля—это приводимая къ современности и къ разуму теологія, теологія, превращенная въ логику“ II, 249.

[4]) II, 346.

[5]) II, 344.

[6]) II, 290.

[7]) II, 114.

[8]) „Наука не разрѣшаетъ загадки жизни. Согласенъ — но что же изъ

Также думаетъ и судитъ о философіи и Марксъ. Для него философія по существу революціонна. Онъ созналъ это именно благодаря критикѣ Фейербаха (1845), какъ это доказываютъ очень цѣнныя и характерныя для Маркса замѣчанія, изданныя Энгельсомъ. Въ нихъ Марксъ признаетъ матеріализмъ и атеизмъ Фейербаха «неопровержимой практикой». «Философы только различно истолковываютъ міръ, а дѣло идетъ о томъ, чтобы измѣнить его». Марксъ отвергаетъ всякое излишнее и непрактическое философствованіе, какъ «идеологію», и требуетъ фактическаго осуществленія истинной философіи. Марксъ согласенъ съ требованіемъ практическихъ политиковъ относительно уничтоженія философіи, но, говоритъ онъ, она можетъ быть уничтожена только посредствомъ ея осуществленія [1]).

Философія, по мнѣнію Фейербаха, должна сдѣлаться собственностью толпы, массы. Теорія—это то, что существуетъ въ одной головѣ, а практика то, что существуетъ во многихъ головахъ: «То, что объединяетъ многія головы, создаетъ массу, и этимъ создаетъ и себѣ мѣсто въ мірѣ» [2]).

Марксъ еще болѣе Фейербаха стремился популяризировать философію; въ особенности стремился къ этому Энгельсъ, признавшій нѣмецкихъ рабочихъ наслѣдниками классической нѣмецкой философіи.

Уже философія Фейербаха имѣла характеръ критики, а философскія и также экономическія работы Маркса были главнымъ образомъ

этого слѣдуетъ? Что мы должны вернуться къ вѣрѣ? Но это значило бы попасть изъ огня въ полымя. Нужно возвратиться къ жизни, къ практикѣ. Тѣ сомнѣнія, которыя не разрѣшаетъ теорія, разрѣшитъ практика“ II, 411.

[1]) Ср. съ разсужденіями о Гегелѣ (напр. такое положеніе: „вы не можете уничтожить философію, не осуществляя ее“). Слова Фейербаха: „съ самаго начала я стремился сдѣлать философію дѣломъ человѣчества. Всякій, вступавшій на этотъ путь, необходимо въ концѣ концевъ приходитъ къ тому, чтобы сдѣлать человѣка дѣломъ философіи, и уничтожить саму философію, потому что она только тогда становится дѣломъ человѣчества, когда перестаетъ быть философіей“ II, 413.

[2]) „Новая любовь, новая жизнь — говоритъ Гёте. Новое ученіе, новая жизнь—говоримъ мы.

Голова не всегда идетъ впередъ; она и самая подвижная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая тяжеловѣсная вещь. Въ головѣ появляется новое, но въ ней же всего дольше держится старое. Руки и ноги съ радостью отдаются во власть головы. Потому то прежде всего чистите и освѣжайте голову. Голова—это теоретикъ, это философъ. Она должна нести ярмо практики, которое мы накладываемъ на нее, и выучиться въ этомъ мірѣ человѣчно хозяйничать на плечахъ дѣятельныхъ людей. Тутъ различіе только въ родѣ жизни. Что такое теорія и что такое практика? Въ чемъ ихъ различіе? Теорія то, что живетъ только въ моей головѣ; практика, то, что пребываетъ во многихъ головахъ. То, что объединяетъ многія головы, создаетъ массу, и этимъ создаетъ и себѣ мѣсто въ мірѣ“ Фейербахъ къ Руге (іюнь 1843 г.).

критическими, почти исключительно критическими. Въ главѣ о политической тактикѣ мы увидимъ, что Марксъ дѣлаетъ критику политическимъ оружіемъ; здѣсь мы замѣтимъ только, что онъ уяснялъ себѣ себя самаго и развивался посредствомъ критики своихъ современниковъ и предшественниковъ. Постепенно онъ подвергаетъ критикѣ и превосходитъ Гегеля, Фейербаха, Бруно Бауера, Грюна, Гейнцена, Прудона; сюда же примыкаетъ и большая, двухтомная работа о философіи послѣ Гегеля, въ которой Марксъ и Энгельсъ хотѣли въ 1845 году окончательно уяснить ихъ точки зрѣнія—но издатели не могли выпустить этой работы [1]) Да и самъ «Капиталъ» есть сплошная критика различныхъ чужихъ ученій.

Фейербахъ ожидалъ не только новой философіи, а и вообще новой эпохи; онъ полагалъ, что эта новая эпоха будетъ результатомъ великаго переворота [2]). Фейербахъ сознавалъ и то, что такой переворотъ будетъ и политическимъ и соціальнымъ. Но самъ Фейербахъ направлялъ свой ударъ главнымъ образомъ противъ религіи, а Марксъ считалъ переворотъ въ этомъ отношеніи законченнымъ и работалъ непосредственно для политическаго и соціальнаго переворота [3]).

7. Марксъ заимствовалъ у Фейербаха очень многіе отдѣльные взгляды и принялъ всю систему Гегеля въ той формѣ, которую далъ ей Фейербахъ; онъ отличается отъ послѣдняго только тѣмъ, что вскорѣ становится болѣе радикальнымъ въ политическомъ и соціаль-

---

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ Марксъ въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи

[2]) Человѣчество, если оно желаетъ создать новую эпоху, должно безпощадно порвать съ прошлымъ; оно должно предполагать, что существующее есть ничто. Только при такомъ предположеніи оно получитъ силу и охоту къ новымъ созданіямъ. Всякая связь съ прошлымъ парализируетъ его дѣятельную силу. Потому время отъ времени оно должно выбрасывать и ребенка вмѣстѣ съ ванной; оно должно быть несправедливо и партійно. Справедливость есть актъ критики, а критика только слѣдуетъ за дѣломъ, но сама не приводитъ къ дѣлу. 11.400 (1835).

[3]) Однако и Фейербахъ говоритъ: „какъ раньше духъ освободился отъ церкви, такъ теперь онъ долженъ освободиться отъ государства. Гражданская смерть есть единственная цѣна, которой въ настоящее время можно пріобрѣсти безсмертіе духа“ 11,404 (1836—41). Энгельсъ приводитъ такія изреченія Фейербаха: „политика должна сдѣлаться нашей религіей“. „Въ дворцахъ думаютъ иначе, чѣмъ въ хижинахъ“ и т. д. Ср. въ введеніи къ полному собранію сочиненій мѣсто, въ которомъ современность сравнивается съ преступницей, сказавшей: я чувствую, какъ дурныя мысли поднимаются во мнѣ изъ брюха. „Эта преступница есть образъ теперешняго человѣческаго общества. У однихъ есть все, чего желаетъ ихъ похотливое брюхо, а у другихъ нѣтъ ничего въ брюхѣ, даже самаго необходимаго. Отъ этого происходятъ всякое зло, всякія страданія, даже болѣзни головы и сердца человѣчества. Потому все, что не относится непосредственно къ познанію и устраненію этаго основнаго зла, безполезный хламъ“. Но Фейербахъ прибавляетъ: „и однако есть много зла, даже зла въ брюхѣ, основа котораго только въ головѣ“.

номъ отношеніи; онъ становится не только теоретикомъ соціализма, а и практическимъ коммунистомъ и соціалистомъ.

Чрезвычайно важно опредѣлить, когда и при какихъ условіяхъ это произошло.

Принимая во вниманіе различныя, высказанныя въ послѣднее время, мнѣнія, я могу формулировать отвѣты на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ [1]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи истолкователи Маркса не согласны между собой. Адлеръ говоритъ, что Марксъ въ 1843 году перешелъ въ крайній соціалистическій лагерь; и видитъ доказательство этаго въ письмахъ къ Руге, напечатанныхъ въ мартѣ и въ маѣ въ Deutsche Franzosische Jahrbücher.; наибольшее вліяніе имѣлъ на него Прудонъ. Да и помимо этого, Марксъ былъ склоненъ къ утопическому соціализму вслѣдствіе абстрактности своего ума; воспитавшагося на гегеліанствѣ. Самъ Руге утверждаетъ („Два года въ Парижѣ“ 1846), что Марксъ перешелъ „къ открытому“ соціализму отъ августа 1843 до марта 1844 года. (Въ письмѣ отъ мая 1843 г., въ которомъ Адлеръ видитъ крайній соціализмъ, Руге, противникъ соціализма и коммунизма, видитъ разумную точку зрѣнія. И дѣйствительно, такого „крайняго“ соціализма въ немъ нѣтъ. Въ перепискѣ Руге, изданной въ 1886 году Нерлихомъ встрѣчаемъ 9 іюля 1844 г. сообщеніе, что Марксъ въ Парижѣ погрузился въ нѣмецкій соціализмъ, „потому что онъ не можетъ считать политически важными печальныя политическія интриги“. Струве въ своихъ статьяхъ пытается доказать, что Марксъ въ 1844—46 годахъ критически отнесся къ вавилонскому смѣшенію соціалистическихъ системъ, оставилъ утопизмъ и заложилъ основанія научнаго соціализма. По мнѣнію Струве, Марксъ и Энгельсъ были до этого приверженцами „истиннаго“ соціализма, Грюна и Гесса, утопическаго и фейербаховскаго этическаго соціализма и гуманизма Марксъ выступилъ съ его „научнымъ“ соціализмомъ только въ ежемѣсячномъ журналѣ „Westsfalische Dampfboot“ въ іюнѣ 1846 года; этотъ журналъ (выходилъ 1845—48 г.) былъ первымъ органомъ научнаго соціализма, и послѣ него „Deutsche Brüsseler Zeitung“, въ которой Марксъ писалъ въ 1847 г. Соціализмъ и въ особенности историческій матеріализмъ Маркса былъ завершонъ признаніемъ классовой борьбы въ сочиненіи противъ Прудона (1847) и окончательно въ коммунистическомъ манифестѣ. Если я правильно понимаю Струве, то Марксъ заимствовалъ свое „реалистическое“ пониманіе исторіи отъ Лоренца Штейна: „Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи“ 1842. (Дѣйствительно, чрезъ всю книгу Штейна красной нитью проходитъ реалистическое пониманіе, на основаніи котораго политическая борьба есть общественная классовая борьба, покоящаяся на экономической основѣ и соціальная идеологія можетъ быть понятна только въ связи съ этой дѣйствительной борьбой“). Штейнъ первый опредѣлилъ соціологическій характеръ пролетаріата и оцѣнилъ его значеніе въ всемірной исторіи. По мнѣнію Струве, самъ Штейнъ почерпнулъ свои воззрѣнія изъ изученія французской исторіи и исторической и соціалистической литературы Франціи, именно у Сенъ-Симона и его школы. Струве обращаетъ вниманіе на то, что въ „Исторіи общественнаго движенія во Франціи“ и въ „ученіи объ обществѣ„, (первый отдѣлъ: Понятіе объ обществѣ и ученіе объ общественныхъ классахъ“) „точки соприкосновенія между Штейномъ и Марксомъ являются еще болѣе поразительными“. Мерингъ (Neue Zeit. 1896. „Политика и соціализмъ“) возражаетъ Струве, утверждая, что Штейнъ не имѣлъ такого вліянія на Маркса. Струве поддерживаетъ свое мнѣніе и обращаетъ вниманіе на то, что Марксъ въ 1845—46 г. долженъ былъ знать о Штейнѣ, такъ какъ его единомышленники (Гессъ, Грюнъ) нападали на реализмъ Штейна и Марксъ защищалъ его противъ Грюна. Зомбартъ („Соціализмъ“) говоритъ, что Штейнъ, можетъ быть, имѣлъ наибольшее вліяніе на Маркса.

Марксъ переходитъ къ соціализму отъ Фейербаховскаго гуманизма.

Марксъ и Энгельсъ восприняли этотъ гуманизмъ, но они старались очистить его отъ окраски сантиментальности; уже въ предисловіи къ «Святому семейству» они называютъ свой гуманизмъ «реальнымъ». Фактически они никогда не отрекались отъ такого гуманизма; для нихъ и для ихъ учениковъ человѣкъ всегда остается общественнымъ идеаломъ. Мы будемъ часто убѣждаться въ этомъ, въ особенности въ главѣ объ этикѣ.

Правда, человѣкъ Фейербаха не удовлетворялъ Маркса и Энгельса. Энгельсъ упрекаетъ его въ абстрактности. Богъ Фейербаха есть результатъ долгаго процесса абстрагированія, концентрированная сущность многочисленныхъ старыхъ племенныхъ и національныхъ боговъ; и потому Фейербаховскій человѣкъ, отраженіе котораго есть Богъ, есть только абстрактный человѣкъ, образъ, созданный мышленности. Отъ этого абстрактнаго Фейербаховскаго человѣка мы должны, по мнѣнію Энгельса, перейти къ дѣйствительнымъ, живымъ людямъ, а къ нимъ мы можемъ придти только при разсмотрѣніи того, какъ они дѣйствуютъ въ исторіи. Фейербаховскій культъ абстрактнаго человѣка долженъ быть замѣненъ наукой о дѣйствительномъ человѣкѣ и его историческомъ развитіи [1]).

Мы увидимъ дальше, насколько историческій матеріализмъ Маркса отвѣчаетъ такому требованію Энгельса. А теперь мы можемъ согласиться съ Энгельсомъ, что Фейербахъ понималъ своего человѣка черезъ чуръ абстрактно; но изъ этого слѣдуетъ только то, что ошибоченъ не гуманизмъ вообще, а только абстрактный гуманизмъ. Противъ него, какъ сказано, Марксъ и Энгельсъ уже въ 1845 году выдвигаютъ «реальный» гуманизмъ; въ послѣдующіе годы его «реальность» увеличивается по мѣрѣ того, какъ они склоняются къ позитивизму.

Именно такое значеніе и имѣла критика Маркса и Энгельса на «истинный» соціализмъ Грюна и Гесса въ 1846—47 годахъ. Марксъ и Энгельсъ познакомились во Франціи съ позитивизмомъ и этотъ послѣдній имѣлъ рѣшительное вліяніе на ихъ воззрѣнія. Это было гораздо важнѣе для развитія Маркса и Энгельса, чѣмъ вліяніе на нихъ отдѣльныхъ соціалистическихъ ученій. Позитивизмъ приводитъ ихъ къ устраненію утопизма вообще, а потому и къ возможному устраненію элемента утопизма въ коммунизмѣ и соціализмѣ.

---

[1]) Энгельсъ—„Фейербахъ“ 34, 41.

Я полагаю, что это важное для развитія Маркса (и Энгельса) вліяніе позитивизма объясняется слѣдующимъ образомъ.

Значительный элементъ позитивизма былъ уже въ матеріализмѣ Фейербаха и особенно въ его теоріи религіи. Я упомянулъ уже о томъ, что тутъ Фрейербахъ былъ продолжателемъ Юма, а Юмъ отецъ современнаго позитивизма. Я не умѣю сказать, зналъ ли Фейербахъ Конта и насколько онъ былъ знакомъ съ нимъ; если онъ не зналъ его, то его согласіе съ Контомъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ послѣдователемъ Юма не только въ теоріи, но и въ этикѣ (гуманизмъ) [1]). Другое нѣмецкое позитивное вліяніе на Фейербаха и на Маркса я приписываю Шопенгауеру. «Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауера появилось въ 1819 году, а его «Этика» въ 1841 г.; Марксъ могъ выучиться у Шопенгауера не требовать отъ этики никакихъ императивовъ, а только простого объясненія поступковъ. Позитивизмъ у Шопенгауера тоже восходитъ до Юма.

Наконецъ, довольно силенъ былъ элементъ позитивизма у Штирнера, съ сочиненіемъ котораго Марксъ былъ хорошо знакомъ.

Къ этому нѣмецкому позитивизму въ 1843 году въ Парижѣ присоединяется позитивизмъ французскій. Этотъ послѣдній былъ болѣе опредѣленнымъ и разработаннымъ и потому онъ повліялъ на Маркса сильнѣе—тѣмъ сильнѣе, что Марксъ уже съ самаго начала былъ склоненъ къ позитивизму.

Я не могу сказать, на сколько Марксъ познакомился съ Контомъ уже во Франціи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Капитала» замѣтно знакомство Маркса съ Контомъ [2]). Марксъ почерпнулъ позитивизмъ также у Прудона, и еще болѣе у Сенъ-Симона, учителя Конта.

Позже, въ Англіи, Марксъ и Энгельсъ еще болѣе укрѣпляются въ позитивизмѣ.

Повторяю, что для философскаго и научнаго развитія Маркса позитивизмъ имѣлъ важное значеніе; вопросъ о томъ, какъ онъ сдѣлался соціалистомъ и коммунистомъ, менѣе важенъ Въ то время въ этомъ не было ничего удивительнаго; литература и жизнь постепенно, шагъ за шагомъ приводили Маркса къ соціализму.

Философскія основанія для соціализма исходили тоже отъ Фейербаха, отъ его «общечеловѣка, коммуниста». Самъ Фейербахъ къ

[1]) Въ сочиненіяхъ Фейербаха Контъ не цитируется. Такъ какъ первая часть „Положительной Философіи“ появилась въ 1830 году, то возможно, что Фейербахъ ознакомился съ основными идеями, хотя бы и не непосредственно. (У Грюна приведено изъ „Einfälien, Launen und Excerpten“ Ансельма Фейербаха, появившихся въ 1793—95 г., объясненіе Бросса о фетишизмѣ; несомнѣнно, что Фейербахъ зналъ эти „Excerpten“ своего отца; Контъ заимствовалъ терминъ: „фетишизмъ“ у Бросса). Вѣроятно, что Фейербахъ зналъ Сенъ-Симона и его школу.

[2]) См. напр. томъ I. 242, примѣчаніе. У Конта заимствовано также понятіе и выраженіе: фетишизмъ (фетишистическій характеръ товара).

концу жизни переходитъ отъ этическаго коммунизма къ политическому и соціалистическому, только академически, въ болѣе мягкой формѣ. Онъ признаетъ себя не только за демократа, но и за соціалиста и коммуниста—«конечно, только въ разумномъ и общемъ смыслѣ этого слова». Такое признаніе онъ сдѣлалъ въ 1850 г. [1]); оно доказываетъ, что уже въ гуманизмѣ Фейербаха была изрядная доза соціализма; оно доказываетъ также, насколько позже Фейербахъ самъ учился у Маркса и насколько оба они развивались параллельно, на почвѣ гуманизма. Именно аргументъ, будто природа приводитъ къ коммунизму, напоминаетъ намъ объ аргументахъ Маркса въ «Святомъ Семействѣ».

Мы и тутъ видимъ, что развитіе Маркса къ соціализму и коммунизму было болѣе внутреннимъ, чѣмъ внѣшнимъ, обусловленнымъ вліяніемъ того или другого изъ соціалистовъ.

Потому то это развитіе было у Маркса постепеннымъ и въ началѣ мы замѣчаемъ у него нѣкоторое колебаніе; для него тутъ дѣло было не только въ логической послѣдовательности, это былъ жизненный вопросъ. Укажу только на нѣкоторые моменты: сначала Марксъ принимаетъ Фейербаховскаго «общечеловѣка», превращающагося въ «Капиталѣ» въ «общественнаго человѣка». Въ Критикѣ философіи права Гегеля (1844) этотъ человѣкъ для Маркса есть «міръ человѣка, государство, общество» и тутъ мы читаемъ, что это общество, государство создаетъ религію, какъ у Фейербаха оно создаетъ разумъ. Но въ томъ же году въ другомъ мѣстѣ Марксъ объявляетъ государство зломъ an und für sich, какъ позже объявлялъ и самъ Фейербахъ—очень вѣроятно, подъ вліяніемъ Маркса. Съ этимъ согласуется и то, что онъ писалъ Руге въ 1834 году о монархіи. Въ «Святомъ Семействѣ» (1845) Марксъ различаетъ государство отъ буржуазнаго общества; мы видимъ, какъ окончательные взгляды Маркса вырабатываются постепенно.

[1]) Въ вышеупомянутой статьѣ о Молешотѣ. Это признаніе очень важно. «Не только демократомъ, но и соціалистомъ и коммунистомъ, конечно, только въ разумномъ и общемъ смыслѣ этого слова, становится естествоиспытатель, потому что природа не знаетъ тѣхъ претензій и фикцій, посредствомъ которыхъ человѣкъ въ своемъ правѣ ограничиваетъ существованіе своего ближняго. Воздухъ принадлежитъ каждому и вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежитъ никому; онъ общее достояніе всѣхъ живущихъ; а право даже воздухъ сдѣлало регаліей. «Вѣтеръ принадлежитъ господину“. Природа тоже знаетъ собственность, но только необходимую, неотдѣлимую отъ жизни; она даетъ каждому существу то, что ему необходимо; она не создала никого для голоданія. Необходимость голодать обязана своимъ существованіемъ только произволу государству, той сущности государства, которая есть мундиръ, наружный видъ его. Созерцаніе природы потому возвышаетъ человѣка надъ узкими рамками безсердечнаго права, она дѣлаетъ его коммунистическимъ, т. е. свободомыслящимъ и щедрымъ“.

Тоже самое развитіе замѣтно и въ его взглядахъ на пролетаріатъ. Уже въ статьѣ о Гегелѣ (1844) Марксъ ожидаетъ въ Германіи пролетарнаго переворота, но пролетаріатъ для него еще пассивный элементъ; чрезъ годъ (въ «Святомъ Семействѣ») онъ уже признаетъ самостоятельную задачу пролетаріата [1]); онъ очень рѣшительно защищаетъ массу, противъ Бауера (въ томъ же году Штирнеръ восхваляетъ своего «Индивида» [2]), однимъ словомъ изъ этого развитія Маркса я дѣлаю тотъ выводъ, что онъ принялъ соціализмъ и коммунизмъ не сразу, что онъ постепенно созрѣвалъ до него въ силу своихъ философскихъ основаній. Само собой разумѣется, что я не отрицаю вліянія французскаго соціализма и коммунизма, но данныя, приводимыя Адлеромъ, Зомбартомъ и Струве, представляются мнѣ недостаточными для историческаго объясненія соціализма Маркса.

Позитивизмъ приводитъ Маркса къ изученію экономики. Уже въ сочиненіи противъ Прудона замѣчается значительный прогрессъ въ экономикѣ Маркса сравнительно съ прежнимъ (напр. съ «Святымъ Семействомъ»). Здѣсь онъ, какъ и другіе экономисты, обращается къ англійскимъ источникамъ—Рикардо, Смитъ, наряду съ соціалистическими писателями, Оуэномъ, Томсономъ и др., становятся его учителями. Тутъ то и проявляется позитивизмъ Маркса, онъ перестаетъ абстрактно философствовать и философствуетъ in concerto, т. е. въ своей спеціальности, въ экономикѣ. Фейербахъ до конца оставался абстрактнымъ философомъ, а Марксъ философствуетъ въ экономикѣ. Этимъ онъ вообще похожъ на англійскихъ экономистовъ, связующихъ экономику съ философіей, тогда какъ нѣмцы соединяютъ ее болѣе съ правовѣденіемъ.

---

[1]) Стоитъ отмѣтить, что Марксъ относительно психологіи пролетаріата въ 1844 году былъ опять послѣдователенъ Фейербаха. Фейербахъ видитъ въ отношеніи головы и сердца различіе мышленія и настроенія, пассивности и активности, схоластической флегматичности нѣмецкой метафизики и антисхоластическаго принципа французскаго сенсуализма и матеріализма, отличіе реформаціи и революціи; совершенно въ томъ же направленіи Марксъ въ статьѣ о Гегелѣ говоритъ о различіи между философіей и пролетаріатомъ: „голова этой эмансипаціи философія, а ея сердце пролетаріатъ“.

[2]) Штирнеръ несомнѣнно имѣлъ вліяніе на Маркса и Энгельса своимъ радикальнымъ отрицаніемъ антропоморфизма и религіи, и въ особенности христіанства, своей оппозиціей противъ этики, своимъ абсолютнымъ эгоизмомъ, своимъ требованіемъ абсолютнаго переворота, своей критикой либерализма (политическаго, соціальнаго и гуманитарнаго) и т. д. Но съ другой стороны и Марксъ тоже вліялъ на Штирнера; напр. его мнѣніе о протестантизмѣ, превращающемъ мірянъ въ духовныхъ, о буржуазіи, о евреяхъ и т. д. Разумѣется, источникъ у нихъ общій — Фейербахъ и Бруно Бауеръ. Это новое доказательство того, что гегеліанская лѣвая представляла особое направленіе, въ которомъ были, однако, оттѣнки и индивидуальности.

Самъ Марксъ въ его политической оппозиціи противъ буржуазіи и въ его научной и философской оппозиціи противъ буржуазной экономіи и философіи считаетъ свою философію за нѣчто новое и оригинальное; мы видимъ, однако, что онъ вполнѣ естественно примыкаетъ къ своимъ противникамъ.

Мы увидимъ далѣе, что и историческій матеріализмъ Маркса соотвѣтствовалъ духу времени и что онъ не былъ такимъ новшествомъ, какимъ считалъ его самъ Марксъ. Мы увидимъ также, что въ этомъ историческомъ матеріализмѣ заключается много элементовъ, такъ что уже по этому одному невозможно утверждать, будто Марксъ заимствовалъ его у Штейна или у кого либо изъ своихъ предшественниковъ—онъ заимствовалъ его у многихъ предшественниковъ и современниковъ. Когда мы припомнимъ, что Марксъ (и Энгельсъ) постоянно измѣняли и исправляли опредѣленіе историческаго матеріализма, то мы не будемъ утверждать, какъ это дѣлалось раньше, будто историческій матеріализмъ былъ окончательно опредѣленъ, фиксированъ въ сочиненіи противъ Прудона и въ коммунистическомъ манифестѣ [1]).

При отсутствіи критическаго изданія сочиненій Маркса и при весьма недостаточныхъ свѣденіяхъ о его практической политической дѣятельности невозможно подробно и съ хронологической точностью опредѣлить его развитіе; но все же возможно опредѣлить направленіе и общій характеръ его мышленія и его политики.

8. Философскія обоснованія ученій Маркса, его философскій скелетъ, такъ сказать, это философія Гегеля. Гегель сформировалъ умъ Маркса. Этотъ гегеліанскій скелетъ былъ облеченъ мягкими частями фейербахизма и лѣваго гегеліанства. Не можетъ быть и вопроса о томъ, отъ кого именно заимствовалъ Марксъ ту или другую отдѣль-

---

[1]) Точныя хронологическія данныя даетъ самъ Марксъ. Въ предисловіи къ „Критикѣ“ (1859) онъ признается, что въ 1842 году онъ еще не былъ знакомъ ни съ экономикой, ни съ соціализмомъ. Изученіе экономики онъ началъ въ Парижѣ (т. е. въ 1843 г.) и продолжалъ въ Брюсселѣ; до историческаго матеріализма онъ дошелъ въ 1845 году. Далѣе говорится, что Энгельсъ пришелъ къ тѣмъ же мнѣніямъ самостоятельно. Для того, чтобы уяснять ихъ точку зрѣнія противъ идеологіи, они написали вышеупомянутое, неизданное сочиненіе о философіи послѣ Гегеля. Главныя пункты своего ученія Марксъ научно указалъ въ первый разъ въ своемъ сочиненіи противъ Прудона. Энгельсъ въ предисловіи къ этому сочиненію говоритъ, что Марксъ уяснилъ себѣ основныя идеи историческаго матеріализма зимой 1846—47 года.

Я замѣчу при этомъ, что подобныя точныя хронологическія указанія невозможно принимать буквально, потому что Марксъ научно развивался долгое время. Мы увидимъ, что онъ (также, какъ и Энгельсъ) постоянно видоизмѣнялъ свой историческій матеріализмъ. Потому приходится сдѣлать нѣкоторое различеніе: политически, практически и по настроенію Марксъ былъ соціалистомъ раньше, чѣмъ онъ сдѣлался научнымъ со-

ную идею — Марксъ мыслилъ и работалъ вмѣстѣ съ цѣлой группой людей, которые были умственно, по направленію, болѣе или менѣе родственны съ нимъ. Потому то мы и находимъ у него согласіе то въ томъ, то въ другомъ и съ Штирнеромъ, и съ Руге, и съ Бруно Бауеромъ.

Отъ Фейербаха Марксъ получилъ свой матеріалистическій позитивизмъ, потомъ фиксированный и точнѣе опредѣленный вліяніями французскаго и англійскаго позитивизма. Благодаря тому же позитивизму Марксъ становится и экономистомъ.

Соціализмъ Марксъ получаетъ тоже отъ Фейербаха и отъ германской философіи; французскій и англійскій соціализмъ только усиливаютъ первоначальныя основы и собственныя наклонности Маркса.

Здѣсь я сдѣлаю одно замѣчаніе о германской философіи—замѣчаніе, по моему мнѣнію, имѣющее важное значеніе для нашей задачи. Марксъ и Энгельсъ упрекаютъ германскую философію за ея расплывчатость, идеологію, непрактичность и безжизненность и восхваляютъ французскую и англійскую философію. Я не буду доказывать, что обвиненія Маркса совершенно неосновательны; но несомнѣнно, что они преувеличены, хотя часто повторяются и самими нѣмцами.

Германская философія уже въ прошломъ столѣтіи была исторической (Гердеръ, Лессингъ), а въ нашемъ столѣтіи она становится все болѣе и болѣе соціальной и политической (Фихте, Гегель и др.). Совершенно не вѣрно, что она не обращала вниманія на жизнь; не вѣрно также и то, что она туманна и непрактична; Кантъ, также, какъ до него Локкъ и Юмъ, долженъ былъ начать съ критики—безъ критики, ноетики и метафизики невозможна никакая философія. Я вижу въ *Я есмь* Фихте не одинъ только ноетическій субъективизмъ;

ціалистомъ; несомнѣнно, что онъ сдѣлался членомъ политическихъ союзовъ и кружковъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ (т. е. не позже начала 1844 года); научный же соціализмъ, какъ называютъ его Марксъ и Энгельсъ, и именно историческій матеріализмъ мы видимъ въ зародышѣ въ 1845 году, а образовался онъ въ 1846—47 годахъ. Но, повторяю, понятія развиваются и позднѣе.

Что касается вліянія на Маркса отдѣльныхъ его учителей, то этотъ вопросъ я разъясняю въ текстѣ. Здѣсь я коснусь только одного вопроса—о вліяніи на Маркса Лоренца Штейна. Я считаю это вліяніе меньшимъ, чѣмъ полагаютъ Зомбартъ и Струве. Самъ Штейнъ черпалъ свои взгляды изъ изученія французскихъ соціалистовъ, именно изъ изученія Сенъ-Симона и изъ французской исторіи; но такимъ же изученіемъ занимался, хотя и позднѣе, и самъ Марксъ. Притомъ Штейнъ, также, какъ и Марксъ, гегеліанецъ; развитіе обоихъ шло поэтому параллельно. Я признаю, что Штейнъ помогъ уясненію мнѣній Маркса, такъ какъ его работа для того времени превосходна; но я полагаю, что Сенъ-Симонъ и Луи Бланъ имѣли на Маркса болѣе прямое и глубокое вліяніе, чѣмъ ученое изложеніе Штейна.

въ немъ проявляется и нравственное и политическое самосознаніе человѣка, рѣшившагося возстать противъ Наполеона. Кто судитъ о германской философіи не просто схоластически, кто принимаетъ во вниманіе научную дѣятельность нѣмцевъ, кто припомнитъ, что германская философія и въ особенности германская философія исторіи выработала германское національное сознаніе, для того будетъ не такъ трудно отыскать органическую связь и внутреннее сродство между гегеліанскими размышленіями и политикой крови и желѣза Бисмарка.

Марксъ, какъ и другіе, увлекался французами и англичанами, они сильно вліяли на него. Но онъ преувеличивалъ ихъ вліяніе—и въ особенности ихъ вліяніе на себя самого. Безспорно, что Сенъ Симонъ, Фурье и др.—а раньше Вольтеръ и Руссо—а потомъ и англичане (позднѣе Дарвинъ) имѣли на Маркса значительное вліяніе; и тѣмъ не менѣе Марксъ остался навсегда гегеліанцемъ и существенно нѣмецкимъ философомъ. Французское вліяніе современемъ совершенно исчезло. Марксу, какъ и Гейне и другимъ нѣмецкимъ эмигрантамъ въ сороковыхъ годахъ, нравилась французская политика и относительная политическая свобода; революція, французскій радикализмъ и революціонное настроеніе привлекали умы—но потомъ это прошло. Марксъ съ третьей части своего «Капитала» оставляетъ революціонизмъ, которымъ переполнена первая часть, а Энгельсъ ясно и недвусмысленно окончательно распростился съ революціей. Марксъ и Энгельсъ просто вернулись къ себѣ самимъ, какъ это увидимъ дальше.

Англійскія вліянія были сильнѣе и болѣе родственны нѣмецкимъ, чѣмъ французскія, но и они не могли измѣнить первоначальную нѣмецкую умственную организацію Маркса. Въ стилѣ Маркса не мало англиканизмовъ, но его англиканизмъ чисто поверхностный.

Гегель имѣлъ на Маркса наибольшее и рѣшительное вліяніе. Фейербахъ по слóвамъ Энгельса былъ во многихъ отношеніяхъ «только связью, переходнымъ членомъ между философіей Гегеля и нашими воззрѣніями». Марксъ выучился разсматривать міръ исторически у Гегеля, у него онъ выучился видѣть въ исторіи постоянное и непрерывное развитіе. Марсъ воспринялъ, какъ мы видѣли, общечеловѣка Фейербаха, но онъ наблюдалъ его, какъ говоритъ Энгельсъ, такимъ, какимъ онъ дѣйствуетъ въ исторіи. Фейербаховскій общечеловѣкъ для Маркса прежде всего историческій человѣкъ, человѣкъ въ исторіи. И такъ какъ Марксъ подъ вліяніемъ Фейербаха замѣняетъ гегелевскій пантеизмъ и идеализмъ матеріализмомъ, то его философія и представляетъ историческій матеріализмъ.

Французскія вліянія только подкрѣпили и усилили этотъ первоначальный гегелевскій историзмъ. Понятно, что послѣ революціи французы становятся очень внимательными именно къ историческому развитію и потому то въ Парижѣ Марксъ изучаетъ не только соціали-

стовъ, а и французскихъ историковъ. Позже, уже въ Англіи, историзмъ Маркса получаетъ новую поддержку въ современномъ эволюціонизмѣ, и особенно въ дарвинизмѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ много говорить объ историзмѣ Маркса—теперь пока мы говоримъ только о философскомъ и научномъ развитіи Маркса. Но уже и теперь мы видимъ, что историзмъ для Маркса есть альфа и омега, начало и конецъ—конечно, этотъ историзмъ у него матеріалистическій; историческій матеріализмъ—это офиціальный титулъ марксизма, и Энгельсъ въ введеніи къ своей книгѣ о Фейербахѣ объявляетъ его новымъ міросозерцаніемъ.

Развитіе этого новаго міросозерцанія проходитъ стадіи, которыя можно обозначить слѣдующими именами: Гегель, Фейербахъ, Марксъ—пантеизмъ, гуманизмъ, соціализмъ — Богъ, человѣкъ, пролетарій. Богъ Гегеля демократизируется, соціализируется, пролетаризируется Марксомъ.

Детальное сравненіе Маркса съ Гегелемъ было бы излишнимъ. Философія Гегеля достаточно извѣстна и послѣдующее изложеніе только подтвердитъ наше положеніе, что Марксъ философски и относительно метода фактически всего болѣе учился у Гегеля. Да и самъ Марксъ и Энгельсъ часто и ясно заявляютъ объ этомъ. Фейербахъ тоже сильно вліялъ на Маркса, но онъ не такъ сильно навязалъ Марксу свое мышленіе и свой методъ, какъ Гегель. Гегель дѣйствовалъ на Маркса съ начала и до конца и дѣйствовалъ не только полнотой и глубиной своихъ идей, но и законченностью (хотя и искусственной) своей грандіозно задуманной системы и въ особенности всѣмъ своимъ методомъ [1]).

Можетъ быть, мнѣ замѣтятъ, зачѣмъ же я такъ подробно сравнивалъ Маркса именно съ Фейербахомъ, если его вліяніе на Маркса было слабѣе вліянія Гегеля? Я сдѣлалъ это потому, что Фейербахъ далеко не столь хорошо извѣстенъ, какъ Гегель; въ исторіи философіи ему отводятъ мало мѣста и его положеніе въ исторіи развитія современнаго мышленія, по моему мнѣнію, опредѣляется невѣрно. О немъ мало и монографій. Не поняли того, что именно Фейербахъ возродилъ позитивизмъ и гуманизмъ Юма; потому намъ его вліяніе на Маркса представляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ полагаютъ обыкновенно. Я повторяю еще разъ и дальше буду говорить подробно, что для Маркса вліяніе позитивизма была рѣшительнымъ. Фейербахъ имѣетъ значеніе, далеко еще не вполнѣ и не надлежащимъ образомъ

---

[1]) Я полагаю, что такое мнѣніе о вліяніи Гегеля всего болѣе соотвѣтствуетъ тому, что утверждаетъ самъ Энгельсъ („Фейербахъ“). Его панегирикъ Гегелю, несомнѣнно, вполнѣ прочувствованный и искренній.

оцѣненное, для пониманія новой германской философіи именно благодаря своему позитивизму [1]).

Кромѣ того я хотѣлъ дать хотя бы приблизительную характеристику гегеліанской лѣвой, изъ которой и вмѣстѣ съ которой развивался Марксъ. Для этого краткій анализъ философіи Фейербаха былъ необходимъ [2]).

B.

Историзмъ Маркса—матеріалистическая діалектика.

9. Марксъ и Энгельсъ цѣнятъ у Гегеля больше всего діалектическій методъ. Правда, Марксъ въ «Святомъ Семействѣ» восхваляетъ Фейербаха за то, что онъ оставилъ гегелевскій методъ, но уже въ сочиненіи противъ Прудона онъ поучаетъ своего противника относительно настоящей діалектики, а въ позднѣйшемъ сочиненіяхъ,

---

[1]) Для чешской литературы Фейербахъ важенъ потому, что онъ имѣлъ значительное вліяніе на философа Сметану и на писателя Сабину.

[2]) Вліяніе Гегеля на Маркса хронологически опредѣлено: Струве (Neue Zeit 1885—96) полагаетъ, что Марксъ вернулся къ Гегелю только въ позднѣйшихъ произведеніяхъ (Zur Kritik 1859, Капиталъ 1867). Куновъ (ibid.) говоритъ, что возвратъ Маркса къ Гегелю начинается въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, а въ прежнихъ его сочиненіяхъ вліянія Гегеля незамѣчается. Я же вижу вліяніе Гегеля во всѣ періоды и съ самаго начала. Самъ Струве приводитъ примѣръ: въ 1842 г. Марксъ понималъ государство вполнѣ по Гегелю. Я привелъ уже много доказательствъ этого согласія Маркса съ Гегелемъ въ первый періодъ литературной дѣятельности Маркса. То обстоятельство, что Марксъ очень рано началъ критически относиться къ Гегелю, не доказываетъ, что онъ не былъ подъ его вліяніемъ. Совсѣмъ напротивъ. Къ критикѣ Гегеля приводилъ его Фейербахъ; эта стадія вліянія видна въ особенности въ „Святомъ Семействѣ“. Но это совсѣмъ другая критика, чѣмъ критика напр. Грюна или Прудона. Въ „Святомъ Семействѣ“ вы встрѣчаете рѣзкія слова противъ философіи Гегеля, но тутъ же встрѣчается и признаніе ея. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Марксъ всегда считалъ философію Гегеля за высшее развитіе германской философіи. Противъ мнѣнія Кунова говорятъ статьи Маркса въ Deutshe—Französische Iahrbucher (1844); въ гегелевской философіи права и государства Марксъ видитъ единственную нѣмецкую исторію, стоящую на высотѣ современныхъ требованій. Потому невозможно видѣть вліяніе Гегеля только въ сочиненіи противъ Прудона и въ позднѣйшихъ работахъ; политическія статьи пятидесятыхъ годовъ всѣ написаны по методу Гегеля. Въ нѣкоторыхъ прежнихъ работахъ замѣчается вліяніе стиля Гегеля настолько, что постоянное употребленіе антитезъ переходитъ въ чисто внѣшнее подражаніе; въ Капиталѣ стиль и методъ болѣе зрѣлы, но позднѣе (1873) самъ Марксъ сознавался, что и въ этомъ сочиненіи онъ кое гдѣ кокетничалъ манерой Гегеля.

Библиотека имени В. И. Ленина

особенно въ Капиталѣ, онъ самъ пользуется діалектическимъ методомъ; Энгельсъ въ сочиненіи противъ Дюринга очень подробно излагаетъ ученіе о діалектикѣ, какъ главномъ методѣ Маркса.

Здѣсь будетъ достаточно сказать о сущности діалектики Маркса на основаніи краткаго изложенія Энгельса въ его сочиненіи о Фейербахѣ.

Тутъ говорится, что діалектика, въ той формѣ, какую примѣнялъ Гегель, не пригодна; у Гегеля діалектика есть саморазвитіе абсолютнаго понятія, которое—неизвѣстно откуда взявшись—съ начала вѣковъ дѣйствуетъ въ исторіи и въ природѣ независимо отъ мыслящаго человѣческаго мозга. Марксъ и Энгельсъ устранили такую идеологію и замѣнили ее матеріалистической психологіей и діалектикой.

Мы, говоритъ Энгельсъ и о себѣ и отъ имени Маркса, снова представляемъ себѣ понятія нашей головы матеріалистически, какъ отраженіе дѣйствительно существующаго, тогда какъ Гегель считалъ дѣйствительно существующее отраженіемъ той или другой стадіи развитія абсолютнаго понятія. Такимъ образомъ діалектика приводится къ знанію всеобщихъ законовъ движенія какъ внѣшняго міра, такъ и человѣческаго мышленія. Такимъ путемъ получаются два ряда законовъ, по существу тождественныхъ, но по выраженію различныхъ постольку, поскольку человѣческая голова можетъ пользоваться ими съ полнымъ сознаніемъ, тогда какъ они въ природѣ и до настоящаго времени по большей части и въ исторіи осуществляются въ безконечномъ рядѣ кажущихся случайностей, безсознательно, въ формѣ внѣшней необходимости.

Такимъ образомъ діалектика понятій становится сознательнымъ отраженіемъ діалектическаго движенія дѣйствительнаго міра: діалектика Гегеля ставится вверхъ ногами, или, вѣрнѣе сказать, она снова ставится на ноги, такъ какъ у Гегеля она стояла на головѣ.

Марксъ, по мнѣнію Энгельса, вылущилъ здоровое ядро изъ идеологической шелухи Гегеля; міръ не комплексъ готовыхъ вещей, а комплексъ процессовъ, въ которыхъ кажущіяся постоянными и неизмѣнными вещи, также, какъ и понятія, т. е. отраженія этихъ вещей въ нашей головѣ, подвергаются непрерывнымъ измѣненіямъ созиданія и уничтоженія; и при такомъ измѣненіи, несмотря на кажущуюся его случайность и на всякіе временные регрессы, въ концѣ концовъ совершается прогрессивное развитіе.

Эта великая основная идея со времени Гегеля вошла во всеобщее сознаніе и никто не можетъ уклониться отъ нея, въ этой ея общей формѣ; но одно дѣло, прибавляетъ Энгельсъ, признать ее, какъ простую фразу; а другое дѣло дѣйствительно проводить ее въ подробностяхъ, во всѣхъ сферахъ знанія.

Эта идея, послѣдовательно проводимая, имѣетъ то значеніе, что

для научнаго объясненія не существуетъ ни вѣчныхъ истинъ, ни абсолютныхъ рѣшеній.

Человѣкъ всегда сознавалъ, что его знанія по необходимости ограничены, потому что они обусловливаются отношеніями, при которыхъ они пріобрѣтаются; кромѣ того мы признаемъ, что противорѣчія истины и лжи, хорошаго и дурнаго, тождественности и различія, необходимости и случайности и т. д., противорѣчія, признаваемыя старой метафизикой неразрѣшимыми, на самомъ дѣлѣ только относительны. То, что теперь считается за истинное, имѣетъ скрытую, потомъ открываемую не вѣрную сторону, тогда какъ въ томъ, что теперь считается невѣрнымъ, была истинная сторона, и потому раньше оно могло считаться истиной.

Я не думаю, чтобы читатель удовлетворился такимъ объясненіемъ Энгельса; мнѣ самому кажется, что діалектика Гегеля даже и въ ея матеріалистической формѣ, простой фокусъ.

Припомнимъ, что такое въ дѣйствительности гегелевская діалектика и мы убѣдимся, что Марксъ и Энгельсъ свой матеріалистическій мѣхъ совершенно напрасно прикрыли такой метафизической паутиной.

Энгельсъ убѣдилъ себя, что діалектика господствовала въ философіи съ древнихъ временъ, такъ что Марксъ идетъ по вѣрному и извѣданному пути. Но такое мнѣніе неосновательно. Энгельсъ принимаетъ и тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, мнѣніе Гегеля безъ достаточной критики. Діалектика Гегеля происходитъ отъ послѣ кантовскаго нѣмецкаго идеализма, и въ особенности отъ абсолютнаго идеализма Фихте. По мнѣнію Фихте, объектъ (міръ) не дѣйствуетъ на субъекта — откуда же тогда взять, не воруючи, этотъ міръ? И вотъ для абсолютнаго субъективизма (идеализма) не остается ничего другого, кромѣ какой нибудь чудесной эманаціи—это-то и есть діалектическій процессъ. По формулѣ: теза—антитеза—синтезъ *я* постулируетъ *не-я* и признаетъ, что оно тождественно съ этимъ *не-я*. Выражаясь по человѣчески, это будетъ вотъ что: существую только *я*, субъектъ, и такъ какъ *я* есть кромѣ того великое, абсолютное *я*, то естественно, что *я* создаю міръ, т. е. *не-я—я* есть Богъ; это созданіе и есть мое познаніе—иначе невозможно сколько нибудь прилично сохранить иллюзію абсолютнаго субъективизма. Такъ какъ я долженъ признать міръ, то я и уговариваю себя, что мои мысли, мое познаніе этого міра есть главное дѣло, есть самый этотъ міръ.

Абсолютный идеализмъ Фихте, а потомъ Шеллинга и Гегеля, былъ реакціей противъ скептицизма Юма и Канта. Кантъ училъ, что мы не можемъ познавать вещи въ себѣ; Фихте противорѣчитъ Канту, но противорѣчитъ, усиливая идеализмъ самого Канта. Германскій идеализмъ послѣ Канта съ его мистикой и съ его мистической гностикой появляется, какъ противорѣчіе скептицизма и критицизма. Нѣмецкіе идеалисты—это Фаусты и Наполеоны философіи, богоравные

автократы, геніальные романтики идеи. Розенкранцъ старался доказать, что Гегель завершилъ Канта — онъ дѣйствительно завершилъ его, но чисто внѣшнимъ образомъ; онъ замѣнилъ скептическій критицизмъ субъективнымъ абсолютизмомъ. Почти также и Наполеонъ завершилъ революцію. Не даромъ Гегель видѣлъ въ Наполеонѣ міровую душу.

Кантъ указываетъ, что идеи безъ наглядности (Anschauung) не имѣютъ содержанія, пусты; Гегель учитъ, что духъ своей свободной дѣятельностью даетъ себѣ самъ свое собственное содержаніе и свои абсолютно дѣйствующія формы. У Канта, при всемъ его идеализмѣ, эмпирія (опытъ) остается основой познанія — а для Гегеля эмпирія въ лучшемъ случаѣ только поводъ для философствованія. Кантъ стремился познавательную дѣятельность понять психологически и ноетически; онъ старался опредѣлить, что мы получаемъ отъ насъ самихъ и что отъ внѣшняго міра. Гегель уничтожаетъ границы между субъектомъ и объектомъ и съ точки зрѣнія своего пантеистическаго монизма не признаетъ никакого различія между познаніемъ и объектомъ—духъ и міръ сливаются воедино. Кантъ подчинялъ чувства и посредствомъ понятій познающій разумъ высшему разуму; Гегель надъ этимъ разумомъ Канта поставилъ верховный разумъ, Духъ, абсолютный духъ. Этотъ абсолютный духъ въ силу своей высшей способности проникаетъ и преодолѣваетъ всякое противорѣчіе между духомъ и міромъ — всякое познаніе становится діалектическимъ. Какъ у Фихте *я* совпадаетъ съ *не-я*, такъ у Гегеля сливаются воедино всѣ противорѣчія; положеніе о противорѣчіи, на которое опирается всякое мышленіе, которое всѣ философы признавали высшимъ закономъ мышленія, уничтожается; понятіе о противорѣчіи превращается въ неотдѣлимую составную часть истины. Существующее, училъ Гегель, не существуетъ, такъ какъ въ дѣйствительности все только появляется, созидается и древній Гераклитъ былъ правъ, говоря: все течетъ. Обыкновенный разумъ видитъ повсюду противорѣчія, но высшій разумъ охватываетъ тождественность противорѣчій въ высшемъ единствѣ.

Такова сущность гегелевской діалектики, воспринятой Марксомъ и Энгельсомъ и превращенной ими въ матеріалистическую

Не вдаваясь въ абстрактныя ноетическія разъясненія, укажемъ на примѣрахъ, что такое матеріалистически-діалектическій процессъ.

Теза: феодальная монополія, предшествующая конкуренціи.

Антитеза: конкуренція.

Синтезъ: современная (буржуазная) монополія. Эта современная монополія (что бы ужъ намъ разъ навсегда познакомиться съ діалектической тарабарщиной) есть отрицаніе феодальной монополіи, такъ какъ она предполагаетъ конкуренцію; но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть и отрицаніе конкуренціи, такъ какъ она есть монополія. Потому современная монополія есть синтетическая монополія, или отрицаніе отрицанія, единство противорѣчій [1]).

Или другой примѣръ изъ области природы:

Бабочка происходитъ изъ яйца чрезъ отрицаніе яйца; она созрѣваетъ, спаривается, и опять отрицается, умирая, когда сама положитъ яйца. Такимъ образомъ чрезъ отрицаніе отрицанія появляются сотни и тысячи бабочекъ.

Или:

Всякое зерно; оно прозябаетъ, развивается въ растеніе (отрицаніе зерна), цвѣтетъ, оплодотворяется и снова приноситъ зерна; когда зерна созрѣли, колосъ умираетъ (отрицаніе отрицанія).

Или:

Первоначальный матеріализмъ греческой философіи отрицается идеализмомъ, а этотъ послѣдній снова отрицается современнымъ матеріализмомъ.

Или:

Первоначальный коммунизмъ — частная собственность (отрицаніе коммунизма) — будущій коммунизмъ (отрицаніе отрицанія).

Или по Руссо:

Первоначальное равенство людей — позднѣйшее неравенство — и снова высшее равенство [2]).

Изъ этихъ примѣровъ читатель усмотритъ, что, собственно говоря, дѣло идетъ объ очень простой вещи, «которую можетъ понять даже ребенокъ, если уничтожить тотъ хламъ таинственности, подъ которымъ скрывается всякая идеалистическая философія». Діалектическое развитіе, какъ его формулируетъ самъ Энгельсъ, есть ничто иное, какъ «причинная связь непрерывнаго, совершающагося при посредствѣ всяческихъ боковыхъ движеній и не смотря на временныя отступленія прогресса отъ низшаго къ высшему» [3]).

Но если дѣло такъ просто, то къ чему же столько разговоровъ и объясненій?

Во всякомъ случаѣ, вѣдь и Марксъ и Энгельсъ восприняли хламъ таинственности идеалистической схоластики и потому необходимо объяснить этотъ фактъ и указать, что Марксъ и Энгельсъ неосновательно позаимствовались у Гегеля. Неосновательно, и даже весьма неосновательно, потому что они сдѣлались должниками идеализма при ихъ матеріалистической — то точкѣ зрѣнія. Матеріалистическая діалектика есть contradictio in adjecto.

По теоріи познанія Маркса-Энгельса понятіе есть просто отраженіе вещей въ мозгу; что такое это отраженіе и какъ вообще оно воз-

---

[1]) Примѣръ Маркса. „Нищета философіи“ 137.
[2]) Примѣры Энгельса „Анти-Дюрингъ“ 138.
[3]) Энгельсъ—„Фейербахъ“ 44.

можно, это мы пока оставимъ въ сторонѣ, но очевидно, что при подобной точкѣ зрѣнія діалектика понятій невозможна. Марксъ, вѣдь, не признаетъ подобно Гегелю двойного познанія: высшаго, діалектическаго и просто познанія разумомъ, не преодолѣвающимъ противорѣчій; Марксъ ни признаетъ никакого апріорнаго познанія (Энгельсъ начинаетъ свою полемику противъ Дюринга выразительнымъ отрицаніемъ апріорности); для него не существуетъ никакихъ апріорныхъ формъ понятій о времени и пространствѣ (этому предмету Энгельсъ тоже посвящаетъ отдѣльную главу); вообще Марксъ не субъективистъ, т. е. не идеалистъ и потому онъ совершенно послѣдовательно отвергаетъ діалектику Гегеля. Энгельсъ и Марксъ хвалятъ Фейербаха, какъ преодолѣвшаго діалектику Гегеля и вдругъ потомъ они принимаютъ эту діалектику въ полномъ ея объемѣ.

Во всякомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ искали обоснованія діалектики только въ природѣ. «Природа есть пробный камень для діалектики». «Въ природѣ все происходитъ въ концѣ концевъ не метафизически, а діалектически» [1])—но, вѣдь, изъ природы діалектика попадаетъ въ мозгъ (мозгъ, вѣдь, тоже природа) и въ концѣ концевъ діалектика такой же методъ, какъ идеализмъ.

Матеріализмъ Маркса имѣетъ тотъ же главный источникъ какъ и діалектика Гегеля; онъ также отвергаетъ положеніе о противорѣчіи; Энгельсъ настолько же сильно восхваляетъ Гераклита, какъ и Гегель. Марксъ видитъ въ движеніи источникъ всякой жизни; мы живемъ среди постояннаго движенія; неподвижна только наша абстракція движенія—mors immortalis [2]). «Вся исторія есть только непрерывное измѣненіе человѣческой природы» [3])

Потому насъ не должно удивлять, что Энгельсъ иногда совершенно ясно принимаетъ субъективную діалектику [4]).

Марксъ и Энгельсъ не поняли, что діалектика Гегеля для нихъ непригодна. Это очень важное обстоятельство; въ подробностяхъ мы встрѣчаемъ у нихъ множество противорѣчій — и это объясняется противорѣчіемъ въ теоретико-познавательномъ обоснованіи всей системы. При обсужденіи вопроса о глубинѣ философской системы чрезвычайно важно то обстоятельство, что Марксъ и Энгельсъ при-

[1]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 8.
[2]) Марксъ—Нищета философіи, 88, 91. Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 5.
[3]) Марксъ—Нищета философіи, 133.
[4]) При объясненіи якобы вѣрнаго познанія, что въ природѣ существуютъ только относительныя различія и противорѣчія, Энгельсъ говоритъ: „къ нему (т. е. къ познанію) можно придти подъ силой принужденія накопившихся фактовъ естествознанія; но еще легче придти къ нему, если противупоставить діалектическому характеру этихъ фактовъ сознаніе о законахъ діалектическаго мышленія“. См. также (§ 15) опредѣленіе діалектики, какъ науки „чистаго мышленія“ и дальнѣйшее разъясненіе о діалектикѣ въ исторіи (§ 53).

няли методъ чуждый имъ и даже противорѣчащій ихъ метафизической и теоретико-познавательной системѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Энгельсъ подробно объясняетъ отрицаніе отрицанія, приводя вышеупомянутые примѣры, онъ говоритъ, что діалектика для научнаго мышленія, познанія и объясненія, собственно говоря, излишня; Марксъ доказываетъ объективное отрицаніе отрицанія т. е. развитіе отъ низшей ступени къ высшей, чисто эмпирически и исторически, и только тогда, когда онъ доказалъ это исторически, онъ «кромѣ того» называетъ это процессомъ, «совершающимся по опредѣленному діалектическому закону» [1]). Такъ что это выходитъ, надѣвъ шубу, завернуться для тепла въ паутину, или, еще лучше, отъ холода татуировать свою шубу.

Для Маркса и Энгельса такое усвоеніе ими гегелевскаго метода болѣе характерно, чѣмъ ихъ зависимость отъ того или другого ученія. Въ наукѣ методъ особенно важенъ, онъ составляетъ почти все. Вѣрно, что Марксъ и Энгельсъ возстаютъ противъ Гегеля и осуждаютъ его методъ; но можно говорить противъ Гегеля еще болѣе и еще горячѣе, какъ говорилъ напр. Шопенгауеръ, и однако, тотъ же Шопенгауеръ, сознававшій недостатки Гегеля, пользовался методомъ не менѣе фантастическимъ и субъективнымъ. Точно также Марксъ и Энгельсъ тщетно боролись съ давленіемъ, которое производилъ на нихъ Гегель.

10. Объективной діалектики просто таки не существуетъ. Въ самыхъ вещахъ не существуетъ никакого діалектическаго противорѣчія. Мы можемъ говорить о притяженіи и отталкиваніи въ естественно научномъ смыслѣ слова, о любви и ненависти, о войнѣ и мирѣ въ человѣческомъ обществѣ, но все это не есть ни діалектика Гегеля, ни діалектика Маркса. Наоборотъ, современное міровоззрѣніе, начало которому положено въ монадологіи Лейбница, по существу не діалектическое.

Потому если мы внимательно анализируемъ примѣры діалектическаго мірового процесса, приводимые Энгельсомъ, мы увидимъ въ нихъ нѣчто, совершенно отличное отъ того, что хочетъ доказать Энгельсъ. Возьмемъ, напр., примѣръ овсянаго зерна: въ благопріятной почвѣ подъ вліяніемъ тепла и влажности зерно измѣняется, прозябаетъ—зерно погибаетъ, какъ таковое, его замѣняетъ развившееся изъ него растеніе (отрицаніе зерна). При нормальныхъ условіяхъ это растеніе развивается и цвѣтетъ, оплодотворяется и, наконецъ, даетъ

[1]) „Когда Марксъ обозначаетъ процессъ, какъ отрицаніе отрицанія, онъ не думаетъ этимъ доказать его, какъ исторически необходимый. Наоборотъ: доказавъ исторически, что процессъ въ дѣйствительности частію совершился, а частію долженъ совершиться, онъ обозначаетъ его кромѣ того, какъ процессъ, совершающійся по опредѣленнымъ діалектическимъ законамъ“. Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 136.

сѣмяна; когда они созрѣваютъ, колосъ умираетъ (отрицается). Какъ плодъ этого отрицанія отрицанія мы получаемъ первоначальное зерно, но не одно, а въ десять, двадцать, тридцать разъ большее количество зеренъ. «Плоды зерновыхъ хлѣбовъ измѣняются крайне медленно и теперешній овесъ равенъ, такъ сказать, столѣтнему овсу».

Я не буду особенно распространяться объ этомъ примѣрѣ; сразу очевидно, что онъ не годится—во всякомъ случаѣ оплодотвореніе, ростъ, развитіе и увеличеніе есть нѣчто иное, а не гегелевскія теза—антитеза—синтезъ. Это дѣйствительно процессъ развитія и своей непрерывностью и безконечно малыми измѣненіями онъ отличается существенно отъ трехъ-степенной діалектики. Остальные примѣры изъ различныхъ сферъ знанія тоже представляютъ картину недіалектическаго развитія.

Уже у Гегеля есть понятіе о развитіи и прогрессѣ, но это понятіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ. Правда, что онъ принимаетъ въ зоологіи ученіе Ламарка, и тѣмъ не менѣе онъ представляетъ себѣ развитіе посредствомъ катастрофъ, посредствомъ крупныхъ переворотовъ и противорѣчій. Въ этомъ слѣдуетъ ему Фейербахъ, а послѣдователемъ ихъ обоихъ былъ и Марксъ. Гегель разсматриваетъ развитіе міра, жизни и общества черезъ чуръ абстрактно, черезъ чуръ логично. Я хочу этимъ сказать, что онъ свое понятіе о развитіи абстрагировалъ отъ логическаго мыслительнаго процесса. Онъ видѣлъ въ исторіи и въ природѣ проявленіе логики, и въ особенности согласіе и противорѣчіе идей. Онъ воображалъ, какъ романтикъ-абсолютистъ, что онъ находится въ противорѣчіи со всей прежней философіей и именно потому противорѣчіе считалъ закономъ развитія.

Это соотвѣтствовало полемическому и критическому настроенію Маркса. Но Марксъ и Энгельсъ, повидимому, сами чувствовали недостаточность подобнаго обоснованія и потому обратились къ дарвинизму и эволюціонизму [1]).

[1]) Энгельсъ видитъ главное пріобрѣтеніе современнаго естествознанія прежде всего въ ученіи о клѣточкѣ, какъ единицѣ, изъ дифференцированія и размноженія которой развились всѣ растительные и животные организмы. Это развитіе управляется общимъ закономъ. Клѣточки могутъ измѣняться такимъ образомъ, что могутъ измѣняться по своему виду и организмы, такъ то эти послѣдніе совершаютъ не одно только индивидуальное развитіе.

Второе великое пріобрѣтеніе естествознанія, по мнѣнію Энгельса, есть законъ превращенія энергіи, причемъ различныя силы неорганическаго міра представляются, какъ различныя формы всеобщаго движенія.

Наконецъ Энгельсъ выставляетъ ученіе Дарвина, что всѣ теперь существующіе организмы, включая и человѣка, суть результатъ продолжительнаго процесса развитія изъ небольшаго количества первоначальныхъ клѣточекъ; а эти клѣточки, полагаетъ Энгельсъ, произошли химически изъ протоплазмы или бѣлка. Анти-Дюрингъ, 48.

Современный эволюціонизмъ и въ особенности дарвинизмъ совершенно не согласуются съ ученіемъ Гегеля; дарвинизмъ не согласуется также и съ ученіемъ Маркса.

Марксъ и Энгельсъ цѣнятъ въ дарвинизмѣ прежде всего идею эволюціи, но они не замѣчаютъ того, что эта идея противорѣчитъ ихъ діалектикѣ и ихъ историческому матеріализму. Не говоря уже о томъ, что Дарвинъ признаетъ совершенно иныя силы развитія, чѣмъ Марксъ—въ дарвинизмѣ дѣло идетъ не просто о фактѣ развитія міра и общества, а главнымъ образомъ о томъ, чѣмъ и какъ они развиваются.

А кромѣ того ученіе Дарвина значительно видоизмѣнено эволюціонистами и потому его невозможно отождествлять съ эволюціонизмомъ, какъ его отождествлялъ Энгельсъ до конца своей жизни. Да и самъ дарвинизмъ (какъ ученіе Дарвина) есть синтезъ многихъ ученій и потому неосновательно связывать соціализмъ со всемъ дарвинизмомъ — надлежащимъ методомъ было бы сравненіе только отдѣльныхъ, опредѣленныхъ ученій въ обѣихъ этихъ системахъ (Напр. борьба за существованіе и классовая борьба) [1]).

[1]) Самъ Энгельсъ сдѣлалъ попытку объяснить происхожденіе человѣка отъ обезьяны (Neue Zeit 1896: „Участіе труда въ очеловѣченіи обезьяны“. Посмертная статья Энгельса. Этотъ отрывокъ написанъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ). Но въ главныхъ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ работѣ о семьѣ, гдѣ онъ излагаетъ всю исторію культуры, онъ совсѣмъ не пользуется сознательно дарвинизмомъ. Соединеніе марксизма и дарвинизма и у Энгельса и у другихъ марксистовъ остается поверхностнымъ и непрочнымъ; не сдѣлано ни одной серьезной попытки согласовать оба эти ученія. Въ книгѣ противъ Дюринга (57) Энгельсъ защищаетъ ученіе Дарвина и принимаетъ формулу приспособленія и наслѣдованія Геккеля.

Бебель принимаетъ дарвинизмъ ради его революціоннаго якобы вліянія („Женщина“ 246), а также и извѣстный Эвелингъ (Neue Zeit 1897. „Дарвинъ и Марксъ“ параллель). Но ни одинъ изъ нихъ не доказалъ согласія между ученіями Дарвина и Маркса. Этой задачи не разрѣшилъ и Ферри („Соціализмъ и положительная наука“ 1894). Недавно этимъ вопросомъ подробно занялись Пирсонъ: „Шансы смерти и другіе этюды объ эволюціи“ 1898 и Вольтманъ: „Теорія Дарвина и соціализмъ“ 1899 („Этика“—Вольтмана ср. §§ 133).

По моему мнѣнію Каутскій (въ разборѣ сочиненія Ферри въ Neue Zeit 1895) совершенно основательно съ точки зрѣнія марксизма отказывается отъ стремленія искать поддержки марксизму въ дарвинизмѣ; въ особенности я согласенъ съ нимъ по вопросу о методѣ: „доказывать необходимость соціализма не опредѣленными историческими условіями, а естественными законами, значитъ мыслить какъ угодно, но не по Марксу“. Вопреки всякому натурализму Маркса и Энгельса въ соціологіи эти слова Каутскаго вполнѣ справедливы. Мы будемъ еще говорить дальше объ отношеніи дарвинизма къ марксизму—§§ 45, 84 и др.

Изъ эволюціонистовъ не соціалистовъ укажу на Шмидта.—Дарвинизмъ и соціалъ демократія 1878 и Геккеля.—Монизмъ, какъ связь религіи и науки. Исповѣданіе вѣры естествоиспытателя 1892; ср. его-же: Свободная

C.

Позитивный матеріализмъ Маркса.

II. Конечно, не трудно указать на слабую сторону гегелевскаго монизма, т.-е. на его пантеизмъ: какимъ образомъ объясняется отношеніе личнаго сознанія къ абсолютному духу? Если этотъ духъ всего болѣе проявляется въ философіи, если разумъ сознаетъ себя въ философіи, то что же такое конкретный философъ [1])?

Ученики Гегеля выходили изъ затрудненія посредствомъ индиви-

наука и свободное ученіе 1878; на Бюхнера.—Дарвинизмъ и соціализмъ или борьба за существованіе и современное общество 1894. Гексли.—Естественное неравенство людей 1890. Эволюція и этика 1893. Спенсеръ.—Основанія соціологіи. 111, 1886 и Кидда.—Общественная эволюція 1894. (въ нѣмецкомъ переводѣ введеніе Вейсмана; противъ Кидда въ особенности Пирсонъ).

Ср. также Ритчи.—Дарвинизмъ и политика 3 изд. 1895. Аммонъ.—Общественный строй и его естественныя основы 1897 и „Дарвинизмъ противъ соціалъ демократіи“ 1891.

Противъ Бебеля съ точки зрѣнія естествознанія выступилъ Циглеръ: Естествознаніе и соціалъ демократическая теорія; ихъ отношеніе на основаніи сочиненій Дарвина и Бебеля 1894 Циглеръ во многихъ отношеніяхъ правъ, указывая, что Бебель не понялъ дарвинизма; но Циглеръ грѣшитъ тѣмъ, что, не обращая вниманія на ученія Маркса и Энгельса, дѣлаетъ изъ Бебеля представителя научнаго соціализма. Во многомъ Циглеръ ужъ черезъ чуръ довѣряетъ своимъ авторитетамъ (напр. въ исторіи семьи) и я вообще не согласенъ съ рѣшеніемъ общественныхъ и историческихъ вопросовъ посредствомъ естествознанія. Въ этомъ отношеніи Циглеръ грѣшитъ столько же, сколько и Бебель. Бебель отвѣчалъ Циглеру въ новомъ изданіи своей книги, но не очень удачно, да и вообще изъ сочиненія Циглера и возраженій другимъ по спорнымъ вопросамъ онъ ничему не научился.

По спеціальному вопросу Хегаръ.—„Половое влеченіе“.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: Вирховъ первый обратилъ вниманіе (1877) на то, что соціалисты обращаются за поддержкой къ дарвинизму. Вольтманъ указываетъ на статью въ Volksstaat (1843), какъ на первую попытку со стороны соціалистовъ соединить дарвинизмъ съ соціализмомъ. Для указанія противорѣчія между дарвинизмомъ и соціализмомъ сдѣлали не мало Нитцше и его послѣдователи, толковавшіе дарвинизмъ аристократически.

[1]) Марксъ.—„Святое Семейство“, 124. „Гегель виновенъ въ двойной половинчатости, объявляя во первыхъ философію бытіемъ абсолютнаго духа и не рѣшаясь при этомъ признать дѣйствительнаго философскаго индивида этимъ абсолютнымъ духомъ; а во вторыхъ дѣлая абсолютнаго духа только видимостью исторіи. Такъ какъ абсолютный духъ приходитъ въ философѣ къ сознанію, какъ творческій міровой духъ, только post festum, то его созданіе исторіи (фабрикація исторія) существуетъ только въ сознаніи, въ мнѣніи и представленіи философа, только въ спекулятивномъ воображеніи“.

дуализма и матеріализма. Штирнеръ, Бруно Бауеръ и др., сдѣлали абсолютнымъ духомъ индивида, себя самаго—какъ бы они не называли этого индивида, «Einzigen», «Kritik» или иначе. Рука объ руку съ индивидуализмомъ идетъ и матеріализмъ. Предпосылокъ у Гегеля и для того и для другого было достаточно: для индивидуализма.—Гегель признавалъ въ концѣ концовъ свою философію послѣднимъ, окончательнымъ и абсолютнымъ проявленіемъ абсолютнаго духа; для матеріализма.—Гегель самъ объявлялъ матерію и абсолютную сущность понятіемъ единымъ и тождественнымъ [1]).

Марксъ тоже подъ вліяніемъ Фейербаха перешелъ отъ пантеизма Гегеля къ матеріализму. Въ «Святомъ Семействѣ» онъ излагаетъ исторію матеріализма, чтобы доказать, что матеріализмъ есть истинная и единственная основа соціализма и коммунизма [2]).

Марксъ видитъ въ матеріализмѣ новое, современное міросозерцаніе, долженствующее замѣнить метафизику, теологію и религію. Классическая родина матеріализма—это Англія («матеріализмъ есть урожденецъ и сынъ Великобританіи»), его основатели—это Бэконъ, Гоббсъ и Локкъ. Изъ Англіи онъ перешелъ во Францію (Кандильякъ), гдѣ и цивилизовался. Французы наполнили его своимъ esprit, дали ему плоть и кровь, краснорѣчіе и темпераментъ. Уже у Гельвеція проявляется его характеръ. Гельвецій понялъ его въ его отношеніи къ общественной жизни. Но у французовъ былъ кромѣ того и свой туземный матеріализмъ, исходящій отъ Декарта. Этотъ механическій матеріализмъ перешелъ во французское естествознаніе, тогда какъ англійскій матеріализмъ и въ особенности матеріализмъ Локка, сдѣлался однимъ изъ культурныхъ элементовъ, прямо приводящимъ къ соціализму.

Нѣмецкая философія девятнадцатаго вѣка есть, по мнѣнію Маркса, возобновленіе метафизики семнадцатаго столѣтія, уничтоженной, собственно говоря, еще скептицизмомъ Бэйля. Только гуманизмъ Фейербаха тождественъ съ матеріализмомъ, онъ въ теоріи есть то, что на практикѣ французскій и англійскій соціализмъ и коммунизмъ.

Мы не будемъ останавливаться на этой исторіи новой философіи—ея очевидная неосновательность вытекаетъ изъ неосновательнаго ноетическаго и метафизическаго анализа. Сваливать въ одну кучу матеріализмъ Бэкона, Гоббса, Локка, Кондильяка, Гельвеція и Фейербаха, несомнѣнно, не подобаетъ; такая историческая некритичность коренится въ некритическомъ пониманіи матеріализма вообще. Мы тутъ находимъ подтвержденіе того, что мы говорили о ходѣ развитія Маркса—именно что онъ развился до соціализма изъ нѣмецкой философіи (Фейербахъ).

[1]) Ср. цитату Маркса изъ Гегеля противъ Бауера въ „Святомъ Семействѣ“ 208.

[2]) „Святое Семейство“ 195 ср. §§ 91.

Матеріализмъ Маркса имѣетъ для насъ двойной интересъ; мы задаемъ себѣ вопросъ, какъ Марксъ обосновывалъ его ноетически и метафизически и какъ онъ примѣнялъ его къ соціологіи.

О соціологической сторонѣ вопроса мы будемъ говорить дальше. Мы изслѣдуемъ, дѣйствительно ли и поскольку матеріализмъ служитъ основой коммунизма (§§ 91); и далѣе мы будемъ разбирать, имѣлъ ли право Марксъ превращать пантеизмъ въ пролетаріатъ, дѣлая массы абсолютнымъ духомъ Гегеля (§§ 48).

Матеріалистическая метафизика и теорія познанія Маркса была формулирована Энгельсомъ въ его сочиненіи о Фейербахѣ; я кладу въ основаніе своего изслѣдованія это болѣе зрѣлое изложеніе. Раньше, чѣмъ приступить къ критикѣ, мы приведемъ сначала самое изложеніе Энгельса.

Высшая и важнѣйшая проблемма всякой философіи есть отношеніе мышленія къ бытію, духа къ природѣ—что существовало сначала, духъ или природа? Этотъ вопросъ превращается иногда въ другой: созданъ ли міръ Богомъ или онъ существуетъ отъ вѣка?

Философы смотря по ихъ отвѣту на такой вопросъ дѣлятся на два большихъ лагеря идеалистовъ и матеріалистовъ. Идеалисты отстаиваютъ первоначальность духа и такимъ образомъ въ концѣ концовъ признаютъ какого либо рода созданіе міра (для философовъ, напр. для Гегеля, такое созданіе болѣе сложное дѣло, чѣмъ по ученію религіи); матеріалисты считаютъ, напротивъ, первоначальной матерію.

Но для Энгельса вопросъ объ отношеніи между мышленіемъ и бытіемъ имѣетъ еще и другую сторону—каково отношеніе міра къ нашимъ идеямъ о немъ? Можетъ ли наше мышленіе понять дѣйствительный міръ? Въ состояніи ли мы посредствомъ нашихъ представленій и понятій создать вѣрную картину дѣйствительности? Большинство идеалистовъ, и въ числѣ ихъ и Гегель, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно; нѣкоторые же, какъ то Юмъ и Кантъ, отрицательно. По мнѣнію Энгельса, такія и всяческія иныя идеалистическія и философскія «выдумки» опровергаются довольно просто и рѣшительно: опытъ и промышленность неопровержимо доказываютъ, что наше мышленіе совершенно правильно представляетъ себѣ природу. Доказательство это состоитъ въ томъ, что мы сами можемъ создавать естественные процессы и заставлять ихъ служить нашимъ цѣлямъ. Такимъ путемъ мы покончимъ навсегда съ «вещью въ себѣ» Канта и со всѣми подобными выдумками. Въ настоящее время эту «вещь въ себѣ» производитъ химія, такъ напр. ализаринъ есть «вещь въ себѣ». Потому, по мнѣнію Энгельса, нѣмецкіе неокантіанцы и англійскіе агностики совершенно напрасно восторгаются превзойденными идеями Юма и Канта.

Фейербахъ окончательно порвалъ съ идеализмомъ. Гегель подготовилъ почву, а Фейербахъ окончательно позналъ, что Гегель съ его ноетическимъ идеализмомъ, съ его вѣрой въ абсолютную идею есть ничто иное, какъ фантастическій остатокъ вѣры въ внѣміроваго творца; потому онъ открыто призналъ, что матерія не есть продуктъ духа, а что, напротивъ, самъ духъ есть высшій продуктъ матеріи; вещественный, чувственно воспринимаемый міръ, къ которому принадлежимъ и мы, есть первоначальное и чувственно реальное, а наше сознаніе и наше мышленіе есть продуктъ вещественнаго, тѣлеснаго органа, мозга.

Это былъ во всякомъ случаѣ чистый матеріализмъ и самъ Фейербахъ испугался его слѣдствій.

Энгельсъ объясняетъ непослѣдовательность Фейербаха слѣдующимъ образомъ: онъ смѣшивалъ матеріализмъ, какъ общее міровоззрѣніе, съ одной изъ его историческихъ формъ, именно съ философіей восемнадцатаго вѣка. Фейербахъ отождествилъ его даже съ тѣмъ матеріализмомъ, который популяризировали въ нашемъ столѣтіи такіе поверхностные матеріалисты, какъ Бюхнеръ, Фогтъ и Молешотъ. Энгельсъ указываетъ на то, что матеріализмъ также, какъ и идеализмъ, прошелъ разныя стадіи развитія и потому нельзя смѣшивать современный историческій и научный матеріализмъ съ матеріализмомъ восемнадцатаго вѣка.

По мнѣнію Энгельса, въ этомъ устарѣвшемъ матеріализмѣ два недостатка:

Во первыхъ онъ объясняетъ міръ только механически, въ то время еще не было никакихъ химическихъ и біологическихъ знаній. А во вторыхъ, онъ именно поэтому былъ ограниченнымъ, такъ какъ не былъ въ состояніи понимать міръ, какъ діалектическій процессъ

Самъ Фейербахъ не былъ въ состояніи создать истинный матеріализмъ. Онъ не могъ усвоить прогрессивное современное естествознаніе и выработать науку объ обществѣ и объ его развитіи. Мы живемъ не только въ природѣ, но и въ человѣческомъ обществѣ—естественно научный матеріализмъ долженъ превратиться въ историческій. Сдѣлать этого Фейербахъ не могъ и потому онъ въ этикѣ и въ религіи сохраняетъ старую идеологію. Только историческій матеріализмъ Маркса представляетъ истинную науку о дѣйствительномъ человѣкѣ, о человѣкѣ, не абстрактномъ, а живущемъ въ исторіи и въ обществѣ.

Матеріализмъ долженъ сдѣлаться діалектическимъ, а діалектика матеріалистической. Такое превращеніе преобразуетъ естествознаніе и исторію. Естествознаніе до восемнадцатаго вѣка находилось подъ давленіемъ старой метафизики и было наукой «собирающей», т. е. наукой о готовой дѣйствительности; теперь оно превратилось въ науку «регулирующую» («распредѣляющую»—ordnenden), т. е. въ

науку о процессахъ, о происхожденіи и развитіи вещей, о ихъ связи, дѣлающей ихъ единымъ великимъ цѣлымъ. Только новое естествознаніе представляетъ полную картину природы, картину дѣйствительности, потому что старая естественная философія выдумывала тамъ, гдѣ она не могла объяснить и замѣняла дѣйствительныя отношенія идеями, а дѣйствительность выдумками. Современное естествознаніе объясняетъ природу, какъ историческій процессъ развитія.

Такимъ образомъ остествознаніе сдѣлалось настоящей исторіей міра, и исторія стала настоящей наукой. Старая философія исторіи, права и религіи вмѣсто дѣйствительныхъ фактовъ и ихъ связи предлагала то, что конструировалъ въ своей головѣ философъ, излагая лично ему пріятныя мысли. Исторія заранѣе ставила себѣ опредѣленную идеальную цѣль безъ эмпирическаго изученія фактовъ; Гегель, напримѣръ, видѣлъ въ исторіи осуществленіе своей абсолютной идеи. Постоянное отнесеніе фактовъ къ такой абсолютной идеѣ методологически составляло внутреннюю связь историческихъ событій; мѣсто дѣйствительной, еще неизвѣстной связи историческихъ явленій совершенно произвольно заняло таинственное провидѣніе.

Только Марксъ своей матеріалистической діалектикой окончательно устранилъ такую метафизическую исторію философіи. Какъ въ естествознаніи, такъ и въ исторіи искусственныя связи были устранены и открыты связи естественныя, Марксъ открылъ общіе законы движенія, дѣйствующіе въ исторіи человѣческаго общества.

12. Энгельсъ прямо протестуетъ противъ упрека въ неточности опредѣленія понятія о матеріализмѣ и однако его разъясненія до чрезвычайности не точны; они не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики.

Уже одно исключительное противупоставленіе матеріализма и идеализма представляется страннымъ: неужели все философское мышленіе можетъ быть классифицировано на основаніи этихъ двухъ богатыхъ содержаніемъ категорій?

Энгельсъ не дѣлаетъ никакого различія между ноетическимъ и метафизическимъ вопросами и при своемъ обоснованіи матеріализма поступаетъ съ абсолютной, чтобъ не сказать больше, некритичностью. Химія... доказательство противъ Канта! Изъ философскихъ произведеній какъ Энгельса, такъ и Маркса видно, что они оба занимались только однимъ Гегелемъ; въ особенности на Канта они смотрятъ чрезъ очки Гегеля, и потому они и не формулируютъ никогда ноетическаго вопроса. Только этимъ и можно объяснить, что они довольствуются неопредѣленными понятіями, вродѣ того, напр., что природа есть «первоначальное».

Уже Фейербахъ наткнулся на затрудненія, представляемыя матеріалистическимъ объясненіемъ міра и Энгельсъ былъ совершенно

правъ, упрекая его въ половинчатости; но Фейербахъ мыслилъ настолько критически, что не могъ принять матеріализма цѣликомъ, со всѣми его послѣдствіями. Потому то мы и встрѣчаемъ у него такія оригинальныя оговорки, когда онъ на вопросъ, откуда же происходитъ духъ, отвѣчаетъ, что онъ происходитъ оттуда, откуда происходитъ и тѣло, что онъ развивается съ тѣломъ и т. д. Марксъ и Энгельсъ отмѣтили это, но вмѣсто того, чтобы подвергнуть новой и разносторонней критикѣ философію Фейербаха и всю ноетическую проблемму, они довольствуются тѣмъ, что безъ критики принимаютъ взгляды Фейербаха и продумываютъ ихъ до конца; они принимаютъ матеріализмъ цѣликомъ и вмѣстѣ съ нимъ весь его fundus instructus невозможностей. Ни Марксъ, ни Энгельсъ не вышли изъ предѣловъ вульгарнаго реализма и матеріализма.

Я предлагаю читателю повнимательнѣе прочитать объясненія Маркса и Энгельса и онъ сразу наткнется на истинныя теоретикопознавательныя чудища. Приведу одинъ примѣръ:

Воздѣйствія внѣшняго міра на человѣка «выражаются» въ его головѣ, «отражаются» въ ней, какъ мысли, чувства, влеченія, рѣшенія воли и т. д. Нельзя избѣжать, чтобы все, движущее человѣка, дѣйствующее на него, не проходило чрезъ его голову—даже ѣда и питье происходитъ вслѣдствіе голода и жажды, воспринимаемыхъ головой, а заканчиваются они вслѣдствіе насыщенія, которое воспринимается тоже головой[1]). Нужно ли говорить, что все это объясненіе и каждое употребляемое при немъ выраженіе до крайности не точны? Какимъ образомъ представить себѣ, что напр. мотивъ чувства есть отраженіе внѣшняго міра?

Невозможно также психологически представить себѣ, что такое «изображеніе» (Abbild) вещей Энгельса: какимъ образомъ оно появляется? Что такое «отраженіе» (Reflex) внѣшняго міра, о которомъ говоритъ Энгельсъ въ другихъ мѣстахъ?

Припомнимъ, какъ самъ Марксъ формулируетъ этотъ вопросъ и подумаемъ объ этой формулировкѣ. «Мой діалектическій методъ по его основѣ не только отличается отъ метода Гегеля, но и составляетъ его прямую противуположность. Для Гегеля процессъ мышленія, который онъ даже превращаетъ въ самостоятельный объектъ подъ именемъ идеи, есть Деміургъ дѣйствительности, составляющій только внѣшнее его проявленіе. Для меня наоборотъ, идеальное есть ничто иное, какъ переведенное въ человѣческую голову матеріальное»[1]). Но что это, собственно, такое и какъ мы должны представить себѣ все это? Какимъ образомъ матеріальное переводится, перемѣщается въ человѣческую голову—и откуда происходитъ все и матеріальное и человѣческая голова?

---

[1]) Марксъ 1, 821.

Такимъ образомъ при матеріалистическомъ пониманіи отношенія субъекта къ объекту это отношеніе иногда опредѣляется, какъ параллелизмъ. Такъ, напр., о всеобщихъ законахъ движенія внѣшняго міра и человѣческаго мышленія говорится, что «въ дѣйствительности они тождественны, но по ихъ выраженію они различны постольку, поскольку сознательно человѣческая голова можетъ примѣнять ихъ[1]). Обыкновенно же Энгельсъ выражается въ смыслѣ вульгарнаго матеріализма, несмотря на то, что онъ протестуетъ противъ вульгарныхъ его представителей, вродѣ Бюхнера.

Этотъ вульгарный матеріализмъ, ведущій свое начало съ восемнадцатаго вѣка, не нравится Энгельсу потому, что онъ черезъ чуръ механиченъ; но становится ли онъ основательнѣе, если механическое объясненіе душевной жизни замѣнить химическимъ и біологическимъ, какъ этого хочетъ Энгельсъ? Будетъ ли матеріализмъ менѣе вульгарнымъ, если понимать его біологически? А кромѣ того и въ восемнадцатомъ вѣкѣ матеріализмъ уже не былъ просто механическимъ, а и біологическимъ и новѣйшій защитникъ Энгельса, Плехановъ, вопреки своему учителю охотно ссылается на матеріализмъ Гельвеція и его современниковъ.

Понятно, что тутъ весь вопросъ въ томъ, можетъ ли современная наука, и спеціально біологія, рѣшиться предложить ученіе, будто духъ есть высшій продуктъ матеріи, какъ выражается Энгельсъ. Я думаю, что мнѣ незачѣмъ говорить о томъ, что уже давно ни одинъ серьезный изслѣдователь не рѣшается утверждать этого. Но Энгельсъ не допускаетъ никакого сомнѣнія въ своей матеріалистической догматикѣ.

Намъ говорятъ, что первоначальный зародышъ, изъ котораго развился человѣкъ, произошелъ изъ протоплазмы или изъ бѣлка. Мнѣ нечего говорить о томъ, что современная біологія представляетъ это дѣло далеко не просто—Энгельсъ онтосительно самыхъ трудныхъ вопросовъ выражается съ завидной увѣренностью.

«Если мы далѣе зададимъ вопросъ, что такое мышленіе и сознаніе и откуда они произошли, то мы найдемъ, что они суть продукты человѣческаго мозга и что самъ человѣкъ есть продуктъ природы, развившійся въ своей средѣ и вмѣстѣ съ ней; при этомъ само собой понятно, что продукты человѣческаго мозга, которые въ концѣ концовъ суть продукты природы, не противорѣчатъ остальнымъ законамъ природы, а соотвѣтствуютъ имъ» [2]).

Но, вѣдь, это же и есть вульгарный матеріализмъ чистой воды и вульгарные его популяризаторы будутъ имъ очень довольны; онъ

[1]) Энгельсъ-Фейербахъ, 45. Ср. Плехановъ—о спинозизмѣ Энгельса 15 23.

[2]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 22.

совсѣмъ подходитъ къ такому доказательству, что химія опровергаетъ Канта; но въ особенности онъ подходитъ къ аргументу Энгельса о пуддингѣ—доказательство, что пуддингъ существуетъ, состоитъ въ томъ, что мы его кушаемъ [1]). Очевидно, что для Энгельса все развитіе философіи отъ Берклея до Канта не существуетъ.

Потому нечего удивляться, что ни Энгельсъ, ни Марксъ не даютъ подробнаго анализа происхожденія познанія и процесса мышленія. Слѣдовало бы ожидать такого анализа, такъ какъ они, вѣдь, измѣнили діалектику Гегеля—но въ чемъ же тогда состоитъ это измѣненіе и въ чемъ вообще заключается новая діалектика? Что такое, собственно говоря, матеріалистическій процессъ познанія? Для Гегеля діалектика была «душой научнаго изслѣдованія»—каково же ея марксистское тѣло? Со времени Канта философы не мало продумали о сущности нашего мыслительнаго синтеза, самъ Кантъ не мало мучился надъ анализомъ этого синтеза, чтобы по возможности точнѣе опредѣлить, что мы получаемъ отъ объекта и что создаетъ самъ изъ себя познающій субъектъ—откуда проистекаетъ оригинальная систематичность и единство нашего познанія?

«Дѣйствительное единство міра состоитъ въ его матеріальности и оно доказывается не парой ловкихъ фразъ, а продолжительнымъ развитіемъ философіи и естествознанія» [2]).

Этотъ отвѣтъ доказываетъ, что Энгельсъ не особенно мучился надъ Юмомъ и Кантомъ. Гегель былъ болѣе критическимъ и отдѣлялъ свою діалектику въ ея теоретикопознавательномъ, субъективномъ значеніи отъ объективной, исторической. Наоборотъ Марксъ и Энгельсъ нигдѣ и никогда серьезно не ставили теоретикопознавательной проблеммы діалектики и довольствовались вышеприведенными смутными разъясненіями.

Если для васъ еще не вполнѣ очевидна эта некритичность Энгельса, то прочтите главу, посвященную апріоризму (22). Почти не-

[1]) The proofe of the pudding is in the eating—Socialism Utopian und Scientific. XIV. Этотъ аргументъ принадлежитъ и Марксу; въ примѣчаніяхъ къ „Фейербаху“ читаемъ: „вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли человѣческому мышленію дѣйствительность, не вопросъ теоріи, а практическій. Человѣкъ долженъ доказать истину, т. е. дѣйствительность и силу, реальность своего мышленія на практикѣ. Споръ о реальности или не реальности мышленія, изолированный отъ практики, есть вопросъ чисто схоластическій“. Это положеніе только перефразированное вышеприведенное положеніе Энгельса; оно видоизмѣняетъ положеніе Фейербаха (который ссылается на практику противъ скептицизма), но направлено оно не противъ субъективизма, какъ представляется съ перваго взгляда. Помимо неясности выраженій эти замѣчанія доказываютъ, что Марксъ возражаетъ, собственно говоря, противъ матеріализма Фейербаха: дѣйствительность, объективный міръ въ формѣ воззрѣнія (Anschauung) недостаточенъ; необходимо понимать его субъективно, какъ дѣятельность чувственную.

[2]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 31.

возможно удержаться отъ замѣчанія, что Энгельсъ философствуетъ объ этомъ основномъ вопросѣ такимъ образомъ, точно никогда не было ни Юма, ни Канта, точно до Энгельса не существовало великихъ философовъ, думавшихъ объ этомъ вопросѣ.

Уже самое опредѣленіе понятія: идеализмъ чисто дѣтское: идеализмъ, говорятъ намъ, конструируетъ дѣйствительный міръ изъ идей, схемъ и категорій, которыя существовали извѣка до всякаго реальнаго міра. Энгельсъ тутъ говоритъ только о Гегелѣ, но самыя выраженія: схема и категоріи указываютъ и на Канта. Кантъ же начинаетъ свою критику такимъ заявленіемъ: «нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что все наше познаніе начинается съ опыта. Такимъ образомъ во времени ни одно познаніе не предшествуетъ опыту, всѣ они начинаются съ опыта»—т. е. какъ разъ противуположное тому, что говоритъ Энгельсъ объ идеализмѣ.

Отвергая идеализмъ, Энгельсъ даетъ столь же невозможное опредѣленіе матеріализма. Онъ старается доказать невозможность философскихъ основаній познанія слѣдующимъ образомъ: принципы не исходный пунктъ изслѣдованія, а его конечный результатъ; принципы не примѣняются къ естествознанію и къ исторіи человѣчества, а абстрагируются отъ нихъ; природа и люди не устраиваются по принципамъ, а, наоборотъ, эти послѣдніе вѣрны лишь по стольку, по скольку они согласуются съ исторіей и природой.

Неужели мнѣ приходится говорить Энгельсу о томъ, что понималъ и доказывалъ еще Аристотель, отдѣлявшій познаніе отдѣльныхъ явленій отъ ихъ основаній? Да вѣдь и не вѣрно, что при нашемъ познаніи все дѣло въ историческомъ развитіи даннаго опыта, дѣло въ особого рода упорядоченномъ, приведенномъ въ систему опытѣ. Абстракція, о которой и Марксъ и Энгельсъ постоянно говорятъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, и есть такой систематирующій опытъ принципъ. Но критерій истины, критерій увѣренности, который отыскивается философами съ самаго начала мышленія, это нѣчто другое, чѣмъ абстрагированіе общихъ положеній и изслѣдованіе, согласуются ли они съ опытомъ.

Энгельсъ для оправданія своего матеріализма ссылается на позитивизмъ, и полагаетъ, что не нужно никакой философіи, что достаточно положительныхъ знаній, положительныхъ наукъ — но у отца современнаго позитивизма Энгельсъ могъ бы узнать, что и позитивистъ не обходится безъ философскихъ основаній (потому, хотя и положительная, а все таки философія!); изъ логики ученика Конта, Милля, Энгельсъ могъ бы узнать, что позитивизмъ долженъ систематизировать и организировать положительныя науки (а вѣдь Милль тоже матеріалистъ, и даже нигилистъ) и что такое систематизированіе и организація должна совершаться на основаніи извѣстныхъ логическихъ и теоретико познавательныхъ принциповъ.

Энгельсъ говоритъ напр. о математикѣ—но что же онъ говоритъ о ней? Что понятіе о числѣ получено изъ опыта — люди считаютъ по пальцамъ, а «пальцы, конечно, не свободное созданіе разума». Точно также и понятіе о фигурѣ взято исключительно изъ внѣшняго міра—декретируетъ, Энгельсъ противъ Канта, и ему и дѣла нѣтъ до того, что, вѣдь, и Кантъ зналъ о счетѣ по пальцамъ и т. д. И несмотря на все это, Энгельсъ въ концѣ концевъ признаетъ, что существуютъ математическія аксіомы и что онѣ апріорные; понятно, что Энгельсъ не даетъ никакого объясненія своему понятію объ апріорности; онъ говоритъ только, что математическія аксіомы происходятъ изъ логики. Энгельсъ признаетъ двѣ такихъ аксіомы (цѣлое больше части и двѣ, равныя третьей, величины, равны между собой), но онѣ столь тощи, что ими ни въ математикѣ, ни въ другомъ чемъ, даже голодную собаку изъ теплаго угла не выманишь. Такъ зачѣмъ же признаетъ ихъ Энгельсъ?

Мнѣ незачѣмъ приводить другихъ примѣровъ. Можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что Энгельсъ и Марксъ совершенно лишены критицизма въ основныхъ вопросахъ научной и философской систематики, вообще въ основныхъ вопросахъ философіи. Они критикуютъ постоянно и развиваются посредствомъ критики своихъ противниковъ, но эта критика постоянно направлена на отдѣльные вопросы; собственныя же свои философскія основы они просто принимаютъ безъ настоящей философской критики. Марксъ и Энгельсъ типичные представители матеріалистическаго догматизма—и самъ папа не могъ бы быть болѣе догматичнымъ.

13. Къ такому не критическому, догматическому матеріализму отлично подходитъ и позитивизмъ Маркса и Энгельса. Я уже обратилъ вниманіе читателя на этотъ элементъ ихъ философіи. Тэнъ перешолъ отъ позитивизма къ матеріализму, а Марксъ и Энгельсъ, напротивъ, отъ матеріализма перешли къ позитивизму. Видно, и то и другое одинаково возможно.

Для пониманія марксизма очень важно отличать въ матеріализмѣ Маркса элементы позитивизма—и это тѣмъ важнѣе, что ни Марксъ, ни Энгельсъ сами не сознавали такого отличія.

Энгельсъ часто подъ матеріализмъ понимаетъ, собственно говоря, позитивизмъ, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія многія его выраженія. Напр., онъ даетъ такое опредѣленіе матеріализма: «понимать дѣйствительный міръ—природу и исторію—такъ, какъ онъ представляется каждому, приступающему къ нему безъ предвзятыхъ идеалистическихъ бредней... безъ всякаго милосердія жертвовать всякими предвзятыми идеалистическими мнѣніями, несогласующимися съ фактами, понимаемыми въ ихъ дѣйствительной, а не фактической связи. Матеріализмъ ничего болѣе этого и не представляетъ» [1]).

[1]) Энгельсъ—„Фейербахъ“, 43.

Уже одно это мѣсто доказываетъ, что Энгельсъ, собственно говоря, говоритъ о позитивизмѣ. А такихъ мѣстъ у него много [1]). Марксъ и Энгельсъ говорятъ о метафизикѣ и идеологіи также, какъ позитивисты; метафизикѣ они противупоставляютъ матеріалистическую діалектику. Энгельсъ ультрапозитивно отвергаетъ философію и ставитъ на ея мѣсто положительныя науки. «Вообще не какую либо философію, а простое міросозерцаніе слѣдуетъ вводить и проводить не въ отдѣльной наукѣ наукъ, но и въ настоящихъ наукахъ» [2]).

Позитивно и ученіе объ относительности познанія и поведенія. Энгельсъ, правда, выводитъ эту относительность отъ Гегеля, но онъ почерпнулъ ее также и даже болѣе изъ французскаго и англійскаго позитивизма. Обосновываетъ ее онъ совершенно по Конту; фактически каждое мыслительное отраженіе міровой системы ограничивается объективно историческимъ моментомъ, а субъективно физическимъ и духовнымъ строемъ своего творца [3]).

Для метафизика, говоритъ онъ, вещи и ихъ образы въ мышленіи, т. е. понятія, суть отдѣльныя предметы изслѣдованія, постоянные, неподвижные, данные разъ на всегда; наоборотъ діалектикъ-матеріалистъ разсматриваетъ и познаетъ прежде всего развитіе вещей, ихъ созиданіе и исчезновеніе, онъ не забываетъ изъ за ихъ постоянства ихъ движенія. Метафизикъ думаетъ и говоритъ: да—нѣтъ!—т. е. онъ вездѣ видитъ непреодолимыя противорѣчія, а діалектикъ-матеріалистъ побѣждаетъ эти противорѣчія и сводитъ ихъ къ высшему единству [4]).

Послѣдовательное примѣненіе діалектическаго метода, утверждаетъ далѣе Энгельсъ, даже исключаетъ опредѣленія, покрайней мѣрѣ вполнѣ опредѣленныя: понятія развиваются также, какъ развивается и міръ, и потому, говоритъ Энгельсъ, уподобляясь современнымъ позитивистамъ-диллетантамъ, вродѣ Ренана, мы не должны искать у Маркса опредѣленныхъ понятій [5]). Въ духѣ такого позитивнаго историзма Энгельсъ ищетъ истины въ самомъ процессѣ познанія, въ продолжительномъ историческомъ развитіи науки, восходящей «отъ нисшей до высшей ступени познанія, не достигая, посредствомъ нахожденія такъ называемой абсолютной истины, такого пункта, дальше котораго идти уже некуда, въ которомъ ей уже не остается ничего больше, какъ сложить на груди руки и созерцать добытую ей абсолютную истину. И это какъ въ сферѣ философскаго и всякого другого познанія, такъ и въ сферѣ практическаго дѣйствія» [6]). «Господство,

---

[1]) Марксъ (I, 386) тоже признаетъ матеріалистическій методъ единственнымъ научнымъ.
[2]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 141.
[3]) Ibid., 24.
[4]) Ibid. 6, 7.
[5]) III, I, XVI.
[6]) Энгельсъ—„Фейербахъ“ 4.

суверенитетъ мышленія осуществляется въ ряду людей, мыслящихъ въ высшей степени не суверенно; познаніе, имѣющее безусловную претензію на истину, осуществляется рядомъ относительныхъ ошибокъ; ни то, ни другое не можетъ быть осуществлено иначе, какъ безконечнымъ развитіемъ человѣчества» [1]).

Въ противуположность современной положительной наукѣ, въ особенности естествознанію, старая философія и метафизика употребляла идеологическій или апріорный методъ, она хотѣла узнать свойства объекта не изъ самаго объекта, а выводила ихъ изъ идеи объ объектѣ. Такой устарѣлый методъ для Маркса и Энгельса есть методъ идеологическій, вообще идеологія. Идеологія есть «занятіе идеями, какъ самостоятельными, развивающимися независимо и подчиненными своимъ собственнымъ законамъ сущностями» [2]).

Энгельсъ не отрицаетъ правомѣрности этого метода въ прошломъ; нужно было изслѣдовать вещи раньше, чѣмъ появилась возможность изслѣдовать процессы.

Такое логическое раздѣленіе изученія неизмѣнныхъ, постоянныхъ вещей и ихъ развитія тоже приводится къ контовскому различенію статики и динамики; но тутъ есть, конечно, значительная разница. Контъ никогда не отвергалъ статики, онъ соединялъ оба момента, статическій и динамическій, въ одномъ понятіи (принципъ Даламбера). Марксъ и Энгельсъ признаютъ только динамическій моментъ, потому они отдѣляютъ его отъ статическаго во времени, дѣлая изъ двухъ методологическихъ категорій одну историческую. И однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что динамическое, историческое разсмотрѣніе невозможно безъ изученія самихъ вещей, каковы онѣ суть безъ всякаго ихъ отношенія къ движенію и развитію. Марксъ и Энгельсъ впадаютъ въ односторонній позитивный релативизмъ (относительность) и историзмъ. Позитивизмъ и самъ по себѣ довольно некритиченъ, а при подобномъ забвеніи статическаго момента онъ дѣлается еще болѣе некритичнымъ.

Марксъ и Энгельсъ въ ихъ позитивизмѣ исходятъ тоже отъ Гегеля. Но позитивизмъ Гегеля другого рода, чѣмъ контовскій. Гегель ищетъ примиренія съ дѣйствительностью иначе, чѣмъ Контъ; это видно все лучше въ томъ, что Контъ не признаетъ исторически совершившуюся революцію, а Гегель признаетъ исторически существующую прусскую правительственную систему. Конечно, мы «должны понять существующее»; но изъ этого совсѣмъ не вытекаетъ положеніе: «разумное дѣйствительно, и существующее разумно»—дѣйствительны были не только Фридрихи Вильгельмы III и IV, а и Ро-

---

[1]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 80.
[2]) Энгельсъ—„Фейербахъ“, 62.

бесньеръ и революція Бибёфа. Г-жа Сталь успѣла сдѣлать лучшій выводъ изъ положенія Гегеля, чѣмъ самъ Гегель.

Марксъ и Энгельсъ тоже держались дѣйствительности, когда они проповѣдывали революцію. Дѣйствительность, вѣдь, также относительна, какъ и истина и заблужденія. Марксъ и Энгельсъ были позитивными догматиками революціи, тогда какъ Гегель былъ позитивнымъ догматикомъ реакціи — которая, въ нѣкоторомъ родѣ, тоже революція (§ 148). Некритическій позитивизмъ, какъ историзмъ, есть ничто иное, какъ некритическій эмпиризмъ (§ 17).

Марксъ и Энгельсъ заимствовали свой позитивизмъ, и въ особенности ученіе объ антропоморфизмѣ, у Фейербаха, но все же у нихъ замѣтны и вліянія французскаго и англійскаго позитивизма, хотя они не уяснили себѣ различія между этими позитивизмами.

14. Какъ уже сказано, у Маркса общимъ съ позитивизмомъ было важное ученіе объ антропоморфизмѣ. Въ историческомъ отношеніи мы уже установили, что Марксъ тутъ былъ послѣдователемъ Фейербаха, а этотъ послѣдній послѣдователемъ деистовъ и въ особенности Юма. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что ни Марксъ, ни Фейербахъ не поняли всего значенія проблеммы объ антропоморфизмѣ такъ глубоко, какъ Контъ или Кантъ.

У Конта Марксъ могъ познакомиться съ исторической и соціальной стороной вопроса, онъ могъ узнать, что антропоморфизмъ имѣлся и имѣется не только въ религіи, но и во всемъ человѣческомъ мышленіи. Человѣкъ антропоморфизируетъ также въ соціологіи, психологіи, физикѣ и т. д., и даже въ математикѣ. Антропоморфизмъ охватываетъ всю умственную дѣятельность человѣка.

Контъ указалъ на это вполнѣ справедливо. Для него историческое развитіе есть вообще процессъ непрерывнаго освобожденія отъ антропоморфизма; антропоморфизмъ, съ котораго началось развитіе, постепенно уменьшается и постепенно усиливается положительное мышленіе, позитивизмъ, и въ концѣ концевъ человѣчество будетъ мыслить только положительно.

Фейербахъ также различаетъ три стадіи религіознаго развитія; онъ отличаетъ, какъ мы говорили, чувственное воображеніе отъ абстрактнаго (обыкновенная теологія и абстрактная теологія), но онъ все-таки не созналъ проблеммы во всей ея полнотѣ. Если точное мышленіе развивается исторически, постепенно такимъ (или подобнымъ) образомъ, то появляется ноетическій вопросъ о критеріи достовѣрности: какое ручательство въ томъ, что современное мышленіе точно и положительно и что оно окончательно? И другой вопросъ: каково именно ноетическое отношеніе точного мышленія къ антропоморфическому?

Этотъ вопросъ фундаментальный для болѣе глубокого пониманія философіи Маркса. По мнѣнію Конта, развитіе мышленія начинается

съ теологической стадіи; теологическое мышленіе замѣняется метафизическимъ, составляющимъ въ свою очередь переходъ къ положительному мышленію. Это развитіе, по словамъ Конта, происходитъ постепенно; каждая изъ трехъ фазъ мышленія, теологическая, метафизическая и положительная, распадается на нѣсколько ступеней.

Антропоморфизмъ Фейербаха соотвѣтствуетъ теологической и метафизической стадіямъ Конта. Самъ Фейербахъ, какъ уже сказано, различаетъ ступени антропоморфическаго, или иначе мифическаго, мышленія [1]).

Историческій вопросъ о стадіяхъ развитія разрѣшается въ концѣ концевъ психологически и ноетически: какое мышленіе мифическое и какое точное съ точки зрѣнія психологіи и теоріи познанія? Такъ какъ Фейербахъ переноситъ мифъ въ религію, то in concreto вопросъ ставится объ отношеніи религіи и теологіи съ одной стороны и науки и философіи съ другой.

Таковы вопросы, надъ которыми мучается вся новая философія со времени Юма до Фейербаха и Маркса и до сего времени. Потому посмотримъ, какъ разрѣшаетъ ихъ Фейербахъ, такъ какъ Марксъ исходитъ отъ Фейербаха.

Вышеупомянутыя три стадіи религіознаго, а по Фейербаху и мифическаго мышленія, психологически и ноетически приводятся къ различію фантазіи и разума. Языческій и христіанскій мифъ (т. е. антропоморфизмъ) основанъ на чувственной фантазіи; языческая фантазія была ошибочна, мелка и поверхностна, а христіанская глубока, основательна и радикальна [2]).

Потому въ христіанствѣ уже развивается теологія — потому что теологія есть уже сомнѣніе въ истинѣ мифа и потому же позже изъ теологіи развивается философія. Въ первоначальныхъ системахъ философіи она болѣе или менѣе смѣшивается съ теологіей; только самъ Фейербахъ пользовался «чистымъ» разумомъ и понималъ Бога, т. е. человѣка, какъ «не антропоморфическую сущность» [3]).

Штирнеръ, какъ видите, былъ не совсѣмъ неправъ, называя Фейер-

---

[1]) Въ новѣйшее время для обозначенія того, что Фейербахъ и Марксъ называли антропоморфизмомъ, а Контъ теологическимъ и метафизическимъ мышленіемъ, употребляютъ терминъ мифъ, мифическій; антропоморфизированіе есть только одна сторона мифической умственной дѣятельности и состоитъ, какъ указалъ еще Кантъ, изъ многихъ элементарныхъ дѣятельностей. См. Масарикъ — „Опытъ конкретной логики. Классификація и организація наукъ“ 1886. 7 главу: Мифъ и наука.

[2]) Сочиненія I, 326. Различіе языческаго и христіанскаго обожествленія человѣка.

[3]) „Новая философія исходитъ отъ теологіи — она сама есть ничто иное, какъ теологія, превратившаяся въ философію“ II, 298. Ср. „Нѣмецкая философія отъ разума доказываетъ то, во что теологъ вѣритъ по простотѣ“ Болинъ, I, 47.

баха тоже теологомъ, и дѣйствительно, Фейербахъ тѣсно соединялъ философію съ теологіей—такъ тѣсно, что въ концѣ концевъ у него философія исчезаетъ, она становится разумной теологіей и прямо таки религіей.

По мнѣнію Фейербаха, вся задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы привлечь объектъ теологіи къ суду разума. Уже обыкновенный эмпиризмъ видитъ ничтожность прошлыхъ религій; но такое его сужденіе вытекаетъ изъ смутнаго чувства, оно «патологическое»; задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы это патологическое, субъективное сужденіе замѣнить теоретическимъ, объективнымъ; ея задача состоитъ въ томъ, чтобы непрямое, безсознательное, отрицательное отрицаніе теологіи сдѣлать прямымъ, сознательнымъ и положительнымъ [1]).

Стало быть, по мнѣнію Фейербаха философія зависитъ отъ теологіи, наука отъ религіи, разумъ отъ мифической фантазіи, т. е. въ сущности говоря, Фейербахъ считаетъ философію только отрицательной. И дѣйствительно, Фейербахъ и высказывается въ этомъ смыслѣ. «Философію можно бы назвать педагогикой ума; для меня она имѣетъ только отрицательное, критическое значеніе — положительна только наука, какъ она высказывается въ сущности религіи» [2]).

Такое мнѣніе вытекаетъ изъ основной идеи фейербаховскаго гуманизма.

Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Фейербаха, создается новая положительная философія,—антропологія; но Фейербахъ только постулировалъ, а не разработалъ такую положительную философію [3]). Этимъ онъ отличается отъ Конта, сдѣлавшаго попытку созданія научной положительной философіи. Фейербахъ не пошелъ дальше отрицанія стараго мышленія, спеціально теологіи.

Чтобы судить объ отношеніи Маркса къ этой основной проблеммѣ, напомнимъ въ немногихъ словахъ о взглядахъ предшественниковъ Фейербаха.

Юмъ былъ первымъ, всецѣло отождествлявшимъ религію съ мифомъ, и просто выбросившимъ ее за бортъ, вмѣстѣ съ теологіей и метафизикой, какъ фантазію и суевѣріе; истинный философскій теизмъ Юмъ допускаетъ, но онъ не говоритъ положительно о томъ, какъ можно обосновать его.

Кантъ пытается опровергнуть Юма. Его критицизмъ есть попытка

[1]) Сочиненія, II, 292.

[2]) У Болинга I, 64.

[3]) Такой новой положительной, освобожденной отъ антропоморфизма философіей будетъ антропологія и физіологія. Фейербахъ называетъ ее не философіей, а наукой, „универсальной наукой“ или „наукой первой, всеобщей, предшествующей всѣмъ другимъ“ (II, 242—тутъ этой всеобщей наукой признается психологія).

спасти изъ религіи все, что возможно; этимъ объясняется критика дѣятельности чувствъ и разума и въ особенности анализъ творческой фантазіи и философскаго синтеза. Кантъ поэтому изслѣдуетъ, до какой степени возможенъ, даже необходимъ, какъ неизбѣжный для человѣка, мифъ. То обстоятельство, что Кантъ въ его критикѣ въ концѣ концевъ допускаетъ «тонкій» (Subtilerer) антропоморфизмъ, конечно, заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ на него обыкновенно обращаютъ.

Контъ удовольствовался позитивизмомъ Юма, но въ концѣ концевъ и онъ обходнымъ путемъ позитивизма возвращается къ мифу въ формѣ фетишизма: этимъ возстановляется религія и теологія и самъ Контъ объявляетъ себя верховнымъ священникомъ новаго положительнаго фетиша (человѣчества).

Контъ былъ не первымъ и не послѣднимъ, совершившимъ такое романтическое сальто-мортале. Фейербахъ тоже возвращается къ религіи (человѣчества) и провозглашаетъ ее въ отличіе отъ философіи истинно-положительной; при этомъ онъ впадаетъ въ совершенно ту же ошибку, какъ и его учитель Юмъ (и Контъ, если только онъ былъ знакомъ съ нимъ); онъ понимаетъ религію, какъ теорію. Правда, мы встрѣчаемъ у него кое гдѣ и мнѣніе Канта, признававшаго религію прежде всего ученіемъ о нравственности, но въ сущности Фейербахъ видитъ въ религіи первобытную, наивную философію, къ которой примыкаетъ позднѣйшее сознательное мышленіе (какъ теологія и новая философія).

Фейербахъ кое чему выучился у Канта, но въ главномъ вопросѣ онъ возвращается къ деизму и спеціально къ Юму; онъ не усвоилъ вѣрную сторону критицизма и этимъ объясняются его неосновательное мнѣніе объ отрицательности философіи, отсутствіе проникновеннаго психологическаго и теоретико познавательнаго анализа мифическаго мышленія въ отличіи его отъ научнаго и философскаго; этимъ же объясняется и невѣрное мнѣніе объ отношеніи религіи и теологіи къ наукѣ и къ философіи.

Марксъ исходитъ отъ Фейербаха, но переходитъ отъ него къ болѣе рѣшительному французскому и англійскому позитивизму, въ особенности нравится ему деизмъ въ окраскѣ Юма. Потому то его мнѣнія объ антропоморфизмѣ и несовершенно послѣдовательны. Марксъ тоже не понялъ критицизма Канта (и виной этому также, какъ и

[1]) На этотъ результатъ чистой критики въ связи съ обсуждаемымъ здѣсь вопросамъ я обращалъ вниманіе въ своихъ статьяхъ: „Современный человѣкъ и религіозный вопросъ (Nase Doba, 1897).

[2]) Ученикъ Фейербаха, Людвигъ Кнапъ (Система философіи права 1857) пошелъ дальше; онъ дѣлаетъ попытку отдѣлить чистое (научное) мышленіе отъ фантастическаго (теологія и спекулятивная философія.

у Фейербаха, было вліяніе Гегеля) и потому онъ и не изслѣдовалъ вопроса ноетически.

Иногда, слѣдуя Конту, онъ не ограничиваетъ антропоморфизма одной религіей, но допускаетъ его, напр., и въ политикѣ; такъ въ одномъ письмѣ къ Руге онъ отличаетъ прежнія мечты человѣка отъ начинающаго критическаго пробужденія [1]). Въ «Капиталѣ» онъ употребляетъ выраженіе Конта фетишизмъ для обозначенія своего главнаго экономическаго понятія (§ 67).

Но всего чаще для него антропоморфизмъ есть ничто иное, какъ некритическое, деистическое пониманіе религіи, какъ неоправдываемое, грубое и низкое въ культурномъ отношеніи міровоззрѣніе. Съ этой точки зрѣнія религія для него просто давно побѣжденное суевѣріе [2]).

Принимая такимъ образомъ мнѣніе Фейербаха объ отношеніи прежней философіи къ теологіи и религіи, онъ вмѣстѣ съ религіей отвергаетъ и всякую мораль, а съ моралью и право и государство—и само собой понятно, всякую теологію и философію, вообще всякую идеологію.

Приведенное въ концѣ предыдущаго параграфа опредѣленіе идеологіи восходитъ до Конта и Фейербаха [3]). Но въ другихъ мѣстахъ этому термину дается другое значеніе, и вообще Марксъ и Энгельсъ часто соединяютъ съ нимъ очень неопредѣленныя понятія. Чаще всего Энгельсъ говоритъ объ идеологіи какъ объ иллюзіяхъ, почти въ смыслѣ Фурье («каждое время имѣетъ свои неизбѣжныя иллюзіи»); въ другой разъ (§ 25) онъ видитъ въ историческомъ развитіи только замѣну одной нелѣпости другой, менѣе нелѣпой—иное значеніе имѣетъ терминъ въ Коммунистическомъ манифестѣ: «законы, нравственность и религія для пролетарія суть буржуанскіе предразсудки, за которыми скрываются столь же буржаузные интересы».

Не говоря уже о томъ, что идеологія, какъ мы видимъ, оцѣнивается то съ точки зрѣнія позитивизма и относительности, а то абсолютно, Марксъ и Энгельсъ, наконецъ, приходятъ къ заключенію, что индивидуальное сознаніе есть иллюзія (§ 36).

Такая неясность и неопредѣленность понятія объ антропоморфизмѣ

---

[1]) Deutsch—Franz. Jahrbucher. Онъ говоритъ о мистическомъ, неясномъ для себя самого сознаніи—будетъ ли оно религіознымъ или политическимъ: „Оказывается, что міръ давно уже мечталъ о томъ, что онъ долженъ теперь сознать, чтобы обладать имъ“. Въ противуположность этимъ мечтаніямъ Марксъ требуетъ критики и объясненія. „Реформа сознанія состоитъ только въ томъ, чтобы міръ усвоилъ себѣ свое сознаніе, чтобы онъ пробудился отъ своихъ мечтаній о себѣ самомъ, чтобы онъ объяснялъ себѣ свои собственныя дѣйствія“.

[2]) См. напр. его статью о еврейскомъ вопросѣ.

[3]) Понятія о метафизикѣ и о метафизическомъ методѣ Марксъ и Энгельсъ примѣняли больше въ смыслѣ Гегеля, чѣмъ въ смыслѣ Конта.

отражается, понятно, и въ опредѣленіи его противуположности, положительной науки и философіи. Нигдѣ у Маркса и у Энгельса мы не находимъ указаній на то, что такое наука и научное познаніе, что такое научное объясненіе; это не малый пробѣлъ для системы, выдающей себя за научную—за научный соціализмъ.

Марксъ и Энгельсъ пользуются ходячей терминологіей позитивизма, они постоянно говорятъ о законахъ, объ изученіи фактовъ и т. д., но нигдѣ мы не встрѣчаемъ у нихъ яснаго и точнаго опредѣленія этихъ понятій. Мы увидимъ, какъ не ясно мышленіе Маркса о научныхъ законахъ (§§ 52)—для позитивиста это огромный недостатокъ. И онъ тѣмъ важнѣе, что на опредѣленіи понятій воздвигнуто все зданіе историческаго матеріализма — мы снова встрѣтимъ всѣ эти неясности относительно антропоморфизма и идеологіи при анализѣ историческаго матеріализма.

15. Туже неясность понятій о сущности мифа, тоже смѣшеніе фейербахизма и контизма мы находимъ и въ мнѣніяхъ Маркса и Энгельса о сущности философіи и объ ея отношеніи къ спеціальнымъ наукамъ.

Иногда Энгельсъ отвергаетъ всякую философію, а иной разъ признаетъ ее.

Въ немъ живутъ двѣ души—гегеле-фейербаховская и контовская. Иногда онъ говоритъ, что философія прекратила свое существованіе. «Вообще философіи болѣе не существуетъ, существуетъ только простое міровоззрѣніе, которое нужно вводить и проводить не въ отдѣльной наукѣ наукъ, а въ дѣйствительныхъ наукахъ». Но въ томъ же сочиненіи противъ Дюринга онъ утверждаетъ, что изъ прежней философіи остается еще одна самостоятельная часть, ученіе о мышленіи и о его законахъ, формальная логика и діалектика. «Все остальное перешло къ положительной наукѣ о природѣ и обществѣ». Въ сочиненіи о Фейербахѣ онъ говоритъ еще опредѣленнѣе, что изгнанной изъ природы и исторіи философіи остается еще «царство чистаго мышленія: ученіе о законахъ процесса мышленія, логика и діалектика».

Неточность въ такомъ основномъ вопросѣ проявляется и въ отсутствіи точной терминологіи [1]). Съ одной стороны у Маркса и Энгельса кусочекъ позитивизма, а съ другой кусочекъ гегеліанства съ его чистымъ мышленіемъ [2]).

---

[1]) Напр., что это значитъ „наука наукъ“? Имѣетъ ли Энгельсъ при этомъ въ виду научное ученіе Фихте? Но именно это понятіе Фихте должно бы быть симпатично для позитивизма; конечно, для позитивиста старая философія совсѣмъ не наука наукъ, а не положительная, мифическая философія (антропоморфизмъ).

[2]) Марксъ первоначально исходитъ отъ Фейербаха: „какъ религія есть обозначеніе содержанія теоретической борьбы человѣчества, такъ политическое государство есть обозначеніе содержанія практической его борьбы“. Письмо Маркса къ Руге.

И что такое это за формальная логика, допускаемая Энгельсомъ? Какое значеніе рядомъ съ ней имѣетъ діалектика? Не принадлежитъ ли діалектическій процессъ естествознанію и исторіи? Намъ говорятъ, что этотъ процессъ объективный, естественный, матеріалистическій, а потомъ утверждаютъ, что діалектика есть наука чистаго мышленія.

Понятно, что у Энгельса есть и другое опредѣленіе діалектики. Діалектика (старая, главнымъ образомъ гегеліанская) приводится къ «наукѣ о всеобщихъ законахъ движенія какъ внѣшняго міра, такъ и человѣческаго мышленія» [1]), т. е. діалектика тутъ понимается какъ общая дисциплина, въ которой объединяются философія природы и философія исторіи.

16. Какъ неопредѣленны взгляды Энгельса относительно сущности новой философіи и ея развитія, такъ неясно и неразчленено и его понятіе о наукѣ и системѣ наукъ.

Здѣсь дѣло не въ какой нибудь искусственной классификаціи наукъ, могущей позволить намъ обозрѣвать все научное мышленіе; здѣсь дѣло идетъ болѣе о томъ, что современный философъ и спеціалистъ долженъ уяснить себѣ, какое отношеніе существуетъ между философіей и спеціальной наукой, каково отношеніе его собственной спеціальности къ другимъ. Подобная фактическая и методологическая организація наукъ должна въ особенности привлекать людей, подобно Марксу и Энгельсу отвергающихъ прежнюю философію и все прежнее научное мышленіе.

Въ силу такой оппозиціи противъ философіи и софистовъ еще Платонъ былъ вынужденъ къ классификаціи наукъ и къ опредѣленію его философіи; въ нашемъ вѣкѣ Контъ вслѣдствіе своей оппозиціи противъ старой философіи и соціологіи былъ вынужденъ къ попыткѣ органической классификаціи наукъ. Такая классификація въ настоящее время тѣмъ болѣе необходима, что философія постепенно распадается на отдѣльныя спеціальности, да и отдѣльныя науки все болѣе и болѣе спеціализируются. Понятіе и задача новой философіи могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ при болѣе точномъ опредѣленіи ея отношенія къ спеціальнымъ наукамъ. Въ особенности для новыхъ соціологовъ классификація и организація соціальныхъ наукъ представляется настоятельной задачей [2]).

[1]) Энгельсъ—Фейербахъ, 45. Обратите вниманіе на неточность выраженія: Энгельсъ тутъ понимаетъ подъ „человѣческимъ мышленіемъ“ историческое развитіе.—Гегель не даетъ покоя этому позитивисту и матеріалисту.

[2]) Въ вышеупомянутой конкретной логикѣ я пытался обобщить проблемму: вслѣдствіе организаціи естественно классифицированныхъ наукъ создается конкретная, новая логика, дополняющая абстрактную, общую (аристотелевскую) логику. Эта конкретная логика учитъ насъ о томъ, какъ методологически одно понятіе служитъ другому, одна наука, какъ логическая сумма понятій, служитъ другимъ наукамъ. При этомъ историческое развитіе понятій и науки получаетъ логическое значеніе. Въ деталяхъ я буду говорить объ этомъ кое что и здѣсь, но для изслѣдованія интересующаго намъ здѣсь вопроса я указываю на свою прежнюю книгу.

Марксу, отвергающему все старое, выпадала на долю задача надлежащимъ образомъ опредѣлить отношеніе его научной спеціальности къ другимъ. И это тѣмъ важнѣе, что эта проблемма не только методологическая, а также и соціальная и политическая. Дѣло, вѣдь, идетъ о соціальномъ раздѣленіи и организаціи научнаго труда; соціологъ долженъ опредѣлить, какая часть труда каждаго необходима для цѣлаго, и какимъ образомъ нужно научно организовать это цѣлое, общество. Въ наше время наука стала крупной соціальной и политической силой; исторія ея развитія имѣетъ значеніе не только методологическое, а и соціальное и политическое.

Марксъ и Энгельсъ не изслѣдовали достаточно глубоко этой проблеммы ни въ логическомъ, ни въ соціальномъ отношеніи. Нигдѣ у нихъ мы не встрѣчаемъ точнаго опредѣленія, что такое новая философія и чѣмъ она можетъ быть, каково ея отношеніе къ религіи и къ теологіи. Марксъ и Энгельсъ могли бы возразить на это, что религія, теологія и философія уже устранены и что поэтому нѣтъ никакой необходимости разсуждать объ ихъ взаимоотношеніяхъ. Но даже въ томъ случаѣ, если бы это было вѣрно, уясненіе такого отношенія было бы необходимо для прошлого; на самомъ же дѣлѣ это и невѣрно—ни религія, ни философія не исчезли, не устранены.

Философія тоже отнюдь не такъ отрицательна, какъ это полагалъ Фейербахъ и, слѣдуя ему, Марксъ; на оборотъ, она положительна и становится все болѣе и болѣе положительной. Новая философія столь же положительна, какъ и наука, съ которой она находится въ тѣсной связи; новая философія научна и хочетъ быть научной.

Сами Марксъ и Энгельсъ идутъ въ этомъ же направленіи, но они не уяснили себѣ своей задачи; мы нигдѣ не видимъ у нихъ полнаго сознанія значенія проблеммы.

Понятно, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ новыхъ названіяхъ—если тутъ вообще дѣло идетъ о чемъ либо новомъ, то о новомъ дѣлѣ, и притомъ для Маркса о главномъ дѣлѣ. Марксъ выработалъ новое міросозерцаніе, какъ заявляетъ Энгельсъ въ своемъ сочиненіи о Фейербахѣ—какова же научная система этого новаго міросозерцанія? Какова философія научнаго соціализма?

17. Энгельсъ различаетъ три сферы науки. Первая—наука о безжизненной природѣ, допускающая болѣе или менѣе математическую обработку: математика, астрономія, механика, физика и химія. Вторая—естествознаніе, т. е. наука о живыхъ организмахъ и третья—историческія науки, трактующія объ условіяхъ человѣческой жизни,

объ общественныхъ отношеніяхъ, о правовыхъ и государственныхъ формахъ съ ихъ идеальной надстройкой: философіей, религіей, искусствомъ и т. д.

Очевидно, что Энгельсъ не имѣетъ никакого представленія о значеніи классификаціи наукъ. Онъ не понимаетъ, какая важная задача предстоитъ именно ему, какъ отвергающему прежнее мышленіе и современную общественную организацію. Его историзмъ заставляетъ его по старой, обычной въ Германіи манерѣ считать всѣ духовныя науки историческими; ему и въ голову не приходитъ, что и у организмовъ и у безжизненной природы имѣется исторія и что, наоборотъ, при изученіи напр. искусства или религіи дѣло не въ одной только исторіи ихъ, а и въ нихъ самихъ, въ искусствѣ и въ религіи. Всякое изученіе имѣетъ двѣ стороны: фактическую, догматическую и историческую. Наименованіе историческими науками всей сферы психологіи и соціологіи неосновательно и имѣетъ только симптоматическое значеніе для эпохи пробудившагося научнаго изученія исторіи.

Марксъ и Энгельсъ придаютъ главное значеніе историческому моменту, моменту діалектическаго развитія. На этомъ именно и основывается ихъ историзмъ—историзмъ преувеличенный и не критическій. Этотъ историзмъ заставляетъ ихъ видѣть въ мірѣ одно только движеніе, на сами же движущіяся вещи они обращаютъ мало вниманія. Энгельсъ, какъ мы видѣли, успокоивается на неосновательномъ утвержденіи, будто старая философія и старая наука изучили сами вещи и потому новая наука можетъ приняться за изученіе процесса развитія вещей. Неужели же предки, метафизики и антропоморфисты, настолько уже хорошо изучили вещи, что намъ теперь остается только изучить ихъ развитіе? Я полагаю, что въ такомъ вопросѣ заключается уже и отвѣтъ—истинный методъ можетъ состоять только въ постоянномъ изученіи какъ самихъ вещей, такъ и ихъ развитія. Одно безъ другого невозможно.

Но Марксъ и Энгельсъ искали новаго и лучшаго міросозерцанія и новаго метода именно въ своемъ преувеличенномъ историзмѣ (я неоднократно употребляю выраженіе: «преувеличенный» именно потому, что я не осуждаю всякій историзмъ). Тутъ они находились подъ одностороннимъ вліяніемъ своей эпохи—гегеліанство, а также въ значительной степени и позитивизмъ, суть преувеличенный историзмъ; ихъ историзмъ проистекаетъ изъ ихъ стремленія къ новшествамъ, изъ революціонерства.

Преувеличенному историзму я противупоставляю реализмъ—сначала вещи, а потомъ уже развитіе. И если бы мнѣ приходилось рѣшать, что важнѣе, я отвѣчу: вещи или, какъ я формулировалъ этотъ вопросъ въ своей конкретной логикѣ: статическій, а не динамическій моментъ представляется мнѣ настоящей и главной цѣлью нашего мышленія.

Такимъ образомъ реализмъ является противорѣчіемъ марксизму, и противорѣчіе это обусловливается тѣмъ, что нѣтъ вещей безъ развитія и, наоборотъ, нѣтъ развитія безъ вещей.

18. Понятно, что Маркса и Энгельса классификація и организація общественныхъ наукъ имѣла бы огромное значеніе, во всякомъ случаѣ тогда бы мы ясно понимали, какова спеціальность Маркса и Энгельса, и какое значеніе, теоретическое и практическое, имѣетъ ихъ научный соціализмъ [1]).

Марксъ и Энгельсъ были спеціалистами въ области соціальныхъ наукъ; сами они, исходя изъ историзма Гегеля, называютъ эту область науками историческими. Очевидно, что для нихъ рѣшающимъ моментомъ была исторія философіи Гегеля, ея содержаніе и ея методъ; потому то они такъ тѣсно и связывали философскія науки съ историческими. Такое пониманіе историческихъ наукъ проявляется и въ названіи историческаго матеріализма.

Сами Марксъ и Энгельсъ не точно раздѣляли отдѣльныя общественныя дисциплины. Ихъ спеціальностью была экономика, но на основаніи философіи, которую они понимали въ смыслѣ тогдашней нѣмецкой философіи исторіи. Энгельсъ отвергаетъ обычную философію исторіи и хочетъ создать новую, научную и положительную; по его классификаціи и терминологіи она должна составлять часть его діалектики, трактующей объ общихъ законахъ историческаго движенія. По терминологіи Конта это соціологическая динамика; статика для нихъ, какъ и для Гегеля, не существуетъ. И именно въ этомъ то и состоитъ недостатокъ старой философіи исторіи: важнѣйшія соціологическія понятія не изслѣдуются, хотя философія исторіи постоянно оперируетъ ими.

Въ сферѣ конкретной соціальной науки Марксъ въ особенности занимался исторіей и экономикой. А кромѣ того и онъ и Энгельсъ написали не мало политическихъ этюдовъ.

---

[1]) Для ориентированія читателя приведу очеркъ моей, классификаціи соціальныхъ наукъ:

Соціологія—какъ абстрактная, основная наука о законахъ общественной организаціи (статика) и развитія (динамика—философія исторіи). Статику я считаю болѣе важной.

Конкретныя соціальныя науки трактуютъ объ отдѣльныхъ общественныхъ организаціяхъ. напр. государственная наука, экономика. Нѣкоторыя изъ этихъ дисциплинъ еще не созданы, напр. наука о церковно-религіозной организаціи (до сихъ поръ объ этомъ трактуется въ теологіи, церковномъ правѣ и въ административномъ правѣ); таковы и науки о національности, объ интеллектуальной организаціи общества. Къ конкретнымъ соціальнымъ наукамъ принадлежитъ также и исторія.

Политика—практическая соціологія (различныя спеціальности).

Мнѣ незачѣмъ повторять, что у Маркса и Энгельса мы не встрѣчаемъ такого раздѣленія отдѣльныхъ спеціальностей—а главное, не видимъ сознанія о томъ, что это различныя спеціальности, съ особыми, свойственными имъ методами. У Маркса и Энгельса все сливается воедино, т. е. у нихъ въ соціальныхъ наукахъ понятія нерасчленены и потому методъ черезъ чуръ общій и не точный.

Въ особенности мы это видимъ въ экономикѣ Маркса. Въ предисловіи къ 1 части «Капитала» Марксъ говоритъ, что задача его произведенія состоитъ въ открытіи «экономическаго закона движенія современнаго общества»—это можно понимать и въ смыслѣ абстрактной соціологіи и въ смыслѣ конкретной исторіи И дѣйствительно, «Капиталъ» Маркса представляетъ смѣсь экономики, экономической исторіи и философіи исторіи. Что самъ Марксъ не понималъ сущности дѣла, это видно изъ того, что въ послѣсловіи къ первой части онъ говоритъ, что хотѣлъ изложить только спеціальные, а не общіе законы [1]).

Энгельсъ въ одномъ мѣстѣ прямо отождествляетъ экономику съ соціологіей [2]). Въ сочиненіи противъ Дюринга предмету экономики и ея методу посвящена цѣлая глава; экономика, «въ широкомъ смыслѣ слова», опредѣляется тутъ какъ «наука о законахъ, управляющихъ производствомъ и обмѣномъ вещественныхъ объектовъ въ человѣческомъ обществѣ» [3]). Эта наука есть «существенно историческая» и истинный ея основатель есть Марксъ. (Экономика Адама Смита есть только политическая экономія въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. не историческая экономика [4]).

Научный соціализмъ, противупоставляемый Марксомъ и Энгельсомъ старому, утопическому соціализму, имѣетъ поэтому опредѣленное научное содержаніе. Новая, самостоятельная область знанія не есть соціализмъ [5]). Марксъ хотѣлъ создать новое міросозерцаніе; соціализмъ для него только названіе для этого новаго міросозерцанія, или

---

[1]) См. §§ 52.

[2]) Въ вышеупомянутой статьѣ о дарвинизмѣ (N. Z. 1896). Здѣсь онъ осуждаетъ „соціальную науку буржуазіи, классическую политическую экономію“; изъ этого вытекаетъ заключеніе, что экономика Маркса („Капиталъ“) есть новая истинная соціальная наука.

[3]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 149.

[4]) Объ экономикѣ мы будемъ подробнѣе говорить въ V главѣ; здѣсь же замѣтимъ только, что экономическая исторія есть все таки исторія, а не экономика.

[5]) У соціалистовъ и не соціалистовъ мы часто встрѣчаемъ неясныя представленія объ этомъ. Напр. Дитцгенъ (Энгельсъ хвалитъ его за то, что онъ самостоятельно возрождаетъ діалектику Гегеля) говоритъ объ особой логикѣ пролетаріата — Acquisit der Philosophie und Briefe über Logik, speciell demokratisch—proletarische Logik—1895.

философія, которая, какъ мы видѣли, представляется, какъ научная. Потому то марксизмъ и есть научный соціализмъ [1]).

Соціализмъ своей критикой существующаго общественнаго строя и прежней философіи имѣлъ значительное вліяніе на созданіе современной соціологіи. Контъ, основатель современной соціологіи, былъ ученикомъ Сенъ-Симона, который повліялъ и на Маркса; соціализмъ вынималъ современную соціологію изъ купели.

Такое вліяніе соціализма на соціологію замѣчается не въ одной только Франціи. Въ Англіи Милль, ученикъ Конта, близокъ къ соціализму (Марксъ въ его враждебности къ Миллю не признаетъ этого). Въ Германіи Лоренцъ Штейнъ, объ отношеніи котораго къ Марксу мы упоминали, въ существованіи пролетаріата и его стремленій видитъ основаніе для его собственной самостоятельной науки объ обществѣ, которая изъ всѣхъ «государственныхъ наукъ» должна имѣть наибольшее будущее [2]).

19. Для марксизма и для самаго Маркса характерно пристрастіе къ естествознанію (дарвинизмъ). Марксизмъ, въ силу того, что онъ матеріалистическій, рѣшительно натуралистиченъ.

Въ предисловіи къ «Капиталу» экономическое развитіе признается естественно историческимъ процессомъ, а законы капиталистическаго производства естественными законами. Марксъ прямо говоритъ о естественныхъ историческихъ законахъ. Также понимаетъ дѣло и Энгельсъ. Онъ разсказываетъ, что уже на склонѣ своихъ дней онъ занимался естественными науками; недостатокъ фейербаховскаго матеріализма

---

[1]) Бебель („Женщина“, 463) опредѣляетъ соціализмъ, какъ „науку, съ полнымъ познаніемъ примѣняемую ко всѣмъ сферамъ человѣческой дѣятельности“.

[2]) Штейнъ — Исторія общественнаго движенія во Франціи, 1850 г., 1. CXXXVIII.

Въ болѣе раннемъ произведеніи: Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи эта наука называется наукой о правительствѣ.

Въ наши дни въ Германіи соціологія все болѣе и болѣе рѣшительно выдвигается противъ старой философіи исторіи и юридическихъ государственныхъ наукъ. Эта новая соціологія стоитъ въ близкихъ (враждебныхъ или дружественныхъ) отношеніяхъ къ соціализму. Представителями ея являются Тённіесъ, Зиммель, Людвигъ Штейнъ и Бартъ и Штамлеръ. См. объ этомъ Барта—Философія исторіи какъ соціологія и Л. Штейнъ—Соціальный вопросъ.

Запутанность терминологіи (соціальная философія, обществовѣденіе и т. д.) не должна смущать читателя; фактически вопросъ въ созданіи соціологіи, въ противуположность старой философіи исторіи и въ особенности развившихся въ Германіи государственныхъ и общественныхъ наукъ. Ср. Масарикъ—Конкретная логика. Глава о соціологіи.

Изъ Маркистовъ пытается опредѣлить отношеніе Маркса и Энгельса къ соціологіи Куновъ („Соціологія, этнологія и матеріалистическое пониманіе исторіи“ N. Z. 1893)

онъ видитъ именно въ томъ, что Фейербаху не удалось познакомиться съ современнымъ естествознаніемъ.

Разумѣется, несомнѣнно, что изученіе естественныхъ наукъ для философски мыслящаго соціолога чрезвычайно полезно, даже необходимо; но съ другой стороны необходимо какъ можно сильнѣе настаивать на томъ, что соціологію отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ зоологіей и естествознаніемъ (а также и съ естественной исторіей). Соціальные и историческіе законы, законы общественной организаціи и историческаго развитія должны быть открываемы посредствомъ изученія общества и исторіи; зоологія, ботаника, біологія, космологія и т. д. могутъ давать соціологу поученіе и возбужденіе, но не болѣе того. Естествознаніе даетъ соціологу аналогіи, но оно не доставляетъ ему прямыхъ доказательствъ; соціологъ и историкъ должны брать законы своихъ наукъ изъ прямого наблюденія общества и его развитія.

Задача, которую ставитъ діалектикѣ Энгельсъ, т. е. признаніе ее наукой о всеобщихъ законахъ движенія какъ природы, такъ и человѣческаго мышленія, по меньшей мѣрѣ преждевременно. Невозможно объединять и приводить къ одному общему знаменателю законы историческаго развитія и законы механическаго движенія. Діалектика, въ смыслѣ совершенно общей форономіи или какъ бы тамъ ни назвали эту дисциплину, преждевременна и даже всегда останется преждевременной. Во всякомъ случаѣ общая механика въ настоящее время не можетъ быть особенно полезна соціологу.

Въ этомъ отношеніи Марксъ и Энгельсъ могли бы поучиться хотя бы у Вико (Марксъ цитируетъ его). Въ его время картезіанство и его математическій методъ были тѣмъ же, что теперь естествознаніе. Но Вико не поддался этому престижу математики, хотя онъ и не изобрѣлъ особаго названія для соціологіи («новая наука»), но онъ нисколько не сомнѣвался относительно содержанія, сфера и метода своей науки. Вико совершенно основательно настаивалъ на томъ, чтобы соціологія оставила математическій методъ и выработала свой собственный. Марксъ и Энгельсъ не были столь критичными и не умѣли отстоять самостоятельность своей соціологіи отъ власти современнаго естествознанія и въ особенности отъ матеріализма естественныхъ наукъ.

А кромѣ того естествознаніе у Маркса и Энгельса только методологическая игрушка. У Маркса я незамѣчаю никакого образованія натуралиста, а у Энгельса знанія естественныхъ наукъ замѣчается только въ подробностяхъ; фактически же у него не замѣтно ни метода, ни мышленія естествоиспытателей.

Марксъ и Энгельсъ держались за современное развитіе естествознанія просто потому, что такова была тогда мода у многихъ философовъ и въ особенности у позитивистовъ. Естественныя науки въ

послѣднее время благодаря ихъ методу и ихъ практическимъ открытіямъ—науки самыя современныя, даже науки по преимуществу. Это современное естествознаніе вытѣснило старую натуръ-философію (хотя и не совсѣмъ, что доказываетъ хотя бы дарвинизмъ) и часто признается теперь образцомъ въ методологическомъ отношеніи для духовныхъ наукъ и для философіи. Я уже раньше указывалъ на этотъ фактъ. Марксъ и Энгельсъ просто примкнули къ новому направленію того времени.

А помимо того Марксъ и Энгельсъ держались за естествознаніе гораздо болѣе ради соціальныхъ и политическихъ соображеній. Естествознаніе по отношенію къ теологіи и къ старой философіи представлялось истинной, демократической и даже революціонной наукой; его практическіе успѣхи давали ему особое соціальное обаяніе. Во всякомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ сдѣлались поклонниками натурализма не ради научныхъ, а ради политическихъ и соціальныхъ соображеній.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что Марксъ и Энгельсъ также, какъ и лѣвые гегеліанцы вообще, исходили не изъ естествознанія, а отъ Гегеля. Энгельсъ постоянно превозноситъ революціонный элементъ гегелевской философіи; Марксъ также объявляетъ, что онъ перешелъ къ политической революціи отъ фейербаховской критики. Дальше мы увидимъ, что Марксъ вполнѣ основательно выводилъ политическую и соціальную революцію изъ религіозной критики, и въ особенности изъ гуманизма Фейербаха. Движущей революціонной силой былъ гуманизмъ и въ особенности атеизмъ, а совсѣмъ не естествознаніе [1]).

Причина французской революціи, конечно, не въ естественныхъ наукахъ. Естествознаніе само по себѣ не болѣе революціонно и демократично, чѣмъ наука о духѣ и философія—особый духъ критики и революціи, которымъ переполнено современное общество, происхо-

---

[1]) См. § 124. Самъ Фейербахъ признаетъ, какъ мы видѣли, естествознаніе основой коммунизма. Естествознаніе, разъясняетъ онъ, дѣлаетъ насъ равнодушными къ мелкой партійной борьбѣ, оно настраиваетъ насъ противъ реакціи, такъ какъ въ природѣ мы видимъ развитіе; естествознаніе ставитъ насъ выше мелкихъ общественныхъ и политическихъ различій—въ природѣ все сливается въ единомъ великомъ цѣломъ („естествоиспытатель приверженецъ великой Германіи (Grossdeutscher) въ истинномъ и существенномъ смыслѣ этого слова"); потому въ концѣ концевъ естествознаніе приводитъ къ демократизму, соціализму и коммунизму. Естествознаніе дѣйствуетъ не такъ прямо, какъ философія, но оно непосредственно направлено противъ религіи и стараго государства. Потому и сочиненіе Молешота о пищѣ революціонно". Въ вышеприведенной статьѣ о Молешотѣ у Грюна, II, 73: „Естествознаніе и революція".

Въ русской литературѣ часто указываютъ на демократизмъ естествознанія (Михайловскій—О демократизмѣ естественныхъ наукъ, 37).

дитъ не отъ одного естествознанія. Смотря по обстоятельствамъ сегодня одна изъ наукъ представляется революціонной, а завтра другая. Напр въ настоящее время естествознаніе антиреволюціонно; многіе изъ современныхъ естествоиспытателей и въ особенности эволюціонисты высказываются противъ соціализма, тогда какъ марксисты понимаютъ дарвинизмъ, какъ ученіе революціонное. Современнымъ естествознаніемъ пользуются не только въ лабораторіяхъ анархистовъ, но и въ лабораторіяхъ военныхъ. Во всякомъ случаѣ демократизмъ естествознанія имѣетъ очень ограниченное примѣненіе и Марксъ и его послѣдователи поклонники не просто естествознанія, а революціоннаго естествознанія.

А главное то дѣло все таки въ томъ фактѣ, что основа соціализма есть соціологія, а не естествознаніе.

20. Для Маркса, Энгельса и марксизма вообще демократизмъ науки обозначаетъ вообще особую форму стараго стремленія къ популяризованію науки и философіи. Уже Коменскій хотѣлъ изложить всю метафизику для восьмилѣтнихъ дѣтей; просвѣтительное движеніе прошлаго вѣка стремилось главнымъ образомъ къ популяризаціи. Если знаніе есть сила, то она есть сила не только для салоновъ, кафедръ и кабинетовъ; рабочій классъ, пролетаріатъ требуютъ не одного только хлѣба, а и образованія и знанія. Благодаря рабочему классу и его организаціи начинается новое и болѣе дѣйствительное популяризированіе наукъ.

Въ настоящее время задачи и цѣли популяризированія наукъ иныя — онѣ соціальныя, экономическія и политическія. Задачи шире и глубже уже потому, что на западѣ существуютъ и народныя школы и даже обязательное обученіе; такимъ образомъ задача настоящаго состоятъ только въ томъ, чтобы дать взрослымъ болѣе глубокое и высшее образованіе. Этимъ объясняются различныя попытки крестьянскаго университета въ Скандинавіи, University Extension въ Англіи, рабочая академія въ Австріи и т. д. Именно въ этомъ смыслѣ Энгельсъ заканчиваетъ свой этюдъ о Фейербахѣ заявленіемъ, что германское рабочее движеніе есть наслѣдникъ германской классической философіи.

По мнѣнію Энгельса рабочій классъ при посредствѣ знанія не только получитъ силу, онъ долженъ при этомъ оздоровить и философію и науку. Съ революціи 1848 года «образованная» Германія, по утвержденію Энгельса, оставила теорію и перешла къ практикѣ. Мелкая промышленность и мануфактура замѣнились крупной промышленностью. При подобномъ измѣненіи, полагаетъ Энгельсъ, Германія утратила склонность къ теоріи, къ чисто научному изслѣдованію, бывшему ея славой даже въ эпоху самаго глубокаго политическаго паденія. По мнѣнію Энгельса, замѣчается пониженіе уровня не только естествознанія, но и исторической науки; философія утратила свой прежній абсолютно теоретическій духъ; вмѣсто него распространяется безъидейный эклектизмъ, соображенія относительно карьеры и денегъ. «Оффиціальные представители этой науки суть нескрывающіеся идеологи буржуазіи и существующаго государства — и какъ разъ въ то время, когда и буржуазія и государство находятся въ открытомъ противорѣчіи съ рабочимъ классомъ». Только въ этомъ послѣднемъ еще сохраняется германское теоретическое настроеніе и именно потому Марксъ и Энгельсъ обратились прежде всего къ нему съ новымъ ученіемъ историческаго матеріализма, на основаніи котораго исторія труда есть ключъ къ пониманію всей исторіи.

До Энгельса въ этомъ же смыслѣ высказался еще Лассаль и въ этомъ смыслѣ обыкновенно говорятъ еще и теперь [1]).

Стремленіе марксизма къ просвѣщенію, вообще говоря, есть продолженіе раціоналистической, преимущественно антитеологической философіи просвѣщенія, возродителемъ которой былъ Фейербахъ. Для него «тотъ, кто не мыслитъ, не человѣкъ» [2]); также думаютъ и Марксъ и Энгельсъ при ихъ одностороннемъ позитивномъ культѣ науки. И часто у нихъ это даже и не культъ, а идолопоклонство.

Популяризированіе науки имѣетъ свои естественныя границы. Потому то при крупномъ прогрессѣ научнаго труда является не малой задачей популяризировать не только спеціальныя науки, но и философію, какъ научное міросозерцаніе и распространить истинное всеобщее образованіе. Если рабочіе дѣйствительно должны получить обѣщанное имъ Энгельсомъ наслѣдство, то для этого необходимо употребить много труда, и труда тяжелаго. Нельзя сказать, чтобы Марскъ и Энгельсъ вполнѣ ясно сознавали, сколько понадобится для этого труда.

Самъ Фейербахъ несмотря на его гумманистическій научный коммунизмъ имѣлъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно популяризованія науки [3]).

---

[1]) „Только двѣ вещи остались цѣлыми среди общаго упадка, охватившаго всю европейскую жизнь и несомнѣннаго для всякаго глубокаго знатока исторіи; только двѣ вещи остались юными и прогрессивными среди распространяющейся заразы эгоизма, проникающаго всѣ жилы европейской жизни—наука и народъ, знаніе и рабочіе.

„Только соединеніе ихъ можетъ влить новую жизнь въ нѣдра европейскаго общества.

„Союзъ науки и рабочихъ, этихъ двухъ противуположныхъ общественныхъ полюсовъ, объятіе которыхъ задавитъ въ ихъ желѣзныхъ рукахъ всякія препятствія, встрѣчаемыя культурой—такова цѣль, которой я рѣшилъ посвятить всю свою жизнь до послѣдняго дыханія". „Рѣчи и сочиненія" изд. Бернштейна, 11, 38.

[2]) 11, 341.

[3]) 11. 409 (1841—45). „Новое ученіе истинно, но не практично, не для народа. Если ты говоришь такъ, то этимъ ты только доказываешь, что

Марксъ, какъ мы уже указали, сначала признавалъ пролетаріатъ элементомъ пассивнымъ, сердцемъ, тогда какъ философія является головой. Это было въ 1844 году. Вскорѣ онъ въ «Святомъ семействѣ» защищаетъ массу противъ критической личности Бауэра, но все таки только съ этической точки зрѣнія. Въ замѣчаніяхъ о Фейербахѣ (1845) онъ уже объявляетъ общественную жизнь существенно (но все же не исключительно) практической и требуетъ, чтобы философы не занимались истолкованіемъ міра, а измѣнили его. И все таки этого онъ требуетъ отъ философовъ, а не отъ массы. Позже Марксъ въ первой части «Капитала» совершенно уничтожаетъ различіе между научнымъ и мускульнымъ трудомъ—а въ третьей части снова признаетъ это различіе.

Энгельсъ, какъ мы увидимъ, идетъ еще дальше въ этомъ отношеніи—по крайней мѣрѣ для будущаго. Такую оригинальную двойственность взглядовъ на теорію и практику мы находимъ въ марксизмѣ и до настоящаго времени; съ одной стороны восхваляютъ теорію, а съ другой оказываютъ преимущество практикѣ. Какъ установить между ними органическое единство — указаній на это мы не находимъ ни у Маркса, ни у Энгельса. Заимствовать ли эти указанія изъ ихъ собственной практики? Но и тутъ есть разница между ними: Марксъ былъ преимущественно теоретикомъ, умомъ спекулятивнымъ, и въ главнѣйшемъ своемъ сочиненіи далеко не популярнымъ (для рабочихъ его «Капиталъ» приходится популяризировать); временами, особенно въ молодые годы, онъ переходилъ и къ практикѣ - но и тутъ его практика была не вполнѣ обычной: онъ былъ вождемъ въ журналистикѣ и въ политикѣ, а отнюдь не популяризаторомъ науки. Энгельсъ же былъ главнымъ образомъ популяризаторомъ, но только въ сферѣ соціально-политической и въ сферѣ исторіи. Послѣдователи ихъ стараются популяризировать и другія науки, особенно естествознаніе, но дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не особенно широкая.

По отношенію къ марксизму можно замѣтить, что понятность достигается на счетъ основательности — это, впрочемъ, можно сказать и о всякой популяризаціи. Марксизмъ въ особенности представляется нѣсколько поверхностнымъ потому, что Марксъ и Энгельсъ

ты самъ еще въ ссорѣ съ новымъ ученіемъ, что оно для тебя только теоретическая, непопулярная истина, что оно не овладѣло еще всѣмъ твоимъ существомъ; что становится дѣломъ твоего существа, то внушаетъ тебѣ увѣренность въ томъ, что оно будетъ когда либо, конечно, по своему, и дѣломъ народа". Еще большимъ скептицизмомъ дышатъ такія слова: „я часто сомнѣваюсь въ томъ, чтобы человѣчество когда либо достигло такой стадіи культуры и цивилизаціи, при которой его ученія можно бы было признать народными; эти ученія, можетъ быть, навсегда останутся достояніемъ только мыслящихъ людей—они не для толпы". Грюнъ, 1. 11. 132. (Штарке, 287).

подъ практикой часто понимаютъ только одну революціонную, или думаютъ только о такой практикѣ.

Къ этому вопросу намъ, впрочемъ, придется вовращаться еще часто.

21. Мы далеко не вполнѣ характеризовали бы направленіе Маркса, если бы не отмѣтили его объективности.

Эта черта философіи Маркса особенно важна.

Нѣмецкій идеализмъ съ его субъективизмомъ дѣлаетъ человѣка одинокимъ. Человѣкъ замыкается въ его собственное *я*, затеривается въ своемъ внутреннемъ духовномъ мірѣ. Уединенный, замкнувшійся въ себѣ и въ своихъ созерцаніяхъ человѣкъ становится безпокойнымъ, недовольнымъ и несчастнымъ. Вѣрящій только въ себя самого человѣкъ становится сомнѣвающимся.

Матеріалистическая реакція Фейербаха была направлена противъ такого вліянія идеализма. Этотъ идеализмъ находился и находится не въ однѣхъ книгахъ; въ книги онъ перешелъ изъ жизни—а субъективная философія уничтожаетъ жизнь. Уже Кантъ говорилъ, что человѣкъ, думающій только о себѣ, безумный, и дѣйствительно субъективность пожираетъ себя самого, онъ уничтожаетъ себя. Современные психозы и склонность къ самоубійству—это реальная обратная сторона философскаго субъективизма и пессимизма. Шопенгауеръ развился вполнѣ естественно на почвѣ субъективизма — самоубійство есть крайній субъективизмъ. Фейербахъ ищетъ спасенія отъ такого самоубійственнаго субъективизма въ природѣ и въ матеріи — вообще во внѣ, внѣ человѣческаго *я*. Матеріализмъ Фейербаха не простая школьная система. Прочтите внимательно его сочиненія и вы найдете источникъ его матеріализма. «Безъ объекта человѣкъ есть ничто. Лучше любить самый пустой, самый недостойный объектъ, чѣмъ безъ любви замкнуться въ своемъ собственномъ *я*. И только объектъ истинной любви развиваетъ и проявляетъ истинную сущность человѣка»[1]). Съ этой точки зрѣнія для Фейербаха познаніе коренится въ любви, сливается съ ней [2]).

Марксъ столь же объективистъ, какъ и Фейербахъ — и даже болѣе, но совсѣмъ по другому. У Фейербаха субъективизмъ еще имѣется; Фейербахъ исходитъ все таки отъ своего *я*; а Марксъ всегда пребывалъ внѣ своего *я*; онъ типъ объективиста, вполнѣ «здороваго» человѣка, какъ обыкновенно говорятъ. Благодаря такому прирожденному (національному?) настроенію онъ приходитъ къ матеріализму и къ позитивизму. Позитивизмъ также, какъ и матеріализмъ, не мучается надъ изученіемъ внутренней жизни человѣка. Контъ сознательно устраняетъ изъ своей философіи психологическій методъ и

[1]) 11. 395.

[2]) „Чтобы узнать человѣка надо любить его". 11. 393.

подчиняетъ психологію физіологіи. Точно также и для Маркса понятіе есть простое отраженіе внѣшняго міра, мыслительная фотографія его. Матеріализмъ и позитивизмъ представляютъ реакцію противъ идеалистическаго романтизма; онъ въ сферѣ философіи тоже самое, что въ сферѣ искусства реализмъ и натурализмъ.

Потому то Марксъ и марксизмъ объективны. Марксизмъ вѣруетъ, въ немъ нѣтъ скептицизма; онъ представляетъ полезную реакцію противъ преувеличеннаго субъективизма и романтизма. Но какъ реакція онъ, понятно, и самъ преувеличенъ и не критиченъ. По словамъ Маркса, даже желудокъ указываетъ эгоистамъ буржуазіи на то, что міръ внѣ его *я* не простая пустота; такъ какъ именно міръ и наполняетъ желудокъ [1]). Объективизмъ господствуетъ во всемъ мышленіи Маркса. Примѣромъ этого можетъ служить и его теорія цѣнности. Марксъ въ этой теоріи устраняетъ всякій субъективный элементъ; онъ хочетъ получить масштабъ только объективной цѣнности и потому ищетъ въ товарѣ безличнаго труда, который можетъ измѣрять и сравнивать вполнѣ объективно.

Марксъ также, какъ и Фейербахъ, видитъ въ идеалистическомъ субъективизмѣ только эгоизмъ [2]). Фейербахъ ищетъ прибѣжища въ любви, но для Маркса любовь есть только романтика и сантиментальность. Для того, чтобы пребывать вполнѣ объективнымъ... онъ сердится. Не на себя — это было бы субъективно — а на общество. А Марксъ сердиться умѣетъ (§ 127). Въ своемъ гнѣвѣ и ненависти онъ хочетъ революціонизировать общество. Онъ вполнѣ политикъ, а не моралистъ.

Къ такому позитивизму вполнѣ подходитъ раціонализмъ Маркса. Съ чувствованіями Марксъ не желаетъ имѣть никакого дѣла. Но раціоналистъ Гегель требуетъ для всякаго дѣйствія страстности. Мы внѣ себя только при страсти. И у Маркса есть страсть—страсть къ перевороту.

Марксъ отличается отъ современнаго пессимизма именно своимъ объективизмомъ. Этимъ онъ отличается и отъ Шопенгауера, хотя и у Шопенгауера гнѣва больше, чѣмъ состраданія. Мы будемъ еще имѣть поводъ говорить объ этомъ, но уже и теперь слѣдуетъ замѣтить, что объективизмъ Маркса составляетъ сущность оригинальнаго соціалистическаго настроенія, столь же характернаго для нашей эпохи, какъ и пессимизмъ.

---

[1]) „Святое семейство“, 188.

[2]) „Абсолютный идеалистъ, чтобы быть таковымъ, по необходимости долженъ продолжать такой процессъ софистики: сначала міръ внѣ себя превратить въ кажущееся, въ простой призракъ мозга, и признать его простой фантазіей, и въ концѣ концовъ провозгласить свое единое, исключительное, болѣе не стѣсняемое призракомъ внѣшняго міра бытіе“. „Святое семейство“, 222.

Въ своемъ объективистическомъ гнѣвѣ противъ общественнаго строя Марксъ не ищетъ подобно Шопенгауеру метафизическихъ причинъ, онъ исключительно требуетъ политическихъ улучшеній. Фейербахъ, чтобы сдѣлаться объективнымъ, стремится къ любви къ ближнему; а Марксъ изъ объективизма превращается въ коммуниста—но въ коммуниста безъ любви.

22. Чтобы закончить эту вводную главу общими результатами всего предшествующаго анализа, я долженъ прежде всего объявить, что марксизмъ, т. е. философія Маркса и Энгельса, гораздо болѣе содержательна, чѣмъ это обыкновенно думаютъ и признаютъ. Въ пылу партійной борьбы о Марксѣ судятъ болѣе поверхностно, чѣмъ заслуживаютъ этого и онъ самъ и дѣло, представителемъ котораго онъ является. Но въ этомъ виноваты, по моему мнѣнію, его послѣдователи столько же, сколько и его противники.

Я признаю значеніе Маркса, хотя не могу признать ни его матеріализма, ни его коммунизма. Я считаю матеріализмъ вообще, и марксовскій въ особенности, за научно невозможное міросозерцаніе. Но я понимаю, какимъ образомъ Марксъ сдѣлался матеріалистомъ. Не только благодаря Фейербаху, но и подобно ему, въ силу особой оппозиціи противъ теологіи и религіи, Марксъ по примѣру Фейербаха продолжаетъ антитеологическую революцію энциклопедистовъ и раціоналистовъ восемнадцатаго столѣтія. Въ антитеологической борьбѣ за просвѣщеніе Марксъ сходится съ своимъ врагомъ, либерализмомъ и въ особенности съ радикалами гегеліанской лѣвой.

Именно въ этомъ смыслѣ Авелингъ говоритъ о Марксѣ (сравнивая его съ Дарвиномъ), что онъ былъ рѣшительнымъ атеистомъ. Той же атеистической вѣрѣ придерживался и Энгельсъ (онъ высказался въ этомъ смыслѣ въ англійскомъ изданіи своего сочиненія о развитіи соціализма). Для многихъ марксистовъ (Бебель) атеизмъ все еще служитъ боевымъ лозунгомъ.

Матеріализмъ Маркса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и позитивизмъ. Безъ признанія этого было бы невозможно понять Маркса. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ Маркса еще недостаточно уясненъ и до настоящаго времени.

Позитивный матеріализмъ Маркса вполнѣ раціоналистиченъ. Въ его теоріи нѣтъ мѣста чувству. Устраняя изъ своей теоріи человѣческое чувство, онъ выбрасываетъ за бортъ этику, а съ ней и искусство, а также и философію и вообще всякую человѣческую дѣятельность, какъ пустую идеологію—онъ помиловалъ только одну экономику. Въ своемъ вѣрованіи въ объективность противорѣчій натуралистъ—гегеліанецъ изъ логики попадаетъ въ истинный пароксизмъ практики: истина есть сила [1]).

---

[1]) „Истина, т. е. дѣйствительность и сила“ — Марксъ о Фейербахѣ Энгельса—„Фейербахъ“, 70.

Пантеизмъ Гегеля превращается у Маркса въ соціальный пантеизмъ—въ коммунизмъ. Мы увидимъ, что матеріализмъ совсѣмъ не составляетъ такой прочной опоры для коммунизма, какъ это воображаетъ Марксъ—но онъ такъ испугался любви и этики Фейербаха, что думалъ найти въ матеріализмѣ объективную основу для коммунизма.

Къ тому же заключенію приходитъ Марксъ и на основаніи своего позитивнаго историзма. Въ постоянномъ измѣненіи общественнаго строя онъ ищетъ чисто объективнаго, даваемаго самой исторіей основанія для коммунизма. По мнѣнію Маркса философія есть натуралистическая копія мірового процесса—коммунизмъ просто рекомендуется исторіей. Матеріализмъ Маркса есть матеріализмъ историческій.

Такимъ образомъ матеріализмъ Маркса есть построеніе довольно сложное. Совершенно очевидно, что Марксъ пытался дать синтезъ различныхъ созрѣвшихъ въ его время воззрѣній. Объективный критикъ навряд ли можетъ признать этотъ синтезъ удачнымъ. Философія Маркса и Энгельса имѣетъ всѣ признаки эклектизма. Несмотря на всю ихъ охоту къ критикѣ у нихъ обоихъ недостаетъ ни критицизма, ни творческой силы, чтобы слить разнородные элементы современныхъ направленій въ одно гармоническое цѣлое.

Послѣдующій анализъ отдѣльныхъ основныхъ ученій Маркса дополнитъ и подтвердитъ этотъ общій діагнозъ.

D.

Современные марксисты противъ матеріализма.

23. Непригодность теоретико познавательнаго обоснованія марксизма сознается современными марксистами достаточно ясно. Время отъ времени они выставляютъ метафизическія возраженія противъ матеріализма. Въ борьбѣ за историческій матеріализмъ, о которой мы будемъ говорить дальше (§ 26). Каутскій, возражая Баксу, формулировалъ ноетическую проблемму въ томъ смыслѣ, что идея есть функція мозга. Такое выраженіе не вполнѣ точно и потому я не буду подробно останавливаться на немъ. Но Баксъ отвѣтилъ Каутскому, что это плоскій и отжившій свой вѣкъ матеріализмъ. Я не могъ бы высказать своего сужденія о матеріализмѣ иначе.

Возражая Плеханову, К. Шмидтъ [1]) говоритъ о некритичности возрожденія матеріализма и совершенно рѣшительно отвергаетъ всякій матеріализмъ. Плехановъ хочетъ реабилитировать матеріализмъ восемнадцатаго вѣка [2]).

---

[1]) Socialist. Akademiker. 1896: „Новая книга о матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

[2]) Плехановъ.—Къ исторіи матеріализма. 1896.

Штернъ, соціалистъ—послѣдователь Спинозы [1]), сожалѣетъ, что обыкновенно соединяютъ историческій матеріализмъ съ матеріализмомъ натуръ—философіи, какъ онъ выражается. Штернъ осуждаетъ этотъ послѣдній, типъ котораго мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Фогта и Бюхнера, какъ теорію вполнѣ несостоятельную и крайне поверхностную. Онъ желаетъ соединить историческій матеріализмъ съ монизмомъ (Спинозы).

На основаній этихъ и подобныхъ заявленій я и призналъ матеріализмъ caput mortuum марксизма [2]). Баксъ отвѣтилъ на мою статью полнымъ отреченіемъ отъ матеріализма [3]).

Недавно Бернштейнъ совершенно открыто заявилъ, что и для теоріи соціализма до извѣстной степени необходимо возвращеніе къ Канту [4]). Онъ ссылался въ этомъ заявленіи на статьи Шмидта. И дѣйствительно Шмидтъ былъ первымъ изъ нѣмецкихъ марксистовъ высказавшимся за возвращеніе къ Канту и за созданіе научной философіи, главными спеціальными отдѣлами которой онъ признаетъ логику и теорію познанія (ноетику—а не діалектику Энгельса) [5]). Ноетика и Кантъ!—очевидно, для философски мыслящихъ марксистовъ матеріализмъ Маркса и Энгельса черезъ чуръ узокъ.

Это можно сказать даже о Плехановѣ, хотя онъ съ большимъ шумомъ выступилъ защитникомъ матеріализма и Энгельса противъ Шмидта и Бернштейна. Плехановъ объявляетъ, что Бернштейнъ не понимаетъ философіи Энгельса, Энгельсъ высказался противъ неокантіанства. Это вѣрно, но Энгельсъ высказался также и противъ Гольбаха и матеріализма восемнадцатаго вѣка, а Плехановъ возвращается къ нимъ [6]).

---

[1]) Neue Zeit. 1896: „Экономическій и натуръ-философскій матеріализмъ“. Ср. популярную книгу того же автора о Спинозѣ.

[2]) „Научный и философскій кризисъ современнаго марксизма“ (Nase Doba 1898; по нѣмецки отдѣльное изданіе.

[3]) Баксъ—„Соціализмъ, какъ міросозерцаніе“ Zeit, 1898, 7 мая.

[4]) Neue Zeit 1897: „Реалистическій и идеологическій моменты соціализма“.

[5]) Рефератъ о сочиненіи Кронеберга о Кантѣ 1897. Vorwärts, 1897.

[6]) Neue Leit 1897—98: „Бернштейнъ и матеріализмъ“. Плехановъ пытается доказать, что и Энгельсъ и Дидро были... спинозистами. Но этотъ терминъ: „Спинозистъ“ самъ Плехановъ не могъ употреблять въ настоящемъ его смыслѣ, иначе онъ не заявлялъ бы тутъ же, на тѣхъ же страницахъ, что матеріалистическая философія Фейербаха и Дидро есть только „нѣкоторый родъ спинозизма“. Доказательство, что Энгельсъ тоже спинозистъ, потому, молъ, что у него встрѣчаются подобныя изреченія, нѣсколько смѣло, но интересны слова Плеханова: „Энгельсъ очень рѣзко осуждаетъ то, что товарищъ Штернъ очень не точно именуетъ натуръ-философскимъ матеріализмомъ. „Стало быть, сказалъ я, вы думаете, что старый Спиноза былъ правъ, утверждая, что мысль и пространство суть ничто иное, какъ два атрибута единой субстанціи?—Конечно—отвѣчалъ Энгельсъ—старый Спиноза былъ совершенно правъ“. И несмотря на тоже

Я не могу подробно заниматься этой полемикой; для меня довольно того факта, что марксисты начинаютъ критически смотрѣть на метафизику и теорію познанія Маркса и Энгельса. Для меня понятно и то, что марксисты излагаютъ свои взгляды по этому вопросу очень осторожно, безъ всякой полемики противъ основателей марксизма; но это нисколько не измѣняетъ того факта, что сами марксисты признаютъ неосновательность матеріализма [1]).

заявленіе Энгельса, я не рѣшился бы признать его спинозистомъ; Энгельсъ заявлялъ себя очень ясно матеріалистомъ, и вообще его метафизическая точка зрѣнія сложнѣе, чѣмъ полагаетъ Плехановъ. Если я правильно понялъ статью Плеханова, то онъ доказываетъ, что Энгельсъ былъ уже раньше спинозистомъ (а какже тогда Марксъ?). Вообще же довольно трудно понять, какъ при этомъ можно защитить матеріализмъ.

Плехановъ посвятилъ этому предмету и вторую статью („Конрадъ Шмидтъ противъ Маркса и Энгельса“ — N. Z. 1898—99). Политически статья очень рѣзка, но въ научномъ отношеніи не имѣетъ никакой цѣны: собственно говоря, его единственный аргументъ состоитъ въ томъ, что онъ желаетъ выставить основаніемъ своей точки зрѣнія мнимое большое различіе между первымъ изданіемъ Критики Канта — иначе говоря, Плехановъ очень радикаленъ, но, къ сожалѣнію, проблемма теоріи познанія не разрѣшается даже такимъ яркимъ радикализмомъ.

[1]) Сюда я причисляю и Меринга, хотя онъ въ своей „Исторіи“ (I, 223) и говоритъ, что Марксъ въ свой матеріализмъ воспринялъ содержаніе идеализма. Какой же это матеріализмъ?

III.

Историческій матеріализмъ.

А.

Опредѣленія историческаго матеріализма.

24. Анализъ историческаго матеріализма необходимо начать замѣчаніемъ о терминологіи. Сами приверженцы историческаго матеріализма находятъ это названіе выбраннымъ не особенно удачно, потому они часто говорятъ объ экономическомъ или экономически-историческомъ матеріализмѣ. Въ послѣднее время часто употребляютъ выраженіе: реалистическое пониманіе исторіи.

Мнѣ неизвѣстно, кто ввелъ названіе историческій матеріализмъ — терминъ во всякомъ случаѣ произошелъ отъ «матеріалистическаго пониманія исторіи» Энгельса [1]).

Марксъ былъ матеріалистомъ и потому само собой понятно и послѣдовательно, что онъ былъ матеріалистомъ и въ исторіи; съ его соціологической точки зрѣнія этотъ матеріализмъ историческій, такъ какъ онъ вводитъ матеріализмъ именно въ соціологію или, по его терминологіи, въ историческую науку вообще [2]). Потому я и удерживаю названіе: историческій матеріализмъ — оно вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ метафизической (матеріализмъ), такъ и соціологической (историзмъ) точкѣ зрѣнія Маркса.

Теперь перейдемъ къ дѣлу.

---

[1]) Энгельсъ—Анти—Дюрингъ, 12.

[2]) „Потому необходимо согласовать науку объ обществѣ; т. е. всю сумму такъ называемыхъ историческихъ и философскихъ наукъ съ матеріалистической основой и возсоздать ихъ на этой основѣ“. Энгельсъ—Фейербахъ, 26.

Но какъ? Объ историческомъ матеріализмѣ спорятъ такъ много и съ разныхъ точекъ зрѣнія, что мы должны бы были принять во вниманіе по крайней мѣрѣ самыя важныя изъ разъясненій. Но съ другой стороны я принялъ за правило истолковывать Маркса самимъ Марксомъ — и это тѣмъ болѣе, что очень часто разсужденія pro и contra переходятъ въ споры о словахъ.

Я совершенно отвергаю метафизическій и психологическій матеріализмъ, но отнюдь не столь абсолютно отвергаю матеріализмъ историческій. Въ немъ содержатся нѣкоторые справедливые и оправдываемые элементы. Мы только не должны смущаться выраженіемъ: матеріализмъ; намъ уже извѣстно, что матеріализмъ Маркса былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и позитивизмомъ и что вообще онъ вполнѣ оригиналенъ и потому мы можемъ ожидать, что и его историческій матеріализмъ есть понятіе болѣе сложное, чѣмъ указываетъ его названіе.

Потому, чтобы избѣжать всѣхъ излишнихъ споровъ, я прежде всего приведу опредѣленія историческаго матеріализма самимъ Марксомъ; къ нимъ я прибавлю опредѣленія понятія и разъясненія Энгельса и главнѣйшимъ изъ младшихъ марксистовъ. Такимъ образомъ я хочу обратить вниманіе на трудности и на проблеммы историческаго матеріализма посредствомъ заявленій самихъ марксистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ я хочу показать, что наиболѣе важныя изъ положеній марксизма неразработаны. Дальше я подвергну анализу богатое содержаніемъ понятіе историческаго матеріализма.

Обыкновенно приводятъ опредѣленіе историческаго матеріализма Маркса изъ появившагося въ 1859 году его сочиненія: Критика политической экономіи. Его считаютъ окончательнымъ и основнымъ. Съ него мы и начнемъ.

«При общественномъ производствѣ люди вступаютъ въ необходимыя, опредѣленныя и отъ ихъ воли независимыя отношенія, въ отношенія производства, соотвѣтствующія опредѣленной стадіи развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма такихъ производственныхъ отношеній и составляетъ экономическій строй общества, реальное основаніе, на которомъ зиждется юридическая и политическая надстройка и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства вообще обусловливаетъ общественные, политическіе и умственные процессы. Не сознаніе человѣка опредѣляетъ его бытіе, а наоборотъ его общественное бытіе опредѣляетъ его сознаніе. На извѣстной ступени развитія матеріальныя производительныя силы общества становятся въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или съ ихъ юридическимъ выраженіемъ, съ отношеніями собственности, существовавшими доселѣ. Тогда наступаетъ эпоха общественнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономической основы болѣе или менѣе

быстро рушится и вся громадная надстройка. При расмотрѣніи такихъ ниспроверженій слѣдуетъ постоянно различать между матеріальными, естественно научно констатируемыми измѣненіями экономическихъ условій производства и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими — однимъ словомъ идеологическими формами, въ которыхъ сознаютъ этотъ конфликтъ люди и въ которыхъ они борятся. Насколько потому, что думаетъ о себѣ индивидъ, нельзя судить о томъ, что онъ есть, настолько же нельзя судить объ этихъ эпохахъ переворотовъ по ихъ сознанію; наоборотъ слѣдуетъ объяснять это сознаніе противорѣчіями матеріальной жизни, существующимъ конфликтомъ между общественными производительными силами и отношеніями производства. Общественная форма никогда не погибаетъ до тѣхъ поръ, пока не развьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно широка; новыя отношенія производства никогда не появляются до тѣхъ поръ, пока матеріальныя условія ихъ существованія не появляются въ нѣдрахъ самого общества. Потому человѣчество всегда ставитъ себѣ задачи, которыя можетъ разрѣшить, потому что при болѣе точномъ изслѣдованіи всегда окажется, что задачи появляются только тамъ, гдѣ уже существуютъ или по крайней мѣрѣ находятся въ процессѣ созиданія матеріальныя условія ихъ рѣшенія. Въ общихъ чертахъ можно бы было назвать азіатскую, античную, феодальную и современную буржуазную форму производства, какъ послѣдовательно прогрессирующія эпохи экономическаго общественнаго строя. Буржуазныя отношенія производства суть послѣдняя противорѣчивая форма процесса общественнаго производства — противорѣчивая не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ антагонизма, выросшаго изъ общественныхъ жизненныхъ условій индивидуумовъ; но въ нѣдрахъ буржуазнаго общества развивающіяся производительныя силы создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. Съ этой общественной формой заканчивается первоначальная исторія (Vorgeschichte) человѣческаго общества».

Каутскій называетъ такую формулировку Маркса классической. — Я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ формулированію Маркса не достаетъ главнаго свойства классическаго — точности и ясности. Прочтите внимательно это опредѣленіе и вы увидите, что Марксъ дѣйствительно, хочетъ, но не можетъ формулировать своей мысли. Обратите вниманіе на то, въ выраженіяхъ «надстройка» и «зиждется» образъ не подходитъ къ послѣдующимъ опредѣленіямъ, по которымъ идеологія есть только симптомъ, указатель производительныхъ отношеній; неопредѣленное слово: «обусловливаютъ» — и сразу три выраженія одного и того же понятія: отношенія производства, способы производства и условія производства. А главнымъ образомъ

ужъ очень странная психологія—что такое формы сознанія? Что такое сознаніе вообще? Вѣрно ли, что бытіе опредѣляетъ сознаніе? Не такъ ли дѣло обстоитъ въ дѣйствительности, что для человѣка бытіе и сознаніе тождественны? Фейербахъ, вліяніе котораго очевидно въ этомъ положеніи, выражался покрайней мѣрѣ опредѣленнѣе: «слѣдуетъ объяснять мышленіе (а не сознаніе) бытіемъ, а не бытіе мышленіемъ» [1]). А кромѣ того въ этомъ положеніи есть передержка: сначала говорится о «сознаніи» и «бытіи», а потомъ уже объ «общественномъ бытіи». Далѣе «сознаніе» уже отождествляется съ идеологіей. Вѣрно ли, что люди сознаютъ общественный переворотъ въ формахъ идеологіи? И какой смыслъ имѣетъ это выраженіе? Не могутъ ли быть признаны матеріальныя противорѣчія сами по себѣ? И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же положеніи Марксъ требуетъ, чтобы это революціонное сознаніе объяснялось «противорѣчіями матеріальной жизни», такъ какъ только такое объясненіе соотвѣтствуетъ знаменитой объективной діалектикѣ.

Таковы сомнѣнія и возраженія, бросающіяся въ глаза, такъ сказать сразу, при первомъ же чтеніи. Сразу обращаешь вниманіе на такія понятія, какъ «общественное бытіе», «общественное производство»; сразу спрашиваешь себя, дѣйствительно ли производственныя отношенія совершенно независимы отъ воли и, само собой разумѣется, главнымъ образомъ наталкиваешься на опредѣленіе отношенія, въ какомъ якобы находится вся сумма отношеній производства къ духовной жизни. Является вопросъ: есть ли это отношеніе причинное? Марксъ говоритъ только то, что отношенія производства «обусловливаютъ» духовную жизнь. Должны ли мы тутъ понимать это слово «обусловливать» въ смыслѣ причинномъ, или нѣтъ? Чрезъ нѣсколько строкъ мы читаемъ, что экономическіе перевороты принимаютъ формы идеологическія, «въ которыхъ люди сознаютъ эти конфликты». Такія выраженія, если только они вообще имѣютъ какой нибудь смыслъ, говорятъ скорѣе о параллельности производственныхъ отношеній и духовной жизни и т. д.

Но прежде, чѣмъ приступить къ подробной критикѣ, поищемъ у того же Маркса другого опредѣленія—можетъ быть, мы узнаемъ тогда что нибудь побольше. Мы знаемъ, вѣдь, что у Маркса эта идея созрѣла ни раньше 1859 года.

Уже въ «Святомъ семействѣ» мы встрѣчаемъ зачатки историческаго матеріализма. «Какъ критика Бауера отдѣляетъ мышленія отъ чувствъ, душу отъ тѣла и сама отдѣляется отъ міра, такъ она отдѣляетъ исторію отъ естествознанія и промышленности; она видитъ мѣсто родины исторіи не въ грубо матеріальномъ производствѣ на землѣ, а въ туманныхъ облакахъ на небѣ» [2]). Въ томъ же сочиненіи Маркса особенно настаиваетъ на массѣ, на народѣ и говоритъ, что идеи не могутъ ничего сдѣлать; для осуществленія идей необходимы люди, дѣйствующія съ фактической силой [1]). Въ «Святомъ Семействѣ» Марксъ говоритъ тоже, что и въ своей статьѣ объ евреяхъ — именно, что истинная религія евреевъ (и христіанъ) деньги.

Въ сочиненіи противъ Прудона Марксъ, какъ онъ самъ говоритъ, только указываетъ на историческій матеріализмъ. Но въ коммунистическомъ манифестѣ его положенія высказаны уже вполнѣ [2]). Тутъ уже говорится и о «матеріальныхъ условіяхъ существованія» и объ «отношеніяхъ производства и собственности» и еще чаще указывается на «отношенія производства и сообщенія» («способы сообщенія», «отношенія сообщенія», «средства сообщенія»—стало быть, уже не одни только отношенія производства). Происхожденіе буржуазіи объясняется въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя мы встрѣтили въ вышеприведенномъ опредѣленіи изъ сочиненія: Zur Kritik.

Въ сочиненіи о Наполеонѣ (1852 г.) мы встрѣчаемъ очень важное въ психологическомъ отношеніи и болѣе точное опредѣленіе [3]). Оно гласитъ: «на различныхъ формахъ собственности, на общественныхъ условіяхъ существованія зиждется цѣлая надстройка различныхъ и оригинально сформированныхъ воспріятій, иллюзій, формъ мышленія и міровоззрѣній. Цѣлый классъ создаетъ и формируетъ ихъ изъ его матеріальныхъ основъ и на основаніи соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Отдѣльная личность, получающая ихъ чрезъ преданіе и воспитаніе, можетъ вообразить, что они составляютъ настоящія основанія его рѣшенія и исходный пунктъ его поведенія». Тутъ идеологія тоже изображается коллективной—относительно этого дальше мы будемъ говорить болѣе подробно.

Наконецъ свои воззрѣнія Марксъ излагаетъ въ «Капиталѣ». Дополнимъ вышеприведенныя опредѣленія Маркса тѣмъ, что онъ говоритъ въ «Капиталѣ» спеціально о трудѣ и спеціально о трудѣ экономическомъ—и тогда мы будемъ имѣть всѣ наиболѣе важныя опредѣленія историческаго матеріализма, данныя самимъ Марксомъ.

«Трудъ прежде всего есть процессъ, происходящій между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ регулируетъ и контролируетъ своей собственной дѣятельностью свой обмѣнъ матеріи съ природой. Онъ приводитъ въ движеніе принадлежащія ему естественныя силы, руки, ноги и голову, чтобы усвоить даваемые природой матеріалы въ пригодной для его жизни формѣ. Дѣйствуя посредствомъ этихъ движеній на природу, онъ развиваетъ дремлю-

[1]) II. 263 (1846).
[2]) Ст. 239.

[1]) Ibid. 186.
[2]) Ст. 13.
[3]) „Восемнадцатое брюмера“, 33. Энгельсъ видитъ въ этомъ сочиненіи превосходный конкретный примѣръ историческаго объясненія Маркса.

щія въ немъ силы и подчиняетъ игру этихъ силъ своей власти. Тутъ мы говоримъ не о первыхъ животноподобныхъ инстинктивныхъ формахъ труда.

Мы говоримъ о трудѣ въ той его формѣ, которая принадлежитъ исключительно человѣку. Паукъ совершаетъ операціи, похожія на дѣйствія ткача, и пчела постройкой ея сотовъ превосходитъ постройки многихъ человѣческихъ строителей. Но самый худшій изъ строителей отличается отъ самой лучшей пчелы тѣмъ, что онъ строитъ свою клѣтку въ головѣ раньше, чѣмъ дѣлаетъ ее изъ воску. Въ концѣ процесса труда получается результатъ, существовавшій уже при началѣ его въ представленіи работника, такимъ образомъ уже существовавшій идеально. Онъ производитъ не только измѣненіе формы естественнаго, онъ при этомъ осуществляетъ въ естественномъ свою цѣль, извѣстную ему, опредѣляющую характеръ и способъ его дѣйствія, какъ законъ и этой цѣли, этому закону онъ долженъ подчинить свою волю. И такое подчиненіе не есть отдѣльный актъ. На все время работы кромѣ напряженія работающихъ органовъ необходима еще и цѣлесообразная воля, проявляющаяся какъ вниманіе—и это тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе работа увлекаетъ работника самимъ ея содержаніемъ и способомъ и характеромъ ея исполненія, чѣмъ менѣе поэтому онъ наслаждается ей, какъ игрой своихъ собственныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ» [1]).

Въ связи съ вышеизложеннымъ Марксъ придаетъ особое значеніе характеру работы, методу труда. «Не то, что дѣлается, и какъ, какими орудіями (средствами) труда дѣлается, отличаетъ экономическія эпохи. Средства труда суть не только мѣрило развитія человѣческой рабочей силы, но и указатель общественныхъ отношеній, при которыхъ работаютъ. Изъ этихъ средствъ труда механическія, сумму которыхъ можно назвать системой костей и мускуловъ производства, составляютъ гораздо болѣе рѣшительный характерный признакъ эпохи общественнаго производства, чѣмъ такія средства труда, которыя служатъ только вмѣстилищемъ объекта труда и сумму которымъ можно назвать вообще сосудистой системой производства» [2]). «Технологія открываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный жизненный процессъ производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ его общественныхъ отношеній и происходящихъ отъ нихъ умственныхъ представленій» [3]).

Наконецъ Марксъ даетъ опредѣленіе историческаго матеріализма и въ третьей части «Капитала» [4]).

---

[1]) 1. 163.
[2]) 1. 166.
[3]) 1. 386.
[4]) 111. 324. О видоизмѣняющихъ причинахъ уже въ 1-й части (534) но нѣсколько иначе.

«Специфическая экономическая форма, въ которой неоплаченный добавочный трудъ выкачивается (angepumpt) изъ непосредственнаго производителя, опредѣляетъ отношеніе власти и подчиненія (господства и рабства) — отношеніе, выростающее непосредственно изъ самаго производства, и съ своей стороны опредѣляюще дѣйствующее на него. На этомъ основывается весь строй (Gestaltung) экономическаго, выросшаго изъ производственныхъ отношеній общества и вмѣстѣ съ тѣмъ и его специфическая политическая форма. Эта форма всегда есть непосредственное отношеніе собственниковъ условій производства къ непосредственнымъ производителямъ—отношеніе, форма котораго всегда, постоянно естественно соотвѣтствуетъ опредѣленной ступени развитія характера и способа труда и потому его общественной производительной силѣ—и въ этомъ мы найдемъ всю тайну, все скрытое основаніе общественнаго строя, и потому и политической формы отношенія власти и зависимости, однимъ словомъ всякой специфической государственной формы. Это не мѣшаетъ тому, что эта экономическая основа—основа по главнымъ условіямъ—вслѣдствіе безчисленныхъ эмпирическихъ обстоятельствъ, естественныхъ условій, отношенія расъ, историческихъ вліяній, дѣйствующихъ извнѣ и т. д., можетъ проявлять безконечныя варіаціи и степени, понять которыя можно только при анализѣ этихъ эмпирическихъ условій».

Литературная стилистика и сопоставленіе опредѣленій достаточно поучительны. Мы видимъ, что Марксъ постоянно видоизмѣняетъ свои опредѣленія; при этомъ мы видимъ также, что первоначальный матеріалистическій радикализмъ современемъ становится болѣе умѣреннымъ. Въ «Святомъ Семействѣ» и даже позднѣе Маркса отвергаетъ абсолютно всякую идеологію. Руководясь своимъ матеріализмомъ онъ считаетъ экономическія отношенія соціальнымъ чувствомъ, а идеологію мышленіемъ, проистекающимъ изъ этого чувства,— почти также, какъ Юмъ отличалъ живыя впечатлѣнія чувствъ отъ менѣе живыхъ мыслей, которыя суть ничто иное, какъ отраженія, копіи чувственныхъ впечатлѣній. Подобно этому (тутъ вообще все дѣло только въ уподобленіяхъ) Марксъ считаетъ идеологію—религію, мораль, философію, искусство, государство—за нѣкое отраженіе экономическихъ отношеній, за указатель ихъ. По буквальнымъ объясненіямъ Маркса отношеніе идеологіи и производственныхъ отношеній (точнѣе—экономическихъ отношеній) не ясно. Тутъ нужно различать два пункта: во первыхъ, оцѣнку идеологіи. Марксъ вообще цѣнитъ ее очень мало, только производственныя отношенія онъ считаетъ реальными—и притомъ въ томъ смыслѣ, какъ очень часто такъ называемые практическіе люди безъ всякаго марксизма утверждаютъ, что все пустое, кромѣ полныхъ кармановъ, но что при этомъ можно

считать религію и пр. нѣкотораго рода украшеніемъ этой практики— Марксъ иногда выражается именно въ такомъ смыслѣ.

Но важнѣе, чѣмъ оцѣнка идеологіи, объясненіе ея отношенія къ производственнымъ отношеніямъ. Прежде всего обратите вниманіе на то, что сначала Марксъ отказывалъ идеямъ въ какомъ бы то ни было дѣйствіи. Не говоря уже о томъ удивительно наивномъ положеніи, что для осуществленія идей необходимы люди, обладающіе практической силой, насъ интересуетъ вопросъ, слѣдуетъ ли понимать отношеніе идеологіи и производительныхъ отношеній, какъ причинное. Марксъ въ этомъ отношеніи выражается очень неточно. То идеологія есть только отраженіе, а индивидуальное сознаніе даже иллюзія; то за идеологіей признается большая или меньшая дѣятельность. Уже въ первой части «Капитала» мы читаемъ о цѣли, опредѣляющей нашу волю, какъ законъ; намъ говорятъ, что, измѣняя природу, мы измѣняемся и сами, и что технологія открываетъ непосредственный жизненный процессъ производства (странное выраженіе!)—потомъ въ этой связи совершенно опредѣленно сказано, что умственныя представленія вытекаютъ изъ общественныхъ отношеній,—стало быть, не изъ однихъ только экономическихъ отношеній производства [1]).

Наконецъ въ третьей части Марксъ прямо признаетъ, что политическая власть, опредѣляемая экономическими формами, въ свою очередь опредѣляетъ эти формы. Точно также тутъ уже говорится о видоизмѣняющихъ соціальныхъ силахъ, о различныхъ естественныхъ условіяхъ, о расѣ, даже о внѣшнихъ политическихъ вліяніяхъ и т. д.

Читатель замѣтилъ, насколько разнообразно Марксъ опредѣляетъ свою реальную экономическую основу: отношенія производства или собственности, отношенія производственныя и средства обращенія, технологія и методъ труда вообще («не то, что дѣлается» и т. д.) и проч.

Если, наконецъ, обратиться къ собственно исторической сторонѣ историческаго матеріализма, то прежде всего намъ придется поставить вопросъ: какія же движущія силы въ концѣ концевъ приводятъ въ движеніе исторію и поддерживаютъ это движеніе? На этотъ вопросъ Марксъ не даетъ точнаго отвѣта какъ разъ въ томъ опредѣленіи, которое считается основнымъ — и это особенно удивительно. На извѣстной ступени своего развитія — говорятъ намъ — матеріальныя производительныя силы вступаютъ въ столкновеніе съ отношеніями собственности и тогда происходитъ общественный переворотъ. Признаемъ это на время. Но такъ какъ переворотъ производится, вѣдь, людьми, то является конкретный вопросъ: *кто* же «матеріальныя производительныя силы общества», и *кто* «отношенія собственности»?

[1]) Можетъ быть, здѣсь незачѣмъ обращать вниманія на то, что общепринятая всѣми историками древности характеристика отдѣльныхъ доисторическихъ эпохъ на основаніи различныхъ орудій не говоритъ за Маркса; понятно, что идеологію изъ земли не выкопаешь, и однако древнѣйшія раскопки указываютъ на попытки созданія искусства, могилы даютъ возможность судить о религіи и т. д.

На это мы получаемъ отвѣтъ, что общество распадается на два большіе, враждующіе другъ съ другомъ класса, борьба которыхъ, классовая борьба, и составляетъ содержаніе исторіи. При современной, послѣдней доисторической стадіи исторіи человѣческаго общества борьба свирѣпствуетъ между капиталистами, буржуазіей и рабочими, пролетаріями.

Пересмотрѣвъ все сказанное, мы можемъ выразить все содержаніе историческаго матеріализма Маркса приблизительно въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Исторія есть діалектическій процессъ, происходящій независимо отъ человѣческой воли.

Этотъ діалектическій историческій процессъ есть политическая классовая борьба.

Эта борьба по своей сущности есть экономическій переворотъ.

Вообще для людей и для общества реальное значеніе имѣютъ только экономическія или, выражаясь точнѣе, производственныя отношенія. Идеологія же—государство, религія, мораль, философія и искусства—не реальное, иллюзорна и имѣетъ только симптоматическое значеніе.

Дальше мы будемъ говорить о томъ, можемъ ли мы признать такія психологическія и соціологическія воззрѣнія Маркса, или въ какомъ смыслѣ и въ какой степени можно признать ихъ. Ясно, что по отдѣльнымъ опредѣленіямъ довольно мудрено понять настоящіе взгляды Маркса и потому приходится изслѣдовать всю систему историческаго матеріализма. Но раньше посмотримъ, какъ понимаютъ Маркса его послѣдователи, и въ особенности Энгельсъ.

25. Въ сочиненіи противъ Дюринга мы читаемъ слѣдующее объясненіе Энгельсомъ историческаго матеріализма [1]): «производство, а послѣ него обмѣнъ продуктовъ производства, есть основаніе всего общественнаго порядка; въ каждомъ историческомъ обществѣ раздѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное расчлененіе на классы и сословія опредѣляются тѣмъ, что и какъ производится и какъ обмѣнивается произведенное. Потому конечныхъ причинъ всѣхъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, не въ ихъ растущемъ знаніи о вѣчной истинѣ и вѣчной справедливости, а въ измѣненіяхъ способовъ производства и обмѣна—этихъ причинъ надо искать не въ филосо-

[1]) Ст. 286.

фіи, а въ экономикѣ данной эпохи. Пробуждающееся сознаніе о томъ, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что разумъ превратился въ безуміе, а благодѣяніе въ мученіе — есть только указаніе на то, что въ методахъ производства и въ формахъ обмѣна произошли измѣненія, съ которыми не согласуется болѣе общественный строй, соотвѣтствующій прежнимъ экономическимъ условіямъ. Совершенно очевидно при этомъ, что средствомъ для устраненія проявившихся недостатковъ могутъ быть только сами измѣнившіяся отношенія производства — болѣе или менѣе развитыя. Эти средства нельзя выдумать, ихъ можно только открыть въ существующихъ матеріальныхъ фактахъ производства».

Это опредѣленіе вообще согласно съ опредѣленіемъ, даннымъ Марксомъ—и однако мы должны указать на то, что Энгельсъ тутъ придаетъ уже большее значеніе отношеніямъ обмѣна — Марксъ сначала признавалъ реальной основой всей общественной организаціи только отношенія производства. Энгельсъ видитъ эту основу въ производствѣ, и послѣ него въ обмѣнѣ. Одно производство уже не удовлетворяетъ Энгельса. Его не удовлетворяетъ также и обмѣнъ; потому что въ томъ же сочиненіи классовая борьба признается слѣдствіемъ экономическихъ отношеній—и такимъ отношеніямъ признаются отношенія производства и обращенія [1]). Опять таки формулировка уклончивая, неопредѣленная.

Очень уклончиво выражается Энгельсъ и въ своемъ сочиненіи о происхожденіи семьи [2]). Въ исторіи по матеріалистическому міросозерцанію конечный опредѣляющій моментъ есть «производство и непосредственное воспроизведеніе жизни. Этотъ моментъ двоякаго рода: съ одной стороны производство жизненныхъ средствъ, предметовъ питанія, одежды, жилища и необходимыхъ для этого орудій; а съ другой стороны производство самихъ людей, продолженіе рода».

Не говоря уже о неосновательномъ употребленіи термина: «производство» для выраженія двухъ совершенно различныхъ понятій (также злоупотребляютъ и терминомъ: «жизнь») Энгельсъ прежде всего долженъ бы былъ доказать, что размноженіе не имѣетъ никакихъ иныхъ историческихъ причинъ, кромѣ экономическихъ, производства и обмѣна. Понятно, что доказать это ему бы не удалось, потому что произведеніе на свѣтъ людей и экономическое «производство» суть совершенно различныя вещи. Размноженіе не ограничивается, вѣдь, одними людьми; оно есть общее органическое явленіе, начинающееся съ клѣточки и протоплазмы и распространяющееся на растенія и на животныя. Вѣдь Энгельсъ не захотѣлъ бы утверждать, что «историческій» матеріализмъ примѣняется и къ клѣточкамъ. Не только

[1]) Ст. 12
[2]) Ст. VIII.

Дарвинъ, послѣдователемъ котораго хочетъ быть Энгельсъ, но и всѣ современные зоологи и эволюціонисты держатся относительно размноженія взглядовъ, рѣшительно противорѣчащихъ историческому матеріализму, какъ его формулировали Марксъ и Энгельсъ.

Энгельсъ въ этомъ опредѣленіи дѣлаетъ еще одну ошибку. Сначала онъ говоритъ о размноженіи, и вслѣдъ за этимъ утверждаетъ, что развитіе труда и семьи составляетъ основу общества. Семья и размноженіе, конечно, два понятія, совершенно различныя: семья есть учрежденіе не только физіологическое, а и моральное; чрезъ нее многое изъ идеологіи дѣйствуетъ на общество—Энгельсъ, самъ того не замѣчая, вводитъ презираемую идеологію въ опредѣленіе своего матеріализма.

Я не даромъ говорю о презираемой идеологіи: напр., религія для Энгельса есть только «костюмъ», «переодѣванье» [1]), «маска» экономическихъ интересовъ—въ вышеприведенномъ опредѣленіи идеологія есть только «признакъ».

Иначе опредѣляетъ Энгельсъ историческій матеріализмъ въ своей статьѣ: «Участіе труда въ очеловѣченіи обезьяны» (Neue Zeit, 1896 г.). Тутъ онъ говоритъ слѣдующее: «люди привыкаютъ объяснять свое поведеніе своимъ мышленіемъ»; вмѣсто того, чтобы объяснять ихъ своими потребностями (которыя во всякомъ случаѣ отражаются въ головѣ, сознаются ею) [2]). Какъ ни незначительнымъ представляется это объясненіе, оно чрезвычайно важно—важна тутъ именно психологія поведенія и ея сходство съ ученіемъ Шопенгауера о главенствѣ воли и подчиненіи разума. Мы увидимъ, что такое психологическое пониманіе вообще свойственно Марксу и Энгельсу.

Подобно этому объясненіе, данное Энгельсомъ на могилѣ Маркса: «Какъ Дарвинъ открылъ законъ развитія органической природы, такъ Марксъ открылъ законъ развитія человѣческой исторіи—это простой фактъ, до сихъ прикрываемый идеологическими наростами, что люди должны сначала ѣсть, пить, имѣть жилище и одежду прежде, чѣмъ они будутъ въ состояніи заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и т. д., что такимъ образомъ производство непосредственныхъ матеріальныхъ жизненныхъ средствъ и, стало быть, экономическая степень развитія народа или эпохи составляетъ основаніе, на которомъ развиваются государственныя учрежденія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя представленія и которымъ потому они и должны объясняться—а не наоборотъ, какъ это было до сихъ поръ» [3]).

[1]) Энгельсъ—„Фейербахъ“, 65.
[2]) „Къ исторіи первобытнаго христіанства“ (Neue Zeit—1894).
[3]) Züricher Social demokrat, 1883 г. (перепечатано у Меринга—Lessing—Legende, 434 и у Лоренца—Марксистская соціалъ демократія“, 4.

Такимъ образомъ старое—сначала жить, и потомъ философствовать? Только то?

Энгельсъ пытался объяснить историческій матеріализмъ и позднѣе, въ девяностыхъ годахъ. Это позднѣйшее объясненіе, имѣвшее уже въ виду многія высказанныя возраженія, тѣмъ важнѣе, что оно представляетъ отвѣтъ на опредѣленные сдѣланные Энгельсу запросы. Читатель увидитъ, что Энгельсъ тутъ оставляетъ прежнія опредѣленія, данныя имъ и Марксомъ. Правда, онъ обвиняетъ своихъ противниковъ, будто бы не пожелавшихъ понять его; но на самомъ то дѣлѣ самъ Энгельсъ измѣняетъ своимъ прежнимъ взглядамъ: раньше онъ признавалъ идеологію простымъ «переодѣваньемъ», «костюмомъ» и въ лучшемъ случаѣ «признакомъ», чѣмъ то въ родѣ сигнала или манометра экономическаго парового котла, а теперь сигналъ и костюмъ становятся дѣйствующими соціальными силами.

«Въ томъ фактѣ, что младшіе (ученики) придаютъ экономической сторонѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, значенія, виноваты Марксъ и отчасти я самъ. Мы должны были въ виду противниковъ настаивать на отрицаемомъ главномъ принципѣ, и не всегда имѣли время, мѣсто и поводъ указывать на остальные, учавствующіе во взаимодѣйствіи моменты. Но поскольку приходилось прибѣгать къ изложенію отдѣла исторіи, т. е. къ практическому примѣненію, дѣло измѣнялось и тутъ была невозможна никакая ошибка. Но, къ сожалѣнію, они часто думаютъ, что совершенно поняли новую теорію и могутъ примѣнять ее, если усвоили главныя ея положенія—да и то не всегда правильно. Я не могу не сдѣлать этого упрека кое кому изъ новыхъ марксистовъ и это вызвало многія удивительныя произведенія» (WunderBares Zeug).

Въ первомъ письмѣ 1890 года, откуда взято это мѣсто [1]), говорится, что производство и воспроизведеніе дѣйствительной жизни въ послѣдней инстанціи есть опредѣляющій моментъ—но не единственный опредѣляющій моментъ. Экономическое положеніе есть основа; но различные моменты надстройки (политическія формы классовой борьбы и ея слѣдствія, конституціи, правовыя формы и даже отраженіе этой дѣйствительной борьбы въ мозгу борящихся, политическія, юридическія и философскія теоріи, религіозныя мнѣнія и ихъ догматическое развитіе) производятъ дѣйствіе на ходъ исторической борьбы и во многихъ случаяхъ преимущественно опредѣляютъ ея форму. «При взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ моментовъ, чрезъ безконечное число случайностей (т. е. чрезъ безконечное число вещей и

[1]) Socialistische Akademiker (1895, 1 октября): Письмо Энгельса. Къ критикѣ матеріалистическаго пониманія исторіи (письмо отъ 21 сентября 1890 года).

явленій, внутренняя связь которыхъ столь отдаленна или столь недоказуема, что мы можемъ не обращать на нее вниманіе, считать ее несуществующей) осуществляется экономическое движеніе, какъ необходимое». Самъ Энгельсъ въ заключеніе приводитъ въ примѣръ образованіе Пруссіи—было же прямо таки смѣшно, говоритъ онъ, объяснять это явленіе только экономически.

Не будемъ обращать вниманія на странности терминологіи (напр. моменты надстройки и пр.)—но для всякаго, вѣдь, видно, что это совершенно иное опредѣленіе, отличное отъ даннаго Энгельсомъ въ прежніе годы. Можно бы и тутъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія (напр. составляютъ ли идеологическіе моменты только форму борьбы или они вообще опредѣляютъ эту борьбу? Конечно нѣтъ, у нихъ есть свое содержаніе и они имѣютъ самостоятельную цѣнность); но отъ Энгельса для насъ достаточно сознанія, что всѣ идеологическіе «моменты» дѣйствуютъ—и дѣйствуютъ, само по себѣ понятно, казуально.

Во второмъ письмѣ Энгельсъ отвѣчаетъ на вопросы объ объемѣ причиннаго дѣйствія экономическихъ отношеній (т. е. суть ли они достаточныя причины, поводы, постоянное условіе и т. д.) и о роли расы и исторической индивидуальности [1]). Энгельсъ прежде всего даетъ свое прежнее опредѣленіе историческаго матеріализма, на основаніи котораго производство и обмѣнъ продуктовъ суть опредѣляющій базисъ исторіи; но теперь онъ прибавляетъ, что въ это опредѣленіе входитъ вся техника. Эта техника опредѣляетъ родъ обмѣна, раздѣла продуктовъ и потомъ, послѣ уничтоженія первоначальнаго родоваго строя, раздѣленіе на классы, и стало быть и отношенія власти и подчиненія, т. е. государство, политику, право и т. д.

Энгельсъ причисляетъ къ экономическимъ отношеніямъ и географическія условія, остатки прежнихъ экономическихъ стадій развитія, и наконецъ «окружающую извнѣ общественную форму среду» (это уже и несовсѣмъ ясно).

Политическое, юридическое, философское и т. д. развитіе основывается на экономическомъ; но экономическое положеніе не есть единственная активная причина, а всѣ остальные моменты (употребляю выраженіе изъ перваго письма Энгельса) только пассивныя слѣдствія; тутъ существуетъ взаимодѣйствіе на основаніи въ концѣ концевъ (въ послѣдней инстанціи) осуществляющейся экономической необходимости.

Экономическія отношенія дѣйствуютъ не автоматически; исторія дѣлается самими людьми, но въ данной, обусловливающей ее средѣ на основаніи данныхъ, дѣйствительныхъ отношеній, «изъ коихъ эко-

[1]) Socialistische Akademiker (1895, 15 октября).—Второе письмо Энгельса (написано 25 января 1894 года).

номическія, какъ бы ни вліяли на нихъ остальныя отношенія, политическія и идеологическія, въ послѣдней инстанціи суть рѣшительныя и составляющія сплошную, ведущую къ пониманію красную нить».

Расу Энгельсъ признаетъ тоже экономическимъ факторомъ.

Такъ именуемые великіе люди не представляютъ рѣшающаго фактора. Простая случайность, что въ опредѣленное время и въ извѣстной средѣ появляется опредѣленная личность; но если бы, напр., не было Наполеона, то его мѣсто занялъ бы другой, что доказывается тѣмъ, что человѣкъ всегда найдется, «когда онъ необходимъ (Цезарь, Августъ, Кромвель и др.). Энгельсъ приводитъ въ примѣръ и самого Маркса: онъ открылъ матеріалистическое пониманіе исторіи, но французскіе (Тьерръ, Минье, Гизо) и англійскіе историки до 1850 года доказываютъ, что «къ этому уже стремились»; открытіе такого же пониманія Морганомъ доказываетъ, что время созрѣло для этого открытія и оно «должно было быть сдѣлано».

Энгельсъ писалъ объ историческомъ матеріализмѣ и Шмидту (1890 г. 27 октября)—это письмо тоже опубликовано [1]). Энгельсъ тутъ объясняетъ историческій матеріализмъ при помощи раздѣленія труда; при посредствѣ раздѣленія труда образуются самостоятельные классы и, стало быть, отдѣльные интересы—появляется и государство. Новая самостоятельная сила въ цѣломъ должна слѣдовать за движеніемъ производства, но она въ силу присущей ей, т. е. разъ навсегда ей переданной и постепенно все болѣе развивающейся относительной самостоятельности реагируетъ, воздѣйствуетъ на условія и на ходъ производства. Государственная сила можетъ дѣйствовать на экономическое развитіе трояко: она дѣйствуетъ въ томъ же направленіи—«тогда дѣло идетъ быстрѣе»; она можетъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи—и «тогда она въ настоящее время у всѣхъ великихъ народовъ идетъ къ своей погибели» и наконецъ она можетъ отрѣзать экономическому развитію одни пути и предписывать ему другіе. Этотъ третій случай приводится къ двумъ предыдущимъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что государство можетъ очень вредить экономическому развитію и можетъ произвести громадную трату силъ и матеріала.

Тоже можно сказать и о правѣ: разъ дѣлается необходимымъ новое раздѣленіе труда, появляются и профессіональные юристы. «Что же касается еще выше вздымающихся къ небу идеологическихъ сферъ, философіи и т. д.», то эти сферы, воспринятыя нашимъ временемъ отъ прежнихъ историческихъ періодовъ, охвачены... безумiемъ. Исторія науки есть исторія постепеннаго устраненія этого безумія или исторія замѣны его новымъ, менѣе нелѣпымъ безумiемъ.

[1]) Leipziger Volkszeitung, 26 октября 1895 года.

«Люди, занимающіеся этимъ, опять таки принадлежатъ къ особымъ сферамъ раздѣленія труда и воображаютъ, будто они разработываютъ независимую область». «Поскольку они составляютъ самостоятельную группу въ предѣлахъ общественнаго раздѣленія труда, постольку ихъ произведенія, и въ томъ числѣ и ихъ заблужденія, оказываютъ регрессивное вліяніе на все человѣческое развитіе и даже на экономическое. Но при этомъ они опять таки находятся подъ господствующимъ вліяніемъ экономическаго развитія... Экономика не создаетъ непосредственно сама изъ себя ничего, но она опредѣляетъ способъ измѣненія и дальнѣйшаго развитія существующаго матеріала мышленія—и притомъ опредѣляетъ по большей части непрямо, такъ какъ на философію наибольшее прямое дѣйствіе имѣютъ политическія, юридическія и моральныя отраженія».

Безъ четырехъ угловъ и домъ не строится. Энгельсъ писалъ объ этомъ предметѣ и къ Мерингу [1]). Это письмо для психологіи историческаго метеріализма очень важно и потому приведу здѣсь наиболѣе важныя мѣста изъ него.

Энгельсъ принимаетъ изложеніе Меринга, но прибавляетъ: «не хватаетъ тутъ еще одного пункта, который Марксомъ и мной дѣйствительно не былъ достаточно выдвигаемъ и по отношенію къ которому мы всѣ одинаково виновны. Именно всѣ мы главнымъ образомъ настаивали на выводѣ политическихъ, юридическихъ и разныхъ иныхъ идеологическихъ представленій и вытекающихъ изъ этихъ представленій дѣйствій изъ экономическихъ основныхъ фактовъ—мы и должны были настаивать на этомъ. Но при этомъ мы изъ за содержанія упускали изъ виду формальную сторону—а именно способъ происхожденія этихъ представленій. Это давало противникамъ удобный поводъ для недоразумѣній»... «Идеологія есть процессъ, совершаемый такъ называемымъ мыслителемъ съ сознаніемъ... но съ сознаніемъ ложнымъ. Настоящія движущія его силы остаются ему неизвѣстными, иначе это былъ бы не идеологическій процессъ. Такимъ образомъ онъ выдумываетъ ложныя или кажущіяся движущія силы. Такъ какъ это процессъ мыслительный, то онъ и его содержаніе и его форму выводитъ изъ чистаго мышленія—или своего собственнаго или своего предшественника. Онъ работаетъ съ простымъ мыслительнымъ матеріаломъ, который онъ считаетъ необдуманно созданнымъ мышленіемъ и не изслѣдуетъ болѣе отдаленнаго, отъ мышленія независимаго процесса; и это для него само по себѣ понятно, такъ какъ всякое дѣйствіе, потому что проходитъ чрезъ мышленіе, представляется ему въ концѣ концовъ и обоснованнымъ въ мышленіи. Историческій идеологъ (тутъ терминъ: историческій употребляется, какъ охватывающій терминъ: политическій, юридическій,

[1]) Мерингъ—Исторія II. 556. Письмо это отъ 14 іюля 1893 года.

философскій, теологическій—однимъ словомъ обнимающій всѣ сферы, относящіяся не только къ природѣ, а и къ исторіи)—историческій идеологъ имѣетъ такимъ образомъ въ каждой области науки матеріалъ, самостоятельно образовавшійся изъ мышленія прошлыхъ поколѣній и совершившій въ мозгахъ этихъ слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній полный и собственный процессъ развитія. Во всякомъ случаѣ внѣшніе факты, принадлежащіе къ этой или къ другимъ сферамъ, могли дѣйствовать соопредѣляюще на это развитіе—но и эти факты по предпосылкѣ суть тоже простые плоды мыслительнаго процесса и потому мы всегда остаемся въ сферѣ простого мышленія, удачно переваривающаго самые твердые факты. Это то кажущаяся самостоятельность исторіи государственныхъ конституцій, правовыхъ системъ, идеологическихъ представленій въ каждой сферѣ, прежде всего и ослѣпляетъ большинство людей. Если Лютеръ и Кальвинъ побѣдили оффиціальную католическую религію, если Гегель одержалъ побѣду надъ Фихте, а Кантъ и Руссо съ его «общественнымъ договоромъ» побѣдили конституціоналиста Монтескье, то это есть событіе, совершающееся въ сферѣ теологіи, философіи, государственной науки, это этапъ въ исторіи этихъ сферъ мышленія и вообще не выходитъ изъ предѣловъ сферы мышленія. А съ той поры, какъ появилась буржуазная иллюзія о вѣчности и конечности капиталистическаго производства, даже и побѣда, одержанная надъ меркантилистами физіократами и Смитомъ считается простой побѣдой идеи, не отраженіемъ въ идеѣ измѣнившихся экономическихъ фактовъ, а наконецъ достигнутымъ вѣрнымъ пониманіемъ всегда и вездѣ существующихъ фактическихъ условій. — Если бы Ричардъ Львиное Сердце и Филиппъ Августъ ввели свободу торговли, вмѣсто того, чтобы заниматься крестовыми походами, намъ не пришлось бы выдержать пятьсотъ лѣтъ нищеты и невѣжества».

Далѣе Энгельсъ снова настаиваетъ на взаимодѣйствіи экономическихъ и идеологическихъ фактовъ: историческій матеріализмъ отвергаетъ только «самостоятельное историческое развитіе» идеологіи, не отвергая ея исторической дѣятельности; но въ заключеніе Энгельсъ все таки обвиняетъ противниковъ въ ихъ неспособности понять ученіе Маркса и Энгельса. «Въ основѣ этого непониманія лежитъ обычное недіалектическое представленіе о причинахъ и слѣдствіяхъ, какъ прямо противуположныхъ полюсахъ, абсолютное непониманіе взаимодѣйствія».

Я познакомился съ этимъ письмомъ къ Мерингу только по окончаніи своей работы. При дальнѣйшемъ изложеніи вопроса объ отношеніи личности къ массѣ и о сознаніи вообще (§§ 36, 37, 46) читатель убѣдится, что Энгельсъ буквально подтверждаетъ мое пониманіе психологической основы историческаго матеріализма. Въ марксизмѣ я вижу систему иллюзіонизма—«ложное сознаніе», «выдумываніе ложныхъ или кажущихся дѣйствующихъ силъ», «буржуазныя иллюзіи» и т. д. Энгельса подтверждаютъ такое пониманіе.

Энгельсъ вполнѣ правъ, говоря, что онъ и Марксъ упустили изъ виду психологическое объясненіе историческаго матеріализма, т. е. идеологію; но онъ ошибается, полагая, что теперь онъ далъ это объясненіе [1]), и точно также онъ ошибается, обвиняя себя въ томъ, что онъ главное значеніе придавалъ выводу идеологіи изъ экономическихъ отношеній. Этого, собственно говоря, не сдѣлали ни Марксъ, ни Энгельсъ—въ дѣйствительности они не пошли дальше простого утвержденія.

Однако воздержимся пока отъ критики и обратимся къ послѣдователямъ Маркса и Энгельса. Можно сказать даже a priori, что развитіе понятій Маркса и Энгельса не представляется еще и теперь законченнымъ. И дѣйствительно это развитіе продолжается въ разъясненіяхъ марксистовъ.

26. Я приведу только болѣе важныя изъ этихъ разъясненій и начну съ полемики между Каутскимъ и Баксомъ [2]).

Баксъ утверждаетъ, что объясненій неомарксистовъ (Плехановъ, Мерингъ и Каутскій) невозможно принять съ точки зрѣнія самого Маркса, такъ какъ они съ ихъ «крайнимъ матеріализмомъ» столь же преувеличиваютъ, какъ и люди, утверждающіе, будто исторія характеризируется философіей, и только одной философіей. Въ противоположность обоихъ этимъ крайнимъ мнѣніямъ Баксъ полагаетъ, что внѣшнія экономическія отношенія (производство и обмѣнъ) составляютъ только отрицательное условіе для внутреннихъ, самопроизвольныхъ идеологическихъ стремленій. Какъ почва и климатъ суть отрицательное условіе для сѣмяни, такъ само сѣмя есть положительная причина дерева. Спекулятивныя стремленія, этическія и эстетическія способности человѣка существуютъ въ обществѣ съ начала вѣковъ самостоятельно, не будучи простыми продуктами матеріальныхъ факторовъ. Баксъ признаетъ, что въ ту или иную эпоху господствуетъ тотъ или иной культурный элементъ—теперь напр. всеобщее вниманіе обращено на экономическія условія. Всегда, когда

---

[1]) Неясность постановки вопроса видна по терминологіи; дѣло тутъ не въ „формальной сторонѣ“ въ противуположность „содержанію“, а въ психологическомъ объясненіи идеологіи. Энгельсъ и Марксъ употребляютъ слово формальный для обозначенія логическихъ и теоретикопознавательныхъ задачъ.

[2]) Статья Бакса въ вѣнской Zeit (11 іюля 1896): Матеріалистическое пониманіе исторіи. Каутскій отвѣчалъ въ Neue Zeit (1896—97). „Матеріалистическое пониманіе исторіи и психологическія стремленія“. Баксъ возражалъ: „Синтетическое пониманіе исторіи въ противоположность пониманію нео-марксистовъ. Границы матеріалистическаго пониманія исторіи“. Отвѣтъ Каутскаго (ibid): „Утопическій и матеріалистическій марксизмъ“.

у насъ чувствуется недостатокъ въ необходимыхъ матеріальныхъ жизненныхъ средствахъ, перевѣшиваетъ факторъ экономическій; но способность человѣка къ идеологіи всегда должна придать слѣдствіямъ внѣшняго экономическаго гнета форму идеала, чтобы былъ возможенъ дальнѣйшій прогрессъ.

Баксъ крѣпко держится за ученіе Маркса—мнѣ незачѣмъ говоритъ, что онъ тутъ ошибается. Противъ него въ защиту историческаго матеріализма выступилъ Каутскій. Теперь Каутскій среди германскихъ марксистовъ занимаетъ такое положеніе, что его объясненіе уже по одному этому заслуживаетъ вниманія.

По мнѣнію Каутскаго, не общечеловѣческое, не общее всѣмъ людямъ во всякія эпохи составляетъ предметъ матеріалистическаго историческаго изслѣдованія, а исторически особенное, различающее людей различныхъ эпохъ. Каутскій повторяетъ приведенную выше формулу Маркса, что исторія должна заниматься только спеціальными законами.

Матеріалистическое пониманіе исторіи—говорится далѣе—не имѣетъ въ виду объясненія отдѣльныхъ фактовъ и приведенія ихъ безъ остатка къ экономическимъ условіямъ, какъ напр. такихъ фактовъ, что Цезарь былъ бездѣтнымъ и усыновилъ Октавія, что Антоній влюбился въ Клеопатру и т. п.; но она имѣетъ въ виду возможность объясненія того, почему погибла римская республика и появился цезаризмъ. Историческій матеріализмъ не думаетъ объяснять поэтическихъ способностей Шекспира и Гете, но онъ въ состояніи объяснить идейное содержаніе, общее Шекспиру и Гете съ ихъ современниками. Указывая на свою работу о Томасѣ Морѣ [1]), Каутскій различаетъ слѣдующіе три фактора: 1) важнѣйшій факторъ: общія общественныя отношенія эпохи и страны, приводящіяся къ экономическимъ условіямъ. 2) Спеціальная общественная среда, въ которой развивался напр. Моръ: спеціальныя экономическія отношенія, среди которыхъ онъ жилъ, люди, съ которыми онъ имѣлъ общеніе и особыя идеи которыхъ приводятся къ различнымъ факторамъ, существовавшія въ его время традиціи, доступная ему литература. И при всемъ этомъ мы все таки не вполнѣ поймемъ сочиненія Мора, т. е. его утопію; необходимо принять во вниманіе и 3) личныя особенности самого Мора. По отношенію къ поставленному Баксомъ вопросу о значеніи «психологическаго стремленія», идеи въ исторіи, Каутскій объявляетъ себя рѣшительнымъ матеріалистомъ. Я уже раньше приводилъ его разъясненія: для философіи идеалиста, говоритъ Каутскій, идея имѣетъ особое существованіе, для матеріалиста она есть только функція человѣческаго мозга. По мнѣнію Каутскаго историческій матеріализмъ не есть мнѣніе, будто

[1]) Каутскій—Томасъ Моръ и его утопія. 1888 г.

экономическое развитіе совершается безъ дѣйствующей силы человѣческаго духа. По его мнѣнію, слѣдуетъ различать экономическое развитіе и экономическія условія. «Въ концѣ концовъ экономическое развитіе есть ничто иное, какъ развитіе техники, т. е. рядъ изобрѣтеній и открытій». А эти изобрѣтенія и открытія суть ничто иное, какъ требуемыя Баксомъ взаимодѣйствія духа и экономическихъ условій.

Историческій матеріализмъ отнюдь не отрицаетъ движущей силы человѣческаго духа въ обществѣ, онъ только иначе объясняетъ дѣйствіе этой силы; духъ двигаетъ общество, но не какъ господинъ экономическихъ отношеній, а какъ ихъ слуга.

Эти экономическія отношенія ставятъ ему (духу) задачи, которыя онъ долженъ разрѣшить, они же даютъ ему и средства для рѣшенія. Потому эти экономическія отношенія опредѣляютъ также и результаты, къ которымъ онъ можетъ и долженъ придти при данныхъ историческихъ условіяхъ. Ближайшее слѣдствіе, котораго достигаетъ человѣческій духъ рѣшеніемъ своихъ задачъ, можетъ быть объектомъ воли и можетъ быть предусмотрѣно Но каждое рѣшеніе производитъ результаты, предвидѣть которыхъ духъ не въ состояніи и которые часто прямо противорѣчатъ его намѣреніямъ. Экономическое развитіе есть продуктъ взаимодѣйствія экономическихъ отношеній и человѣческаго духа, но оно не есть продуктъ свободно и по своему усмотрѣнію устраивающей экономическія отношенія дѣятельности человѣка.

Каждое рѣшеніе какой либо технической задачи ставитъ намъ новыя задачи, каждая побѣда надъ препятствіями, ставимыми намъ природой, воздвигаетъ предъ нами новыя препятствія; удовлетвореніе каждой потребности создаетъ новыя потребности. Но каждый техническій прогрессъ даетъ также и новыя средства для разрѣшенія новыхъ задачъ, каждое техническое измѣненіе, каждое измѣненіе способа производства или рода жизни дѣйствуютъ на взаимныя отношенія между людьми. Извѣстная сумма техническихъ успѣховъ требуетъ и новыхъ условій труда и новыхъ жизненныхъ условій, несогласимыхъ съ господствующей общественной организаціей, съ господствующими юридическими началами, съ господствующей этикой и т. д.

Сначала люди развивались безсознательно, но чѣмъ далѣе прогрессируетъ исторія, чѣмъ больше власть человѣка надъ природой, тѣмъ сознательнѣе человѣкъ реагируетъ на возбужденія, даваемыя экономическимъ развитіемъ, «тѣмъ быстрѣе происходитъ это развитіе, тѣмъ легче сознаются людьми ставимыя этимъ развитіемъ задачи, и тѣмъ выше становятся методы и средства сознательно разрѣшить новыя задачи, тѣмъ болѣе общественныя измѣненія перестаютъ быть простымъ продуктомъ инстинктовъ, тѣмъ болѣе они

совершаются посредствомъ идей и цѣлей, ставимыхъ себѣ людьми, и наконецъ посредствомъ систематическихъ изслѣдованій».

Связь между экономическими условіями, ставящими человѣчеству свои задачи и доставляющими ему средства для ихъ рѣшенія, и производимой этимъ духовной дѣятельностью людей всегда очень сложна, потому что сферы, въ которыхъ совершается эта дѣятельность (природа, находящаяся подъ властью человѣка и общество) становится все болѣе сложными и болѣе обширными и потому что при этой дѣятельности между причиной и слѣдствіемъ являются все новые и новые промежуточныя звенья. Изъ первобытныхъ, чисто эмпирическихъ попытокъ подчинить себѣ ту или иную естественную силу въ концѣ концовъ развиваются естествознаніе и раздѣленіе труда. Съ естествознаніемъ развивается и техника; подъ словомъ: техника мы должны понимать не одни только орудія и машины, но и современныя методы химіи и современную математику. «Современное положеніе математики принадлежитъ къ числу экономическихъ условій существующаго общества также, какъ и современная техника машинъ или всемірной торговли».

Каутскій заканчиваетъ свое изложеніе рѣшительнымъ признаніемъ индивидуальныхъ способностей и геніальности и возстаетъ противъ общепринятаго демократическаго предразсудка, не признающаго авторитета отдѣльныхъ выдающихся личностей, какъ будто для насъ первый попавшійся филистеръ имѣетъ такое же значеніе и такой же интересъ, какъ и мыслитель, усвоившій все знаніе своего вѣка и расширяющій наши взгляды.

Каутскій тоже считаетъ свое объясненіе согласующимся съ объясненіемъ Маркса. Онъ совершенно неосновательно настаиваетъ на такомъ согласіи съ взглядами Маркса, такъ какъ этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, видоизмѣнилъ свои мнѣнія—вѣдь, не существуетъ *единственнаго* опредѣленія историческаго матеріализма Марксомъ. Въ дѣйствительности же Каутскій довольно сильно измѣняетъ первоначальное ученіе Маркса. Если Каутскій къ экономическимъ условіямъ причисляетъ и технику и химію и математику, то это уже такое расширеніе понятія, что полемика съ Баксомъ становится совершенно излишней. Различеніе Каутскимъ экономическаго развитія и экономическихъ условій въ сущности тоже, что сѣмя и почва Бакса; какъ почва сама не производитъ сѣмяни, такъ и идеологія по отношенію къ внѣшнимъ экономическимъ условіямъ (условія, вѣдь, не суть причины) обладаетъ самостоятельной силой; экономическія отношенія становятся только «возбудителями» духа. Каутскій, правда, говоритъ, что экономическія отношенія «господинъ» духа, но рядомъ съ другими разъясненіями это просто довольно неопредѣленное утвержденіе; и при болѣе подробномъ разсмотрѣніи оказывается просто перенесеніемъ въ экономику теоріи воли Шопенгауера. Интеллектъ играетъ подчиненную роль и служитъ экономическимъ потребностямъ—а потребности въ концѣ концовъ суть чувства и желанія, стало быть, силы идеологическія. Мы не будемъ теперь разбирать, вѣренъ ли этотъ экономическій шопенгауеризмъ; теперь насъ интересуетъ попытка Каутскаго дополнить прежнія опредѣленія историческаго матеріализма, данныя Марксомъ и Энгельсомъ, объясненіемъ того, какимъ образомъ дѣйствуютъ экономическія отношенія. Настаивая такимъ образомъ на психологической сторонѣ дѣла, Каутскій волей-неволей становится въ противорѣчіе съ историческимъ матеріализмомъ; далѣе мы увидимъ, что Каутскій, въ противность первоначальному ученію Маркса и Энгельса, признаетъ мораль и національность.

Не одни только Баксъ и Каутскій хотѣли точнѣе формулировать историческій матеріализмъ. Въ послѣднее время было сдѣлано не мало такихъ попытокъ. Конрадъ Шмитдъ, какъ неокантіанецъ, въ особенности настаиваетъ на человѣческой природѣ, какъ основѣ общественной жизни; различая также, какъ и Каутскій, экономическіе интересы, какъ сознательный мотивъ и основу поведенія, отъ экономическихъ условій, онъ видитъ въ послѣднихъ только предрасположеніе къ развитію, а не его конечную причину. Мы будемъ еще говорить о Шмидтѣ при изслѣдованіи прибавочной стоимости и въ отдѣлѣ объ этикѣ; всѣ его замѣчанія указываютъ на то, что онъ не находитъ у Маркса и Энгельса желательной критической обработки и точнаго формулированія историческаго матеріализма [1]).

Самымъ рѣшительнымъ и опредѣленнымъ образомъ отказывается отъ ученія Маркса Бернштейнъ. Вообще онъ въ его статьяхъ въ Neue Zeit даетъ довольно подробную критику этого ученія. Мы часто будемъ ссылаться на Бернштейна. По вопросу объ историческомъ матеріализмѣ онъ рѣшительно отказывается отъ всякаго матеріализма: «никакой историческій матеріализмъ не можетъ устранить того факта, что люди дѣлаютъ свою исторію, что у людей есть головы, и что настроеніе людей совсѣмъ не такое механическое дѣло, чтобы имъ могло управлять экономическое положеніе» [2]). Такое заявленіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Бернштейнъ, какъ увидимъ, вообще признаетъ этическія и всѣ идеологическія силы. Своимъ признаніемъ нравственности, какъ положительной и самостоятельной общественной и экономической силы, онъ совершенно отвергаетъ понятіе Маркса объ идеологіи.

Въ критикѣ сочиненія Меринга: «Легенда о Лессингѣ» Эрнстъ при историческомъ объясненіи обращаетъ вниманіе на то, какъ духъ

---

[1]) Кромѣ указываемыхъ статей см. рефератъ Шмидта о полемикѣ между Баксомъ и Каутскимъ въ приложеніи къ Vorwärts (13 марта, 1897).

[2]) Neue Zeit, 1897. 1) Kritisches Zwischenspiel.

(т. е. Лессингъ) реагируетъ на внѣшнія, экономическія и иныя отношенія [1]). Эрнстъ прямо говоритъ, что бывали примѣры, когда чисто духовные моменты были причиной экономическаго развитія. Мнѣніе Эрнста приводится къ положенію, что объяснять историческое развитіе экономическимъ движеніемъ слѣдуетъ не прямо, а при посредствѣ «прохода послѣдняго чрезъ психологію».

Куновъ считаетъ историческій матеріализмъ Маркса и Энгельса гипотезой для научнаго объясненія исторіи; въ своихъ соціологическихъ работахъ онъ самъ кромѣ экономическихъ отношеній обращаетъ вниманіе и на другія вліянія, напр. на климатъ и вообще держится того мнѣнія, что экономическое производство на различныхъ ступеняхъ развитія опредѣляется отдѣльными факторами, имѣющими каждый разъ не одинаковое вліяніе. Въ настоящее время, напр., обмѣнъ товаровъ для сформированія общественныхъ отношеній имѣетъ значеніе не меньшее, чѣмъ производство. Мнѣнія личностей нельзя непосредственно выводить изъ экономическихъ отношеній, они опредѣляются чрезъ посредство «соціальнаго комплекса». «Мнѣнія личности опредѣляются жизнью чувства, понятіями о правѣ и нравственности, которыя въ свою очередь связаны съ общественнымъ положеніемъ, съ занятіями, образомъ жизни и т. д. и только въ концѣ концевъ приводятся къ экономическимъ отношеніямъ». Для его взглядовъ характерно напр. то, что онъ не считаетъ Гердера противникомъ историческаго матеріализма [2]).

Пора, однако, кончить этотъ обзоръ. Очевидно, что даже въ лагерѣ марксистовъ теорія историческаго матеріализма не признается окончательно опредѣленной. Самъ Марксъ съ годами измѣнилъ свои взгляды; еще болѣе измѣнилъ свои взгляды и воззрѣнія Маркса Энгельсъ, и этотъ процессъ среди ихъ учениковъ еще незаконченъ. Очевидно, что критически мыслящіе марксисты продолжаютъ работать, чтобы точнѣе формулировать и болѣе систематически разработать ученіе историческаго матеріализма. Очевидно также и то, что отъ матеріализма все болѣе и болѣе отказываются. Кто умѣетъ внимательно читать, тотъ найдетъ еретическія мнѣнія даже у ортодоксальныхъ марксистовъ [3]).

---

[1]) Ibid. 1894. „Легенда о Лессингѣ Меринга и матеріалистическое пониманіе исторіи".

[2]) Neue Zeit. 1894: „Соціологія, Этнологія и матеріалистическое пониманіе исторіи". Ср. ibid. 1897. „Экономическія основанія матріархата". (Въ статьѣ о Штамлерѣ ibid. 1898 г.—Куновъ утверждаетъ, будто бы Марксъ и Энгельсъ считали свое ученіе за гипотезу, которую еще слѣдуетъ доказать; при историческомъ объясненіи отдѣльныхъ фактовъ необходимо открыть экономическое вліяніе—это само собой понятно; но, вѣдь, это нѣчто иное, а не то, что утверждаетъ Куновъ).

[3]) Напр. даже, у Плеханова. По его мнѣнію анатомія общества основана на экономикѣ; но этого не достаточно—нужно указать, какимъ образомъ изъ анатомическаго устройства происходятъ воспріятія и понятія. Плехановъ старается доказать, что для Маркса проблемма исторіи была „въ извѣстной степени и психологической" („Исторія матеріализма", 225). Въ дѣйствительности же таково мнѣніе Плеханова или Эрнста, а не Маркса. Понятно, что Плехановъ стоитъ за физіологическую психологію (177), причемъ онъ, естественно, главное значеніе придаетъ физіологіи. Плехановъ полагаетъ, что духовная дѣятельность есть „необходимое слѣдствіе движенія"; какъ матеріалистъ, онъ признаетъ „первенство природы" („Natur, als prius"). Въ другомъ мѣстѣ (235) онъ признаетъ, что въ сферѣ идеологія многія явленія объясняются вліяніемъ экономическаго движенія только не прямо. Изъ французской литературы укажу на полемику между Жоресомъ и Лафаргомъ. (Жоресъ—Идеализмъ въ исторіи. Лафаргъ—Идеализмъ и матеріализмъ въ понятіи объ исторіи. 1894 г.). Жоресъ признаетъ самостоятельность и дѣятельность морали и вообще идеологіи, Лафаргъ ему возражаетъ. Любопытныя указанія не некритичность французскаго историческаго матеріализма у Сореля.—Замѣчанія о матеріалистическомъ пониманіи исторіи (Socialistische Monatshefte 1898). Ср. Ренаръ—Socialisme integral et marxisme 1896. Ренаръ обращаетъ вниманіе на то, что и Девиль въ послѣднее время ограничиваетъ дѣятельность экономическихъ отношеній.

27. Если пересмотрѣть всѣ эти опредѣленія и разъясненія Маркса и его послѣдователей, то ученіе историческаго матеріализма представится намъ вполнѣ ошибочнымъ. Марксъ и марксисты постепенно даютъ такія опредѣленія и такія ограниченія первоначальнаго ученія, что въ концѣ концевъ отъ него ничего не остается. Различныя попытки объясненія при этомъ противорѣчатъ одна другимъ и никакъ невозможно сказать, чтобы одно изъ этихъ объясненій, само по себѣ, было точно и уясняло дѣло.

Марксъ былъ настолько послѣдователенъ, что проводилъ свой метафизическій и теоретико-познавательный матеріализмъ и въ соціологіи: весь общественный строй и все историческое развитіе должны быть объясняемы матеріалистически. Ужъ если быть матеріалистомъ, такъ надо быть матеріалистомъ послѣдовательнымъ—это понятно само собой. Но непонятно то, почему этотъ историческій матеріализмъ долженъ быть экономическимъ.

Мы знаемъ уже, что метафизическій и ноетическій матеріализмъ Маркса и Энгельса есть система очень сложная, и уже изъ одного этого мы должны заключить, что историческій матеріализмъ тоже не можетъ быть совсѣмъ простымъ—это доказывается уже и вышеприведенными опредѣленіями и потому нашей задачей должно быть выдѣленіе различныхъ элементовъ историческаго матеріализма и уясненіе такимъ путемъ ученія Маркса.

Прежде всего мы должны отдѣлить въ историческомъ матеріализмѣ позитивизмъ отъ матеріализма — это очень важно именно для понятія историческаго матеріализма.

Въ дѣйствительности историческій матеріализмъ прежде всего есть позитивный историзмъ. Марксъ ультрапозитивизмъ и въ этомъ смыслѣ

онъ послѣдователь Конта. Какъ Контъ, такъ и Марксъ и Энгельсъ, устраняютъ изъ своихъ системъ этику и психологію. И Марксъ и Энгельсъ въ этомъ отношеніи были еще болѣе радикалами. Контъ въ концѣ концевъ все таки признаетъ, что конечный источникъ философіи въ нравственныхъ стремленіяхъ и вопреки всему своему позитивизму приходитъ къ религіи человѣчества; Марксъ идетъ дальше и совершенно отвергаетъ этику и вообще всякую идеологію. Вся философія есть ничто иное, какъ фотографія въ мышленіи дѣйствительнаго мірового процесса. Марксъ хочетъ того, что позже формулировалъ Зола—нѣкоего теоретическаго стоицизма, мышленія согласно съ природой, продумыванія природы. Контъ признаетъ въ человѣкѣ и въ исторіи чувство и волю; онъ признаетъ даже ихъ пріоритетъ; у Маркса человѣкъ становится пассивно познающей, нечувствующей и безвольной машиной—и во всякомъ случаѣ его чувство и воля не имѣютъ никакого значенія. Сознаніе вообще обманчиво—говоритъ Энгельсъ.

Марксъ не только ультрапозитивистъ, но и ультраобъективистъ. Изъ страха предъ личнымъ, предъ субъективнымъ онъ добивается абсолютно объективнаго критерія достовѣрности и думаетъ найти его въ исторіи—разумѣется, въ чисто объективной исторіи. Потому историческій матеріализмъ есть объективистическій историзмъ: объективный діалектическій процессъ развитія, а не индивидуальное сознаніе, составляетъ истинное содержаніе міра и всемірной исторіи.

Марксъ также и натуралистъ—для него исторія есть только часть объективнаго мірового процесса. Съ этой точки зрѣнія личность тоже есть ничто, а природа и созданное ею общество—все. «Съ моей точки зрѣнія, при пониманіи развитія экономическаго общественнаго строя, какъ естественно историческаго процесса, я менѣе всякаго другого могу дѣлать личность отвѣтственной за отношенія, созданіемъ которыхъ она является соціально, какъ бы она не возвышалась субъективно надъ ними» [1]). Человѣкъ—ничто, отношенія—все. Такой взглядъ на всемогущество отношеній Марксъ высказалъ давно [2]); «отношенія» для марксизма сдѣлались чѣмъ то въ родѣ шиболета [3]).

Эти отношенія, разумѣется, слѣдуетъ понимать матеріалистически; они должны быть осязательными—и именно поэтому у Маркса историческій матеріализмъ есть экономическій. Соотвѣтственно своей объективистической точки зрѣнія Марксъ въ результатахъ труда, именно въ товарахъ, видитъ часть природы. Его объективизмъ и натурализмъ столь крайніе, что для него не существуетъ никакой

[1]) Капиталъ I, 6.

[2]) См. цитату изъ „Святого семейства“ § 91 и разъясненія въ § 64.

[3]) „Соціалисты стараются измѣнить людей посредствомъ измѣненія отношеній, а не отношенія посредствомъ ожидаемаго отъ проповѣдей и отъ добраго обученія измѣненія людей“ (Neue Zeit. 1890).

дѣятельности, кромѣ экономической—все то, что нельзя взвѣсить и вкушать, какъ золото и хлѣбъ, не имѣетъ никакой цѣнности.

Именно въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что историческій матеріализмъ Маркса есть позитивный аморализмъ по преимуществу.

Но это только одна, позитивная, сторона историческаго матеріализма. У Маркса есть и другая сторона... идеологическая. И въ такой непослѣдовательности образцомъ для него былъ Контъ. Зомбартъ, упрекая Вольфа въ томъ, что онъ «морализировалъ» (vergewisire) ученіе Маркса, не принялъ во вниманіе этой непослѣдовательности: въ марксизмѣ, по мнѣнію Зомбарта, «нѣтъ ни грана этики». Зомбартъ правъ, но только въ томъ смыслѣ, что Марксъ *хотѣлъ* сдѣлать свою систему не нравственной, аморальной [1]).

Но это ему не удалось—и просто потому, что это вообще невозможно. Крайній позитивизмъ и объективизмъ самъ по себѣ невозможенъ. У человѣка есть не только пассивный мозгъ, но и сердце и печень—и притомъ же печень больше сердца, въ особенности у самого Маркса. Мы не только познаемъ міръ, но и судимъ о немъ: наше міросозерцаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сужденіе о мірѣ. А Марксъ самъ и начинаетъ съ этого сужденія о мірѣ и кончаетъ имъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ о Фейербахѣ, онъ требуетъ, чтобы философы не только объясняли міръ, а и измѣнили его — Марксъ судитъ и осуждаетъ міръ съ перваго момента своего сознательнаго къ нему отношенія. Онъ сердится на міръ. Когда онъ сталъ позитивистомъ, онъ хочетъ сдѣлать изъ своего гнѣва чисто объективную діалектику; но подобная психологическая химія еще никогда и никому не удавалась. Она не удалась и Марксу. Въ коммунистическомъ манифестѣ, напримѣръ, (въ то время историческій матеріализмъ является уже разработаннымъ), Марксъ и Энгельсъ гремятъ противъ общественной безнравственности и грозятъ врагамъ — очевидно, что въ то время Марксъ и Энгельсъ вѣрили въ дѣйствительность идеологическихъ мотивовъ.

Весь «Капиталъ», вся его основа этическіе. Самое понятіе о прибавочной стоимости не только экономическое, но и этическое—все объясненіе капитализма сводится къ тому, что капиталисты эксплуатируютъ рабочихъ. Вся исторія становится борьбой угнетенныхъ противъ эксплуататоровъ; въ «Капиталѣ», вопреки всяческимъ позитивнымъ законамъ, вся исторія представляется, какъ непрерывная борьба за справедливость. Правда, эта борьба длится не столько времени, какъ исторія, потому что Марксъ и Энгельсъ полагаютъ, что въ древнія времена существовалъ болѣе справедливый строй, и надѣются, что послѣ эпохи капитализма снова настанетъ такой бо-

[1]) Зомбартъ употребляетъ терминъ: „антиэтическій“—собственно говоря, лучше терминъ „аморальный“, хотя Марксъ и былъ противъ этики.

лѣе справедливый строй; но для всего времени записанной исторіи, «со времени появленія классовыхъ противорѣчій—по мнѣнію Энгельса—рычагами историческаго развитія становятся дурныя страсти, хищность и стремленіе къ власти» [1]). А развѣ хищность и стремленіе къ власти не идеологія?

Мнѣ, конечно, извѣстно, что Энгельсъ незадолго до этого въ введеніи къ сочиненію противъ Прудона высказывался въ другомъ смыслѣ. Тамъ прибавочная стоимость, какъ результатъ неоплаченнаго труда, есть «простой фактъ». «Разъ нравственное сознаніе массы признаетъ экономическій фактъ несправедливымъ, какъ это было по отношенію къ рабству и къ барщинѣ, то это доказываетъ, что фактъ пережилъ себя самого, что появились другіе экономическіе факты, въ силу которыхъ осуждаемый фактъ становится невыполнимымъ и невозможнымъ». Мы видѣли, что Энгельсъ и позднѣе говоритъ объ идеологіи, какъ о «признакѣ»; это, разумѣется, ультра-позитивно и соотвѣтствуетъ мнѣнію Маркса, что капиталистическая эксплуатація есть «особое счастье для покупателя, но совсѣмъ не несправедливость по отношію къ продавцу» [2]).

Для ультрапозитивизма рѣзкое противорѣчіе капиталистическихъ отношеній производства и собственности, которое въ концѣ концевъ разрушитъ все общество, есть «только понятный матеріальный фактъ, проникающій въ головы эксплуатируемыхъ рабочихъ съ непреодолимой необходимостью, въ болѣе или менѣе ясной формѣ—на немъ, а не на представленіяхъ того или другого кабинетнаго человѣка о правѣ и несправедливости основывается увѣренность современнаго соціализма въ его побѣдѣ» [3]).

Слова, что и говорить, звучныя—но если внимательно присмотрѣться, то въ нихъ заключается чисто аморальное qui pro quo: эксплуатируемый рабочій признаетъ «понятный матеріальный фактъ».

Нерѣшительность, неопредѣленность и двусмысленность естественно встрѣчаются и у послѣдователей Маркса и Энгельса; въ одно и то же время они отрицаютъ нравственныя идеи и признаютъ ихъ безвредными или даже дѣйствительными [4]).

---

[1]) Энгельсъ—„Фейербахъ“, 30.

[2]) „Капиталъ“, I, 182.

[3]) Энгельсъ—Анти-Дюрингъ, 162.

[4]) Обращаю вниманіе на такую, напр., позитивно романтическую эквилибристику: „единственная предпосылка, отъ которой отправляется соціалъ-демократическая наука, есть техническій переворотъ, начало котораго видѣлъ Марксъ и продолженіе котораго мы переживаемъ. При предположеніи, до сихъ поръ ничемъ не опровергаемомъ, что этотъ переворотъ происходитъ естественно, мы знаемъ, что въ экономическомъ строѣ должна получить господство коллективистическая тенденція—должна получить господство въ силу естественной необходимости, а не только въ силу необходимости страстнаго желанія. Потому убѣжденіе о будущемъ коллективизмѣ, убѣжденіе, отличающее насъ отъ другихъ соціальныхъ партій, есть наше неотъемлемое владѣніе: оно есть желѣзное хранилище нашего умственнаго сокровища. Потому мы *находимъ и справедливое отношеніе къ идеалистическимъ мотивамъ, такимъ образомъ не призираемымъ нами.* Соціалъ демократическая наука неизмѣнно *отрицаетъ* призывъ къ нравственнымъ идеямъ свободы, равенства и братства, *ограничиваясь научнымъ доказательствомъ экономической необходимости коллективизма,* но соціалистъ—поэтъ, политическій ораторъ, желающіе не распространять знанія, а воспламенять умы, не дѣлать научныхъ выводовъ, а *требовать*, могутъ спокойно и безъ всякаго сомнѣнія прибѣгать къ *старому орудію* „вѣчныхъ, неотчуждаемыхъ правъ, висящихъ въ воздухѣ“. Это нисколько не вредитъ нашей политикѣ, потому что мы знаемъ, что за этими развивающимися знаменами идеалистическихъ желаній идутъ тяжелыя батареи научно доказанной необходимости“. (Neue Zeit 1896): Идеалы соціальной политики—Гейне, такъ мило играющаго то утвержденіемъ, то отрицаніемъ и такъ какъ такая игра не вредитъ политикѣ, то Гейне „съ естественной необходимостью“ сдѣлался депутатомъ.

28. При подобномъ противорѣчіи въ самыхъ основаніяхъ совершенно понятно, что Марксъ и марксисты не даютъ точнаго опредѣленія экономическихъ отношеній. Что они такое, какъ и въ какой степени они дѣйствуютъ?

Я не буду подробно разбирать эти опредѣленія и удовольствуюсь приведеніемъ чаще другихъ встрѣчающихся объясненій и буду дѣлать попутно нѣкоторыя замѣчанія.

а) Очень обычно и сильно распространено выраженіе «экономическія отношенія»; выраженіе это слишкомъ двусмысленно и очень неопредѣленно и потому его замѣняютъ болѣе точнымъ выраженіемъ: «отношенія производства». Но и этого недостаточно и потому часто къ отношеніямъ производства присоединяются обмѣнъ или «отношенія обращенія». Марксъ позже настаивалъ на трудѣ, спеціально на экономическомъ трудѣ. Мы уже указали, насколько выдвигаетъ это понятіе, напр., Каутскій.

Соціально отношенія производства проявляются, какъ отношенія собственности; Марксъ полагаетъ, что способъ производства обусловливаетъ способъ усвоенія, т. е. отношенія собственности. Это не вѣрно, какъ это доказывается исторіей труда, изложенной самимъ Марксомъ—очень важныя измѣненія въ методѣ труда не произвели никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ собственности. Потому мы должны разсмотрѣть подробно, поскольку и какимъ образомъ экономическое производство организуетъ общественные классы и какое отношеніе это имѣетъ съ признаваемой Марксомъ классовой борьбой. Мы должны обратить особое вниманіе на эту соціальную сторону вопроса.

в) Очень часто подъ названіемъ историческаго матеріализма понимаютъ то, что Фейербахъ выразилъ своимъ положеніемъ: чело-

вѣкъ есть то, что онъ ѣстъ.—Отзвукъ этого объясненія мы находимъ и у Энгельса. (Формула: «производство непосредственной жизни»). Вѣроятно, это знаменитое положеніе Фейербаха подѣйствовало на Маркса и Энгельса съ непріодолимой силой, какъ внушеніе.

Фейербахъ, какъ мы видѣли, давалъ своему положенію очень широкое толкованіе; но съ точки зрѣнія матеріализма и натурализма особенно легко обычное и узкое толкованіе: человѣкъ есть тѣло, тѣло поддерживается пищей, ergo... Отъ этого положенія не трудно найти переходъ къ экономикѣ: разъ сохраненіе жизни есть цѣль человѣка (это выводятъ Марксъ и Энгельсъ также и изъ дарвинизма), то самое важное, «реальное основаніе» есть экономическое производство.

Дѣло было бы совсѣмъ просто, еслибы люди при одинаковомъ питаніи не были психологически столь различны и если бы не была столь разнообразна духовная дѣятельность. И кромѣ того тоже можно сказать и о всѣхъ внѣшнихъ условіяхъ существованія. Уже Гегель указывалъ на то, что теперь въ Греціи, оставшейся той же, чѣмъ она и была и раньше, живутъ турки; вездѣ и всегда человѣческій духъ при одинаковыхъ общихъ внѣшнихъ условіяхъ проявляется очень разнообразно. Уже Тюненъ обращалъ вниманіе на сходство капиталистическихъ отношеній во Франціи и въ Англіи и на различіе обѣихъ странъ. По мѣрѣ того, какъ въ государствахъ запада отношенія производства становятся болѣе и болѣе одинаковыми, развиваются національныя и культурныя различія, объяснить которыя для экономическаго матеріализма Маркса не легко. Самъ Марксъ поэтому былъ вынужденъ ввести въ свое опредѣленіе различныя видоизмѣняющія причины. Эти различія при одинаковыхъ или очень сходныхъ экономическихъ отношеніяхъ становятся тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ подробнѣе мы анализируемъ эти отношенія.

Когда употребляютъ формулу: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ», то часто имѣютъ въ виду вліяніе богатства и бѣдности. Прежде всего имѣютъ въ виду прямое психологическое вліяніе питанія—его количество и качество; далѣе соображаютъ относительно общественнаго вліянія нужды и богатства, во всякомъ случаѣ тутъ тоже приходится различать степени: нищета, нужда, бѣдность, достатокъ, богатство, роскошь. Приходится различать и общественные классы: пролетаріатъ, рабочіе, средній классъ, капиталисты, плутократія и аристократія.

Гигіеническая и медицинская статистика даетъ уже кое какія указанія на вліяніе на тѣло богатства и бѣдности: здоровье, сила, смертность и заболѣваемость большихъ и малыхъ общественныхъ слоевъ и классовъ зависитъ до значительной степени отъ богатства и бѣдности (статистика и гигіена труда).

Нравственная статистика тоже пытается опредѣлить вліяніе экономическаго положенія на нравственность. Многія безнравственные поступки, проступки и приступленія приписываются даже обыкновеннымъ здравымъ смысломъ вліянію нищеты и нужды (pauperias meretrix и т. д.); но невозможно констатировать полнаго параллелизма между нуждой и безнравственностью. Богатые классы тоже по своему безнравственны, хотя ихъ проступки и менѣе изслѣдованы, тогда какъ бѣднякъ и до сего времени составляетъ объектъ наблюденія не только для анатома, но и для криминалиста, для психолога и для соціолога.

Въ послѣднее время многіе хотятъ объяснить склонность къ самоубійству и пессимизмъ экономически—нищетой. Такимъ образомъ статистика самоубійствъ давала бы прямо математическій масштабъ экономическихъ вліяній. Въ предпослѣдней главѣ мы будемъ подробно трактовать о современной склонности къ самоубійству и къ пессимизму; несомнѣнно, что склонность къ самоубійству невозможно объяснять экономически. Статистика прямо противорѣчитъ такому объясненію, указывая, что большой процентъ самоубійства падаетъ на состоятельные и богатые классы. Одинъ приходитъ въ отчаяніе отъ нужды, а другого нужда поощряетъ къ дѣятельности и неотчаивающихся среди бѣдняковъ гораздо больше, чѣмъ отчаивающихся.

Невозможно также объяснять экономически и современнаго пессимизма. Нельзя конструировать экономически ни самого Шопенгауера, ни его философіи, невозможно объяснять экономикой и его громаднаго вліянія. Не имѣется никакого достаточнаго экономическаго объясненія того факта, что пессимизмъ распространенъ именно въ наше же время и въ нѣкоторыхъ (именно богатыхъ) странахъ и притомъ главнымъ образомъ въ средѣ состоятельныхъ и образованныхъ классовъ. Никто не отрицаетъ вліянія экономическихъ отношеній, но имъ не объясняются сколько нибудь удовлетворительно сказанныя явленія.

Вліяніе бѣдности на здоровье и до значительной степени и на нравственность признается всѣми губительнымъ, но по отношенію къ развитію умственныхъ способностей ей часто приписывается противуположное дѣйствіе. «Нужда выучила Дилибора на скрипкѣ играть»—гласитъ чешская поговорка; извѣстны слова Шиллера о голодѣ.

Но Шиллеръ говорилъ не объ одномъ голодѣ, а и о любви и я утверждаю, что не нужда выучила Далибора его искусству. Не будемъ спорить о словахъ: никогда нужда не дѣлала человѣка умнѣе того, какимъ сдѣлала его природа. Иначе давно бы было уже много Далиборовъ и притомъ во всѣхъ сферахъ знанія и искусства—а Далиборовъ мало, хотя въ нуждѣ всегда и вездѣ нѣтъ и не было недостатка. Правда, что умъ можно сохранить и въ нуждѣ—но только

сохранить, такъ какъ нужда никогда не создавала умственныхъ способностей. Нужда можетъ побудить насъ къ работѣ и къ мышленію; но у кого въ головѣ нѣтъ ничего, тотъ и при нуждѣ ничего не выдумаетъ. У нужды много званныхъ, но мало избранныхъ. Марксъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «нужда еще не дѣлаетъ исторіи». Нужда и голодъ вообще не творческая сила въ человѣческомъ обществѣ.

Съ другой стороны часто утверждаютъ, будто все идеологическое развитіе исходитъ отъ аристократіи и отъ высшихъ классовъ. Указываютъ на развитіе философіи, искусства, науки и литературы у грековъ, на современную русскую литературу, развившуюся сначала въ аристократическихъ кругахъ.

Это утвержденіе имѣетъ нѣкоторыя основанія—аристократія въ силу раздѣленія труда не имѣетъ физическихъ занятій. Но и тутъ бываютъ очень большія различія. Сопоставьте напр. Гете и Достоевскаго и ихъ творческую дѣятельность—Гете былъ богатымъ человѣкомъ; а Достоевскій всю жизнь бился изъ за грошей. Но кто изъ нихъ болѣе великъ? Какимъ образомъ дѣйствовала на одного изъ насъ бѣдность и нужда, а на другого зажиточность и даже роскошь? Люди умираютъ отъ нужды, но и богатство уничтожаетъ людей морально и физически—ни Достоевскій, ни Гете не подчинились, однако, экономическимъ отношеніямъ. Почему?

Я согласенъ, что слѣдовало при сравненіяхъ быть болѣе точнымъ, что необходимо принимать во вниманіе степени нужды, что есть разница между выносимымъ недостаткомъ и нуждой,—нуждой настоящей, убійственной. Но въ самомъ лучшемъ случаѣ можно доказать только то, что тутъ невозможно никакое абстрактное сужденіе.

Ни богатство, ни бѣдность не составляютъ наиболѣе могущественныхъ движущихъ силъ нравственности и разума. Достоевскій въ «Подросткѣ» говоритъ о планѣ дѣлать хлѣбъ изъ камня. Великая это идея—говоритъ подростку Версаловъ—человѣкъ и не думаетъ; на оборотъ, онъ говоритъ: «ну, теперь я насытился, а дальше то что мнѣ дѣлать?»

Формулу Фейербаха можно-бы было кое какъ защищать, если бы у человѣка былъ только желудокъ, и не всегда былъ бы мозгъ. Умственная дѣятельность, а также и общественныя отношенія и историческое развитіе не зависятъ отъ одного только желудка.

Въ дѣйствительности историческое развитіе есть историческое развитіе, т. е. оно не зависитъ всецѣло отъ экономическихъ отношеній—будемъ ли мы называть эти отношенія производственными или какъ нибудь иначе. Напримѣръ, соціализмъ въ европейскихъ странахъ вездѣ различный, хотя экономическія отношенія вездѣ по существу одинаковы. Почему же соціализмъ въ этомъ столѣтіи и при существенно одинаковыхъ экономическихъ отношеніяхъ развился столь

разнообразно? Соціализмъ, какъ система идей, какъ философія, независимо отъ экономическихъ отношеній имѣлъ свои законы развитія. Мы говорили о процессѣ развитія самого Маркса. Я не утверждаю, чтобы не повліяли экономическія отношенія, но я утверждаю, что у соціализма есть свои собственные историческіе законы развитія. Самъ Энгельсъ утверждаетъ, что соціализмъ изъ утопіи развился въ науку—какимъ образомъ? Посредствомъ экономическаго развитія? Прочтите его объясненіе и вы увидите, что онъ самъ не объясняетъ этого развитія экономически. Почему, напр., одинаковыя экономическія отношенія создали рядомъ съ Марксомъ и Энгельсомъ и Лассаля?

Каутскій сознается, что историческій матеріализмъ не объясняетъ всего; по его мнѣнію мы должны различать общія отношенія, потомъ особую среду и наконецъ личность; онъ полагаетъ, однако, что важнѣйшій факторъ—это общія общественныя отношенія, приводящіяся къ экономическимъ условіямъ.

Каутскій примѣняетъ это правило при объясненіи утопіи Мора, Утопія—сочиненіе экономическое и соціальное и потому въ немъ сильно и вполнѣ закономѣрно отразились современныя ему экономическія отношенія. Но какимъ образомъ объяснить этими отношеніями творчество и дѣятельность современниковъ Мора—Рафаеля, Леонардо да Винчи, Микель—Анджело, Корреджіо, Аріосто, Эразма, Макіавели и Коперника? Какимъ образомъ объяснять реформацію въ Германіи и въ Англіи? Какъ объяснить дѣятельность Лютера? Какъ, наконецъ, объяснить присоединеніе Богеміи къ Австріи?

с) Не рѣдко историческій матеріализмъ понимается, какъ расширеніе теоріи голода; утверждаютъ, что всѣ естественныя и необходимыя жизненныя потребности или даже животныя отношенія составляютъ источникъ всей человѣческой дѣятельности, а, стало быть, и дѣятельности духовной и въ особенности дѣятельности разума, и потому общественное объединеніе людей и ихъ историческое развитіе въ концѣ-концевъ зависитъ отъ этихъ потребностей.

Такое толкованіе, высказанное Энгельсомъ и другими подъ вліяніемъ психологіи Шопенгауера, въ настоящее время очень распространено. Въ соціологію его ввелъ Контъ. И въ этомъ отношеніи особенно поучительно мнѣніе Конта; хотя онъ очень далекъ отъ историческаго матеріализма, но несмотря на это онъ видитъ въ животныхъ потребностяхъ съ одной стороны бичь для лѣни разума, а съ другой опредѣленную цѣль, на которую направлено наше мышленіе.

По этому поводу я замѣчу слѣдующее: въ человѣческихъ потребностяхъ я не вижу ничего низменнаго; для меня они не ниже философствованія; вообще я сужу объ экономическомъ матеріализмѣ не съ эстетической и не съ этической точки зрѣнія, а только съ пси-

хологической и соціологической. Для меня весь вопросъ въ фактѣ, и ни въ чемъ другомъ. Я не вижу, почему бы было почетно прыгнуть въ воду и вытащить утопающаго и было бы постыдно спасти такую же жизнь трудомъ въ потѣ лица своего.

Вопросъ остается такимъ: составляютъ ли отношенія производства, животныя потребности, или какъ бы тамъ ни формулировали эти отношенія, конечныя движущія силы исторіи? Единственныя ли они движущія силы? Главныя ли они силы? Настоящія ли они творческія силы?

По отношенію къ Шопенгауеру и Конту нужно различать нѣкоторыя понятія. Оба эти философа признаютъ первенство воли по отношенію къ разуму (Контъ говоритъ: energique preponderance des facultés affectives sur les facultés intellectuelles — «энергическое преобладаніе аффективныхъ способностей надъ интеллектуальными»). Такъ вотъ весь вопросъ въ этомъ первенствѣ: нужно ли понимать его такъ, что воля есть причина разума, и какъ и насколько? Или воля не есть причина, она только сильнѣе разума, въ свою очередь тоже воздѣйствующаго на волю? Или это первенство есть нѣкая оцѣнка? Имѣются всѣ эти возможности и онѣ, какъ мнѣ представляются, очень часто смѣшиваются.

Но этимъ вопросъ для соціолога не исчерпывается. Онъ долженъ еще получить отъ психологіи свѣденія о различныхъ жизненныхъ потребностяхъ (инстинкты и такъ называемыя безсознательныя или низшія стремленія и силы); сколько такихъ потребностей, какова ихъ взаимная связь и какъ они дѣйствуютъ на сознательную умственную дѣятельность? Существуютъ ли только два стремленія, о которыхъ говоритъ Шиллеръ? Или къ нимъ слѣдуетъ причислять и стремленіе къ самосохраненію, наприм., о которомъ въ настоящее время такъ много говорятъ? Что такое такъ называемыя высшія стремленія—напримѣръ, стремленіе къ истинѣ? Въ какомъ отношеніи находятся эти «темныя», «безсознательныя» и т. п. «стороны души» къ сознательнымъ? Однимъ словомъ соціологъ и историкъ тутъ долженъ дѣлать много различеній, и притомъ съ величайшими предосторожностями и на основаніи старательныхъ наблюденій. Здѣсь не существуетъ всеобщей и единодѣйствительной формулы, вродѣ такой, которую предлагаютъ Энгель и другіе.

Энгельсъ придаетъ историческому матеріализму толкованіе въ смыслѣ стараго положенія: primum vivere, dein philosophari. Утверждаютъ, что еще Аристотель такимъ образомъ объяснялъ происхожденіе греческой философіи.

Несомнѣнно, конечно, что при голодѣ не до философіи. Но, вѣдь, дѣло то идетъ не о томъ, а о томъ, нашли ли бы люди себѣ пищу, свой хлѣбъ, безъ мышленія. Вѣдь нѣтъ и никогда не было никакой практической дѣятельности безъ теоріи—высказывается ли опредѣленно эта теорія или нѣтъ. Первоначальное производство пищи, одежды и т. д. было, конечно, крайне примитивнымъ, и такой примитивности соотвѣтствовала и примитивная теорія: и та и другая, и производство и теорія, постепенно усовершенствовались — какъ и чрезъ посредство чего? Помимо другихъ причинъ, несомнѣнно, и чрезъ посредство энергическаго мышленія, чрезъ посредство цѣлесообразныхъ, непрерывныхъ улучшеній.

Греческая философія тоже развилась впервые не чрезъ посредство іонической торговли и богатства; она развилась съ самаго начала, сперва въ формѣ мифа, а потомъ она становится научнѣе. По времени между физическимъ трудомъ и философіей никогда не существовало различія въ томъ смыслѣ, что сначала надо жить, а потомъ философствовать. У народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, мы находимъ разныхъ жрецовъ, медиковъ, предсказателей и т. д.—т. е. уже на этой ступени развитія мы видимъ то раздѣленіе труда, которое Энгельсъ привлекаетъ къ истолкованію историческаго матеріализма. Но раздѣленіе труда происходитъ не только во времени, исторически—функціи раздѣляются, потому что онѣ уже существовали, и притомъ существовали съ самаго начала. Развитіе только усовершенствуетъ то, что существовало раньше, по крайней мѣрѣ въ зачаткѣ. Такимъ образомъ объясненіе Аристотеля примѣнимо только къ появленію опредѣленной формы и фазы философскаго мышленія: торговля и богатство Іоніи помогли усовершенствованію прежняго несовершеннаго раздѣленія труда—въ этомъ всѣ согласны и никто противъ этого и спорить не будетъ.

д) Приверженцы гипотезы историческаго матеріализма часто говорятъ о побѣдѣ надъ природой, какъ будто бы эта побѣда составляетъ истинное содержаніе исторіи.

Эта формула уже давнишняя: мѣриломъ цивилизаціи служитъ наша власть надъ природой. Энгельсъ тоже полагаетъ, что человѣкъ въ будущемъ, когда средства производства будутъ общественной собственностью, вполнѣ будетъ господствовать надъ природой и тогда онъ вполнѣ сознательно и самостоятельно будетъ дѣлать свою исторію [1]).

Природа служитъ намъ не только экономически. Современное естествознаніе и современное чувство природы, разумѣется, имѣютъ значеніе не только экономическое—то, чѣмъ природа была для Ньютона, Лапласа и Дарвина, чѣмъ она была для Байрона или Гёте, конечно, не меньшая и не менѣе реальная культурная сила, чѣмъ попытка какого нибудь капиталиста или инженера воспользоваться морскимъ прибоемъ или лѣснымъ ручьемъ. Мы готовы согласиться, что романтизмъ часто дѣлалъ отношеніе человѣка къ природѣ черезъ чуръ

[1]) „Развитіе соціализма“ 43.

сантиментальнымъ и утопичнымъ, но съ другой стороны мы согласны и съ Рёскинымъ, что наши практики, техники и капиталисты, часто, подчиняя себѣ природу, портятъ ее, поступаютъ съ ней мелочно, некрасиво и въ концѣ концевъ даже и непрактично.

Несостоятельность этой формулы чувствуетъ и Каутскій и потому онъ причисляетъ къ отношеніямъ производства всю современную технологію, включая и математику и естествознаніе. А кромѣ того онъ къ подчиненію природы присоединяетъ и подчиненіе общества — также, какъ Энгельсъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ, онъ, кромѣ знанія естественныхъ законовъ, требуетъ и знанія законовъ соціальныхъ и историческихъ; такимъ образомъ понятіе историческаго матеріализма расширяется до того, что онъ перестаетъ быть матеріализмомъ, и во всякомъ случаѣ формула настолько двусмысленна, что ее трудно принимать во вниманіе.

Историческій матеріализмъ въ такой формулировкѣ часто выдвигаетъ на сцену практическую сторону знанія. Въ Египтѣ астрономія произошла отъ измѣренія полей, говоритъ Марксъ; Энгельсъ во второмъ изъ вышеупомянутыхъ писемъ полагаетъ, что техническія потребности помогаютъ знанію больше десятка университетовъ. Всѣ такія и подобныя имъ изреченія очень не точны. Что такое, напримѣръ, техническія потребности? Энгельсъ представляетъ себѣ эти потребности всегда объективистически (какъ будто онѣ самостоятельныя силы по отношенію къ людямъ) и забываетъ о субъективномъ моментѣ.

Марксъ тоже придавалъ наибольшее значеніе практикѣ. Не говоря уже о томъ, что онъ говоритъ только о политической, и притомъ революціонной практикѣ, и самъ онъ и его послѣдователи имѣютъ довольно смутныя представленія объ отношеніи теоріи къ практикѣ. Сколько помнится, Гёте сравнилъ теорію и практику съ вдыханіемъ и выдыханіемъ. И дѣйствительно такое сравненіе довольно мѣтко: всякая практика основана на теоріи, и всякая теорія усовершенствуется практикой. При прогрессѣ раздѣленія труда между теоріей и практикой почти во всѣхъ сферахъ установились такъ называемыя практическія науки; уже Аристотель предлагалъ раздѣленіе наукъ на теоретическія и практическія. Въ настоящее время практика становится систематическимъ и обдуманнымъ достиженіемъ цѣлей; она уже не болѣе или менѣе случайное экспериментированіе. Тоже можно сказать и объ экономической практикѣ и именно потому первоначальная формула Маркса представляется преувеличенной: просто таки невѣрно (и никогда не было вѣрнымъ), будто отношенія производства настолько независимы отъ воли человѣка, какъ утверждалъ Марксъ въ его первомъ полномъ опредѣленіи историческаго матеріализма.

Менѣе важенъ для нашихъ цѣлей тотъ безспорный фактъ, что

наше школьное образованіе часто непрактично, для жизни слишкомъ идеологично, и все еще черезъ чуръ схоластично, но, вѣдь, это не доказательство противъ теоріи (да и какая же теорія школьное образованіе!), а только противъ невѣрной теоріи.

е) Въ заключеніе упомянемъ о попыткахъ Энгельса и другихъ марксистовъ соединить историческій матеріализмъ съ дарвинизмомъ и эволюціонизмомъ.

Мы говорили уже, что напр. наслѣдственность, какъ принципъ объясненія нѣкоторыхъ соціальныхъ явленій, соединили съ марксизмомъ, но что это до значительной степени видоизмѣняетъ его. Но несоединимъ съ марксизмомъ признаваемый и Энгельсомъ законъ народонаселенія.

Энгельсъ, помимо дарвинизма, въ особенности усвоиваетъ ученіе американскаго этнолога и соціолога Моргана; онъ находитъ въ немъ очень серьезную опору для марксизма, но при этомъ, какъ увидимъ, плохо пришлось историческому матеріализму.

Вообще говоря, историческому матеріализму не особенно поздоровилось какъ отъ его творцовъ, такъ и отъ его послѣдующихъ защитниковъ. Всего очевиднѣе это изъ различныхъ, одно другому противорѣчащихъ опредѣленій и объясненій — я снова обращаю вниманіе читателя на это и этимъ заканчиваю свои замѣчанія, имѣющія цѣлью подготовленіе къ обсужденію научнаго вопроса о такъ называемомъ историческомъ матеріализмѣ.

29. Марксъ въ своихъ позднѣйшихъ разъясненіяхъ, и въ особенности Энгельсъ и нѣкоторые изъ ихъ учениковъ даютъ вопросу объ историческомъ матеріализмѣ новое обоснованіе. Собственно говоря, тутъ вопросъ приводится уже къ степени примѣненія экономическаго матеріализма, къ оцѣнкѣ значенія экономическихъ отношеній для всей культурной жизни. Въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, не можетъ быть и спора о томъ, что марксизмъ своей оцѣнкой, даже чрезмѣрной, экономическихъ силъ и отношеній былъ очень полезенъ для научнаго объясненія исторіи.

Что для многихъ марксистовъ вопросъ дѣйствительно сводится только къ степени, это видно изъ терминологіи и ихъ объясненій. Они теперь уже не говорятъ о новомъ ученіи, а только о «реалистическомъ» методѣ; въ своихъ историческихъ объясненіяхъ они пользуются идеологическими силами также, какъ и другіе историки и соціологи, они только придаютъ экономическимъ отношеніямъ большее, и иногда преувеличенное значеніе.

Но даже и при такомъ смягченіи первоначальной теоріи, предъ приверженцами ея остается по прежнему главная, основная задача: объяснить полноту жизни и общественнаго развитія дѣйствительно экономически, указать, что эта жизнь и это развитіе фактически производятся экономическими причинами. Въ этомъ отношеніи мате-

ріалисты постоянно впадаютъ въ старую ошибку идеалистовъ: они съ своей матеріалистической точки зрѣнія слишкомъ ужъ быстро и съ легкимъ сердцемъ принимаютъ причинныя отношенія въ общественныхъ и историческихъ явленіяхъ. Если изслѣдовать дѣло подробно, если разсмотрѣть ихъ доказательства, то матеріалистическое объясненіе исторіи въ большинствѣ случаевъ будетъ представляться некритическимъ признаніемъ мнимыхъ причинныхъ отношеній и неосновательнымъ утвержденіемъ матеріализма, для котораго экономическія отношенія представляются единственнымъ, реальнымъ базисомъ всей культурной жизни.

B.

Историческій матеріализмъ, какъ стремленіе къ научной исторіи: экономическій матеріализмъ.

30. Историческій матеріализмъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ опредѣленій и вообще изъ научной дѣятельности марксистовъ, стремится къ научной исторіи. Я привелъ то мѣсто изъ Маркса, въ которомъ онъ термину: «матеріалистическій» придаетъ тоже значеніе, какъ и термину: «научный»—уже въ силу этого одного опредѣленія историческій матеріализмъ есть главнымъ образомъ научная исторія.

Требованіе научности исторіи для Маркса и Энгельса имѣетъ прежде всего логическое значеніе; они хотятъ, чтобы исторія сдѣлалась точной положительной наукой, открывающей законы историческаго движенія также, какъ естествознаніе открываетъ намъ законы, управляющіе природой. Потому научная исторія должна прежде всего объяснять историческую причинность: исторія становится научной именно тогда, когда открываетъ связь историческихъ причинъ и слѣдствій.

Фактически же Марксъ видитъ научность исторіи въ томъ, что она открываетъ настоящее и существенное содержаніе историческаго развитія въ развитіи экономическомъ. Экономическое развитіе въ силу своей матеріальности есть истинная причина развитія идеологическаго. Историческій матеріализмъ есть поэтому матеріализмъ экономическій.

Въ научной исторіи, утверждаетъ Энгельсъ, слѣдуя въ этомъ Боклю, уже потому нѣтъ мѣста для личности и ея исторіи, что исторія, какъ наука, должна по примѣру естественныхъ наукъ трактовать общество, какъ цѣлое и искать конечныхъ и настоящихъ причинъ общественнаго развитія.

Истинно научная исторія имѣетъ своимъ объектомъ массу и ея развитіе. Исторія есть повѣствованіе о классовой борьбѣ.

31. Стремленіе къ дѣйствительно научной исторіи было у Маркса очень своевременно и очень естественно именно у гегеліанца.

Я совершенно согласенъ съ Марксомъ и Энгельсомъ въ такомъ стремленіи—я не соглашаюсь съ ними только относительно метода, а также и относительно опредѣленія истинно историческаго содержанія.

О методологической сторонѣ вопроса я говорилъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ своемъ этюдѣ о Боклѣ и потому здѣсь могу ограничиться только немногими возраженіями противъ Маркса.

Прежде всего у Маркса не ясно, что такое собственно исторія, какъ наука.

Какъ уже сказано, Марксъ не дѣлаетъ точныхъ разграниченій между абстрактной соціологіей и отдѣльными конкретными соціологическими дисциплинами, къ числу которыхъ принадлежитъ и исторія. А въ особенности Марксъ смѣшиваетъ философію исторіи (его діалектика, какъ философія всемірной исторіи, исторія природы и общества) съ исторіей.

Другая неясность у Маркса—это неясность по вопросу объ отношеніи философіи къ отдѣльнымъ наукамъ, а стало быть и объ отношеніи ея къ соціологіи и исторіи.

Я не буду повторять, что безъ надлежащей классификаціи отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ, и въ особенности наукъ о духѣ, не можетъ быть точнаго метода, такъ какъ всѣ научныя дисциплины сливаются во едино. Потому то мы нигдѣ не находимъ у Маркса сколько нибудь удовлетворительнаго изложенія спеціально историческаго метода. Кое гдѣ говорится о чудодѣйственной силѣ діалектическаго метода; ученики Маркса придаютъ большое значеніе методу реалистическому—такъ что вопросъ объ историческомъ матеріализмѣ становится вообще вопросомъ о методѣ; и все таки понять невозможно, о чемъ собственно идетъ дѣло. А разъ точно не опредѣляется объектъ науки и ея отношеніе къ другимъ наукамъ, не можетъ быть и яснаго понятія о ея методѣ.

Говоря объ историческомъ методѣ, я отнюдь не имѣлъ въ виду всего метода исторіографіи; я говорю только о методѣ научнаго объясненія историческаго развитія, т. е. о способѣ объясненія развитія сегодняшняго дня изъ вчерашняго, а завтрашняго дня изъ сегодня. Само собой разумѣется, что тутъ дѣло не только въ хронологической, а и въ причинной связи историческихъ событій. Марксъ могъ бы объ этомъ узнать многое у Конта или у Милля, вложившаго взгляды Конта въ логическія формулы и въ особенности въ формулы логическихъ индукцій и дедукцій [1]).

[1]) Контъ излагаетъ свои взгляды на историческій методъ въ введеніи къ положительной философіи, но главнымъ образомъ въ введеніи къ

И именно Марксъ и Энгельсъ, постоянно и сильно настаивавшіе на эмпиріи, на опытѣ, были обязаны уяснить свой историческій методъ въ томъ отношеніи, что они должны были опредѣлить, что такое историческая эмпирія и какъ и чѣмъ она отличается отъ неисторической, т. е. отъ естественно научной эмпиріи, отъ индукціи. Ихъ задача должна была состоять въ указаніи, какъ историческій методъ пользуется дедукціей и вообще логическими операціями. Эта задача была тѣмъ болѣе обязательна для Маркса и Энгельса, что они въ особенности настаивали на самостоятельность логики, какъ особой философской дисциплины—самъ Марксъ хотѣлъ написать логику. Но ни Марксъ, ни Энгельсъ не пошли дальше самыхъ общихъ методологическихъ требованій; обыкновенно они говорятъ только объ экономическихъ основаніяхъ исторіи, какъ будто бы этимъ исчерпываются всѣ вопросы научной исторіи.

Отъ истинно научной исторіи мы требуемъ слѣдующаго: она должна—это было само по себѣ понятно и во время Маркса — строго держаться опыта, какъ и всѣ другія науки; потому она должна быть истинно реалистической, если подъ этимъ терминомъ мы будемъ понимать точное констатированіе фактовъ. Во вторыхъ мы требуемъ отъ научной исторіи объясненія смысла констатируемыхъ фактовъ— исторія не простая регистрація такихъ фактовъ, не простое собраніе «человѣческихъ документовъ»; она есть также и объясненіе отдѣльныхъ фактовъ и документовъ, объясненіе ихъ происхожденія и ихъ значенія для людей и для общества. Методологически это можетъ быть выражено такъ: мы хотимъ построенія исторіи на основѣ соціологіи и философіи.

У Маркса такая основа имѣется — это вѣрно. Онъ строитъ исторію на матеріализмѣ. Но эта философская основа научно несостоятельна.

Матеріализмъ не доставляетъ историку удовлетворительной психологіи, а безъ психологіи, какъ мы сейчасъ увидимъ, невозможно вѣрное истолкованіе историческихъ фактовъ.

Во вторыхъ, матеріализмъ не можетъ объяснить настоящаго смысла жизни, какъ личности, такъ и общества. Марксъ и Энгельсъ, конечно, протестуютъ противъ всякаго идеологическаго объясненія и

соціологіи и въ заключительной главѣ. Милль обработалъ послѣднюю часть своей логики и объясненіе историческаго метода на основаніи взглядовъ Конта.

Я повторю еще разъ (хотя это и понятно само по себѣ): соціологическимъ историческимъ методомъ не исчерпывается содержаніе такъ называемой *историки*, или ученія о методахъ конкретной исторіографіи. Въ этомъ отношеніи рекомендуемъ читателю сравнить сочиненіе французскихъ историковъ Ланглуа и Сеньебоса. (Introduction aux etudes historiques, 1898) или сочиненіе нѣмецкаго историка Бернгейма (Lehrbuch der historischen Methode, 1894).

и утверждаютъ, будто они довольствуются позитивистическимъ констатированіемъ фактовъ; но уже и помимо того, что научное, даже архинаучное объясненіе исторіи такимъ образомъ не можетъ обойти вопроса о цѣнности историческихъ событій и всего историческаго развитія, мы видимъ, что Марксъ и Энгельсъ постоянно измѣняли своему позитивизму. Мы уже указывали на расколъ между ихъ моралізмомъ и аморализмомъ; да и дальше увидимъ, что Марксъ и Энгельсъ не могли обойти вопросъ о зачѣмъ и для чего?

Наконецъ Марксъ исказилъ исторію въ силу своего матеріалистическаго догматизма, очень часто замѣняя эмпирію произвольными дедукціями и матеріалистическимъ конструированіемъ; его матеріализмъ насилуетъ не только логику, но и чувствованія; экономическій матеріализмъ представляетъ полное искаженіе исторіи, насиліе надъ ней.

Мы должны настаивать на томъ, что научныя ясность и точность гарантируются только тѣмъ, что мы постоянно и во всемъ уясняемъ себѣ вполнѣ сознательно, что именно и сколько именно намъ извѣстно и что остается для насъ неизвѣстнымъ. Марксъ при своемъ матеріалистическомъ объясненіи жизни и ея развитія и методологически и по содержанію не выходилъ изъ рамокъ некритической философіи, господствующей до Юма и до Канта. Въ теоріи Маркса настаиваетъ на позитивизмѣ, но въ матеріализмѣ онъ является... идеологомъ. Видѣть матерію не только тамъ, гдѣ она существуетъ, но и тамъ, гдѣ ея нѣтъ—это истая идеологія.

Философское основаніе матеріализма есть для Маркса и соціологическое — это его діалектика. Мы уже говорили о сущности этой діалектики (тутъ дѣло идетъ о діалектикѣ, какъ философіи исторіи, а не какъ о методѣ). Неопредѣленность объекта этой дисциплины, ея близкія отношенія къ натуръ — философіи, невыясняемость ея отношенія къ остальнымъ научнымъ дисциплинамъ — все это очень плохое основаніе для построенія истинно научной исторіи.

32. Стремленіе Маркса къ научной исторіи до значительной части парализировалось его преувеличеннымъ историзмомъ. Объ этомъ историзмѣ кое что уже было сказано (§§ 13, 17); здѣсь мы будемъ говорить главнымъ образомъ объ его методологическихъ недостаткахъ.

Я повторяю: міръ и его развитіе, жизнь, не могутъ представляться намъ просто текучими, какъ они представлялись Гераклиту; мы дожны понять не только развитіе, но также и самыя развивающіяся вещи. Міръ ни есть движеніе, т. е. не одно только движеніе. Марксъ въ абстракціи движенія неосновательно усматриваетъ истинную mors immortalis. Историзму и эволюціонизму Маркса я противупоставляю реализмъ.

Методологическій историзмъ проявился прежде всего въ томъ, что Марксъ ни разработалъ статику соціологіи.. У него есть только фи-

лософія исторіи (діалектика) безъ соотвѣтствующей и необходимой философіи общества, т. е. безъ точнаго изслѣдованія о томъ, что собственно дѣлаетъ общество таковымъ [1]).

Историзмъ очень часто проявляется, какъ не критическій эмпиризмъ, эмпиризмъ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ.

Историческій — собственно говоря, историзирующій — эмпиризмъ проявляется въ мышленіи тѣхъ историковъ, которые собирая массу историческихъ фактовъ, не выработали никакого общаго философскаго міровоззрѣнія.

Рука объ руку съ такимъ недостаткомъ соціологическаго и философскаго обоснованія исторіи идетъ и другой недостатокъ: многіе историки — не спеціалисты ни въ одной изъ дисциплинъ, именно потому, что они занимаются всѣми дисциплинами. Почему мы не можемъ представить себѣ, что «историкъ» можетъ написать исторію математики? Исторію логики, философіи, физики, химіи, и такъ далѣе, можетъ, разумѣется, излагать только логикъ, философъ, физикъ, химикъ; да и вообще во всѣхъ дисциплинахъ только изслѣдователь—спеціалистъ можетъ быть историкомъ своей дисциплины — что же такое представляетъ собой просто «историкъ»? Есть ли «исторія» спеціальная дисциплина, рядомъ съ исторіей математики и науки вообще, рядомъ съ исторіей отдѣльныхъ искусствъ, съ исторіей религіи, съ военной исторіей и т. д.?

На это скажутъ: все это спеціальныя историческія дисциплины, и рядомъ съ ними существуетъ всеобщая исторія—и она то и есть просто «исторія».

Несомнѣнно, что такая всеобщая исторія существуетъ; но она и есть именно исторія общества, какъ цѣлаго, потому истинный объектъ знанія историка есть это общественное цѣлое и его развитіе. Само это цѣлое можно понимать, какъ наиболѣе общее (все человѣчество или по крайней мѣрѣ европейское человѣчество) или какъ менѣе общее (отдѣльное государство).

Каковъ же личный ходъ занятій нашихъ историковъ? Съ большинствомъ ихъ дѣло обстоитъ также, какъ съ тѣмъ солдатомъ, котораго герцогиня Герольштейнская, если не ошибаюсь, назначила учителемъ: писать онъ не умѣлъ, а учителемъ сдѣлался, потому что при такомъ случаѣ выучится. Тоже и съ нашими историками. Они изучаютъ палеографію и такъ называемыя вспомогательныя историческія науки, чтобы съ помощью хронологіи, а въ лучшемъ случаѣ съ помощью синхронизма, излагать отдѣльные факты общественной, а болѣе политической жизни. Если у историка имѣется талантъ и предрасположеніе къ упорядоченію и гармоніи, то отдѣльные историческіе факты

[1]) Въ § 13 я обращалъ вниманіе читателя, поскольку Энгельсъ принимаетъ въ расчетъ не только динамическій моментъ, но и статическій.

расчленяются очень красиво, какъ въ большомъ магазинѣ очень красиво, практично и привлекательно раскладываются товары.

Такой историкъ не обладаетъ спеціальными свѣденіями о государствѣ, обществѣ, церкви и т. д.—онъ заботится главнымъ образомъ объ одной «исторіи». По этому поводу онъ могъ бы иногда высказать и кое что разумное объ общественной жизни... еслибы онъ съумѣлъ сдѣлать это. Древніе говорили, что исторія есть учительница жизни; а теперь исторія есть учительница историковъ; по исторіи историкъ узнаетъ кое что о религіи, кое что о государствѣ, кое что о стратегіи и т. д.—въ настоящее время онъ обращаетъ кромѣ того свое благосклонное вниманіе на литературу и искусство, вообще на культуру— но о главномъ то своемъ дѣлѣ, о настоящемъ объектѣ своей науки онъ не знаетъ ничего цѣльнаго, ничего систематичнаго.

Противъ подобнаго историческаго эмпиризма и некритическаго хронологизма я и протестую... и притомъ имѣю въ виду и Маркса. У Маркса, какъ сказано, были философскія и соціологическія основанія для исторіи, и если это основаніе и было недостаточнымъ, все же онъ могъ быть до извѣстной степени свободнымъ отъ эмпиризма. И несмотря на это исторія философіи Маркса весьма неудовлетворительна, и мы встрѣчаемъ у него, и въ особенности въ его главномъ трудѣ, больше этого историческаго эмпиризма, чѣмъ это подобало бы. Особенно первая часть «Капитала» переполнена изложеніемъ различныхъ чужихъ теорій и эскизами изъ исторіи хозяйства. Марксъ не даетъ связнаго, систематическаго изложенія экономическихъ принциповъ и общественной жизни вообще. Такой методъ мы встрѣчаемъ у очень многихъ экономистовъ и особенно у экономистовъ такъ называемой исторической школы и у нихъ этотъ методъ встрѣчается въ еще болѣе преувеличенномъ видѣ (Рошеръ); но Марксъ вопреки тому, что онъ очень рѣзко осуждалъ экономику именно съ точки зрѣнія методовъ, именно въ этомъ основномъ вопросѣ не съумѣлъ освободиться отъ метода своимъ противниковъ, отъ метода профессорскаго (историзмъ, какъ методъ, вмѣсто критицизма и реализма прямо таки рекомендуется намъ, профессоромъ).

Этотъ историческій методъ еще и теперь особенно распространенъ въ соціальныхъ наукахъ; даже въ философіи историзмъ всемогущъ. Мнѣніе, что философія есть только исторія философіи, очень распространенно и до сихъ поръ философія часто сводится къ простымъ объясненіямъ и разъясненіямъ о томъ, что думалъ и чему вѣрилъ тотъ или другой изъ философовъ—къ простому эклектизму и къ механическому синкретизму. Философія Маркса и Энгельсъ тоже эклектична.

Историзмъ отвлекаетъ наше вниманіе отъ настоящаго къ прошлому, а часто къ самому отдаленному прошлому. Но исторія не

только прошлое и тѣмъ болѣе не только давно прошедшее, а и ближайшее прошлое, т.-е. современное. Я смѣло утверждаю, что тотъ, кто не понимаетъ современности, своей эпохи, тотъ не понимаетъ и прошлаго. Ошибка думать, напр., что мы всего лучше поймемъ сущность религіи, если будемъ изучать древнѣйшіе религіозные акты евреевъ и индусовъ; кто не понимаетъ религіи въ себѣ самомъ и въ окружающихъ, тотъ не пойметъ ее и при изученіи библіи или ведъ.

Понятно, на чемъ основано очарованіе, производимое стариной; отдаленное и незнакомое всегда привлекаетъ и возбуждаетъ дѣятельность фантазіи. Но именно поэтому историкъ и долженъ учиться наблюдать современность, чтобы объяснить отдаленное ближайшимъ, незнакомое знакомымъ; исторія, какъ и всякая истинная наука, должна умѣть наблюдать и понять обыкновенное и извѣстное, т.-е. въ сущности еще неизученное, непознанное. И тогда только мы будемъ въ состояніи толковать прошлое.

Марксъ и Энгельсъ тоже погружались въ описанія старины, и въ особенности предполагаемаго первобытнаго коммунизма.

Наблюденіе и изученіе современности открываетъ намъ прошлое. Различныя ступени цивилизаціи существуютъ одновременно, такъ какъ развитіе во всѣхъ сферахъ постепенно и отнюдь не равномѣрно. Деревня и городъ, напр., представляютъ старину и современность. Вообще изученіе прошлаго должно дополняться (я не говорю—замѣняться) изученіемъ настоящаго [1]).

Историзмъ ищетъ и находитъ въ исторіи доказательства въ пользу того, что, по его мнѣнію, должно бы было быть; но, думается мнѣ, очевидно, что вещи и понятія оправдываемы и справедливы не потому, что они когда то существовали; всякій прогрессъ и всякое недовольство человѣка—а именно его «святое» недовольство—есть протестъ противъ такъ называемой логики фактовъ. Историзмъ есть ничто иное, какъ родъ этой грубой логики. Потому когда Марксъ и Энгельсъ постоянно и съ горячностью указываютъ на то, что коммунизмъ господствовалъ въ древности, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онъ eo ipso хорошъ и что онъ и опять долженъ существовать. Вѣдь и ненавистный имъ капитализмъ тоже существовалъ—да и все существуетъ и существовало. Гегель находилъ все дѣйствительное очень разумнымъ—но существуетъ не мало и неразумнаго, а притомъ и человѣческій умъ, стремящійся къ измѣненію, и его недовольство фактами тоже разумны—даже въ томъ случаѣ, если мы мѣриломъ ихъ справедливости признаемъ ихъ дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ и во всемъ главное разумное сужденіе о существующемъ, безъ всякихъ соображеній о его фактическомъ существованіи; когда Марксъ требуетъ отъ философіи измѣненія міра, то это, конечно, не согласуется съ его позитивнымъ историзмомъ.

[1]) Энгельсъ, пользуясь Морганомъ, примѣняетъ этотъ методъ въ своемъ сочиненіи о семьѣ, не замѣчая того, что онъ такимъ образомъ отказывается отъ своего хваленаго діалектическаго метода. Ср. §§ 97.

Этотъ позитивный историзмъ лишаетъ многихъ изъ нашихъ современниковъ способности къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Историзмъ приводитъ къ этическому и логическому дилетантизму и Іа Ренанъ. Такой дилетантизмъ есть плодъ позитивнаго историзма и его преувеличеннаго понятія объ относительности всего сущаго и всѣхъ понятій. Гегель тоже не мало способствовалъ распространенія такого дилетантизма своимъ отрицаніемъ положенія противорѣчія.

И Марксъ и Энгельсъ подверглись вліянію дилетантизма въ значительной степени. Оба они постоянно измѣняли свои взгляды; различныя опредѣленія историческаго матеріализма, даваемыя Энгельсомъ, образуютъ нѣкую іерархію дилетантизма. Кто истину видитъ только въ историческомъ развитіи, для того не мудрено сопоставлять хотя бы каждодневно все новыя и новыя воззрѣнія.

33. Обращаясь отъ метода къ содержанію исторіи, какъ ее понимаетъ Марксъ, мы прежде всего задаемъ вопросъ, какимъ образомъ доказывали Марксъ и Энгельсъ ихъ историческій или экономическій матеріализмъ; дѣйствительно ли они фактически доказали, что реальный базисъ, истинная причина всякой идеологіи—государства, права, религіи, нравственности, философіи и искусства—суть экономическія отношенія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ такой: ни Марксъ, ни Энгельсъ не доказали это. Это кажется невѣроятнымъ и, однако, совершенно вѣрно—въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ только утвержденіе историческаго матеріализма и ни въ одномъ изъ нихъ не сдѣлано даже и попытки доказать такое утвержденіе. А утвержденіе это отнюдь не очевидно само по себѣ. Кто утверждаетъ, напримѣръ, что религія есть только маска экономическихъ отношеній, тотъ обязанъ попытаться точнѣе анализировать религіозныя идеи и чувства, чтобы открыть въ нихъ ихъ реальную экономическую основу. Тоже самое должно быть сдѣлано и по отношенію къ политикѣ и ко всякой идеологіи вообще. И именно этого то и не сдѣлали Марксъ и Энгельсъ. Собственно говоря, отъ нихъ мы узнаемъ только то, что они по отношенію къ религіи или къ церкви придаютъ большое значеніе экономическому моменту и выдвигаютъ на первый планъ именно эту сторону религіознаго вопроса. Ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ серьезно утверждать, что религія, конкретно, церковь и, еще конкретнѣе, іерархія и многочисленное духовенство (монастыри и пр.) не имѣютъ никакого отношенія къ экономикѣ; я думаю, что даже человѣкъ, никогда и не слыхавшій объ экономическомъ матеріализмѣ, подумавъ немного, согласится, что религія, да и вообще

всякая идеологія, имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ экономикѣ. Дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить это отношеніе. Но Марксъ и Энгельсъ спеціально поставили себѣ задачу указать, что религія и идеологія (въ послѣдней инстанціи, какъ часто выражается Энгельсъ) суть только экономическія отношенія.

Такого точнаго опредѣленія отношеній идеологіи къ экономикѣ мы не находимъ ни у Маркса, ни у Энгельса—и по очень простой причинѣ: идеологія никоимъ образомъ не объясняется одними только экономическими отношеніями. Пересмотримъ различныя опредѣленія историческаго матеріализма, предлагаемыя Марксомъ и Энгельсомъ, и для насъ будетъ несомнѣннымъ, что несмотря на многія опредѣленія или, лучше сказать, вслѣдствіе такого разнообразія опредѣленій, историческій матеріализмъ есть ученіе весьма неясное.

Не говоря уже о неопредѣленности и часто простой образности выраженій, отношеніе идеологіи и экономическихъ отношеній объясняется довольно разнообразно [1]).

Въ старѣйшемъ изъ опредѣленій выражается мнѣніе, что экономическія отношенія суть дѣйствующая причина идеологіи; это соотвѣтствуетъ положеніямъ психологическаго матеріализма, на основаніи которыхъ причина психической дѣятельности есть мозгъ или весь организмъ въ его цѣлостности. «Человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ»—таково истинное и послѣдовательное матеріалистическое объясненіе экономическаго матеріализма. И только потому, что подобное объясненіе прямо таки невозможно, Марксу и Энгельсу пришлось поискать другихъ, не столь послѣдовательныхъ объясненій. Экономическій матеріализмъ невозможно провести столь послѣдовательно, какъ психологическій. Предположимъ, что человѣкъ дѣйствительно есть то, что онъ ѣстъ—но откуда же онъ беретъ то, что онъ ѣстъ? Марксъ и Энгельсъ были такимъ образомъ вынуждены замѣнить самую пищу трудомъ ея добыванія; но тутъ имъ пришлось ужъ и совсѣмъ плохо—трудъ, вѣдь, предполагаетъ какую нибудь духовную дѣятельность, идеологію.

Марксъ и Энгельсъ такъ и не могли выдти изъ этого противорѣчія. Экономическія отношенія не могутъ создать человѣка; наоборотъ, ихъ создаетъ человѣкъ—всякій послѣдовательный экономическій матеріализмъ разбивается объ этотъ фактъ. Потому то Энгельсъ

[1]) Мы уже говорили объ этомъ: идеологія есть „надстройка“; исторія труда есть ключь къ пониманію всей исторіи; мораль Фейербаха „приспособлена“ (Zugeschnitten) къ современному капиталистическому обществу; можно упомянуть о такихъ неточныхъ выраженіяхъ: идеологія „обусловливается“ экономическими отношеніями; идеологія тѣмъ выше, чѣмъ она „отдаленнѣе“ отъ экономическихъ отношеній и т. п. Можно причислить сюда и „реальный базисъ“ и другія подобныя выраженія.

и пытается при помощи игры словъ ввести въ экономическія отношенія и размноженіе человѣческаго рода.

Такъ какъ идеологію никоимъ образомъ нельзя считать слѣдствіемъ однихъ только экономическихъ отношеній, то остается одинъ выходъ: иначе представлять себѣ ихъ взаимныя отношенія. И вотъ тутъ то и начинаются двусмысленность и разнообразіе объясненій.

Очень часто идеологія признается «отраженіемъ», «указателемъ» и т. п. экономическихъ отношеній. Но что такое это отраженіе, что такое этотъ указатель? Слово отраженіе (рефлексъ) напоминаетъ намъ объясненіе Энгельсомъ понятій, какъ рефлексовъ—но отъ этого дѣло не становится яснѣе. На tabula rasa Локка можетъ отражаться нѣчто внѣшнее—но продумайте до конца такое сравненіе и вы убѣдитесь, что оно не подходитъ для опредѣленія отношенія всей идеологіи къ экономическимъ отношеніямъ. Въ сущности всѣ такія выраженія, какъ «указатель», суть только смутныя понятія, не выдерживающія сколько нибудь строгого психологическаго анализа.

Кое гдѣ указывается просто на параллельность явленій. Напр., у Энгельса мы встрѣчаемъ такое мѣсто: «великіе общественные перевороты *сопровождаются* религіозными измѣненіями»—такъ именно Энгельсъ толкуетъ то мнѣніе Фейербаха, что историческіе періоды различаются религіозными измѣненіями [1]).

Во всякомъ случаѣ этого параллелизма не объясняютъ, предоставляя читателю самому представлять себѣ дѣло такъ, какъ ему угодно.

Иногда дается возможность думать о согласованіи (о consensus), въ родѣ того, какъ С. Симонъ, Контъ, Фурье и друг. находили въ каждой эпохѣ особыя экономическія отношенія, которыя соотвѣтствуютъ остальнымъ, идеологическимъ отношеніямъ. При этомъ остается однако, неопредѣленнымъ, отчего происходитъ такое согласованіе и какъ оно осуществляется. Энгельсъ въ выше цитированныхъ письмахъ часто говоритъ о взаимодѣйствіи; я не буду анализировать этаго понятія о взаимодѣйствіи; для меня достаточно сказать, что оно не совсѣмъ то подходитъ къ теоріи Энгельса. Энгельсъ говоритъ и о согласованіи, но если такое согласованіе достигается посредствомъ постояннаго взаимодѣйствія, то это будетъ уже устраненіемъ прежнихъ взглядовъ объ «отраженіи» и о не реальности идеологіи вообще.

При подробномъ разсмотрѣніи объясненій Маркса и Энгельса можно указать, насколько всѣ эти понятія неопредѣленны и неточны. Такъ, напримѣръ, Энгельсъ причисляетъ государство и право къ идеологіи, и потомъ забываетъ объ этомъ и уже не считаетъ государство, право и общественныя отношенія идеологіей [2]).

[1]) „Фейербахъ“, 32.

[2]) Объ историческихъ наукахъ Энгельсъ говоритъ (Антидюрингъ, 83),

Этимъ и объясняется то обстоятельство, что Марксъ и Энгельсъ, также, какъ и ихъ послѣдователи, сдѣлали экономическій матеріализмъ столь тощимъ, что въ концѣ концовъ отъ него ничего не осталось, кромѣ положенія, что экономическія отношенія играютъ въ исторіи роль, гораздо большую, чѣмъ полагали историки до Маркса [1]).

Если это угодно называть матеріализмомъ—пусть такъ; но тогда ужъ надо отучиться видѣть въ экономическихъ отношеніяхъ исключительную причину идеологіи.

Если держаться различныхъ опредѣленій Маркса и Энгельса и теперешнихъ марксистовъ, экономическій матеріализмъ до того становится тощимъ, что въ концѣ концовъ онъ признается только методомъ. Сами экономическія отношенія, напр,, превращаются въ методы труда, по которымъ различаются экономическія эпохи; Каутскій прямо сводитъ ихъ на технику и современное естествознаніе, до математики включительно. Энгельсъ сводитъ экономическій матеріализмъ къ слѣдствіямъ раздѣленія труда; Каутскій придаетъ главное значеніе экономическимъ условіямъ, которыя при детальномъ ихъ разсмотрѣніи суть потребности, приводящія къ техническимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ—однимъ словомъ, метафизическій матеріализмъ и позитивный объективизмъ въ исторіи потерпѣли полное крушеніе.

что онѣ изслѣдуютъ „жизненныя условія людей, общественныя отношенія, правовыя и государственныя формы съ ихъ идеальной надстройкой—философіей, религіей, искусствомъ и т. д.“

[1]) Внимательный читатель произведеній Маркса и Энгельса найдетъ у нихъ достаточно возраженій противъ экономическаго матеріализма. Во всякомъ случаѣ онъ встрѣтитъ у нихъ мѣста, въ которыхъ они, какъ-бы освобождаясь изъ подъ власти ихъ собственной теоріи, объясняютъ отдѣльные историческіе процессы нѣсколько иначе, чѣмъ требовала бы эта теорія.

Укажу на нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ. О религіи Энгельсъ говоритъ („Фейербахъ“ 66), что она, разъ образовавшись, содержитъ въ себѣ полученный ею отъ преданія матеріалъ, и что вообще во всѣхъ сферахъ идеологіи традиція есть крупная консервативная сила. Потому Энгельсъ довольствуется тѣмъ, что экономическія отношенія измѣняютъ этотъ традиціонный матеріалъ. Остается, однако, вопросъ: какъ образовалась религія? Во всякомъ случаѣ экономическія отношенія не столь исключительно дѣйствуютъ на измѣненія религіи, какъ утверждало первоначальное опредѣленіе.

Тутъ слѣдуетъ упомянуть и о мнѣніи Энгельса, что государство, какъ первая идеологическая сила, производитъ другія идеологіи, напр., право (ibid. 60)—стало быть, экономическія отношенія не производятъ прямо всякую идеологію·

Въ объясненіяхъ Энгельса, приведенныхъ выше, особую роль играетъ слово „отраженіе“. Такъ говорится, что экономика только не прямо вліяетъ на философію, на нее дѣйствуютъ прямо политическія, юридическія и моральныя „отраженія“. Приходится, стало быть, различать прямыя отраженія отъ непрямыхъ, и само собой разумѣется, что эти отраженія находятся въ причинной связи.

Въ параграфѣ 46-мъ мы увидимъ, что Марксъ и Энгельсъ въ разное время признаютъ разныя движущія историческія силы—какимъ образомъ согласуется напр. съ историческимъ матеріализмомъ признаваемое ими стремленіе къ познанію?

34. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ экономическаго объясненія исторіи и разсмотримъ ихъ.

Возьмемъ первый примѣръ—отношеніе религіи, и въ особенности христіанства, къ экономическимъ отношеніямъ. Очень часто мы слышимъ утвержденіе, будто христіанство произошло изъ движенія пролетаріата и вообще имѣетъ чисто экономическое значеніе. Самъ Энгельсъ утверждаетъ, что первобытное христіанство имѣетъ большое сходство съ современнымъ рабочимъ движеніемъ и есть прямо таки соціализмъ, «поскольку онъ былъ возможенъ въ то время» [1]).

Энгельсъ очень остороженъ и пишетъ соціализмъ въ кавычкахъ. Въ сочиненіи противъ Дюринга, трактуя о развитіи идеи равенства, онъ признаетъ, что такъ называемый христіанскій коммунизмъ совсѣмъ не коммунизмъ. Онъ повторяетъ старое, но не вѣрное утвержденіе, что христіанство исходило первоначально отъ угнетенныхъ, и въ особенности отъ рабовъ. Но исторія христіанства не подтверждаетъ мнѣнія Энгельса, хотя бы онъ и ссылался на Ренана, ухитрявшагося видѣть первыя христіанскія общины въ секціяхъ международнаго общества рабочихъ. Прочтите исторію догмы Гарнака, исторіи Новаго Завѣта (Вейцесекера, Шюрера), исторію церкви (Мюллера), прочитайте Ветхій и Новый Завѣты—и вы найдете тамъ все, что угодно, но отнюдь не доказательство того, что христіанство «въ послѣдней инстанціи» имѣло экономическое значеніе. Христіанское ученіе подготовлено многовѣковымъ развитіемъ еврейской и языческой религіи и греческой философіи. Какимъ образомъ объяснить экономически не только догмы, но и мораль и культъ и церковную организацію? А всего важнѣе — какъ объяснить экономически саму религію, религіозную идею и религіозное чувство? Можно ли признать личное отношеніе человѣка къ Богу и къ міру, какъ маску экономическихъ отношеній? Попытайтесь — потому что Энгельсъ даже и не пытается. Онъ оперируетъ съ религіей, какъ съ даннымъ фактомъ и приводитъ только такія доказательства, какъ то, напр., что Христосъ и апостолы похожи на современныхъ пролетаріевъ. Если бы даже это и было вѣрно—а это не вѣрно—то это не доказывало бы, что христіанство есть соціалистическое движеніе, до тѣхъ поръ, пока не имѣется психологическихъ доказательствъ того, что религія по ея сущности имѣетъ только экономическое значеніе.

Стало быть, Энгельсъ вполнѣ неправъ? Нѣтъ, но только не въ

[1]) Neue Zeit 1894: Къ исторіи первобытнаго христіанства.

силу тѣхъ соображеній, которыя онъ приводитъ. Современное рабочее движеніе имѣетъ, какъ мы увидимъ, извѣстное отношеніе къ религіи и до извѣстной степени есть движеніе не только научное, но и религіозное – въ этомъ состоитъ сходство. Вѣрно и то, что христіанство съ самаго начала занималось съ этической точки зрѣнія вопросами экономическими и политическими—нравственность вообще невозможна безъ отношенія къ экономическимъ задачамъ человѣчества; но это совсѣмъ иное, чѣмъ утвержденіе, будто религія и нравственность есть только «маска» экономическихъ отношеній. Вѣрно и то, что среди первыхъ христіанъ (хотя и не вездѣ) существовалъ нѣкотораго рода коммунизмъ; но это былъ оригинальный коммунизмъ, не имѣвшій съ экономическимъ коммунизмомъ марксистовъ ничего общаго, кромѣ имени—это говоритъ и самъ Энгельсъ; религіозный и этическій коммунизмъ по существу отличается отъ совершеннаго соціализма—именно потому, что онъ религіозный.

Потому Энгельсъ и Каутскій не имѣютъ основанія безъ всякихъ оговорокъ признавать богемскихъ таборитовъ предшественниками современнаго коммунизма. Богемская реформація, какъ доказываетъ исторія, была религіознымъ и этическимъ движеніемъ; она подготовлялась вѣками не только въ Богеміи, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Само по себѣ понятно, что реформація имѣла и экономическія послѣдствія, именно въ силу своей антиаскетической морали; всякій согласится и съ тѣмъ, что многіе государи и богатые люди злоупотребляли реформаціей въ цѣляхъ обогащенія и т. д.—но я попросилъ бы приверженцевъ экономическаго матеріализма объяснить мнѣ религіозную страстность Гуса или силу вѣры Лютера. Исторія говоритъ намъ, что Гусъ былъ ученикомъ Виклефа, что на него вліяли его богемскіе и нѣмецкіе предшественники и т. д., но всѣ эти отношенія, и въ особенности вѣра и страстная реформаторская жажда Гуса, рѣшительно необъяснимы экономически. Да и вообще совершенная безсмыслица пытаться объяснять экономически поэтическую силу Данте, талантъ Микель-Анджело, научные труды Ньютона и т. д.: религія, мораль, художественное и научное творчество—однимъ словомъ, идеологія, суть непосредственныя данныя.

Каутскій въ своей исторіи соціализма указываетъ именно на коммунизмъ таборитовъ. Но табориты были просто религіозной сектой, и притомъ сектой рядомъ съ многими другими. Если мы хотимъ понять и объяснить богемскую реформацію, намъ надо сравнить съ таборитами союзъ-братьевъ, потомъ припомнить, какъ гуситизмъ перешелъ въ лютеранство—однимъ словомъ, мы ясно видимъ, что богемская реформація развилась на своей оригинальной религіозной основѣ и что это развитіе управлялось иными, не экономическими, законами. Вообще тотъ фактъ всемірной исторіи, что протестантизмъ

развился изъ католицизма, а самъ католицизмъ изъ древняго политеизма, совершенно не объясняется экономически.

Но Марксъ и Энгельсъ видятъ въ реформаціи только политическое движеніе современной реформаціи. Энгельсъ напр. объясняетъ ученіе Кальвина о милости слѣдующимъ образомъ: это ученіе есть выраженіе того факта, что въ торговомъ мірѣ успѣхъ или банкротство личности не зависятъ отъ ея способности и энергіи, а отъ отношеній, не подлежащихъ человѣческой власти. Такимъ образомъ тутъ дѣйствуетъ не воля, а милость неизвѣстныхъ экономическихъ силъ. Особенно во время экономическихъ переворотовъ, когда старые торговые центры и пути замѣняются новыми, когда открытъ Новый Свѣтъ, когда золото и серебро измѣнились въ цѣнѣ—въ такое время необходимо и вполнѣ естественно должно было появиться ученіе Кальвина.

Возможно, что подобныя объясненія сразу и ошарашатъ читателя—но подумавъ немного, онъ увидитъ ихъ искусственность и несостоятельность.

Мы, вѣдь, можемъ доказать, что положенія Кальвина были высказаны задолго до него, что они имѣли извѣстное распространеніе въ церкви и что Кальвинъ опирался главнымъ образомъ на Августина—какое-же все это имѣетъ отношеніе съ экономическими условіями временъ Кальвина? Чѣмъ объясняется реформаторскій пылъ самого Кальвина?

Вѣрно и то, что купецъ подверженъ власти неизвѣстныхъ ему экономическихъ силъ, и что онѣ могутъ дѣйствовать на него также, какъ дѣйствуютъ на дикаря устрашающія его и неизвѣстныя ему силы природы; потому купецъ можетъ ради страха обращаться къ сверхъ-человѣческимъ силамъ, какъ обращается къ нимъ и дикарь. Купецъ, напр., можетъ въ силу заботы и страха сдѣлаться суевѣрнымъ также, какъ и дикарь—неувѣренность и страхъ могутъ дѣйствовать на биржѣ также, какъ и въ первобытномъ лѣсѣ. Давно извѣстно, что люди въ нуждѣ съ большей страстностью обращаются къ Богу, чѣмъ во времена преуспѣянія. Это все вѣрно; но изъ всего этого видно только то, что экономическія отношенія, могутъ нагнать страху—но при чемъ же тутъ экономическій матеріализмъ?

Въ дѣйствительности кальвинизмъ имѣлъ совершенно другое значеніе, а не то, которое приписываетъ ему Энгельсъ. Кальвинизмъ есть прежде всего выраженіе новаго детерминистическаго міровоззрѣнія, характеризующаго протестантизмъ вообще и кальвинизмъ въ особенности въ противуположность индетерминизму католицизма. Этотъ детерминизмъ, само по себѣ понятно, проявляется и въ экономикѣ, но совсѣмъ иначе, чѣмъ полагаетъ Энгельсъ; детерминизмъ выучилъ протестантскіе народы думать объ экономикѣ и лучше хозяйничать.

Такъ что именно кальвинизмъ и составляетъ доказательство того, какъ идеологія дѣйствуетъ на прогрессъ труда и хозяйства.

Если мы теперь обратимся отъ религіи къ философіи, то тутъ мы имѣемъ объясненіе философіи Декарта, предложенное самимъ Марксомъ (животное есть машина): Декартъ смотрѣлъ на животное съ точки зрѣнія фабриканта, тогда какъ въ средніе вѣка въ животномъ видѣли помощника въ трудѣ.

Съ перваго взгляда объясненіе представляется очень основательнымъ. Такимъ же образомъ можно выводить положеніе Ла Метри, что человѣкъ есть машина, изъ капитализма и современнаго фабричнаго строя и такое объясненіе тоже казалось бы основательнымъ. Но это только кажущееся объясненіе. Декартъ, какъ это видно изъ всей его философіи, разсматривалъ весь міръ абстрактно математически и механически; математика и абстрактное естествовѣденіе развилось раньше, чѣмъ біологія и психологія, и Декартъ пытается объяснить животное въ противуположность человѣку въ духѣ этого развитія и по современному научному методу. Но такъ какъ Декартъ и самъ былъ математикъ и естествоиспытатель, то изъ его анализа тогдашняго духа времени мы видимъ, что онъ искалъ въ противуположность схоластикѣ прочнаго и неразрушимаго философскаго основанія и находилъ его въ математикѣ и въ наукахъ, въ которыхъ примѣняется математическій методъ. Почему онъ вообще философствовалъ, почему схоластика не удовлетворяла его, почему онъ въ особенности не одобрялъ іезуитскаго воспитанія и т. д. — все это объясняется только такъ называемымъ возрожденіемъ, пробужденіемъ человѣческаго духа. Это пробужденіе проявилось въ религіозной реформаціи, оно проявилось, какъ научное и художественное возрожденіе; создалась новая философія и, наконецъ, проявился и новый научный духъ — одни экономическія отношенія не объясняютъ начала этой новой эпохи и не объясняютъ также и ученія Декарта о животномъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ тутъ примѣръ вышеупомянутаго согласованія и такое объясненіе можетъ быть примѣнено и къ ученію Ла Метри.

Въ Neue Zeit. я прочиталъ экономическое объясненіе философіи безсознательнаго Гартмана: эта философія является выраженіемъ того факта, что нѣмецкая буржуазія совершенно утратила свое классовое сознаніе. Не говоря уже о томъ, что все это объясненіе построено на игрѣ словами (безсознательное не имѣетъ ничего общаго съ классовымъ сознаніемъ, съ классовымъ духомъ, съ сознаніемъ себя, какъ члена класса), исторія философіи учитъ насъ, что ученіе Гартмана произошло изъ философіи Шопенгауера и Гегеля и въ особенности было развитіемъ идеи Лейбница (о безсознательныхъ представленіяхъ); потому безсознательное Гартманъ имѣетъ совершенно иное значеніе и развилось совершенно иначе, не на основѣ

экономики. Кстати, безсознательное Гартманъ имѣетъ большое сходство съ иллюзіонизмомъ Маркса, который тоже довольно близокъ къ философіи Гегеля и Шопенгауера — неужели и марксизмъ есть доказательство утраты нѣмецкой буржуазіей ея классоваго сознанія?

35. То, что доказываютъ намъ эти примѣры, можно сказать и о всѣхъ остальныхъ попыткахъ экономическаго объясненія, о всемъ матеріалистическомъ пониманіи исторіи: простое экономическое объясненіе идеологіи недостаточно. Экономическое объясненіе скрываетъ полноту и богатство содержанія историческихъ событій и вообще общественной жизни; простота становится непонятностью, и мнимый реализмъ превращается въ утопизмъ. Человѣкъ, раздѣляющій напр. пониманіе Маркса о реформаціи, просто страдаетъ историческимъ дальтонизмомъ, если онъ не замѣчаетъ, что Марксъ приводитъ это крупное и содержательное культурное движеніе всего христіанства къ совершенно пошлому комерческому дѣлу.

Попытка Маркса сдѣлать исторію при посредствѣ причиннаго объясненія историческаго развитія политической наукой не удалась. Онъ не могъ и даже, не смотря на заранѣе задуманный планъ, не смѣлъ доказать, что экономическія отношенія суть истинныя создающія причины всей общественной жизни; а если ограничивать историческій матеріализмъ такъ, какъ позже ограничивали его Марксъ и Энгельсъ, то ихъ экономическія объясненія представляются недостаточными. Они были и остались односторонними, абстрактными, утопическими, потому что въ самомъ лучшемъ случаѣ они суть объясненія только экономическаго, а отнюдь не всего культурнаго развитія.

Критика Маркса относительно обычнаго способа историографіи здравая критика, но онъ забываетъ, что уже въ его время и до него были крупные и научные историки и во всякомъ случаѣ эта критика ему не къ лицу, такъ какъ онъ самъ повиненъ въ тѣхъ недостаткахъ, на которые нападаетъ.

По скольку дѣло идетъ о причинномъ объясненіи, то опытъ учитъ, что всѣ люди вообще, а также и историки, ужъ очень легко признаютъ причинныя связи; хронологическая послѣдовательность и синхронизмъ сряду истолковываются причинно. А дѣйствительно причинное объясненіе исторіи требуетъ большой осторожности и методологической осмотрительности. Обыкновенно у историческаго событія имѣется не одна причина, а много и часто даже очень много причинъ. На личность и общество непрерывно дѣйствуютъ и небо и земля; на личность дѣйствуетъ и среда и прошлое; причины тѣсно связаны одна съ другими и потому слѣдствіе ихъ не простое, а сложное; вслѣдствіе этого и трудно найти частичныя причины отдѣльныхъ частичныхъ слѣдствій, изолировать отдѣльные элементы такимъ образомъ, чтобы было возможно съ увѣренностью опредѣлить связь причинъ съ ихъ слѣдствіями. Тутъ помогаетъ только посто-

янное сравненіе различныхъ слѣдствій и причинъ — историческій методъ есть сравнительный методъ особаго рода.

Кромѣ множественности причинъ и ихъ связи надо отмѣтить и родъ ихъ дѣйствія; мы должны точно различать, постоянно ли дѣйствуютъ причины, или перемежаясь, или только временно (въ извѣстные опредѣленные періоды), или только порознь; при этомъ приходится измѣрять или по крайней мѣрѣ расцѣнивать силу и напряженность дѣйствія; нужно опредѣлить, какія причины важнѣе, какія менѣе важны, какія существенны, на которыя изъ нихъ слѣдуетъ обратить вниманіе, и которыя можно игнорировать (какъ quantité negligeable).

Мы различаемъ причины ближайшія и отдаленныя. При этомъ мы имѣемъ въ виду или различіе во времени (раньше или позже дѣйствующія причины), или различія въ качествѣ (существенныя и несущественныя причины).

Мы различаемъ прямыя и не прямыя вліянія (напр. вліяніе климата на склонность къ самоубійству).

Историкъ долженъ также обращать вниманіе на различіе того, что выражается терминами: случайная и дѣйствующая причина; часто послѣдняя причина есть только случайная, завершающая и дѣлающая возможнымъ слѣдствіе, подготовленное уже задолго раньше и другими дѣйствующими причинами. Потому говорятъ о подготовительныхъ и вспомогательныхъ причинахъ, объ условіяхъ, при которыхъ дѣйствуютъ другія причины и т. д.

Если принять все это во вниманіе, то будетъ очевидно, что экономическія отношенія по тому опредѣленію, которое даютъ имъ марксисты, представляютъ крайне сложную причину: Марксъ, Энгельсъ и другіе причисляютъ къ нимъ и отношенія сообщенія, и торговлю и рабочую силу (отдѣльныхъ классовъ, цѣлыхъ народовъ и т. д.) и природу и наконецъ современную технологію, до математики и естествознанія включительно. Экономическій матеріализмъ до крайности неточенъ уже потому, что онъ не анализируетъ точно эту множественность и разнообразіе и недостаточно измѣряетъ и разцѣниваетъ отдѣльныя частичныя причины. Если бы мы даже захотѣли признать экономическій матеріализмъ, было бы необходимо требовать болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній именно въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ необходимъ точный количественный анализъ, если ужъ не обращать вниманія на различія качественныя (вліяніе солнца — вліяніе изобрѣтеній). Марксъ признаетъ качественныя различія, ссылаясь на положенія Гегеля, что на извѣстной ступени количественныя различія переходятъ въ качественныя [1]). И вотъ необходимъ по крайней мѣрѣ старательный количественный анализъ [2]).

[1]) 1. 315.

[2]) Кое гдѣ мы находимъ у Маркса и Энгельса попытки подобнаго анализа. Такъ напр. Энгельсъ (Фейербахъ 58) говоритъ, что въ древности производство матеріальной жизни имѣло большую власть надъ людьми, чѣмъ въ наше время, болѣе богатое вспомогательными средствами.

Стремленіе объяснить разнообразіе и полноту историческихъ событій единымъ принципомъ естественно и оправдываемо. Примѣромъ этого служитъ намъ не только естествознаніе, но и всѣ науки. Но стремленіе къ упрощенію принциповъ объясненія не должны вести къ построеніямъ, подобнымъ построеніямъ экономическаго матеріализма.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ постоянно помнить, что принципы объясненія, принимаемые историками, могутъ быть едиными, но не простыми. Можно это сказать о попыткѣ считать религію истиннымъ основаніемъ для объясненія исторіи, или объ идеяхъ Ранке и т. д., и тоже слѣдуетъ сказать и объ экономическихъ отношеніяхъ. Когда, напр., говорятъ, что разумъ есть истинная причина историческаго движенія, то необходимо бываетъ опредѣлить относительную цѣнность разнообразныхъ умственныхъ дѣятельностей въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ и т. д. Тоже можно сказать и о религіи, о государствѣ и т. д., а также, конечно, и объ экономическихъ отношеніяхъ.

Уменьшеніе количества научныхъ и философскихъ принциповъ объясненія, повторяемъ, оправдываемо, но экономическій матеріализмъ допускаетъ неоправдываемое уменьшеніе и упрощеніе. Матеріализмъ Маркса устраняетъ даже психологію, а, стало быть, и соціологію. Объясненіе соціальныхъ явленій не можетъ быть столь простымъ, какъ механическія объясненія; соціологъ въ особенности не долженъ пугаться самыхъ сложныхъ формулъ. Сложность причинъ и слѣдствій въ соціологіи громадна.

Понятно и то, что испытанные методы извѣстныхъ наукъ переносятся и въ другія научныя дисциплины; понятно и то, что многіе представители соціальныхъ наукъ примѣняютъ методы математики и естествознанія. Это понятно, и тѣмъ не менѣе неоправдываемо. Натурализмъ въ соціологіи недопустимъ. Это мы заявляли уже выше, и теперь мы имѣемъ случай разсмотрѣть этотъ методъ Маркса и марксизма въ новомъ освѣщеніи. Матеріализмъ и натурализмъ Маркса есть первобытный и даже реакціонный въ научномъ отношеніи методъ и первобытная и реакціонная философія. Марксъ не только въ теоріи, но и на практикѣ впадаетъ въ сильно распространенную и до сихъ поръ научную первобытность: Марксъ, какъ и Руссо, какъ и многіе другіе, никакъ не можетъ примириться съ увеличивающейся сложностью цивилизаціи; въ теоріи онъ приноситъ въ жертву своему матеріализму психологію и соціологію, а на практикѣ онъ ищетъ общественнаго идеала въ мнимомъ первобыт-

номъ коммунизмѣ. Въ этомъ марксизмъ, да и вообще соціализмъ, сходится съ реакціонными стремленіями — и онъ и они ищутъ своего идеала въ прошломъ.

Къ такому научному и философскому примитивизму Марксъ и соціалисты приведены были ихъ стремленіемъ къ популяризированію знанія [1]).

36. Марксъ приводитъ всѣ соціальныя и историческія силы къ единственной силѣ — къ экономическимъ, производственнымъ отношеніямъ.

Но общество, какъ цѣлое, сохраняется и развивается разнообразными силами. Прежде всего приходится упомянуть о различныхъ естественныхъ силахъ—космическихъ, теллурическихъ (теорія среды; мезологія Конта, какъ ученіе о внѣшнихъ вліяніяхъ).

Болѣе прямо дѣйствуютъ силы біологическія. Въ особенности большое значеніе имѣютъ вліянія, регулирующія ростъ и процвѣтаніе населенія: плодородіе, смертность, жизненность населенія вообще, увеличеніе или уменьшеніе плотности населенія и т. д.

Наконецъ идутъ силы соціально-историческія. Соціальныя силы производятъ общественное взаимодѣйствіе и вообще общественную организацію; такъ напр., раздѣленіе труда связываетъ людей другъ съ другомъ, но ихъ связываютъ и естественная симпатія и другія свойства. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и природа; напримѣръ, горы раздѣляютъ одни человѣческія группы и объединяютъ другія и т. д.

Историческія силы (онѣ суть вмѣстѣ съ этимъ и соціальныя)— это всѣ тѣ силы, которыя производятъ развитіе, или прогрессъ или погибель общества и вообще человѣчества. Но и тутъ необходимо помнить о внѣобщественныхъ факторахъ: прежде всего о силахъ природы (исторія есть часть исторіи космоса); слѣдуетъ также не забывать и о внѣ міровыхъ, метафизическихъ силахъ (вѣра въ судьбу, въ Бога—теизмъ, пантеизмъ и т. д.).

Нѣкоторые считаютъ движущей силой историческаго развитія раздѣленіе труда, другіе борьбу за существованіе, третьи увеличеніе народонаселенія; одни изъ соціологовъ видятъ движущую силу въ разумѣ, другіе въ чувствѣ и т. д. Въ дѣйствительности существуютъ многія движущія силы, дѣйствующія различно; мы стараемся понять дѣятельность отдѣльныхъ силъ, мы изучаемъ закономѣрность ихъ дѣйствій и такимъ образомъ пытаемся объяснить содержаніе общественной жизни и историческаго развитія.

---

[1]) На распространенную въ наше время тенденцію примитивности указываетъ Изуле—La Cité moderne (512). Онъ говоритъ о „симплизмѣ“ (упрощеніи) и видитъ источникъ этого для философіи и политики въ спиритуалистическихъ представленіяхъ о простотѣ души. Мнѣ думается, что мое объясненіе этого явленія болѣе обще и болѣе вѣрно.

Соціологи раздѣляютъ это содержаніе на слѣдующія главныя категоріи: религія и церковь — мораль (нравы) — искусство, наука и философія (образованіе, школьное дѣло, вся интеллектуальная организація и т. д.) — государство и право, національность и языкъ — хозяйство и общественная организація — біологическая организація населенія.

Эти категоріи исчерпываютъ коллективную жизнь человѣчества и все содержаніе исторіи [1]).

Историческій матеріализмъ утверждаетъ, что экономическая организація (совокупность отношеній производства) есть реальное основаніе всей общественной и исторической жизни. Это обозначаетъ, что всѣ остальныя общественныя категоріи (за исключеніемъ силъ природы и біологическихъ) могутъ быть приведены къ единственной экономической категоріи, что всѣ остальныя категоріи нереальны, или въ лучшемъ случаѣ значительно менѣе реальны.

Потому экономическій матеріализмъ необходимо приводитъ къ признанію сознанія иллюзіей — несмотря на то, что психологическое наблюденіе и психологическій анализъ рѣшительно противорѣчатъ подобному выводу. Напримѣръ, психологическій анализъ указываетъ, что религіозныя чувства и идеи, художественное и философское творчество, нравственность и т. д. имѣютъ цѣнность вполнѣ самостоятельную, независимо отъ экономическихъ отношеній; исторія подтверждаетъ такую психологическую и философскую оцѣнку религіи и т. д.; мы видимъ, что развитіе религіи и пр. такимъ образомъ необъясняется развитіемъ хозяйства; и вопреки всему этому Марксъ декретируетъ свой матеріализмъ и прямо отвергаетъ всякую психологію и этику, да и вообще сознаніе онъ выбрасываетъ за бортъ. Между объективистическимъ матеріализмомъ Маркса и психологіей и этикой существуетъ принципіальное противорѣчіе.

Теперь мы можемъ оцѣнить нѣкоторыя изъ приводимыхъ нами мѣстъ изъ Маркса (§ 24, 25) въ полномъ ихъ значеніи.

Марксъ еще въ 1844 году въ письмѣ къ Руге объявилъ, что все прежнее развитіе есть сновидѣніе (Traum) [2]); позже онъ ясно устраняетъ изъ своей системы сознаніе. Въ сочиненіи о Наполеонѣ психическая дѣятельность личности объявляется воображеніемъ, выдум-

---

[1]) Понятно, что эти высшія категоріи могутъ распадаться на подраздѣленія: напр., въ категорію государства входитъ воинская система. Можно увеличить и самое количество категорій; напр. Спенсеръ трактуетъ церемоніи, какъ самостоятельныя; другіе говорятъ напр. объ играхъ и о развлеченіяхъ, какъ о самостоятельныхъ общественныхъ категоріяхъ. Важнѣе было бы отдѣленіе соціальныхъ категорій отъ экономическихъ, что пытался сдѣлать еще Родбертусъ, попытку котораго въ послѣднее время повторилъ Штамлеръ.

[2]) Deutsch—Franz. Jahrbuch.

кой (Einbildung); опредѣленіе экономическаго матеріализма 1859 года гласитъ, что экономическія отношенія независимы отъ воли человѣка.

За Марксомъ слѣдуетъ и Энгельсъ. Для него идеологія есть простое отраженіе, указатель, сигналъ экономическихъ отношеній; истинный смыслъ этой формулы уясняется въ письмѣ къ Рингу, въ которомъ сознаніе объявляется прямо ложнымъ, а индивидуальные мотивы кажущимися, воображаемымъ, призракомъ (Schein). Въ этомъ направленіи объясняется и все личное мотивированіе, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Объясненіе индивидуальнаго сознанія, какъ иллюзіи, вытекаетъ у Маркса и Энгельса изъ ихъ коллективизма—они, какъ рѣшительные коммунисты, признаютъ только классовое коллективное сознаніе. Объ этомъ мы еще будемъ говорить подробнѣе; но намъ уже извѣстно, что Марксъ хочетъ построить коммунизмъ только на матеріализмѣ. Иллюзіонизмъ Маркса въ концѣ концевъ вытекаетъ изъ матеріализма. Мы понимаемъ теперь, почему Марксъ отвергаетъ въ соціологіи и философіи психологическія наблюденія и объясненія, какъ недостовѣрныя, и почему онъ ищетъ объективно достовѣрныхъ основаній для своего міровоззрѣнія въ матеріи. Марксъ, какъ матеріалистъ, обосновываетъ соціологію на естествознаніи, тогда какъ она должна основываться прежде всего на психологіи; соціологическое и историческое объясненіе должно быть всегда провѣрено психологически—и на томъ простомъ основаніи, что общество состоитъ изъ сознательныхъ и сознательно дѣйствующихъ личностей; anche io sono pittore—я тоже есть общество, я тоже есть исторія!

Никто не отрицаетъ вліянія природы на человѣка и общество. Но о разнообразныхъ вліяніяхъ природы и нашего собственнаго тѣла мы знаемъ только при посредствѣ нашего сознанія также, какъ это сознаніе даетъ намъ свѣдѣнія о силахъ соціальныхъ и историческихъ; а помимо того, это говоритъ и самъ Энгельсъ, хотя онъ и употребляетъ неточныя выраженія: онъ говоритъ, что все, двигающее человѣка, должно пройти чрезъ его голову. Историческое развитіе есть развитіе сознающаго человѣка; если индивидуальное сознаніе есть иллюзія, то и все иллюзія и въ особенности историческій матеріализмъ.

Русскій историкъ Милюковъ говоритъ именно въ этомъ смыслѣ, что матеріальность экономическихъ отношеній только кажущаяся, такъ какъ экономика совершается въ той же психической средѣ, въ которой совершаются и другія явленія общественной жизни. Въ такое заявленіе Милюкова я внесъ бы только такую поправку: экономика проистекаетъ тоже изъ субъективныхъ мотивовъ, изъ различныхъ такъ называемыхъ потребностей, о которыхъ вынуждены говорить и экономическіе матеріалисты. Однимъ словомъ, устраните

сознаніе—и вы устраните науку и философію, а также и экономику, и вмѣстѣ съ ней и самый экономическій матеріализмъ.

37. Стало быть, марксизмъ есть рѣшительный иллюзіонизмъ. Но ни Марксъ, ни Энгельсъ не обосновали въ достаточной степени своего иллюзіонизма, ни психологически, ни соціологически. Мы уже имѣли случай констатировать, что понятіе идеологіи остается въ марксизмѣ неуясненнымъ.

Психологія признаетъ сознаніе очевиднымъ и достовѣрнымъ фактомъ—въ концѣ концовъ мы и сами суть ничто иное, какъ наше сознаніе. Такая очевидность и достовѣрность сознанія не исключаетъ, однако, самыхъ разнообразныхъ ошибокъ, самообмановъ и иллюзій—объ этомъ мы можемъ подробно узнать изъ любого учебника психологіи.

Что же касается спеціально термина: иллюзія, то я тутъ не имѣю въ виду установленнаго психологами техническаго термина (обманъ чувствъ), я употребляю терминъ иллюзія, иллюзіонизмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкоторые этики говорятъ, что альтруизмъ есть иллюзія, такъ какъ такъ называемая не эгоистическая любовь къ ближнему въ сущности есть эгоизмъ. Точно также мы можемъ обманываться и относительно другихъ чувствъ, относительно ихъ содержанія, ихъ силы и т д.; такой самообманъ возможенъ и относительно воли, однимъ словомъ, относительно всякой духовной дѣятельности—иллюзіонизмъ, абсолютный иллюзіонизмъ. Въ изящной литературѣ прелесть реалистической психологіи и состоитъ именно въ томъ, что она открываетъ намъ истинную сущность человѣка. Научная психологія, именно ассоціаціонизмъ, въ этомъ отношеніи была предшественницей знаменитыхъ русскихъ, норвежскихъ и другихъ художниковъ слова.

Марксъ могъ бы нѣчто узнать о своей психологической задачѣ отъ Шопенгауера. У Шопенгауера мы видимъ разработанную, разумѣется, съ идеалистической точки зрѣнія, систему иллюзіонизма; міръ, а также и міръ внутренній, не то, чѣмъ онъ намъ представляется; онъ есть слѣпая воля. Шопенгауеръ тоже признаетъ мотивы иллюзіей и съ этой точки зрѣнія не признаетъ никакого этическаго императива—Марксъ могъ бы изъ сложной психологіи Шопенгауера понять, что значитъ не только утверждать иллюзорность сознанія, но и отстаивать ее въ противуположность обыкновенному сознанію. Во всякомъ случаѣ иллюзіонизмъ Маркса объективный—крайній объективизмъ приводитъ къ иллюзіонизму также, какъ и крайній субъективизмъ.

Разъ можно тѣмъ или инымъ способомъ истолковывать сознаніе и жизнь, то понятно, что подобнымъ же образомъ можно толковать и исторію—можно утверждать, что ея смыслъ, содержаніе и цѣль не тѣ, какими они представляются. Мы обладаемъ иллюзіей сознанія и можемъ также обладать и иллюзіей историческаго развитія.

Потому не удивительно, что Марксъ и Энгельсъ видятъ сущность человѣка и исторіи въ другомъ, а не въ томъ, въ чемъ видятъ ее другіе—удивительно только то, что они не пытались надлежащимъ образомъ доказать свое ученіе.

Марксъ долженъ былъ формулировать болѣе точно свой иллюзіонизмъ не только психологически, но и соціологически. Для этого Марксъ долженъ бы былъ указать, какимъ образомъ появляется иллюзія индивидуальнаго сознанія въ противуположность сознанію коллективному; во вторыхъ вопросъ о коллективномъ сознаніи имѣлъ еще и другую, историческую, сторону: обусловленно ли сознаніе исторически, какъ и въ какой степени? Марксъ говоритъ, что человѣчество до сихъ поръ спало и только теперь пробуждается—что же это за сонъ и каково пробужденіе? Объ этомъ будетъ рѣчь далѣе (§§ 49); здѣсь я говорю объ этой проблеммѣ только затѣмъ, чтобы уяснить недостатки психологіи и соціологіи Маркса.

Какъ уже сказано, эти психологическіе и соціологическіе пробѣлы обусловливаются метафизикой Маркса—его матеріализмомъ. Марксъ дѣйствительно поставилъ Гегеля вверхъ ногами: пантеизмъ Гегеля, съ философской и соціологической точки зрѣнія, былъ попыткой пріодолѣть иллюзію индивидуальнаго сознанія и особенно иллюзію чувства посредствомъ высшаго разума. Матеріализмъ Маркса, наоборотъ, подчиняетъ разумъ иллюзіи и притомъ подчиняетъ не чрезъ чувства. «Мыслить значитъ читать евангеліе чувствъ въ ихъ связи»—сказалъ Фейербахъ—а Марксъ вообразилъ, что можно читать посредствомъ чувствъ. Онъ не понялъ того, что всякое послѣдовательное мышленіе, всякая философія есть постоянная критика иллюзій, побѣда надъ разнообразными иллюзіями. Одни видятъ источникъ иллюзій въ чувствахъ (христіанство, идеалистическая философія), другіе въ разумѣ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Марксъ. Онъ отличается отъ своихъ критическихъ предшественниковъ только тѣмъ, что онъ некритиченъ. Марксъ не понялъ того, что всякая наука, всякая философія, хотя бы и самая эмпирическая, есть объясненіе міра и жизни. Смыслъ жизни и міра нельзя узрѣть, нельзя его и фотографировать; а объяснять—это значитъ вѣчно искать.

38. Матеріализмъ и крайній объективизмъ Маркса невозможенъ, потому что онъ непослѣдователенъ; безъ сознанія нѣтъ исторіи; безъ психологіи нѣтъ и соціологіи, нѣтъ даже и историческаго матеріализма. Все разнообразіе и полнота общественной и исторической жизни есть сама по себѣ психическая дѣятельность—общество есть совокупность сознающихъ личностей.

Потому всѣ соціологическія категоріи должны въ концѣ концовъ приводиться къ различнымъ духовнымъ дѣятельностямъ. Сами эти дѣятельности приводится къ тремъ высшимъ психическимъ категоріямъ—къ дѣятельностямъ чувства, разума и воли. Разумъ (мы называемъ разумомъ воспріятія, представленія, сужденія и другіе акты разума), чувства (очень разнообразныя) и воля (волей мы называемъ разныя влеченія и такъ называемыя сложныя отношенія, а также и сознательную волю) суть конечные и высшіе психическіе, а, стало быть, и соціальные элементы.

Все разнообразіе и полнота духовной, какъ индивидуальной, такъ и соціальной, исторической жизни приводится, стало быть, къ этимъ тремъ главнымъ категоріямъ психической дѣятельности.

Понятно, что эти категоріи отнюдь не простыя. Психологи пытаются свести все разнообразіе духовной жизни къ возможно меньшему числу принциповъ; такъ напр., Декартъ пытался свести все богатство чувствованій къ шести основнымъ, а Спиноза даже къ тремъ. Изъ этого стремленія произошла ассоціонная психологія и вообще вся новая научная психологія.

Психологи пытаются также опредѣлить и взаимоотношенія этихъ категорій. И вотъ тутъ то и появляется вопросъ, какая психическая дѣятельность есть основная. Уже издавна разумъ считали основной и первоначальной дѣятельностью; первоначальной въ томъ смыслѣ, что отъ разума зависятъ чувства и воля. Въ настоящее время, однако, чувство и воля все болѣе и болѣе признаются первоначальными и разумъ подчиняется имъ.

Понятно, что тутъ дѣло идетъ не о логической дѣятельности, а о психологической; психологія, задавая вопросъ о первенствѣ разума, хочетъ разрѣшить другой вопросъ: какова въ сущности Vis motrix, истинная психическая, а, стало быть, и соціальная и историческая дѣйствующая сила?

Я не буду здѣсь останавливаться на этомъ важномъ вопросѣ, я хочу только уяснить при помощи ученія Шопенгауера основную проблемму экономическаго матеріализма. Шопенгауеръ, утверждая первенство воли, учитъ, что воля въ человѣкѣ и въ исторіи есть истинная движущая сила, что разумъ второстепенная, подчиненная волѣ сила. Мы не будемъ обсуждать, насколько основательно такое ученіе; для насъ интересно только то, какъ Марксъ долженъ бы былъ формулировать вопросъ объ истинной движущей силѣ въ человѣкѣ и въ исторіи.

Контъ также, какъ и Шопенгауеръ, подчиняетъ разумъ чувству и волѣ. Оба они въ этомъ отношеніи исходятъ отъ Юма, искавшаго въ чувствахъ движущихъ этическихъ силъ.

Кантъ отстаивалъ противъ Юма первенство разума, но онъ понималъ разумъ не такъ пассивно, какъ Юмъ, онъ видѣлъ въ немъ активную, создающую силу.

Разумъ формируетъ и дѣлаетъ возможнымъ опытъ, онъ создаетъ категоріи и регулятивныя идеи для своей дѣятельности, а также повелѣваетъ и чувствамъ своимъ категорическимъ императивомъ.

Туже активную дѣятельность разума мы находимъ и въ діалектикѣ Гегеля. Марксъ принялъ эту діалектику, но матеріализировалъ ее, такимъ образомъ онъ пришелъ къ нѣкоторому соглашенію съ Шопенгауеромъ. По мѣрѣ того, какъ Марксъ усматривалъ истинную сущность человѣка не въ теоріи, а въ практикѣ, его матеріализмъ согласовался съ психологіей Шопенгауера. Мы уже видѣли, что марксисты очень часто замѣняютъ производительныя отношенія физическими потребностями—Энгельсъ и еще болѣе Каутскій формулировали экономическій матеріализмъ именно такимъ образомъ.

Экономическій матеріализмъ въ концѣ концевъ ставитъ себѣ такой психологическій и соціологическій вопросъ: что, собственно говоря, движетъ человѣкомъ, будемъ ли мы разсматривать его, какъ личность или какъ члена общественнаго и историческаго цѣлаго? Имѣется ли только одна vis motrix, движущая сила? Или такихъ движущихъ силъ много? Существуетъ ли рядомъ съ главной движущей силой еще и другія, подчиненныя? Въ чемъ вообще состоитъ духовная дѣятельность человѣка и въ особенности въ чемъ состоитъ ея самопроизвольность (орудіе тоже дѣятельно, и, однако, оно пассивно, т. е. имъ движетъ рука или сила пара)?

Насколько сильна эта самопроизвольность, т. е. въ какой степени человѣкъ увлекается впередъ его средой, судьбой, провидѣніемъ; и до какой степени мы овладѣли своей индивидуальной и исторической жизнью? До какой степени мы независимы отъ природы и отъ внѣшняго развитія; однимъ словомъ, до какой степени мы свободны?

39. Стремленіе Маркса къ истинно научной исторіи неудалось вслѣдствіе его матеріалистическихъ предразсудковъ. И дѣйствительно, такимъ образомъ невозможно понять, почему психическая жизнь менѣе реальна, чѣмъ физическая, чѣмъ природа. Во всякомъ случаѣ психическая дѣятельность своеобразна и отличается отъ физическихъ явленій, но она не менѣе ихъ реальна—если, конечно, мы не будемъ смѣшивать реальное съ осязаемымъ, измѣряемымъ и т. д. Но ультраобъективизмъ и ультраматеріализмъ Маркса ищетъ критерія истины только въ вещественномъ.

Обращаясь спеціально къ производственнымъ отношеніямъ, мы видимъ, что они предполагаютъ идеологію, какъ должны были въ концѣ концовъ признать и самъ Марксъ и марксисты. Марксъ признаетъ, что каждая работа соотвѣтствуетъ предвзятой цѣли, что самый плохой строитель «строитъ клѣтку въ своей головѣ раньше, чѣмъ построитъ ее изъ воску» «въ концѣ процесса труда получается результатъ, уже съ самаго начала существовавшій въ представленіи рабочаго, т. е. идеально».

Потому въ концѣ то концевъ весь экономическій матеріализмъ сводится къ вопросу объ цѣнности вещей и жизни—къ вопросу, на

который не такъ то легко отвѣтить, какъ это воображаетъ позитивистъ Марксъ. Объ этомъ вопросѣ я не буду спорить съ матеріалистами—для меня важны психологическая и соціологическая стороны вопроса—и въ вопросѣ о сужденіи о цѣнности мы очень далеки отъ такого догматическаго рѣшенія, какое даетъ Марксъ. Во всякомъ же случаѣ несомнѣнно одно, что мы имѣемъ право на оцѣнку различныхъ психическихъ дѣятельностей и что этическія, эстетическія и научныя категоріи не менѣе реальны, чѣмъ хлѣбъ и вода. Добро и зло, страхъ и надежда, любовь и ненависть, удовольствіе и неудовольствіе, доставляемыя намъ природой и произведеніями искусства и т. д.—все это столь же реально, какъ и желѣзныя дороги и склады товаровъ. Когда мнѣ кто нибудь скажетъ, что для него лично цѣнность имѣютъ только желѣзныя дороги и склады товаровъ, то я пойму его; но онъ не имѣетъ права говорить, что вся духовная жизнь основана на желѣзныхъ дорогахъ и складахъ, что она обусловливается, производится ими.

Вообще о міросозерцаніи мы будемъ трактовать дальше; здѣсь для насъ важно только указать на то, что матеріализмъ Маркса есть непереваренный позитивизмъ.

Въ презрѣніи къ идеологіи мы видимъ уже извѣстные намъ элементы философіи Фейербаха и Конта. Фейербахъ признавалъ философію чисто отрицательной; Марксъ воспринялъ это положеніе, но онъ воспринялъ также и ученіе Фейербаха и Конта объ антропоморфизмѣ и потому онъ объявляетъ, что всякая идеологія, какъ иллюзія, не имѣетъ цѣнности и не реальна.

Но Марксъ, какъ уже сказано, не продумалъ, какъ надлежало, вопроса объ антропоморфизмѣ. Онъ забылъ, что онъ признаетъ прежнее экономическое развитіе мифической первобытной исторіей человѣчества, что, стало быть, прежнее хозяйство, до капитализма включительно, столь же мифично (антопоморфично), какъ и идеологія. Въ какомъ же смыслѣ можно утверждать, что экономика реальнѣе идеологіи?

Вотъ тутъ и приходится плохо позитивизму Маркса. Марксъ и Энгельсъ противупоставляютъ прежнему, нереальному мифу точную науку, спеціально естествознаніе, какъ реальное и говорятъ, что новый экономическій строй долженъ зиждиться на этой реальной, позитивной наукѣ.

Но, вѣдь, и позитивная наука есть тоже идеологія. А это обозначаетъ вотъ что: если признаваемая Марксомъ и Энгельсомъ положительная наука развилась и организировалась при старомъ капиталистическомъ экономическомъ строѣ, то это доказываетъ, что идеологія не простая надстройка и что надстройка не «рушится медленнѣе или быстрѣе» при измѣненіи экономической основы.

Нельзя въ виду такого саморазрушенія экономическаго матеріализма возражать, что слѣдуетъ различать двойную идеологію: не

положительную, не реальную («идеологическую идеологію»), и положительную и реальную. Потому что и при подобномъ различеніи экономическій матеріализмъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ его приверженцы сами признаютъ, что точное мышленіе и сознательная воля создаютъ новыя и лучшія экономическія отношенія.

Во всякомъ случаѣ есть различіе между точнымъ и неточнымъ, здравымъ и фантастическимъ, мифическимъ и научнымъ мышленіемъ; такому различію соотвѣтствуетъ и точная или неточная и т. д. практика, въ особенности экономика; но ни въ какомъ случаѣ мышленіе и идеологія вообще не зависятъ отъ экономической практики, какъ утверждаетъ Марксъ. Такимъ образомъ именно «научный» соціализмъ Маркса есть принципіальное отрицаніе экономическаго матеріализма: приверженцы научнаго соціализма уже теперь имѣютъ въ ихъ представленіи, говоря словами самого Маркса, будущій коммунистическій строй; этотъ будущій экономическій строй идеально уже существуетъ, онъ уже построенъ въ научно мыслящихъ головахъ—стало быть, экономическій базисъ Маркса есть совсѣмъ не базисъ, а надстройка надъ идеологіей.

40. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о стремленіи Маркса обосновать при посредствѣ экономическаго матеріализма научность исторіи, въ связи съ новѣйшимъ развитіемъ исторіи.

Исторія есть наука, характерная для нашей эпохи. Ея методъ и ея содержаніе замѣтно измѣнились въ теченіи этого вѣка. Старый хронологизмъ и повѣствованіе о такъ называемыхъ великихъ государственныхъ актахъ и о выдающихся историческихъ личностяхъ замѣнились изученіемъ такъ называемыхъ обычныхъ общественныхъ явленій; исторія старается найти законы, управляющіе обществомъ и его развитіемъ. Исторія теперь интересуется не одной только политикой; она хочетъ узнать и о происхожденіи и развитіи религіи и церкви, наукъ и философіи, искусства, труда и экономики, языка и литературы—въ настоящее время почти не имѣется ни одного предмета, не разрабатываемаго исторіей. Историзмъ, какъ методъ и направленіе мышленія, сдѣлался необходимымъ условіемъ современнаго міросозерцанія—и я уже неоднократно замѣчалъ, что этотъ историзмъ сильно преувеличивается.

Къ исторіи въ настоящее время примыкаетъ и изученіе древностей и остатковъ доисторическаго времени; археологія работаетъ съ помощью этнологіи и антропологіи, съ помощью геологіи и даже современной космологіи надъ исторіей человѣчества со временъ Адама.

Но и этого не достаточно для современнаго историзма: при помощи сравнительной зоологіи и біологіи (эволюціонизмъ) онъ разыскиваетъ предковъ Адама, онъ изслѣдуетъ тайну происхожденія человѣка, общества и всего міра. Исторія превращается въ контроль мірозданія.

Современный человѣкъ не довольствуется болѣе знаніями о прошломъ; будущее чаруетъ и привлекаетъ и его логику и его фантазію—и исторія превращается въ исторію будущаго. Человѣкъ хочетъ управлять обществомъ и міромъ; знаніе даетъ ему силу, а могущественнѣйшее изъ знаній — это предвидѣніе. Появляются научные, позитивные пророки и прорицатели—и въ числѣ ихъ Марксъ и Энгельсъ и научный соціализмъ вообще.

Такое настроеніе, такое интенсивное вниманіе къ общественному развитію есть явленіе новѣйшаго происхожденія. Марксъ и вообще соціалисты утверждаютъ, будто общество только въ нашемъ столѣтіи сознало свое историческое движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ измѣненіи; экономическіе перевороты становятся болѣе частыми и болѣе быстрыми и въ силу этого появилось историческое сознаніе новой эпохи.

Это не вѣрно. Сознаніе новаго времени, сознаніе, что мы прогрессируемъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, что необходимы измѣненія, появилось впервые въ религіозной сферѣ (реформація), въ наукахъ, въ философіи и въ искусствѣ (возрожденіе). Исторія этихъ сферъ человѣческой дѣятельности съ полной очевидностью доказываетъ это; послѣдующія общественныя и экономическія измѣненія только усилили и расширили это сознаніе. Въ особенности подѣйствовала въ этомъ направленіи великая революція прошлаго столѣтія.

Соціализмъ, также, какъ и соціологія, какъ и усердная разработка всѣхъ общественныхъ наукъ, до исторіи включительно, суть выраженіе укрѣпившагося сознанія, что общественная организація несовершенна и незакончена.

Соціализмъ болѣе практическое, политическое выраженіе этого сознанія, а соціологія болѣе теоретическое. Современная соціологія вообще есть выраженіе того факта, что общество послѣ революціонной эпохи сознало свои соціально политическія задачи Раньше жили больше по привычкѣ, менѣе сознательно; общественныя измѣненія, сознаніе, что мы старше нашихъ предковъ—вотъ что породило соціальное сознаніе нашего вѣка.

Соціализмъ, какъ попытка созданія новаго общества, естественно долженъ опираться на соціологію; и совершенно понятно, что Марксъ и марксистъ требуютъ созданія новой исторической науки. При этомъ мы никогда не должны упускать изъ виду, что у Маркса слова: исторія, историческій охватываютъ всю сферу изученія общественной исторіи. Для того, чтобы уяснить вполнѣ понятіе Маркса о научной исторіи, мы должны сопоставить его научные труды на основаніи органической классификаціи хотя бы однѣхъ общественныхъ наукъ съ развитіемъ новѣйшей соціологіи, конкретныхъ общественныхъ наукъ и политики [1]).

[1]) О исторіи соціологіи и соціальныхъ и политическихъ наукъ см.

Сначала установлена была абстрактная соціологія, какъ основа конкретныхъ и практическихъ (политическихъ) общественныхъ наукъ. Если принять во вниманіе только современное развитіе наукъ, то истинными творцами современной соціологіи слѣдуетъ признать Вико и Конта [1]).

Въ Германіи абстрактная соціологія разработывалась преимущественно въ формѣ философіи исторіи—Гердеръ и Гегель. У чеховъ подъ вліяніемъ Гегеля ввелъ философію исторіи Колларъ.

Нѣмцы въ соціологіи придаютъ особое значеніе исторіи, французы—существующему обществу, англичане—политикѣ.

Въ Германіи большее значеніе для соціологіи имѣли государственныя науки и ихъ исторія; въ нихъ влита значительная часть соціологическаго матеріала. Къ нимъ примыкаетъ и статистика въ широкомъ смыслѣ слова, какъ она понимается въ настоящее время; въ ней тоже содержится много соціологіи (Кетле).

Экономика со временъ А. Смита занимаетъ въ общественномъ сознаніи столь значительное мѣсто, что уже Конту пришлось защищать соціологію, какъ особую науку объ обществѣ, противъ экономистовъ; этотъ протестъ Конта примѣнимъ и къ Марксу, тоже смѣшивавшему и отождествлявшему соціологію съ экономикой.

Многіе считаютъ современную этнологію настоящей соціологіей; они по крайней мѣрѣ требуютъ отъ соціологіи большей точности посредствомъ введенія въ нее этнологіи—таковъ напр. Куновъ. Энгельсъ ввелъ въ систему Маркса всего Моргана. Въ дѣйствительности же этнологія (или этнографія, если придается большее значеніе описанію, чѣмъ соціологическому объясненію) есть конкретная общественная наука, попытка описанія различныхъ народовъ; она въ настоящее время почти тоже для соціологіи, что Робинзонъ для современнаго реалистическаго романа. Этнологія должна сдѣлаться научнымъ описаніемъ европейскихъ народовъ; почему, въ самомъ дѣлѣ, такое описаніе будетъ менѣе интересно и поучительно, чѣмъ описаніе ирокезовъ? Для такого научнаго описанія цивилизованныхъ народовъ уже собранъ громадный матеріалъ (статистика экономическая, насе-

---

Жане — Исторія политической науки въ ея отношеніяхъ съ нравственностью. 1887 г. Рохоль — Философія исторіи 1878. Поллокъ—Введеніе въ исторію политическихъ наукъ 1895. Бартъ — Философія исторіи 1897. Штейнъ—Соціальный вопросъ 1897. Куновъ—Соціологія, этнологія и матеріалистическое пониманіе исторіи (Neue Zeit 1893).

[1]) Я не называю цѣлый рядъ авторовъ, Гоббса, Локка и др., способствовавшихъ построенію соціологіи. Со времени эпохи возрожденія кромѣ математики и естествознанія разработывали психологію и общественныя науки; но соціологія довольно долго служила только политическимъ, практическимъ цѣлямъ до тѣхъ поръ, пока Вико и въ особенности Контъ не создали теоретической соціологіи и не опредѣлили болѣе точно ея отношенія къ другимъ отраслямъ знанія.

ленія, гигіены, моральная статистика, исторія литературы и т. д.); отсутствуютъ пока научная обработка и обобщенія.

Отъ этнологіи слѣдуетъ отдѣлить одну изъ конкретныхъ соціальныхъ наукъ: науку о національностяхъ — эта отрасль знанія еще недостаточно установлена.

Въ Германіи, правда, была создана психологія народовъ; поскольку она не есть изслѣдованіе о языкахъ (эти изслѣдованія составляютъ главное содержаніе Zeitschrift fur Völkerpsychologie), она есть попытка обосновать соціологію на психологіи, создать то, что американскіе соціологи называютъ общественной психологіей.

Подъ именемъ фольклористики понимаютъ нѣсколько неопредѣленную научную дисциплину, занимающуюся изученіемъ народной литературы и народныхъ міросозерцаній.

Современная антропологія есть, собственно говоря, отрасль зоологіи; но она тоже занимается многими соціальными вопросами. Конечно, соціологъ въ антропологіи, а также и въ зоологіи найдетъ нѣкоторыя полезныя указанія. Современный эволюціонизмъ имѣлъ значительное вліяніе на соціологію; подъ этимъ вліяніемъ находились и Марксъ и Энгельсъ.

Современная географія имѣетъ своимъ предметомъ помимо описанія земли, флоры и фауны также и описаніе человѣческаго общества (политическая географія). Изъ школы Риттера вышла попытка Ратцеля создать антропогеографію—это просто расширеніе мезологіи Конта, изученія внѣшнихъ вліяній на общество.

Политика, какъ практическая наука, все еще недостаточна отдѣлена отъ наукъ теоретическихъ, на которыхъ она основывается; она раздѣляется на соціологію, государственныя науки и экономику (экономическая политика), этику и педагогію и наконецъ исторію, поскольку эта послѣдняя все еще является исторіей политическаго развитія по преимуществу.

Философское и научное развитіе Маркса и Энгельса и ихъ работы происходили въ эпоху такихъ усиленныхъ занятій соціологіей и исторіей—направленіе ихъ мышленія соціально-историческое.

Марксъ исходитъ изъ философіи исторіи Гегеля, потомъ, во Франціи, онъ изучаетъ С. Симона, Конта, французскихъ соціалистовъ и историковъ и наконецъ учится у англійскихъ классическихъ и соціалистическихъ экономистовъ и историковъ. Со временемъ Марксъ и Энгельсъ воспринимаютъ различные новые ученія и методы (дарвинизмъ, этнологически — археологическія изслѣдованія Моргана, Маурера) и все это обработываютъ въ свою систему историческаго матеріализма.

Историческій матеріализмъ—это прежде всего сліяніе гегелевской діалектики съ фейербаховскимъ матеріализмомъ. У Маркса общее съ Гегелемъ абстрактность и стремленіе къ діалектическимъ пост-

роеніямъ; Фейербахъ является вдохновителемъ экономическаго матеріализма своимъ философскимъ матеріализмомъ вообще и такими положеніями, какъ «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ», «у кого нѣтъ искусства, у того нѣтъ и воли»—въ особенности. Этотъ матеріализмъ уяснился и усилился у Маркса благодаря вліянію французскихъ соціалистовъ.

Экономическій матеріализмъ еще болѣе усилилъ заимствованный Марксомъ у Гегеля произволъ въ философіи исторіи—онъ одностороненъ и несостоятеленъ. И несостоятеленъ онъ именно потому, что Марксъ въ своемъ стремленіи къ научной, не просто описательной, но и объясняющей исторіи, остановимся на матеріализмѣ, и спеціально на экономическомъ.

Вліяніе метода Гегеля было такъ сильно, что Марксъ приступалъ къ своей задачѣ безъ всякой критики. Марксъ совершенно также, какъ и Гегель и большинство писавшихъ философіи исторіи, оперируетъ съ основными соціологическими понятіями, не подвергая ихъ критикѣ (это вообще характерно для тогдашней философіи исторіи); понятія объ историческомъ развитіи, о народѣ, государствѣ, цивилизаціи, прогрессѣ и регрессѣ, объ упадкѣ и т. д. не обработываются систематически; въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣлаются кое гдѣ, попутно, критическія замѣчанія. Марксъ и Энгельсъ не понимали того, что цѣлая масса историческихъ и соціальныхъ изслѣдованій и разнообразіе ихъ методовъ ставятъ соціологу и историку задачу о критикѣ, которую по знаменитому образцу Канта можно бы было назвать критикой соціальнаго и историческаго разума. Контъ, Милль, и др. сдѣлали попытки въ этомъ направленіи—а Марксъ не понялъ этой критической задачи своего историческаго, даже чрезмѣрно историческаго времени, въ этомъ помѣшали ему—гегеліанство и матеріализмъ.

41. Мы уже знаемъ, кто были наиболѣе видные изъ предшественниковъ Маркса въ экономическомъ объясненіи общественной жизни и исторіи; здѣсь мы постараемся дополнить картину этого научнаго развитія.

Старые политики, соціологи и историки видѣли главнѣйшую общественную и историческую движущую силу въ религіи (въ церкви) и въ государствѣ; историческія эпохи дѣлились соотвѣтственно стадіямъ религіознаго и политическаго развитія. Уже въ XVIII столѣтіи мы встрѣчаемъ попытки точнѣе уяснять общественныя и историческія явленія. Развивается не только новая историческая критика и стремленіе къ точному констатированію фактовъ, но и соціологическое и философское объясненіе; стараются опредѣлить различныя историческія силы. Кромѣ церкви и государства въ сферу исторіографіи вступаетъ и національность (Гердеръ, потомъ Фихте и др.); Монтескье изслѣдуетъ вліяніе климата, Гердеръ, Руссо и др. — вліяніе природы вообще. Естествознаніе, географія и пр. дѣлаютъ изученіе вліянія природы на человѣка важной отраслью соціологіи.

Экономическія отношенія тоже имѣютъ для историковъ восемнадцатаго вѣка гораздо большее значеніе, чѣмъ, повидимому, полагаютъ Марксъ и Энгельсъ. Напримѣръ Юстусъ Мозеръ (Предисловіе къ исторіи Оснабрюка 1768—Патріотическія фантазіи) говоритъ, что отношенія поземельнаго владѣнія составляютъ центръ нѣмецкой исторіи; для Мозера вестфальскій крестьянинъ есть человѣкъ par excellence. Такіе взгляды распространяются и физіократами, а послѣдователи Адама Смита особенно настаиваютъ на важности экономическихъ интересовъ и дѣлаютъ этотъ взглядъ общимъ достояніемъ. Марксъ и Энгельсъ совершенно забываютъ о важныхъ научныхъ заслугахъ Таера. (Thaer) и его многочисленныхъ послѣдователей, значительно способствовавшихъ созданію исторіи земледѣлія и экономическаго развитія вообще [1]).

Соціалисты пошли дальше по этой дорогѣ; мы находимъ у Сенъ-Симона, Прудона и др. тѣже формулы, что и у Маркса. Они также, какъ и онъ, видятъ въ экономическихъ отношеніяхъ самую важную изъ общественныхъ и историческихъ движущихъ силъ; Сенъ-Симонъ видитъ сущность современнаго государства въ владѣніи и прямо признаетъ организацію владѣнія фундаментомъ общественнаго зданія; онъ указываетъ также и на значеніе экономическихъ классовъ; Луи Бланъ и другіе настаиваютъ на могуществѣ и значеніи пролетаріата; Прудонъ ставитъ трудъ основой своихъ изслѣдованій. Учитель Прудона и Маркса, Контъ, также указываетъ, какое основное значеніе для новаго общества и для его исторіи имѣетъ промышленность; онъ не только противупоставляетъ современный индустріализмъ старому милитаризму, но и признаетъ, подъ очевиднымъ вліяніемъ Сенъ Симона, промышленность важнѣйшей основой (principale base) современной общественной организаціи.

Очевидно, во всякомъ случаѣ, что въ сороковыхъ годахъ, когда Марксъ началъ заниматься экономикой и соціологіей, экономическій матеріализмъ уже существовалъ.

Марксъ разработалъ или, вѣрнѣе сказать, высказалъ этотъ матеріализмъ подъ вліяніемъ этихъ его предшественниковъ и современниковъ—въ сущности, онъ только формулировалъ то, что, какъ го-

---

[1]) Напомню о Лангеталѣ. — Исторія нѣмецкаго земледѣлія 1847. Самъ Энгельсъ (въ вышецитированномъ письмѣ) хвалитъ сочиненіе Гюлиха. (Общественное описаніе торговли, законовъ и земледѣлія важнѣйшихъ торговыхъ государствъ нашего времени 1830—45). Слѣдуетъ замѣтить, что Гюлихъ тоже, какъ и Таеръ, обращаетъ особое вниманіе на англійскія экономическія отношенія—такъ что и тутъ Марксъ и Энгельсъ не были первыми.

ворится, носилось уже въ воздухѣ. Потому то я въ своемъ изложеніи хода развитія Маркса и не придаю особаго значенія отдѣльнымъ вліяніямъ [1]).

Ни Марксъ, ни Энгельсъ, ни послѣдующіе марксисты не дали намъ точной формулы историческаго матеріализма. Марксъ воспринялъ отъ своихъ предшественниковъ не одну формулу, а, соотвѣтственно положенію историческихъ и соціальныхъ изслѣдованій того времени, многія—и занялся ихъ соціологическимъ синтезомъ. Эти различныя формулы представлялись ему послѣдствіемъ фейербаховскаго матеріализма. Въ то время, когда Лабихъ, не будучи матеріалистомъ, объяснялъ погибель греко-римской и испанской культуръ истощеніемъ почвы (недостаткомъ въ ней фосфатовъ и поташа); во время общераспространенныхъ натурализма и реализма, попытки Маркса дать строго научное историческое объясненіе были вполнѣ естественными. Марксъ и Энгельсъ, говоря объ историческомъ матеріализмѣ, имѣли въ виду не одни производственныя отношенія, а также и технику; и пути сообщенія и т. д. (по мнѣнію Дюбуа Реймона римляне погибли отъ отсутствія естествознанія и техники). Энгельсъ кромѣ экономическихъ отношеній принимаетъ во вниманіе и законы народонаселенія, на которые все больше и больше обращали вниманіе съ конца прошлаго вѣка; Энгельсъ и Марксъ принимаютъ дарвинизмъ, они вводятъ въ свое объясненіе исторіи результаты изслѣдованій Моргана—такъ что предшественниками Маркса слѣдуетъ считать не однихъ только Штейна, Сенъ-Симона и пр. Роджерсъ, напр., разработалъ свои взгляды, до извѣстной степени совпадающіе съ взглядами Маркса, одновременно съ нимъ, но не будучи съ нимъ знакомымъ [2]).

Историческій матеріализмъ, или, вѣрнѣе сказать, болѣе вѣрная оцѣнка значенія экономическихъ отношеній для жизни и развитія общества и меньшая оцѣнка значенія идеологическихъ факторовъ. въ настоящее время составляетъ обезпеченное достояніе соціологіи, исторіи и политики. Приверженцы матеріализма Маркса ищутъ поэтому своихъ предшественниковъ, въ такомъ широкомъ смыслѣ или въ такъ называемомъ реалистическомъ пониманіи исторіи, въ относительно отдаленномъ прошломъ; напр., Бернштейнъ указываетъ на Макіавели [3]).

Изъ современныхъ соціологовъ, находящихся отчасти подъ вліяніемъ Конта, а отчасти Спенсера, къ послѣдователямъ реалистическаго и даже прямо матеріалистическаго пониманія исторіи слѣдуетъ причислить Дюркгейма (онъ видитъ главную движущую силу развитія въ раздѣленіи труда), Лоріа (исповѣдуетъ историческій матеріализмъ Маркса), Лабріолу и до извѣстной степени Тённіеса.

Новая исторіографія тоже доказываетъ, что современные историки обращаютъ большее вниманіе на экономическія отношенія — таковы теологъ Янсенъ, Лампрехтъ, Бецольдъ. Англичанинъ Роджерсъ предлагаетъ экономическое истолкованіе исторіи; русскій историкъ Милюковъ излагаетъ исторію русской культуры, обращая постоянно вниманіе на экономическое развитіе [1]). Если принять во вниманіе громадное количество изслѣдованій по экономической исторіи и по исторіи экономическихъ ученій, то жалобы марксистовъ на идеологичность исторіи и соціологіи представляются совершенно неосновательными.

Потому то вліяніе историческаго матеріализма Маркса слабѣе, чѣмъ можно бы было ожидать при значительномъ политическомъ вліяніи марксизма. Марксъ и Энгельсъ не только не точно формулировали свои взгляды, но они сами были только эхомъ общераспространеннаго и въ значительной степени общепризнаннаго направленія.

---

[1]) Мы уже говорили о вліяніи Лоренца Штейна. Брентано указываетъ на странное совпаденіе взглядовъ Маркса съ мнѣніями консерватора Лаверня Пегуильена (Законы движенія и производства. 1838). Но такое совпаденіе отнюдь не доказываетъ, что Марксъ заимствовалъ свой матеріализмъ у Лаверня.

[2]) Экономическое истолкованіе исторіи.

[3]) Neue Zeit 1895—96.

[1]) Янсенъ.—Исторія нѣмецкаго народа съ конца среднихъ вѣковъ 1881. Лампрехтъ —Исторія германскаго народа. Бецольдъ.—Исторія нѣмецкой реформаціи 1890. Милюковъ.—Очерки по исторіи русской культуры (Милюковъ прямо отвергаетъ крайній историческій матеріализмъ).

IV.

Организація классоваго общества. Историческіе законы и теорія развитія.

A.

„Движущая сила движущихъ силъ“ — Энгельса: классовая борьба. Масса и личность.

42. Нашъ анализъ историческаго матеріализма еще далеко незаконченъ. Послѣ общихъ и преимущественно методологическихъ разъясненій, данныхъ въ предыдущей главѣ, обратимся къ разъясненію соціологическаго ученія Маркса относительно общественной организаціи и ея развитія—стало быть, относительно того, что по существу составляетъ основное ученіе Маркса о философіи исторіи, или его исторической діалектики, употребляя выраженія Энгельса.

Для того, чтобы приступать къ такому изслѣдованію, я по принятому мной правилу сначала изложу повозможности подробно разъясненія Энгельса и потомъ преступлю къ критикѣ и анализу ихъ [1]).

Энгельсъ исходитъ изъ тождественности природы и исторіи (матеріализмъ Маркса не допускаетъ существеннаго различія между этими двумя сферами), но вопреки этому тождеству онъ признаетъ значительное различіе между развитіемъ общества и природы въ одномъ пунктѣ — именно въ томъ, что въ природѣ господствуютъ слѣпыя, «безсознательныя» силы, что въ ней нѣтъ ничего происходящаго ради сознательной и желаемой цѣли, тогда какъ въ исторіи общество дѣятели суть одареные сознаніемъ, дѣйствующіе обдуманно и страстна и стремящіеся къ опредѣленнымъ цѣлямъ люди — тутъ ничто не

[1]) Энгельсъ.—Фейербахъ, 50—55.

происходитъ безъ сознательнаго намѣренія, безъ желаемой цѣли. Несмотря, однако, на это различіе ходъ исторіи управляется общими внутренними законами. Въ исторіи несмотря на сознательныя цѣли личностей господствуетъ въ цѣломъ, повидимому, съ перваго, поверхностнаго взгляда, случай; только рѣдко происходитъ желаемое, въ большинствѣ же случаевъ цѣли перекрещиваются и противорѣчатъ однѣ другимъ, или онѣ неисполнимы или средства непригодны для ихъ осуществленія.

Такимъ образомъ столкновенія безчисленныхъ отдѣльныхъ воль и отдѣльныхъ дѣйствій въ исторіи производятъ состояніе, аналогичное состоянію безсознательной природы: цѣли дѣйствій желаемы, но результаты дѣйствій не желаемы; или если они, повидимому и соотвѣтствуютъ желаемымъ цѣлямъ, въ концѣ то концевъ производятъ слѣдствія, которыхъ совсѣмъ не желали. Поэтому, въ цѣломъ историческія событія представляются управляемыми какъ бы случаемъ; но это такъ только кажется—на самомъ же дѣлѣ историческія событія управляются всегда внутренними скрытыми законами.

Люди дѣлаютъ свою исторію—сознательно или безсознательно—тѣмъ, что каждый изъ нихъ преслѣдуетъ сознательно свои цѣли; исторія есть равнодѣйствующая этихъ множественныхъ, въ разнообразныхъ направленіяхъ дѣйствующихъ силъ и ихъ разнообразнаго воздѣйствія на внѣшній міръ. Потому дѣло прежде всего въ томъ, чего именно хотятъ эти отдѣльныя личности.

Воля опредѣляется страстями или соображеніями; но рычаги, непосредственно опредѣляющіе страсти и соображенія, разнообразнаго рода—или это объекты внѣшняго міра, или идеальные мотивы: честолюбіе, «вдохновеніе истиной и правомъ», личная ненависть, или различные, чисто личные капризы. Но отдѣльная воля по большей части производитъ результаты, отличные отъ желаемыхъ и часто даже противуположные имъ, потому ея мотивы для общаго результата имѣютъ значеніе второстепенное—и вотъ тутъ то и появляется вопросъ, какая движущая сила стоитъ за этими мотивами, какія историческія причины превращаются въ головахъ дѣйствующихъ лицъ въ такіе мотивы?

Энгельсъ объясняетъ психологію этихъ «дѣйствующихъ силъ» слѣдующимъ образомъ:

Старый матеріализмъ, говоритъ Энгельсъ, объяснялъ исторію мотивами дѣйствій; историческій матеріализмъ, матеріализмъ Маркса тоже признаетъ идеальныя движущія силы, но онъ ищетъ движущихъ причинъ этихъ силъ, движущихъ силъ.

Еще Гегель въ его философіи исторіи признавалъ, что «очевидные» (ostensiblen) и дѣйствительно дѣйствующіе мотивы дѣйствующихъ въ исторіи людей никоимъ образомъ не составляютъ конечныхъ причинъ историческихъ событій, что за этими мотивами стоятъ

другія движущія силы; но Гегель искалъ этихъ силъ не въ самой исторіи, онъ вводилъ ихъ въ исторію извнѣ, изъ философской идеологіи; Энгельсъ приводитъ такой примѣръ: Гегель объясняетъ греческую исторію «какъ развитіе прекрасной индивидуальности», какъ реализацію «художественнаго произведенія», какъ таковаго. Энгельсъ признаетъ, что тутъ Гегель высказалъ много изящнаго и глубокаго, но что тѣмъ не менѣе подобное объясненіе есть простая фразеологія.

Если необходимо изслѣдовать движущія силы, которыя сознательно или безсознательно—очень часто безсознательно—«стоятъ» за мотивами дѣйствующихъ въ исторіи людей и составляютъ истинныя и конечныя движущія силы исторіи, то слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на мотивы отдѣльныхъ, хотя бы и выдающихся людей, сколько на мотивы, приводящіе въ движеніе массы, цѣлые народы и цѣлые классы въ каждомъ народѣ. Но и тутъ надо обращать вниманіе не на моментальный, быстро преходящій, быстро прогорающій огонь, а на непрерывное, приводящее къ крупнымъ историческимъ измѣненіямъ дѣйствіе. Задача научной исторіи состоитъ въ изслѣдованіи движущихъ (treibenden) причинъ, отражающихся въ головахъ дѣйствующихъ массъ и ихъ вождей, «такъ называемыхъ великихъ людей», какъ сознательные мотивы, отражающихся ясно или смутно, непосредственно или въ формѣ идеологіи, даже въ формѣ неземной идеологіи. Только такимъ образомъ мы найдемъ законы, въ цѣломъ господствующіе въ исторіи отдѣльныхъ странъ и отдѣльныхъ эпохъ. «Все, что приводитъ людей въ движеніе, должно пройти чрезъ ихъ головы, а какую форму оно принимаетъ въ головахъ, это ужъ зависитъ отъ обстоятельствъ».

По мнѣнію Энгельса, признаніе истинныхъ движущихъ силъ исторіи раньше было невозможнымъ, такъ какъ ихъ смѣшивали съ ихъ слѣдствіями и потому онѣ оставались скрытыми; но современная эпоха настолько упростила эти связи, что разрѣшеніе загадки сдѣлалось возможнымъ. Со времени развитія крупной промышленности,—по крайней мѣрѣ со времени мира 1815 года—въ Англіи ни для кого уже не составляетъ тайны, что вся политическая борьба сводится къ притязаніямъ на власть двухъ классовъ: поземельной аристократіи (landed aristocracy) и буржуазіи (middle class). Во Франціи этотъ фактъ «дошелъ до сознанія» при возвращеніи Бурбоновъ. Съ 1830 года въ обѣихъ странахъ былъ признанъ третьимъ борцомъ за власть рабочій классъ, пролетаріатъ. Отношенія упростились настолько, что нужно намѣренно закрывать глаза, чтобы не видѣть движущей силы современной исторіи, по крайней мѣрѣ въ странахъ прогрессивныхъ, въ борьбѣ этихъ трехъ большихъ классовъ и въ противорѣчіи ихъ интересовъ.

Но какъ образовались эти классы?—спрашиваетъ Энгельсъ. И онъ

отвѣчаетъ: экономически. Раньше еще можно было объяснять крупное феодальное землевладѣніе причинами политическими, именно наслѣдственнымъ завладѣніемъ, оккупаціей; но совершенно очевидно, что буржуазія и пролетаріатъ развились изъ чисто экономическихъ причинъ. Въ борьбѣ между землевладѣніемъ и буржуазіей, а также между буржуазіей и пролетаріатомъ, дѣло идетъ прежде всего объ экономическихъ интересахъ, для проведенія которыхъ политическое могущество есть только средство. Буржуазія и пролетаріатъ произошли вслѣдствіе измѣненія способа производства. Они развились благодаря переходу отъ цехового ремесла къ мануфактурѣ, и отъ нея къ крупной промышленности. Это доказываетъ, по крайней мѣрѣ для новой исторіи, что всякая политическая борьба есть классовая, и всякая борьба за освобожденіе классовъ несмотря на ея необходимую политическую форму — «ибо каждая классовая борьба есть политическая» — въ концѣ концевъ сводится къ освобожденію политическому.

43. Любопытная психологія, любопытная соціологія и любопытная исторія новаго времени! Прямо таки оглушительное упрощеніе исторіи—такое сведеніе экономическаго матеріализма къ экономической борьбѣ за освобожденіе.

И такое упрощеніе было бы превосходно—еслибы оно дѣйствительно было упрощеніемъ. А то этого то и нѣтъ. Такихъ классовъ и такой борьбы, о которыхъ говоритъ Энгельсъ, просто таки не существуетъ и никогда не существовало. Марксъ и Энгельсъ совершенно напрасно хотятъ упростить новую исторію такъ, какъ будто въ ней происходитъ только экономическая борьба двухъ большихъ классовъ; кромѣ экономическаго развитія въ новое время во всѣхъ другихъ сферахъ происходитъ оригинальное, отъ экономическихъ отношеній независимое развитіе. Конечно, эти два класса — землевладѣльцы причисляются къ буржуазіи—соотвѣтствуютъ отрицанію отрицанія Гегеля, но само то это отрицаніе отрицанія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Марксъ и Энгельсъ постоянно впадаютъ въ преувеличенную первобытность. Упрощеніе исторіи, производимое Энгельсомъ, кажется невѣроятнымъ уже съ перваго взгляда—исторія не упрощается по мѣрѣ развитія, и наоборотъ усложняется.

Статистика профессіональная говоритъ намъ, что теперь существуетъ около десяти тысячъ различныхъ профессій (по вычисленію Бюхера)—неужели всѣ взаимныя и крайне сложныя отношенія этихъ различныхъ организацій сводятся къ экономической борьбѣ двухъ классовъ?

Если принять во вниманіе только экономическіе классы, то и тогда окажется невѣрнымъ, будто такъ называемый средній классъ исчезаетъ, какъ утверждалъ Марксъ и какъ теперь еще повторяютъ соціалисты, чтобы привести всю общественную организацію къ двумъ основнымъ

классамъ. Въ слѣдующей главѣ мы болѣе подробно будемъ говорить объ этомъ важномъ спорномъ вопросѣ.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи совершается также и развитіе религіи и церкви; рядомъ съ церковью и до значительной степени противъ нея стоитъ современное государство и вообще политическая борьба; далѣе въ нашемъ столѣтіи получилъ безспорно важное значеніе и принципъ національностей [1]); въ наше время дѣйствуютъ и культурная организація, и литература и искусство, и наука и философія, и организація школъ, и пресса и т. д. Рядомъ съ этими силами существуетъ далѣе полное значенія раздѣленіе населенія на городское и деревенское; и кромѣ того общество организовано и біологически, по различнымъ возрастамъ. Наконецъ нельзя забывать и о разнообразныхъ союзахъ и обществахъ, чувствуется также и вліяніе великихъ людей и притомъ не только живыхъ, но и мертвыхъ, даже давно умершихъ—неужели все это только борьба двухъ экономическихъ классовъ?

Я знаю, что такое раздѣленіе общества на два большіе класса признаютъ и несоціалисты. Либералъ Дизраели въ 1845 году въ своей «Сивиллѣ» говорилъ о «двухъ націяхъ» и еще недавно я читалъ у французскаго критика Леметра такое положеніе: «всѣ люди, имѣющіе больше 50.000 франковъ дохода, имѣютъ одинаковые политическіе взгляды». Конечно, оба они, и Дизраелли и Леметръ, правы; но это примѣняется къ либеральнымъ министрамъ и къ людямъ съ доходомъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Я, вѣдь, и не утверждаю, что экономическій матеріализмъ созданъ Марксомъ и исповѣдуется только одними соціалистами.

Раздѣленіе всего общества на два большіе класса имѣетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ нѣкоторый смыслъ для тѣхъ, которые подобно Марксу считаютъ всякую человѣческую дѣятельность, за исключеніемъ экономической, за quantité negligeable; но даже для исторіи экономики такое сокращеніе общественныхъ силъ, если только смотрѣть на нихъ реалистически, будетъ неудовлетворительнымъ. Оно не можетъ быть состоятельнымъ, потому что противорѣчитъ самимъ экономическимъ фактамъ [2]).

---

[1]) Самъ Энгельсъ называетъ массой „цѣлые народы и цѣлые классы въ каждомъ народѣ“. Но что такое для Энгельса народъ? Далѣе мы увидимъ, что онъ и націи признаетъ результатомъ экономическихъ отношеній.

[2]) Каутскій—„Классовыя противорѣчія въ 1789 году—къ столѣтней годовщинѣ великой революціи“ 1889—говоритъ: „приводя историческое развитіе къ классовой борьбѣ, часто склонны признавать, что въ обществѣ всегда существуютъ два лагеря, два класса, борящіеся другъ съ другомъ, двѣ постоянныя, однородныя массы, реакціонная и революціонная, что постоянно происходитъ нѣкоторая потасовка. Еслибы это было фактически вѣрно, то исторіографія была бы довольно легкимъ дѣломъ. Но

44. Ни Марксъ, ни Энгельсъ не установили ясно понятія о буржуазіи.

Они выражаются такимъ образомъ (особенно въ «Капиталѣ»), будто противъ капиталистовъ стоитъ единый пролетаріатъ. А это совсѣмъ невѣрно. Что такое, собственно говоря, пролетаріатъ? У Маркса и Энгельса мы не находимъ точнаго опредѣленія, и также не находимъ и статистическихъ данныхъ о пролетаріатѣ [1]).

Работника невозможно отождествлять съ пролетаріемъ. Рабочій классъ распадается на разные группы и классы, имѣющіе особые интересы. Есть большое различіе между обученымъ и необученымъ рабочимъ; въ сферѣ первыхъ тоже не мало профессіональныхъ различій.

Далѣе рабочій классъ организованъ весама разнообразно: существуютъ профессіональныя организаціи, производительныя и потребительныя ассоціаціи, политическіе и образовательные союзы и т. д.

Эти различія отнюдь не уменьшаются при дальнѣйшемъ развитіи; наоборотъ они увеличиваются. Обратите вниманіе даже на саму соціалистическую партію. И въ ней имѣются отдѣльные интересы различныхъ предпринимателей, служащихъ въ разныхъ рабочихъ учрежденіяхъ и промыслахъ. Замѣчается далѣе и различіе по интеллектуальности, по большему или меньшему образованію. Энгельсъ говоритъ о всемъ рабочемъ классѣ, что онъ является наслѣдникомъ классической нѣмецкой философіи — но это слѣдуетъ принимать cum grano salis. Припомните, какъ на берлинскомъ конгрессѣ 1892 года обсуждался редакціонный вопросъ, какъ въ партіи протестовали противъ вождей—журналистовъ, получающихъ въ «Vorwärts» 600 марокъ мѣсячнаго содержанія, тогда какъ другіе «товарищи» той же профессіи получаютъ обычную низкую плату и т. д.

Въ Германіи, Франціи, Богеміи и вообще въ Австріи рабочій классъ очень сильно раздѣленъ національными различіями. Благодаря осторожной тактикѣ вождей эти различія кое какъ сглаживаются, но въ дѣйствительности они все же существуютъ и дѣйствуютъ очень сильно. На предпослѣднемъ конгрессѣ въ Гамбургѣ это противорѣчіе между

въ дѣйствительности отношенія далеко не такъ просты. Общество есть, и всегда будетъ, необыкновенно сложный организмъ съ самыми разнообразными классами и интересами, которые могутъ группироваться въ самыя разнородныя партіи смотря по ходу дѣлъ“. Какимъ образомъ при такой точкѣ зрѣнія Каутскій можетъ принимать объясненіе исторіи Энгельса? На такой вопросъ мы не получимъ отъ Каутскаго сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта.

[1]) Марксъ въ его политическихъ статьяхъ (1847) вмѣсто неопредѣленнаго, какъ онъ говоритъ термина: народъ, употребляетъ терминъ: пролетаріатъ. См. Мерингъ—Исторія нѣмецкой соціалъ демократіи I, 250. Мы уже замѣтили, что въ началѣ Марксъ признавалъ пролетаріатъ элементомъ пассивнымъ.

нѣмцами и поляками выступило очень сильно; соціалисты чехи недавно отдѣлились отъ нѣмцевъ и вообще они очень энергично защищаютъ свою автономію противъ центральнаго и централизующаго управленія въ Вѣнѣ.

Международная организація рабочихъ, руководящаяся лозунгомъ Маркса: «рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь! существуетъ и имѣетъ большое значеніе; но вѣрно то, что и тутъ, какъ вездѣ, централизаціи приходится дѣлать серьезныя уступки автономіи.

Столь же неопредѣленно и понятіе о второмъ. антипролетарномъ, классѣ. Марксъ и Энгельсъ не только смѣшиваютъ въ немъ два совершенно различныхъ класса: землевладѣльцевъ и буржуазію—но и что такое сама эта буржуазія?

Задолго до Маркса говорили и писали о бюргерскомъ или буржуазномъ классѣ; благодаря вліянію французскихъ историковъ и соціалистовъ и теперь слово: «буржуазія» общеупотребительно.

Самъ Марксъ въ «Святомъ Семействѣ» объясняетъ, что буржуазное общество представляется буржуазіей, получившей власть во время директоріи [1]). Обыкновенно Марксъ и Энгельсъ употребляютъ термины: буржуа и бюргеръ (гражданинъ) безразлично. Позже (въ Капиталѣ) буржуазія превращается въ капиталистовъ.

Буржуазія, бюргерство отнюдь не составляетъ единаго класса—въ ней фактически существуетъ цѣлая іерархія интересовъ, классовъ и подраздѣленій классовъ. Эти интересы очень разнообразны, неравнозначительны и не согласованы. Невозможно сваливать въ одну кучу мелкихъ промышленниковъ, капиталистовъ, крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Совершенно непонятно, какимъ образомъ Марксъ и Энгельсъ могли забыть о милитаризмѣ и о его значеніи—само по себѣ понятно, что истинно реалистическая исторія должна принять во вниманіе общественное и политическое значеніе монархіи, іерархіи, ученыхъ и т. д.

Въ дѣйствительности буржуазіи въ томъ смыслѣ слова, въ которомъ говоритъ о ней Марксъ, собственно говоря, не существуетъ. Старые французскіе соціалисты понимали подъ этимъ терминомъ существовавшую въ данное время опредѣленную политическую силу, и такой силы теперь нѣтъ ни во Франціи (собственно, въ Парижѣ), ни въ другихъ странахъ. Теперь буржуазія или бюргерство нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ во времена директоріи или Людовика Филиппа.

Доказательствомъ этого можетъ служить и самъ Марксъ. Въ своемъ Капиталѣ онъ уже не говоритъ о буржуазіи вообще, а о капиталистахъ—и описываемые въ Капиталѣ капиталисты, очевидно, совершенно другой классъ, а не буржуазія Прудона и др.

[1]) „Св. Семейство“ 192. Политически буржуа отличается отъ гражданина (Citoyen). Марксъ уже въ 1842 г. въ Rhein. Zeitung указалъ на это различіе. См. Меринга — Исторія нѣмецкой соціалъ демократіи I, 108. Марксъ въ то же время установилъ различіе между буржуа и пролетаріемъ.

45. Нерасчлененность понятія Маркса о классахъ станетъ еще болѣе ясной, если мы обратимъ вниманіе не только на ихъ строеніе, но и на ихъ функцію, на самую борьбу. Эта борьба, говоритъ Марксъ, есть постоянно политическая; но такова только ея форма, настоящее же ея значеніе экономическое.

Но національная и церковная борьба, играющая и игравшая въ въ исторіи такую громадную роль, совершенно не сводится на экономическую классовую борьбу. Классовая борьба, поскольку она существуетъ, совсѣмъ не исключительно политическая; существуетъ и чисто экономическая борьба, политически не проявляющаяся и не имѣющая никакихъ прямыхъ политическихъ слѣдствій. Это примѣнимо къ экономической конкуренціи, о которой именно и говоритъ Марксъ. Мы не должны забывать, что рабочіе организуются также и экономически, что они участвуютъ въ производствѣ продуктовъ, какъ доказываетъ примѣръ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи (см. § 160). Мы упомянули объ экономической конкуренціи. По словамъ Маркса, кромѣ классовой борьбы существуетъ еще борьба личностей. Марксъ и Энгельсъ принимаютъ дарвинизмъ и борьбу за существованіе. Въ Коммунистическомъ манифестѣ говорится, что между рабочими происходитъ постоянная конкуренція, и несмотря на это Марксъ и Энгельсъ надѣются, что организація пролетаріата въ единый классъ устранитъ эту конкуренцію [1]). Позднѣе Энгельсъ утверждалъ, что отдѣльная личная борьба за существованіе прекратится только въ соціалистическомъ обществѣ. Каково же отношеніе между этой борьбой личностей и классовой? Переносится ли борьба за личное существованіе изъ природы въ общество съ особой силой, какъ полагаетъ Энгельсъ? [2]).

Мы уже говорили въ § 10 объ отношеніи между дарвинизмомъ и марксизмомъ? Поскольку дарвиновская борьба за существованіе тождественна съ экономической борьбой, съ конкуренціей, очевидно, что великая, массовая классовая борьба не соединима съ личной конкуренціей. Во всякомъ случаѣ, какъ мы увидимъ далѣе, первоначально Марксъ не признавалъ вліянія конкуренціи на экономическую цѣнность товаровъ, но позже онъ измѣнилъ свой взглядъ и призналъ конкуренцію факторомъ, создающимъ цѣнность. Понятно, что при этомъ и первоначальная теорія классовой борьбы видоизмѣняется [3]).

[1]) Изд. 1891, 16.

[2]) Антидюрингъ, 293.

[3]) Мнѣніе о борьбѣ между личностями раздѣлялъ и Гегель; для него исторія есть борьба между личностями; въ этой борьбѣ страсти взаимно парализуются и только разумъ можетъ осуществиться.

Заговоривъ разъ о классовой борьбѣ, мы должны поставить вопросъ о томъ, должны ли мы представлять себѣ классовую борьбу постоянной или нѣтъ. Марксъ въ сочиненіи противъ Прудона говоритъ о борьбѣ, какъ объ общей движущей силѣ въ исторіи; позже и онъ и Энгельсъ высказываютъ мнѣніе, что классовая борьба началась только съ цивилизаціей, что она снова прекратится въ коммунистическомъ обществѣ. Стало быть, мы должны представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, что классовая борьба есть только временный, даже кратковременный эпизодъ исторіи, а борьба между личностями (въ смыслѣ дарвинизма) всеобщая, продолжающаяся въ теченіи всей исторіи.

На основаніи даннаго Марксомъ въ его сочиненіи Zur Kritik опредѣленія, перевороты суть явленія временныя; такая кратковременность общественныхъ переворотовъ согласуется съ законами отрицанія, хотя можно представить себѣ классовую борьбу и постоянной, и только временно острой, а временно болѣе слабой. Во всякомъ случаѣ теорія классовой борьбы довольно неясна.

Терминъ: борьба въ настоящее время довольно распространенный и общеупотребительный терминъ; мы напр. всѣ говоримъ, что жизнь есть борьба и только борьба. Борьба за существованіе—это излюбленное выраженіе.

Если присмотрѣться повнимательнѣе, то окажется, что слово: борьба имѣетъ много значеній. Такъ наприм. при словѣ: борьба мы часто думаемъ о различныхъ родахъ и степеняхъ конкуренціи между личностями и классами; и безспорно, что существуетъ конкуренція и весьма полезная (соревнованіе—Коллара), которую приходится различать отъ вредной—и такая конкуренція существуетъ не только въ экономической сферѣ, а и вездѣ.

Въ современномъ человѣкѣ замѣчается нѣкоторая нервозность, нѣкоторое недовольство; онъ ведетъ борьбу противъ судьбы и противъ исторіи и эта борьба не есть борьба противъ опредѣленныхъ личностей и классовъ—она философская, метафизическая.

Мнѣ скажутъ, что нашъ вѣкъ—вѣкъ революціонный. Пусть такъ. Но это революціонное настроеніе охватываетъ не только пролетаріатъ и рабочіе классы, онъ ведетъ свое начало отъ прежней эпохи, когда рабочіе и пролетаріи еще не мыслили соціалистически. Отцами французской революціи были не только физіократы, а и Паскаль, и янсенисты, и философы, и политики; несомнѣнно, что очень сильно дѣйствующей причиной французской революціи была и нищета, но она не была ни единственной, ни даже наиболѣе могущественной причиной. Современное революціонное настроеніе можно встрѣтить не у однихъ только пролетаріевъ, а и во всѣхъ общественныхъ классахъ и основа его—недовольство старымъ религіознымъ, церковнымъ, философскимъ, общественнымъ, а также и экономическимъ режимомъ. Ролла-Мюссе, Фаустъ Гете, Манфредъ Байрона, Конрадъ Мицкевича, Панкратъ Красинскаго, Левинъ, Толстого, Иванъ Достоевскаго—идеи и желанія, высказываемыя этими титанами во имя новаго времени, также, какъ идеи и желанія самого Маркса, никоимъ образомъ нельзя свести къ экономическому недовольству.

И однако они ведутъ тяжелую борьбу, борьбу дѣйствительную и кровавую, но отнюдь не экономическую, что бы тамъ ни говорилъ, безъ всякихъ, впрочемъ доказательствъ, Энгельсъ [1]).

Но жизнь не есть только борьба. Я смѣло утверждаю, что люди, принадлежащіе къ различнымъ классамъ, чувствуютъ также и взаимность, что вообще и среди людей и среди классовъ распространено чувство честной гуманности, не особенно, правда, въ высокой степени—но все же въ болѣе высокой, чѣмъ полагаютъ разнаго рода матеріалисты. Это чувство гуманности имѣетъ вліяніе и на общественныя отношенія, и вліяніе замѣтное. Самъ Марксъ въ Капиталъ приводитъ не мало примѣровъ того, что англійскіе инспектора и чиновники (не принадлежащіе къ рабочимъ классамъ), добились хорошихъ для рабочихъ законовъ.

Далѣе я утверждаю, что взаимныя отношенія между людьми и классами до значительной степени регулируются и разумомъ; я утверждаю, что и теперь, да и много раньше многіе очень интенсивно и честно думали и думаютъ о положеніи общества и о его будущемъ и что ихъ идеи имѣли и имѣютъ весьма замѣтное вліяніе. Я утверждаю, что даже рабочій, напр., сознаетъ, что его интересы до значительной степени тождественны съ интересами его работодателя; съ одной стороны онъ можетъ очень энергично отстаивать противъ него свои интересы—особенно если онъ обладаетъ классовымъ сознаніемъ—но съ другой стороны онъ уже расчитываетъ и знаетъ, что кое въ чемъ ихъ интересы совпадаютъ [2]).

Но, вѣдь, это расчетъ и эгоизмъ—скажутъ мнѣ. Ну, да—эгоизмъ. Но какъ люди борятся изъ за жизни, такъ и бросаютъ борьбу ради нея же—а вѣдь въ этомъ только и дѣло. Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что эгоизма больше, чѣмъ любви. Согласенъ. Но, вѣдь совсѣмъ и не мое дѣло расчитывать, сколько въ обществѣ эгоизма и сколь-

---

[1]) „Всякая историческая борьба, ведется ли она въ сферѣ политической, религіозной, философской или иной идеологической, въ дѣйствительности есть болѣе или менѣе ясное выраженіе борьбы общественныхъ классовъ". Введеніе къ сочиненію Марксъ. Восемнадцатое Брюмера.

[2]) Бернштейнъ (Neue Zeit 1898) говоритъ о новыхъ формахъ профессіональныхъ союзовъ въ Англіи. Это новые промышленные союзные договоры (Trade Alliances) т. е. союзы всѣхъ учавствующихъ въ промыслѣ, и предпринимателей и организованныхъ рабочихъ; такіе союзы „отнюдь не вредятъ профессіональной организаціи рабочихъ, а напротивъ обезпечиваютъ по возможности выгоды каждаго".

ко любви, сколько борьбы, и сколько мира. Если сосудъ скрѣпленъ веревкой или лентой (и если это покажется сантиментальнымъ, то пусть вмѣсто ленты употребляютъ шпугатъ), то онъ все равно разсыплется, разъ вы разрѣжете веревку или ленту. Это уже было дѣло Маркса и Энгельса опредѣлять, дѣйствительно ли общество сдерживается только классовыми противорѣчіями.

Марксъ и Энгельсъ сами надѣются, что въ будущемъ человѣкъ будетъ дѣлать свою исторію свободно и безъ борьбы—но такіе люди есть уже и теперь, и ихъ не мало и мы надѣемся, что число ихъ будетъ все болѣе увеличиваться.

Человѣкъ не всегда и не вездѣ борется, онъ не всегда и не вездѣ конкурируетъ съ другими; онъ живетъ и развивается самостоятельно, самъ по себѣ, самъ изъ себя, и кто же осмѣлится утверждать, что такое положительное, а не отрицательное, развитіе личности не имѣетъ никакого значенія?

Повторяю: я не утверждаю, что нѣтъ никакой борьбы, не утверждаю и того, что не существуетъ никакой классовой борьбы. Я утверждаю только, что и кромѣ борьбы мирныя средства содѣйствуютъ общественной организаціи; я утверждаю, что борьба совсѣмъ не такая, какъ описываетъ ее Марксъ, что она имѣетъ иной смыслъ, а не тотъ, который навязываетъ ей Марксъ. Если болѣе внимательно анализировать даже экономически развитіе, то оно представится въ иномъ свѣтѣ, не такимъ, какимъ оно представлялось Марксу. Такъ напр. освобожденіе крестьянъ въ Австріи и въ Богеміи произошло не только вслѣдствіе борьбы крестьянъ противъ помѣщиковъ, оно произошло не противъ воли помѣщиковъ; наоборотъ, многіе изъ нихъ, и въ особенности корона, благопріятно относились къ дѣлу освобожденія. Прежняя обработка земли и получаемые доходы не удовлетворяли собственниковъ и казну; необходимо было больше хлѣбовъ для вывоза, такъ какъ хлѣбный міровой рынокъ началъ измѣняться и т. д.—потому то нужно было освободить крестьянъ. Неограниченная государственная власть признала это и потому она потребовала освобожденія крестьянъ даже противъ воли многихъ изъ землевладѣльцевъ—такимъ образомъ это освобожденіе не было результатомъ борьбы.

Промышленность помогла этому освобожденію тѣмъ, что она привлекла многія рабочія силы, что для богатыхъ фабрикантовъ аристократія была ненавистной, точно также, какъ многіе крестьяне завидовали промышленнымъ рабочимъ. Значительное вліяніе имѣли и гуманитарныя идеи и т. д.- стало быть освобожденіе крестьянъ произошло не вслѣдствіе одной классовой борьбы; оно было результатомъ многихъ, издавна дѣйствовавшихъ историческихъ силъ, силъ, какъ антагонистическихъ, такъ и неантагонистическихъ.

Такихъ и подобныхъ примѣровъ многое множество. Вообще любопытно бы посмотрѣть, какъ бы свели всю исторію, или хотя бы только политическую исторію, на классовую борьбу—какъ бы, напр., свели на такую борьбу развитіе и паденіе римской всемірной исторіи или великое переселеніе народовъ.

46. Переходя отъ соціально политическаго разсмотрѣнія классовой борьбы къ ея психологіи, мы увидимъ, что предшествующій анализъ подтверждается. Если мы зададимъ вопросъ, что такое классовая борьба, эта «движущая сила движущихъ силъ» съ психологической точки зрѣнія, то получимъ отвѣты, по своему разнообразію и несогласованности похожіе на хаосъ различныхъ опредѣленій историческаго матеріализма, но отнюдь не уясняющіе дѣла.

Въ одномъ мѣстѣ, довольно странномъ съ точки зрѣнія Маркса, Энгельсъ принимаетъ метафизическое ученіе Гегеля о злѣ; зло есть форма, въ которой представляется движущая сила общественнаго развитія — это имѣетъ двойной смыслъ: во первыхъ, каждый новый прогрессъ есть необходимо бунтъ противъ святаго, бунтъ противъ старыхъ, вымирающихъ, но освященныхъ обычаемъ условій; во вторыхъ, ученіе Гегеля обозначаетъ, что съ появленія классовыхъ противорѣчій рычагами историческаго развитія дѣлаются худшія страсти человѣка, хищность и стремленіе къ власти [1]).

Не будемъ пока касаться метафизической стороны вопроса; для насъ пока довольно и того, что мы констатируемъ существованіе двухъ историческихъ движущихъ силъ: склонности къ возмущенію, къ бунту и склонности и стремленія къ власти. Какимъ образомъ распредѣляются эти двѣ, очевидно конечныя, силы между двумя большими классами и какъ объясняется этими силами классовая борьба? Будетъ ли пролетаріатъ только революціоннымъ, а буржуазія или капиталисты только хищными и жаждущими власти? На основаніи дальнѣйшихъ разъясненій Энгельса хищность и стремленіе къ власти суть истинныя движущія силы цивилизаціи—будетъ ли классъ, подчиняющій себѣ другіе классы, истинный, положительный двигатель, а сопротивленіе противъ его угнетенія сила отрицательная, но въ концѣ концевъ побѣждающая?

Кромѣ такого объясненія мы находимъ у Маркса и Энгельса и другія опредѣленія сущности историческихъ движущихъ силъ; при этомъ также, какъ и въ сейчасъ приведенномъ случаѣ, безразлично смѣшиваются силы психологическія съ метафизическими и съ естественными факторами — что и понятно при матеріализмѣ Маркса и при вліяніи на него Гегеля.

Вотъ каковы движущія историческія силы, признаваемыя Марксомъ и Энгельсомъ въ различныхъ сочиненіяхъ:

Марксъ и Энгельсъ представляютъ себѣ міръ самымъ общимъ и

---

[1]) „Фейербахъ“ 36.

абстрактнымъ образомъ, какъ пребывающій въ постоянномъ движеніи; изъ движенія выводится всякая жизнь; вся исторія представляется непрерывнымъ преобразованіемъ человѣческаго общества. Марксъ, соотвѣтственно абстрактности своего мышленія, признаетъ движеніе творческой силой: «историческое движеніе производитъ общественныя отношенія, индивидуальное движеніе производитъ продукты промышленности» [1]) и т. д.

Другая историческая движущая сила дается намъ закономъ отрицанія: движеніе и развитіе осуществляются чрезъ посредство противорѣчій.

Новаго рода общественныя и историческія силы Марксъ и Энгельсъ видятъ въ различныхъ силахъ природы, такъ напр., земля, т. е. почва и естественная среда есть такая сила.

Раса тоже историческая движущая сила; Энгельсъ кромѣ классовъ признаетъ и другія соціальныя образованія массъ (народы, группы народовъ).

Населеніе и его приростъ есть вообще экономическая и соціальная сила. Энгельсъ, какъ уже сказано, ставитъ ростъ населенія рядомъ съ производственными отношеніями. У Маркса перенаселеніе есть могущественная соціальная и историческая движущая сила.

Далѣе такія движущія силы, и притомъ очень могущественныя, суть государство и остальные идеалогическіе факторы, какъ-то: нравственность и безнравственность, религія, искусство, наука и философія. Самостоятельность этихъ факторовъ призналъ въ особенности въ послѣднее время Энгельсъ, но уже и въ прежнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются мѣста, въ которыхъ признается эта самостоятельность.

Мало того: есть и такія мѣста, въ которыхъ Энгельсъ совершенно забываетъ о своемъ историческомъ матеріализмѣ. Таково напр., мѣсто, въ которомъ Энгельсъ «главный рычагъ всего интеллектуальнаго развитія» видитъ въ противорѣчіи между стремленіемъ человѣка вполнѣ понять міръ и невозможностью вполнѣ разрѣшить такую задачу [2]). Энгельсъ видитъ эту невозможность не только въ ограниченности нашихъ естественныхъ способностей, но и въ объективныхъ свойствахъ самаго міра. «Если бы въ какомъ нибудь пунктѣ развитія человѣчества осуществилась окончательно завершенная система міровыхъ связей, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ и историческихъ, то царство человѣческаго познанія явилось бы замкнутымъ и будущее историческое развитіе было бы закончено съ того момента, когда общество было бы устроено согласно съ такой системой—что было бы абсурдомъ, чистымъ противорѣчіемъ» [3]).

---

[1]) Марксъ—Нищета философіи, 88, 133.
[2]) Энгельсъ—Антидюрингъ, 24.
[3]) ibid.

Читатель обратитъ вниманіе на то, что тутъ Энгельсъ говоритъ о рычагѣ интеллектуальнаго развитія и развитія вообще. Но сама то движущая сила есть стремленіе къ познанію, жажда познанія.

Во всякомъ случаѣ остается довольно неяснымъ, какъ именно мы должны представлять себѣ такую интеллектуальную движущую силу. Припомнимъ данное въ вышеприведенномъ письмѣ Энгельса объясненіе, на основаніи котораго исторія представляетъ оригинальное сокращеніе «безумія» (Blödsinns); такое объясненіе можно истолковать въ смыслѣ позитивизма такъ, что человѣческій духъ переходитъ отъ стадіи мифической (антропоморфической) къ научной, позитивной.

Читатель видитъ, какимъ расплывчатымъ и неопредѣленнымъ становится историческій матеріализмъ. И однако мы не перечислили еще всѣхъ движущихъ силъ, признаваемыхъ Марксомъ и Энгельсъ. Воспринявъ дарвинизмъ, они признаютъ и силы наслѣдованія, приспособленія и иныя.

Во всякомъ случаѣ экономическія отношенія и классовая борьба разлагаются на большее количество силъ; число ихъ будетъ еще больше, если сообразить, что нѣкоторыя изъ нихъ составляются изъ многихъ частичныхъ силъ.

Но Марксъ, и Энгельсъ не привели въ единую систему эту множественность соціальныхъ и историческихъ силъ. Они не говорятъ опредѣленно, какія изъ силъ метафизическія (Марксъ и Энгельсъ сказали бы—діалектическія) и какую роль онѣ играютъ въ исторіи рядомъ съ другими вышепоименованными силами—точно также неопредѣлено и отношеніе біологическихъ и естественныхъ силъ. Психическія силы, ихъ дѣятельность и ихъ отношенія къ другимъ силамъ тоже неуяснены—да и вообще нигдѣ не указывается, почему именно эти различныя силы суть силы историческія, какимъ образомъ онѣ становятся таковыми. Мы уже указали, что эти силы не опредѣлены ни качественно, ни количественно, какъ не уясняй способъ ихъ дѣйствія—однимъ словомъ, все это соціологическіе disjecta membra, а совсѣмъ не единое цѣлое, не система.

И снова мы убѣждаемся, что соціологическому обоснованію теоріи Маркса помѣшала неудовлетворительная психологія. Энгельсъ, правда, призналъ, что историческія движущія силы должны въ концѣ концевъ быть анализируемы и уясняемы психологически, онъ даже пытался дать такой анализъ; но именно этотъ анализъ классовой борьбы, этой «движущей силы движущихъ силъ» доказываетъ, что матеріализмъ и крайній объективизмъ Маркса вполнѣ несостоятеленъ, даже невозможенъ.

Формулируемъ въ немногихъ словахъ психологію движущихъ силъ, какъ даетъ намъ ее Энгельсъ: личная воля опредѣляется страстями или соображеніями; эти страсти и соображенія непосредственно опредѣляются различными рычагами и эти рычаги суть частію объектив-

ные предметы, а частію идеальные мотивы (честолюбіе и др.). Но въ исторіи личная воля не играетъ роли, играютъ эту роль «стоящіе» за мотивами отдѣльныхъ людей «истинныя, конечныя движущія силы исторіи» — и эти силы суть борьба классовъ и противорѣчіе ихъ интересовъ.

Стало быть, человѣкъ дѣйствуетъ въ исторіи по своимъ личнымъ мотивамъ, онъ преслѣдуетъ свои цѣли; но эти мотивы суть только «видимые» (ostensibl), а дѣйствительно дѣйствующими будутъ непосредственно опредѣляющіе, объективные или субъективные, рычаги. Но какъ эти видимые мотивы, такъ и дѣйствительно дѣйствующіе рычаги никакого значенія не имѣютъ; важны-то мотивы (тоже видимые или дѣйствительно дѣйствующіе?) массы и ихъ вождей, противорѣчіе интересовъ.

Любопытная это психологія!

Мотивы воли, страсти и соображенія, существуютъ въ сознаніи; но это только видимые мотивы, т. е. иллюзіи — напротивъ, честолюбіе есть дѣйствительно дѣйствующій мотивъ. Въ какомъ же отношеніи находится это дѣйствительно дѣйствующее чувство къ чувству, которое есть только кажущійся мотивъ? И каково психологическое отношеніе честолюбія къ истиннымъ и конечнымъ мотивамъ классовъ, массы?

Эти тройные мотивы представляютъ настоящее психологическое qui pro quo. И не только психологическое, а и экономическое: Въ сочиненіи о Фейербахѣ говорится, что конечная историческая движущая сила есть борьба классовъ и противорѣчіе интересовъ; далѣе мы узнаемъ, что Энгельсъ и Марксъ видятъ причину классовъ въ раздѣленіи труда. Въ предисловіи къ «Восемнадцатому Брюмеру» Энгельсъ объясняетъ противорѣчіе между классами такъ: «существованіе, а также и столкновенія этихъ классовъ обусловливаются степенью развитія ихъ экономическаго положенія, способомъ ихъ производства и обусловливаемаго этимъ производствомъ обмѣна» [1] — такимъ образомъ и «конечная движущая сила движущихъ силъ» будетъ еще не послѣдней исторической силой.

47. Психологія массы, какъ ее понимаютъ Марксъ и Энгельсъ, обозначаютъ иллюзіонизмъ, непризнаніе индивидуальнаго сознанія.

Коммунизмъ Маркса и Энгельса имѣетъ значеніе не только экономическое, но и психологическое, и вообще духовное. Основатели марксизма признали индивидуальное сознаніе иллюзорнымъ, обманчивымъ и потому они признаютъ только коллективное, массовое, общее сознаніе. При анализѣ коммунизма Маркса на эту сторону не обраща-

[1] Любопытно, что оба эти воззрѣнія Энгельсъ высказываетъ почти одновременно. Предисловіе появилось въ 1885 году, а сочиненіе о Фейрбахѣ въ 1886 мъ.

ютъ обыкновенно вниманія, и однако она не менѣе важна, чѣмъ экономическая — и даже важнѣе. Историческій матеріализмъ и научный соціализмъ Маркса получаютъ особое значеніе именно вслѣдствіе этаго духовнаго коммунизма — соціализмъ Маркса есть духовный и экономическій коммунизмъ, соціализмъ въ строгомъ смыслѣ этаго слова. Онъ обозначаетъ что «отдѣльная оборванная (lumpige) личность» не имѣетъ никакого значенія, а общество и его историческое значеніе значитъ все. Соціализмъ Маркса есть послѣдовательный контрастъ индивидуализма во всѣхъ сферахъ. Крайній соціализмъ Маркса обозначаетъ также, что общество есть не только экономическое цѣлое, но и психологическое; по мнѣнію Маркса, субъектъ правды и права есть общество и исторія, а не личность.

Марксъ выводитъ, какъ мы видѣли, такой послѣдовательный и крайній коммунизмъ изъ матеріализма и натурализма — натуралистическій матеріализмъ будто бы демократиченъ самъ по себѣ, онъ ручается за равенство, за коммунизмъ. Въ особенности историческій матеріализмъ необходимо приводитъ къ иллюзіонизму, потому Марксъ и выводитъ послѣдовательный коммунизмъ съ его историческимъ массовымъ, общимъ сознаніемъ изъ матеріализма.

Марксъ отправляется отъ «общечеловѣка — коммуниста» Фейербаха, его человѣкъ есть «человѣкъ общественный» [1], общественное животное по природѣ [2]. Марксъ является соціалистомъ уже и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ. Въ «Святомъ Семействѣ» онъ настаиваетъ на общественной природѣ человѣка и говоритъ, что человѣческая природа развивается только въ обществѣ и потому мѣриломъ должна служить не сила отдѣльной личности, а сила общества [3]. Въ этомъ же сочиненіи слово «общественный» отождествляется по своему значенію съ словомъ «человѣческій» вообще [4]. Вообще же Марксъ въ этой работѣ протестуетъ главнымъ образомъ противъ индивидуализма Бауера. Бауеръ признавалъ разумъ, философа, критическаго критика прирожденнымъ руководителемъ и господиномъ массы; Марксъ наоборотъ, стоитъ за массу.

Точно также въ «Deutsche — Franzosische Jahrbuchern» и позднѣе Марксъ высказывается рѣшительно за массу. Другой вопросъ, какъ слѣдуетъ по воззрѣніямъ Маркса представлять себѣ отношеніе индивидуума и въ особенности выдающейся личности къ массѣ.

Мы уже говорили, что сначала онъ считалъ пролетаріатъ элементомъ пассивнымъ, сердцемъ, а философа элементомъ активнымъ, головой. Съ этимъ совпадаютъ и его замѣчанія о Фейербахѣ, въ ко-

[1] 1, 185.
[2] 334.
[3] „Святое семейство“ 206.
[4] ibid., 49.

торыхъ Марксъ говоритъ, что общественная жизнь по существу практическая, и что измѣненіе общественныхъ отношеній должно исходить отъ философа. Въ «Капиталѣ» Марксъ уже не различаетъ умственный трудъ отъ физическаго и надѣется, что въ будущемъ ихъ различіе совершенно уничтожается. Тамъ мы встрѣчаемъ даже такое замѣчаніе: «технологическія изобрѣтенія XVIII вѣка вообще не могутъ приписываться личностямъ» [1]); въ позднѣйшихъ изданіяхъ этой части «Капитала» и въ слѣдующихъ частяхъ относительно болѣе цѣнится умственный индивидуальный трудъ.

Очевидно, что отношеніе массы и личности можетъ быть формулировано весьма разнообразно даже съ точки зрѣнія духовнаго коммунизма. Можно и вполнѣ подавить личность, а можно болѣе или менѣе признавать ее; кромѣ того понятіе о массѣ, ея количественное значеніе, ея организацію и функціи опредѣлять можно тоже весьма различно. Самъ Марксъ сначала (слѣдуя Гегелю) придаетъ больше значеніе государству, а позже у него развивается понятіе о массѣ и о классахъ [2]).

Энгельсъ систематизировалъ эти взгляды Маркса и далъ намъ вышеуказанную психологію массы. Въ этой психологіи индивидуальные мотивы приносятся въ жертву коллективнымъ; въ исторіи дѣло идетъ не столько объ индивидуальныхъ мотивахъ, сколько о мотивахъ массы и ея вождей; мотивы дѣйствій отдѣльныхъ личностей и ихъ результаты для «общаго результата имѣютъ значеніе второстепенное». Такимъ образомъ личность приносится въ жертву, но не вполнѣ; предводители массы (которые, вѣдь, тоже личности) выдвигаются на первый планъ и вообще Энгельсъ даже противъ своей воли никоимъ образомъ не можетъ устранить индивидуальные мотивы. Мы уже видѣли, какъ онъ колеблется въ опредѣленіи объема массы, онъ говоритъ о «цѣлыхъ народахъ» и выдѣляетъ изъ нихъ «цѣлые народные классы».

Энгельсъ болѣе рѣшительно по сравненію съ Марксомъ указываетъ на интеллектуальныя различія между личностями; онъ также болѣе рѣшительно уничтожаетъ въ будущемъ различіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ. Въ нѣмецкихъ рабочихъ (въ цитируемомъ мѣстѣ онъ говоритъ о рабочемъ движеніи) онъ видитъ наслѣдниковъ классической нѣмецкой философіи и чисто теоретическихъ интересовъ. Мы уже говорили о его теоріи великихъ людей (§ 25); напр. Марксъ такой великій человѣкъ и его величіе состоитъ въ томъ, что онъ открылъ историческій матеріализмъ; но, продолжаетъ Энгельсъ, его

---

[1]) „Капиталъ“ I. 386.

[2]) Мы уже приводили изъ Deutsche—Franz. Jahrb. цитату: „человѣкъ т. е. міръ человѣка, государство, общество“. Въ „Восемнадцатомъ брюмера“ уже говорится, что идеологія (сознаніе) создается классомъ.

открыли также и Морганъ и другіе — время настало и историческій матеріализмъ долженъ былъ быть открытымъ.

Энгельсъ произнесъ знаменитое слово объ «отдѣльной, оборванной (lumpige) личности» и онъ произнесъ его въ чрезвычайно важномъ для марксизма произведеніи: «Происхожденіе семьи». Энгельсъ обосновываетъ коммунизмъ, экономическій и духовный, на нѣкотораго рода біологическомъ коммунизмѣ: первобытное коммунистическое общество объединяетъ отдѣльныхъ личностей обоихъ половъ при посредствѣ коммунистической семьи. Энгельсъ даже превзошелъ въ послѣдовательномъ и радикальномъ коммунизмѣ самого Маркса.

48. Если отдѣльная личность столь ничтожное и оборванное (lumpig) существо, то почему и какъ масса имѣетъ такое громадное значеніе?

Въ пониманіи и объясненіи отношенія индивида къ обществу состоитъ вся тайна соціологіи, тайна того, что такое общество и что такое индивидъ—потому что очевидно, что нѣтъ общества безъ индивида, какъ нѣтъ и индивида безъ общества. Къ опредѣленію этихъ отношеній сводится не только соціологическая теорія, но и политическая практика.

Марксъ и Энгельсъ рѣшаютъ эту задачу въ томъ смыслѣ, что подавляютъ личность. Такой крайній соціализмъ или коммунизмъ, конечно, несостоятеленъ.

При изученіи каждаго аггрегата, а также и общественнаго, необходимо имѣть не только ясныя, но и расчлененныя понятія, т. е. понимать реально фактическія соотношенія индивидовъ, представлять себѣ составленное изъ индивидовъ цѣлое живо и во всей его полнотѣ, имѣть въ виду именно этотъ аггрегатъ и не смѣшивать его съ абстрактными понятіями.

Второе правило, вытекающее изъ этаго перваго и главнаго правила, состоитъ въ томъ, чтобы не допускать никакого мифическаго олицетворенія, т. е. не дѣлать изъ общества какого-то отдѣльнаго единаго существа.

Существуетъ еще и этическое правило: не видѣть въ обществѣ своего собственнаго *я*. Не слѣдуетъ потому играть въ олицетворенномъ общественномъ организмѣ роль стараго Менелая Агрипы и выдавать себя за голову или за брюхо.

Марксъ и марксисты не соблюдаютъ этихъ необходимыхъ правилъ. Понятія Маркса объ обществѣ абстрактно, такъ какъ онъ ex thesi игнорируетъ всѣ общественныя силы за исключеніемъ хищности и стремленія къ власти; это понятіе антропоморфическое.

И тутъ снова матеріализмъ съ его примитивной психологіей оказывается несостоятельнымъ. Собственно говоря, къ общему коммунизму Маркса матеріализмъ совсѣмъ не подходитъ; если выводить матеріалистически всю жизнь духа изъ мозга, то нѣтъ мѣста для

общества и для его вліянія; а съ другой стороны ученіе Маркса о коллективномъ сознаніи исключаетъ индивидуальное.

Что же касается спеціально экономическаго матеріализма, то съ нимъ можно соединять какъ коллективизмъ, такъ и индивидуализмъ— что и доказывается тѣмъ, что многіе изъ защищающихъ гипотезу историческаго матеріализма совсѣмъ не соціалисты. Впрочемъ, формула Маркса относительно экономическаго матеріализма приводитъ, какъ сказано, къ иллюзіонизму и такимъ образомъ и къ духовному коммунизму. Не говоря уже о метафизическомъ обоснованіи, психологическій анализъ отношенія личности къ обществу противорѣчитъ иллюзіонизму Маркса. Мы уже указывали на это, и теперь только повторяемъ. Не существуетъ никакого коллективнаго сознанія, есть только индивидуальное. То, что называютъ коллективнымъ сознаніемъ, есть созданное сосуществованіемъ и постояннымъ взаимодѣйствіемъ общее состояніе духа, проявляющееся какъ такъ называемая духовная атмосфера, общественный духъ или духъ времени, общественное мнѣніе, духовная среда и т. д. Но единаго коллективнаго сознанія все таки не существуетъ и потому можно понятіе о массѣ, относительно ея величины и свойства, опредѣлять весьма различно. Государство, церковь, нація, классъ, союзъ, родъ, семья и т. д. могутъ составлять такую организованную массу и имѣть свое собственное «сознаніе»—всѣ эти организаціи опять таки могутъ быть связаны самымъ разнообразнымъ способомъ. Самъ Энгельсъ говоритъ о «большихъ массахъ», о «цѣлыхъ народахъ», о «цѣлыхъ народныхъ классахъ». Общество есть крайне сложная организація и эту сложную организацію надо разсматривать конкретно.

Общество при какой угодно организаціи не есть существо, подобное живому организму, та особенность, благодаря которой нѣкоторые считаютъ общество организмомъ, развилось исторически, то есть совершенно иначе, чѣмъ развивается организмъ. Общество организовано болѣе или менѣе планомѣрно, но все таки оно не организмъ. И именно потому, что у него нѣтъ единаго сознанія. Существуетъ только особое, общее общественное состояніе, согласованіе (consensus) общественныхъ силъ, при которомъ напр. извѣстному состоянію науки соотвѣтствуетъ извѣстное состояніе искусства (естествознаніе—матеріализмъ—позитивизмъ—реализмъ—натурализмъ), извѣстной политической тактикѣ извѣстное экономическое положеніе и т. д. Понятно, что слѣдуетъ точно опредѣлить степень и родъ такого согласованія, а также и его причины [1]).

[1]) Марксъ знаетъ объ этомъ согласованіи, consensus (выраженіе Конта). Говоря о томъ, какъ обмѣниваются различные товары, онъ замѣчаетъ (1. 33): вообще съ такимъ опредѣленіями бываютъ оригинальныя вещи. Такой то есть король, только потому, что другіе люди относятся къ нему, какъ подданные. А они, наоборотъ, считаютъ себя подданными, потому что онъ король".

Марксъ самъ сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, въ чемъ состоитъ опасность для научнаго понятія о массѣ, а, стало быть, и обществѣ; онъ упрекаетъ Прудона въ томъ, что тотъ олицетворяетъ общество. Но самъ онъ позже (въ Капиталѣ) часто впадаетъ въ туже ошибку: его понятія о капиталѣ, объ общественномъ трудѣ и пр. тоже антропоморфическія; да и вообще его пониманіе общества, какъ организма, антропоморфическое въ высшей степени [1]).

Такое мифическое пониманіе, заимствованное Марксомъ и Энгельсомъ у Гегеля, проявляется, понятно, и въ ихъ методѣ. Органическая теорія общества обыкновенно приводитъ къ тому, что соціологи ради упрощенія соціологическихъ и политическихъ проблеммъ, упрощенія неоправдываемаго, прибѣгаютъ къ аналогіи. Это недостатокъ всѣхъ приверженцевъ этой теоріи отъ Платона до Спенсера и Маркса—мы тутъ снова встрѣчаемся съ примитивизмомъ, о которомъ уже не мало говорили выше. Въ соціологіи аналогія можетъ быть полезной, какъ возбудитель, она можетъ обратить наше вниманіе на многое, но она не должна замѣнять самостоятельнаго наблюденія общества, недолжна замѣнять прямыхъ доказательствъ. Общество не организмъ, а агрегатъ (collectivum) Sui generis. Его можно, конечно, сравнивать съ организмомъ по отношенію къ его структу-

Если бы Марксъ внимательнѣе присмотрѣлся къ дѣлу, онъ не дошелъ бы до иллюзіонизма и всеобщаго коммунизма.

Въ томъ же смыслѣ и Энгельсъ часто говоритъ о взаимодѣйствіи и старается объяснить и защитить историческій матеріализмъ такими взаимодѣйствіями; особенно въ вышеприведенномъ (§§ 24) письмѣ онъ говоритъ о взаимодѣйствіи экономическихъ и идеологическихъ отношеній; благодаря такому взаимодѣйствію экономическія отношенія осуществляются, какъ рѣшающія. Какъ представляетъ себѣ Энгельсъ такое взаимодѣйствіе и производимое общее состояніе, видно изъ одного мѣста въ Антидюрингѣ (7): „при внимательномъ разсмотрѣніи мы находимъ, что оба полюса противорѣчія, положительный и отрицательный, столь же неотдѣлимы, какъ и противуположны и что они, не смотря на ихъ противуположность, взаимно проникаютъ одинъ въ другой; точно также мы видимъ, что причина и слѣдствіе суть представленія, дѣйствующія, какъ причина и слѣдствіе, только въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ, но они, поскольку мы разсматриваемъ отдѣльный случай въ общей связи съ міровымъ цѣлымъ, сливаются, сходятся въ понятіи о всемірномъ, универсальномъ взаимодѣйствіи, въ которомъ причины и слѣдствія постоянно перемѣняются мѣстами, такъ что то, что теперь и здѣсь есть слѣдствіе, такъ и тогда есть причина—и наоборотъ".

Мнѣ незачѣмъ подробно анализировать такое объясненіе; очевидно, что Энгельсъ приноситъ въ жертву гегелевской діалектикѣ понятіе о причинѣ и слѣдствіи и представляетъ себѣ и міръ и божество пантеистически, какъ и приличествуетъ матеріалисту.

[1]) И Марксъ и Энгельсъ часто говорятъ, что общество есть организмъ; см. введеніе къ „Капиталу" (1. 7).

рѣ (строю), функціямъ и развитію; но это только сравненіе и ничего больше. Многія, просто образныя, выраженія Маркса и Энгельса, и притомъ какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимъ точный психологическій и соціологическій анализъ, есть слѣдствіе ихъ антропоморфизма и примитивизма [1]).

Для того, чтобы получить расчлененныя понятія объ отношеніяхъ личности къ обществу, необходимо разсматривать это отношеніе въ различныхъ сферахъ общественной жизни. Мы должны опредѣлить, что обще индивидамъ въ силу дѣйствія природы (наприм. дѣйствія почвы и внѣшней среды вообще); дальше необходимо принять въ соображеніе вліянія біологическія (напр. родство по крови) и наконецъ и взаимоотношенія духовныя (логическія и моральныя). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи необходимо старательно раздѣлять сферы теоретическую и практическую—необходимо опредѣлить интеллектуальную, эмоціональную и волевую зависимость индивида отъ массы и массы отъ индивида. Потомъ придется точнѣе отдѣлить отдѣльныя сферы физической и духовной дѣятельности, наприм. почему математика считается болѣе индивидуальной, чѣмъ поэзія или музыка? Что хотимъ мы сказать, когда утверждаемъ, что поэтъ есть выразитель общаго духа, что онъ есть пророкъ—почему мы не говоримъ того же о математикѣ, который есть тоже часть того же цѣлаго?

При разсмотрѣніи крайняго коммунизма Маркса и Энгельса появляются такіе и подобные вопросы. Марксъ и Энгельсъ приняли во вниманіе только политическую сторону вопроса; но и тутъ предъ

---

[1]) Марксъ, правда, протестуетъ противъ этой естественной склонности къ соціологическому антропоморфизму, но самъ поддается этой склонности. Для него капиталистъ олицетвореніе капитала (1, 224. Ср. 111, 354 опредѣленіе капиталиста: капиталистъ есть олецетворенный капиталъ, въ процессѣ производства онъ играетъ роль только, какъ представитель капитала); капиталъ имѣетъ жизненную тенденцію и вообще онъ нѣчто въ родѣ современнаго левіафана. Сюда же можно, какъ сказано, отнести и „общественный“ трудъ Маркса (а также такія выраженія, какъ „мертвый трудъ“ и др.). Интересный примѣръ въ 4-мъ изданіи 1 части (472), гдѣ Марксъ вводитъ понятіе „общерабочій“ (Собирательный рабочій—Gesamtarbeiter) рядомъ съ прежнимъ понятіемъ о „комбинированномъ рабочемъ персоналѣ“.

Энгельсъ сначала тоже протестуетъ противъ антропоморфизма („Святое семейство“, 139): „исторія не совершаетъ ничего, она не обладаетъ никакимъ богатствомъ, она не ведетъ никакой борьбы. Только человѣкъ, дѣйствительный, живой человѣкъ, все дѣлаетъ, владѣетъ и борется; не исторія пользуется людьми, какъ средствомъ для осуществленія ея цѣлей—какъ будто бы она была особая личность—она есть ничто иное, какъ дѣятельность людей, преслѣдующихъ свои цѣли“.

Каутскій (Neue Zeit 1894) въ полемикѣ противъ Ферри признаетъ методологическую несостоятельность органической теоріи.

ними и ихъ послѣдователями стоитъ задача опредѣленія отношенія личности къ массѣ.

На основаніи ученія о всеобщемъ коммунизмѣ въ каждомъ важномъ рѣшеніи должны выражаться разумъ и воля всѣхъ, всей массы. Въ теоріи и на практикѣ дѣйствуютъ только массы. Такъ, напр., торжествуютъ при каждомъ увеличеніи числа поданныхъ за партію голосовъ, не обращая вниманія на качество избирателей; въ соціалистической партіи (какъ впрочемъ и во всѣхъ демократическихъ и народныхъ партіяхъ) наблюдается также явленіе, что личности боятся отвѣтственности и все должна рѣшать масса, партія. Энгельсъ (въ письмѣ 1894 года, приводимомъ въ §§ 24) выражаетъ совершенно опредѣленно воззрѣніе о всеобщемъ коммунизмѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «люди дѣлаютъ свою исторію, но до настоящаго времени не посредствомъ общей воли и не по общему плану».

Энгельсъ не позаботился о томъ, чтобы подробнѣе и въ особенности ноетически изслѣдовать эту общую волю и этотъ общій планъ. Онъ могъ бы взять за образецъ хотя бы Руссо, пытавшагося различить общую волю отъ воли всѣхъ и тогда онъ долженъ бы былъ отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ и въ какой степени возможны такая общая воля и такой общій планъ. Но Энгельсъ даже и не ставитъ такого вопроса; онъ довольствуется мифическимъ представленіемъ о массовомъ организмѣ и о всеобщемъ коммунизмѣ.

И однако, уже давно установлено, что ни общій планъ, ни общая воля не гарантируютъ научной достовѣрности. Не только психологія, но и логика и теорія познанія, вообще все развитіе науки и философіи говорятъ противъ абсолютнаго равенства, предполагаемаго и постулируемаго Марксомъ и Энгельсомъ; самая большая масса не составляетъ сама по себѣ ручательства за правду и совѣсть; до сихъ поръ масса еще и не думала, думаютъ (хотя бы и за массу) только личности и онѣ думаютъ въ тишинѣ, въ уединеніи, въ пустынѣ. Происхожденіе всякой творческой дѣятельности не въ массѣ.

Съ точки зрѣнія логики и теоріи познанія равенства не существуетъ. Во всякомъ случаѣ масса обладаетъ и хочетъ обладать силой, потому появляется вопросъ (и вопросъ очень старый): какимъ образомъ соединить эту силу органически съ логикой, съ познаніемъ?

Соціализмъ долженъ пытаться разрѣшить этотъ теоретическій и практическій вопросъ также, какъ и другія партіи. Стремясь организовать массы, онъ стремится къ силѣ; но сила не должна быть слѣпой и вотъ появляется вопросъ о томъ, какъ дать массѣ свѣтъ. Съ одной стороны восхваляютъ массу и ставятъ ее выше даже самыхъ даровитыхъ личностей, и съ другой работаютъ надъ образованіемъ массы. На практикѣ марксизмъ, несмотря на его позитивизмъ и культъ наукъ, принимаетъ старый конституціонный парла-

ментаризмъ, стало быть, и принципъ большинства со всѣми его ошибками и недостатками. Понятно, однако, что рѣшеніе большинства—а очень часто на практикѣ и меньшинства—не ручается ни за истину, ни за общую волю; потому то предъ защитниками парламентаризма является задача отстоять въ интересѣ общества права и голосъ меньшинства, т. е. спеціально образованныхъ личностей.

Марксизмъ не можетъ уклониться и отъ такой задачи. Прочтите различныя, имѣющія отношеніе къ этому вопросу заявленія марксистовъ, и вы увидите, что марксизмъ еще далеко не разрѣшилъ, даже на практикѣ, проблемму индивидуализма и коллективизма. Напр. Каутскій въ «прочной, распространенной во всемъ государствѣ партіи», въ хорошо организованной, компактной и дисциплинированной массѣ видитъ ручательство за то, что соціалистическіе депутаты будутъ вести себя корректно, на томъ основаніи, что они находятся подъ надзоромъ и подъ вліяніемъ партіи [1]). Такимъ образомъ, кромѣ величины массы, Каутскій требуетъ и ея организаціи и дисциплины, т. е. образованія и послушанія организаторамъ, вождямъ. Одна величина оказывается недостаточной.

Въ полемикѣ съ Баксомъ Каутскій протестуетъ противъ «демократическаго предразсудка», будто историческій матеріализмъ отвергаетъ вліяніе авторитетовъ. «Несомнѣнно, что всякая личность есть продуктъ отношеній, что она унаслѣдовала особенность своего организма и что она своимъ развитіемъ обязана средѣ, въ которой развивается. Ее не за что благодарить за то, что она геніальна. И однако, это еще не основаніе, чтобы первый попавшійся филистеръ имѣлъ такое же значеніе и такой же интересъ, какъ и мыслитель, усвоившій все знаніе своего времени и безконечно расширившій мои взгляды, или чтобъ я долженъ былъ обращать столько же вниманія на сужденіе перваго попавшагося новобранца въ политикѣ, какъ и на мнѣнія опытнаго политика, доказавшаго свои способности въ теченіе цѣлой жизни своими многочисленными побѣдами» [2]).

Я не утверждаю, что между индивидуализмомъ и коллективизмомъ существуетъ непримиримое противорѣчіе; я говорю только, что марксизмъ долженъ бы былъ разрѣшить вопросъ объ отношеніи массы къ личности болѣе точно. Это настоятельно необходимо именно для научнаго соціализма.

Тотъ же Каутскій въ концѣ концовъ успокоивается на инстиктѣ массы, причемъ онъ ссылается на слова Маркса: «каждый шагъ настоящаго движенія важнѣе тысячи программъ» [3]). Объ этомъ чудо-

[1]) „Парламентаризмъ, народное законодательство и соціалъ демократія". 1893 г. 109.

[2]) Neue Zeit, 1896. „Что даетъ и хочетъ дать матеріалистическое пониманіе исторіи?"

[3]) „Дарвинизмъ и марксизмъ" (Neue Zeit 1894).

дѣйственномъ инстинктѣ Энгельсъ и Марксъ говорятъ также, какъ безчисленные политики всѣхъ направленій и партій. Наши демагоги и ихъ уваженіе къ здравому инстинкту народа и т. д. дѣлаютъ меня большимъ скептикомъ по отношенію къ инстинкту, на который полагается Каутскій. Въ сущности, это просто слово для обозначенія различныхъ неизвѣстныхъ соціальныхъ силъ; это выраженіе надежды, что исторія пойдетъ путемъ, пріятнымъ для говорящаго. Нельзя утверждать, будто у массъ, т. е. у людей, которые въ этой массѣ являются рѣшающими, нѣтъ никакой программы, никакой исторіи; теорія же есть не только ученіе, излагаемое въ параграфахъ научнаго разсужденія; всѣ воззрѣнія безчисленныхъ личностей, составляющихъ массу, тоже теорія. Вышеприведенныя слова Маркса ничего не доказываютъ и ничего не объясняютъ, потому что онъ устанавливаетъ между движеніемъ и теоріей различіе, въ дѣйствительности не существующее. Если иногда и даже часто признанные вожди партій и массъ были покинуты этими массами, если массы начинаютъ дѣйствовать самостоятельно, то это обозначаетъ, что старые вожди замѣнены новыми, хотя бы пока и неизвѣстными. Кромѣ того, Каутскій, конечно, не хочетъ сказать, что массовой инстинктъ непогрѣшимъ. По крайней изъ другихъ мѣстъ его статей видно, что онъ ожидаетъ большаго отъ образованія массъ, чѣмъ отъ ихъ инстинктовъ; это можно заключить и изъ его мнѣнія, что рабочіе могутъ получить власть только тогда, когда они пріобрѣтутъ необходимую интеллигентность и необходимыя административныя и теоретическія познанія [1]).

Такимъ образомъ снова появляется вопросъ: какимъ образомъ обезпечить вліяніе на воззрѣнія и мнѣнія массъ образованныхъ спеціалистовъ и даровитой и даже геніальной личности, и притомъ во всѣхъ сферахъ жизни, и въ особенности въ политикѣ?

Каутскій видитъ въ «демократическомъ предразсудкѣ» филистеровъ аргументъ, благопріятный только для анархистовъ. Баксъ въ своемъ изслѣдованіи о волѣ большинства основательно указываетъ на то, что въ настоящее время большинство даже въ соціалистической партіи чисто механическое; онъ полагаетъ, что право большинства будетъ оправдываемо только въ будущемъ, когда будутъ исполнены два условія—во первыхъ будетъ существовать полное равенство, экономическое и по образованію, и во вторыхъ будетъ возбужденъ здоровый интересъ ко всѣмъ вопросамъ, касающимся всего общества [2]).

Фейербахъ, учитель Маркса, говоритъ объ инстинктѣ: „инстинктъ есть ничто иное, какъ опредѣленный, направленный къ цѣлямъ, тождественный съ жизненными потребностями и потому необманывающій разумъ. Инстинктъ есть практическій разумъ". Грюнъ 1. 315.

[1]) Neue Zeit 1890. Ср. статью Каутскаго: „Интеллигенція и соціалъ демократія" (Neue Zeit 1894).

[2]) Баксъ—Этика соціализма: воля большинства.

Но я не могу вѣрить въ такое равенство. Выдающіяся личности имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть большое вліяніе во всѣхъ сферахъ жизни, и, конечно, въ политикѣ—и такое вліяніе рѣшительно. Это вліяніе не всегда и не непосредственно опредѣляется; часто оно незамѣтно, часто люди слышатъ только крики массъ и ихъ временныхъ и совершенно незначительныхъ вождей; часто на массы вліяютъ не видные, мелкіе люди, но въ концѣ то концовъ справедливое, хотя и непопулярное мнѣніе прокладываетъ себѣ дорогу, хотя послѣ многихъ и неудачныхъ попытокъ. Въ сферѣ чисто политической наблюдается, по отношенію напр. къ нѣкоторымъ изъ переворотовъ, какъ мало они внесли новаго, несмотря на громадныя временныя потрясенія, производимыя ими—но и массовыя перевороты руководятся личностями. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда революція оказалась удачной, можно доказать, что она была завершеніемъ процесса, давно начавшагося и начатаго критически мыслящими личностями.

Бернштейнъ, всегда точный въ своихъ заявленіяхъ, безъ колебаній признаетъ, что естественные вожди класса въ его борьбѣ за освобожденіе составляютъ его аристократію [1]).

Я не раздѣляю суевѣрія «большихъ чиселъ» и «великихъ дѣйствій», о которыхъ говоритъ Энгельсъ. И притомъ совсѣмъ не изъ аристократизма; истинное величіе я вижу не въ одномъ только большомъ и массовомъ. Мнѣ до глубины души противны безчисленные соціалистическіе, демократическіе, народные... и аристократическіе демагоги. Я не говорю, чтобы мы не могли и не должны были учиться у рабочихъ селъ и деревень; но народъ не долженъ быть для насъ идоломъ... и дойной коровой. Во всякомъ случаѣ отношеніе личности къ массѣ слѣдуетъ опредѣлить не только фактически, но и этически.

Больше распространяться объ этомъ, пожалуй, незачѣмъ. Несомнѣнно одно: массы или классы не составляютъ конечной исторической движущей силы. Масса – будетъ ли она организована политически, экономически, интеллектуально, религіозно или какъ нація — есть всегда крупная и на практикѣ часто рѣшающая сила; но рядомъ съ ней и въ ней рѣшающей силой, и притомъ во всѣхъ сферахъ жизни, являются и личности; а выше ихъ стоитъ, какъ рѣшающая сила, критика и признаніе другихъ личностей, современниковъ или потомковъ. Если наука и философія не простая мечта, то мы должны представлять себѣ отношеніе между индивидуализмомъ и коллективизмомъ болѣе точно и болѣе критически, чѣмъ представляли Марксъ и Энгельсъ. Общество отнюдь не есть такой организмъ, который непогрѣшимо обусловливаетъ всеобщій коммунизмъ. Потому и исторія

[1]) „Послѣсловіе къ исторіи англійскаго трэдъ-уньонизма С. и Б. Веббъ", 449.

не есть только исторія массовыхъ движеній и классовой борьбы, но и исторія многихъ личностей.

49. Если общество есть организмъ, то исторія есть развитіе этого организма; общее сознаніе есть сознаніе историческое. Сознаніе соціально и исторично—съ точки зрѣнія Маркса слѣдуетъ сказать, что оно исторично по преимуществу—именно такова сущность историзма Маркса.

Ни Марксъ, ни Энгельсъ подробно не разработали этого предмета. Дѣло тутъ главнымъ образомъ въ психологическомъ объясненіи исторически развивающагося сознанія. Марксъ и Энгельсъ обыкновенно обращаютъ вниманіе только на логическую сторону вопроса; мы говорили уже (§ 13), что они указываютъ преимущественно на относительность познанія, на логическій научный прогрессъ. Но этого недостаточно; необходимо разсмотрѣніе психологической или біологической стороны вопроса.

По мнѣнію Маркса сознаніе (вѣрнѣе будетъ сказать, коллективное сознаніе) проходитъ послѣдовательно различныя стадіи, изъ которыхъ важнѣйшія суть древняя мифическая и позднѣйшая, научная, позитивная. Но тутъ является очень важный для философіи исторіи вопросъ: какимъ образомъ мы должны представлять себѣ это развитіе позднѣйшей стадіи сознанія изъ болѣе ранней? Какъ развивается позитивное, научное мышленіе изъ мифологическаго, антропоморфическаго? Какъ сказано, насъ не удовлетворяетъ одно логическое объясненіе, намъ необходимо знать, есть ли позднѣйшая стадія слѣдствіе біологической и исторической зрѣлости? Измѣняется ли самая сущность духа, въ какой степени сознаніе настоящаго времени иное, отличное отъ прежняго и чѣмъ они отличаются? Само собой понятно, что тутъ же является и слѣдующій вопросъ объ отношеніи индивидуальнаго сознанія къ историческому.

Въ сущности говоря, у Маркса и Энгельса гегелевскій пантеизмъ, абсолютный духъ просто замѣненъ общимъ или историческимъ сознаніемъ: личное сознаніе есть иллюзія, а истинное, настоящее сознаніе—это массовое, историческое. Личность думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ только потому, что она, какъ говоритъ Фейербахъ, живетъ въ обществѣ; потому она мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ, какъ существо, живущее въ исторіи и посредствомъ исторіи [1]).

50. Въ послѣднее время соціологи и психологи очень усердно занимаются вопросомъ о коллективномъ сознаніи. Я уже указывалъ

[1]) Фейербахъ высказываетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „я мыслю только какъ субъектъ, произведенный исторіей, обобщенный, соединенный съ цѣлымъ, съ родомъ, съ духомъ исторіи; мои мысли имѣютъ свое начало и основаніе не непосредственно въ моей субъективности; онѣ суть результаты; ихъ начало и основаніе суть начало и основаніе самой всемірной исторіи" Грюнъ, I, 309.

на попытку создать новую дисциплину, психологію народовъ — въ послѣднее время занимаются изученіемъ психологіи толпы. Но этотъ вопросъ уже давно занимаетъ ученыхъ, такъ какъ люди всегда сознавали, что ихъ индивидуальное и временное развитіе тѣсно связано съ общественнымъ цѣлымъ и съ его историческимъ развитіемъ. Теперь это сознается еще сильнѣе и потому отношеніе личности къ обществу анализируется глубже и разностороннѣе—въ такомъ направленіи сознанія, несомнѣнно, проявляется и современный индивидуализмъ.

Исторія мнѣній о коллективномъ духѣ была ли весьма поучительна; здѣсь мы можемъ указать только на наиболѣе важные факты, насколько это необходимо намъ для пониманія происхожденія и развитія соціализма и марксизма.

Чѣмъ дальше мы уходимъ въ прошлое, чѣмъ больше мы погружаемся въ древнюю исторію первобытныхъ обществъ, тѣмъ болѣе индивидъ представляется намъ связаннымъ съ обществомъ; и тѣмъ болѣе отдѣльныя личности духовно похожи одна на другихъ. Выдающаяся личность считается посломъ и орудіемъ Бога. Такое мифическое и мистическое пониманіе господствуетъ и въ современномъ обществѣ; критическое, точное пониманіе распространяется очень медленно.

Средневѣковый католицизмъ дѣлалъ коллективизмъ единой и распространенной политической и философской системой. Католицизмъ формулировалъ понятіе о всеобщности, всемірности (католичности) въ томъ смыслѣ, что церковь, какъ единое цѣлое (а церковь была тогда всѣмъ), вездѣ проповѣдуетъ одно и то же, вѣритъ въ одно и дѣлаетъ одно (quod ubique, quod semper, quod ad omnibus); какъ сказано, тотъ же принципъ примѣнялся и въ церковной практикѣ и политикѣ. Но на практикѣ какой угодно католицизмъ не можетъ обойтись безъ индивидуализма. Исторія церкви есть исторія отношенія соборовъ, этихъ церковныхъ парламентовъ, къ папѣ. Рядомъ и одновременно стоятъ церковь, какъ цѣлое, ея депутаты на соборахъ— стало быть, опять таки и большинство и меньшинство — и наконецъ личность—папа, какъ представитель всей церкви. Церковь организуется іерархически, какъ абсолютная монархія и централизмъ. Аналогична этой организаціи была и организація политическая, феодальная. Борьба между императоромъ и папой, между свѣтской и духовной властями, поддерживаетъ сознаніе, что человѣкъ принадлежитъ къ двойственной общественной организаціи, и такимъ образомъ эта борьба укрѣпляетъ сознаніе индивидуальное

Вслѣдствіе протестантизма католицизмъ распадается на нѣсколько церквей—эти различныя церкви существуютъ рядомъ и одновременно. Протестантизмъ своей враждой къ католицизму, своимъ субъективизмомъ и соотвѣтствующими ему церковной организаціей и догмой усиливаетъ индивидуализмъ. Но онъ въ своей церкви сохраняетъ всемірность, католичность, потому появляются тѣже вопросы объ отношеніи общества и личности, большинства и меньшинства, какъ и въ католицизмѣ. Но церкви мельче; появляются церкви въ церкви; догма и церковная организація менѣе іерархичны, часто совсѣмъ неіерархичны и демократичны.

Одновременно съ реформаціей усиливаются и организуются, какъ абсолютныя монархіи, государства. Но и къ нимъ примѣнимо то, что мы сказали о протестантскихъ церквахъ—они мельче, индивидуализированнѣе.

Противъ политическаго абсолютизма ростетъ политическій же протестъ, завершеніемъ котораго была революція, явившаяся продолжательницей церковной, протестантской революціи. Революція провозглашаетъ равенство всѣхъ; она демократична и коллективистична— республика и всеобщее избирательное право есть уже политическій коллективизмъ.

Церковное и политическое дифференцированіе общества создаетъ дифференцированіе экономическое и соціальное. Появляются различные новые классы и союзы.

Эти классы имѣютъ характеръ, отличный отъ прежнихъ средневѣковыхъ сословій. Средневѣковыя сословія были членами, частями іерархической, аристократической организаціи, а новыя сословія, классы, демократичны.

Одновременно съ политическимъ и соціальнымъ сознаніемъ развивается въ новое время и національное. Гердеръ былъ однимъ изъ первыхъ, ясно высказавшихъ понятіе о націи, какъ естественномъ членѣ человѣчества. Онъ противупоставлялъ націю, какъ естественное цѣлое, государству, цѣлому искусственному. Съ тѣхъ поръ національное сознаніе въ политическомъ и соціальномъ отношеніи усиливается и ставится вопросъ объ отношеніи личности къ этому аггрегату.

Національность соціализируется также, какъ государство и церковь. Къ полноправнымъ старымъ сословіямъ присоединяется народъ. Къ концу прошлаго вѣка понятіе о народѣ опредѣляется теоретически и практически. Народъ становится третьимъ и четвертымъ сословіемъ; съ этого времени въ соціальномъ отношеніи говорятъ о народѣ, а въ политическомъ и въ филологическомъ о націи. Созрѣваетъ и различіе между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Параллельно съ такимъ развитіемъ философія, литература и искусство работаютъ надъ созданіемъ нравственнаго идеала; идеалъ Возрожденія, гуманизма, расширяясь и углубляясь, становится всеобъемлющимъ идеаломъ чистой и естественной человѣчности — идеаломъ гуманности. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ этотъ идеалъ уже настолько разработанъ, что во имя его провозглашаются новыя политическія права, права человѣка. Нѣсколько позже слѣдуетъ признаніе права

языковъ. Естественно, что и идеалъ гуманности тоже соціализируется: соціализмъ ставитъ свои требованія тоже во имя человѣчности.

Не слѣдуетъ, однако, полагать, что развитіе было только политическимъ и соціальнымъ. Въ ту эпоху, когда были признаны права человѣка, права національныя и соціальныя и права языка, начинаютъ цѣнить и народное искусство. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка собираютъ произведенія народной поэзіи; признается не одно только право народа, но и его искусство. Народная поэзія противупоставляется индивидуальной.

Признается также и народная философія. Въ эту эпоху восхваляютъ Sensus communis, здравый человѣческій разумъ; Вико въ соціологіи и политикѣ ссылается на него; философы апеллируютъ къ нему противъ скептицизма Юма.

Руссо формулируетъ ученіе о всеобщей волѣ; а Фергюссонъ, замѣчательный для своего времени соціологъ и историкъ, предлагаетъ теорію, на основаніи которой личность имѣетъ значеніе только какъ часть цѣлаго, къ которому она принадлежитъ.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ развиваются традиціи восемнадцатаго; и въ настоящее время во всѣхъ сферахъ теоріи и практики мы относимся сознательнѣе къ вопросу о коллективизмѣ и индивидуализмѣ.

Воззрѣнія коллективистическія поддерживаются современнымъ историзмомъ и эволюціонизмомъ; романтизмъ впадаетъ иногда въ чисто мистическій историзмъ (философія исторіи, исторія, историческая школа въ философіи права и въ политической экономіи).

Въ это то время происходитъ созданіе соціологіи Контомъ—Марксъ пытается научно обосновать соціализмъ. Соціализмъ высказывается за коллективизмъ — онъ есть коллективизмъ по самому существу своему. Онъ есть демократическій и часто мистическій культъ народа: крестьянинъ, мужикъ, рабочій, пролетарій становятся героями современности и будущаго. Толстой, напр., совершенно также, какъ и Марксъ, понимаетъ общество и ея исторію какъ организацію и развитіе массъ.

Современная философія въ цѣломъ, въ лицѣ важнѣйшихъ ея представителей, субъективная и потому индивидуалистическая; критическая философія (Юмъ, Кантъ) рѣшительно индивидуалистическая; въ этомъ философія составляетъ контрастъ съ теологіей. Послѣ Юма и Канта и философія становится болѣе коллективистической, а въ особенности философія соціологическая—въ Германіи философія исторіи, сначала Гегель, а потомъ Фейербахъ и Марксъ. Въ особенности Фейербахъ и еще болѣе Марксъ отреклись отъ индивидуализма и субъективизма—ихъ объективизмъ eo ipso историческій и коллективистическій.

Марксъ исходитъ отъ Гегеля и Фейербаха.

Гегель отрекается отъ индивидуалистическаго—у Фихте даже анархическаго—субъективизма и обращается къ обществу, къ исторіи; его историзмъ есть политическое послѣдствіе пантеизма; абсолютный духъ проявляется и развивается въ ходѣ исторіи. Коллективистично также и ученіе Гегеля объ объективномъ духѣ (государство, гражданское общество, семья); во всякомъ случаѣ Гегель не забываетъ о субъективномъ духѣ—великій мыслитель, вообще великіе умы суть представители и довѣренные объективнаго духа [1]).

Аристократическій пантеизмъ Гегеля имѣлъ послѣдователями правыхъ гегеліанцевъ, консерваторовъ; лѣвые гегеліанцы, радикалы и демократы, раздѣлились на два лагеря: коллективисты, соціалисты и индивидуалисты. Индивидуалисты — это Бауеръ съ его критической критикой и Штирнеръ; Фейербахъ, Марксъ и Энгельсъ—коллективисты.

Фейербахъ признаетъ человѣкомъ только общечеловѣка, котораго онъ и называетъ прямо коммунистомъ; во всякомъ случаѣ для него коммунистъ преимущественно существо нравственное, какъ этого требовалъ его идеалъ гуманности.

Марксъ и Энгельсъ соединили Гегеля и Фейербаха, но они пошли дальше ихъ обоихъ. Доведя до крайности фейербаховскій объективизмъ и абсолютно осудивъ субъективизмъ, такъ что индивидуальное сознаніе признается ими иллюзіей, ложнымъ сознаніемъ, они замѣ-

---

[1]) Въ полемикѣ противъ критическаго индивидуализма Бауера Марксъ выводитъ это ученіе изъ Гегеля. Философія исторіи Гегеля представляется ему просто развитіемъ и осуществленіемъ христіанско-германской догмы о духѣ и матеріи, о Богѣ и мірѣ; въ исторіи это противорѣчіе выражается тѣмъ, что активный духъ—это только немногія избранныя личности, тогда какъ все остальное человѣчество представляетъ бездушную массу, матерію. По мнѣнію Маркса, во Франціи доктринеры одновременно проповѣдывали то, чему училъ Гегель въ Германіи: они провозглашали суверенитетъ разума противъ суверенитета народа, чтобы исключить массы и господствовать надъ ними („Святое Семейство“ 126).

Марксъ могъ бы припомнить ученіе Гегеля о великихъ людяхъ: въ особыхъ, спеціальныхъ цѣляхъ этихъ людей содержится всеобщее, воля мірового духа; это всеобщее содержится также и въ всеобщемъ, безсознательномъ инстинктѣ людей, въ инстинктѣ, влекущемъ ихъ къ той же цѣли, именно потому они и подчиняются руководству великихъ людей, которые, преслѣдуя свои цѣли, осуществляютъ внутреннюю истинную цѣль массы. „Эти міровыя историческія личности суть поэтому руководители къ цѣли, составляющей ступень въ прогрессѣ всеобщаго духа“.

Если сравнить такую психологію массы Гегеля съ психологіей Энгельса, мы увидимъ, что оба ученія сходны. Это сходство будетъ еще очевиднѣе, если припомнить, что и Гегель признавалъ иллюзіонизмъ индивидуальнаго сознанія: личности со всей свойственной имъ страстностью стремятся къ осуществленію ихъ собственныхъ цѣлей, но на дѣлѣ онѣ осуществляютъ только то, чего хочетъ разумъ, и страсти взаимно парализуются (§ 43).

нили пантеизмъ Гегеля матеріалистической массой абсолютно равныхъ личностей. Абсолютный духъ Гегеля превращается въ массу, въ пролетарія; фейербаховскій гуманизмъ становится реальнымъ гуманизмомъ и въ концѣ концевъ абсолютнымъ, всеобщимъ, международнымъ коммунизмомъ: все человѣчество въ его исторіи есть истинный міровой субъектъ. Само собой понятно, что такой крайній объективизмъ долженъ былъ принять субъективистическую оболочку: общество разбивается на классы и Марксъ принимаетъ вполнѣ индивидуалистическій лозунгъ: борьба. Нелѣпая психологія мотивовъ поддерживаетъ психологическій иллюзіонизмъ. Самъ Марксъ вначалѣ признаетъ массу пассивнымъ элементомъ.

Въ настоящее время соціализмъ и коллективизмъ разнообразныхъ направленій и столь же разнообразно формулируемый субъективизмъ стоятъ другъ противъ друга [1]). Въ теоріи необходимо точное опредѣленіе отношенія между личностью и общественнымъ аггрегатомъ, а на практикѣ дѣло идетъ объ органическомъ расчлененіи самосознательныхъ индивидовъ, индивидуальностей, въ единомъ и гармоническомъ цѣломъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что соціализмъ сначала былъ религіознымъ, этическимъ и политическимъ; Руссо говоритъ о всеобщей волѣ, а не о всеобщемъ разумѣ; sensus communis Вико главнымъ образомъ практическій; Марксъ тоже, и соціализмъ вообще, основывается на объединеніи личностей въ кооперації. Въ теоріи индивидуализмъ, впрочемъ, признается почти всѣми. Философія все еще остается индивидуалистической, аристократической — она все еще слѣдуетъ завѣтамъ Платона, который вопреки своему коммунизму считалъ философовъ царями не только въ теоріи, но и на практикѣ. И однако философія и современная наука указываютъ на то, что философія не только субъективна и индивидуальна, но также и объективна и коллективистична; науки представляютъ историческую родословную понятій, идей и направленій. Многочисленныя попытки популяризировать науку и философію обусловливаются сознаніемъ аристократіей ума ея вины предъ массой; теперь именно литературный и философскій аристократизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ декаденство, приводитъ царей мысли, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, въ лагерь соціалистовъ; другіе идутъ къ мужику. Потому то въ философіи является стремленіе къ соціализированію, къ опрощенію — причемъ не рѣдко философія и наука прямо таки приносятся въ жертву.

Вообще въ настоящее время и на практикѣ и въ теоріи преобладается коллективистическое направленіе. Соціализированіе политики,

[1]) Напр. Карлейля нельзя безъ нѣкоторыхъ оговорокъ причислять къ индивидуалистамъ; великую личность, героя онъ признаетъ, какъ признавали его древніе, за пророка, за призваннаго представителя націи и человѣчества

права гражданскаго и уголовнаго, школы, даже искуства и религіи— такова обширная и содержательная программа настоящаго времени. Коллективистическіе взгляды преобладаютъ въ соціологіи, экономикѣ, государствовѣденіи, а также и въ исторіи. [1])

Точное опредѣленіе отношеній индивида и общественнаго аггрегата есть настоятельная задача какъ соціологической теоріи, такъ и общественной практики. При сложности предмета тутъ не мыслимы какія нибудь абстрактныя опредѣленія и формулы, проблемма всего лучше разрѣшается подробной разработкой соціологіи и усовершенствованіями и дополненіями, вносимыми въ политическую программу.

Что же касается спеціально марксизма, то я могу повторить только то, что сказалъ въ введеніи—соціализмъ вообще, и марксизмъ въ особенности, есть не только экономическій вопросъ.

[1]) Положеніе вопроса въ литературѣ можно характеризировать такими данными. Соціализмъ появляется въ разнообразныхъ оттѣнкахъ; въ такъ называемой классической политической экономіи катедеръ-соціалисты и историческая школа коллективистичны (консервативные политики и экономисты тоже коллективисты; настоящій индивидуалистическій либерализмъ явленіе довольно рѣдкое).

О соціализированіи уголовнаго права см. Учебникъ нѣмецкаго уголовнаго права Листа (§§ 134). О соціальномъ значеніи права вообще, и въ особенности гражданскаго см. сбсужденіе вопроса о кодификаціи нѣмецкаго гражданскаго права и о новѣйшихъ кодексахъ вообще (ср. Энциклопедія юридическихъ наукъ Гольцендорфа 1890. Handwört d. Staatsw. 11. дополнительная часть).

На вопросы педагогическіе, какъ слѣдствіе духовнаго коллективизма указываетъ американскій соціологъ Винцентъ.—Social Mind und Education 1897, а также Наторпъ.—Social pädagogik 1899.

О задачахъ коллективистическаго пониманія исторіи въ противуположность индивидуалистическому у Бернгейма; Лампрехтъ въ его исторіи и потомъ въ отдѣльныхъ статьяхъ (Jahrbücher für Nationalöek 1897 г. статьи Лампрехта и Рахфаля) высказывается въ пользу коллективизма.

О современной соціологіи см. Барта.—Философія исторіи и Штейна.—Соціальный вопросъ (ст. 511. — Индивидуумъ, общество и государство). Изъ крупныхъ произведеній можно указать на важное произведеніе Тённіеса. „Община и Общество. Разсужденіе о коммунизмѣ и соціализмѣ, какъ эмпирическихъ культурныхъ формахъ“. 1887 (интересно совпаденіе взглядовъ автора съ взглядами русскихъ народниковъ). См. также цитированное сочиненіе Изуле.

О психологіи толпы: Лебокъ.—Psychologie des foules 1896 и Сигеле 1897. Сюда относятся также и изслѣдованія о геніальности и вообще о выдающихся личностяхъ. Современные американскіе психологи занимается теперь соціальной психологіей (Балдуинъ.—Social and Ethical interpretation in mental Development. — Study in Social Psychology 1897). Объ этикѣ см. Паульсенъ.—Система этики 1894 и Зиммель.—Введеніе въ науку о нравственности 1892. Объ эстетикѣ: Толстой.—Искусство.

Наконецъ нужно имѣть въ виду и литературу объ эволюціи, въ которой вопросъ о сущности общественности и обобществленія разсматривается съ точки зрѣнія естествознанія (Романесъ. — Mental Evolution in Man).

B.

Историческіе законы и теорія развитія.

1. Отъ обсужденія историческихъ силъ перейдемъ къ разсмотрѣнію историческихъ законовъ. Тутъ насъ снова интересуетъ главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какъ обосновывали соціологически и философски Марксъ и Энгельсъ свое понятіе объ историческомъ законѣ и какъ они проводили это понятіе въ ихъ системѣ.

Законъ и закономѣрность любимыя слава и понятія Маркса и Энгельса; это и понятно для позитивистовъ, считающихъ дѣйствія личности и массы абсолютно детерминированными. Для Маркса важны прежде всего законы экономическіе, какъ гласитъ его формула въ предисловіи къ «Капиталу»; но для историческаго матеріализма экономическое развитіе есть развитіе историческое.

Мы видѣли, что Марксъ считаетъ экономическое развитіе естественнымъ процессомъ и потому онъ съ такимъ эмфазомъ и говоритъ о естественныхъ законахъ капиталистическаго производства. Я уже сдѣлалъ достаточно возраженій противъ натурализма Маркса и противъ его стремленія подчинить соціологію и исторію естествознанію или естественной исторіи; методы естествовѣденія представляются Марксу особенно научными и точными — и само по себѣ понятно, что онъ отождествляетъ естествознаніе съ матеріализмомъ.

Энгельсъ различаетъ развитіе природы отъ историческаго и признаетъ особые внутренніе законы историческаго развитія (имманентные законы Гегеля) [1]). Еще рѣшительнѣе настаиваетъ на различіе между историческими и естественными законами Каутскій.

Такое отождествленіе историческихъ законовъ съ естественными у Маркса есть, конечно, логическое послѣдствіе матеріализма; но мы не поймемъ вполнѣ смысла и значенія матеріализма Маркса, если мы не признаемъ, что Марксъ думалъ обосновать историческій и соціальный детерминизмъ при посредствѣ матеріализма и позитивизма. Посредствомъ детерминизма онъ хотѣлъ окончательно отдѣлаться отъ идеологіи, и въ особенности отъ идеологическаго или утопическаго соціализма. Соціализмъ Маркса, обоснованный на позитивистическомъ матеріализмѣ, детерминистическій и потому самому столь же научно точный, какъ и естествознаніе; научность же соціализма доказывается въ особенности открытіемъ историческихъ законовъ. Исторія тоже такимъ образомъ становится наукой, такъ какъ она уже въ состояніи указать на законы историческаго развитія.

[1]) „Фейербахъ“, 26. 51. Объ отношеніи исторіи къ естествознанію см. §§ 19.

52. Марксъ очень не любилъ Милля. И объ этомъ приходится пожалѣть; усвоивъ себѣ то, что говоритъ Милль въ его логикѣ, онъ лучше уяснилъ бы себѣ логическое значеніе научныхъ законовъ; Милль могъ бы ему помочь въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе, что онъ былъ тоже позитивистомъ и предложилъ очень ясныя и заслуживающія вниманія формулы о научныхъ и спеціально о соціологическихъ законахъ. Кромѣ того Милль пытался провести свои абстрактно логическіе взгляды въ своей политической экономіи — и это было бы довольно цѣннымъ поученіемъ для Маркса и Энгельса [1]).

Всякій, кто внимательно прослѣдилъ разъясненія Энгельса, знаетъ, что онъ недостаточно различаетъ понятія: движущая сила и законъ [2]). По всей видимости, онъ также, какъ и Марксъ, подъ историческимъ закономъ понимаетъ *основаніе*, какъ это называется въ логикѣ — или послѣдній, конечный (высшій) законъ, объясняющій отдѣльныя историческія явленія и такъ называемые выводные, производные законы.

Но тутъ-то Марксъ и Энгельсъ и наталкиваются на затрудненія. У Маркса есть понятіе о научномъ законѣ, но онъ не уяснилъ себѣ вопроса объ объемѣ его дѣйствія, и именно потому, что не уяснилъ себѣ сущности научнаго объясненія [3]). Потому Марксъ и утверждаетъ, что онъ въ «Капиталѣ» выставляетъ только спеціальные, а не общіе историческіе законы.

Марксъ въ послѣсловіи первой части «Капитала» принимаетъ объясненіе своего русскаго критика, что методъ Маркса характеризуется тѣмъ, что онъ не признаетъ общихъ или абстрактныхъ законовъ. Это довольно странное утвержденіе. Понятно, что каждая эпоха, напр. капиталистическая, управляется особыми законами, но сейчасъ же появляется вопросъ, не существуютъ ли кромѣ этихъ спеціальныхъ законовъ и болѣе общихъ и даже всеобщаго закона. [4]).

---

[1]) Изъ богатой, хотя и не весьма поучительной литературы по этому вопросу укажу изъ экономистовъ только на Неймана. Онъ пытался болѣе точно и согласно съ взглядами Милля опредѣлить понятіе объ экономическомъ законѣ („Естественный законъ и экономическій законъ — Zeitsch. f. Staatswiss. 1892. Ср. также его „Основанія ученія о народномъ хозяйствѣ“ 1889).

[2]) Энгельсъ — „Фейербахъ“ 52. Такъ и у Маркса — 1, 323,

[3]) Понятіе о законѣ капиталистическаго производства (Марксъ называетъ этотъ законъ естественнымъ) опредѣляется, какъ „тенденціи, дѣйствующія и проявляющіяся съ желѣзной необходимостью; слово: тенденція обозначаетъ сущность законовъ вообще, а также и закона историческаго. Ср. Милль — Логика III. Гл. 10. §§ 6.

[4]) Вышеупомянутый русскій критикъ даетъ такую характеристику метода историческаго объясненія Маркса: общественные организмы (т. е. общественныя учрежденія различныхъ эпохъ) отличаются другъ отъ друга столь же принципіально, какъ организмы животные и растительные; Марксъ, предлагаетъ особые законы, регулирующіе появленіе, существованіе, развитіе и смерть извѣстнаго общественнаго организма и

Я не буду противъ Маркса ссылаться на Энгельса, признающаго общіе законы [1]); но изъ первой части «Капитала» видно, что утвержденіе Маркса и его русскаго критика не имѣетъ никакого смысла. Что напр. обозначаетъ такое положеніе въ предисловіи: «болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ менѣе развитой картину ея будущаго [2]).

Если бы было вѣрно, что историческія эпохи отличается одна отъ другой также, какъ растеніе отличается отъ животнаго (а это, конечно, не вѣрно), то существовали бы и нѣкоторые общіе, примѣнимые ко всѣмъ эпохамъ законы; научное объясненіе одними только спеціальными законами даже невозможно.

Въ опредѣленіи историческаго матеріализма въ сочиненіи «Sur Kritik» говорится, что прежнее развитіе было только до историче-

---

его замѣну другимъ, высшимъ. Марксъ, какъ уже сказано, полагалъ, что русскій критикъ въ этомъ объясненіи превосходно понялъ смыслъ его діалектическаго метода.

[1]) Энгельсъ—„Фейербахъ“, 45, 53. Анти—Дюрингъ, 150.

[2]) Марксисты понимаютъ законъ развитія Маркса, какъ общій. Такъ напр. Лафаргъ (см. у Сореля — Social. Monatsch. 1898), говоритъ: „весь способъ производства развивается по присущему ему закону движенія, въ какой бы части земнаго шара оно не происходило, причемъ онъ не измѣняется и не уклоняется отъ дѣйствія климата, расы, и историческаго прошлаго“. Такое абсолютное представленіе противорѣчитъ тому, что Марксъ говоритъ въ третьей части о видоизмѣняющихъ причинахъ.

Для Россіи интересенъ вопросъ, будетъ ли она съ его земельной общиной развиваться экономически и культурно также, какъ развивался Западъ? Марксисты и либералы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, а народника отрицательно.

Самъ Марксъ высказался по этому вопросу въ 1877 году (т.-е. уже послѣ второго изданія „Капитала“), но довольно неопредѣленно. Одни (напр. Штейнъ — Соціальный вопросъ) видятъ въ письмѣ Маркса ограниченіе закона развитія странами западной культуры: другіе понимаютъ это болѣе обще. Письмо приводитъ и Слонимскій (Ученіе Маркса, 204); онъ видитъ въ немъ неопредѣленность, объясняя ее и чисто практическими и дипломатическими соображеніями (Марксъ будто бы хотѣлъ угодить своимъ русскимъ читателямъ и приверженцамъ). И дѣйствительно, нельзя не признать неопредѣленности письма. Слонимскій также основательно указываетъ и на то, что аргументація Маркса несостоятельна. Марксъ напр. указываетъ на отличія между римскимъ и современнымъ пролетаріемъ: римскіе пролитаріи были подъ гнетомъ капитала рабами, а современные пролетаріи наемные рабочіе капитала; такимъ образомъ Марксъ допускаетъ возможность того, что повидимому аналогическое развитіе приводитъ иногда къ инымъ послѣдствіямъ. Слонимскій основательно замѣчаетъ, что примѣръ римскаго пролетарія сюда не подходитъ, такъ какъ по словамъ Маркса современный капитализмъ развился только съ шестнадцатаго вѣка; а Россія страна европейская, хотя и отсталая.

Марксъ высказался по этому вопросу въ 1882 году въ предисловіи къ русскому изданію манифеста: современная русская земельная община можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія и т. д.

ской эпохой жизни человѣчества; такую до историческую эпоху Марксъ раздѣляетъ на четыре періода: азіатскій, античный, феодальный и капиталистическій — но неужели эти четыре періода, какъ эпоха доисторическая, какъ преддверіе настоящей исторіи, не имѣетъ ничего общаго? Неужели они не управляются единымъ или едиными общими законами, и неужели эти общіе законы не дѣйствуютъ во всѣ періоды рядомъ съ спеціальными законами, свойственными каждому періоду?

На такой вопросъ, разумѣется, приходится отвѣтить утвердительно. Самъ Марксъ, и, слѣдуя ему, Энгельсъ учатъ, что классовая борьба есть движущая сила исторіи съ начала афинскаго государства и до нашего времени — такъ неужели же такъ таки и нѣтъ никакого общаго историческаго закона? Энгельсъ, вѣдь, видитъ въ классовой борьбѣ «высшій законъ движенія исторіи», и говоритъ, что этимъ закономъ объясняется всякая борьба въ области идеологіи; по его мнѣнію, для исторіи этотъ законъ тоже, что для естествознанія законъ о сохраненіи энергіи. Марксъ, говоритъ даже Энгельсъ, открылъ въ этомъ законѣ ключь къ пониманію исторіи второй французской республики и именно это объясненіе (въ сочиненіи: «Восемнадцатое брюмера») и составляетъ испытаніе примѣненія этого закона.

Незачѣмъ говорить, что эти разъясненія Энгельса могутъ имѣть только тотъ смыслъ, что законъ, спеціально управлявшій второй французской революціей, выводится изъ общаго закона классовой борьбы.

Марксъ, какъ мы видѣли, рядомъ съ отношеніями производства признаетъ различныя видоизмѣняющія «эмпирическія условія, природныя условія, отношенія расовыя, извнѣ дѣйствующія историческія причины» и т. д.; при такомъ различеніи соціально историческихъ первоначальныхъ и вторичныхъ силъ само собой дается и различеніе болѣе или менѣе общихъ законовъ.

Наконецъ, развѣ законъ отрицанія отрицанія, признаваемый Марксомъ, не есть общій законъ? «Что такое отрицаніе отрицанія? — спрашиваетъ Энгельсъ.—Это до крайности общій и потому самому чрезвычайно широко дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія». И къ этому онъ прибавляетъ, что «особенные» процессы развитія не объясняются этимъ крайне общимъ закономъ, хотя они всѣ во всей ихъ совокупности подходятъ подъ этотъ законъ движенія» [1]).

Слова Маркса, что онъ не предлагаетъ общаго закона, очевидно, просто одна изъ тѣхъ многочисленныхъ философскихъ импровизацій, которыя характерны для его философскихъ обоснованій. Во вся-

---

[1]) Анти—Дюрингъ, 144.

комъ случаѣ, этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ; вѣдь, тутъ дѣло идетъ объ основномъ понятіи научнаго объясненія. Марксъ и Энгельсъ не уяснили себѣ этого вопроса. Они не различаютъ настоящія соціально историческія причины и законы (законы суть правильности, обусловливаемыя извѣстными причинами); они не распредѣлили различные законы по степени ихъ общности и не дѣлаютъ надлежащаго различія между законами эмпирическими и объясняющими. Мы и тутъ замѣчаемъ у нихъ смѣшеніе гегеліанства съ позитивизмомъ.

53. Такое смѣшеніе всего болѣе замѣтно въ пресловутомъ законѣ отрицанія; Марксъ вообразилъ, что этотъ законъ можно доказать объективно; а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что діалетика Маркса также субъективна, какъ и у Гегела. Объ этомъ мы уже говорили (§§ 9, 10); здѣсь насъ интересуетъ законъ отрицанія, какъ теорія развитія.

Съ логической точки зрѣнія тутъ желательно бы было объясненіе отношенія этого закона къ «великому» закону классовой борьбы; но мы оставимъ въ сторонѣ такія и еще болѣе формальныя возраженія и займемся только фактическимъ содержаніемъ пресловутаго закона.

Для того обратимся къ вышеприведеннымъ примѣрамъ и подробнѣе разсмотримъ одинъ примѣръ—хотя бы, напр., вопросъ о развитіи коммунизма.

Всѣ культурные породы начали съ играрнаго коммунизма—утверждаютъ Марксъ и Энгельсъ. Но этотъ первобытный коммунизмъ современемъ становится препятствіемъ для развитія производства и потому отрицается, т. е. замѣняется частной собственностью; современемъ и частная собственность становится тоже препятствіемъ для развитія производства, что и чувствуется въ настоящее время, и потому является постоянное требованіе отрицать частную собственность и снова замѣнить ее общественной, общей.

Энгельсъ объясняетъ, что діалектическое отрицаніе не есть простое отрицаніе, не простое «нѣтъ». Объективно оно не есть уничтоженіе: размолоть зерно, растоптать червяка—это совсѣмъ не отрицаніе отрицанія, а простое уничтоженіе. Тутъ все дѣло въ способѣ отрицанія: нужно не только отрицать, но и отрицать отрицаніе, и потому первое отрицаніе должно быть таково, чтобы могло появиться второе.

Какимъ образомъ это происходитъ? Это обусловливается, говоритъ Энгельсъ, особенностями каждаго отдѣльнаго случая. «Всякому сорту (Art) вещей соотвѣтствуетъ и особый способъ быть отрицаемымъ такимъ образомъ, что при этомъ происходитъ развитіе—тоже слѣдуетъ сказать и о всякаго рода представленіяхъ и понятіяхъ» [1]).

[1]) ibid. 145.

Такое указаніе Энгельса на способъ выбора надлежащаго отрицанія всего лучше доказываетъ наше утвержденіе, что законъ отрицанія субъективенъ и не можетъ доказываться исключительно одной только исторіей. Онъ не противорѣчилъ субъективизму и пантеизму Гегеля, но противорѣчитъ матеріализму Маркса, желающаго открыть строго объективный законъ развитія.

Скоро мы будемъ подробно говорить о первобытномъ и о будущемъ коммунизмѣ; мы убѣдимся тогда, что первобытный коммунизмъ даже въ описаніяхъ Энгельса, представлялъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ полагали Марксъ и Энгельсъ, и что наше время совсѣмъ не требуетъ коммунизма «съ необходимостью естественнаго закона».

Историческое развитіе и въ этомъ и въ другихъ случаяхъ никоимъ образомъ не укладывается насильственно въ гегелевскую формулу: теза—антитеза—синтезъ. Отрицаніе отрицанія Маркса предполагаетъ въ исторіи внезапные и рѣзкіе переходы отъ одного противорѣчія къ другому, великія катастрофы, подобныя геологическимъ, признаваемымъ старыми геологами, «Безъ противорѣчія нѣтъ прогресса—объявляетъ Марксъ—таковъ законъ, которому слѣдовала цивилизація до настоящаго времени» [1]).

На основаніи такихъ положеній Марксъ и описываетъ настоящее состояніе цивилизаціи и экономической организаціи: немногіе капиталисты (въ концѣ концевъ, можетъ быть, останется одинъ?) завладѣли всѣми богатствами; противъ нихъ стоитъ громадная масса высасываемыхъ ими пролетаріевъ—изъ такого ужаснаго противорѣчія, чувствуемаго, по словамъ Маркса, практическимъ буржуа большею частью по ударамъ, наносимымъ ему періодическими кризисами, завершаемыми общимъ кризисомъ, нѣтъ инаго исхода, кромѣ возстановленія коммунизма, какъ противорѣчія современному некоммунистическому общественному строю. Далѣе мы убѣдимся, что описываемаго Марксомъ противорѣчія не существуетъ также, какъ не существуетъ требуемаго Марксомъ классоваго противорѣчія, классовой борьбы. Точно также не существуетъ и такихъ экономическихъ кризисовъ, правильное, точное періодическое повтореніе которыхъ предсказываетъ Марксъ. Но помимо всего этого, какимъ это образомъ организованная частная собственность перейдетъ къ ея противорѣчію, къ коммунизму?

Въ исторіи, конечно, бываютъ катастрофы; но онѣ не имѣютъ того общаго значенія, какое имъ приписываетъ Марксъ; онѣ не періодичны—не говоря уже о томъ, что катастрофы бываютъ не только экономическія. Мы болѣе вѣрно поймемъ полноту историческаго развитія, если будемъ представлять себѣ безконечно малые переходы, посредствомъ которыхъ осуществляется это развитіе и прогрессъ.

[1]) Марксъ—Нищета философіи, 36.

Въ этихъ переходахъ мы не видимъ отрицательныхъ противорѣчій, а напротивъ положительныя состоянія сосуществованія. Противорѣчія имѣютъ свое особое значеніе въ логикѣ и въ психологіи (напр. ассоціація противорѣчій); они примѣнимы и въ эстетикѣ, а также и въ общественной жизни и въ историческомъ развитіи, поскольку индивидъ развивается психически посредствомъ такихъ противорѣчій; но не существуетъ объективныхъ противорѣчій Маркса, не существуетъ и общаго историческаго закона противорѣчій.

Гегель при его идеалистической и пантеистической точкѣ зрѣнія могъ воспользоваться и субъективной формулой Фихте. Для Гегеля исторія есть исторія великихъ людей, въ которыхъ постепенно и логически проявляется абсолютный духъ; самъ Гегель завершаетъ прошлое развитіе—такимъ образомъ онъ есть живое отрицаніе прежнихъ философскихъ системъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ завершеніе. Но для Маркса формула Фихте негодится. Онъ матеріалистъ и признаетъ только объективное, а не субъективно-логическое развитіе; для него исторія не есть исторія личностей—философовъ, а исторія массы; а кромѣ того и онъ и Энгельсъ—и Энгельсъ въ особенности—принимаютъ современное ученіе о развитіи по Дарвину—а ко всему этому отрицаніе отрицанія совсѣмъ не подходитъ [1]).

Законъ отрицанія, правда, очень соотвѣтствовалъ личному полемическому и критическому настроенію Маркса. Благодаря такому настроенію Марксъ признавалъ наступающій вѣкъ находящимся въ абсолютномъ противорѣчіи съ старымъ временемъ.

54. Марксъ къ своей точки зрѣнія позитивиста настаиваетъ въ своей философіи исторію гораздо болѣе на развитіи, чѣмъ на прогрессѣ. Эволюціонизмъ Дарвина нравится Марксу и Энгельсу именно признаніемъ объективнаго ряда ступеней развитія и они хотѣли бы констатировать столь же объективное и несомнѣнное развитіе и въ исторіи, рѣшительно не заботясь о томъ, что любо и цѣнно для людей и для общественныхъ классовъ, и въ особенности для господствующихъ. Марксъ въ дѣйствительности проявляетъ нѣкоторое эволюціонное безстрастіе. Коммунизмъ, какъ будущая и даже наступающая уже экономическая и культурная система, есть историческая необходимость; онъ будетъ и долженъ быть. Старые соціалисты старались доказать, что коммунизмъ лучше и справедливѣе теперешней системы; они вдохновлялись имъ, отдавали ему всю душу—Марксъ иное дѣло: никакихъ декламацій о справедливости, никакихъ желаній, никакой страстности! Коммунизмъ просто придетъ, ибо онъ развивается съ «необходимостью естественнаго процесса»—и только. Марксъ избѣгаетъ, гдѣ только возможно, говорить объ усовершенствованіи, потому что въ этомъ понятіи черезъ чуръ много идеологіи; особенно въ третьей части «Капитала» будущій коммунизмъ рисуется совсѣмъ не розовыми красками. Это, конечно, очень позитивно и однако у Маркса и Энгельса имѣется и не позитивный, утопическій элементъ.

Само по себѣ ясно, что исторія можетъ быть развитіемъ безъ прогресса; во всякомъ случаѣ эти два понятія слѣдуетъ различать. Соціологъ, признающій не только развитіе, но и прогрессъ, долженъ не только указать, что именно онъ считаетъ прогрессомъ, каковъ его масштабъ; онъ долженъ еще объяснить, какими силами осуществляется этотъ прогрессъ.

Марксъ, отвергая всякую идеологію, судитъ о прогрессѣ и измѣряетъ его съ точки зрѣнія своего матеріализма, даже механически, поскольку это возможно; и въ особенности онъ измѣряетъ его прогрессомъ техники. Извѣстно, какую роль въ его ученіи и въ ученіи его послѣдователей играетъ техника. Что касается второго пункта, т. е. объясненія прогресса соотвѣтствующими историческими силами, то объ этомъ надо говорить подробнѣе.

55. Марксъ и Энгельсъ соединяютъ понятіе прогресса съ понятіемъ регресса. Энгельсъ при объясненіи закона отрицанія принимаетъ мнѣніе Руссо, что каждый новый прогрессъ цивилизаціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и регрессъ. Энгельсъ указываетъ на развитіе равенства, соотносительно не равенства: цивилизація прогрессируетъ, но каждый ея прогрессъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ неравенства; въ концѣ концевъ всѣ равны въ неравенствѣ, всѣ одинаково зависимы отъ произвола и власти господствующихъ. Но тутъ именно не равенство переходитъ въ равенство — деспотъ устраняется силой, насиліемъ—угнетатели угнетаются, отрицаніе отрицается и такимъ

[1]) Указываемое нами неорганическое сліяніе абсолютнаго субъективизма съ абсолютнымъ объективизмомъ проявляется и въ философскомъ развитіи Маркса. Первоначально онъ говоритъ только о реформѣ сознанія—и притомъ въ смыслѣ постепеннаго развитія; а позже онъ настаиваетъ на противорѣчіяхъ и вообще на катастрофахъ.

Интересно въ первомъ отношеніи одно мѣсто въ Deutsche-Franz. Jahrbüch.: „Реформа сознанія состоитъ только въ томъ, что міру возвращаютъ его сознаніе, что пробуждаютъ его изъ его сновидѣній, что объясняютъ ему его собственныя дѣйствія.

Наша цѣль не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ это видно и изъ критики религіи Фейербаха и изъ того, что религіозные и политическіе вопросы излагаются въ формѣ человѣческаго самосознанія.

Нашъ лозунгъ долженъ быть поэтому такой: реформа сознанія не посредствомъ догмъ, а посредствомъ анализа мистическаго, неяснаго для себя самого сознанія—будетъ ли оно религіознымъ или политическимъ. Тогда окажется, что міру давно снится то, о чемъ онъ долженъ имѣть сознаніе, чтобы дѣйствительно обладать имъ. Тогда окажется, что дѣло идетъ не о великомъ идейномъ спорѣ между прошлымъ и будущимъ, а только объ осуществленіи идеи прошлаго. Наконецъ, окажется, что человѣчество не предпринимаетъ никакой новой работы, а только сознательно производитъ, осуществляетъ свою старую работу“.

образомъ осуществляется прогрессъ, такъ какъ вновь достигнутое равенство выше первоначальнаго [1]).

Эта попытка объясненія не особенно ясна; отношеніе прогресса къ регрессу такъ и остается невыясненнымъ. Иногда Марксъ и Энгельсъ говорятъ о капитализмѣ въ такомъ смыслѣ, что у него кромѣ дурныхъ сторонъ есть и хорошія; въ третьей части «Капитала» преобладаетъ именно такой взглядъ. Хорошая сторона капитализма состоитъ въ томъ, что онъ побуждаетъ личность къ производству, что это производство выгодно, что онъ ведетъ къ усовершенствованію машинъ и т. д.; а дурная сторона проявляется въ экономическомъ неравенствѣ, въ обусловливаемомъ этимъ неравенствомъ вырожденіи рабочихъ, а потомъ и капиталистовъ. Потому капиталистическая цивилизація относительно хороша и относительно дурна—и дурная сторона перевѣшиваетъ. Но относительное добро положительно хорошо и, стало быть, прогрессъ осуществляется не однимъ абсолютнымъ противорѣчіемъ.

Правда, Марксъ и Энгельсъ высказываются иногда и иначе—что цивилизація вообще дурна. Въ указанномъ выше мѣстѣ Энгельсъ приводитъ мнѣніе Руссо, «что всякій дальнѣйшій (изъ первобытнаго состоянія) прогрессъ представляетъ, повидимому, шагъ къ усовершенствованію отдѣльной личности, но въ дѣйствительности онъ есть шагъ къ упадку рода». Не будемъ задавать вопроса о томъ, вполнѣ ли вѣрно передаетъ Энгельсъ ученіе Руссо; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что эта формула даетъ совершенно иной смыслъ ученію, что каждый прогрессъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и регрессъ.

Несомнѣнно, что это положеніе можно объяснить и иначе. Зло и добро могутъ мѣняться (даже по закону противорѣчія); да и вообще положеніе Энгельса допускаетъ различныя толкованія. На дѣлѣ же слѣдуетъ помнить о его изложеніи вопроса о противорѣчіяхъ и о борьбѣ классовъ и указать на это позднѣйшее изложеніе развитія цивилизаціи.

Во всякомъ случаѣ Марксъ долженъ былъ подробнѣе и принципіальнѣе разработать свою теорію прогресса. Такъ, напримѣръ, Маркъ и Энгельсъ часто говорятъ о преданіи, объ общественномъ злѣ, унаслѣдованномъ отъ прошлаго (такъ именуемыя переживанія) и, стало быть, они различаютъ зло унаслѣдованное отъ зла вновь появлявшагося—какъ же они относятся другъ къ другу и какимъ образомъ они служатъ прогрессу? [2]) Какъ они согласуются съ теоріей катастрофъ? Разработанная теорія развитія во всякомъ случаѣ должна принимать въ соображеніе всѣ эти вопросы.

[1]) Анти—Дюрингъ, 142.

[2]) „Кромѣ новой нужды насъ угнетаетъ цѣлый рядъ унаслѣдованныхъ золъ, происходящихъ отъ дальнѣйшаго прозябанія древнихъ, пережившихъ себя способовъ производства съ ихъ свитой противныхъ времени общественныхъ и политическихъ отношеній. Мы страдаемъ не только отъ живыхъ, но и отъ мертвыхъ. Le mort saisit le vif“ 1. 5.

56. По мнѣнію Маркса, историческое развитіе, несмотря на прогрессъ, возвращается къ его исходному пункту. Въ сущности, это воззрѣніе ветхаго завѣта. Марксъ вѣритъ и въ первобытный и въ будущій рай, такъ что вся капиталистическая эпоха есть только intermezzo—коммунистъ Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, но онъ возвратится туда и будетъ искупленъ.

Тоже мнѣніе выражается и въ теоріи Вико о круговомъ развитіи и въ особенности это замѣтно въ воззрѣніяхъ Руссо; Марксъ и Энгельсъ опираются именно на Руссо, тогда какъ еще Гегель понималъ это болѣе научно—въ смыслѣ прогрессивнаго развитія [1]).

Такой прогрессъ человѣчества осуществляется чрезъ многія стадіи. Дальше мы будемъ подробнѣе говорить о нихъ, теперь для насъ достаточно указать на философско-историческую схему развитія.

Не будемъ говорить о состояніи животности и о той промежуточной стадіи, когда человѣкъ еще на половину животное [2]). Первая эпоха характеризуется первобытнымъ коммунизмомъ. Человѣкъ тогда естественъ (Энгельсъ обыкновенно употребляетъ слово waldursprünglich). Въ приведенномъ (§§ 24) Марксовомъ опредѣленіи труда говорится о первобытномъ времени и о «животно подобныхъ инстинктивныхъ» формахъ труда. Общество организуется семейными и кровными узами, безъ государства.

Вторая эпоха—это европейская цивилизація, вѣкъ идеологіи; человѣкъ зависитъ отъ товара; это эпоха несвободы, экономическій фетишизмъ. Общество организовало въ государства.

Третья, будущая или уже наступающая эпоха есть эпоха свободы, самосознанія [3]); въ эту эпоху рѣшаетъ воля и мнѣніе всѣхъ (Энгельсъ—общая воля, общій планъ). Общество существуетъ снова безъ государства, какъ «союзъ свободныхъ людей» [4]).

Значеніе переживаній и регрессивной эволюціи для теоріи эволюціи пытаются уяснить Демооръ, Массартъ и Вандервельде (одинъ изъ вождей бельгійскихъ соціалистовъ, профессоръ брюссельскаго вольнаго университета): „Регрессивная эволюція въ біологіи и въ соціологіи“ 1897.

[1]) „Тутъ крайняя степень неравенства, конечный пунктъ, замыкающій кругъ и возвращеніе къ отправному пункту“—такъ Энгельсъ цитируетъ Руссо въ Анти Дюрингѣ 143.

[2]) Въ цитированной статьѣ: „Участіе труда въ очеловѣченіи обезьяны“ (N. Z. 1896) Энгельсъ видитъ переходъ обезьяны къ человѣку въ привычкѣ ходить выпрямившись по ровному мѣсту. Въ Анти-Дюрингѣ, 113, человѣкъ отдѣлился окончательно отъ царства животныхъ посредствомъ власти надъ огнемъ. Въ сочиненіи о развитіи соціализма (43) человѣкъ выдѣляется изъ царства животныхъ „въ нѣкоторомъ смыслѣ окончательно“ только въ будущемъ коммунистическомъ обществѣ.

[3]) Марксъ употребляетъ слово „самосознательно“ въ смыслѣ власти человѣка надъ процессомъ производства (1, 54).

[4]) Марксъ, 1, 56.

Въ первую эпоху человѣкъ вполнѣ подчиняется природѣ, находится въ ея власти. Во вторую эпоху природу замѣняетъ товаръ и только въ третью эпоху человѣкъ становится владыкой.

Кромѣ такого раздѣленія исторіи мы имѣемъ еще вышеприведенное раздѣленіе исторіи на четыре періода; Энгельсъ, слѣдуя Моргану, различаетъ стадіи дикости, варварства и цивилизаціи—каждая стадія имѣетъ нѣсколько подраздѣленій [1]).

Что касается основного раздѣленія всего историческаго развитія на три главныя стадіи, то Марксъ подобно другимъ историкамъ и соціологамъ придерживается обычной схемы—древность, средніе вѣка и новое время. Въ характеристикѣ отдѣльныхъ стадій замѣчаются различныя, не совсѣмъ согласныя другъ съ другомъ вліянія—главнымъ образомъ Гегеля, Конта и Моргана. На Гегеля указываетъ названіе четырехъ эпохъ, въ особенности азіатской и классической—Гегель тоже различаетъ четыре эпохи; онъ видѣлъ въ исторіи непрерывное развитіе сознанія духа, усиленіе и постепенное осуществленіе свободы; послѣдняя, германская эпоха обозначаетъ у Гегеля свободу всѣхъ. Также характеризуетъ и Марксъ главныя культурныя эпохи. Онъ не даетъ подробнаго описанія всего историческаго развитія и ограничивается краткими замѣчаніями; и эти замѣчанія довольно ясно напоминаютъ о Гегелѣ.

Вліяніе Конта — а также и Фейербаха — видно въ исторической оцѣнкѣ антропоморфизма; развитіе культуры представляется процессомъ освобожденія отъ антропоморфизма—но и тутъ, какъ мы уже говорили (§§ 14), Марксъ не разработалъ этой идеи [2]).

Наконецъ Энгельсъ прибавляетъ къ раздѣленію исторіи на эпохи Гегеля и Конта экономическую характеристику стадій развитія Моргана [3]).

Вообще говоря, отъ Маркса нельзя было и ожидать послѣдова-

---

[1]) Приведенныя (изъ Zur Kritik §§ 24) четыре экономическія эпохи Маркса раздѣляются между двумя главными эпохами, которымъ соотвѣтствуетъ тройственное раздѣленіе Энгельса и Моргана. Азіатская экономическая система тождественна съ эпохой дикости и съ частью варварства Энгельса, а классическое, феодальное и буржуазное хозяйство соотвѣтствуетъ остальной части варварской эпохи и цивилизаціи.

[2]) Три главныя стадіи Конта не вполнѣ совпадаютъ съ стадіями Маркса.

[3]) Изъ терминологіи Маркса въ 1859 году (Zur Kritik) видно, что въ то время онъ еще не вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе своего историческаго матеріализма; иначе онъ употребилъ бы выраженія, болѣе соотвѣтствующія этому матеріализму; названія: азіатская или классическая культура не годятся для Маркса, они подходятъ для Гегеля, къ его мнѣнію о томъ, что культура распространилась изъ Азіи въ Европу и что отдѣльные народы суть временные органы культуры. Для Маркса вліяніе расы и географическаго положенія второстепенное и потому оно не должно служить для обозначенія важнѣйшихъ культурныхъ эпохъ.

тельной и руководимой одной точкой зрѣнія характеристики культурныхъ эпохъ. Насколько неопредѣленъ его историческій матеріализмъ, настолько неопредѣленна и его исторія культуры.

57. Воззрѣніямъ Маркса относительно прогресса, и вообще всей его исторіи развитія повредилъ историческій матеріализмъ вообще, и въ особенности его примитивизмъ. Философія прогресса Маркса не охватываетъ фактическаго развитія во всей его полнотѣ; простота его схемы развитія не есть простота великаго обобщенія, а абстрактность матеріализма, который не въ состояніи понять всю полноту жизни.

Для Маркса, желающаго дать намъ исторію массы, не годится абстрактный, прямолинейный прогрессъ Гегеля; для послѣдняго исторія есть логическій прогрессъ представителей Бога на землѣ—но исторію большихъ массы невозможно представлять себѣ столь прямолинейно, какъ представляютъ ее Марксъ и Энгельсъ. Вопреки теоретическому признанію регресса въ исторіи у Маркса за греческой цивилизаціей слѣдуетъ римская, какъ прогрессъ; за римской цивилизація германскороманскихъ и другихъ народовъ; исторія всего этого развитія излагается Энгельсомъ, какъ силлогизмъ. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что и другія попытки въ сферѣ культурной исторіи и философіи исторіи страдаютъ тѣми же недостатками.

Въ этомъ отношеніи Марксу вредитъ его представленіе объ обществѣ, какъ объ единомъ организмѣ; съ этой точки зрѣнія исторія этого организма представляется столь гегеліански логической.

Марксъ понимаетъ состояніе общества въ отдѣльныя, и особенно въ главныя эпохи именно какъ организмъ [1]).

Съ такимъ по истинѣ роковымъ для всякаго соціолога и историка пониманіемъ и съ соотвѣтствующимъ ему мнимымъ закономъ противорѣчія связано мнѣніе, будто развитіе было массовымъ, коллективнымъ, будто оно происходитъ внезапно, одновременно и повсюду. На самомъ дѣлѣ такого прогресса не бываетъ ни въ одной сферѣ (также и въ сферѣ экономики); тѣмъ болѣе не бываетъ его во всѣхъ сферахъ одновременно. Каждое измѣненіе подготовляется задолго; даже крупные перевороты не были, какъ это доказывается анализомъ историческихъ фактовъ, дѣломъ огромнаго большинства, они не были никогда столь рѣзки и всеобъемлющи, какъ это предполагаетъ теорія катастрофъ Маркса и Энгельса [2]).

Во всякомъ случаѣ Марксъ, какъ мы видимъ, признаетъ вліяніе

---

[1]) Марксъ употребляетъ терминъ: общественный организмъ для обозначенія отдѣльныхъ фазъ развитія (1. 820. ср. §§ 52).

[2]) Бернштейнъ основательно протестуетъ противъ мнѣнія, будто возможно посредствомъ классовой борьбы измѣнить однообразно и одновременно промышленныя отношенія во всѣхъ сферахъ. Послѣсловіе къ „Исторіи трэдъ—уніонизма—С. и Б. Веббъ, ср. 446.

пережитковъ прежнихъ стадій развитія; вѣрно также и то, что онъ часто въ противность закону отрицанія считаетъ развитіе постепеннымъ и признаетъ переходныя стадіи [1]).

Марксъ разсматриваетъ иногда историческое развитіе съ точки зрѣнія позитивистической относительности (релятивизма); каждая стадія историческаго развитія имѣетъ относительное оправданіе, но абсолютно ни одна неоправдываема. И вопреки этому Марксъ и Энгельсъ говорятъ о будущемъ коммунизмѣ уже совсѣмъ не какъ позитивисты; будущій коммунизмъ восхваляется ими какъ послѣдняя, конечная стадія. По закону отрицанія отрицанія и коммунизмъ долженъ бы былъ приходить въ упадокъ и отрицаться, и такъ далѣе, до безконечности—но Марксъ и Энгельсъ совсѣмъ не такъ изображаютъ намъ ходъ исторіи. Марксъ, какъ мы видѣли, считаетъ всю предшествующую исторію только предисловіемъ къ окончательной, коммунистической исторіи; да и вообще соціалисты вѣрятъ, что будущій коммунистическій общественный строй есть нѣкое non plus ultra—законъ отрицанія сдѣлалъ свое дѣло и откладывается въ сторону.

На основаніи эволюціонизма Дарвина, тоже признаваемаго Марксомъ и Энгельсомъ, коммунистическій общественный строй тоже не можетъ быть абсолютнымъ. Иначе пришлось бы перенесть его въ отдаленное будущее, въ конецъ всяческаго развитія. А Марксъ и Энгельсъ ожидали его наступленія еще при ихъ жизни [2]).

Если въ дѣйствительности коммунизмъ есть абсолютное соціальное состояніе, то, стало быть, прогрессъ въ соціалистическомъ обществѣ прекращается? На основаніи предшествующихъ разъясненій Маркса мы должны представлять себѣ развитіе коммунизма такимъ образомъ, что въ началѣ новой эпохи будутъ существовать еще нѣкоторые остатки капиталистическаго строя, но современемъ эти остатки исчезнутъ, и будетъ вполнѣ и окончательно установленъ коммунистическій строй—ну, и что же дальше?

Если исторія въ эпоху цивилизаціи и капитализма была исторіей

[1]) Марксъ признаетъ политическую переходную эпоху въ своей критикѣ программы, выработанной въ Готѣ (Gotha). Эпоха между капиталистическимъ и коммунистическимъ періодами, въ которую совершается революціонное измѣненіе общества, признается политической переходной эпохой, въ которую государство еще существуетъ и находится въ рукахъ диктатуры пролетаріата; точно также и Энгельсъ („Къ вопросу о жилищахъ“ 1889, 71) говоритъ о переходныхъ мѣрахъ.

[2]) Марксъ, какъ это въ особенности видно изъ его политическихъ статей, постоянно ждалъ окончательнаго соціальнаго переворота; Энгельсъ же прямо говоритъ, что время соціалистическаго общественнаго строя уже наступило (Анти-Дюрингъ, 304. — „Это уже достигнуто“!) Это объясняетъ и то мнѣніе Энгельса, будто развитіе въ нѣкоторыхъ сферахъ уже закончено. Производство товаровъ по мнѣнію Энгельса уже не можетъ усовершенствоваться болѣе; а кромѣ того военное искусство и милитаризмъ для него дѣло покончепное (ibid. 176).

классовой борьбы, если жадность и стремленіе къ власти были историческими движущими силами, то какая сила будетъ движущей въ развитіи коммунистическаго общества [1])?

Да и будетъ ли тогда вообще развитіе, прогрессъ? Или для общества настанетъ тогда время экономическаго, и, стало быть, и культурнаго застоя [2])?

58. Марксъ и Энгельсъ очень мало думали о всѣхъ такихъ вопросахъ. И это въ концѣ концевъ еще не самое худшее. Наиболѣе важный для философіи исторіи Маркса вопросъ — это тотъ, откуда вообще берется прогрессъ? Марксъ и Энгельсъ постоянно говорятъ о движущихъ силахъ исторіи, но производятъ ли эти силы сами по себѣ не только историческое движеніе, а кромѣ того и прогрессъ? И какъ и чѣмъ?

Проблемма тутъ двоится—она и соціологическая и метафизическая. Необходимо указать, чрезъ посредство какихъ силъ осуществляется не только развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ, усовершенствованіе. Марксъ и Энгельсъ, вѣдь, признаютъ дарвинизмъ; и именно у Дарвина они могли увидать, какъ онъ употребилъ всѣ свои силы для указанія существованія въ природѣ силъ не только движущихъ, но и усовершенствующихъ.

Соціологическое объясненіе должно, наконецъ, дополняться метафизическимъ; ограничиваться только историческимъ и даже только біологическимъ объясненіемъ развитія, по моему мнѣнію, невозможно —позитивизмъ всегда былъ и остается системой неполной. Марксъ понималъ это и потому соединилъ позитивизмъ съ матеріализмомъ. Матеріализмъ же, по моему мнѣнію, не въ состояніи объяснить смыслъ исторіи и развитія. Марксъ воспринялъ изъ пантеизма Гегеля телеологическую идею прогресса, не понимая того, что она совсѣмъ не подходитъ къ его позитивизму и матеріализму; во всякомъ случаѣ его вѣра въ прогрессъ есть совершенно необъяснимая догма. Вопросъ состоитъ въ томъ, отчего происходитъ историческое и космическое развитіе, и не только развитіе, но и прогрессъ и куда онъ идетъ? Такой вопросъ является роковымъ для матеріализма. Я думаю, что признаніе закономѣрнаго развитія и прогресса въ исторіи и въ природѣ исключаетъ матеріализмъ и атеизмъ; я понимаю и самъ раздѣляю недовольство старомодными телеологическими объясненіями, но я также не могу признать и того абсолютнаго случая, къ которому приводитъ въ послѣдней инстанціи матеріализмъ. Какимъ образомъ дѣйствія слѣпого инстинкта, хищности и стремленія къ власти могли создать тотъ удивительный и стройный порядокъ, который видятъ

[1]) Могутъ ли напр., существовать эти „рычаги“ развитія по теоріи развитія разума, изложенной въ §§ 46?

[2]) О возможности экономическаго застоя говоритъ Милль.—Политическая экономія IV, гл. VI. Ср. Ланге.—Рабочій вопросъ, 106, 140.

въ исторіи Маркса и его послѣдователи? Наполеонъ и другіе великіе люди появляются, «когда это необходимо» — даже историческій матеріализмъ появляется, когда «настало время, когда онъ долженъ былъ быть открытымъ»—такія и подобныя позитивистическія успокоительныя средства не удовлетворяютъ критическій разумъ.

Философія исторіи Маркса и Энгельса производитъ на меня впечатлѣніе, подобное тому, какое производитъ на читателя «Разгромъ» Зола съ его неизвѣстно куда мчащимся желѣзнодорожнымъ поѣздомъ: грандіозное историческое движеніе съ фаталистической правильностью летитъ куда то въ океанъ времени и притомъ къ счастливому концу... Какимъ образомъ? Куда? Почему?

Теперь марксисты провозгласили: назадъ къ Канту? Примѣняется ли этотъ лозунгъ и къ метафизикѣ? Вѣроятно, возвратъ къ критицизму Конта долженъ повлечь за собой и метафизическій пересмотръ матеріализма Маркса и Энгельса.

C.

Общественный идеалъ и утопія. Свобода воли и историческіе законы.

59. Въ трехъ первыхъ книгахъ за прошлый (1898) годъ международнаго журнала: Cosmopolis помѣщено разсужденіе о государствѣ будущаго.

Либкнехтъ шутливо отвергаетъ требованіе дать изображеніе будущаго соціалистическаго общественнаго строя; люди, создавшіе современный строй и живущіе при немъ, не имѣютъ и предчувствія о томъ, что будетъ тогда. Бернштейнъ тоже не хочетъ пророчествовать; наоборотъ А. Вагнеръ, Зомъ и Ignotus желаютъ получить ясный и опредѣленный отвѣтъ.

Это разсужденіе не первое въ этомъ родѣ. Читатель припомнитъ о преніяхъ въ германскомъ рейхстагѣ въ 1893 году относительно соціалистическаго государства будущаго. Тогда противники соціалистовъ тоже потребовали отъ нихъ, чтобы они открыли свои планы будущаго — депутаты - соціалисты (тогда говорили Либкнехтъ, Бебель и др.), обсуждали этотъ вопросъ скорѣе шутливо, чѣмъ серьезно [1]).

Наконецъ, этимъ вопросомъ занялся Бернштейнъ; онъ объявилъ, что онъ до чрезвычайности мало интересуется тѣмъ, что обыкновенно называютъ «конечной цѣлью» соціализма. Эта цѣль—какова бы она ни была — для него ничто, а движеніе все; а подъ движеніемъ онъ

[1]) Эти интересные дебаты изданы отдѣльно газетой Vorwärts: Соціалъ демократическое государство будущаго".

понимаетъ все общественное движеніе, т. е. соціальный прогрессъ и политическую и экономическую агитацію и организацію, осуществляющія этотъ прогрессъ [1]).

Такое мнѣніе Бернштейна вызвало въ соціалъ-демократической партіи ожесточенную борьбу и понятно, что этотъ вопросъ горячо обсуждался и несоціалистами. Тогда и Штамлеръ и его оппонентъ Зомбартъ получили новый поводъ, чтобы попытаться уяснить соціальный идеалъ.

Требованіе, чтобы соціалисты нарисовали картину будущаго, вполнѣ основательно, и разумѣется, оно примѣнимо и къ несоціалистамъ и вообще ко всѣмъ, желающимъ общественныхъ реформъ. Мало того: оно примѣнимо даже и къ тѣмъ, которые изучаютъ общество исторически. Грильпарцеръ въ одной изъ своихъ эпиграмъ смѣется надъ современными историками, за то, что они пишутъ исторію будущаго —въ дѣйствительности же такое писаніе исторіи будущаго есть надлежащій масштабъ истиннаго историческаго знанія. Въ той мѣрѣ, въ какой мы дѣйствительно познаемъ прошлое и настоящее, мы можемъ предсказывать и будущее—именно въ этомъ смыслѣ и говорятъ объ исторіи, что она есть vitae magistra.

Противъ предсказаній о будущемъ протестуютъ всѣ тѣ, которые боятся, что ихъ будутъ упрекать въ утопизмѣ. И они боятся этого основательно. И однако утопизмъ не въ предсказаніяхъ, не въ предвидѣніи, а въ конструкціи будущаго, совершаемой безъ надлежащихъ знаній; и такая конструкція обусловливается утопическимъ пониманіемъ прошлаго и настоящаго. Есть также и утописты относительно прошлаго. Источникъ утопизма въ непониманіи настоящаго и прошлаго, въ непониманіи настоящей человѣческой природы и въ не надлежащемъ, не вѣрномъ методѣ.

Многіе ученые экономисты, строго осуждающіе соціалистическій утопизмъ, сами утописты, даже въ томъ случаѣ, когда они никогда и не думали о картинѣ будущаго общественнаго строя. Существуетъ утопизмъ такъ называемый «фактовъ» и этотъ утопизмъ вреденъ уже потому одному, что онъ вызываетъ фантастическій утопизмъ.

Каждая соціально политическая, каждая этическая программа есть планъ будущаго, есть указаніе, какъ нужно дѣлать исторію.

Вѣра въ прогрессъ и объясненіе исторіи, какъ развитія и усовершенствованія, необходимо приводитъ къ опредѣленію будущаго, къ предсказанію о томъ, что должно развиться изъ прошлаго, которое мы изучили Такое предсказаніе основывается на детерминизмѣ развитія; оно есть выводъ изъ посылокъ прошлаго, оно есть строго научное пророчество—во всякомъ случаѣ мы, вѣдь, не будемъ гово-

[1]) Neue Zeit 1897—98. 1. Борьба соціалъ - демократіи и общественный переворотъ 11. Теорія катастрофъ и колоніальная политика.

рить о тридцатомъ вѣкѣ; для насъ довольно и того, чтобы хоть немного приподнять завѣсу будущихъ лѣтъ.

Значительное вліяніе всѣхъ общественныхъ идеаловъ, отъ идеала Платона до утопіи Беллами, не только понятно, но и вполнѣ оправдываемо. Человѣкъ живетъ не только прошлымъ, но и будущимъ и для будущаго и потому онъ всегда будетъ слушать тѣхъ, которые поддерживаютъ въ немъ надежды, въ какой бы формѣ они это ни дѣлали. Человѣкъ одаренъ не только хладнымъ разумомъ, но и пылкой фантазіей и Прудонъ совершенно правъ, приписывая ей такую значительную роль въ жизни и въ идеалахъ жизни.

60. Проблемма общественнаго идеала съ самаго начала стояла предъ Марксомъ. Въ разсужденіи о программѣ Deutsche-Franz. Jahrbüch. онъ касается «конструированія будущаго»; тогда при началѣ своихъ занятій соціологіей и политикой, онъ требовалъ прежде всего безпощадной критики всего существующаго. Марксъ сознается, что въ средѣ реформаторовъ свирѣпствуетъ истинная анархія, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ «точнаго представленія» о томъ, что должно быть, и онъ утѣшается тѣмъ, что «мы не хотимъ догматически возсоздавать міра, а найти новый міръ только посредствомъ критики стараго».

Въ «Святомъ семействѣ» Марксъ уже отвергаетъ идеологическія представленія о будущемъ и требуетъ, чтобы пролетаріатъ какъ слѣдуетъ созналъ то, что онъ есть, и дѣлалъ то, что онъ вынужденъ дѣлать соотвѣтственно этому сознанію своего дѣйствительнаго бытія; его цѣль и его историческая дѣятельность вполнѣ очевидны, онѣ неопровержимы при его положеніи и предписываются всей организаціей современнаго буржуазнаго общества.

Въ томъ же реалистическомъ направленіи Марксъ въ Zur Kritik, тамъ, гдѣ онъ даетъ опредѣленіе историческаго матеріализма, говоритъ, что человѣчество всегда ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить; Марксъ полагаетъ, что такія задачи ставятся только тамъ, гдѣ для ихъ рѣшенія уже существуютъ или по крайней мѣрѣ созидаются матеріальныя условія.

Согласно такимъ взглядамъ въ «Капиталѣ» Марксъ при посредствѣ критики и исторіи современнаго капитализма указываетъ на тенденцію всего развитія; прошлое капитализма открываетъ Марксу его будущее и будущее всего общества.

Въ сочиненіи противъ Прудона Марксъ выводитъ общественный идеалъ изъ необходимости универсальности, изъ необходимости всесторонняго развитія личности [1]); онъ остается вѣренъ этому идеалу, ставя въ «Капиталѣ» требованіе объ «абсолютной праспособленности (Disponibilität) человѣка къ измѣняющимся требованіямъ труда».

[1]) „Нищета философіи“, 129.

Энгельсъ, какъ мы знаемъ, не признаетъ, чтобы исторія стремилась, какъ полагалъ Гегель, къ опредѣленной, и даже предопредѣленной цѣли; также, какъ и Марксъ, онъ отвергаетъ вѣру въ таинственное Провидѣніе [1]). Но ради такого заблужденія старой философіи исторіи онъ не намѣренъ отвергать постановку, вполнѣ законную, по его мнѣнію, цѣлей практическихъ. Въ законѣ отрицанія отрицанія онъ видитъ научно доказанное ручательство того, что опредѣленный историческій процессъ не только совершается, но и будетъ совершаться [2]). Потому Энгельсъ вполнѣ признаетъ конечную цѣль исторіи; и въ особенности надо вѣрить тому, что человѣчество въ его историческомъ развитіи добивается постепенно знанія и истины [3]). Потому Энгельсъ, какъ мы видѣли, и не боится изображать будущее (въ Анти-Дюрингѣ и въ «Святомъ семействѣ)», правда, съ нѣкоторой осторожностью—но не всегда, впрочемъ, осторожно, какъ мы это видимъ въ его изображеніи первобытнаго коммунизма.

Теперешніе вожди марксистовъ, какъ мы уже говорили, испугались утопизма. Такъ, наприм., Каутскій въ объясненіи Эрфуртской программы. Съ одной стороны онъ хвалитъ то, что соціалъ демократія, единственная изъ всѣхъ партій, имѣетъ цѣль для будущаго и приспособляетъ къ этой цѣли всю свою дѣятельность; онъ признаетъ, что проницательный мыслитель можетъ опредѣлить направленіе историческаго развитія, что онъ можетъ, хотя и не вполнѣ точно, предсказать даже формы этаго развитія. Но съ другой стороны онъ отказывается отъ всякихъ мечтаній о будущемъ. Каутскій требуетъ научнаго изслѣдованія вопроса о томъ, «какое направленіе будутъ имѣть тенденціи экономическаго развитія, потому что чѣмъ яснѣе мы видимъ будущее, тѣмъ цѣлесообразнѣе мы будемъ примѣнять наши силы въ настоящемъ». Лучшіе изъ мыслителей соціалъ демократіи (Марксъ, Энгельсъ, Бебель) занимались такимъ изслѣдованіемъ будущаго. «Подобную работу долженъ въ тиши и для себя продѣлать каждый мыслящій соціалистъ; такъ какъ каждый, поставившій себѣ великую цѣль, чувствуетъ потребность уяснить себѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ она можетъ быть достигнута». Но результатъ такого изученія, по мнѣнію Каутскаго, есть частное дѣло каждой отдѣльной личности, а не дѣло партіи.

Каутскій, разумѣется, имѣетъ основанія предупреждать партію противъ фантастическихъ утопій; но уже совсѣмъ не резонъ требовать, чтобы каждый думалъ о будущемъ и при этомъ объявлять такую думу частнымъ дѣломъ, которое должно совершаться въ тиши и для себя. Развѣ программа будущаго, предлагаемая Марксомъ и Энгель-

[1]) „Фейербахъ“ 50 ср. съ „Нищетой философіи“ Маркса, 102.
[2]) Анти—Дюрингъ 136. цитировано въ §§ 10.
[3]) Анти—Дюрингъ. 81.

сомъ, частное дѣло? Развѣ весь соціализмъ, да и всякая программа вообще, не есть программа будущаго? И развѣ возможно, какъ требуетъ Каутскій, дѣлать положительныя предложенія для современнаго общества безъ того, чтобы eo ipso не имѣть въ виду будущаго?

Еще неопредѣленнѣе и осторожнѣе высказывались въ послѣдніе годы относительно программы будущаго Либкнехтъ и Бебель. Нѣкоторые прибѣгали даже къ такимъ увертками, что утверждали, что соціалистамъ совсѣмъ и не нужно говорить о государствѣ будущаго, такъ какъ тогда совсѣмъ не будетъ никакого государства (а только экономическое товарищество)—но развѣ будущая безгосударственность не есть въ нѣкоторомъ родѣ музыка будущаго? Другой любимый аргументъ есть аргументъ ad hominem: буржуазные политики тоже не знаютъ, что будетъ потомъ и т. д. Но, вѣдь, все это одни простыя отговорки: Марксъ и Энгельсъ ожидали паденія капиталистическаго общественнаго строя еще при своей жизни (партійные пророки опредѣляли даже и срокъ—1898 годъ); потому то всѣ ихъ работы въ нѣкоторомъ родѣ представляютъ планъ устройства новаго общества. Марксъ и Энгельсъ немногому выучились бы изъ исторіи революцій, и въ особенности изъ исторіи парижской коммуны, если бы они не поняли, что всякая революція будетъ тщетной, если у вождей нѣтъ опредѣленнаго и яснаго плана.

Veto Бернштейна противъ плановъ будущаго имѣетъ нѣсколько иное значеніе; Бернштейнъ не настолько осуждаетъ настоящее, какъ Марксъ, и не ожидаетъ скораго ниспроверженія современнаго общественнаго строя. И тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, его заявленія, если ихъ понимать буквально, нѣсколько преувеличены. Собственно говоря, его страхъ предъ планами будущаго основанъ на предвидѣніи этого будущаго, на томъ, что оно не будетъ особенно отличаться отъ настоящаго. Основательнѣе и съ большимъ соотвѣтствіемъ съ характеромъ научной исторіи Ренаръ требуетъ выработки личнаго и соціальнаго идеала, который и долженъ опредѣлять тактику общества, желающаго реформировать современное политическое, экономическое и этическое положеніе. Ренаръ требуетъ для опредѣленія будущей и общественной жизни изученія соціальнаго вопроса [1]).

61. Предвидѣніе будущаго въ различныхъ сферахъ жизни имѣетъ различную степень точности. Естествознаніе уже давно занимается вопросомъ о будущемъ земли и солнечной системы; расчитываютъ, сколько времени существуетъ и будетъ существовать земля и сколько времени можетъ просуществовать на ней человѣчество. Во всякомъ случаѣ такіе расчеты для соціологическихъ теорій историческаго прогресса и для политики не имѣютъ особо-большого значенія. Но естествознаніе даетъ предсказанія и болѣе спеціальныя и имѣющія для людей значеніе практическое; уже и теперь воздѣлываніе почвы и мореплаваніе пользуются услугами метеорологіи; въ настоящее время даже въ дешевыхъ календаряхъ мы встрѣчаемъ предсказанія, недавно считавшіяся тайными ученіями.

[1]) Ренаръ въ рядѣ статей въ Revue Socialiste 1897. („Методъ изученія соціальнаго вопроса. Соціалистическій строй"); онъ развилъ свои идеи въ сочиненіи: Regime Socialiste 1898.

Конечно, у насъ нѣтъ еще соціальныхъ и политическихъ календарей. И однако, утверждаютъ, что Лейбницъ предсказалъ французскую революцію; на самомъ дѣлѣ онъ, какъ и нѣкоторые другіе, просто понялъ, что общественное состояніе въ началѣ 18 вѣка было невозможнымъ и ожидалъ, что произойдутъ нѣкоторыя измѣненія. Точнаго предвидѣнія онъ имѣть не могъ. Точно также иногда утверждаютъ, будто Платонъ въ его Государствѣ («Республикѣ») предсказалъ средневѣковыя учрежденія и т. д.

Такъ какъ въ новое время распространилась повсюду идея прогресса (до французской революціи она не была еще общепризнанной), то историческое мышленіе все болѣе и болѣе обращается къ будущему. Начали предопредѣлять не только общее направленіе развитія, но начали считаться даже съ вполнѣ спеціальными возможностями. Болѣе точныя статистическія данныя относительно различныхъ сферъ жизни даютъ возможность дѣлать и болѣе точные расчеты. Такихъ примѣровъ не мало.

Въ Англіи, напр., уже давно разсчитано, насколько времени можетъ хватить запасъ каменнаго угля. Въ этихъ расчетахъ вы встрѣтите очень мрачныя описанія будущаго Англіи. Это тоже утопіи—и однако такія утопіи имѣютъ не малое практическое вліяніе; начинаютъ думать о томъ, какъ лучше использовать уголь, какъ сберегать, какими силами можно замѣнить паръ и т. д.

Во Франціи уже давно занимаются вопросомъ о народонаселеніи. На основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ расчитываютъ, какъ велика будетъ численность населенія чрезъ пятьдесятъ, сто и т. д. лѣтъ; сравниваютъ приростъ населенія съ таковымъ же въ Германіи и въ Россіи—литература, занимающаяся вопросомъ о будущемъ Франціи, уже и теперь громадна; не менѣе громадно и количество предложеній о способахъ увеличенія плодородія французскаго народа. Объ этомъ вопросѣ уже неоднократно были пренія во французскомъ парламентѣ.

Въ Германіи статистика населенія тоже возбуждаетъ не мало заботъ, но заботъ иного рода—задаютъ вопросъ, будетъ ли достаточно хлѣба для размножающагося населенія и откуда взять его. Колонизаціонная политика, несомнѣнно, имѣетъ связь съ этой заботой; она вызываетъ планы колонизировать Австрію, оккупировать Россію, угнетать славянъ (Лагардъ и др.) и т. д.

А въ сферѣ торговли? Что такое представляютъ спекуляціи и торговые расчеты? Тутъ и крупные и мелкіе торговцы постоянно прибѣгаютъ къ пророчествамъ и основываютъ свои предпріятія на предвидѣніи (а иногда и просто на невѣжествѣ!).

Очевидно, что соціальныя предсказанія распространены гораздо болѣе и они старше, чѣмъ это можетъ представляться съ перваго взгляда; они не составляютъ спеціальнаго и исключительнаго занятія соціалистовъ, они признаются и употребляются вездѣ и всегда. Точная статистика все болѣе и болѣе вліяетъ и на соціализмъ. Марксъ предсказывалъ скорое крушеніе капиталистическаго общества; такое предсказаніе онъ основывалъ на кажущемся знаніи, будто капиталъ все болѣе и болѣе концентрируется, что мелкая промышленность исчезаетъ и что рабочіе погибаютъ, такъ что ниспроверженіе такого строя является неизбѣжнымъ. Но Марксъ оказался плохимъ пророкомъ. Болѣе точная экономическая статистика и исторія учитъ насъ, что среднее сословіе не исчезаетъ такъ быстро, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ не исчезаетъ, да и положеніе рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ полагалъ Марксъ. Теоретическія и политическія слѣдствія такого знанія и такихъ статистическихъ вычисленій уже сказались, они сказались, какъ мы увидимъ, и въ ученіяхъ марксистовъ. Соціалисты начинаютъ расчитывать точнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ точнѣе и предсказывать. Недавно появилось очень интересное сочиненіе Atlanticus'а о производствѣ и потребленіи въ соціалистическомъ государствѣ [1]). Авторъ старается на основаніи статистическихъ данныхъ расчитать, насколько въ Германіи можетъ быть увеличено производство разныхъ продуктовъ при современныхъ техническихъ и экономическихъ свѣденіяхъ; авторъ говоритъ о Германіи, какъ о самостоятельномъ государствѣ, а не о соціальной всемірной республикѣ и т. д. Очевидно, что болѣе точные методы и расчеты приводятъ и соціалистовъ къ новымъ и болѣе точнымъ взглядамъ относительно будущаго.

62. Ренаръ вполнѣ правъ, когда онъ говоритъ о созданіи не только соціальнаго, но и личнаго идеала. Мы совсѣмъ не раздѣляемъ презрѣнія Маркса и Энгельса къ оборванному индивиду (lumpige Individuum) и потому вопросъ о соціальномъ идеалѣ имѣетъ для насъ значеніе и субъективное и индивидуальное. Мы также не вѣримъ и въ абсолютный авторитетъ объективной исторіи и потому для насъ соціальный идеалъ опредѣляется не одной только философіей исторіи и исторіей.

Соціологія и исторія суть науки чисто теоретическія; исторія, если она

[1]) Ein Blick in den Zukunft Staat 1898. Каутскій написалъ къ сочиненію очень интересное въ виду занимающаго насъ теперь вопроса предисловіе, въ которомъ онъ высказывается о государствѣ будущаго нѣсколько иначе, чѣмъ въ вышеупомянутомъ его сочиненіи объ Эрфуртской програмѣ.

сдѣлается точной наукой, можетъ до нѣкоторой, но все таки очень незначительной степени предвидѣть, но она не можетъ опредѣлить, какъ я поступлю въ данномъ случаѣ. Предсказаніе не есть еще дѣйствіе. Дѣйствіе вытекаетъ также изъ воли, а не изъ одного знанія.

Поскольку знанію принадлежитъ рѣшающая роль, знаніе будущаго можетъ повліять и вліяетъ на наше поведеніе. Но какая угодно исторія не можетъ внушить мнѣ убѣжденія, что я долженъ поступить такъ, а не иначе — никакая исторія не дастъ мнѣ ни совѣсти, ни чувства долга; никакое пониманіе исторіи, какъ бы точно и научно оно ни было, не можетъ замѣнить этики, точно также, какъ она не можетъ замѣнить и логики. Историческое, коллективное развитіе не уничтожаетъ индивидуальнаго мышленія и познанія, не уничтожаетъ оно и совѣсти.

Дѣло не въ томъ только, что существуетъ и что будетъ со мной, а и въ томъ, что должно быть, что я долженъ дѣлать. Вѣдь и я тоже — я съ моимъ сознаніемъ, съ моей совѣстью — есть исторія. Марксъ, какъ крайній позитивистъ, хочетъ обойтись одной исторіей и ея предсказаніями; для него индивидуальное сознаніе есть ничто, индивидуальной совѣсти онъ не знаетъ, потому что онъ вообще устраняетъ нравственность и идеологію. Но съ другой стороны Марксъ иногда высказываетъ и обычные взгляды — припомните его анализъ труда, подчиняемаго имъ цѣли. Трудъ и ему представляется цѣлесообразной дѣятельностью [1]). Такимъ образомъ Марксъ постоянно колеблется между ультрапозитивнымъ аморализмомъ и моралізмомъ [2]). Если трудъ имѣетъ такое значеніе, какъ думаетъ Марксъ, если только трудъ создаетъ цѣнность всѣхъ товаровъ, то уже въ самомъ понятіи этаго труда имѣется цѣлесообразность—а при цѣлесообразности существуетъ и соціальная телеологія.

Терминъ: соціальная телеологія стали въ послѣднее время употреблять чаще вслѣдствіе вліянія Штамлера; само понятіе во всякомъ случаѣ уже старо. Милль употребляетъ терминъ: телеологія [3]). Само собой понятно, что терминъ можетъ имѣть различное значеніе.

Я понимаю подъ словами: соціальная телеологія политику, т. е. ту часть ея, которая преслѣдуетъ конечныя общественно-политическія цѣли. Политика также, какъ и всѣ практическія науки, подчинена этикѣ. Къ политикѣ (въ обширномъ смыслѣ этаго слова) я причисляю и экономическую политику, опредѣляющую конечныя экономическія цѣли.

Несомнѣнно, что и экономическая политика подчинена этикѣ. Этика опредѣляетъ главныя цѣли жизни, а стало быть и общественно по-

[1]) „Цѣлесообразная дѣятельность или трудъ„ I. 164. О цѣли труда см. § 24.

[2]) Ср. § 27.

[3]) Милль—Логика VI. Штамлеръ—Хозяйство и право. 349.

литическія и экономическія цѣли; само собой понятно, что она опредѣляетъ эти цѣли и должна ихъ опредѣлять при знаніи общественныхъ и экономическихъ отношеній. Когда я говорю, что всѣ практическія науки должны быть подчинены этикѣ, я хочу сказать, что каждое дѣло, каждое дѣйствіе (здѣсь я не говорю о дѣйствіяхъ безотвѣтственныхъ) должно быть нравственнымъ также, какъ каждое мышленіе должно быть логическимъ. Я хочу сказать, что этика, какъ абстрактная наука, отличается отъ другихъ наукъ, и, стало быть, и отъ политики (экономической и пр.), но каждое изъ дѣйствій подлежитъ нравственнымъ нормамъ [1]).

Объ этомъ намъ еще придется говорить потомъ, а пока мнѣ хотѣлось бы уяснить понятіе о соціальномъ идеалѣ.

Зомбартъ, по поводу книги Штамлера, излагаетъ, какимъ образомъ соціалисты пришли къ ихъ идеалу, къ коллективизму; признавая необходимость соціальнаго (общественно-политическаго) идеала, онъ опредѣляетъ его, какъ идеалъ производства [2]). Противъ выработки подобнаго идеала возражать нечего; дѣло только въ томъ, какимъ образомъ онъ обосновывается и изъ какихъ идей проистекаетъ. Самъ Зомбартъ говоритъ, что онъ относительно этаго идеала можетъ согласиться только съ людьми, полагающими также, какъ и онъ, что современная культура должна быть поддержана, что западно-европейскіе народы должны быть защищены «по крайней мѣрѣ

[1]) Тутъ дѣло не въ одномъ различіи номенклатуры, но и въ важныхъ философскихъ и методологическихъ различіяхъ. Напр. Милль имѣетъ иные взгляды относительно соціологіи и ея отношенія къ другимъ наукамъ, чѣмъ Штамлеръ; потому ихъ понятія о телеологіи различны. Милль хотѣлъ бы установить для всей жизненной и общественной практики нѣкоторую практическую метафизику (prima philosophia — какъ онъ ее называетъ); эту общую практическую дисциплину онъ называетъ телеологіей и дѣлитъ ее на три большіе отдѣла: политику, этику и эстетику. Экономика для Милля есть часть соціологіи, она наука теоретическая. Потому общественный идеалъ опредѣляетъ и телеологію. Штамлеръ стоитъ на почвѣ кантіанства; общественная жизнь регулируется высшимъ, абсолютнымъ принципомъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ цѣли общественныхъ отношеній. Этотъ принципъ формальный и есть предметъ и основа соціальной философіи. Части этой соціальной философіи суть экономика и правовѣденіе. Общественная философія стоитъ выше морали и политики.

[2]) См. объясненіе идеала марксизма Зомбартовъ въ его „Соціализмъ“ ст. 72. Свои взгляды Зомбартъ изложилъ подробнѣе въ „Архивѣ“ Брауна 1897. 1. Идеалы соціальной политики. Тутъ онъ говоритъ: идеалъ соціальной политики—это высшее развитіе производительныхъ силъ, экономически совершенное. Онъ представляется наиболѣе развитой экономической системой, т. е. системой хозяйства, наиболѣе производительнаго. Но подъ наибольшей производительностью Зомбартъ понимаетъ не наибольшое производство, а наибольшую плодотворность общественнаго труда, такъ чтобы при возможно меньшемъ трудѣ производилось возможно больше.

противъ низшихъ восточно-европейскихъ и азіатскихъ народовъ», что населеніе должно естественно увеличиваться, и что матеріальныя условія существованія должны быть по возможности улучшены. Зомбартъ отказывается отъ всякаго утопизма, онъ хотѣлъ бы поддерживать свой идеалъ только научными данными.

Я тоже полагаю, что соціальный идеалъ долженъ быть обоснованъ научно, но я сомнѣваюсь, что идеалъ Зомбарта есть чисто экономическій, принимая во вниманіе выставляемыя предпосылки этаго идеала. Вѣдь онъ составляетъ сужденіе о сущности и цѣнности европейской культуры, о характерѣ и значеніи восточныхъ и западныхъ народовъ и ихъ культуры; вѣдь онъ устанавливаетъ различіе между высшей и низшей культурой; онъ упоминаетъ также о естественномъ ростѣ населенія, стало быть, онъ имѣетъ въ виду и неестественный ростъ его, наконецъ онъ требуетъ улучшенія матеріальныхъ отношеній. Все это обозначаетъ, что Зомбартъ строитъ свой «идеалъ производства» на основѣ своихъ соціологическихъ, политическихъ, національныхъ, культурныхъ, экономическихъ, этическихъ—однимъ словомъ, философскихъ взглядовъ. И это тѣмъ болѣе очевидно, что онъ думаетъ не только о производительности и плодотворности общественнаго труда, но также и о раздѣлѣ продукта—а развѣ такой раздѣлъ возможенъ безъ этическихъ нормъ?

Теперь насъ совсѣмъ не занимаетъ вопросъ о томъ, какова эта этика; важно то, что вообще этика признается [1]).

Соціальный идеалъ въ концѣ концовъ можно обосновать только этически. Простое историко философское опредѣленіе того содержанія жизни, которое называютъ цивилизаціей или культурой, недостаточно. Человѣкъ, думающій глубоко о такомъ содержаніи жизни, долженъ задать вопросъ: какой же смыслъ имѣетъ эта культура? Оправдываема ли она и въ какой степени? Ни одинъ человѣкъ, желающій объяснить общественную жизнь и исторію, не можетъ уклониться отъ постановки этого вопроса.

Вопросъ о смыслѣ исторіи и общественной жизни послѣдовательно приводитъ къ вопросу о смыслѣ міра и жизни вообще. Такое философское оріентированіе среди потока историческаго развитія необходимо какъ для теоріи, такъ и для практики.

Въ теоріи и на практикѣ каждый мыслитель и работникъ связанъ съ своими предшественниками и передаетъ свои идеи и результаты своихъ работъ своимъ мыслящимъ и работающимъ наслѣдникамъ.

[1]) О Зомбартѣ изъ соціалистовъ писалъ Гейне (Neue Zeit. 1896). Онъ указываетъ на то, что идеалъ Зомбарта, собственно говоря, культурный, такъ какъ невозможно при установленіи идеала ограничиться только экономическими основаніями, потому что дѣло идетъ объ общемъ будущемъ общественномъ строѣ. Зомбартъ, по словамъ Гейне, могъ бы обосновать свой идеалъ также и на этикѣ.

Такимъ образомъ и безъ пантеизма Гегеля прядется непрерывная нить исторіи; исторія и ея философія становятся методологическимъ и практическимъ орудіемъ.

Конечно, исторія не такъ логична, какъ полагалъ Гегель. Она не такъ логична, какъ полагаетъ и Марксъ съ своимъ отрицаніемъ отрицанія. Каждый мыслитель и практикъ связанъ съ своими предшественниками болѣе психологически, чѣмъ логически.

Прогрессъ одного поколѣнія сравнительно съ прежнимъ состоитъ. однако, не только въ простомъ развитіи уже существующаго, прогрессъ не простое суммированіе. Каждый мыслитель разработываетъ и оставленное ему его предшественниками и то, что онъ прибавилъ къ этому оставленному самъ; мы критикуемъ, мы подбираемъ отдѣльныя черты, объединяемъ и формируемъ избранное и въ нашей собственной душѣ сливаемъ его въ единое цѣлое. Прогрессъ осуществляется не только суммированіемъ данныхъ элементовъ, онъ состоитъ не только въ эклектизмѣ и синкретизмѣ, а прежде всего въ органическомъ и творческомъ синтезѣ — только такимъ путемъ на старой основѣ создаются новые идеи и дѣла.

Исторія не есть просто логическая лабораторія, она есть также и арена для нашихъ чувствъ и стремленій. Въ исторіи осуществляется наше стремленіе, наша жажда усовершенствованія.

Потому то изученіе исторіи, и не только политической, а и исторіи наукъ и искусствъ, хозяйства и открытій, однимъ словомъ исторія всего культурнаго развитія дастъ намъ дѣйствительное поученіе для жизни; мы пріучаемся обуздывать наши желанія, нашу фантазію; мы выучиваемся считаться съ существующимъ, даннымъ исторіей; мы становимся не утопистами, а практиками, изслѣдующими прошедшее для того, чтобы узнать, что именно представляется невозможнымъ.

Правда и то, что отступникъ Ибсена спрашиваетъ насъ: да стоитъ ли труда требовать только возможнаго?

63. Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ вопросу о взглядахъ Маркса и Энгельса на свободу воли.

Марксъ и Энгельсъ говорятъ обыкновенно о законо-мѣрности историческаго развитія такимъ увѣреннымъ тономъ, что даже страшно стоповится. Уже въ самомъ опредѣленіи историческаго матеріализма мы узнаемъ, что люди вступаютъ въ необходимыя, отъ ихъ воли независимыя производственныя отношенія; экономическіе законы, говорятъ намъ далѣе, суть законы природы, они суть тенденціи, дѣйствующія и осуществляющіяся съ желѣзной необходимостью; форма экономической общественной организаціи есть естественный процессъ; личность не отвѣтственна за тѣ отношенія, продуктъ которыхъ она есть, какъ бы она ни стояла высоко надъ этими отношеніями субъективно и т. д.

Намъ уже достаточно извѣстно, какъ смотритъ на дѣло Энгельсъ;

даже по отношенію къ мотивамъ воли и дѣйствія онъ признаетъ иллюзію индивидуальнаго сознанія. Законъ отрицанія отрицанія осуществляется и въ исторіи и въ нашихъ головахъ безсознательно и т. д. [1]).

Но рядомъ съ такими заявленіями мы находимъ и другія. Марксъ, напр., говоритъ, что человѣкъ посредствомъ труда осуществляетъ свои цѣли и что эта цѣль опредѣляетъ способъ его поведенія, какъ законъ.

Энгельсъ утверждаетъ, что люди въ имѣющемъ скоро наступить новомъ общественномъ строю будутъ свободны. «Среда окружающихъ людей жизненныхъ условій, до настоящаго времени господствующая надъ людьми, теперь подвергается господству и контролю людей, впервые становящихся сознательными, дѣйствительными владыками природы именно потому, что они становятся владыками своего собственнаго обобществленія. Законы ихъ собственнаго общественнаго дѣланія, бывшіе для нихъ до сихъ поръ чуждыми, господствующими надъ ними естественными законами, примѣняются теперь ими съ полнымъ знаніемъ дѣла и потому самому подлежатъ ихъ власти.

Обобществленіе людей, предписываемое ихъ до сихъ поръ природой и исторіей, теперь становится ихъ собственнымъ свободнымъ дѣломъ. Объективныя, чуждыя силы, до того времени господствующія въ исторіи, теперь становятся подъ управленіе человѣка. Только съ этого момента люди будутъ сами съ полнымъ сознаніемъ дѣлать свою исторію; только съ этого момента общественныя причины, созданныя ими(приводимыя ими въ движеніе), становятся преобладающими и все больше и больше будутъ получаться желательные для людей результаты. Это переходъ (скачекъ) человѣка изъ царства необходимости въ царство свободы» [2]).

Такимъ образомъ «скачекъ изъ хаоса въ гармонію» Фурье у Энгельса превращается въ человѣческій скачекъ изъ царства не свободы въ царство свободы.

Энгельсъ и Марксъ приняли заявленіе Гегеля: «необходимость слѣпа только постольку, поскольку она не понята». И тутъ Энгельсъ прямо уже признаетъ свободу воли. «Потому свобода воли есть ничто иное, какъ способность рѣшаться при знаніи дѣла. Потому чѣмъ свободнѣе сужденіе человѣка по отношенію къ опредѣленному вопросу, съ тѣмъ большей необходимостью опредѣлено содержаніе этого сужденія; тогда какъ основанная на незнаніи неувѣренность, повидимому совершенно произвольно избирающая между многими разнообразными и противорѣчивыми рѣшеніями, именно этимъ самымъ и доказываетъ свою несвободу, свое подчиненіе объекту, надъ которымъ она должна господствовать Стало быть, свобода состоитъ въ

[1]) Анти-Дюрингъ, 146.
[2]) Анти-Дюрингъ, 305.

основанной на знаніи естественной необходимости власти надъ самимъ собой и надъ внѣшней природой; она поэтому есть необходимо продуктъ историческаго развитія. Первые, отдѣлившіеся отъ царства животныхъ люди во всемъ существенномъ были столь же несвободны, какъ и животныя; но всякій прогрессъ культуры былъ шагомъ къ свободѣ» [1]).

Въ сферѣ воли также, какъ и въ сферѣ инстинкта, мы встрѣчаемся снова съ позитивистической относительностью. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, тутъ есть и нѣкоторое противорѣчіе: полная истина познается только безконечнымъ историческимъ процессомъ; свободны, и притомъ абсолютно свободны, мы будемъ только тогда, когда общество будетъ обладать само средствами производства и устранитъ товарное капиталистическое производство.

64. Мнѣ незачѣмъ теперь доказывать, что разъясненія Энгельса совсѣмъ не уясняютъ проблемму о свободѣ воли. Это объясненіе не психологическое, и тѣмъ болѣе не метафизическое.

Марксъ призналъ это въ одномъ мѣстѣ третьей части «Капитала» и постарался сдержать слишкомъ живое свободолюбіе Энгельса [2]); но и онъ нигдѣ не обсуждаетъ подробно и основательно понятія о свободѣ. Основаній для этого достаточно, въ особенности когда люди придерживаются точки зрѣнія иллюзіонизма.

Я согласенъ съ Марксомъ и Энгельсомъ по вопросу о детерминизмѣ, но расхожусь съ нимъ въ нѣкоторыхъ основныхъ пунктахъ.

Я не признаю ихъ матеріализма и натурализма. Потому закономѣрность личнаго и коллективнаго дѣйствія не представляется мнѣ столь фаталистической, какъ имъ.

Я считаю ихъ иллюзіонизмъ неосновательнымъ и на этомъ основаніи детерминированная закономѣрность тоже не представляется мнѣ столь слѣпой и фаталистической.

Потомъ для меня личность не теряется среди массы и въ исторіи и потому въ правильности соціальныхъ и историческихъ массовыхъ явленій я не усматриваю никакого новаго и особеннаго основанія

---

[1]) III, 2. 355.

[2]) Упоминаемое въ текстѣ мѣсто, повидимому, прямо относящееся къ разъясненіямъ Энгельса, таково: „свобода въ этой сферѣ можетъ состоять только въ томъ, что обобществленный человѣкъ, объединенные производители регулируютъ ихъ обмѣнъ веществъ съ природой раціонально и сообща контролируютъ его, вмѣсто того, чтобы подчиняться ему, какъ слѣпой силѣ; они производятъ его съ наименьшей тратой силъ и при достойныхъ ихъ человѣческой природы и болѣе удобныхъ для нихъ условіяхъ. И всетаки этотъ обмѣнъ остается царствомъ необходимости. По ту сторону этого царства необходимости начинается развитіе человѣческихъ силъ, признаваемое самоцѣлью; это уже царство свободы, но оно можетъ развиться только на базисѣ царства необходимости. Сокращеніе рабочаго дня есть его основное условіе.

для детерминизма, т. е. закономѣрность таковыхъ явленій не дѣлаетъ меня фаталистомъ.

Эта правильность импонировала Марксу и Энгельсу и они отождествили его съ фатализмомъ. Съ ними случилось тоже, что и сомногими другими—напр., съ Кетле и А. Вагнеромъ. Правильность соціальныхъ и историческихъ массовыхъ явленій, возможность хотя бы приблизительно предсказывать ихъ (напр. ежегодное количество убійствъ и самоубійствъ и т. д.) заставило Кетле сдѣлать его извѣстное заявленіе о бюджетѣ эшафота, уплачиваемомъ съ ужасающей правильностью и привело его къ другимъ подобнымъ преувеличеніямъ. Я уже давно говорилъ, что подобный страхъ излишенъ и еще повторяю, что я не раздѣляю суевѣрія большихъ чиселъ. Массивность, громадность соціальныхъ явленій дѣйствуетъ на нашу фантазію и потому мы склонны искать въ массѣ чего то большаго, чѣмъ въ личности [1]). А это неосновательно.

Вообще же теперь споръ о свободѣ воли представляется мнѣ излишнимъ. Это вопросъ о фактѣ психологическомъ. А теологи, юристы, педагоги и, какъ мы видимъ, соціологи вносятъ въ этотъ прежде всего чисто психологическій вопросъ свои различныя воззрѣнія и постулируютъ соотвѣтствующую этимъ воззрѣніямъ волю. Такъ, напр., говорятъ: Богъ неможетъ быть повиненъ въ добрѣ и злѣ—преступникъ долженъ быть отвѣтственнымъ и подвергнуться наказанію и т. д.—и стало быть, воля свободна. Между тѣмъ дѣло просто въ эмпирическомъ психологическомъ фактѣ, детерминирована ли воля или нѣтъ. Эмпирически доказано, что она всегда детерминирована. И теизмъ, и уголовное право, и педагогія должны считаться съ этимъ фактомъ. Если имѣются основанія для теизма, онъ долженъ примириться съ детерминизмомъ; точно также и наказаніе, если

---

[1]) См. Масарикъ—Самоубійство, 238. А. Вагнеръ потомъ измѣнилъ свои прежніе взгляды (Основанія политической экономіи 1. 141. 226): прежнее его мнѣніе о доказываемой статистически правильности человѣческихъ дѣйствій было черезъ чуръ механическимъ. Можетъ быть; но тутъ дѣло не только въ механическомъ или крайнемъ соціологическомъ натурализмѣ, а въ томъ, что Вагнеръ, если я не ошибаюсь, и теперь еще понимаетъ соціальныя массовыя явленія черезъ чуръ коллективистически. Что касается свободы и несвободы, то соціальныя и историческія массовыя явленія не болѣе доказываютъ детерминизмъ и существованіе историческихъ законовъ, чѣмъ это доказывается детерминизмомъ индивидуальныхъ явленій (и къ этому и сводится моя критика положеній Маркса). Я не думаю, что бы въ этомъ случаѣ былъ просто споръ о словахъ, какъ утверждаетъ Вагнеръ; но что во многихъ случаяхъ при обсужденіи вопроса о свободѣ дѣйствительно спорятъ о словахъ—это говорилъ еще Юмъ, и говорилъ справедливо. Здѣсь я упоминаю объ этомъ, имѣя въ виду. Катрейна (Moralphilosophie), обвиняющаго меня за мой рѣшительный детерминизмъ въ фатализмѣ. Я, наоборотъ, считаю фаталистами индетерминистовъ.

только оно вообще имѣетъ смыслъ и оправданіе, можетъ быть оправдываемо на основаніи детерминизма и т. д.

Что же сказать о той творческой самопроизвольности, на которую я указалъ, возражая Энгельсу (§§ 38), когда онъ ищетъ исторической движущей силы движущихъ силъ?

Тутъ мы находимся предъ вопросомъ изъ вопросовъ. Если ужъ такой мыслитель, какъ Кантъ, тутъ долженъ былъ прибѣгнуть къ двусторонности эмпирической не свободы и постулируемой чистымъ разумомъ свободы, то Марксъ и Энгельсъ ищутъ рѣшенія этой проблеммы о мірѣ и жизни въ матеріалистическомъ фатализмѣ.

Марксъ въ дѣйствительности вѣритъ во всемогущество случая, фатума; обыкновенно этотъ фатумъ именуется «отношеніями». «Съ моей точки зрѣнія, признающей развитіе экономическихъ общественныхъ формъ естественноисторическимъ процессомъ, менѣе, чѣмъ съ какой либо иной, можно считать личность отвѣтственной за отношенія, соціальнымъ продуктомъ которыхъ она является, какъ бы высоко она не стояла надъ ними субъективно». Но развѣ люди и даже каждый изъ нихъ то же не «отношенія»? Иллюзіонизмъ отъ крайняго своего объективизма необходимо приводитъ къ такому фатализму.

Самъ я объясняю себѣ міръ и исторію теистически: для меня теистическій детерминизмъ не только соціальный, а и метафизическій синергизмъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Сущность и развитіе экономической организаціи общества.

V.

Борьба экономическихъ классовъ.

A.

Картина современнаго капитализма по Марксу.

65. Въ предшествующемъ анализѣ мы уяснили общія и абстрактныя основанія историческаго матеріализма. Мы признали философской основой марксизма матеріализмъ и позитивизмъ; мы уяснили, что такое историзмъ Маркса, каковъ при его ультраобъективной точкѣ зрѣнія его иллюзіонизмъ, и какимъ образомъ именно поэтому вся общественная жизнь и ея развитіе приводится къ классовой борьбѣ. Эта борьба составляетъ содержаніе историческаго развитія; она политическая, но служитъ цѣлямъ экономическимъ; классы борятся за ихъ экономическое освобожденіе; послѣдняя и истинная движущая сила развитія есть противорѣчіе классовыхъ интересовъ; все остальное, все духовное содержаніе исторіи, вся идеологія есть иллюзія, «ложное сознаніе».

Теперь наша конкретная задача должна состоять въ томъ, чтобы узнать эти классовые интересы и, конечно, прежде всего сущность этихъ общественныхъ классовъ. Сумма отношеній производства составляетъ политическую структуру общества, реальную основу

идеологической надстройки; теперь намъ и предстоитъ разсмотрѣть эту экономическую структуру и ея развитіе.

Для этаго необходимо изучить главное произведеніе Маркса—Капиталъ. Само собой разумѣется, что для насъ теперь важны соціологическія основы этаго произведенія, а не все экономическое ученіе Маркса. Самъ Марксъ утверждаетъ, что въ Капиталѣ онъ хотѣлъ окончательно установить законы экономическаго движенія современнаго общества—и для насъ поэтому здѣсь важна только общая, историко-философская часть системы Маркса.

«Капиталъ» Маркса, какъ указываетъ подзаголовокъ книги, есть критика политической экономіи; отдѣльныхъ вопросовъ политической экономіи мы будемъ касаться здѣсь лишь постольку, поскольку это будетъ намъ необходимо для нашихъ соціологическихъ разъясненій [1]).

66. Самое названіе главнаго сочиненія Маркса сразу обращаетъ наше вниманіе на главное понятіе всего экономическаго ученія Маркса, на капиталъ. Это названіе не «политическая экономія съ точки зрѣнія» и т. д., не заглавіе а la Прудонъ, а просто «Капиталъ»—и притомъ критика политической экономіи, т. е. критика капитала есть критика всего хозяйства, а стало быть, на основаніи историческаго матеріализма, и всей культуры вообще.

Подъ терминомъ: капиталъ Марксъ понимаетъ не то, что обыкновенно называютъ капиталомъ—это мы должны отмѣтить сразу. Для Маркса капиталъ есть капиталъ предпринимателя; онъ для него деньги предпринимателя, производящія сами изъ себя новыя деньги, это «цѣнность, сама себя дѣлающая цѣнностью».

Что такое цѣнность? Марксъ также, какъ и его предшественники, различаетъ цѣнность потребительную, пользу, приносимую человѣку вещью сама по себѣ, и мѣновую. Имущества (блага) существуютъ не сами по себѣ, они обмѣниваются въ обществѣ и тогда они становятся чѣмъ то особымъ — именно товарами, а товаръ есть нѣчто особенное. Марксъ придаетъ большое значеніе понятію о товарѣ—

[1]) Кромѣ цитированныхъ раньше сочиненій о Марксѣ, кромѣ экономической литературы укажу на новыя, спеціально экономическія работы, уясняющія всю систему Маркса или нѣкоторые изъ его взглядовъ: Ланге:—Марксъ, какъ теоретикъ—экономистъ (Jahrbüch. für Nationaloekonomie 1897). Юрнитчекъ (Iurnitschek)—О дѣйствительномъ происхожденіи капиталовъ 1897). О теоріи цѣнности: Герлахъ—О условіяхъ экономической дѣятельности. Критическія разъясненія ученія о цѣнности Маркса, Книса, Шеффле и Визера 1890. Ср. Бёмъ—Баверкъ: Капиталъ и процентъ 1 часть исторія и критика процента на капиталъ 1884.

О значеніи Маркса въ исторіи политической экономіи, кромѣ раньше цитированныхъ сочиненій см. Прайсъ—Исторія англійской политической экономіи со времени Смита 1896. Бунге—Очерки экономической литературы (пер. съ русскаго) 1898. Ейзенгартъ—Исторія политической экономіи 1891.

такое же значеніе, какъ и понятію о капиталѣ; въ сущности, это два выраженія для одной и той же вещи, и во всякомъ случаѣ они настолько же нераздѣлимы, какъ тѣло и душа для матеріалиста.

До тѣхъ поръ, пока не было никакой мѣновой торговли, имущества (блага) были полезны только потому, что владѣлецъ потреблялъ ихъ; помимо этаго потребленія не существовало никакой пользы; имущества не обмѣнивались.

Въ первобытное время господствовалъ коммунизмъ. Каждый работалъ для общины и получалъ отъ нее все, что ему было нужно. Но это не мѣновая торговля, это не купля-продажа; только позднѣе и въ особенности въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ покупаютъ и продаютъ, такъ какъ первобытный коммунизмъ исчезъ.

Само по себѣ обмѣниваемое имущество остается тѣмъ же, чѣмъ оно и было и раньше. Хлѣбъ остается тѣмъ же хлѣбомъ; польза его и вчера и сегодня таже, какъ и во время первобытнаго коммунизма; но разница въ томъ, что теперь этотъ хлѣбъ обмѣнивается на другое благо, что вообще одно благо обмѣнивается на другое и что въ концѣ концевъ всѣ они обмѣниваются на деньги, на это всеобщее имущество и мѣрило всѣхъ вещей.

Мѣновая стоимость совсѣмъ иная, чѣмъ потребительная. Вещь можетъ быть полезной, т. е. имѣть потребительную стоимость и тѣмъ не менѣе не имѣть цѣны, напр., воздухъ [1]); полезная вещь можетъ быть также продуктомъ человѣческаго труда и однако не быть товаромъ; то, что я произвожу для себя и что потребляю самъ, не товаръ. Товаръ есть тоже потребительная цѣнность, но для другихъ. Эта прибавка: для другихъ, и дѣлаетъ то, что вещь имѣетъ общественную потребительную стоимость.

Мы постоянно говоримъ о міровомъ обращеніи, какъ будто это разумѣется само по себѣ; но въ дѣйствительности тутъ важная проблемма. Какимъ образомъ случилось, что мы обмѣниваемъ, напр., хлѣбъ на желѣзо? Какимъ образомъ случилось, что появилось такое уравненіе: 1 мѣра пшеницы равна 1 центнеру желѣза? Пшеница и желѣзо не могутъ быть сравниваемы, ихъ нельзя измѣрять одну другимъ (они несоизмѣримы).

Если мы сравниваемъ пшеницу и желѣзо, если мы измѣряемъ одну другимъ и обмѣниваемъ одну на другое, то, стало быть, существуетъ tertium comparationis (это мое выраженіе) и это то третье, по мнѣнію Маркса, имѣется и въ пшеницѣ и въ желѣзѣ; въ обоихъ должно скрываться нѣчто, что дѣлаетъ возможными ихъ взаимное сравненіе

[1]) „Вещь можетъ быть потребительной стоимостью, не будучи цѣнностью“. Читатель долженъ при изученіи экономической системы Маркса пріучиться къ схоластикѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что Марксъ говоритъ: „не будучи цѣнностью“, а не: „вещь не имѣетъ цѣнности“. Въ другихъ мѣстахъ онъ, впрочемъ, говоритъ: имѣетъ цѣнность.

и измѣреніе. И это нѣчто есть трудъ. Трудъ есть это общее имъ обоимъ третье; и желѣзо и пшеница приводятся къ труду и потому они обмѣниваются одно на другую.

Такимъ образомъ установился обмѣнъ и только такимъ образомъ онъ могъ установиться. Противъ само собою напрашивающагося возраженія, что этимъ третьимъ можетъ быть польза, полезность предметовъ, Марксъ замѣчаетъ, что при обмѣнѣ дѣло не въ полезности. Обмѣниваемыя имущества суть товары, и только товары. Обмѣниваемое, какъ товаръ, желѣзо перестаетъ быть желѣзомъ; обмѣниваемая, какъ товаръ, пшеница перестаетъ быть пшеницей. Они суть только товары. Качество потребительной стоимости исчезаетъ; рѣшающимъ будетъ только количество; потому совершенно безразлично, имѣю ли я предъ собой домъ, столъ, сюртукъ—все это только товары, продукты, стоющіе столько-то.

Всѣ обмѣнивающіяся имущества приводятся «къ одинаковому человѣческому труду, къ абстрактному человѣческому труду»; товаръ есть носитель, аккумуляторъ этаго человѣческаго труда; полезное имущество, какъ товаръ, есть «простой сгустокъ (Gallerte) безразличнаго человѣческаго труда»; этотъ сгустокъ имѣетъ цѣнность только потому, что въ немъ «осуществленъ» объективированъ (vergegenständlicht) человѣческій трудъ; этотъ трудъ и есть «создающая цѣнность субстанція».

Для объясненія понятія объ абстрактномъ человѣческомъ трудѣ слѣдуетъ упомянуть, что Марксъ отличаетъ индивидуальную цѣнность отъ общественной или фактической. Индивидуальная цѣнность измѣряется временемъ, употребленнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ рабочимъ на производство товара; фактическая цѣнность производится «средней общественной рабочей силой.

Такъ какъ цѣнность создается только трудомъ и при томъ количествомъ труда, то мѣриломъ цѣнности будетъ продолжительность работы. «Товары, какъ цѣнность, суть просто опредѣленная масса кристализованнаго (festgeronnener) труда». Марксъ при этомъ предполагаетъ нормальныя средства производства, нормальную способность работника и нормальную напряженность труда, «необходимое среднее или общественное необходимое рабочее время». Чѣмъ меньше времени необходимо для производства, тѣмъ меньше цѣнность продукта; при посредствѣ машины, напр., возможно произвести въ одинаковое время гораздо больше продуктовъ, потому цѣнность ихъ падаетъ.

67. Мѣновое обращеніе имѣетъ двоякую форму. Т.—D.—Т.; т. е. я продаю товаръ за деньги и снова покупаю нужный мнѣ товаръ. Этимъ процессъ и заканчивается. Я продаю и получаю деньги, я покупаю и потребляю — и все тутъ. Если я хочу получить то, что мнѣ будетъ нужно дальше, я долженъ буду снова производить и тогда могу снова продавать и покупать и т. д.

D.—Т.—D.—тутъ уже дѣло не въ потребленіи, а въ чемъ то другомъ; я хочу на деньги чрезъ посредство товара получить больше денегъ. Эти деньги въ заключеніи процесса отличны отъ денегъ въ началѣ его — ихъ больше, D+d. Этотъ процессъ имѣетъ смыслъ, очевидно, только тогда, когда D приростаетъ (такъ какъ никто не будетъ мѣнять ради самаго обмѣна): стало быть, основной мотивъ обращенія тутъ увеличеніе количества денегъ. D.—Т.—D+d=100 р. —пшеница—110 р., т. е. d=10 р.; и это приращеніе и есть прибавочная стоимость.

Стоимость, обращающаяся въ такой формѣ, получаетъ благодаря прибавочной стоимости иной характеръ; она становится капиталомъ. Современный капиталъ и есть «самоувеличивающаяся цѣнность» въ такой формѣ. Такимъ образомъ прибавочная стоимость есть прибыль.

Является вопросъ, какимъ образомъ въ формулѣ Маркса становится возможнымъ, что D=Т., а Т=D+d? Или безъ всякихъ формулъ: какимъ образомъ происходитъ прибавочная стоимость?

Это возможно только въ томъ случаѣ, если Т. увеличивается въ самомъ процессѣ обращенія.

Такъ какъ цѣнность создается только трудомъ, то такимъ увеличивающимся товаромъ и можетъ быть только самъ трудъ, т. е. трудъ долженъ сдѣлаться товаромъ. Трудъ дѣлается товаромъ, если рабочій продаетъ свою рабочую силу капиталисту.

Именно это и происходитъ. Но не всегда было такъ. Рабочій продаетъ свою рабочую силу съ шестнадцатаго вѣка. Потому онъ сдѣлался свободнымъ, онъ независитъ ни отъ кого и потому можетъ продавать свою силу. Въ средніе вѣка онъ не былъ свободнымъ и потому не могъ продавать свои рабочіе силы. Но современный рабочій отвѣчаетъ еще и другому условію, дѣлающему его рабочимъ.—Онъ не самъ пользуется для себя этой своей рабочей силой. У него нѣтъ средствъ и матеріаловъ производства и въ особенности у него нѣтъ земли—онъ пролетарій. Капиталистъ покупаетъ силу рабочаго, пользуется и злоупотребляетъ ей, эксплуатируетъ ее. Капиталистъ эксплуатируетъ создающій цѣнность трудъ рабочаго.

Стало быть, рабочій продаетъ свою рабочую силу—за что? Что даетъ ему за нее капиталистъ?

Самъ капиталистъ не работаетъ; работаетъ рабочій и онъ прежде всего долженъ заработать то, что ему необходимо для себя и своей семьи: потому «необходимое рабочее время» создаетъ «необходимую цѣнность». А кромѣ того рабочій долженъ создать еще прибавочную стоимость и эту послѣднюю онъ создаетъ прибавочнымъ трудомъ въ прибавочное время. «Капиталъ есть мертвый трудъ, какъ вампиръ оживающій высасываніемъ живого труда и живущій тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ высасываетъ живой трудъ».

Потому прибавочная стоимость происходитъ и ростетъ двоякимъ

способомъ. Или уменьшается или удешевляется пища рабочаго (и вообще все необходимое для его жизни), и то и другое равнозначительно сокращенію необходимаго труда. Прибавочная стоимость, происходящая такимъ путемъ посредствомъ сокращенія необходимаго труда, «относительна».

Но прибавочная стоимость создается также и удлиненіемъ времени прибавочнаго труда—это абсолютная прибавочная стоимость. «Какъ для познанія цѣнности вообще необходимо представлять ее какъ кристализированіе рабочаго времени, какъ овеществленный трудъ, такъ и для пониманія прибавочной стоимости необходимо представлять ее простымъ кристализированіемъ излишняго рабочаго времени, о вещественной прибавочной работой».

Рабочій получаетъ плату за свой трудъ; но форма платы, выдаваемой деньгами, скрываетъ истинное положеніе дѣлъ. Дѣло представляется такъ, какъ будто рабочему заплачено за все рабочее время. Посмотримъ на рабочаго при барщинѣ. Тогда рабочій опредѣленно зналъ, сколько дней и сколько времени вообще онъ работалъ на господина и сколько на себя самого; у него была опредѣленная мѣра, его отношеніе къ господину было вполнѣ ясно. Теперь рабочій получаетъ вознагражденіе деньгами и потому онъ не знаетъ, сколько и какое время онъ работалъ для себя, чтобы прокормить и свою семью и сколько прибавочной работы и прибавочнаго времени онъ даетъ капиталисту. Плату онъ получаетъ только за необходимую работу, прибавочная же работа идетъ на пользу капиталиста.

Продолжительность рабочаго времени колеблется между минимумомъ, необходимымъ для содержанія рабочаго, и максимумомъ, опредѣляемымъ съ одной стороны психологически, а съ другой морально—именно рабочій долженъ быть здоровымъ и сильнымъ и потому должны быть удовлетворяемы и нѣкоторыя изъ его умственныхъ и иныхъ потребностей.

Всѣ стремленія капиталистовъ и вся тенденція экономическаго строя направлены на то, что бы по возможности сократить необходимое рабочее время, т. е. получить возможно большую относительную прибавочную стоимость. Для этого дѣлаются всѣ техническія усовершенствованія, этому послужило въ особенности изобрѣтеніе машинъ.

Такимъ образомъ вліяніе всякаго промышленнаго прогресса (помимо изобрѣтенія машинъ также и организація и раздѣленіе труда и т. д.) на размѣры заработной платы понятно само собой: плата уменьшается. При этомъ рабочій вслѣдствіе односторонняго машиннаго труда страдаетъ и физически и духовно, умственный трудъ все болѣе и болѣе отдѣляется отъ мускульнаго и становится все менѣе и менѣе необходимымъ. Трудъ становится дешевле и все болѣе и болѣе пользуются болѣе дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей; вскорѣ рабочій

превращается въ работорговца — онъ продаетъ и свою работу и свою силу, и свою семью.

Машинное производство кромѣ того ведетъ къ удлиненію рабочаго дня. Машина можетъ работать постоянно и принуждаетъ работать также и рабочаго — рабочій постепенно приспособляется къ работѣ. Такъ какъ онъ страдаетъ отъ вліянія машины и умственно, то онъ въ силу этого вліянія и самъ все болѣе и болѣе превращается въ машину.

Машина и всякій техническій прогрессъ оказываютъ еще одно неблагопріятное вліяніе: происходитъ перенаселеніе, относительное, а не абсолютное. Такъ какъ рабочее время удлинняется, то часть рабочихъ работаетъ очень долго, а другая часть остается безъ дѣла.

Потому выходитъ такъ, что только половина населенія работаетъ за всѣхъ и при этомъ эту половину заставляютъ работать дешево [1]).

Такимъ образомъ слѣдствіемъ капиталистическаго хозяйства является перенаселеніе и при томъ, какъ сказано, относительное; Марксъ не признаетъ абсолютнаго перенаселенія, о которомъ говорилъ Мальтусъ. Капиталистическая система производитъ только временное перенаселеніе, создавая пролетаріатъ, резервную армію труда, которая исчезнетъ съ исчезновеніемъ капитализма. Паденіе величины заработной платы происходитъ не вслѣдствіе абсолютнаго увеличенія населенія, а вслѣдствіе вышеописаннаго отношенія работающихъ къ безработнымъ.

Въ концѣ концевъ вліяніе капитализма сказывается и на капиталистахъ. И это понятно; доходъ, составляющійся изъ прибавочной стоимости, все болѣе и болѣе концентрируется въ немногихъ рукахъ. Капиталисты эксплуатируютъ не однихъ только рабочихъ, а въ концѣ концевъ и себя самихъ.

Самъ капиталистъ не работаетъ, онъ только командиръ труда, руководитель, онъ высасываетъ всѣхъ, и въ особенности, конечно, рабочихъ. Капиталистъ есть владыка надъ трудомъ—nota bene, надъ трудомъ чужимъ и неоплаченнымъ; капиталъ есть продуктъ неоплаченнаго рабочаго времени. «Если деньги, какъ говоритъ Ожье, появляются на свѣтъ съ натуральными кровавыми пятнами на спинѣ, то капиталъ весь, съ головы до пятокъ, брызжетъ изъ всѣхъ своихъ поръ кровью и грязью».

Капиталъ есть опора современнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ его богъ—его фетишъ. Какъ въ религіи человѣкъ находится подъ властью созданія своей собственной головы, такъ и въ капиталистическомъ производствѣ онъ находится во власти созданія своихъ

[1]) Марксъ въ особенности возстаетъ противъ поштучной работы, такъ какъ при ней рабочаго въ особенности сильно эксплуатируютъ; худшій сортъ поштучной работы, это система такъ называемаго выгонянія пота. (Sweatingsystem).

рукъ. Какъ человѣкъ объективируетъ свои собственныя мысли и выдумки и дѣлаетъ ихъ богами и идолами, такъ въ товарахъ онъ обожаетъ то, что сдѣлано имъ самимъ. Въ товарѣ есть нѣчто таинственное—онъ есть фетишъ.

Это свойство товара состоитъ въ томъ, что онъ отряжаетъ для людей общественныя свойства ихъ труда; общественныя свойства труда становятся общественными естественными свойствами этихъ вещей, потому общественное отношеніе производителей къ ихъ общей работѣ представляется внѣ этихъ производителей существующимъ отношеніемъ предметовъ.

68. Капитализмъ развился изъ прежней экономической формы только въ новое время.

Капиталистическая система, какъ система производства, характеризуется тѣмъ, что она отдѣляетъ работника отъ средствъ производства; теперь рабочій уже не владѣетъ тѣмъ, посредствомъ чего онъ работаетъ для себя и для другихъ, тогда какъ раньше онъ былъ владѣльцемъ машинъ и вообще средствъ производства. Въ прежнія времена замѣчаются только слѣды такого отдѣленія рабочихъ отъ средствъ производства. Въ XIV и XV вѣкахъ капиталистическое производство появляется кое гдѣ въ странахъ у Средиземнаго моря, въ XVI вѣкѣ капитализмъ уже начинаетъ развиваться.

Капитализмъ начинается съ освобожденія производства отъ феодализма. Борьба противъ феодализма политически была борьбой за свободу и равенство—но въ дѣйствительности эта свобода и равенство оказались чѣмъ то совсѣмъ другимъ, а именно пролетаризаціей и капитализированіемъ.

Производство товаровъ въ крупныхъ размѣрахъ началось въ городахъ. Дворянство, владѣвшее землей и жившее и хозяйничающее по старому, первоначально грабило бюргеровъ и крестьянъ; но города при помощи наемныхъ солдатъ оберегали себя отъ дворянъ и послѣднимъ ничего не оставалось другого, какъ подражать купцамъ. Дворянство тоже начало производить для рынка. Оно подчинило себѣ крестьянина, общинныя земли были уничтожены ихъ присоединеніемъ къ помѣстьямъ.

Текстильная городская промышленность нуждалась въ шерсти—и пахотныя земли превращаются въ пастбище для овецъ.

Большое количество крестьянъ было прогнано съ земли—типическимъ примѣромъ этого процесса можетъ служить Англія. При этомъ дворяне уже не могли жить такъ беззаботно, какъ въ старину, потому имъ пришлось распустить массы ихъ слугъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствовала и реформація; она пролетаризировала обитателей монастырей; церковныя имущества были проданы спекуляторамъ и они прогнали издавна сидѣвшихъ на землѣ наслѣдственныхъ владѣльцевъ, крестьянъ. Такимъ образомъ появилась масса пролетаріата и этимъ феодальное дворянство приготовило путь для современнаго капитализма. Земледѣліе становится капиталистическимъ. Въ XV и XVI вѣкахъ вся Европа была переполнена бродягами и пролетаріями. Уже въ то время было больше рабочихъ, чѣмъ было нужно для капитала—хотя хорошихъ рабочихъ было мало.

Но съ технической стороны производство было пока мануфактурнымъ; рабочій не работалъ еще на большихъ фабрикахъ и отъ него требовалось нѣкоторое умѣнье. Было еще гораздо менѣе постояннаго, чѣмъ перемѣннаго капитала [1]). Спросъ на наемный трудъ увеличивался при накопленіи капитала; но искусные рабочіе также, какъ и мастера и мелкіе хозяева, протестовали еще противъ капиталистической пролетаризаціи.

Капиталу еще приходилось бороться съ цехами и общинной земельной собственностью, а кое гдѣ и съ крупными ремесленными товариществами. Но тутъ на помощь новому капиталистическому строю приходитъ государство. Такъ какъ оно защищало собственность отъ бродягъ и поддерживало превращеніе общинной собственности въ частную, то оно пріучало и принуждало рабочаго подчиняться капиталистической дисциплинѣ. Оно опредѣляло величину заработной платы, увеличивало продолжительность рабочаго дня и воспрещало рабочимъ составлять союзы. Все постепенно стремилось къ капиталистическимъ формамъ, къ капиталистическому строю.

Раньше, при старыхъ порядкахъ, каждая крестьянская семья производила все, что она потребляла; она производила для себя необходимую пищу; домашніе промыслы удовлетворяли всѣмъ другимъ ея потребностямъ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось: пищевыя средства стали производиться въ крупныхъ помѣстьяхъ, какъ товары, продающіеся промысловому люду; продукты мануфактуръ продаются промышленнымъ и земледѣльческимъ наемнымъ рабочимъ и крестьянамъ. У крестьянъ слишкомъ мало земли, чтобы было возможно прокормиться и содержать семью; земледѣліе становится подсобнымъ занятіемъ, старая домашняя промышленность превращается въ производство товаровъ для торговли. Пролетаріатъ дѣлаетъ возможнымъ образованіе капитала, а капиталъ въ свою очередь снова и снова создаетъ пролетаріатъ.

Развивается все болѣе увеличивающая централизація богатства въ немногихъ рукахъ. Въ средніе вѣка было два рода капитала: ростовщическій и торговый.

---

[1]) Постоянный капиталъ или постоянная часть капитала—есть та часть его, которая превращена въ средства производства—стало быть, это сырье вспомогательные матеріалы, орудія и т. д. Перемѣнный капиталъ превращается въ рабочую силу—и онъ создаетъ не только свою собственную цѣнность, но и прибавочную стоимость.

Торговля съ востокомъ становится значительной уже со временъ крестовыхъ походовъ, и съ развитіемъ торговли въ XV и XVI вѣкахъ начинается концентрированіе капитала—Фуггеры въ Аусбургѣ были Ротшильдами той эпохи. Марксъ говоритъ объ этомъ первоначальномъ накопленіи (этотъ терминъ принадлежитъ еще Смиту), что въ политической экономіи оно имѣетъ тоже значеніе, какое въ теологіи имѣетъ первородный грѣхъ—уже первое накопленіе было эксплуатаціей, хищничествомъ и даже прямо грабежомъ [1]).

Такимъ образомъ торговля представляетъ переходную, или, лучше сказать, начальную стадію капитализма. Современная фабрика произошла не отъ мастерской, а отъ купеческой лавки [2]).

Капиталъ помимо торговли росъ еще вслѣдствіе открытія золота и серебра въ Америкѣ—открытія, за которымъ послѣдовало уничтоженіе и порабощеніе краснокожихъ. Опустошенная Остъ-Индія, и вскорѣ послѣ нея Африка становятся разсадниками рабовъ. Испанія, Португалія, Франція и Англія являются послѣдовательно одна за другой участницами въ такихъ первоначальныхъ богатствахъ. Вскорѣ начинается борьба за міровой рынокъ; Голландія отпадаетъ отъ Испаніи; рядомъ непрерывныхъ войнъ—Англія въ концѣ концовъ получаетъ преобладаніе надъ Франціей.

Въ Англіи уже въ XVII столѣтіи систематически разрабатывается система накопленія и капитализма: колоніальная система, государственный долгъ, новая налоговая система и защитительныя пошлины. Концентрированная и организированная общественная сила, государственная власть, проводитъ въ жизнь превращеніе феодальнаго хозяйства въ капиталистическое и по возможно сокращаетъ время такого превращенія—капитализмъ вводится прямо таки насиліемъ.

Такимъ образомъ съ пятнадцатаго вѣка пролетаризированіе населенія, и въ особенности крестьянства, увеличивается; развивается внутренній рынокъ, котораго раньше не существовало. Раньше каждая семья, каждая община потребляли то, что онѣ производили; теперь богатство накопляется и концентрируется; вскорѣ развивается внѣшняя торговля; появляются колоніи. Таковы были въ Западной Европѣ условія, при которыхъ все производство стало производствомъ товарнымъ. Неимѣющее внутренней связи мелкое производство крестьянъ и ремесленниковъ, домашняя промышленность, постепенно уничтожается, оттѣсняется на задній планъ и ея мѣсто занимаетъ капиталистическое крупное производство.

---

[1]) „Только съ этого времени (съ XVI вѣка) оно (накопленіе) перестаетъ имѣть раньше необходимо присущее ему свойство простого хищничества и прямаго грабежа“.—Каутскій. Экономическое ученіе Маркса. 61.

[2]) Марксъ (Нищета философіи 135).—„Принципаломъ новой капиталистической мастерской дѣлается купецъ, а не старый цеховой мастеръ“.

69. Первоначальное производство было организовано общественно, т. е. средства производства и продукты были общественной собственностью. Продукты непосредственно, безъ торговли, попадали въ руки общества; обращенія товаровъ не существовало. Продуктъ дѣлился и становился потомъ собственностью тѣхъ, кто получалъ его при раздѣлѣ, т. е. индивидуальной, частной собственностью—само собой разумѣется, что этотъ продуктъ не переставалъ быть просто потребительнымъ благомъ. Стало быть, первоначально существовалъ и господствовалъ коммунизмъ.

Со временемъ такое первобытное (urwüchsige) производство замѣняется простымъ товарнымъ производствомъ. Это уже вторая фаза экономическаго и вообще культурнаго развитія. Коммунизмъ прекращаетъ свое существованіе. Отдѣльные, независимые одинъ отъ другого рабочіе производятъ товары при помощи принадлежащихъ имъ средствъ производства. При этой ступени развитія существуетъ уже мѣновая торговля—товары должны обмѣниваться. Собственность уже частная.

Потомъ идетъ третья стадія. Простое товарное производство замѣняется сложнымъ капиталистическимъ производствомъ. Мѣсто отдѣльныхъ рабочихъ занимаютъ крупныя концентраціи ихъ, предпріятія съ большимъ количествомъ рабочихъ. Рабочіе взаимно обмѣниваются товарами, какъ и во времена простого производства, собственность остается частной. Это черта общая современному періоду съ прошлыми—но есть уже и большія различія. При простомъ товарномъ производствѣ собственность была результатомъ и наградой труда; рабочій былъ собственникомъ средствъ производства и продуктовъ. При капиталистическомъ производствѣ это соединеніе труда и его продукта уничтожено; рабочему уже не принадлежатъ ни продукты, ни средства производства; и тѣ и другія находятся въ распоряженіи не работающаго, капиталиста. Капиталистическое производство превращаетъ постепенно неработающихъ въ собственниковъ всѣхъ богатствъ, а работающихъ въ неимущихъ.

При существованіи первобытнаго коммунизма общество регулируетъ производство по своей волѣ и согласно общему благу. Уже при простомъ товарномъ производствѣ, и еще болѣе при производствѣ капиталистическомъ исчезаетъ такая простота отношеній. Первоначальныя, совершенно ясныя, прозрачныя производственныя отношенія дѣлаются сложными и неясными; раньше общество было господиномъ своихъ произведеній, а теперь произведенія становятся владыкой производителя. Производство теперь подчинено законамъ, независимымъ отъ производителей, часто дѣйствующимъ, подобно законамъ природы, противъ ихъ воли. Это ведетъ къ періодическимъ разнообразнымъ кризисамъ. При простомъ товарномъ производствѣ кризисы были еще выносимыми, такъ какъ они были мѣстными;

но при капиталистическомъ крупномъ производствѣ всякое зло увеличивается, и кризисы становятся истыми бичами цѣлыхъ государствъ и континентовъ. Крупные кризисы повторяются съ ужасающей правильностью, чрезъ каждые десять лѣтъ. Марксъ вообще полагаетъ, что мы живемъ въ эпоху упадка, хроническаго недуга.

Пока существовалъ коммунизмъ, съ большей производительностью труда увеличивалась и доля рабочаго въ выработанныхъ продуктахъ; даже при простомъ товарномъ производствѣ для рабочаго было выгодно, чтобы его трудъ былъ болѣе производительнымъ. Но при капиталистическомъ производствѣ рабочая сила сдѣлалась товаромъ, ея цѣна падаетъ по мѣрѣ того, какъ развитіе промышленности увеличиваетъ производительность труда. Чѣмъ производительнѣе трудъ, тѣмъ меньше доля рабочаго и тѣмъ большее число лицъ превращается въ пролетаріевъ.

Такимъ образомъ въ странахъ капиталистическихъ происходитъ конфликтъ между капиталистами и рабочими. Естественный процессъ будетъ таковъ: рабочіе пріобрѣтаютъ классовое сознаніе и стремятся къ политической дѣятельности—появляются рабочія партіи. Общество дѣлится на два враждебные класса.

Зло основывается на оригинальномъ противорѣчіи между общественнымъ характеромъ труда и унаслѣдованной формой собственности—трудъ общественный, а собственность частная.

Является вопросъ: возможно ли устранить такое противорѣчіе? Это возможно двоякимъ способомъ:

Можно бы было устранить общественный трудъ; общество возвратилось бы къ простому производству и крупная промышленность была бы замѣнена ремесломъ и мелкимъ земледѣліемъ.

Вторая возможность: форма собственности приспособляется къ формѣ труда, средства производства и продукты становятся общественными также, какъ и трудъ. Первая возможность исключается и остается только вторая, т. е. коммунизмъ.

Марксъ полагаетъ, что переходъ къ коммунизму будетъ легкимъ, гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ появленіе капитализма. Переходъ отъ раздробленной частной собственности, обусловленной частнымъ самостоятельнымъ трудомъ, къ централизованной капиталистической собственности былъ медленнымъ, насильственнымъ и труднымъ—это было экспропріированіе массы отдѣльными лицами. Предстоящая замѣна частнаго капитала, создаваемаго общественнымъ трудомъ, общественной собственностью будетъ легче, менѣе продолжительна и менѣе насильственна — это будетъ экспропріированіемъ немногихъ капиталистовъ массой. «Экспропріаторы будутъ экспроріированы».

Капиталистическій способъ производства и усвоенія, капиталистическая частная собственность есть первое отрицаніе индивидуальной, основанной на собственномъ трудѣ частной собственности.

Отрицаніе капиталистическаго производства происходитъ само собой съ необходимостью естественнаго процесса. Это есть отрицаніе отрицанія. Оно снова возстановляетъ частную собственность, но уже на основѣ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ кооперації свободныхъ работниковъ, и общей ихъ земельной собственности и при помощи средствъ производства, произведенныхъ самимъ трудомъ».

70. Таковы экономическая теорія Маркса и его изложеніе экономической исторіи. Приведемъ краткое изложеніе ихъ, данное Энгельсомъ [1]).

1. *Средневѣковое общество*: мелкая частная промышленность. Средства производства приспособлены къ личному употребленію, потому они первобытны, плохи, мелки и дѣятельность ихъ ничтожна. Производство для непосредственнаго потребленія, или самого производителя или его феодальнаго господина. Только тамъ, гдѣ существуетъ излишекъ производства надъ этимъ потребленіемъ, этотъ излишекъ предлагается въ продажу и происходитъ мѣновая торговля; такимъ образомъ товарное производство находится въ зачаткѣ, но уже и теперь оно содержитъ въ себѣ въ зародышѣ анархію въ общественномъ производствѣ.

2. *Капиталистическая революція:* измѣненіе промышленности, сначала посредствомъ простой кооперації и мануфактуры. Концентрированіе до сихъ поръ разрозненныхъ средствъ производства въ большихъ мастерскихъ и такимъ образомъ замѣна средствъ производства отдѣльныхъ лицъ общественными средствами производства—это измѣненіе пока не касается формы обмѣна въ цѣломъ. Остаются въ силѣ старыя формы присвоенія. Появляется капиталистъ: въ качествѣ собственника средствъ производства онъ присвоиваетъ себѣ продукты и превращаетъ ихъ въ товаръ. Производство становится общественнымъ актомъ; а обмѣнъ и вмѣстѣ съ нимъ присвоеніе остаются индивидуальными актами, актами отдѣльныхъ личностей; общественный продуктъ усвоивается отдѣльнымъ капиталистомъ. Основное противорѣчіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ противорѣчія современнаго общества,— противорѣчія, открыто проявляющіяся въ крупной промышленности.

А. Отдѣленіе производителей отъ средствъ производства. Осужденіе рабочаго на пожизненную наемную работу. Контрастъ пролетаріата и буржуазіи.

В. Появленіе и увеличеніе дѣятельности законовъ, управляющихъ товарнымъ производствомъ. Разнузданная конкуренція. Противорѣчіе общественной организаціи въ отдѣльной фабрикѣ и общественной анархіи въ общемъ производствѣ.

---

[1]) „Развитіе соціализма“, 43.

С. Съ одной стороны усовершенствованіе машинъ вслѣдствіе конкуренціи дѣлается обязательнымъ для всякаго отдѣльнаго фабриканта, оно равнозначительно постоянно увеличивающемуся изгнанію рабочихъ съ фабрикъ: резервная армія промышленности. А съ другой стороны безграничное расширеніе производства есть тоже обязательство, накладываемое закономъ конкуренціи на всякаго фабриканта. Съ обѣихъ сторонъ небывалое развитіе производительныхъ силъ, излишекъ предложенія сравнительно съ спросомъ, перепроизводство, переполненіе рынковъ, десятилѣтніе кризисы; порочный кругъ: излишекъ съ одной стороны средствъ производства и продуктовъ, а съ другой излишекъ рабочихъ безъ занятій и безъ средствъ существованія; эти оба рычага производства и общественнаго благосостоянія не могутъ совпадать, такъ какъ капиталистическая форма производства препятствуетъ производительнымъ силамъ дѣйствовать, а продуктамъ обращаться. Противорѣчіе доходитъ до безсмыслицы: способъ производства возстаетъ противъ формы обмѣна. Буржуазія доказываетъ свою неспособность управлять своими собственными общественными производительными силами.

Д. *Признаніе общественнаго характера.* Сами капиталисты отчасти вынуждены признать общественный характеръ производительныхъ силъ. Присвоеніе крупныхъ организацій производства и обмѣна сначала акціонерными обществами, потомъ синдикатами и наконецъ государствомъ. Буржуазія оказывается излишнимъ классомъ; всѣ ея общественныя функціи теперь исполняются чиновниками, состоящими на жалованьи.

III. *Пролетарная революція*: Уничтоженіе противорѣчій. Пролетаріатъ завладѣваетъ общественной властью и силой этой власти превращаетъ ускользающія изъ рукъ буржуазіи общественныя средства производства въ общественную собственность. Такимъ актомъ пролетаріатъ освобождаетъ средства производства отъ ихъ свойствъ капитала и даетъ ихъ общественнымъ свойствамъ полную свободу осуществленія. Тогда становится возможнымъ общественное производство по заранѣе опредѣленному плану. Развитіе производства дѣлаетъ дальнѣйшее существованіе различныхъ общественныхъ классовъ анахронизмомъ. По мѣрѣ того, какъ исчезаетъ анархія общественнаго производства, исчезаетъ и политическій авторитетъ государства. Люди, сдѣлавшіеся наконецъ господами своего обобществленія, дѣлаются также и владыками природы, владыками самихъ себя,—т. е. свободными.

Историческое призваніе современнаго пролетаріата состоитъ въ осуществленіи этаго всемірнаго освобожденія. Понять историческія условія и характеръ пролетаріата, дать призванному къ дѣятельности и теперь угнетенному классу сознаніе объ условіяхъ и характерѣ этой дѣятельности—такова задача теоретическаго выраженія движенія пролетаріата, такова задача научнаго соціализма».

B.

Критика теоріи прибавочной стоимости Маркса.

71. Я не знаю, насколько мнѣ удалось передать не только главнѣйшія положенія Маркса, излагаемыя имъ въ «Капиталѣ», но и самый способъ его изложенія. Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы приводить столько опредѣленій и названій, созданныхъ Марксомъ; но я сдѣлалъ это намѣренно, чтобы лучше характеризовать его методъ и съ этой стороны.

Для соціолога на первомъ планѣ стоитъ понятіе о прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость—это экономическое выраженіе соціальнаго понятія о классахъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, объ ихъ борьбѣ. При посредствѣ термина: прибавочная стоимость характеризуется и осуждается весь капиталистическій строй и вся цивилизація.

Очевидно, что «Капиталъ» Маркса не есть положительная экономическая теорія, а, какъ это доказываетъ и подзаголовокъ сочиненія, только критика прежнихъ экономическихъ ученій. Въ «Капиталѣ» излагается теорія капиталистической эксплуатаціи; это vademecum капиталистическаго высасыванія и вмѣстѣ съ тѣмъ неумолимая критика и нападеніе на него. Потому «Капиталъ» есть теорія соціалистическаго переворота, онъ самъ представляетъ такой переворотъ.

Мы займемся, какъ сказано, только критикой понятія о прибавочной стоимости, а стало быть, и понятія цѣнности вообще. Мы будемъ изслѣдовать, дѣйствительно ли трудъ, трудъ пролетарія есть единственный источникъ экономической цѣнности и прибавочной стоимости. Этимъ самымъ мы отвѣтимъ на вопросъ, дѣйствительно ли весь общественный строй цивилизованныхъ странъ есть только высасываніе пролетаріевъ капиталистами—критика «Капитала» Маркса будетъ продолженіемъ изслѣдованія о классовой борьбѣ.

72. Невозможно выводить цѣнность только изъ труда—таковъ первый и важнѣйшій изъ нашихъ тезисовъ противъ ученія, излагаемаго въ первой части «Капитала». Я могъ бы для поддержанія этаго тезиса сослаться на многочисленные авторитеты изъ среды экономистовъ, но пока я ограничусь только однимъ изъ этихъ авторитетовъ.... Марксомъ.

Послѣ изданія третьей части «Капиталъ» началось обсужденіе вопроса, не противорѣчатъ ли изложенныя въ ней ученія содержанію первой части [1]).

---

[1]) Относительно этаго спорнаго вопроса, а также для пониманія всей

Насколько я могу судить, третья часть дѣйствительно противорѣчитъ экономическимъ ученіямъ первой.

А именно установлено опытомъ, какъ фактъ, что одинаковые капиталы въ одинаковое время приносятъ приблизительно одинаковую прибыль даже въ томъ случаѣ, если они употребляютъ неодинаковое количество живого труда—а это противорѣчитъ теоріи прибавочной стоимости Маркса. Онъ, вѣдь, утверждалъ, что прибавочная стоимость создается только перемѣннымъ капиталомъ, затрачиваемымъ на рабочую силу.

Опытъ показываетъ, что цѣна продуктовъ, а также и прибыль, опредѣляются величиной вложеннаго въ дѣло капитала вообще.

Марксъ самъ приводитъ примѣръ этаго. Бумажно прядильный фабрикантъ употребляетъ относительно немного перемѣннаго капитала и относительно много постояннаго, тогда какъ пекарь употребляетъ много перемѣннаго и мало постояннаго капитала — и однако фабрикантъ получаетъ прибыль не меньшую, чѣмъ пекарь.

Такимъ образомъ теорія цѣнности Марксъ не объясняетъ факта, что мѣновая цѣнность товаровъ не регулируется овеществленнымъ въ товарѣ трудомъ; различные товары, въ которыхъ вложено одинаковое количество труда, имѣютъ различную мѣновую цѣнность, смотря по тому, сколько капитала употреблено на ихъ производство—и притомъ капитала не только перемѣннаго, но и постояннаго.

Энгельсъ въ предисловіи ко второй части обѣщалъ, что въ третьей части будетъ указано, какъ прибавочная стоимость превращается въ спеціальную форму прибыли, потому что тутъ дѣло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы понимать фактическія экономическія данныя соотвѣтственно абстрактной теоріи прибавочной стоимости. Но обѣщанное Энгельсомъ объясненіе не было дано въ третьей части.—Мы не находимъ тамъ объясненія превращенія прибавочной стоимости въ дѣйствительную прибыль.

Изъ соціалистовъ еще до изданія третьей части Конрадъ Шмидтъ пытался дать рѣшеніе проблемы, но при этомъ ему пришлось прибѣгнуть къ теоріямъ не соціалистическимъ. Энгельсъ въ третьей части упрекаетъ его за это, не замѣчая того, что тотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ и самому Марксу [1]).

И дѣйствительно, въ третьей части предлагается обыкновенная

экономической системы Маркса, полезны слѣдующія работы: Зомбартъ—Критика экономической системы К. Маркса (Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung 1894). Бёмъ-Баверкъ—Zum Abschluss des Marx's Systems (Staatwissensch. Arbeiten, Festausgabe für Knies) 1896. Коморжинскій—Третья часть „Капитала“ Маркса (Zeitschrift. f. Volkswirthschaft. 1897). Диль—объ отношеніи цѣнности и цѣны въ экономической системѣ Маркса 1898.

[1]) К. Шмидтъ—Средняя прибыль на основаніи закона цѣнности Маркса, 1889. Средняя прибыль и законъ цѣнности Маркса (Neue Zeit 1892).

теорія издержекъ производства и законъ спроса и предложенія играетъ рѣшительную роль.

Бернштейнъ признаетъ существованіе противорѣчія между третьей и первой частями. Марксъ дѣйствительно видоизмѣнилъ свою теорію цѣнности [1]). Теорія цѣнности первой части безъ разъясненій, данныхъ въ третьей, неполна и потому вызываетъ возраженія [2]). Бернштейнъ признаетъ, что третья часть для дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній представляетъ просто «безбрежное море общихъ положеній» и что опредѣленіе цѣнности количествомъ труда невозможно; для этого необходимъ болѣе точный масштабъ; товары обмѣниваются не соотвѣтственно ихъ цѣнности, а соотвѣтственно издержкамъ ихъ производства; мѣновая цѣнность (цѣна) товаровъ опредѣляется прямо конкуренціей капитала, и только косвенно закономъ цѣнности.

Я думаю, что Бернштейнъ совершенно вѣрно судитъ о теоріи Маркса. Третья часть слишкомъ очевидно противорѣчитъ первой. Рекомендуемъ читателю самому обратиться къ сочиненію Маркса.

Тамъ мы, напр., встрѣчаемъ такое мѣсто:

«Такимъ образомъ дѣйствительное богатство общества зависитъ не отъ продолжительности добавочнаго труда, а отъ его производительности и отъ болѣе или менѣе удобныхъ (reichhaltigen) условій производства, при которыхъ производится работа» [3]).

Въ другомъ мѣстѣ говорится, что капиталистъ продаетъ товаръ съ прибылью даже въ томъ случаѣ, если онъ продаетъ ихъ ниже ихъ цѣнности; цѣна не должна быть только ниже издержки производства [4]).

Вообще въ третьей части Марксъ рѣшительно признаетъ вліяніе спроса.

О капиталистахъ Марксъ тоже говоритъ иначе, чѣмъ въ первой части: «отъ большей или меньшей ловкости и дѣловитости капиталиста (стало быть, уже не отъ одной только ловкости) зависитъ, насколько выше или ниже цѣны производства онъ продаетъ или купитъ товары, и такимъ путемъ присвоитъ большую или меньшую часть всей суммы прибавочной стоимости во время процесса обращенія» [5]).

Это, конечно, только отдѣльныя заявленія—но и они уже указываютъ на измѣненіе общихъ положеній. Мы видѣли, что Марксъ измѣнилъ въ третьей части свое опредѣленіе историческаго матеріализма—да и вообще вся третья часть по своему общему тону про-

---

[1]) Neue Zeit 1897.
[2]) Neue Zeit 1896.
[3]) III. 335.
[4]) III. 11.
[5]) III. 359.

изводитъ другое впечатлѣніе. Первая часть представляется менѣе зрѣлой. По моему мнѣнію она, за исключеніемъ ея исторической части, слабѣе третьей; послѣдняя не смотря на свою необработанность представляется мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе и поучительнѣе [1]). Я долженъ сознаться, что въ первой части мнѣ импонируетъ не ея содержаніе, а та односторонность, съ которой Марксъ проводитъ свои очевидно ложныя теоріи.

Изъ экономистовъ Зомбартъ въ вышеуказанной статьѣ сдѣлалъ интересную попытку доказать согласіе между первой и третьей частями Теорія цѣнности Маркса, говоритъ Зомбартъ, совершенно не требуетъ, чтобы цѣнность проявлялась въ производимыхъ капиталистически товарахъ; наоборотъ, для капиталистическаго производства именно и характерно то, что товары обмѣниваются не соотвѣтственно ихъ цѣнности. Цѣнность Маркса не есть средняя цѣна, ни то среднее, къ которому тяготѣетъ рыночная цѣна; цѣнность ни регулируетъ расчетовъ капиталистовъ и не играетъ никакой роли при раздѣлѣ продукта, ни продавецъ, ни покупатель не соображаются съ ней. Вообще цѣнность не есть, говоря словами Герлаха, «условіе экономической дѣятельности». Цѣнность Маркса есть только вспомогательное средство экономической теоріи для объясненія научныхъ явленій («это фактъ не эмпирическій, а умственный, логическій»); она есть естественный законъ, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Марксъ [2]). Въ концѣ концевъ Зомбартъ признаетъ, что теорія цѣнности Маркса есть просто «регулятивный принципъ» въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова.

Зомбартъ разсказываетъ, какъ принялъ его объясненіе Энгельсъ: послѣдній заявилъ, что Зомбартъ попалъ «почти» въ самую точку, но онъ (Энгельсъ) не можетъ согласиться со всѣмъ тѣмъ, что Зомбартъ «вложилъ» въ ученіе Маркса [3]).

Разумѣется, попытка Зомбарта очень любопытна, но согласиться съ ней я не могу.

Сравненіе теоріи цѣнности Маркса съ регулятивными принципами Канта кажется мнѣ неподходящимъ. Трансцендентальные принципы

[1]) Кто желаетъ прослѣдить развитіе экономическихъ взглядовъ Маркса, долженъ вообще сравнить формулы разныхъ изданій первой части; удивляюсь, что этого до сихъ поръ не сдѣлано. Напримѣръ, въ третьемъ изданіи производительность умственнаго труда признается болѣе опредѣленно, чѣмъ во второй.

[2]) „Понятіе о цѣнности въ его вещественной опредѣленности у Маркса есть ничто иное, какъ экономическое выраженіе факта общественной производительной силы труда, какъ основы экономическаго бытія“ (576). „Цѣнность товаровъ есть специфическая историческая форма, въ которой осуществляется общественная производительная сила труда, опредѣляющая въ послѣдней инстанціи всѣ экономическіе процессы“ (547).

[3]) Зомбартъ—Соціализмъ (69).

Канта относятся къ вещамъ, ex thesi неподлежащимъ опыту, а Марксъ даетъ законы дѣйствительнаго, доступнаго для нашего изученія экономическаго процесса, который представляется ему, какъ процессъ естественный. Само собой понятно, что эти законы суть логическіе (какъ это утверждаетъ и Зомбартъ), т. е. что они суть обобщенія, но все таки они должны объяснять естественный процессъ. Марксъ хочетъ дать для объясненія экономики то, что далъ напр. Ньютонъ для объясненія движенія небесныхъ тѣлъ и тѣлъ вообще въ своемъ законѣ тяготѣнія. Теорія цѣнности вообще примѣнима къ капиталистическому періоду, но общій законъ можетъ видоизмѣняться для конкретныхъ, особенныхъ экономическихъ процессовъ признаніемъ второстепенныхъ причинъ (Марксъ въ третьей части видоизмѣняетъ свою общую формулу историческаго матеріализма признаніемъ національности и другихъ соціально историческихъ силъ); и тѣмъ не менѣе общій законъ вопреки всякимъ отклоненіямъ долженъ примѣняться къ объясняемымъ имъ фактамъ. Марксъ и Энгельсъ постоянно говорятъ о законахъ экономическаго процесса и о научномъ объясненіи столь положительно, что мы не имѣемъ основанія давать ихъ словамъ какое либо иное толкованіе.

Въ этомъ отношеніи способъ выраженій Маркса и Энгельса не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Марксъ, напр., говоритъ, что прибыль и поземельная рента суть особыя формы категоріи прибавочной стоимости. Подобнымъ же образомъ выражается и Энгельсъ: прибавочная стоимость Маркса есть всеобщая форма, которая раздѣляется на основаніи особыхъ, впервые Марксомъ открытыхъ законовъ на «особыя измѣненія формы» прибыли и поземельной ренты. «Эти законы будутъ изложены въ третьей части, гдѣ будетъ указано, сколько промежуточныхъ звеньевъ необходимо для того, чтобы отъ пониманія прибавочной стоимости вообще дойти до пониманія ея превращенія въ прибыль и поземельную ренту, и стало-быть до пониманія законовъ раздѣленія прибавочной стоимости между классами капиталистовъ» [1]).

Это мѣсто не оставляетъ никакого сомнѣнія; прибавочная стоимость превращается въ прибыль и ренту—это можно понимать не иначе, какъ буквально: спеціальные законы прибыли и ренты выводятся изъ общаго закона, т. е. законъ прибавочной стоимости долженъ объяснить фиксированіе прибыли (=спеціальной прибавочной стоимости [2]).

[1]) Предисловіе ко 2-й части ст. XIII.

[2]) Просимъ помнить, что сказано о законахъ вообще и объ отношеніи общихъ законовъ къ спеціальнымъ въ §§ 51, 52.

Когда Марксъ говоритъ, что капиталъ имѣетъ общія и необходимыя тенденціи, отдѣльныя отъ формъ ихъ проявленія, то эти общія и необходимыя тенденціи въ ихъ отношеніяхъ къ опыту можно понимать не въ

Потому попытки Зомбарта и всякая другая попытка сдѣлать изъ теоріи цѣнности Маркса нѣчто вродѣ конституціоннаго экономическаго монарха безъ фактической власти оказывается неудачной.

Точно также неосновательно и мнѣніе Шмидта, будто теорія прибавочной стоимости Маркса есть только гипотеза [1]). А кромѣ того и въ такомъ разѣ на основаніи правилъ логики гипотеза также, какъ и общій законъ, должны объяснять общіе законы. Нечего напоминать читателю о томъ, что Марксъ излагаетъ свою теорію цѣнности совершенно иначе, чѣмъ обыкновенно излагаются гипотезы.

Бернштейнъ ищетъ для объясненія открыто признаваемаго имъ противорѣчія между прежнимъ и новымъ ученіями Маркса другого объясненія.

Марксъ въ первой части установилъ непосредственное примѣненіе закона цѣнности только къ первой стадіи современнаго экономическаго хозяйства, къ гораздо болѣе простымъ и потому болѣе прозрачнымъ отношеніямъ производства и обмѣна; въ третьей части говорится, что въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ товары

смыслѣ апріорномъ, какъ у Канта; матеріализмъ Маркса допускаетъ только общія и необходимыя обобщенія изъ спеціальныхъ и менѣе общихъ случаевъ. Такъ напр. въ этомъ смыслѣ Марксъ (1. 52) говоритъ: „въ случайныхъ и постоянно колеблющихся отношеніяхъ обмѣна продуктовъ осуществляется общественно необходимое для ихъ производства рабочее время, какъ регулирующій естественный законъ, какъ напр. законъ тяжести, когда кому нибудь на голову валится разрушающійся домъ“.

[1]) Шмидтъ (Braun's Social polit Centralblatt. 1895 № 22). Самъ Шмидтъ въ вышеупомянутой статьѣ (New Zeit. 1892) очень мѣтко замѣтилъ по поводу попытки Фиремана, что его объясненіе равнозначительно положенію: „король царствуетъ, но не управляетъ“, и что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ именно объ управленіи. Такое мнѣніе Шмидта болѣе основательно, чѣмъ его послѣдующія предположенія относительно гипотезы. Въ этихъ предположеніяхъ Шмидтъ черезъ чуръ отдѣляетъ гипотезу отъ спеціальныхъ, подлежащихъ объясненію явленій; это особенно видно изъ слѣдующихъ его заявленій: „гипотеза должна быть сначала вполнѣ разработана и только тогда можно сопоставлять ее съ дѣйствительностью“. Этимъ Шмидтъ, самъ того нежелая, характеризуетъ методъ Маркса: дѣйствительно Марксъ въ первой части формулировалъ свой общій законъ безъ достаточнаго изученія фактовъ—когда онъ въ третьей части изучилъ эти факты (конкуренція), оказалось, что общій законъ негодится для ихъ объясненія.

По скольку аргументація Шмидта основана на мнѣніи о сущности гипотезы ср. логику Милля 111. 14. 9. Что я вѣрно понимаю взгляды Шмидта на гипотезу, это я усматриваю изъ ниже цитированнаго отзыва Энгельса. А именно Шмидтъ написалъ Энгельсу, что теорія цѣнности Маркса есть теоретическая „фикція“— и такой взглядъ виденъ уже въ его мнѣніи о гипотезѣ и ея логическомъ значеніи (Энгельсъ, конечно, не раздѣляетъ мнѣнія Шмидта.

обмѣниваются не по ихъ цѣнности, а по ихъ издержкамъ производства и что обмѣнъ товаровъ опредѣляется прямо конкуренціей капиталовъ и только не прямо закономъ цѣнности.

Еще раньше, чѣмъ Бернштейнъ, Энгельсъ на склонѣ своихъ лѣтъ написалъ статью, въ которой онъ хотѣлъ разрѣшить этотъ вопросъ [1]). Онъ главнымъ образомъ возражалъ Зомбарту и Шмидту, но, собственно говоря, могъ сказать только то, что законъ цѣнности примѣняется, «насколько вообще примѣняются экономическіе законы», вообще къ старой эпохѣ простого товарнаго производства, съ начала мѣновой торговли до пятнадцаго столѣтія. Энгельсъ опредѣляетъ даже хронологически продолжительность этого періода: законъ цѣнности господствовалъ пять—семь тысячъ лѣтъ.

Но какое же значеніе имѣетъ теперь законъ цѣнности Маркса?— не безъ основанія спрашиваетъ французскій писатель—соціалистъ Сорель [2]).

Уже первыя страницы «Капитала» Маркса опровергаютъ утвержденіе Энгельса: понятіе о цѣнности устанавливается для обмѣна товаровъ именно въ періодѣ капиталистическомъ—а по Энгельсу выходитъ, что онъ примѣняется къ болѣе древнему періоду, и даже главнымъ образомъ къ этому періоду [3]). Энгельсъ точно забылъ, что Марксъ въ первой части хочетъ дать спеціальное объясненіе именно капиталистическаго періода.

И дѣйствительно, какое значеніе имѣетъ теперь законъ цѣнности Маркса для капиталистическаго производства и для конкуренціи? Въ статьѣ Энгельса мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ. Энгельсъ излагаетъ вкратцѣ исторію хозяйства для объясненія вліянія конкуренціи, уравнивающей прибыли конкурентовъ съ самаго начала мѣновой торговли; но вѣдь это обозначаетъ, что рѣшающей является именно конкуренція, а совсѣмъ не законъ цѣнности, не законъ прибавочной стоимости. Энгельсъ не понимаетъ, что все его объясненіе есть простое отрицаніе первой части «Капитала»; тамъ появленіе капитализма по закону отрицанія отрицанія признавалось противорѣчіемъ средневѣковой и античной экономической системы. Энгельсъ наоборотъ понимаетъ развитіе, какъ эволюцію, такъ что признаетъ нивеллированіе прибылей конкуренціей прямымъ результатомъ коммунистическихъ торговыхъ обществъ, которыя въ свою очередь произошли отъ еще болѣе древней общественной собственности и вообще отъ первобытнаго коммунизма.

---

[1]) Neue Zeit 1895, послѣдняя работа Энгельса; Дополненіе и прибавленіе къ третьей книгѣ „Капитала“. Статья издана Бернштейномъ съ предисловіемъ и примѣчаніями.

[2]) Ср. Socialistische Monatshefte 1897: О теоріи цѣнности Маркса.

[3]) Бернштейнъ полагаетъ, что статья Энгельса не закончена—иначе она имѣла бы другую форму; можетъ быть. Но меня интересуетъ только объясненіе Энгельса относительно занимающаго насъ вопроса.

Именно при подобномъ объясненіи слѣдовало признать, что законъ цѣнности долженъ дѣйствовать и позднѣе—конкуренція не есть что либо новое для періода капитализма; если законъ цѣнности дѣйствовалъ въ прежнее время, то онъ долженъ былъ дѣйствовать и позже, въ различные періоды—хотя бы и въ видоизмѣненномъ видѣ [1]).

73. Энгельсъ при своемъ объясненіи могъ бы сослаться на Маркса [2]). Вездѣ Марксъ тоже указываетъ, что обмѣнъ товаровъ по ихъ цѣнности требуетъ болѣе низкой, сравнительно съ капиталистическимъ производствомъ, экономической ступени. Энгельсъ только развилъ это положеніе Маркса.

Предположимъ, что на основаніи теоріи цѣнности Маркса въ прежнее время продавецъ и покупатель знали точно, сколько они выработали и что потому они расцѣнивали свои товары по сдѣланной работѣ; я говорю—предположимъ это; но почему же люди при позднѣйшемъ развитіи торговли и денежнаго хозяйства утратили сознаніе, что трудъ создаетъ цѣнность товаровъ? [3]) Почему теперь товаръ продается не просто, какъ товаръ, а какъ продуктъ капитала, почему прибыль, т. е. прибавочная стоимость, устанавливается конкуренціей, а не прямой эксплуатаціей неоплаченнаго прибавочнаго труда?

Есть ли конкуренція только видоизмѣняющій факторъ и въ какой степени? Или наоборотъ, конкуренція есть основной, создающій цѣнность факторъ? Въ томъ то и затрудненіе, что Марксъ совсѣмъ не даетъ отвѣта на такой важный вопросъ.

Во всякомъ случаѣ ни Марксъ, ни Энгельсъ подробно не анализировали понятіе о конкуренціи? [4]).

Во всякомъ случаѣ слѣдовало сдѣлать хотя бы попытку точнѣе измѣрить или расцѣнить отдѣльные составные элементы цѣнности.

---

[1]) Въ статьяхъ Бёма—Баверка и Коморжинскаго указано нѣсколько другихъ попытокъ объясненія.

[2]) III. 154.

[3]) Конечно, совсѣмъ не вѣрно, чтобы въ старое время, когда существовалъ прямой обмѣнъ товаровъ, товары цѣнились только по вложенному въ нихъ труду. Не вѣрно и разъясненіе Энгельса, что крестьянинъ и ремесленникъ утратили теперь сознаніе о томъ, что трудъ есть мѣрило цѣнности, только потому, что введены деньги. Крестьянинъ и ремесленникъ такъ же хорошо и даже лучше другихъ знаютъ, сколько труда вложено въ тотъ или другой товаръ;—но онъ знаетъ также и то, что не одинъ трудъ опредѣляетъ цѣнность.

[4]) Укажу на объясненіе въ 1 части, ст. 369. Тамъ сказано, что конкуренція, сравниваемая съ bellum omnium contra omnes въ царствѣ животныхъ, регулируетъ только общественное раздѣленіе труда, стало быть не промышленное или капиталистическое раздѣленіе труда; какимъ образомъ конкуренція капиталовъ, т. е. капиталистовъ можетъ регулировать эксплуатированіе класса пролетаріевъ?

Теорія цѣнности и прибавочной стоимости Маркса состоитъ, вѣдь, не только въ томъ, что трудъ есть источникъ цѣнности, но и въ томъ, что этотъ источникъ есть точно измѣримый трудъ — потому то особенно странно, что Марксъ не опредѣлилъ точнѣе эту степень.

Отношеніе первой части къ третьей остается загадочнымъ потому, что Марксъ только фактически оставляетъ теорію цѣнности, излагаемую имъ въ первой части, а не прямо отказывается отъ нея. Поэтому трудно сказать, насколько самъ Марксъ сознавалъ это противорѣчіе. И дѣло тѣмъ болѣе запутано, что вліяніе конкуренціи на образованіе цѣнности признается уже и въ первой части [1]).

Кромѣ того уже въ первой части имѣются доказательства того, что Марксъ сознавалъ противорѣчіе. Приведенный примѣръ о пекарѣ и фабрикантѣ взятъ изъ первой части; тамъ говорится, что противорѣчіе только кажущееся, и позднѣе обѣщано объясненіе. Но такого объясненія въ третьей части нѣтъ, хотя были основанія и причины припомнить объ этомъ обѣщаніи и дать обѣщанное объясненіе [2]).

74. Марксъ въ «Капиталѣ» формулируетъ экономически свой матеріализмъ и спеціально историческій матеріализмъ; «Капиталъ» указываетъ, что такое экономическій матеріализмъ in concreto, въ экономической практикѣ: результатъ, къ которому мы пришли раньше къ нашимъ соціологическимъ и философскимъ разъясненій, мы находимъ и тутъ, въ экономикѣ.

Историческій матеріализмъ признаетъ конечной движущей силой классовую борьбу; реальная основа всей общественной организаціи есть производственныя отношенія. Въ «Капиталѣ» описывается экономическій характеръ классовъ и ихъ борьба за свое экономическое освобожденіе. Съ одной стороны стоятъ капиталисты, съ другой рабочіе, пролетаріи; жадность и стремленіе къ власти капиталистовъ становится движущей силой экономическаго развитія. Исторія хозяйства, а, стало быть, и всего развитія есть исторія эксплуатаціи большин-

---

[1]) Уже въ 1-ой части Марксъ указываетъ на вліяніе спроса на повышеніе заработной платы; относящіяся къ этому вопросу мѣста собраны Платтеромъ: Kritische Beiträge zur Erkenntniss unserer socialen Zustände und Theorien 1894.

[2]) 1. 312. Тутъ Марксъ обѣщаетъ дать объясненіе въ четвертой части. Вышла только третья; но по указанію Энгельса, совпадающему съ планомъ самого Маркса объясненіе должно находиться въ третьей части. Слѣдуетъ помнить, что Марксъ написалъ третью часть „по большей части“ еще въ 1864—65 годахъ; только тогда, когда она „въ существенной ея части“ была готова, онъ обработалъ текстъ первой части, появившейся въ 1867 году; Энгельсъ говоритъ даже, что Марксъ разрѣшилъ вопросъ въ рукописи сочиненія „Zur Kritik“ (1859) и это рѣшеніе появится теперь въ третьей части.

ства общества незначительнымъ меньшинствомъ. Эта эксплуатація происходитъ потому, что рабочіе принуждаются къ угнетающему ихъ прибавочному труду и вообще къ труду. Такое принужденіе исходитъ отъ неработающихъ капиталистовъ (купцовъ и т. д.). Неработающіе эксплуатируютъ рабочихъ. Прибавочный трудъ — прибавочная стоимость есть эксплуатація.

Но дѣйствительности никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ такое рѣзкое раздѣленіе эксплуатирующаго бездѣлья и эксплатируемаго труда и и добавочнаго труда,—потому въ «Капиталѣ» мы и видимъ постоянныя колебанія: изложеніе и критика эксплуатаціи постоянно смѣшивается съ положительными экономическими теоріями. Описывается то Прудоновская «кража», то трудъ—и читателю остается неизвѣстнымъ, гдѣ прекращается кража и гдѣ начинается трудъ.

Марксъ считаетъ экономику за совершенно особую историческую науку; онъ хочетъ въ «Капиталѣ» открыть законъ экономическаго движенія современнаго общества; de facto историзмъ въ экономикѣ Маркса проявляется неопредѣленностью, неустойчивостью и постоянными колебаніями. Ренановскій диллетантизмъ переносится въ экономику. Въ «Капиталѣ», можетъ быть, не найдется ни одного важнаго положенія, для котораго тутъ же нельзя бы было найти противорѣчащаго ему или по крайней мѣрѣ видоизмѣняющаго его заявленія. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется, что въ «Капиталѣ» и въ его отдѣльныхъ частяхъ поражаетъ не столько невѣрность ученій, сколько ихъ неразработанность и неопредѣленность.

Доказательствомъ этого можетъ служить противорѣчіе первой и третьей части. Во всякомъ случаѣ это противорѣчіе обусловливается неопредѣленностью и неясностью относительно соціально-историческихъ движущихъ силъ. Мы уже указывали на то, что Марксъ и Энгельсъ не уяснили себѣ своего отношенія къ дарвинизму; мы не находимъ у нихъ никакого объясненія отношенія классовой борьбы къ индивидуальной, массовой борьбы къ конкуренціи. Мы видимъ въ противорѣчіи между первой и третьей частью противорѣчіе между ученіемъ Маркса (классовая борьба) и ученіями Дарвина и Гегеля (индивидуальная борьба за существованіе).

Все, что мы неодобряли въ философскихъ и соціологическихъ основахъ ученія Маркса, мы встрѣчаемъ и въ его экономическихъ ученіяхъ — и именно: его крайній, натуралистическій и матеріалистическій объективизмъ, его преувеличенный позитивизмъ, противорѣчіе между морализмомъ и аморализмомъ — однимъ словомъ все тоже.

71. Изъ третьей части «Капитала» мы можемъ сдѣлать заключеніе, что цѣнность не опредѣляется однимъ только трудомъ; конечно, въ томъ-то и состоитъ оригинальность Маркса, что онъ нигдѣ ясно и опредѣленно не высказываетъ этого.

Тѣмъ не менѣе первоначальная его теорія оказывается несостоятельной.

Почему, напр., покупаютъ и продаютъ невоздѣланную землю? И развѣ нельзя продавать и совѣсть и честь? Марксу эти возраженія извѣстны и онъ отвѣчаетъ на нихъ такъ: вещь можетъ имѣть воображаемую цѣну, не обладая цѣнностью.

По мнѣнію Маркса деньги есть мѣрило цѣнности, «денежная форма товаровъ», деньги (для Маркса—золото, а не какъ у Лассаля просто условное мѣрило) имѣютъ свою собственную цѣнность и только потому они и деньги, «какъ мѣрило цѣнности, необходимая форма имманентнаго мѣрила цѣнности товаровъ, рабочаго времени». Но какимъ же образомъ можно измѣрять деньгами совѣсть или необработанную землю, въ которую не вложено труда, если измѣрять можно только то, въ чемъ содержится трудъ, какъ tertium comparationis? Пшеница и желѣзо измѣряются трудомъ, а чѣмъ же измѣряется совѣсть, разъ за нее можно получить столько же, сколько за пшеницу и желѣзо?

Теорія цѣнности Маркса фактически опровергается такими простыми примѣрами. «Формальная, воображаемая цѣна» съ точки зрѣнія Маркса пустыя слова,—такъ какъ онъ не дѣлаетъ точнаго различія между цѣной и цѣнностью—что доказывается именно третьей частью [1]).

Марксъ могъ бы сказать, что дѣвственная почва или водопадъ совсѣмъ не имѣютъ цѣнности; имъ цѣна есть только отраженіе (рефлексъ) капиталистически разсчитываемой излишней прибыли—(излишней рыночной цѣнности товаровъ сравнительно съ ихъ индивидуальной стоимостью производства)— но вѣдь при извѣстныхъ условіяхъ тоже можно сказать и о товарѣ, вообще о каждомъ продуктѣ. Цѣнность товаровъ вообще есть, собственно говоря, ихъ будущая цѣнность—такъ выходитъ и по третьей части Маркса.

Очевидно, что ученіе Маркса, будто только трудъ создаетъ цѣнность, неосновательно.

Трудъ самъ по себѣ видоизмѣняетъ произведенія природы и вообще всѣ вещи; но совершенно иной вопросъ, будетъ ли такое измѣненье признано кѣмъ-либо полезнымъ и соотвѣтственнымъ,

[1]) У Маркса можно найти мѣста, въ которыхъ онъ прямо отождествляетъ цѣнность и цѣну. Напр., III. 5. („Цѣнность, resp. цѣна рабочей силы"). Ср. опредѣленіе цѣны ibid. ст. 188: цѣна, котораа normalitér есть ничто иное, какъ выраженная въ деньгахъ цѣнность. Гдѣ нѣтъ цѣнности, тамъ eo ipso ничто не можетъ быть выражено въ деньгахъ". Или ст. 339. „Цѣна есть цѣнность товаровъ (это примѣняется и къ рыночной цѣнѣ, различіе которой отъ цѣнности не качественное, а только количественное, т.-е. опредѣляется величиной цѣнности) въ отличіе отъ потребительной стоимости. Цѣна, качественно отличная отъ цѣнности, есть абсурдъ и противорѣчіе".

нужно ли оно кому нибудь. А это значитъ, что цѣнность появляется только при этомъ признаніи, при этомъ сужденіи—все равно, будетъ ли оно высказано открыто или только посредствомъ пользованія вещью.

Марксъ благодаря односторонности своего мнѣнія (о томъ, что трудъ есть очень важный факторъ въ созданіи цѣнности, ни кто не споритъ) не могъ устранить затрудненій, представляемыхъ такимъ простымъ фактомъ, что цѣнность можетъ исчезнуть; безъ категоріи полезности и признающаго эту полезность сужденія никакъ нельзя обойтись при опредѣленіи понятія цѣнности.

Марксъ тоже имѣетъ въ виду полезность, но онъ не пользуется ей при установленіи понятія о цѣнности. Онъ, напр., говоритъ: «никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія. Разъ она безполезна, то безполезенъ и содержащійся въ ней трудъ, онъ не оплачивается, какъ трудъ и потому не создаетъ никакой цѣнности». Стало быть приходится различать два рода труда: трудъ, создающій цѣнность и трудъ, и не создающій. Какъ же узнать, какой трудъ создаетъ цѣнность? А разъ и при трудѣ рѣшающимъ моментомъ будетъ его полезность, то чѣмъ она опредѣляется? И развѣ самъ трудъ не имѣетъ никакой цѣнности?

Выходитъ порочный кругъ. Марксъ пытается выдти изъ него тѣмъ, что онъ различаетъ трудъ отъ рабочей силы: не трудъ имѣетъ цѣнность, а рабочая сила.

Марксъ пытается такимъ различеніемъ отвѣтить на возраженія [1]). Но раздѣлять такимъ образомъ трудъ и рабочую силу не имѣетъ смысла: что такое трудъ безъ силы работать, безъ рабочей силы? Ничего [2]).

---

[1]) Напр. Сэй пытался доказать, что трудъ не есть принципъ цѣнности, такъ какъ онъ самъ товаръ; ему возражалъ еще Прудонъ.

[2]) „Всякій трудъ есть нѣкотораго рода расходованіе человѣческой рабочей силы въ физіологическомъ смыслѣ слова“ I. 21. Различеніе (на которомъ настаиваетъ Каутскій), что трудъ создаетъ цѣнность, а рабочая сила имѣетъ цѣнность (проявляющуюся въ платѣ), недостаточно. Въ четвертомъ изданіи первой части (549) Марксъ такимъ образомъ формулируетъ это: рабочій продаетъ свою силу, предприниматель пользуется ей въ продолженіи процесса работы; трудъ есть потребительная стоимость рабочей силы; рабочій получаетъ (въ видѣ заработной платы) цѣнность своей рабочей силы, но продаетъ онъ ея потребительную стоимость. Чтобы отстоять такое чисто схоластическое различіе, Марксъ и дальше вынужденъ прибѣгнуть къ схоластикѣ: рабочій получаетъ за свою рабочую силу справедливую плату (тутъ справедливая плата означаетъ просто плату договорную или обычную); прибавочная стоимость происходитъ не въ силу невыгоднаго положенія продавца, а вслѣдствіе употребленія этого товара покупателемъ. Но такое употребленіе начинается только послѣ заключенія договора о продажѣ и потому не имѣетъ никакого отношенія къ самой продажѣ. Полагаю, что опровергать по-

Къ какимъ слѣдствіямъ приходитъ Марксъ благодаря своей теоріи, что цѣнность создается трудомъ — это видно изъ утвержденія, что англійскіе и китайскіе ткачи, работая ежедневно съ одинаковымъ напряженіемъ, производятъ одинаковыя цѣнности — хотя англичанинъ работаетъ на усовершенствованной машинѣ, а китаецъ на обыкновенномъ ручномъ станкѣ [1]).

Очевидно, что Марксъ придаетъ человѣческому труду и вообще вещамъ цѣнность абсолютную — онъ не признаетъ иныхъ различій въ трудѣ, кромѣ количественныхъ (продолжительность рабочаго времени и напряженность труда). Тутъ уже матеріалистическій абсолютизмъ побѣждаетъ релятивизмъ Конта; но релятивизмъ можетъ быть оправдываемъ какъ разъ въ понятіи о цѣнности.

76. Познакомившись съ матеріалистическимъ и позитивистическимъ объективизмомъ Маркса, мы не будемъ удивляться тому, что онъ не признаетъ категоріи полезности и сужденія о цѣнности. Полезность, какъ категорія экономическая, субъективная и этическая; полезно то, что удовлетворяетъ наши потребности, чего мы хотимъ и требуемъ, къ чему мы стремимся, или вполнѣ сознательно и опредѣленно или болѣе или менѣе сознательно; категорія полезности приводитъ насъ къ волѣ, къ мотивамъ «экономическаго человѣка», а въ концѣ концовъ къ самому человѣку. Вѣдь человѣкъ проявляется цѣликомъ и въ экономической дѣятельности, въ хозяйствѣ.

Для экономическаго ученія Маркса такой субъективный и этическій элементъ, разумѣется, не подходилъ. Для Маркса мотивы личнаго поведенія, а, стало быть, и экономическихъ дѣйствій, простыя иллюзіи и потому онъ не признаетъ ихъ вліянія на экономику. Съ другой стороны Марксъ, какъ мы видѣли, подчиняетъ трудъ извѣстнымъ цѣлямъ; но оригинальность Маркса состоитъ въ томъ, что онъ часто рядомъ съ невѣрнымъ взглядомъ высказываетъ и вѣрный, а все-таки держится за невѣрный.

Мы видимъ, съ какими затрудненіями приходится считаться Марксу при вопросѣ о спросѣ. Одинъ разъ онъ признаетъ его вліяніе (особенно въ третьей части), а въ другой разъ не признаетъ. При признаніи спроса мы получаемъ мотивъ экономической дѣятельности — но это противорѣчитъ матеріалистическому объективизму.

Марксъ обращаетъ все свое вниманіе на производство; читая его «Капиталъ» получаешь такое впечатлѣніе, что весь міръ есть фабрика,

---

добное ультрапозитивное объясненіе не стоитъ; развѣ рабочіе и предприниматели не знаютъ, зачѣмъ они продаютъ и покупаютъ рабочую силу?

[1]) „Измѣненіе производительной силы труда не имѣетъ къ труду, какъ къ таковому, какъ представляемому цѣнностью, совершенно никакого отношенія“ (это уже въ первой части, ст. 21).

на которой и день и ночь только и дѣлаютъ, что производятъ. Зачѣмъ? Почему? Для кого? — неизвѣстно.

Объ этомъ на всемірной фабрикѣ Маркса даже и не спрашиваютъ; такая любознательность препятствовала бы объективнымъ законамъ капиталистическаго производства. Не потребители, а производители — точно эти послѣдніе тоже не суть потребители — рѣшаютъ въ мірѣ, созданномъ Марксомъ.

Благодаря своему крайнему объективизму Марксъ видитъ въ товарѣ только трудъ, какъ объективную мѣру его цѣнности. Но вѣдь и въ трудѣ, если его анализировать какъ слѣдуетъ, имѣются элементы весьма субъективные — Марксъ, какъ мы увидимъ далѣе, не анализируетъ трудъ; для него достаточно видимаго движенія живыхъ и мертвыхъ машинъ. Потому то ему и представляется, что трудъ въ товарѣ матеріализируется, овеществляется, какъ онъ выражается.

Благодаря своему одностороннему объективизму онъ не понимаетъ, что люди для мѣноваго обращенія товаровъ совсѣмъ ужъ не такъ нуждаются въ трудѣ, какъ въ мѣрилѣ, какъ онъ это воображаетъ. А притомъ самое измѣреніе труда всегда было и остается чисто субъективнымъ. Мѣновое же обращеніе имѣетъ свои основанія, и всегда имѣло ихъ. Эти основанія находятся въ субъектѣ, а не въ объектѣ.—У Адама и его сосѣда не только имущества (товары) различны, но и потребности ихъ различны и потому они обмѣниваютъ хлѣбъ на металлъ. Конечно, мѣрило для этого обмѣна необходимо; но объ этомъ мѣрилѣ они заботятся только тогда, когда должны и хотятъ произвести обмѣнъ.

То, что Марксъ говоритъ о товарномъ фетишизмѣ, вполнѣ примѣнимо и къ его фетишизму труда.

Въ силу своихъ матеріалистическихъ предразсудковъ Марксъ видитъ въ трудѣ нѣчто вещественное, по крайней мѣрѣ нѣчто столь объективное, что онъ думаетъ найти въ немъ чисто математическую мѣру цѣнности. Но это, несомнѣнно, заблужденіе. Въ трудѣ тоже есть субъективный элементъ: энергія и напряженность, стало быть, въ концѣ то концевъ опять таки воля, а съ волей и мотивы. Марксъ обращаетъ вниманіе только на видимости, онъ не желаетъ знать ничего невидимаго, субъективнаго, чисто психическаго. Марксъ заботится только о механизмѣ труда, въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ судитъ о немъ съ точки зрѣнія психофизической. Гербартъ въ свое время тоже пытался математически измѣрять психическія явленія. Но исторія психофизики, отъ медицинской психологіи Вебера и Лотце до Фехнера, и въ настоящее время до Вундта и Цихена, учитъ насъ, что измѣреніе психической дѣятельности пока существуетъ только въ зародышѣ, что мы не въ состояніи пока измѣрять сложныхъ психическихъ явленій, кромѣ нѣкоторыхъ болѣе простыхъ воспріятій.

Рабочую силу и ея постоянство (выдержанность) измѣрять такъ точно, какъ полагаетъ измѣрять ихъ Марксъ, пока невозможно.

Въ своемъ стремленіи къ позитивности и къ позитивной точности Марксъ понимаетъ напряженность только количественно; онъ не понимаетъ того, что это по меньшей мѣрѣ преждевременно, да фактически то и не вѣрно. Напряженность (интензивность) нѣчто иное, чѣмъ простое сложеніе и вычитаніе (это замѣтилъ еще Гауссъ противъ Гербарта); говоря другими словами, у насъ нѣтъ точной мѣры для напряженности труда, потому всѣ расчеты Маркса по отношенію къ труду точны математически только повидимости; на самомъ же дѣлѣ они представляютъ приблизительныя оцѣнки. Любовь Маркса къ алгебраическимъ формуламъ просто его личная склонность, и только— о примѣненіи математики къ экономическимъ теоріямъ Маркса не можетъ быть и рѣчи. И именно самыя формулы Маркса доказываютъ, что трудъ имъ не измѣряется, а какъ и въ другихъ экономическихъ теоріяхъ, признающихъ трудъ только однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ цѣнности, только оцѣнивается. Марксизмъ ничего не выигрывается въ научности отъ теоріи цѣнности Маркса.

Точно также не выигрываетъ отъ этой теоріи и историческое изслѣдованіе и объясненіе. Первобытные и вообще жившіе до эпохи капитализма люди измѣряли свою рабочую силу столь же не точно и приблизительно, какъ не точно и приблизительно судили о своихъ потребностяхъ. Точное измѣреніе рабочей силы и результатовъ работы производится только въ настоящее время; наоборотъ, въ старое время обмѣнъ, да и вообще все хозяйство отличались характеромъ нехозяйственности, т. е. не были основаны на мѣрѣ и расчетѣ. Только новый человѣкъ начинаетъ расчитывать.—Марксъ переноситъ это свойство современнаго хозяйства въ старое время и потому въ цѣнности онъ видитъ только измѣряемый трудъ.

Изъ послѣдователей Смита многіе совершенно забывали объ этомъ, какъ будто возможно объяснить экономикой всего человѣка и всю общественную жизнь; другіе понимали методологическое раздѣленіе этихъ двухъ наукъ (этики и экономики) Смитомъ такимъ образомъ, какъ будто бы человѣкъ и въ дѣйствительности раскалывался на два существа: чисто экономическое, эгоистическое и чисто этическое, альтруистическое. Въ дѣйствительности въ натурѣ человѣческой такого дуализма не существуетъ. Эгоизмъ и альтруизмъ въ насъ не настолько отдѣлены, какъ отдѣляетъ ихъ психологическая абстракція,— не говоря уже о томъ, что неизвѣстно, основательно ли настолько противупоставлять эгоизмъ и альтруизмъ, какъ это дѣлалъ Смитъ и какъ это дѣлается еще и до сихъ поръ (по моему мнѣнію, это совсѣмъ неосновательно).

Марксъ съ его матеріалистической и позитивной точки зрѣнія

отвергаетъ идеологію и въ особенности этику и признаетъ настоящей общественной наукой только экономику Смита и Рикардо.

77. Утверждая, что мотивы хозяйственныя приводятъ къ мотивамъ поведенія вообще, и стало быть, къ этикѣ, я этимъ не хочу сказать, что экономика есть часть этики. Я уже объяснялъ свои взгляды по этому вопросу и теперь хочу обосновать ихъ подробнѣе.

Для этого я сошлюсь на учителя Маркса, на Адама Смита. Смитъ совершенно основательно отдѣлилъ экономику отъ этики и излагалъ обѣ эти научныя дисциплины отдѣльно.

Марксъ съ его матеріалистической и позитивной точки зрѣнія значительно отступаетъ отъ взглядовъ своего учителя.

Онъ могъ бы и долженъ бы узнать отъ Смита, что для пониманія экономическаго человѣка необходимъ тоже психологическій анализъ. Мнѣ думается, что Смитъ прямо требуетъ такого анализа, такъ какъ строитъ свою экономику на психологической основѣ и кромѣ эгоизма признаетъ кое-гдѣ и другія силы, обусловливающія экономическую дѣятельность (напр. стремленіе къ обмѣну). Смитъ приводитъ эту дѣятельность не исключительно къ эгоизму; онъ признаетъ и извѣстное, хотя и незначительное, вліяніе симпатическихъ мотивовъ. Конечно, одинъ эгоизмъ не можетъ объяснить экономической дѣятельности; не говоря уже о томъ, что эгоизмъ есть не только экономическій мотивъ, потому что многіе этики объясняютъ все человѣческое поведеніе вообще эгоизмомъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится попытка А. Вагнера, желающаго открыть кромѣ эгоизма и остальные мотивы экономической дѣятельности [1]). Школа Менгера мнѣ тоже симпатична потому, что она опирается на психологическій анализъ [2]). Совершенно понятно, что исходя отъ такого основанія философы приходятъ къ еще болѣе подробному анализу и изслѣдованію мотивовъ дѣйствія вообще и къ вопросу объ отношеніи экономики къ этикѣ [3]).

Психологическій анализъ ставитъ также задачу объ объясненіи историческаго развитія экономической дѣятельности. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ отъ первоначальнаго отвращенія къ труду, и въ особенности къ труду регулярному, перешелъ къ привычкѣ трудиться, какъ вообще онъ сталъ существомъ не только работающимъ, но и работящимъ, оставляется Марксомъ совсѣмъ въ сторонѣ; онъ не занимается такимъ вопросомъ. Жадность и стремленіе къ власти съ одной стороны и нищета и нужда съ другой кажутся

[1]) Вагнеръ.—Grundlegung der Polit. Oekonomie.

[2]) Совершенно иной вопросъ—вопросъ о теоріи цѣнности этой школы, о предѣльной полезности.

[3]) Мейнонгъ. — Психологическо-этическія изслѣдованія относительно теоріи цѣнности 1894. Эренфельсъ.—Система теоріи цѣнности. 1. Общая теорія цѣнности. 1897.

ему сами по себѣ понятными рычагами развитія. Болѣе основательный анализъ указалъ бы ему, какими разнообразными способами человѣкъ приходилъ къ труду; онъ увидалъ бы, какъ напр. милитаризмъ и религія воспитывали трудолюбіе, какъ они подготовили современное промышленное капиталистическое производство. Исторія экономическаго развитія, данная Марксомъ, въ этомъ отношеніи совершенно неудовлетворительна [1]).

У Маркса хозяйство, и притомъ хозяйство относительно уже развитое, есть просто данный фактъ; оно существуетъ — и все тутъ. Марксъ даже не спрашиваетъ, какъ оно развилось, какія силы прямо или косвенно помогали его развитію. Откуда и какъ произошли тѣ производственныя отношенія, о которыхъ онъ постоянно говоритъ? Они создаютъ все, все производятъ—но сами то они откуда взялись? Изъ какихъ элементовъ? Какъ человѣкъ выучился цѣнить и мѣрить трудъ и какой трудъ сначала, какой позже?

Въ методологическомъ отношеніи авторитетъ Смита тоже далъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Главное его сочиненіе есть не только теоретическая политическая экономія, въ ней есть части соціологіи и различныхъ общественныхъ наукъ (финансовая наука, частію государственная наука, политика и педагогія). Это побудило многихъ (и въ числѣ ихъ и Маркса) отождествлять экономику съ общественными науками вообще, хотя съ другой стороны нѣкоторыя изъ общественныхъ наукъ трактуются Смитомъ въ другихъ работахъ (теперь часть ихъ найдена). Въ настоящее время слѣдуетъ ограничивать экономику ея настоящимъ предметомъ болѣе точно, чѣмъ во времена Смита, и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ поставить ее въ надлежащія отношенія къ другимъ наукамъ (по крайней мѣрѣ, къ общественнымъ наукамъ). Потому то такъ и важны классификація и организація наукъ, и въ особенности общественныхъ.

Что касается до Маркса и Энгельса и ихъ отношенія къ этому вопросу, то объ этомъ мы уже говорили. Здѣсь я прибавлю только то, что можетъ помочь пониманію «Капитала».

По моему мнѣнію экономика есть наука конкретная. Потому она должна основываться на соціологіи, какъ наукѣ абстрактной. Вся сфера экономическаго вѣденія распадается на общую экономику и на спеціальныя экономическія дисциплины.

Кромѣ теорій абстрактной соціологіи и конкретныхъ общественныхъ наукъ имѣется еще общественная практика и трактующая о ней наука, практическая соціологія или политика. Экономическая политика составляетъ часть этой науки о политикѣ.

Всѣ спеціальныя науки требуютъ философскаго обоснованія — стало быть, его требуетъ и экономика. Философія объединяетъ эко-

[1]) Бюхеръ.—Работа и ритмъ. 1896.

номическія теоріи съ наукой вообще—экономическую жизнь необходимо понять въ связи со всей культурной дѣятельностью. Въ сферѣ практики философія изслѣдуетъ смыслъ жизни, проявляющійся не только въ научной и вообще духовной дѣятельности, а и въ физической. Философія вообще имѣетъ характеръ этическій; этика есть жизненная мудрость. Этическому сужденію подлежитъ всякая практическая и теоретическая дѣятельность—а стало быть, и дѣятельность политическая и экономическая. Утверждая, что экономическія явленія должны объясняться этическими нормами, я совсѣмъ не утверждаю, что поле вспашется и хлѣбъ испечется проповѣдями о любви къ ближнему; но несомнѣнно то, что всякое дѣйствіе, въ томъ числѣ и экономическое, вообще должно быть нравственнымъ. Я повторяю—это не значитъ, чтобы этика давала предписанія экономикѣ; совсѣмъ нѣтъ—этика только требуетъ отъ всѣхъ людей, стало быть, и отъ работающихъ и создающихъ цѣнность, чтобы они были гуманными и нравственными. Точно также и логика не даетъ предписаній физикѣ и соціологіи, но физики и соціологи должны мыслить логически, изучали они логику абстрактно, какъ науку, или нѣтъ.

Этого Марксъ и Энгельсъ и не поняли благодаря ихъ позитивизму и матеріализму. Этимъ и объясняется ихъ неестественное стремленіе объяснять экономически всякое человѣческое дѣяніе. Понятно, что подобный крайній матеріализмъ долженъ былъ потерпѣть крушеніе и этимъ объясняется его позднѣйшія видоизмѣненія.

Во всякомъ случаѣ Марксъ, какъ уже сказано, провозглашаетъ не только аморализмъ, но volens nolens и его противуположность. Именно его «Капиталъ» и въ особенности первая часть, съ ея теоріей эксплуатаціи, представляетъ сплошное осужденіе общественной несправедливости и страстный призывъ къ праву и гуманности. Пусть Энгельсъ считаетъ такіе призывы не научными, простымъ симптомомъ, указателемъ и т. д.—«Капиталъ» Маркса опровергаетъ такой ультрапозитивизмъ [1]).

Изъ среды марксистовъ опять таки Бернштейнъ окончательно разорвалъ съ традиціями, уже достаточно, впрочемъ урѣзанными и самими Марксомъ и Энгельсомъ. Бернштейнъ именно призналъ, что въ понятіи цѣнности и прибавочной стоимости содержится этическій элементъ, представленіе о равенствѣ и справедливости [2]).

[1]) „Эти воззванія къ нравственности и праву въ научномъ отношеніи не подвигаютъ насъ впередъ ни на одинъ шагъ; экономическая наука не можетъ признать въ нравственномъ негодованіи, какъ бы справедливо само по себѣ оно ни было, доказательства, а только симптомъ“ и т. д. (Энгельсъ — Анти-Дюрингъ, 152). А дѣло тутъ, вѣдь, совсѣмъ простое: мораль не предписываетъ намъ, какъ работать; и тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признавать мораль, т. е. дѣятельность нравственныхъ мотивовъ и нельзя объявлять, что совѣсть—это иллюзія.

[2]) Бернштейнъ—Реалистическій и идеологическій моменты соціализма (Neue Zeit. 1897).

Такимъ образомъ неосновательность ученія Энгельса, будто нравственное сознаніе есть только симптомъ, признанъ и т. д. экономическаго развитія, было окончательно признано. Бернштейнъ указываетъ съ особой настойчивостью, что именно масса то никогда не приступаетъ къ дѣятельности безъ нравственныхъ мотивовъ, что въ соціалистической партіи наиболѣе дѣятельными людьми являются какъ разъ тѣ люди, которымъ соціализмъ наименѣе можетъ принести пользы—какъ это обыкновенно говорится.

Что касается до метода, то я представляю себѣ его въ экономикѣ такимъ образомъ: прежде всего необходимо основательное описаніе дѣйствительно существующей экономической системы, всей современной экономической организаціи; необходимо реалистическое констатированіе фактовъ. Марксъ, не смотря на весь свой позитивизмъ, не реалистъ. Марксъ все черезъ чуръ разумѣетъ и черезъ чуръ много объясняетъ; такъ французскіе и нѣмецкіе романтики представляли себѣ своихъ героевъ въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ, потому что они выдумывали этихъ героевъ. Я представляю себѣ экономиста-реалиста a la Толстой, Достоевскій—эти писатели часто совсѣмъ не понимаютъ своихъ героевъ (да у нихъ, собственно говоря, и героевъ то нѣтъ), и именно потому, что они наблюдали ихъ въ дѣйствительности. Подобнымъ же образомъ я желалъ бы имѣть возможно болѣе вѣрную картину современнаго хозяйства, дѣйствительно существующей хозяйственной дѣятельности.

Но констатированные факты должны быть объяснены. Само собой понятно, что теоретикъ можетъ сразу, въ одной работѣ, дать намъ и то и другое, и описаніе и объясненіе. Но онъ долженъ постоянно сознавать, что именно составляетъ объясненіе, и что такое простое констатированіе экономическихъ фактовъ, экономическихъ документовъ. Конечно, безъ теоріи нѣтъ и констатированія фактовъ также, какъ нѣтъ и теоріи безъ констатированія, безъ опыта [1]). Но именно поэтому для теоретики и необходима нѣкоторая осторожность—я сказалъ бы даже, нѣкоторая философская скромность. Въ особенности Марксу не вредно бы было, если бы онъ позаимствовался у позитивистовъ такой скромностью. Но его догматическій натурализмъ побуждаетъ его постоянно, вездѣ и все объяснять, т. е. повидимому объяснять, въ сущности говоря, насиловать факты съ его односторонней точки зрѣнія и выводить объясненіе фактовъ не изъ нихъ самихъ, а изъ его матеріализма. Въ этомъ отношеніи у Маркса въ

[1]) Я не признаю такъ называемую описательную экономику отдѣльной наукой, спеціальной дисциплиной, отдѣльной отъ настоящей теоретической экономики — тутъ различіе только въ методѣ. Существуетъ только одна экономика, какъ конкретная соціологическая наука, и ея задача, также, какъ и задача всякой другой науки, состоитъ въ объясненіи — и eo ipso въ констатированіи—относящихся къ ея сферѣ фактовъ.

третьей части замѣчается уже прогрессъ сравнительно съ первой; въ первой части матеріалистическій догматизмъ приводитъ его прямо къ схоластикѣ — третья часть болѣе положительна, болѣе реалистична[1]).

Я уже достаточно говорилъ объ историзмѣ Маркса. Потому здѣсь повторяю только то, что экономика не есть наука историческая, также какъ и всѣ другія общественныя науки [2]).

78. Марксъ не только не анализировалъ мотивовъ экономической дѣятельности, онъ не анализировалъ подробно даже самаго труда [3]).

И прежде всего онъ не различаетъ трудъ физическій отъ психическаго: его идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы совершенно уничтожить раздѣленіе труда. «Отдѣльный человѣкъ не можетъ дѣйствовать на природу безъ участія своихъ мускуловъ, безъ контроля своего мозга. Какъ въ природѣ голова и рука соединены, такъ и процессъ труда объединяетъ работу головы и рукъ. Только позднѣе они раздѣляются и становятся враждебными».

Марксъ утверждаетъ, что капитализмъ создалъ или развилъ «такое отдѣленіе духовныхъ силъ процесса производства отъ физическаго труда» посредствомъ крупнаго производства, основаннаго на употребленіи машинъ. Марксъ считаетъ такое раздѣленіе, какъ и самый капитализмъ, неоправдываемымъ и вообще цѣнитъ очень низко умственную работу капитализма, чего и слѣдовало ожидать отъ такого противника всякой идеологіи.

Если имѣть прежде всего въ виду роль умственнаго труда въ экономической дѣятельности, но нельзя не признать неблагопріятное мнѣніе объ этомъ родѣ труда неосновательнымъ; рѣшительно неосновательна низкая оцѣнка умственнаго труда и мнѣніе Маркса, будто капиталистъ не работаетъ. Преувеличено также и мнѣніе, будто рабочій работаетъ чисто механически, какъ машина, что онъ не думаетъ. Неужели теперь при работѣ думаютъ меньше, чѣмъ раньше? Можетъ быть, даже меньше, чѣмъ въ такое время, когда не существовало никакой промышленности — т. е. въ эпоху первобытнаго, не прогрессирующаго земледѣлія? Стоитъ только подумать объ этомъ, и сравнить, чтобы не согласиться съ Марксомъ, будто въ экономической дѣятельности мозговая работа становится все менѣе и менѣе необходимой. Это совершенно не вѣрно—замѣчается какъ разъ противоположное этому. Въ настоящее время не только финансистъ и крупный торговецъ, но и мелкій торгашъ и ремесленникъ, и въ концѣ концевъ даже и фабричный рабочій должны думать больше, чѣмъ раньше. Они вынуждаются къ этому все усиливающейся конкуренціей и сложностью и искусственностью всего современнаго экономическаго строя. Марксъ очень односторонне видитъ только готовый продуктъ и его раздѣлъ; но современный экономическій строй прежде всего характеризуется значительной предпринимательской энергіей—духъ предпріимчивости, а не слѣпое, фаталистическое производство, описываемое Марксомъ, составляетъ характерный признакъ современной экономической дѣятельности.

Марксъ преувеличиваетъ также и неблагопріятныя дѣйствія машинъ. Не говоря уже о вредныхъ слѣдствіяхъ умственнаго труда, слѣдуетъ при обсужденіи вопроса о вліяніи машинъ принимать во вниманіе не однѣ только вредныя для духа стороны этаго вліянія, но и другія, дѣйствующія развивающимъ образомъ. Рабочій долженъ знать машину и въ особенности сложныя и тонкія машины требуютъ интеллигентныхъ рабочихъ. Всѣ машины не настолько механизируютъ трудъ, какъ это утверждаетъ Марксъ. Современное машинное производство имѣетъ вліяніе не на однихъ только рабочихъ; напр. желѣзныя дороги вслѣдствіе необходимости точно наблюдать время воспитываютъ не только рабочихъ, но и пассажировъ и все населеніе вообще и такое воспитаніе приноситъ пользу и хозяйству.

Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что при раздѣленіи труда большая часть рабочихъ должна ограничиваться только трудомъ механическимъ. Я согласенъ съ тѣмъ, что и можно и должно думать о томъ, въ какой степени это необходимо; но, несомнѣнно, утвержденіе, будто въ докапиталистическую эпоху не было механическаго труда или онъ существовалъ въ гораздо меньшей степени (само собой разумѣется, пропорціонально населенію и количеству совершаемой работы) совершенно неосновательно.

Для того, чтобы изобразить капиталиста неработающимъ эксплуататоромъ, Марксъ говоритъ, что капиталисты эксплуатируютъ и самую науку; она имъ ничего не стоитъ; чужое знаніе также присвоивается капиталомъ, какъ и чужой трудъ; предположимъ, что дѣло обстоитъ именно такъ, какъ говоритъ Марксъ—но не доказываетъ ли это, что капитализмъ нуждается въ наукѣ, въ идеологіи?

---

[1]) Въ послѣднее время много разсуждаютъ о теоріи цѣнности — и это основательно. Но тутъ все таки есть нѣкоторая опасность. Физика не дѣлала особыхъ успѣховъ, пока ученые разсуждали in abstracto о матеріи и силѣ; физика начала развиваться тогда, когда она начала разрѣшать вопросы о сущности матеріи старательнымъ изученіемъ всѣхъ физическихъ явленій. Въ области духовныхъ и въ особенности общественныхъ наукъ мы находимся на той ступени развитія, на которой стояло когда то естествознаніе; мы разсуждаемъ о сущности общественности, о цѣнности, какъ основѣ экономики и т. д., тогда какъ было бы разумнѣе работать и мыслить, такъ сказать, монографически и уже на такой основѣ доходить до основныхъ понятій.

[2]) Что касается до экономической исторіи, то, какъ я уже говорилъ, мы всего лучше поймемъ старыя экономическія формы изученіемъ современнаго экономическаго строя.

[3]) Характерно то обстоятельство, что литература о трудѣ весьма небогата; кромѣ нѣкоторыхъ журнальныхъ статей есть книга Бюхера — Работа и Ритмъ. Моссо—Утомленіе 1892. Крепелинъ—Объ умственномъ трудѣ 1894. Гёфлеръ—Психическій трудъ.

Дѣло, вѣдь, не въ томъ, изобрѣтаетъ ли что нибудь для промышленности самъ фабрикантъ или, напр., Либихъ, о которомъ Марксъ разсказываетъ, что онъ нашелъ на англійскихъ химическихъ заводахъ такое ужасное невѣжество, что у него волосы дыбомъ встали. Въ то время Либихъ могъ бы найти невѣжество и не на однѣхъ только фабрикахъ; теперь же онъ наврядъ ли нашелъ бы такое невѣжество— да кромѣ того фабриканты и не обязаны быть профессорами; они предприниматели; и именно огромное вліяніе Либиха на промышленность и земледѣліе составляетъ лучшее доказательство того, что современный капитализмъ не только эксплуатируетъ, но и поддерживаетъ науку.

Это призналъ, впрочемъ, и самъ Марксъ. Во всякомъ случаѣ въ третьей части и въ послѣднемъ изданіи первой трудъ руководителя промышленности и предпринимателя цѣнится уже выше, хотя еще и недостаточно—этотъ трудъ признается производительнымъ. Марксъ, какъ мы уже знаемъ, измѣнилъ въ третьей части и свое первоначальное опредѣленіе историческаго матеріализма и призналъ взаимодѣйствіе производства и идеологіи—современное производство не настолько механизировано, какъ утверждаетъ Марксъ.

Вообще матеріализмъ помѣшалъ Марксу цѣнить умственную работу. Его антипатія къ схоластической и безплодной идеологіи, конечно, справедлива; но съ другой стороны въ силу своего чрезмѣрнаго матеріализма онъ недостаточно цѣнитъ человѣческій трудъ вообще. Слова: «рабочая сила есть прежде всего вложенное въ человѣческій организмъ вещество»—разумѣется, звучатъ вполнѣ матеріалистически, но изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы они были справедливы [1]).

Говоря объ умственномъ трудѣ, обыкновенно имѣютъ въ виду занятія такъ называемыхъ интеллигентныхъ классовъ. Сравниваютъ дѣятельность адвоката, профессора и т. д. съ работой рабочаго или крестьянина и признаютъ эти два рода труда столь же различными, какъ различны и раздѣлены оба эти класса. А это невѣрно

Большая часть такъ называемой умственной работы нисколько не выше и не цѣннѣе труда рабочаго. Многія интеллигентныя занятія суть механическія, шаблонныя (бюрократія) и не требуютъ настоящаго мышленія — по крайней мѣрѣ, требуютъ его не больше того, сколько долженъ мыслить и простой рабочій. Если обратить вниманіе на то, что интеллигентъ долженъ также изучить свое ремесло, какъ и ремесленникъ, то мы увидимъ, что между работой средняго интеллигента и трудомъ обыкновеннаго рабочаго различіе не особенно значительно.

[1]) Марксъ говоритъ очень образно о „текущей“ (flüssig) рабочей силѣ, „фиксирующейся“ въ матеріи и т. п. Для психологіи труда Маркса характерны такія выраженія, какъ умственное производство, умственные продукты и т. д.—употребляемыя въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о „выдѣленіи“ идей и т. д.

Тутъ мы говоримъ только о цѣнности труда, о его полезности и о дѣйствительномъ умственномъ напряженіи; интеллигентъ мыслитъ болѣе интенсивно и лучше по сравненію съ рабочимъ только потому, что онъ немного больше знаетъ.

Простая работница или жена ремесленника, а также и жена профессора или чиновника, которая при своихъ ничтожныхъ средствахъ должна вести хозяйство и притомъ воспитать пятерыхъ—шестерыхъ дѣтей, думаетъ гораздо болѣе и болѣе интенсивно, чѣмъ человѣкъ, просидѣвшій двадцать лѣтъ въ школѣ и нахватавшій цѣлую кучу разныхъ дипломовъ. Различіе между среднимъ интеллигентомъ и рабочимъ состоитъ только въ томъ, что ихъ образованіе стоитъ неодинаково и что ихъ жалованье, т. е. заработная плата, тоже неодинаково. Разумѣется, совсѣмъ другой вопросъ, дѣйствительно ли такъ необходимо, чтобы чиновники учились не менѣе двадцати лѣтъ.

Отъ обыкновенной умственной работы слѣдуетъ отличать высшую, творческую. И слѣдуетъ различать вездѣ—въ наукѣ, въ философіи, въ искусствѣ, въ политикѣ и въ техникѣ. Вездѣ настоящій мыслитель и художникъ отличается отъ «ремесленника», отъ «поденщика». Эти категоріи точно не разграничены, но онѣ существуютъ и имѣютъ большое значеніе.

Разумѣется, и тутъ тоже есть степени — общество нуждается не въ однихъ только Ньютонахъ, Юмахъ, Франклинахъ и Наполеонахъ, а и въ умахъ втораго и третьяго ранга.

Психологія Маркса и Энгельса слишкомъ груба, чтобы они были въ состояніи вѣрно понять сущность умственной работы и надлежащимъ образомъ оцѣнить ея различныя степени и качества. «Я готовъ считать рабочій день скульптора за двадцать дней работы поденщика»—неужели такая грубая оцѣнка достаточна? Да и о какомъ скульпторѣ тутъ говорится? Идея не даетъ покоя художнику или мыслителю (напр. самому Марксу) ни днемъ, ни ночью, всю его жизнь— и неужели мы должны вознаграждать его, напр. Маркса за его «Капиталъ», по такой таксѣ? Это, очевидно, настолько невѣзможно и несправедливо, что объ этомъ и говорить не стоитъ.

«Доброе слово есть тоже дѣло»—сказалъ Тургеневъ. Викторъ Гюго столь же мѣтко отозвался о громадномъ значеніи высокихъ, какъ это обыкновенно говорится, хотя бы и неясныхъ, идей—о значеніи идеологіи. «Служатъ также и тѣ, которыя только стоятъ и ждутъ» (They serve, who only stand und wait)—говоритъ Мильтонъ.

Полезность человѣка для общества не опредѣляется, однако, одной только работой разума; чувство и воля тоже работаютъ. Самъ Марксъ долженъ былъ признать, что сущность человѣка основывается больше на чувствѣ и на волѣ, чѣмъ на интеллектѣ—какимъ же мѣ-

риломъ мы должны мѣрить ихъ, если будемъ придерживаться психологическихъ взглядовъ Маркса?

Марксъ и Энгельсъ судятъ о трудѣ односторонне, по непосредственному его результату. Потому «дѣйствительный» трудъ для нихъ только физическій и потому то они такъ и настаиваютъ на томъ, что онъ «непосредственно — производителенъ». Умственный трудъ очень часто не приноситъ непосредственной пользы—слѣдуетъ ли поэтому отказаться отъ всякаго теоретизированія? Но вѣдь тогда не было бы изобрѣтено ни одной машины. Прогрессъ осуществляется только послѣ многочисленныхъ теоретическихъ и практическихъ, и часто притомъ, «безполезныхъ» попытокъ. Мысли не выскакиваютъ изъ головы вполнѣ вооруженными—это бываетъ только въ мифологіи, да и тамъ случилось всего одинъ разъ. И развѣ позднѣйшая эпоха не пользуется теоретическими, на практикѣ неиспользованными пріобрѣтеніями прежнихъ и часто весьма отдаленныхъ эпохъ?

Этими немногими замѣчаніями мы хотимъ сказать только то, что различіе между родами труда только по количеству, какъ это дѣлаетъ Марксъ, совершенно неосновательно. Трудъ бываетъ не только или простымъ или сложнымъ; имѣются еще и различныя качества труда. Это можно сказать о многихъ чисто экономическихъ занятіяхъ. Физическій и психическій трудъ часто соединяется [1]).

Можно измѣрять работу ея продолжительностью, рабочимъ временемъ; но такое измѣреніе очень неточное. На практикѣ имъ довольствуются, но главнымъ образомъ потому, что мы пока не обладаемъ болѣе точнымъ мѣриломъ; во всякомъ случаѣ такая расцѣнка труда чисто приблизительная и только количественная; качество же труда и его цѣнность понятіе не механическое, а психологическое и историческое и мы приходимъ къ нему въ связи съ общей оцѣнкой жизни и культуры.

[1]) Марксъ признаетъ такое правило (I. 19): „Сложный трудъ является только усиленнымъ (potenzirte) или, вѣрнѣе, умноженнымъ (multiplicirte) простымъ трудомъ; такъ что малое количество сложнаго труда равняется большему количеству труда простого“.

Также и Энгельсъ различаетъ только простой и сложный трудъ (Анти—Дюрингъ, 207). Въ другомъ мѣстѣ (I. 186). Марксъ называетъ сложный трудъ трудомъ съ „большимъ специфическимъ вѣсомъ“. Незачѣмъ доказывать, что подобная психофизика совершенно произвольна.

Марксъ въ этомъ мѣстѣ даетъ статистику различныхъ занятій: онъ хочетъ доказать ей, что между работой чернорабочаго и искуснаго рабочаго не имѣется никакого различія. Марксъ при этомъ полагаетъ, что въ общемъ „національномъ трудѣ“ искусный трудъ (skilled Labour) количественно не играетъ никакой особой значительной роли. Для доказательства этаго онъ приводитъ указаніе изъ сочиненія Лэйнга (1844), что изъ 18 милл. жителей въ Англіи и Уэльсѣ 11 милл. чернорабочихъ: 4 мил. причисляются къ среднимъ классамъ; 1 мил. аристократовъ, и 1 мил. бродягъ, преступниковъ и т. д. Очевидно, насколько статистика Маркса неудовлетворительна; расцѣнка тутъ очень неточная и притомъ чисто количественная—качество работъ и ея цѣнность для общества совершенно не опредѣляются. Относительно настоящаго времени укажу на тотъ фактъ, что по современнымъ статистическимъ даннымъ существуетъ десять тысячъ профессій — уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ всю абстрактность и неточность классификаціи родовъ труда, устанавливаемой Марксомъ.

79. Въ приведеніи труда къ простой физической, мускульной работѣ мы опять таки видимъ примитивный матеріализмъ Маркса.

Благодаря тому, что Марксъ не признавалъ качественныхъ различій между родами труда, ему было легче составить свое понятіе о трудѣ общественномъ. Марксъ представляетъ себѣ весь трудъ общества, какъ единое цѣлое и потомъ отъ этого цѣлаго на каждую личность приходится «абстрактно человѣческая», средняя «необходимая» или «общественно необходимая» рабочая сила. Въ этомъ именно смыслѣ Марксъ говоритъ объ общественно необходимомъ времени, объ общественной средней ловкости (умѣлости) и интенсивности труда. Точно также онъ различаетъ индивидуальный и общественный капиталъ, и говоритъ объ «общей прибавочной стоимости», объ общественной потребительной цѣнности и т. д.

Статистики уже издавна опредѣляютъ различныя среднія величины и въ учебникахъ статистики можно найти необходимыя свѣденія о значеніи такихъ среднихъ величинъ. Но и безъ этихъ свѣденій для каждаго должно быть понятно, что такія среднія величины тѣмъ неопредѣленнѣе, чѣмъ онѣ болѣе общи, т. е. чѣмъ обширнѣе наблюдаемая, усчитываемая сфера явленій, чѣмъ она менѣе спеціализирована.

Тотъ крестьянинъ, который сердился на то, что онъ получаетъ менѣе пива, чѣмъ полагается по статистическимъ даннымъ на одного человѣка, доказываетъ, до какой степени можно полагаться на такія среднія вычисленія.

Марксъ признаетъ только такую количественную среднюю, не принимая во вниманія качественныхъ различій труда. Противъ этого, собственно говоря, возразить нечего. Но Марксъ при этомъ имѣетъ въ виду, какъ это видно изъ терминологіи, не простую статистическую среднюю величину, онъ представляетъ себѣ цѣлое, всю работу; понимая общество, какъ организмъ, признавая сознаніе общественнымъ, онъ понимаетъ и всѣхъ рабочихъ, какъ единое большое существо. Несмотря на весь свой матеріализмъ, онъ не въ состояніи отдѣлаться отъ пантеизма Гегеля и потому то у него и появился антропоморфическій обще-рабочій. Такой соціологическій фетишизмъ

замѣчается вездѣ въ «Капиталѣ» Маркса. Тамъ для него капиталъ есть «живое чудище, начинающее работать, какъ будто бы у него была душа». Капиталиста Марксъ называетъ «олицетвореннымъ капиталомъ» и т. д.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что съ точки зрѣнія абсолютнаго коммунизма и неуваженія къ личности это вполнѣ послѣдовательно. Далѣе (§ 94) мы увидимъ, что Марксъ пользуется понятіемъ объ «общественномъ» трудѣ, какъ аргументомъ въ пользу экономическаго коммунизма.

80. При подобномъ коллективистическомъ пониманіи труда Марксъ, понятно, не одобряетъ раздѣленія труда: въ его коммунистическомъ обществѣ раздѣленія труда и не будетъ.

Марксъ различаетъ два рода раздѣленія труда: общественное и мануфактурное (въ мастерскихъ).

Общественное раздѣленіе труда бываетъ тоже двухъ родовъ. Въ семьѣ и племени (развившемся изъ семьи) трудъ дѣлится совершенно естественно, на физіологическомъ основаніи, по полу и возрасту; вслѣдствіе расширенія общины и роста населенія, а главнымъ образомъ вслѣдствіе подчиненія чужихъ племенъ, «увеличивается и матеріалъ» раздѣленія труда (появляется рабство). Вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе сосѣдскихъ сношеній семей, племенъ и общинъ развивается обмѣнъ продуктовъ (такимъ образомъ уже на этой первичной ступени развитія появляется товаръ), такъ какъ природа даетъ различнымъ общинамъ разныя средства производства и разныя средства къ жизни, обусловливающія на этой первобытной ступени развитія раздѣленіе труда.

Общественное раздѣленіе труда существуетъ всегда; наоборотъ мануфактурное раздѣленіе труда, какъ показываетъ само названіе, развивается въ мануфактурахъ и по существу своему капиталистическое и при томъ только капиталистическое. Хотя оба рода раздѣленія труда имѣютъ много сходнаго и связаны одно съ другимъ, но они и различаются одно отъ другого, и притомъ не только по степени, а и по существу. Общественное раздѣленіе труда создается покупкой и продажей продуктовъ, производимыхъ разными отраслями труда. Въ мануфактурѣ связь отдѣльныхъ работъ происходитъ отъ продажи рабочихъ силъ одному капиталисту, пользующемуся ихъ соединеніемъ. Общественное раздѣленіе труда предполагаетъ раздѣленіе средства производства между многими, другъ отъ друга независимыми производителями; мануфактурное раздѣленіе труда предполагаетъ концентрированіе средствъ производства въ рукахъ одного человѣка, капиталиста. При общественномъ раздѣленіи труда отдѣльныя личности независимы, ни одна не подчинена другой власти, кромѣ власти конкуренціи—въ мануфактурѣ капиталистъ есть абсолютная власть для производителей, представляющихъ только членовъ покорнаго, принадлежащаго капиталисту, общаго механизма.

Общественное раздѣленіе труда при капиталистическомъ способѣ производства приводитъ къ анархіи, а мануфактурное къ деспотизму—и анархія и деспотизмъ взаимно обусловливаются; при разъединеніи производителей и ихъ средствъ производства господствуютъ случай и произволъ. Наоборотъ въ прежнихъ общественныхъ формахъ (первобытныя общины съ общиннымъ землевладѣніемъ, какъ въ Индіи, а также и цехи) съ ихъ естественнымъ раздѣленіемъ труда мы видимъ планомѣрную и авторитетную организацію общественнаго труда; раздѣленіе труда въ мастерской еще не существуетъ или является только спорадическимъ и случайнымъ. Капитализмъ вводитъ мануфактурное раздѣленіе труда; но онъ же и уничтожитъ его и притомъ благодаря созданнымъ имъ машинамъ (отрицаніе-отрицанія).

Раздѣленіе труда есть раздѣленіе самого человѣка—человѣкъ уродуется, дѣлаясь спеціалистомъ, и притомъ не только какъ рабочій, а и какъ капиталистъ. Съ другой стороны капитализмъ своими непрерывными измѣненіями въ техникѣ измѣняетъ и положеніе рабочихъ, бросаемыхъ изъ одной отрасли производства въ другую. Это абсолютное противорѣчіе разрѣшается тѣмъ, что такая смѣна работъ и возможно большая разносторонность рабочихъ признается общимъ общественнымъ закономъ производства.

При машинѣ не долженъ стоять непремѣнно одинъ и тотъ же рабочій; рабочіе могутъ часто замѣнять другъ друга, такъ какъ къ тому же «движеніе фабрики исходитъ не отъ рабочихъ, а отъ машинъ»; рабочій съ юныхъ лѣтъ учится служить машинѣ, такъ что совершенно излишне, чтобы при машинахъ служилъ особый классъ рабочихъ. Мѣсто рабочихъ-спеціалистовъ, «частичныхъ личностей» замѣняютъ «вполнѣ развитыя личности»; резервная рабочая армія замѣняется «абсолютной пригодностью (disponibilität) человѣка для измѣняющихся требованій труда».

Нельзя не признать, что во взглядахъ Маркса на фактическое и соціальное значеніе раздѣленія труда имѣется много мѣткаго и глубокаго. Но раздѣленіе труда и его организація есть вопросъ болѣе сложный, чѣмъ онъ представляется у Маркса. Раздѣленіе труда существуетъ при всякой работѣ, а не при одной только экономической и потому необходимо по соображеніямъ методологическимъ трактовать объ экономическомъ раздѣленіи и организаціи труда въ связи съ общей проблемой.

У Маркса отсутствуетъ точная классификація занятій и работъ, и потому онъ не могъ дать вѣрной картины связи и взаимодѣйствія разнообразныхъ сферъ труда. Естественная классификація занятій есть первое условіе для опредѣленія, какими именно общественными силами производится раздѣленіе труда и какое значеніе оно имѣетъ

для развитія и прогресса труда. Раздѣленіе, соединеніе и организація труда часто трактуются какъ нѣчто, понятное само по себѣ; въ дѣйствительности же тутъ ставится вопросъ о соціальныхъ движущихъ силахъ, объ общественной организаціи и ея развитіи [1]).

Марксъ, какъ сказано, не представилъ себѣ вопросъ о раздѣленіи труда во всей его полнотѣ; онъ не указалъ на причины, приведшія къ раздѣленію не только физическаго, но и умственнаго труда и именно поэтому его изображеніе соединенія и организаціи труда не вполнѣ удовлетворительно.

Прежде всего недостаточно и неудовлетворительно различеніе общественнаго раздѣленія труда отъ мануфактурнаго. Кромѣ различій пола и возраста слѣдуетъ признать еще различія въ способностяхъ и дарованіяхъ; тогда мы лучше поймемъ разнообразіе общественнаго дифференцированія, чѣмъ понялъ его Марксъ. Тогда мы лучше поймемъ также и различные роды соединенія и комбинацій труда. Марксъ не отдѣляетъ различныхъ силъ и причинъ, ведущихъ къ соединенію и къ организаціи работъ, а, стало быть, и работниковъ. Онъ говоритъ о вліяніи природы на обмѣнъ (обмѣнъ обусловливается разнообразіемъ даровъ природы); онъ говоритъ и о томъ, что общественнымъ раздѣленіемъ труда управляетъ конкуренція; но мы не узнаемъ, какимъ образомъ вслѣдствіе вліянія природы и конкуренціи объединяются рабочіе. Мы не узнаемъ, каково отношеніе конкуренціи въ обществѣ къ деспотизму капиталистовъ на фабрикѣ — объ этомъ Марксъ ничего не говоритъ, а кромѣ того онъ не анализируетъ этотъ деспотизмъ капитализма, какъ силу организующую.

Марксъ придаетъ черезъ чуръ большое значеніе крупной капиталистической организаціи, какъ будто она исчерпываетъ все раздѣленіе труда, всю его организацію. Въ дѣйствительности же описываемая Марксомъ кооперація есть только одинъ изъ типовъ, одна изъ частей великой, охватывающей весь міръ организаціи труда.

Марксъ видитъ въ раздѣленіи труда только его темную сторону. Онъ не хочетъ понять, что благодаря ему развиваются и укрѣпляются различныя силы и дарованія личностей. Конечно, увеличивающаяся спеціализація имѣетъ свои невыгоды и потому вопросъ объ устраненіи этого зла очень важенъ. И этотъ вопросъ имѣетъ значеніе не только для экономической, но и для научной спеціализаціи.

Въ умственной сферѣ спеціализаціи приписываютъ недостатокъ

[1]) Въ конкретной логикѣ, какъ классификаціи и организаціи наукъ, я обращаю вниманіе на нѣкоторые важные для соціологовъ вопросы. Въ настоящее время у насъ есть лучшій анализъ раздѣленія и организаціи экономическаго труда, произведенный Бюхеромъ (Происхожденіе народнаго хозяйства 1898). Съ соціологической точки зрѣнія сохранитъ свое значеніе еще и Контъ. Ср. Дюргейма — О раздѣленіи общественнаго труда 1893.

въ общемъ образованіи, въ философскомъ мышленіи, въ общемъ міровоззрѣніи; спеціализированіе въ сферѣ экономической требуетъ также гармоническаго развитія тѣла и духа. Не только изуродованіе тѣла, но и свойственное спеціалистамъ изуродованіе духа становится общественнымъ вопросомъ. Вопросъ о возможности и о сущности научной философіи важенъ именно съ позитивной точки зрѣнія Маркса.

Самъ по себѣ вопросъ о классификаціи наукъ имѣетъ значеніе соціальное и даже экономическое (см. §§ 16); но въ особенности важно указать, что рядомъ съ спеціальными науками возможна и общая, философія. Аналогическій вопросъ является и въ сферѣ экономической. Но въ обоихъ случаяхъ вопросъ можетъ состоять только въ томъ, какъ освободить спеціализированіе отъ его недостатковъ — объ уничтоженіи же спеціализаціи не можетъ быть и рѣчи.

Непониманіе Марксомъ сущности и задачъ современной философіи привело его къ идеалу «абсолютной пригодности», который примѣняется по его мнѣнію и въ особенности по мнѣнію Энгельса и къ сферѣ умственной.

Энгельсу извѣстна вся важность спеціализированія научнаго труда; онъ, какъ позитивистъ, отвергаетъ старую метафизику, которая была тоже чѣмъ то въ родѣ «абсолютной пригодности». Эта «абсолютная пригодность» Маркса есть ничто иное, какъ возрожденіе старой метафизики въ экономической сферѣ.

Бѣдствіямъ физическаго спеціализированія можно помочь только увеличеніемъ досуга, употребляемаго на развитіе ума и на физическія упражненія (уже въ настоящее время гимнастикой занимаются не одни интеллигенты, но и рабочіе) — физическая же метафизика «абсолютной пригодности» вещь совершенно немыслимая.

Изъ всего предшествующаго развитія можно сдѣлать только одинъ выводъ — раздѣленіе труда не исчезнетъ и въ будущемъ. Спеціализація необходима, только благодаря ей личность можетъ вполнѣ использовать свои способности. И это примѣнимо какъ къ физическому, такъ и къ умственному труду. Такъ называемой неискусной работы, собственно говоря, вообще ни особенно много. Марксъ преувеличиваетъ механичность машинной работы; идея, что движеніе фабрикъ исходитъ отъ машинъ, а не отъ рабочаго, прямо таки нелѣпо — хотя она, конечно, вполнѣ согласуется съ олицетвореніемъ машины Марксомъ.

Раздѣленіе труда въ будущемъ не прекратится. Энгельсъ обѣщаетъ, что въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ не будетъ отдѣльныхъ подносчиковъ кирпича и отдѣльныхъ архитекторовъ — одинъ и тотъ же рабочій будетъ одинъ день руководить постройкой, какъ архитекторъ, а на другой день таскать кирпичи [1]). Несомнѣнно, что

[1]) Анти-Дюрингъ 213.

и архитекторъ можетъ иной разъ, въ «теченіе нѣкотораго времени», таскать кирпичи и, можетъ быть, это будетъ даже полезно для него; но можетъ ли подносчикъ кирпича быть архитекторомъ? Или, говоря иначе, будетъ ли столько же архитекторовъ, сколько имѣется подносчиковъ? Я не удивляюсь, что Каутскій въ своемъ объясненіи Эрфуртской программы (154) оставляетъ Маркса и Энгельса и утверждаетъ, довольно основательно, что въ будущемъ раздѣленіе труда будетъ еще большимъ.

Историческій матеріализмъ не можетъ справиться надлежащимъ образомъ съ вопросомъ о раздѣленіи труда—это очевидно; съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма другого труда, кромѣ экономическаго, не существуетъ и всякій экономическій трудъ приводится къ простому физическому. Тутъ снова Марксу повредилъ его примитивный матеріализмъ; только благодаря матеріалистическимъ основамъ онъ могъ придти къ такому метафизическому понятію, какъ «абсолютная пригодность».

Общество и общественный трудъ организованы современно иначе, чѣмъ представляется Марксу. Общество распадается не на два только класса, капиталистовъ и пролетаріевъ, изъ которыхъ первые будто бы совсѣмъ не работаютъ; сложность отношеній и увеличивающееся взаимодѣйствіе различныхъ рабочихъ не дѣлаетъ изъ общества «студень» (это, впрочемъ, превосходный терминъ для опредѣленія первобытности и матеріализма труда, какъ его понимаетъ Марксъ).

Марксъ не надлежащимъ образомъ оцѣнилъ современныя организацію и раздѣленіе труда. Онъ рисуетъ преувеличенно мрачными красками анархію, произволъ и деспотизмъ капиталистическаго раздѣленія труда. Онъ признаетъ и самъ, что существуетъ естественная тенденція различныхъ сферъ производства придти въ равновѣсіе, что она представляетъ реакцію противъ постояннаго нарушенія этого равновѣсія. Въ дѣйствительности капиталисты не просто слѣпые, ничего не дѣлающіе эксплуаторы, они и предприниматели — т. е. люди, наблюдающіе, думающіе и расчитывающіе. Капитализмъ далеко не такъ абсолютно управляется случаемъ, онъ далеко не представляетъ такой анархіи, какъ полагаетъ Марксъ. Многіе работаютъ, дѣйствительно, наобумъ, но многіе — и, конечно, большинство — изучаютъ, наблюдаютъ и обсуждаютъ условія дѣла; въ самомъ дѣлѣ, что такое статистика труда, торговли, статистика населенія и его прироста, что такое всѣ работы соціологовъ, экономистовъ, (и въ томъ числѣ и самого Маркса), политиковъ, историковъ?—Однимъ словомъ, экономическая организація совсѣмъ не такъ слѣпа, какъ полагаетъ Марксъ, и совсѣмъ не вѣрно, чтобы производительныя отношенія вполнѣ подчинили себѣ производителей.

Невѣрная теорія развитія помѣшала Марксу правильно оцѣнить развитіе современнаго раздѣленія труда. Онъ ставитъ раздѣленіе труда

въ новое время въ такое противорѣчіе съ таковымъ же раздѣленіемъ въ прежнія времена, что это вполнѣ соотвѣтствуетъ его закону отрицанія, но совершенно не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности.

81. Раздѣленіе труда по мнѣнію Маркса и Энгельса составляетъ основу образованія классовъ. И въ особенности мануфактурное раздѣленіе труда есть причина образованія двухъ крупныхъ экономическихъ классовъ, капиталистовъ и пролетаріевъ.

Такихъ двухъ большихъ классовъ, собственно говоря, просто не существуетъ и не можетъ существовать, потому что раздѣленіе и организація труда иныя, чѣмъ полагаетъ Марксъ. А помимо того, при организаціи экономическихъ классовъ значеніе имѣетъ не всегда и не вездѣ одно только раздѣленіе труда, а и распредѣленіе собственности; общіе экономическіе интересы объединяютъ личности, корпораціи и цѣлые классы. И эти разряды лицъ, распредѣляемыхъ по яхъ собственности, не всегда совпадаютъ съ классами, распредѣляемыми на основаніи раздѣленія труда. Раздѣленіе и организація труда существуютъ рядомъ съ организаціей собственности и перекрещиваются съ ней. Уже въ силу этого не существуетъ двухъ такихъ большихъ классовъ, какіе принимаются Марксомъ.

Энгельсъ старался подробно объяснить происхожденіе классовъ посредствомъ раздѣленія труда—но безуспѣшно.

Пока трудъ, говоритъ Энгельсъ, даетъ небольшой излишекъ сравнительно съ потребностью всѣхъ, большинство должно работать, а меньшинство должно заботиться объ общихъ, общественныхъ дѣлахъ, т. е. оно управляетъ работами, занимается наукой, государственными дѣлами и т. д. На основаніи такого объясненія классы суть результатъ прежняго малаго развитія производства; а такъ какъ капиталистическое производство доставляетъ значительный излишекъ сравнительно съ общими потребностями, то, стало быть, классы становятся ненужными. По мнѣнію Энгельса господствующій классъ уже и въ настоящее время составляетъ препятствіе для дальнѣйшаго экономическаго, политическаго и интеллектульнаго развитія [1]).

Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Энгельсъ объясняетъ происхожденіе классовъ нѣсколько иначе.

Въ началѣ цивилизаціи общія, общественныя дѣла (управленіе работами и т. д.), поручаются особымъ лицамъ. Такимъ образомъ появляются первыя должности — зародышъ государства. Рядомъ съ такимъ образованіемъ классовъ при извѣстной степени благосостоянія, при посредствѣ войны, появляется рабство, и только рабство дѣлаетъ возможнымъ раздѣленіе труда между земледѣліемъ, промышленностью, искусствомъ и наукой [2]).

[1]) Анти-Дюрингъ, 303.
[2]) Ibid. 187.

Возможно, вѣроятно, найти еще и другія объясненія у Энгельса [1]; но достаточно и приведенныхъ нами, чтобы признать, что Энгельсъ объясняетъ происхожденіе классовъ не особенно опредѣленно и послѣдовательно.

82. По мнѣнію Маркса современное общество распадается на два отдѣльныхъ міра, на экономическій адъ и на экономическій рай (впрочемъ, въ концѣ концевъ и этотъ рай превращается въ адъ).

Марксъ видитъ въ положеніи промышленныхъ рабочихъ продолженіе стараго рабства. Рабочій — это крѣпостной. Капиталистъ эксплуатируетъ, высасываетъ, выкачиваетъ рабочаго; съ самаго начала капиталистическаго производства господствуютъ, какъ «абсолютныя страсти», жадность и стремленіе къ обогащенію. Накопленіе капитала у однихъ обусловливаетъ нищету другихъ: «накопленіе богатства у одного полюса есть накопленіе нищеты, мучительнаго труда, рабства, невѣжества, оживотнѣнія и нравственнаго униженія у другого полюса, т. е. въ классѣ людей, производящихъ продукты».

Изъ капитала изъ всѣхъ его поръ брызжетъ кровь и грязь.

Вслѣдствіе непрерывной концентраціи капитала происходитъ тоже, что бываетъ со щуками въ пруду—въ концѣ концевъ остаются немногія или даже только одна. Потому что всегда «одинъ капиталистъ убиваетъ многихъ» Масса мелкихъ капиталистовъ экспропріируются немногими и число этихъ немногихъ, магнатовъ капитала, постоянно уменьшается. Такимъ образомъ въ концѣ концевъ будутъ только одинъ Ротшильдъ и милліоны, милліоны милліоновъ пролетаріевъ—пролетаріевъ, физически и умственно вырождающихся. Марксъ обвиняетъ капитализмъ за его губительное дѣйствіе; капитализмъ поражаетъ народную силу въ самомъ ея корнѣ, даже земледѣльческіе рабочіе начинаютъ вырождаться. Въ концѣ концевъ наступаетъ гніеніе человѣчества и «неудержимое уменьшеніе населенія земного шара».

Тутъ фантазія Маркса разыгрывается и онъ конструируетъ классовыя противорѣчія на основаніи закона отрицанія отрицанія, такимъ образомъ Марксъ создаетъ «Адъ»—но, къ сожалѣнію, статистическія данныя и исторія труда не соотвѣтствуютъ этому созданію Маркса.

На основаніи этихъ статистическихъ и историческихъ данныхъ такого концентрированія капитала въ рукахъ немногихъ магнатовъ—

[1]) Въ цитированномъ выше письмѣ Энгельса мы читаемъ, что раздѣленіе классовъ опредѣляется способомъ обмѣна и раздѣленія продуктовъ, а это въ свою очередь опредѣляется общей техникой производства и транспорта. Я уже говорилъ, что Энгельсъ склоненъ объяснить происхожденіе класса крупныхъ землевладѣльцевъ политической оккупаціей.

капиталистовъ, какъ это утверждаетъ Марксъ, совсѣмъ не происходитъ. Не только прежніе средніе классы (т. е. мелкіе капиталисты) не исчезли и не исчезаютъ, но и самъ капитализмъ постоянно создаетъ новые средніе классы. То, что мы видимъ на каждой изъ большихъ фабрикъ, составляетъ общее явленіе: между предпринимателемъ и руководителемъ съ одной стороны и рабочимъ съ другой стоитъ цѣлый рядъ посредниковъ, исполняющихъ очень важныя работы, отправляющихъ важныя функціи, безъ которыхъ не могли бы существовать ни капиталистъ, ни рабочіе. Это инженеры, писцы экспедиторы, купцы и т. д. Однимъ словомъ, это цѣлая промышленная іерархія, а совсѣмъ не два крайніе класса, какъ полагаетъ Марксъ.

Кромѣ этого новаго средняго класса продолжаетъ существовать и старый средній классъ, ремесло и мелкіе промыслы. Невѣрно, что всѣ мелкіе промыслы исчезаютъ, какъ этого требуетъ теорія Маркса. Вѣрно то, что исчезаетъ часть ихъ, нѣкоторые изъ промысловъ, но остаются другіе и появляются даже новые.

Что примѣнимо къ мелкому промыслу, то примѣнимо также и къ мелкой торговлѣ и земледѣлію. Трудъ и профессіи дифференцируются и въ этихъ сферахъ, вмѣстѣ съ крупной промышленностью появляется и крупная (міровая) торговля, но рядомъ съ ней существуютъ и средняя и мелкая. Тоже можно сказать и о земледѣліи и въ концѣ концевъ о самомъ капитализмѣ. Въ этомъ отношеніи никто болѣе сильно не возражалъ противъ утвержденія первой части, будто число капиталистовъ постоянно уменьшается... какъ самъ Марксъ. Въ третьей части результатомъ и условіемъ капиталистическаго производства и накопленія признается не только концентрированіе капитала, но и увеличеніе числа капиталистовъ (хотя и въ меньшей сравнительно пропорціи [1]).

Новѣйшія статистическія и экономическія работы доказываютъ — хотя и не абсолютно (данныя эти имѣются не относительно всѣхъ странъ и относятся къ небольшимъ періодамъ времени), но достаточно убѣдительно, что теорію Маркса о классовыхъ противорѣчіяхъ слѣдуетъ ограничить до значительной степени. Общество распадается

[1]) „Ходъ развитія капиталистическаго производства и накопленія обусловливаетъ все болѣе и болѣе крупные процессы работы и непрерывно увеличивающіеся размѣры заведенія и соотвѣтственно этому увеличивающіеся затраты капитала на каждое отдѣльное заведеніе. Ростущее концентрированіе капитала (сопровождаемое при этомъ, хотя и въ меньшей степени, увеличеніемъ числа капиталистовъ) потому составляетъ какъ одно изъ его вещественныхъ условій, такъ и одинъ изъ производимыхъ имъ результатовъ“ 111. 199. Ср. Корнелиссенъ—о вліяніи гегелевской діалектики на соціалистическую доктрину Маркса. (Socialist. Monatshefte 1898).

не только на два большіе класса и въ немъ не происходитъ такой уничтожающей борьбы, какъ полагалъ Марксъ [1]).

Въ настоящее время это признается даже теоретиками марксизма. Еще раньше Фольмаръ отвергалъ мнѣніе Маркса о концентрированіи капитала по отношенію къ земледѣлію (см. § 87); недавно Шёнланкъ высказался противъ мнѣнія, будто нищета увеличивается; противъ него возсталъ Каутскій; но недавно Бернштейнъ въ редактируемомъ Каутскимъ журналѣ очень рѣшительно возсталъ противъ ученія Маркса, будто капитализмъ рушится отъ своихъ собственныхъ

---

[1]) Изъ громаднаго матеріала по этому вопросу укажу прежде всего на профессіональную статистику Германіи отъ 14 іюня 1895 года: Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reich изд. императ. статист. бюро 1896). Далѣе изслѣдованія положенія ремесла въ Германіи и въ особенности его способности конкурировать съ крупной промышленностью (Schriften des Vereins fur Socialpolitik. 1894—97). Относительно Австріи. — Изслѣдованія о положеніи ремесла въ Австріи 71 часть этихъ Schriften 1897. Erhebung über Verhältnisse im Handwerk, изд. имп. статист. бюро 1895.

Результаты этихъ трехъ сборниковъ сопоставлены Бюхеромъ и Филипповичемъ въ „Дебатахъ 23—25 сентября 1897 г. на общемъ собраніи Verein'a fur Socialpolitik въ Кельнѣ о ремесленномъ вопросѣ, о земельномъ личномъ кредитѣ и о правѣ коалицій рабочихъ въ Германской имперіи". Объ отчетѣ Бюхера см. его книгу: Происхожденіе народнаго хозяйства 1898; объ отчетѣ Филипповича см. Грубера Obzor narodoh и Фацека—Nase Doba.

Далѣе: Шмоллеръ. — Что мы называемъ среднимъ сословіемъ? Увеличилось оно или уменьшилось въ 19 вѣкѣ?—докладъ на евангелически—соціальномъ конгрессѣ въ Лейпцигѣ 11 іюля 1897. (Акты восьмого евангелическаго соціальнаго конгресса—тамъ же пренія по поводу доклада Шмоллера и рефератъ Ольденберга—о Германіи, какъ государствѣ промышленномъ).

Шмоллеръ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „мнѣ думается, что я доказалъ или сдѣлалъ вѣроятнымъ, что съ 1700—1850 года сословіе крестьянъ и ремесленниковъ въ Германіи увеличилось и улучшило свое положеніе, что съ 1850—91 г. средній классъ въ земледѣліи не уменьшился, въ промышленности и торговлѣ число предпринимателей относительно общаго числа населенія не увеличилось и частію уменьшилось, число зависимыхъ лицъ очень возросло; но если принять во вниманіе высшія положенія персонала управленія, старшихъ рабочихъ и получающихъ высокую плату рабочихъ, свободныя профессіи, и увеличеніе числа управляющихъ помѣстьями, то уменьшеніе средняго класса не покажется значительнымъ, и оно даже пріостановилось, такъ какъ замѣчается тенденція къ образованію новаго средняго класса".

Бюхеръ и другіе считаютъ положеніе ремесленниковъ неблагопріятнымъ для нихъ.

Объ аграрныхъ отношеніяхъ Германіи трактуетъ Конрадъ: Земледѣліе въ Германской имперіи на основаніи данныхъ профессіональной статистики 1895.

Объ отношеніяхъ въ Англіи, изъ которыхъ Марксъ и дѣлалъ главнымъ образомъ свои выводы, Гольдштейнъ даетъ критическій отчетъ въ его книгѣ: Berufsgliederung und Reichthum. 1897.

противорѣчій [1]). Поэтому Бернштейнъ рекомендуетъ соціалъ-демократіи измѣнить ея тактику—она должна работать надъ постепеннымъ демократизированіемъ государства.

Заключенія Бернштейна приняты и другими теоретиками [2]). Раздались голоса и противъ Бернштейна, но никто не могъ опровергнуть приводимыхъ имъ фактовъ—были сдѣланы въ самомъ лучшемъ случаѣ только попытки ослабить значеніе этихъ фактовъ и выводовъ изъ нихъ. Это въ особенности можно сказать о преніяхъ по этому вопросу на послѣднемъ собраніи соціалъ-демократической партіи [3]).

Въ этомъ вопросѣ большую роль играютъ статистика и экономическая исторія. Именно: если будетъ доказано, что провозглашаемое Марксомъ ученіе о пролетаризированіи массъ (исчезновеніе средняго класса, пролетаризированіе рабочей массы до ступени очевиднаго декаданса и т. д.) не вѣрно, то падаетъ и теорія цѣнности и прибавочной стоимости. Законъ прибавочной стоимости есть только экономическое выраженіе соціальнаго и историческаго закона классовой борьбы: классовая борьба имѣетъ то дѣйствіе, что централизированный классъ капиталистовъ пролетаризируетъ массу. Абстрактный законъ прибавочной стоимости in concreto есть классовая борьба капитализма съ пролетаріатомъ, и эта борьба приводитъ къ массовой эксплуатаціи послѣдняго первымъ. Потому статистически-историческое доказательство факта, что средній классъ не исчезаетъ, равнозначительно опроверженію закона Маркса о классовой борьбѣ, и, стало быть, и его закона прибавочной стоимости [4]).

---

[1]) Полемика Шёнланка—Каутскаго въ Neue Zeit 1896. Бернштейнъ—Борьба соціалъ-демократіи и общественный переворотъ. Теорія катастрофъ и колоніальная политика (ibid. 1897; тамъ же нѣкоторыя другія полемическія статьи Бернштейна).

[2]) Шмидта—Конечная цѣль и движеніе (въ прибавленіи къ Vorwärts 1898) Кампфмейеръ—Полемика о теоріи и практикѣ соціальнаго вопроса (Socialist. Monatshefte 1898.

[3]) О содержаніи преній на Штутгартскомъ партейтагѣ я говорилъ въ Zeit 1898 г.: „Кризисъ марксизма". Противъ Бернштейна высказались и Куновъ (Neue Zeit 1898) и Плехановъ: „За что мы должны быть ему благодарны?—открытое письмо къ Каутскому" (Прибавленіе къ Саксонской Рабочей Газетѣ 1898).

[4]) Противъ моего положенія о связи прибавочной стоимости съ классовой борьбой соціалъ-демократы (Modracek) возражали, что первая не имѣетъ отношенія (по крайней мѣрѣ, прямого) съ классовой борьбой, что вытѣсненіе средняго класса болѣе сильными капиталистами объясняется конкурренціей, которая не есть классовая борьба и т. д. На эти возраженія я отвѣчалъ подробно въ Nase Doba 1899. Здѣсь будетъ достаточно слѣдующихъ замѣчаній:

Я не даромъ обратилъ вниманіе на неясность понятія Маркса о классовой борьбѣ (§ 45, 46); очень часто конкурренцію отождествляютъ съ классовой борьбой (ч. I ст. 369—конкурренція признается bellum omnium contra omnes и ей приписывается сохраненіе вида—стало быть, не только

83. При описаніи Марксомъ губительныхъ дѣйствій современнаго капитализма невольно вспоминаешь о нищетѣ и голодовкахъ въ Россіи и въ Индіи съ ихъ общинной собственностью. Во всякомъ случаѣ очевидно, что тамъ опустошительно дѣйствуетъ не одинъ только капитализмъ.

Для Маркса капитализмъ есть экономическая система эксплуататорская въ полномъ смыслѣ этого слова; капиталистъ—это эксплуататоръ, современный Фаустъ, колеблющійся между хищностью и жаждой наслажденій.

Я признаю, что часть осужденій капитализма Марксомъ вполнѣ справедлива—но только часть, потому что далеко не всѣ капиталисты похожи на такого матеріалиста-Фауста [1]).

индивида). Кромѣ того не только политическую борьбу признаютъ классовой, но и вообще все отношеніе обоихъ главныхъ классовъ другъ къ другу по мнѣнію Маркса есть постоянная, то болѣе, то менѣе открытая борьба. Что же такое классовая борьба, если экономическое эксплуатированіе не есть борьба (со стороны капиталистовъ)?

Въ виду этого мнѣ думается, что я поступилъ совершенно согласно съ ученіемъ Маркса, приводя при опредѣленіи историческаго матеріализма матеріализмъ экономическій въ непосредственную связь съ классовой борьбой; когда намъ говорятъ, что истинной движущей силой со времени появленія цивилизаціи были хищность и стремленіе къ власти, то это означаетъ, я полагаю, что масса людей угнетается и эксплуатируется меньшинствомъ. А эта эксплуатація состоитъ въ эксплуатированіи неоплаченнаго прибавочнаго труда, въ присвоеніи прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость есть экономическое обозначеніе соціально-политическаго господства и эксплуатаціи работающихъ не работающими; стало быть, прибавочная стоимость обозначаетъ именно противорѣчіе интересовъ, классовую борьбу.

[1]) Что касается термина „капитализмъ“, то Слонимскій указываетъ на Луи Блана (Организація труда IV, гл. I), отличавшаго капиталъ отъ капитализма: „кричите: да здравствуетъ капиталъ!—и мы будемъ аплодировать вамъ; но съ тѣмъ большей горячностью мы будемъ бороться противъ его открытаго врага, противъ капитализма“.

Марксисты обыкновенно различаютъ капиталъ трехъ родовъ: торговый, ростовщическій и промышленный (капитализмъ). О торговлѣ будетъ рѣчь дальше; отличіе ростовщическаго капитала отъ промышленнаго, отъ капитализма, для марксизма чисто словесное различіе, потому что для Маркса капитализмъ и въ особенности капиталистическій кредитъ есть ростовщичество. Ср. Каутскаго—Эрфуртская программа, 57.

Оффермань (Фиктивный капиталъ, какъ причина низкой заработной платы 1896) не отвергаетъ подобно Марксу всякій капиталъ, а только фиктивный, бумажный (акціи, государственныя ренты, облигаціи, заемныя письма); по моему мнѣнію онъ преувеличиваетъ, осуждая всѣ бумажныя цѣнности, но онъ совершенно основательно указываетъ на неблагопріятныя слѣдствія биржевой спекуляціи. Энгельсъ приготовлялся дополнить „Капиталъ“ Маркса анализомъ современной биржи и въ особенности сдѣлокъ на срокъ; въ письмѣ къ Бернштейну (1883 г.) онъ называетъ биржу „завершеніемъ капиталистическаго пріобрѣтенія, при которомъ собственность прямо переходитъ въ воровство“.

Трудно, конечно, сказать, много ли такихъ, такъ сказать, приличныхъ капиталистовъ; я полагаю, что ихъ больше, чѣмъ допускаетъ это Марксъ; но, повторяю, такихъ капиталистовъ, какихъ описываетъ Марксъ, много, гораздо больше, чѣмъ должно бы допускать общество. Это тѣ, которые буквально дѣлаютъ то, что говоритъ о нихъ Марксъ—это новые и самоновѣйшіе ростовщики, совершенно безпощадно и безнаказанно, даже подъ защитой законовъ, занимающіяся грабежомъ въ крупныхъ размѣрахъ.

У такого ростовщическаго капитализма имѣются свои норы на биржахъ и свои крѣпости въ формѣ различныхъ дивидентныхъ бумагъ; всеобщее стремленіе къ обогащенію, суевѣріе, постоянно вѣрящее въ экономическія чудеса, нежеланіе работать и хозяйничать—такова среда, въ которой постоянно нарождаются эти вампиры и піявки.

Спенсеръ, хотя онъ и противникъ соціализма, открыто признаетъ, что современная торговля не отступаетъ и предъ убійствомъ. И дѣйствительно, если мы хотимъ оставаться честными, мы должны будемъ признать, что значительная часть общаго капитала состоитъ изъ капитала ростовщическаго.

Человѣкъ, умѣющій критически отнестись къ организаціи современнаго общества, долженъ будетъ признать, что Марксъ не правъ по отношенію къ капиталистамъ уже потому одному, что онъ возстаетъ только противъ нихъ однихъ. Нѣтъ—дѣйствительно работающіе люди должны кормить не ихъ однихъ, а цѣлые легіоны всяческихъ паразитовъ, и не только въ различныхъ департаментахъ государственнаго управленія, но и въ войскѣ, и въ церкви, и на кафедрахъ, и въ редакціяхъ, и въ частныхъ предпріятіяхъ—однимъ словомъ, вездѣ.

Положительно не правъ Марксъ по отношенію къ капиталистамъ потому, что онъ видитъ въ нихъ не предпринимателей, дающихъ занятіе рабочимъ, что онъ не видитъ въ нихъ, если не рабочихъ, то все таки работающихъ. Марксъ обыкновенно говоритъ о капиталистахъ, какъ объ эксплуататорахъ, высасывающихъ прибавочную стоимость. Для него капиталистъ—это современный деспотъ. Такого взгляда Марксъ держался съ самаго начала, онъ высказываетъ его и въ третьей части «Капитала» [1]). Но во всякомъ случаѣ позднѣе онъ призналъ и хорошія стороны капитализма, въ особенности дѣя-

---

[1]) Уже въ „Святомъ семействѣ“ (169) Марксъ видитъ безчеловѣчіе современнаго общества въ денежной системѣ, см. напр. то, что онъ говоритъ тамъ о евреяхъ (см. § 120). Тотъ же взглядъ онъ защищаетъ и въ „Капиталѣ“; капиталистъ для него капиталистъ не потому, что онъ является руководителемъ промышленности; онъ руководитель промышленности потому, что онъ уже былъ и раньше капиталистомъ.

тельность предпринимателей, его благодѣтельное вліяніе на земледѣліе и его выгодную для общества производительность [1]).

Новая экономическая статистика во многихъ существенныхъ пунктахъ измѣняетъ картину современнаго экономическаго строя, нарисованную Марксомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ такія теоретическія и практическія задачи, которымъ оставался совершенно чуждъ Марксъ благодаря своему догматизму и примитивизму.

Такъ напр. теперь приходится болѣе старательно отдѣлять концентрированіе капитала отъ концентрированія производства—Марксъ ихъ смѣшиваетъ. Концентрированіе капитала въ немногихъ рукахъ не такъ быстро развивается, какъ полагалъ Марксъ. Противъ централизаціи собственности дѣйствуютъ могущественныя децентрализирующія силы,— я назвалъ бы ихъ экономической автономіей и федераціей мелкихъ, крупныхъ и крупнѣйшихъ капиталовъ. Марксъ видитъ въ крупной промышленности только одного капиталиста — деспота; въ дѣйствительности же крупная промышленность организована скорѣе олигархически или іерархически. Марксъ переноситъ свою антипатію противъ централистическаго политическаго деспотизма, съ прелестями котораго онъ познакомился въ Германіи до 1848 года, и на экономическую организацію. Но современное развитіе картелей и синдикатовъ не подтверждаетъ взглядовъ Маркса.

Вообще Марксъ и Энгельсъ считали капиталистическое развитіе законченнымъ; и однако несомнѣнно, что крупная промышленность можетъ развиваться и далѣе, и не только экстенсивно, но интенсивно. Точно также возможно развитіе совершенно новыхъ формъ мелкой промышленности, мелкой торговли и земледѣлія [2]). Эта ошибка Маркса тѣмъ болѣе важна, что онъ анализировалъ не всѣ формы капитала; онъ выдвигаетъ на первый планъ только основную форму, промышленный капиталъ, и къ нему примѣняетъ все то, что онъ наблюдалъ относительно банковаго капитала и другихъ болѣе сложныхъ формъ капитала.

Невѣрно анализируя и расцѣнивая капиталъ, онъ впадаетъ въ подобную же ошибку и относительно современнаго пролетаризированія труда: вѣдь для него капиталистъ и пролетарій два противорѣчія отрицанія отрицанія.

У насъ имѣются многочисленные отчеты о положеніи рабочихъ и пролетаріатовъ. Все то, что намъ извѣстно о нищетѣ въ лондонскомъ East End, о голодовкахъ въ Россіи, все то, что мы знаемъ о безработныхъ всѣхъ странъ и все то, что указываетъ намъ статистика несчастныхъ случаевъ въ различныхъ профессіяхъ, гигіеническая и медицинская статистика смертности и заболѣваемости рабочихъ классовъ сравнительно съ смертностью и заболѣваемостью зажиточныхъ и богатыхъ,— все это представляетъ столь печальную картину, что не требуется никакой гегелевской діалектики, чтобы сочувствовать великой и ужасной нищетѣ народныхъ массъ. Если къ этому присоединить и показанія такъ называемой моральной статистистики о томъ, что экономическая нищета соединяется съ нравственной, то картина «промышленной патологіи» будетъ достаточно мрачной [1]).

Я не хотѣлъ бы ни единымъ словомъ поддерживать мнѣніе, будто бы экономическое и соціальное положеніе современнаго общества не представляетъ ничего особенно серьезнаго — мнѣ думается, что я достаточно знакомъ съ его бѣдствіями, и однако, я не признаю объясненій Маркса.

Если мы будемъ искать причины всѣхъ золъ, то увидимъ, что совершенно невѣрно, будто единственная и главнѣйшая причина ихъ есть капитализмъ.

Капитализмъ, несомнѣнно, есть одна изъ причинъ нищеты и онъ виновенъ въ ней, поскольку онъ составляетъ болѣе или менѣе сознательную причину эксплуатаціи. Но съ другой стороны я утверждаю, что выводить все зло изъ капитализма, какъ это дѣлаетъ Марксъ, односторонность и преувеличеніе. Слабость, недостатки, пороки и гнусности человѣческаго разума и человѣческаго сердца не могутъ происходить отъ хищности и жажды наслажденія такого незначительнаго меньшинства, какъ капиталисты. Марксъ совершенно невѣрно опредѣляетъ свою историческую движущую силу движущей силы.

Онъ столь же невѣрно опредѣляетъ и смыслъ жизни и исторіи. Этотъ недостатокъ объясняется его матеріализмомъ, его оцѣнкой жизни экономическимъ масштабомъ, несовершенной, примитивной психологіей, видящей всѣ несовершенства людей и міра въ одномъ или двухъ основныхъ стремленіяхъ. Создайте новое распредѣленіе имуществъ и земля превратится въ рай! Марксъ не понимаетъ дѣйствительнаго развитія, постепеннаге усовершенствованія — для него

---

[1]) См. ч. III, 156. Я говорилъ уже, что въ четвертомъ изданіи I-й части умственная работа капиталиста признается болѣе, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ.

[2]) Относительно крупной и мелкой промышленности обращаетъ вниманіе на различныя возможности Синцгеймеръ въ его этюдѣ: О предѣлахъ дальнѣйшаго развитія фабричной крупной промышленности въ Германіи 1893 г.

[1]) Это выраженіе принадлежитъ Марксу (1,377). Литература вопроса слишкомъ обширна, чтобы приводить ее здѣсь. Указанія у Геркнера.— Рабочій вопросъ и у Маршаля—Основы экономики.

Но кромѣ статистической литературы не слѣдуетъ пренебрегать и изящной — таковы описанія различныхъ общественныхъ классовъ и слоевъ у Достоевскаго, Рѣшетникова, Короленко, Дикенса, Гонкура и друг.

весь смыслъ жизни и міра заключается въ дуализмѣ, въ противорѣчіи, одинъ членъ котораго создается другимъ. Это совершенно неорганическое соединеніе пессимизма и оптимизма, непризнаніе многосторонности человѣческой природы и ея естественныхъ слабостей.

Я утверждаю, что экономическія бѣдствія вытекаютъ не изъ злыхъ намѣреній и не изъ дурныхъ наклонностей капиталистовъ, а изъ общихъ нравственныхъ недостатковъ и изъ слабостей ума человѣка.

Что касается дѣйствительнаго положенія рабочихъ, то оно совсѣмъ не таково, какимъ оно должно бы быть по теоріи Маркса. По мнѣнію Маркса и Энгельса все общество уже въ настоящее время должно бы было быть пролетаризированнымъ, и прибавочная стоимость, создаваемая пролетаріатомъ, должна бы скопиться въ немногихъ рукахъ. Дѣло фактически обстоитъ не такъ. И въ особенности нищета рабочихъ далеко не такова, какъ предполагаетъ Марксъ.

Самъ Марксъ признаетъ, что государство можетъ улучшить положеніе рабочихъ фабричнымъ законодательствомъ — стало быть, описываемое имъ вырожденіе есть явленіе несуществующее. Позже Марксъ оставилъ свою теорію кризисовъ, хотя опредѣленно этого и не высказываетъ [1]).

Энгельсъ тоже признаетъ въ введеніи къ второму изданію (1892) своей работы о положеніи рабочихъ въ Англіи, что положеніе рабочихъ и трэдъюніонистовъ улучшилось. Это, конечно, не значитъ, чтобы Энгельсъ не продолжалъ думать, что капитализмъ находится при послѣднемъ издыханіи—но уже и это представляетъ значительную уступку съ его стороны; точно также Энгельсъ признаетъ, что Марксъ въ третьемъ томѣ «Капитала» оставилъ свою теорію, на основаніи которой кризисы повторяются чрезъ каждыя десять лѣтъ—но при этомъ онъ ожидаетъ, однако, крупнаго и, можетъ быть, окончательнаго кризиса [2]).

Еще рѣшительнѣе признали невѣрность теоріи катастрофъ Маркса и его мнѣнія о вліяніи катастрофъ на положеніе рабочихъ марксисты Бернштейнъ, Шмидтъ и др. Признанные авторитеты и безпристрастно изучившіе этотъ вопросъ ученые, вродѣ Роджерса, опровергаютъ Маркса [3]).

---

[1]) Правда, что и въ третьей части (27) онъ говоритъ, что кризисы повторяются правильно, но въ другомъ мѣстѣ (396) онъ признаетъ, что они менѣе сильны.

[2]) См. примѣчаніе Энгельса 27 ст. 3 части. Уже въ предисловіи къ сочиненію Маркса противъ Прудона Энгельсъ оставляетъ теорію кризисовъ. Онъ говоритъ, что торговая монополія Англіи разрушена Франціей, Германіей и главнымъ образомъ Америкой и что міровой рынокъ пришолъ въ равновѣсіе; онъ ожидаетъ, какъ нормальнаго положенія современной промышленности, хроническаго застоя съ небольшими колебаніями.

[3]) Роджерсъ—Six Centuries of Work and Wages. History of Englisch Labour.

Веббъ, самъ соціалистъ, хотя и не марксистъ, говоритъ о положеніи англійскихъ рабочихъ въ теченіи послѣдующихъ шестидесяти лѣтъ слѣдующее [1]):

Съ 1837 года общее положеніе улучшилось. Въ большинствѣ отраслей промышленности и почти повсемѣстно рабочій получаетъ относительно высокую заработную плату (она увеличилась въ среднемъ на 50—100 процентовъ) и можетъ купить болѣе товаровъ, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Рабочій день значительно сократился, отношенія лучше, образъ жизни выше. У городскаго и земледѣльческаго рабочаго жилища теперь лучше, онъ болѣе здоровъ, можетъ образовать себя и учится гораздо болѣе. Народная масса гораздо цивилизованнѣе, чѣмъ прежде. Такой прогрессъ замѣчается во всемъ, но въ особенности онъ замѣтенъ въ положеніи искусныхъ рабочихъ; появились цѣлые новые классы отвѣтственныхъ рабочихъ и машинистовъ, получающихъ хорошую плату. И тѣмъ не менѣе громадная масса людей находится въ страшной нищетѣ; Веббъ думаетъ, что число такихъ безнадежныхъ существованій больше, чѣмъ было раньше; но само по себѣ это число все-таки невелико.

Такимъ образомъ, совсѣмъ не прогрессивное и роковое вырожденіе, а простое колебаніе; и вообще имѣются всѣ основанія для убѣжденія, что въ теченіи настоящаго столѣтія замѣчается въ цѣломъ экономическій прогрессъ, благодѣтельный и для рабочій массы. Я могу, впрочемъ, въ этомъ отношеніи сослаться и на самого Энгельса [2]).

Противъ теоріи вырожденія говоритъ также, по моему мнѣнію, и общее настроеніе самихъ рабочихъ, самого пролетаріата и это настроеніе поддерживается непосредственнымъ знакомствомъ съ экономическими отношеніями. Противъ Маркса и Энгельса говорятъ сами Марксъ и Энгельсъ. Я думаю такъ: специфически соціалистическое настроеніе, поскольку можно опредѣлить его на основаніи всего тео-

---

1884. Извлеченіе самого автора: Eight Chapters of Work and Wages 1895. По словамъ Роджерса въ Англіи рабочимъ жилось хорошо въ теченіи трехъ вѣковъ до средины XVI вѣка, потомъ до средины XVIII вѣка было плохо, всего хуже жилось имъ въ царствованіе Карла I и во время его войны съ парламентомъ. Далѣе произошло улучшеніе до средины XVIII вѣка, но все же рабочимъ было хуже, чѣмъ въ старину. Со второй половины XVIII вѣка положеніе ихъ опять ухудшилось вслѣдствіе войны съ Франціей и только позже положеніе рабочихъ постепенно улучшается. Лондонскіе рабочіе теперь живутъ лучше, чѣмъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, чѣмъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

[1]) С. Веббъ—Рабочіе Англіи въ 1837 и 1897 годахъ. Новая статистика тоже доказываетъ, что развитіе промышленности было полезно для рабочихъ, заработная плата возрастаетъ съ величиной предпріятія.

[2]) Энгельсъ („Фейербахъ 28) раздѣляетъ убѣжденіе, что „человѣчество, покрайней мѣрѣ въ цѣломъ, движется въ направленіи прогрессивномъ“.

ретическаго и практическаго движенія, несоотвѣтствуетъ тому упадку душевныхъ и тѣлесныхъ качествъ, который принимаетъ, какъ предпосылку, Марксъ въ первой части «Капитала». Въ рабочемъ классѣ замѣчается духъ энергическаго протеста и бодрая надежда и вѣра въ будущее—сравните это настроеніе съ литературными проявленіями современнаго декаданса и вы увидите, какъ велико различіе. Это, конечно, не значитъ, чтобы не было элементовъ упадка какъ среди рабочихъ, такъ и въ средѣ среднихъ классовъ [1]).

84. Теорія Маркса не согласуется и съ данными статистики населенія. На основаніи приводимыхъ Веббомъ данныхъ резервная рабочая армія Маркса и ея вырождающее вліяніе на рабочихъ не существуетъ. Утвержденіе Маркса, будто человѣчество благодаря капитализму разлагается и что земной шаръ въ концѣ концевъ безнадежно опустѣетъ, лишено всякихъ фактическихъ основаній.

Именно Англія, изъ которой Марксъ почерпнулъ свои взгляды на вліяніе капитализма, представляетъ примѣръ страны, населеніе которой въ теченіе этого столѣтія увеличилось почти въ три раза; точно также развитіе крупной промышленности въ Богеміи не задержало роста населенія. Тоже можно сказать и о Соединенныхъ Штатахъ, о Германіи и т. д. Наоборотъ, Франція представляетъ примѣръ пріостановки роста населенія. Высокоразвитый капитализмъ Англіи не воспрепятствовалъ сильному росту ея населенія (несмотря на громадныя выселенія изъ Ирландіи), во Франціи, наоборотъ, столь же развитый капитализмъ соединяется съ пріостановкой роста населенія или съ очень незначительнымъ его увеличеніемъ.

Уже эти два примѣра требуютъ пересмотра положеній Маркса относительно роста населенія.

Мальтусъ полагалъ, что населеніе увеличивается быстрѣе, чѣмъ средства существованія, и что поэтому не слѣдуетъ производить на свѣтъ такъ много дѣтей, а иначе голодъ и порокъ возстановятъ равновѣсіе и уничтожатъ результаты слишкомъ быстраго роста населенія. По мнѣнію Мальтуса голода и пороковъ невозможно устранить никакими государственными или экономическими мѣропріятіями, они устраняются только нравственнымъ воздержаніемъ.

---

[1]) Вопросъ о положеніи рабочихъ имѣетъ основное значеніе для понятія Маркса о концентрированіи: одно только концентрированіе капиталовъ лишь на половину соотвѣтствуетъ понятію Маркса; концентрированію и накопленію капиталовъ должно соотвѣтствовать столь же сильное пролетаризированіе и вырожденіе рабочихъ. Концентрированіе и накопленіе, благопріятное и для рабочихъ, не будетъ соотвѣтствовать понятію Маркса. Часто забываютъ—хотя это и вполнѣ ясно—что исчезновеніе средняго класса само по себѣ еще не представляетъ бѣдствія и что, наоборотъ, существованіе этого класса не представляетъ необходимаго блага для общества; вопросъ тутъ сводится къ тому, будетъ ли средній классъ лучше или хуже рабочаго класса.

Со временъ Мальтуса объ этомъ вопросѣ написано много; но по моему мнѣнію, онъ не особенно много подвинулся къ своему разрѣшенію. Для болѣе точной теоріи населенія у насъ нѣтъ не только фактовъ, но и объясняющей ихъ теоріи. Статистическія данныя Мальтуса и основанные на нихъ его расчеты тоже невѣрны; но основная его мысль, думается мнѣ, вѣрна [1]).

Марксъ очень рѣзко отзывается о Мальтусѣ. По мнѣнію Маркса, перенаселеніе не абсолютно, а относительно—капитализмъ создаетъ резервную армію безработныхъ. Не говоря уже о томъ, что такой резервной арміи, какъ сказано, не существуетъ, не понятно озлобленіе Маркса противъ Мальтуса. По крайней мѣрѣ непонятно, чѣмъ Мальтусъ могъ помѣшать соціализму. Противъ Мальтуса, правда, высказались многіе изъ соціалистовъ (кромѣ Маркса и Энгельса Прудонъ и др. [2]), но есть соціалисты, которые признаютъ, что Мальтусъ отчасти правъ. Напр. Каутскій защищаетъ неомальтузіанство: онъ признаетъ, что измѣненіе общественнаго строя можетъ уничтожить нищету (и матеріальную и моральную), но возвратъ къ ней можетъ быть предупрежденъ только неомальтузіанствомъ (т. е. механическимъ устраненіемъ зачатій).

Марксъ прежде всего возстаетъ противъ требованія воздержанія, выставленнаго Мальтусомъ. Онъ совершенно правъ, утверждая, что защитники существующаго экономическаго строя пользуются ученіемъ Мальтуса для своихъ экономическихъ цѣлей и противъ рабочихъ. Понятно недовольство (даже ярость) Маркса Мальтусомъ, который къ его несчастію былъ къ тому же священникомъ и уже потому объектомъ раздраженія для Маркса. Признаюсь, что этотъ честный гнѣвъ Маркса мнѣ гораздо милѣе, чѣмъ кротость неомальтузіанства—даже когда оно проповѣдуется такими людьми, какъ Милль.

Марксъ понялъ, что теорія Мальтуса противорѣчитъ его историческому матеріализму. По мнѣнію Маркса, экономическія отношенія регулируютъ развитіе общества независимо отъ человѣческой воли—

---

[1]) О законѣ населенія см. Handwörterbuch der. Staatswiss и въ Handbuch Шёнберга. А кромѣ того Вагнеръ—Grundlegung, Маршаля—Principles of Economics, Филлиповичъ—Grundriss.

Ср. Дюмонъ—Depopulation et civilisation. 1890. Лапужъ—Les Selections sociales 1896. Гайкрафтъ — Natürliche Auslese and Rassenverbesserung. 1895. Маллокъ — Aristocracy and Evolution 1898. Плетцъ — Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. 1895. Аммонъ—Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. 1896.

Изъ марксистовъ: Каутскій—Вліяніе увеличенія населенія на общественный прогрессъ 1880. Шиппель—Современная нищета и перенаселеніе 1889. Бебеля—женщина и соціализмъ 1895. Вышеупомянутая книга Вольтмана.

[2]) См. Сетбееръ (Soetbeer)—Отношеніе соціалистовъ къ ученію Мальтуса.

Мальтусъ, наоборотъ, предлагаетъ теорію, на основаніи которой люди сами могутъ регулировать свои отношенія. Марксъ отвергаетъ этику и не желаетъ допустить вліянія какой либо этической силы на развитіе населенія—Мальтусъ цѣнитъ прежде всего именно вліяніе этической силы (воздержанія) и, наоборотъ, не обращаетъ особаго вниманія на вліянія политическія и экономическія.

Какъ извѣстно, Дарвинъ воспринялъ законъ Мальтуса и обобщилъ его въ законъ борьбы за существованіе. Марксъ и Энгельсъ принимаютъ дарвинизмъ. Энгельсъ признаетъ естественный приростъ населенія движущей исторической силой и включаетъ эту силу въ свою теорію историческаго матеріализма—но Марксъ упорно старается ослабить значеніе конкуренціи (спроса и предложенія), которая по теоріи Мальтуса и Дарвина есть всеобщій законъ. «Абстрактный законъ населенія существуетъ только для растеній и животныхъ, поскольку не вмѣшивается человѣкъ» (1.656); перенаселеніе объясняется не вѣчными естественными законами, а только «историческимъ естественнымъ закономъ» капиталистическаго производства (1.549).

Такая аргументація тѣмъ болѣе любопытна, что самъ Марксъ считаетъ историческій экономическій процессъ естественнымъ (см. §§ 19). Стало быть, вмѣшательство человѣка въ естественный процессъ будетъ историческимъ, неестественнымъ. Или тутъ Марксъ ради своего негодованія противъ Мальтуса отказывается отъ матеріализма? Какъ велико различіе между человѣкомъ и животнымъ? Развѣ Энгельсъ не написалъ статьи, въ которой доказываетъ развитіе человѣка изъ обезьяны? [1]).

Самъ Дарвинъ могъ дѣлать такое различеніе въ сферѣ духовной; тоже могли дѣлать и всѣ эволюціонисты, до Гекели и Спенсера включительно, такъ какъ они признавали въ человѣкѣ кромѣ силъ зоологическихъ и физіологическихъ и силы этическія; для такихъ же эволюціонистовъ, какъ Марксъ и Энгельсъ, которые не признаютъ этическихъ силъ, человѣкъ есть существо чисто зоологическое; для Маркса законы историческіе суть законы природы. У природы есть тоже своя исторія — дѣло тутъ идетъ не просто о противорѣчіи между природой и исторіей, а о противорѣчіи или различіи между природой и этикой. Я говорю: а о противорѣчіи «или» различіи; возможно вмѣстѣ съ Гекели усматривать абсолютное противорѣчіе между природой и этикой или вмѣстѣ съ Спенсеромъ признавать гармонію природы и этики — но во всякомъ случаѣ намъ приходится рѣшать вопросъ за или противъ этики, т. е. рѣшать вопросъ о томъ, пред-

[1]) Энгельсъ говоритъ объ отношеніи ученій Дарвина и Мальтуса (Анти-Дюрингъ 59): идея борьбы за существованіе исходила не отъ Мальтуса, Дарвинъ самое большее только обобщилъ идею Мальтуса. Очевидно, что и для Энгельса соединеніе мальтузіанства и дарвинизма было непріятно.

ставляетъ ли этика нѣчто самостоятельное и положительное или нѣтъ, и должны ли и могутъ ли считаться съ ней зоологъ и историкъ, занимающіеся человѣкомъ.

Основанія ученія Маркса оказываются совершенно непригодными при обсужденіи всѣхъ этихъ основныхъ вопросовъ. Этимъ объясняются и всѣ колебанія и противорѣчія; въ первой части Капитала (да и раньше, въ другихъ сочиненіяхъ) Марксъ весьма рѣзко высказывается противъ Мальтуса; въ третьей части принципъ конкуренціи, т. е. ученіе Дарвина и Маркса, уже признается. Да и этого еще мало: въ этой части Марксъ прямо возвращается къ закону населенія Мальтуса [1]).

Очевидно, что у Маркса не было никакой положительной теоріи населенія. Это видно также и изъ его отношенія къ теоріи населенія Лассаля, къ такъ называемому желѣзному закону заработной платы, признаваемому въ Готской программѣ [2]).

Соціалисты обыкновенно утверждаютъ, будто Марксъ опровергъ этотъ законъ.

Если внимательно прочитать критику Маркса, то убѣждаешься, что Марксъ, собственно говоря, опровергаетъ только обоснованіе этого закона, поскольку это обоснованіе мальтузіанское. Если законъ Мальтуса вѣренъ, то онъ долженъ существовать и въ соціалистическомъ обществѣ, гдѣ заработная плата уничтожена. Это, конечно, не годится для Маркса, такъ какъ онъ закону населенія приписываетъ значеніе только историческое, экономическое. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ третьей части, онъ въ концѣ концовъ все таки признаетъ законъ Мальтуса и Дарвина [3]).

Я по существу согласенъ съ Мальтусомъ. Я считаю вопросъ о народо-

[1]) Ср. 1. 663 съ 111. 199. Въ первой части говорится противъ Мальтуса; „прекрасное это основаніе для защиты капиталистическаго производства! Раньше, чѣмъ вслѣдствіе возвышенія заработной платы наступитъ положительное увеличеніе дѣйствительно работоспособнаго населенія, пройдетъ уже срокъ, въ который ведется промышленный походъ, битва будетъ дана и уже рѣшена“. Въ третьей же части говорится: „при посредствѣ увеличенія заработной платы, смягченія вліяній, уничтожающихъ приростъ рабочихъ и облегченія браковъ, рабочее населеніе постепенно будетъ увеличиваться“.

[2]) Критика Готской программы Марксомъ (1875) въ Neue Zeit. 1890.

[3]) Неудивительно, что нѣкоторые марксисты пытались защищать лассалевскій законъ заработной платы. Бернштейнъ (№ 7. 1890 г.—Къ вопросу о желѣзномъ законѣ заработной платы) признаетъ этотъ законъ примѣнимымъ къ эпохѣ мануфактуръ, для настоящаго времени онъ „по меньшей мѣрѣ отжилъ“. Желѣзный его характеръ состоитъ не въ маломъ уровнѣ заработной платы, а въ необезпеченности жизни пролетарія.

Шмидтъ (Socialistische Monatshefte. Май 1898) высказывается за положенія Готской программы: Лассаль боролся при посредствѣ своего закона противъ капиталистическаго производства.

населеніи не только физіологическимъ и зоологическимъ, но и этическимъ — само собой разумѣется, что этическія предписанія и предписанія разума должны примѣняться не къ однимъ только рабочимъ и бѣднымъ, а и къ богатымъ и къ неработающимъ. Если и вѣрно, что многіе рабочіе вступаютъ въ бракъ въ такомъ возрастѣ, когда они еще не созрѣли, то этотъ же аргументъ примѣняется и къ незрѣлымъ богачамъ; но я думаю, что юнымъ пролетаріямъ не приходится ссылаться на золотую молодежь буржуазіи [1]). Я указываю во всякомъ случаѣ только на то, что современныя государства и общества должны судить о вопросѣ о населеніи съ точки зрѣнія, противорѣчащей рѣзкому отзыву Маркса о Мальтусѣ.

85. Эмпирическое изслѣдованіе и фактическое опредѣленіе положенія рабочихъ и оцѣнка значенія капитализма и вообще современной экономической организаціи доказываютъ, что теорія Маркса о классахъ и ихъ борьбѣ невѣрна. Двухъ враждебныхъ главныхъ классовъ, какъ опредѣляетъ ихъ Марксъ, не существуетъ, не существуетъ и такой классовой борьбы, какой требуетъ теорія Маркса.

Самъ Марксъ въ связи съ измѣненіями, сдѣланными имъ въ его третьей части, отказывается отъ своей соціальной и экономической классовой теоріи. Я имѣю въ виду важное прибавленіе къ четвертому изданію первой части, гдѣ кратко излагается сущность капиталистическаго производства и накопленія. Марксъ, говоря о томъ, что рабочіе получаютъ отъ капиталиста за свою рабочую силу «справедливую» (gerechl — собственно, условную) плату и что капиталистъ эксплуатируетъ трудъ рабочаго, пишетъ далѣе буквально слѣдующее:

«Во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ представится совсѣмъ инымъ, если мы будемъ разсматривать капиталистическое производство въ его непрерывномъ обновленіи, если вмѣсто отдѣльнаго капиталиста и отдѣльнаго рабочаго будетъ разсматривать общество, какъ цѣлое: классъ капиталистовъ и противъ него классъ рабочихъ. Но тогда мы употребляли бы масштабъ, совершенно чуждый товарному производству.

Въ товарномъ производствѣ стоятъ другъ противъ друга независимые продавецъ и покупатель. Ихъ взаимныя отношенія прекращаются съ окончаніемъ срока заключеннаго между ними договора. При возобновленіи дѣла появляется и новый договоръ, не имѣющій ничего общаго съ предыдущимъ и при немъ только случай снова сводитъ того же покупателя съ тѣмъ же продавцомъ.

---

[1]) Противники соціализма приводятъ статистическія данныя, доказывающія, что въ среднихъ классахъ браки заключаются позднѣе, чѣмъ въ сферѣ рабочихъ. Но развѣ это доказываетъ, что такое буржуазное „воздержаніе“ выгоднѣе для общества, чѣмъ недостатокъ воздержанія у рабочихъ?

Стало быть, если судить о товарномъ производствѣ и объ относящемся къ нему процессѣ на основаніи ихъ собственныхъ экономическихъ законовъ, то мы должны разсматривать каждый актъ обмѣна отдѣльно, безъ связи съ предшествующимъ ему и слѣдующимъ за нимъ актами обмѣна. А такъ какъ купля—продажа совершается только между отдѣльными лицами, то и недопустимо искать въ ней отношеній между цѣлыми общественными классами».

Это мѣсто замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь насъ интересуетъ допускаемое Марксомъ атомизированіе и индивидуализированіе процесса обмѣна между капиталистами и рабочими. Не говоря уже о томъ, что такое атомизированіе во всякомъ случаѣ преувеличено, важно только признаніе, что въ капиталистическомъ товарномъ производствѣ стоятъ другъ противъ друга не классы, не классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ, а простые индивиды.

Въ третьей части попадаютъ снова въ милость Мальтусъ и Дарвинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ классовая борьба превращается въ личную, и вообще классы распадаются на личности.

86. Загадочное отношеніе первой и третьей части отражается и въ взглядахъ Маркса на торговлю.

Марксъ пытается доказать, что обмѣнъ не создаетъ цѣнности — для него всякая торговля, есть, говоря словами Франклина, хищеніе. Рикардо доказываетъ, что рента не увеличиваетъ народнаго богатства, а Марксъ доказываетъ, что владѣніе не увеличивается обмѣномъ, торговлей. Посредствомъ торговли люди только обмѣниваются тѣмъ, что они уже имѣютъ, своими имуществами; торговля есть простая передача вещей изъ однѣхъ рукъ въ другія — и только. Что имѣетъ А, теперь имѣетъ В, и что имѣлъ В, теперь имѣетъ А, а цѣнность остается той же, если разсматривать А+В. т. е. все общество, какъ цѣлое. Предположите, что А выигрываетъ, заставляя В дать ему относительно большее — тогда онъ имѣетъ больше ровно настолько, насколько В имѣетъ меньше, но сумма А+В опять таки остается той же. Цѣнность не появляется оттого, что товары продаются людямъ, которые просто покупаютъ и потребляютъ — эти потребители просто возвращаютъ часть полученныхъ ими раньше денегъ. — Однимъ словомъ, торговля не создаетъ цѣнности.

А между тѣмъ именно торговля играетъ важную роль въ теоріи Маркса.

Дѣло въ томъ, что капиталистъ получаетъ прибавочную стоимость посредствомъ производства; но это только первый актъ капиталистическаго производства, за первымъ актомъ долженъ послѣдовать второй; товары должны исполнять свой salto mortale, быть проданы; «выжатая» изъ труда прибавочная стоимость должна быть реализирована и это можетъ произойти только въ процессѣ обращенія.

Это оригинальное дополненіе теоріи прибавочной стоимости и вмѣстѣ съ тѣмъ новое доказательство того, насколько иллюзорна прибавочная стоимость Маркса; на какомъ основаніи Марксъ можетъ утверждать, что прибавочная стоимость «выжимается» уже въ первомъ актѣ, если она реализируется только во второмъ? И что же выйдетъ, если товаръ не совершитъ своего salto mortale или совершитъ его неудачно? У Маркса капиталистическій процессъ производства есть трагедія, въ которой катастрофа происходитъ сразу, въ первомъ актѣ, а чтобы зрителямъ не было очень скучно, катастрофа повторяется еще разъ, во второмъ актѣ. Прозаическое объясненіе къ такой художественной картинѣ будетъ такое:

Марксъ въ первой части предполагаетъ, что прибавочная стоимость будетъ реализирована [1]). На основаніи такого предположенія мы ожидаемъ во второй и третьей частяхъ объясненія, какимъ образомъ происходитъ обѣщанная въ первой части реализація цѣнности и прибавочной стоимости [2]). Вторая часть трактуетъ главнымъ образомъ о процессѣ обращенія капитала, но мы напрасно будемъ искать тамъ желательнаго объясненія. Марксъ снова предполагаетъ реализацію—и замѣтьте, реализацію нормальную.

Такое, конечно, ничѣмъ неоправдываемое предположеніе Маркса можно объяснить только его презрѣніемъ къ торговлѣ. Марксъ видитъ и въ торговлѣ самъ по себѣ понятный привѣсокъ капитализма; и если онъ мало цѣнитъ трудъ капиталиста, то еще меньше онъ склоненъ цѣнить трудъ торговца. Правда, Марксъ заявляетъ, что современный капитализмъ ведетъ свое происхожденіе отъ лавки, а не отъ мастерской, но ни купецъ, ни капиталистъ не работаютъ; работаютъ только рабочіе, пролетаріи, а купецъ и капиталистъ только эксплуататоры, воры.

Презрѣніе Маркса къ торговлѣ можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что ему пришлось видѣть не мало мошенничества въ торговлѣ. То, что онъ говоритъ объ евреяхъ, онъ обобщаетъ и примѣняетъ ко

[1]) Марксъ это говоритъ ясно на 537 ст. 1 части. Повторяю вопросъ, заданный въ текстѣ: что произойдетъ, если реализація не воспослѣдуетъ, если у капиталиста останутся и цѣнность и прибавочная стоимость, или если ему придется продать невыгодно, съ большимъ убыткомъ? Вѣдь нереализированныя цѣнность и прибавочная стоимость уже не есть цѣнность. Самъ Марксъ, правда, только попутно и уже въ третьей части, говоритъ: „прибавочный трудъ не вполнѣ реализируется уже потому, что при постоянномъ крупномъ измѣненіи труда, общественно необходимаго для производства товара—измѣненіи, происходящемъ отъ постояннаго измѣненія производительной силы труда—часть товаровъ всегда производится при ненормальныхъ условіяхъ и потому должна продаваться ниже ихъ индивидуальной цѣнности".

[2]) Въ четвертомъ изданіи первой части (§ 27) прямо обѣщано, что во второй части будетъ данъ анализъ нормальнаго процесса обращенія капитала.

всяческой торговлѣ [1]). Есть солидная торговля, есть и не солидная; можно различать также и различные національные и культурные типы торговли. Такъ напр. у насъ, въ Богеміи, да и въ Австріи вообще, торговля, такая, какой ее описываетъ Игнатъ Германъ, очень мелкое, ничтожное, эксплуататорское лавочничество, безъ предпріимчивости и энергіи, съ стараніемъ обогатиться сразу безъ труда. Еще ниже на одну ступень русское «темное царство», ростовщичество на широкую ногу, полнѣйшій фетишизмъ золота, при которомъ суевѣріе соединяется съ безсмысленнымъ обрядовымъ благочестіемъ, которое не стыдится и не боится, осѣняя себя знаменіемъ креста, продавать ближнихъ (укажу на знаменитаго критика Добролюбова и его статьи о комедіяхъ Островскаго). Нѣмецкая торговля (см. Фрейтага) солиднѣе, купцы предпріимчивѣе, образованнѣе и прогрессивнѣе; но выше всѣхъ типъ англійскаго купца—энергичнаго, трудолюбиваго, предпріимчиваго и разсчетливаго; это купецъ душой и тѣломъ; если онъ не солиденъ, то все же онъ дѣйствуетъ открыто, мелкія плутни ему претятъ, онъ предпринимаетъ свои набѣги на карманы согражданъ открыто, на манеръ старыхъ викинговъ. У насъ всякій играетъ роль идеалиста, какъ будто мы стыдимся денегъ и живемъ только хлѣбомъ и водой, хотя думаемъ то мы только о деньгахъ; у насъ люди романтики—они мечтаютъ о дворцахъ, и довольствуются ничтожными подачками на водку. Англичане и американцы не фантазируютъ; они работаютъ и не стыдятся своей работы—у насъ работа все еще считается стыдомъ.

У насъ также, какъ и въ Англіи и въ Америкѣ, каждый хочетъ разбогатѣть, если это удастся, то нашъ набобъ сидитъ на своемъ мѣшкѣ съ золотомъ. Англичане и Американцы пользуются своими деньгами болѣе великодушнымъ образомъ, что доказывается основаніемъ ими многочисленныхъ университетовъ и т. д. А у насъ, ужъ если кто пожертвуетъ два гульдена, такъ онъ требуетъ, чтобы газетчики соорудили ему алтарь и подкуривали ему—и дѣйствительно добиваются этого.

Марксъ въ своемъ отвращеніи къ торговлѣ невольно впадаетъ въ тонъ устарѣвшей германской идеологіи, идеаломъ которой былъ наивный профессоръ, жившій книжной пылью и отъ своей учености и идеальности не узнававшій даже своихъ собственныхъ дѣтей. Марксъ непонималъ, что современная торговля представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ часть современной предпріимчивости и современнаго трудолюбія. Марксъ не анализируетъ торговлю также, какъ онъ не анализировалъ и капитализма; такъ какъ онъ не понялъ связи между торговлей и про-

[1]) На нѣкоторыя любопытныя противорѣчія между ученіемъ Маркса о цѣнности и торговлей обращаетъ вниманіе русскій экономистъ Бунге—Очерки экономической литературы 1898.

мышленностью, то онъ и не замѣтилъ, что современный купецъ есть не только продавецъ, а и предприниматель и часто руководитель фабрикантовъ. У насъ напр. ничтожество торговли связано съ ничтожествомъ промышленности и vice versa [1]).

Марксъ не призналъ, наконецъ, и того что теперь не только торговля, но и другія профессіи (напр. адвокатура, политическія и административныя занятія и т. д.) становятся болѣе дѣловыми—именно экономическій матеріалистъ долженъ бы понять, что современная дѣловитость и хозяйственность во всѣхъ сферахъ общественной жизни указываетъ на наступленіе новой эры и во многомъ подготовляетъ ее и является ея началомъ.

87. Односторонняя теорія цѣнности помѣшала Марксу и при анализѣ сельскаго хозяйства. «Капиталъ» занимается изслѣдованіемъ только промышленнаго капитала. Въ первой части (за исключеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ указаній) очень мало говорится о земледѣліи, оно анализируется только въ третьей части, но и тутъ анализъ ограничивается капиталистическимъ земледѣліемъ (ученіе о рентѣ).

По мнѣнію Маркса, промышленность производитъ рѣшительный переворотъ именно въ земледѣліи; крестьянинъ будетъ уничтоженъ ею, земля и ея работники эксплуатированы. Всѣ вредныя слѣдствія капитализма, наблюдаемыя нами въ промышленныхъ городахъ, распространяются и на деревню; съ одной стороны поземельная собственность сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, а съ другой крестьянинъ, арендаторъ и земледѣльческій рабочій пролетаризируются.

По мнѣнію Маркса крупный землевладѣлецъ, обладающій монополіей на землю, есть въ нѣкоторомъ родѣ настоящая капиталистическая піявка, даже піявка изъ піявокъ; промышленникъ капиталистъ извлекаетъ прибавочную стоимость изъ рабочихъ, а крупный землевладѣлецъ извлекаетъ извлеченную прибавочную стоимость изъ капиталистовъ и потому его монополія направлена не только противъ пролетаріевъ, но и противъ капиталистовъ.

Но развитіе земледѣлія настолько же противорѣчитъ ученію Маркса, какъ и развитіе промышленности. Статистика доказываетъ, что мелкое крестьянство не уменьшается количественно, какъ этого требуетъ теорія Маркса. Мелкій крестьянинъ не исчезаетъ, онъ сохранился и даже кое гдѣ число крестьянъ увеличивается. Въ особенности это можно сказать объ Англіи, которую, говоря о земледѣліи, Марксъ имѣетъ почти исключительно въ виду—даже болѣе исключительно, чѣмъ это допустимо съ точки зрѣнія надлежащихъ научныхъ методовъ; аграрный вопросъ разрѣшается и въ Англіи несогласно съ принципами Маркса [1]). Тоже можно утверждать и относительно Франціи и Германіи.

Точно также невозможно вообще утверждать, что поземельная рента увеличивается. По крайней мѣрѣ съ 1875 г. она возросла не повсемѣстно, а скорѣе пала. Аграрный кризисъ (поразившій крупныхъ землевладѣльцевъ не менѣе, чѣмъ крестьянъ) имѣетъ другія причины, помимо монополіи на землю.

Само по себѣ понятно, что тутъ я говорю только объ общей картинѣ положенія дѣлъ, объ общемъ развитіи—и они говорятъ противъ Маркса. Только этимъ и можно объяснить успѣхи Фольмара въ средѣ нѣмецкой соціаль-демократіи. Вся полемика по этому вопросу, которая велась въ наиболѣе важныхъ органахъ партіи начиная съ 1894 года, вполнѣ ясно доказываетъ, что теоретики марксизма признаютъ, хотя и съ оговорками и очень осторожно, что правъ Фольмаръ, открыто отрицающій теорію цѣнности Маркса для сельскаго хозяйства. Фольмаръ утверждаетъ, что въ земледѣліи мелкимъ собственникамъ вредитъ не конкурренція крупныхъ, а вносимый извнѣ капиталъ [2]).

Для теоріи Маркса оказываются роковыми не только относящіеся къ земледѣлію факты, но и самая теорія. Марксъ принимаетъ теорію ренты Рикардо—а она находится въ прямомъ противорѣчіи съ теоріей цѣнности Маркса. Если «цѣна производства на худшей, не приносящей никакой ренты землѣ опредѣляетъ рыночную цѣну», то цѣнность опредѣляется не общественнымъ трудомъ, а трудомъ на

---

[1]) Марксъ признаетъ (III. 263), что торговый капиталъ увеличиваетъ прибавочную стоимость „не прямо“, посредствомъ сокращенія времени обращенія. „Торговый капиталъ прямо не создаетъ ни цѣнности, ни прибавочной стоимости. Но поскольку онъ способствуетъ сокращенію времени обращенія, онъ помогаетъ непрямо увеличенію прибавочной стоимости, производимой промышленнымъ капиталомъ“. Это мѣсто опять таки замѣчательно, какъ уступка, подобная другимъ уступкамъ въ III части.

[1]) Въ такомъ именно смыслѣ говоритъ объ аграрномъ вопросѣ въ Англіи и Бернштейнъ (Neue Zeit 1896 г. по поводу работы Кёнига: Положеніе англійскаго сельскаго хозяйства—статья Бернштейна: Новое развитіе аграрныхъ отношеній въ Англіи).

Объ аграрной статистикѣ и объ аграрномъ вопросѣ вообще см. Hand wörterbuch fur Staats Wiss. Ср. источники приведенные въ § 82.

[2]) Въ Neue Zeit 1894—96 горячо обсуждался аграрный вопросъ; кромѣ указанной статьи Бернштейна см. Давида: Экономическія отличія земледѣлія и промышленности (противъ Маркса); Давиду возражалъ Каутскій: Способность мелкаго землевладѣнія къ конкурренціи (въ сочиненіи объ эрфуртской программѣ (1892) Каутскій стоитъ на точкѣ зрѣнія теоріи Маркса). Давидъ отвѣчалъ Каутскому; послѣднему возражалъ также Эрнстъ (Предпосылки поземельной ренты по теоріи Рикардо и измѣненія въ этихъ предпосылкахъ). Парвусъ—Міровой рынокъ и аграрный кризисъ (по Марксу).

Каутскій написалъ отдѣльную книгу: Аграрный вопросъ 1899 г.

худшей, наименѣе плодородной землѣ. Марксъ различаетъ во всякомъ случаѣ различныя формы ренты и высказываетъ по этому поводу многія цѣнныя идеи, но онъ не могъ устранить противорѣчія фактовъ съ своими основными взглядами.

Марксъ признаетъ создающее цѣнность вліяніе конкуренціи для земледѣльческаго капитализма также, какъ и для промышленнаго (я говорю о третьей части)—такъ что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ о значеніи конкуренціи для общей теоріи цѣнности. Для Маркса важенъ именно вопросъ о рентѣ. Земля не имѣетъ никакой цѣнности, такъ какъ она не есть продуктъ труда,—такъ гласитъ теорія Маркса; и тутъ въ самомъ началѣ нашей критики намъ приходится поставить вопросъ: почему же за необработанную землю платятъ опредѣленную и часто даже очень высокую цѣну? Для теоріи цѣнности Маркса является роковымъ то обстоятельство, что у него цѣнность (въ третьей части) привращается въ цѣну (точнѣе сказать, въ среднюю рыночную цѣну).

Марксъ въ концѣ концевъ не объясняетъ происхожденія ренты—и въ этомъ онъ является послѣдовательнымъ. Какъ въ первой и второй части онъ предполагаетъ нормальное реализированіе цѣнности, такъ въ разсужденіи о рентѣ онъ предполагаетъ ея существованіе. Но экономическая теорія Маркса отъ этого не выигрываетъ, въ особенности въ виду того, что онъ обѣщалъ дать объясненіе (закономѣрное).

88. Спѣшу закончить эту критику экономической теоріи Маркса немногими замѣчаніями объ исторіи хозяйства.

Марксъ хочетъ дать намъ въ его «Капиталѣ» исторію современнаго хозяйства и вмѣстѣ съ этимъ, на основаніи историческаго матеріализма, и исторію вообще, или, вѣрнѣе сказать, философію исторіи. Экономика для Маркса есть наука по существу историческая.

Заслуги Маркса въ области экономической исторіи признаются и его противниками. Несомнѣнно, что онъ по многимъ отдѣльнымъ вопросамъ экономической исторіи далъ много цѣннаго и много способствовалъ стремленію къ изслѣдованіямъ въ этой дисциплинѣ; но исторія вообще, а также и исторія экономическая, не есть только отдѣльные факты, а и толкованіе этихъ фактовъ. А толкованіе этихъ фактовъ Марксомъ принять невозможно. Его матеріализмъ въ экономической исторіи представляется намъ невозможнымъ.

Центръ тяжести экономической исторіи Маркса составляетъ анализъ современнаго капитализма. Но этотъ анализъ невѣренъ, потому что одностороненъ. Сущность, смыслъ капиталистическаго хозяйства иной, не такой, какимъ онъ представляется Марксу.

Марксъ видитъ обыкновенно въ капитализмѣ (говорю обыкновенно, а не всегда потому, что позднѣе Марксъ иначе говоритъ о капитализмѣ) кроваваго вампира въ лицѣ высшихъ классовъ; но такого вампира и такой его борьбы съ пролетаріатомъ не существуетъ. Марксъ не понималъ современнаго духа предпріимчивости и потому не могъ надлежащимъ образомъ, несмотря на всѣ свои позднѣйшія уступки, оцѣнить выгодность капиталистическаго хозяйства. Марксъ видитъ въ цивилизаціи только результатъ хищности и стремленія къ власти, онъ ищетъ въ товарномъ фетишизмѣ болѣе, чѣмъ въ немъ содержится (Каутскій въ этомъ понятіи о товарѣ, какъ фетишѣ, видитъ ключъ ко всей экономикѣ Маркса).

При всемъ своемъ стремленіи къ позитивному пониманію исторіи Марксъ конструируетъ свою философію исторіи, а потому и экономическую исторію, на основаніи логическаго шаблона отрицанія отрицанія. Такъ всю экономическую исторію онъ приводитъ къ противорѣчію между капиталистическимъ и докапиталистическимъ хозяйствомъ. Докапиталистическое хозяйство представляется ему также, какъ Руссо, нѣкоторой идилліей; но вдругъ и сразу изъ идилліи выростаетъ ростовщикъ и вампиръ. Во всякомъ случаѣ можно утѣшаться тѣмъ, что этотъ вампиръ въ силу фатальнаго закона отрицанія отрицанія снова превратится въ идеальнаго коммуниста,

Есть неточности и въ подробностяхъ экономической исторіи Маркса. Такъ напр. то, что Марксъ говоритъ о первоначальномъ накопленіи, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Невѣрное пониманіе капитализма привело Маркса и къ невѣрному построенію исторіи. И въ частности, открытіе новыхъ частей свѣта и ихъ сокровищъ имѣло совсѣмъ не тѣ слѣдствія, о которыхъ говоритъ Марксъ. Испанія и Португалія несмотря на все накопленіе, т. е. несмотря на колоніальную политику, не сдѣлались странами промышленными; напротивъ, открытіе Америки подготовило и завершило паденіе Испаніи. Голландія, которую Марксъ причисляетъ къ истинно торговымъ и капиталистическимъ странамъ, тоже не получила того значенія, какое имъ приписываетъ Марксъ—вообще экономическое развитіе этихъ странъ было инымъ, чѣмъ требуетъ теорія Маркса [1]). Постройка желѣзныхъ дорогъ и пароходство въ нашемъ вѣкѣ имѣло для капитализма гораздо большее значеніе, чѣмъ пресловутое первоначальное накопленіе. Прямыя и непрямыя экономическія движущія силы были иными и дѣйствовали иначе, чѣмъ полагалъ Марксъ.

Возьмемъ другой примѣръ: несомнѣнно, что реформація даже въ

---

[1]) Марксъ говоритъ о Голландіи, что она утратила свое господствующее торговое положеніе потому, что торговый капиталъ подчиненъ промышленному.—Не говоря уже о томъ, что Голландія не обладала такимъ торговымъ первенствомъ, какимъ обладаетъ теперь Англія, почему же въ Голландіи не развился промышленный капиталъ такъ, какъ онъ развился въ Англіи?

сферѣ экономической имѣла иныя слѣдствія, чѣмъ полагалъ Марксъ — уже тотъ фактъ, что страны протестантскія сдѣлались наиболѣе развитыми изъ промышленныхъ странъ, долженъ бы былъ указать Марксу, что идеологія не менѣе реальна, чѣмъ его не идеологія.

Марксъ излагаетъ исторію современнаго хозяйства главнымъ образомъ на основаніи отношеній англійскихъ земледѣлія и промышленности. Но и эти отношенія онъ анализируетъ невѣрно. Въ Англіи классъ мелкихъ крестьянъ (арендаторовъ) не исчезъ, да и не исчезаетъ; кромѣ того, тамъ аристократическое крупное землевладѣніе играетъ такую большую роль, что именно Англія можетъ служить примѣромъ того, какъ промышленность развивается наряду съ земледѣліемъ. Марксъ полагаетъ, что промышленность въ силу «присущей ей необходимости» управляетъ міровымъ рынкомъ, что она управляетъ торговлей, а не торговля поддерживаетъ и развиваетъ ее. Противъ такой «присущей (имманентной) необходимости говоритъ не только исторія англійскихъ колоній, но и исторія всѣхъ остальныхъ странъ, не достигшихъ, несмотря на развитіе своей промышленности, такого міроваго положенія, котораго достигла Англія. Эта «имманентная необходимость» не охраняетъ Англію отъ конкуренціи Германіи, Соединенныхъ Штатовъ, а теперь даже и Японіи — капиталистическая промышленность, да и все хозяйство зависитъ отъ столь многочисленныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, что ихъ всѣхъ никакъ не уложишь въ формулу Маркса.

Но тутъ уже я выхожу изъ поставленныхъ мной себѣ рамокъ. Кто желаетъ подробнѣе познакомиться съ экономической исторіей Маркса, тотъ долженъ обратиться къ богатой литературѣ по этому предмету, которую я и привожу здѣсь.

Кромѣ Маркса и Энгельса и различныхъ отчетовъ и экономическихъ статистикъ прежде всего рекомендуемъ изученіе англійской литературы объ Англіи. Роджерсъ: Шесть столѣтій труда и заработной платы; кромѣ того: Исторія земледѣлія и цѣнъ (1254—1702) 6 частей 1866—88 г. Промышленная и торговая исторія Англіи 2 части 1894. Гиббинсъ—Промышленная исторія Англіи 1895. Эшли—Англійская экономическая исторія и теорія 2 ч. 1888, 93. Куннингэмъ—Ростъ англійской промышленности и торговли. 1. Древность и средніе вѣка 1890. II. Новое время 1892. Куннингэмъ и Макартуръ:—Очеркъ англійской промышленной исторіи 1895. Ньюмэрчъ—Исторія цѣнъ (продолженіе работы Тука, въ 4 томахъ трактующаго объ исторіи цѣнъ съ 1793—1848 г. Исторія Ньюмэрча доведена до 1856 г.) Тойнби—Промышленный переворотъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Англіи 1883.

Исторія другихъ народовъ. Инама—Стернеггъ—Нѣмецкая экономическая исторія 3 ч. 1879, 91, 99. Лампрехтъ (кромѣ Исторіи Германскаго народа): Экономическая жизнь Германіи въ среднія вѣка. Эренбергъ.—Вѣкъ Фуггеровъ, денежный капиталъ и кредитъ въ XVI вѣкѣ 1096 г. Боннъ—Паденіе Испаніи во время переворота въ цѣнахъ въ XV вѣкѣ. 1896.

Общая экономическая исторія. Относительно доисторической эпохи см. приводимую въ слѣдующей главѣ литературу. А кромѣ того: Лавеле—Собственность и ея первобытныя формы 1891. Бюхеръ—Происхожденіе народнаго хозяйства 1898. Бюхеръ—Работа и ритмъ 1896. Ковалевскій—Очеркъ развитія экономическаго строя и его раздѣленіе на періоды 1896

О древности: Куннингэмъ—Западная цивилизація съ ея экономической стороны (древнія времена) 1898. Мейеръ—Экономическое развитіе древности 1895.

Новое время: Брейзигъ—Общественное развитіе главныхъ народовъ Европы въ новое и новѣйшее время (въ Jahrbüchern Шмоллера 1896). Вибе—Исторія измѣненія цѣнъ въ XVI и XVII вѣкахъ 1895. Филиповичъ—Измѣненія въ экономическомъ строѣ въ XIX вѣкѣ 1894. Рудольфъ Мейеръ—Капитализмъ конца вѣка 1894.

Исторія земледѣлія (и феодализма). Dvorak—Rolnictvi ve stare Cine (земледѣліе въ древнемъ Китаѣ) 1892. Гюиро—Исторія поземельной собственности въ Греціи 1893. Родбертусъ—Изслѣдованія о политической экономіи классической древности 1864. Веберъ—Римская аграрная исторія и ея значеніе для государственнаго и частнаго права 1891. Гисъ—Домены во время римской имперіи 1896. Шультенъ—Римскія помѣстья 1896. Пейскеръ—Австрійская экономическая исторія 1897. Мейтценъ—Колонизація и аграрный строй западныхъ и восточныхъ германцевъ, кельтовъ, римлянъ, финнъ и славянъ 3 ч. 1895. Мауреръ—Строй марки, двора, деревни и города и общественная власть, съ предисловіемъ Кунова 1896. Сугенгеймъ—Исторія уничтоженія крѣпостного права въ Европѣ до средины XIX вѣка 1861. Кнаппъ—Земледѣльческій рабочій въ рабствѣ и на свободѣ 1891. Рыцарскія помѣстья и вотчинная власть 1897. Виттихъ—Помѣщичья власть въ сѣверозападной Германіи 1896 г. Ревиляль—Крестьяне въ средніе вѣка (13 и 14 вѣка) 1896. Виноградовъ—Виллены въ Англіи, очеркъ средневѣковой англійской исторіи 1892. Гарнье—Исторія англійскаго землевладѣнія 1895. Грюнбергъ—Освобожденіе крестьянъ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи 1894. Липпертъ.—Общественная исторія Богеміи до гусситовъ 1896—98. Пейскеръ—Крѣпостное право въ Богеміи. Спорный вопросъ въ соціальной исторіи Богеміи 1890. Мюллеръ—Хлѣбная политика, торговля хлѣбомъ и цѣны хлѣба въ Силезіи въ XVIII вѣкѣ 1897.

Исторію русской общины и задруги. См. §§ 100.

Исторія ремеслъ—Шмоллеръ—Исторія германской мелкой промышленности въ XIX столѣтіи 1870. Ткачество въ Страсбургѣ 1879 г.

Исторія городовъ. Хегель — Происхожденіе германскаго города 1898. Фрицъ—Нѣмецкія городскія поселенія 1894 Ритчель—Рынокъ и городъ, ихъ юридическія отношенія. 1897. Maitland—Township and Borough 1898.

Исторія торговли. Гиббинсъ — Исторія Европейской торговли 1891. Бастабль—Торговля 1892. Консъ—Очеркъ исторіи торговли. 1896. Майръ – Учебникъ исторіи торговли на основаніи экономической и соціальной исторіи 1894. Дакнель—Исторія нѣмецкой Ганзы во вторую половину XIV вѣка 1897.

Исторія путей сообщенія. Гёцъ—Пути сообщенія въ міровой торговлѣ 1888. Людвигъ—Изслѣдованія о скорости путешествій въ XII и XIII вѣкахъ 1897.

Исторія мореплаванія. Мэгенъ—Вліяніе морскихъ силъ на исторію 1660–1783. 27. 1898.

Исторія призрѣнія бѣдныхъ. Ульгорнъ—Христіанская благотворительность 1882. Ратцингеръ—Исторія церковнаго призрѣнія бѣдныхъ 1884. Риггенбахъ — Призрѣніе бѣдныхъ во время реформаціи 1883.

Исторія рабства. Летурно—Эволюція рабства 1897.

Статистическія данныя объ экономическомъ положеніи въ вышеуказанныхъ словаряхъ, и кромѣ того: Мюльголль—Промышленность и богатство націй 1895 и Кельти—Ежегодникъ государственнаго человѣка—тутъ приведены литература и оффиціальныя данныя для отдѣльныхъ странъ.

89. На основаніи предшествующихъ критическихъ замѣчаній нетрудно формулировать общій приговоръ относительно экономической теоріи Маркса.

Несомнѣнно, что теорія цѣнности Маркса односторонняя—не одинъ трудъ создаетъ и опредѣляетъ цѣнность [1]). Но именно поэтому и стоитъ разсмотрѣть, почему Марксъ обосновываетъ на трудѣ всю свою экономику и соціологію. Какъ Платонъ начинаетъ свое государство анализомъ справедливости, такъ и Марксъ начинаетъ свое главное произведеніе анализомъ труда.

Трудъ, какъ философскій и соціальный принципъ, признавался съ самаго начала современнаго мышленія. Въ пользу труда говорилъ еще Локкъ, его послѣдователями были Адамъ Смитъ и Рикардо, а послѣдователемъ этихъ послѣднихъ является Марксъ. Марксъ освѣтилъ надлежащимъ образомъ значеніе труда для всей современной жизни именно благодаря своей односторонности. Позитивистъ могъ бы сказать, что Марксъ

[1]) Многіе соціалисты отказались отъ теоріи цѣнности Маркса. Наприм. Фабіанцы въ Англіи принимаютъ теорію Джевонса (теорію предѣльной полезности) и вѣнской школы: таковы—Шоу, Смартъ и др. Бернштейнъ (въ Neue Zeit 1896 въ замѣчаніяхъ о Гайндманѣ) признаетъ ея относительное значеніе (какъ теоріи цѣны).

дѣлаетъ изъ труда фетишъ—но безъ такихъ фетишей не могли обойтись и другіе до Маркса (не обошелся безъ фетиша и Контъ).

Величайшая заслуга Маркса состоитъ въ томъ, что онъ открылъ намъ міръ труда. Правда, и другіе до него указывали на этотъ міръ, но никто не сдѣлалъ этого такъ энергично, какъ онъ. Марксъ одностороненъ и въ этомъ—критика не можетъ не признать этого—но именно поэтому мы и должны уяснить себѣ, какое значеніе имѣютъ стремленія Маркса.

Марксъ поставилъ себѣ задачей опредѣлить цѣнность физическаго и психическаго мелкаго труда для общества. До сихъ поръ люди боялись труда, именно этого мелкаго, невиднаго, неинтереснаго труда. До сихъ поръ человѣкъ болѣе забавлялся, чѣмъ трудился—теперь начинается эра этого невиднаго, мелкаго труда. Прежній романтизмъ труда долженъ уступить мѣсто трудовому реализму. Трудъ—это не такъ называемыя великія дѣла, это также и работа въ потѣ лица своего; трудятся не одни только герои, а и маленькіе, угнетенные люди, о которыхъ исторія ничего намъ не разсказываетъ; трудъ—это не одно пожертвованіе жизнью въ шумѣ битвы, пожертвованіе, на которое устремлены взоры не только современниковъ, а и потомства; трудъ—это прежде всего пожертвованіе ближнему своихъ силъ въ непрерывной работѣ. Противъ стараго режима аристократическаго спорта въ философіи, искусствѣ, политикѣ, морали и въ религіи, возстаетъ новая эпоха демократическаго, мелкаго труда (о проблеммѣ современной этики. Ср. §§ 132).

Марксъ видитъ личность человѣка въ трудѣ; соціальное равенство основано на равенствѣ труда.

Въ этомъ состоитъ значеніе теоріи цѣнности Маркса, хотя самъ Марксъ и не понималъ вполнѣ настоящей задачи современнаго общества. Самъ онъ былъ еще романтикомъ. Потому онъ проповѣдывалъ политическую революцію—политическій аристократическій спортъ. Только Энгельсъ, незадолго до своей смерти, распростился съ революціей, но онъ сдѣлалъ это не столько изъ за философскихъ основаній, сколько изъ оппортюнизма. Ни Марксъ, ни Энгельсъ не понимали, что революція не подходитъ къ труду и что ихъ понятіе о цѣнности прямо таки исключаетъ революцію (§§ 147).

Марксъ дѣлаетъ трудъ нѣкоторой самоцѣлью, хотя онъ одинъ разъ вполнѣ справедливо призналъ, что трудъ подчиненъ цѣли. Вопросъ и состоитъ въ этой цѣли. И тутъ мы расходимся съ нимъ—матеріализмъ не въ состояніи опредѣлить цѣль труда, смыслъ міра и жизни.

Марксъ не настолько силенъ, чтобы онъ могъ надлежащимъ образомъ выразить стремленія новаго времени. Онъ держится еще старыхъ идей—въ философіи Гегеля, а въ экономикѣ Смита и Рикар-

до [1]). Марксъ принадлежитъ старой эпохѣ именно по своему научному методу. Методъ имѣетъ для современной науки большое значеніе именно потому, что сама наука есть трудъ, и трудъ мелкій. Марксъ же держится еще строго аристократическаго метода—вмѣсто труднаго опыта онъ конструируетъ, слова замѣняютъ у него факты. Въ первой части «Капитала» болѣе схоластики, чѣмъ дѣла.

При всемъ своемъ позитивизмѣ, впрочемъ совершенно внѣшнемъ, у Маркса замѣчается научная невоздержанность именно тамъ, гдѣ все дѣло въ фактахъ; ему часто довольно случайныхъ статистическихъ данныхъ или отдѣльныхъ указаній, не имѣющихъ настоящей доказательной силы. Въ особенности онъ бываетъ неточенъ тамъ, гдѣ необходимо констатировать степень (пролетаризированіе, концентрированіе капитала и т. д.). А вѣдь это вообще масштабъ научной точности; установить принципы и держаться ихъ сравнительно не трудно; гораздо труднѣе опредѣлить настоящую степень—идетъ ли дѣло объ опредѣленіи времени, пространства, движенія, напряженности или качествъ вліяній физическихъ и психическихъ причинъ Всякій научный трудъ въ послѣдней инстанціи состоитъ въ измѣреніи и взвѣшиваніи.

Марксъ сознавалъ это. Этимъ и объясняется его склонность къ матеріализму, какъ бы ручавшемуся ему за точность въ измѣненіяхъ. А это уже было ошибкой. Точность не требуетъ того, чтобы приводить все къ матеріи и къ количеству. Матеріализмъ привелъ Маркса къ его теоріи цѣнности и прибавочной стоимости. Онъ превратилъ всю физическую и умственную работу въ простую физическую работу и полагалъ, что такимъ образомъ онъ получаетъ точный масштабъ цѣнности. Онъ заблуждался—трудъ, понимая его психологически, невозможно измѣрять чисто количественно; въ наукѣ невозможно обойтись также безъ качественной оцѣнки, какъ и безъ количественной. Даже съ точки зрѣнія Маркса невозможно избѣжать вопроса о мотивахъ труда—а тутъ мы уже вступаемъ въ область этики и философіи.

Матеріалистическая экономическая теорія невозможна и невозможна не только какъ теорія, а и какъ методъ.

Но такой матеріализмъ я все-таки понимаю. Я уважаю въ немъ стремленіе признать трудъ маленькихъ людей; я уважаю и протестъ Маркса противъ романтизма и сантиментальности, не желающихъ понять, что общественный строй поддерживается и усовершенствуется только трудомъ въ потѣ лица своего.

---

[1]) Маршаль—Principles of Economies (560) указываетъ, что Марксъ не вѣрно понималъ теорію цѣнности Рикардо.

VI.

Происхожденіе и развитіе цивилизаціи. Коммунизмъ.

А.

Коммунизмъ будущаго.

90. Марксизмъ по существу есть коммунизмъ. Правда, что въ началѣ своего литературнаго поприща (1842) Марксъ еще не былъ коммунистомъ, но уже въ «Святомъ семействѣ» (1845) онъ защищаетъ коммунизмъ и старается обосновать его философски при посредствѣ матеріализма. Коммунистическіе зародыши, формулированные Фейербахомъ, у Маркса подъ вліяніямъ его пребыванія въ Парижѣ созрѣли въ продуманную систему. Гегеліанская лѣвая тутъ распадается на два лагеря; Марксъ и Энгельсъ становятся коммунистами, Руге, Штирнеръ и другіе остаются индивидуалистами.

Всего опредѣленнѣе и яснѣе Марксъ и Энгельсъ формулировали свое коммунистическое credo въ «Коммунистическомъ манифестѣ». Энгельсъ въ предисловіи къ изданію 1890 года обращаетъ вниманіе на то, что авторы назвали манифестъ коммунистическимъ потому, что терминъ: соціализмъ уже въ то время былъ салоннымъ, обозначавшимъ буржуазное движеніе, тогда какъ терминъ: коммунизмъ обозначалъ движеніе чисто пролетарное, ожидавшее улучшеній не отъ политическаго переворота, а отъ «основнаго измѣненія общества». И дѣйствительно этотъ терминъ вполнѣ характеризуетъ Маркса и марксизмъ.

Необходимо теперь же указать на тотъ фактъ, что въ послѣднее время многіе марксизмы очень трезво относятся къ коммунизму; даже сами Марксъ и Энгельсъ позже писали о коммунизмѣ съ видимой сдержанностью. Въ 1872 году авторы «Коммунистическаго

манифеста» въ предисловіи къ новому изданію заявили, что они уже не придаютъ особаго значенія практическимъ требованіямъ и довольствуются «вообще только общими принципами». Въ изданіи 1883 года Энгельсъ заявилъ, что «основная идея» манифеста есть историческій матеріализмъ, но въ предисловіи къ изданію 1890 г. говорится, что Марксъ вѣрилъ въ конечную побѣду излагаемыхъ въ манифестѣ принциповъ.

Совершенно понятно, что Марксъ позднѣе смотрѣлъ на свою программу, написанную имъ въ пылу революціонныхъ битвъ, болѣе холодно; онъ говорилъ позже болѣе трезво о будущемъ коммунизмѣ [1]).

Изъ главнаго произведенія Маркса намъ извѣстно, что самое важное и основное условіе будущаго коммунистическаго строя состоитъ въ томъ, что тогда не будетъ никакого капитала, т. е. денежнаго капитала, и обусловливаемой имъ общественной и экономической анархіи. «Дѣло просто приводится къ тому, что общество должно заранѣе расчитать, какое количество труда, средствъ производства и жизненныхъ средствъ можетъ быть безъ нарушенія обычнаго порядка употреблено на такія предпріятія, которыя, какъ напр. постройка желѣзныхъ дорогъ, въ теченіе долгаго времени, года или больше, не даютъ ни средствъ производства, ни средствъ жизненныхъ, не приносятъ непосредственной пользы, а между тѣмъ отвлекаютъ трудъ, средства производства и жизни отъ ежедневнаго общаго производства. Въ капиталистическомъ обществѣ, напротивъ, гдѣ общественный разумъ всегда проявляется post festum, всегда могутъ появляться и всегда появляются крупныя нарушенія обычнаго порядка» (11.287). Въ этой же части Марксъ настаиваетъ на «контролѣ общества» (11.445) и въ особенности на регулированіи рабочаго дня, на раздѣленіи общественнаго труда и на расчетѣ (111.388).

При господствѣ коммунизма прибавочный трудъ, т. е. относительное перепроизводство, будутъ также необходимы, какъ и теперь; но что «перепроизводство состоитъ подъ контролемъ общества». Что прибавочный трудъ необходимъ — это понятно само собой (подробное обоснованіе этого въ III ч. 354). Онъ необходимъ, какъ гарантія противъ случайностей и для удовлетворенія развивающихся потребностей и «прогресса» населенія (тутъ, вѣроятно, Марксъ имѣетъ въ виду увеличеніе населенія!). Стало быть, остается и накопленіе; хотя классъ неработающихъ исчезаетъ. Марксъ восхваляетъ капиталъ за его цивилизующія свойства, за то, что онъ принуждаетъ къ выгодному для общества прибавочному труду гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ это достигалось при старыхъ формахъ рабства, крѣпостничества и пр. Марксъ указываетъ, что истинное богатство общества зависитъ не отъ продолжительности прибавочнаго труда, а отъ его производительности и отъ хорошихъ условій производства; въ концѣ концовъ онъ дѣлаетъ вышеупомянутое (§ 63) ограниченіе положенія Энгельса о скачкѣ въ царство свободы: «царство свободы въ дѣйствительности начинается только тамъ, гдѣ прекращаются работы, опредѣляемыя нуждой и внѣшней цѣлесообразностью — стало быть, оно по самой своей сущности находится внѣ сферы матеріальнаго производства». Далѣе говорится, что цивилизованный человѣкъ также подчиняется природѣ, какъ и дикарь, потому что съ увеличеніемъ потребностей расширяется также и власть природы; но цивилизованный и общественно организированный человѣкъ сознательно регулируетъ свои отношенія къ природѣ и общественно контролируетъ это отношеніе. Царство необходимости продолжаетъ существовать, но цивилизованный человѣкъ уже не остается такимъ слѣпымъ, какимъ былъ нецивилизованный. «За этимъ царствомъ необходимости начинается развитіе человѣческихъ силъ, являющееся самоцѣлью, начинается истинное царство свободы; но оно можетъ развиться только на царствѣ необходимости, какъ на его основѣ. Основное условіе его развитія есть сокращеніе рабочаго дня».

Такимъ образомъ, по мнѣнію Маркса, въ будущемъ коммунистическомъ обществѣ вмѣстѣ съ капитализмомъ исчезнетъ и описываемая Марксомъ анархія капиталистическаго производства и распредѣленія. Общество будетъ расчитывать заранѣе — оно будетъ надлежашимъ образомъ вести свои счета; люди сдѣлаются господами производства и потому будутъ свободными и самосознательными.

Вмѣстѣ съ капиталомъ прекратится и конкуренція, не будетъ болѣе прибыли (и ренты), заработной платы; не будетъ также ни пролетаріата, ни капиталистовъ.

Далѣе прекратится и обмѣнъ товаровъ—вообще товаровъ больше не будетъ. Продукты будутъ, какъ въ первобытномъ обществѣ, принадлежать всему обществу и будутъ дѣлиться. Земля и средства

[1]) Практическія требованія манифеста слѣдующія: 1) экспропріація поземельной собственности и употребленіе поземельной ренты на государственные расходы; 2) крупный прогрессивный налогъ; 3) уничтоженіе права наслѣдованія; 4) конфискація собственности всѣхъ эмигрантовъ и мятежниковъ; 5) централизація кредита въ рукахъ государства при посредствѣ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ и съ исключительной монополіей; 6) централизація транспорта въ рукахъ государства; 7) увеличеніе числа національныхъ фабрикъ и орудій производства, воздѣлываніе и улучшеніе земли по общественному плану; 8) одинаковыя принудительныя работы для всѣхъ; учрежденіе промышленной арміи, въ особенности для земледѣлія; 9) соединеніе земледѣлія и промышленности; воздѣйствіе на постепенное устраненіе различія между городомъ и деревней и 10) общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей, уничтоженіе работы дѣтей на фабрикахъ въ современной ея формѣ. Соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

производства будутъ, употребляя техническій терминъ Маркса, общественными—все, что производится, будетъ дѣлиться между членами общества.

Общественная борьба прекратится—классовъ болѣе не будетъ, не будетъ также и спеціализированнаго раздѣленія труда, ибо частичные индивидуумы превратятся въ полныхъ людей, способныхъ къ любой работѣ. Исчезнетъ различіе между городомъ и деревней (города исчезнутъ). Въ концѣ концовъ не будетъ и государства. Коммунизмъ устранитъ также и всеобщее вырожденіе, сдѣлаетъ невозможнымъ какъ относительное, такъ и абсолютное перенаселеніе; и человѣчество, говоря словами Энгельса, совершитъ скачекъ въ царство свободы тѣла и духа – человѣкъ твердой и опытной рукой будетъ руководить своей судьбой: онъ перестанетъ быть рабомъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, потому что будетъ господствовать надъ этими отношеніями; а господствовать надъ ними онъ будетъ потому, что онъ вполнѣ пойметъ ихъ. Теперь же онъ стонетъ подъ ихъ властью вслѣдствіе своего невѣжества.

Такова въ главныхъ чертахъ картина будущаго, какъ ее рисуетъ Марксъ. Энгельсъ принимаетъ всѣ положенія Маркса. Правда, въ послѣднее время онъ говорилъ о будущемъ довольно осторожно, но за то при описаніи коммунизма въ прошломъ онъ употребляетъ самыя густыя и яркія краски. Такъ что тутъ у Энгельса мы встрѣчаемъ довольно странное противорѣчіе—подавленный съ одной стороны утопизмъ прорывается въ другую сторону. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы подробно познакомимся съ утопизмомъ Энгельса по отношенію къ прошлому.

Изъ боязни утопизма Энгельсъ отказывается разсуждать о томъ, какъ будутъ раздѣляться пища и жилье; о будущемъ можно сказать только то, что при устраненіи капиталистическаго производства будутъ устранены и нѣкоторыя формы современнаго присвоенія. Необходимы извѣстныя переходныя мѣропріятія и они будутъ вездѣ приспособляться къ существующимъ отношеніямъ [1]).

Въ сочиненіи противъ Дюринга Энгельсъ предлагаетъ принципъ раздѣленія имуществъ. Поскольку это раздѣленіе опредѣляется чисто экономическими соображеніями, рѣшающими являются интересы производства; а производство процвѣтаетъ всегда тогда, когда всѣ члены общества получаютъ возможность всесторонне развивать, поддерживать и упражнять всѣ свои способности.

Уже въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» говорится, что всѣ будутъ работать физически—такъ именно только и можно понять требованіе объ общей принудительной работѣ.

---

[1]) Энгельсъ—Вопросъ о жилищѣ 1887, ст. 71.

Въ указанномъ мѣстѣ Анти-Дюринга Энгельсъ, какъ мы видѣли, уничтожаетъ различіе между архитекторомъ и поденщикомъ, хотя и признаетъ, что все же будетъ сохраняться разница въ интенсивности и умѣлости труда. Въ современномъ обществѣ частныхъ производителей, говоритъ Энгельсъ, издержки образованія искуснаго работника несутъ частныя лица (семья), они же и получаютъ высшую плату за развившуюся рабочую силу; въ соціалистическомъ же обществѣ эти издержки будетъ нести общество и потому ему будутъ принадлежать и плоды большей цѣнности, производимой «сложной» работой. «Самъ рабочій не можетъ имѣть притязаній на излишекъ. Изъ чего кстати вытекаетъ и та польза, что устраняются всяческія закорючки относительно любимаго лозунга рабочихъ о «полномъ продуктѣ труда».

Послѣдователи Маркса нашли, однако, и тутъ не мало «закорючекъ». Они еще сдержаннѣе, чѣмъ Энгельсъ и нѣкоторые, повидимому, прямо-таки боятся слова: коммунизмъ; они охотнѣе говорятъ о коллективизмѣ и употребляютъ еще болѣе безразличныя названія. Характерно въ этомъ отношеніи объясненіе эрфуртской программы Каутскимъ. Каутскій по возможности избѣгаетъ слова—коммунизмъ, и употребляетъ выраженія: общая собственность или товарищеская собственность.

Какъ уже упомянуто, по мнѣнію Каутскаго, въ будущемъ раздѣленіе труда не исчезнетъ и раздѣленіе имуществъ въ соціалистическомъ обществѣ «на неопредѣленное время» будетъ только дальнѣйшимъ развитіемъ теперешнихъ формъ наемнаго труда; Каутскій признаетъ и для будущаго времени преміи за трудъ, превосходящій средній уровень—хотя и въ измѣненной формѣ—различныя платы за различныя занятія и т. д. (ст. 157).

Каутскій не вѣритъ также и въ скорое осуществленіе коммунизма [1]). Марксъ и Энгельсъ полагали, что уже теперь наступаетъ новый соціалистическій строй.

---

[1]) Каутскій (Neue Zeit 1891): „пролетаріатъ никоимъ образомъ не можетъ вступить въ обладаніе средствами производства раньше того времени, когда онъ при посредствѣ непрерывной классовой борьбы пріобрѣтетъ необходимую интеллигентность, необходимыя административныя и теоретическія знанія и способности. Только тогда, когда соціалъ-демократія пріобрѣтетъ и привлечетъ къ себѣ необходимыя матеріальныя и интеллектуальныя силы, которыя дадутъ ей возможность не только завоевать, но и удержать въ своихъ рукахъ государственную власть, рабочіе классы могутъ получить обладаніе средствами производства“.

Платтеръ (Демократія и соціализмъ 1897, ст. 215) цитируетъ слѣдующее заявленіе Каутскаго (отъ 1880 года изъ Jahrbuch fur Socialwissenschaft II половина): „рабочая партія потерпѣла бы печальное пораженіе, если бы она теперь была вынуждена къ революціи. Когда она наступитъ, намъ неизвѣстно; но мы хорошо знаемъ, что если бы она произошла теперь,

Несмотря на всѣ разочарованія, въ которыхъ признаются авторы «Манифеста» въ вышеупомянутомъ предисловіи къ изданію 1879 года, Энгельсъ въ третьемъ изданіи Анти-Дюринга (1894) ясно говоритъ, что уже и въ настоящее время классы могутъ быть устранены и можетъ произойти общественное усвоеніе средства производства (ст. 304). Правда, что уже въ слѣдующемъ году Энгельсъ отрекся отъ революціи и отъ всякаго ниспроверженія и переноситъ наступленіе коммунистическаго строя въ отдаленное будущее.

Бернштейнъ тоже не раздѣляетъ вѣры въ скорое введеніе коммунизма. Что онъ относится довольно скептически къ будущему коммунизму, это можно заключить изъ того, что онъ говоритъ объ общественномъ идеалѣ; судя по его позднѣйшимъ заявленіямъ, можно полагать, что онъ вполнѣ отказался отъ всякаго коммунизма [1]).

91. Я уже сказалъ, что марксизмъ по существу есть коммунизмъ. Этимъ заявленіемъ я хочу указать на то, что коммунизмъ Маркса имѣетъ не только экономическое содержаніе, какъ можно бы было полагать на основаніи прежнихъ критикъ Маркса; на самомъ дѣлѣ для Маркса коммунизмъ есть цѣлая философская и культурная система.

И прежде всего коммунизмъ для Маркса есть логическое слѣдствіе матеріализма.

«Не требуется очень большой проницательности, чтобы въ ученіи матеріализма о первоначальной добротѣ и объ одинаковыхъ умственныхъ способностяхъ людей, о вліяніи внѣшнихъ обстоятельствъ, о высокомъ значеніи промышленности, объ оправданіи наслажденія и т. д. усмотрѣть его необходимую связь съ коммунизмомъ и соціализмомъ. Если человѣкъ изъ чувственнаго міра и опыта въ чувственномъ мірѣ получаетъ всѣ воспріятія, и т. д., то вопросъ приводится къ тому, чтобы устроить этотъ эмпирическій миръ такимъ образомъ, что бы человѣкъ узналъ въ немъ истинно человѣчное, что бы онъ пріучался чувствовать себя и познавать себя, какъ человѣкъ. Если хорошо понятый интересъ есть принципъ всякой нравственности, то необходимо, чтобы частные интересы людей совпадали съ человѣчными интересами. Если человѣкъ несвободенъ въ матеріалистическомъ смыслѣ, т. е. если онъ свободенъ нетолько отрицательно, избѣгая того или другого, но и положительно, проявляя свою истинную индивидуальность, то слѣдуетъ не наказывать за преступленіе отдѣльную личность, а уничтожить антисоціальную среду, производящую преступленія, и дать каждому просторъ для его существенныхъ и жизненныхъ проявленій. Если человѣкъ создается обстоятельствами, то слѣдуетъ сдѣлать эти обстоятельства человѣчными. Если человѣкъ общественное существо по природѣ, то онъ развиваетъ свою природу только въ обществѣ и слѣдуетъ измѣрять силу его природы не силой отдѣльнаго индивида, а силой общества» (Марксъ—Святое Семейство, ст. 206).

Эта связь коммунизма съ опредѣленной философской системой не должна удивлять насъ—намъ уже извѣстно, что соціализмъ Маркса не есть только экономическая теорія. Нельзя возражать на это, что приведенное мѣсто взято изъ сочиненія стараго, когда Марксъ не такъ радикально отвергалъ всякую идеологію, какъ позже; онъ никогда не отрекался отъ матеріализма; и кромѣ того позже, въ третьей части «Капитала», онъ снова милостиво относится къ идеологіи.

Совсѣмъ другой вопросъ—можно ли поддерживать такое прямое отождествленіе коммунизма съ матеріализмомъ. Не только многіе коммунисты не основывали свои системы на матеріализмѣ, но этотъ послѣдній представляется намъ невозможнымъ и самъ по себѣ, такъ что падаетъ и коммунизмъ, если онъ долженъ основываться только на матеріализмѣ.

Марксъ видитъ въ матеріализмѣ спеціальныя основанія и доказательства въ пользу коммунизма.

Но матеріализмъ прежде всего долженъ доказать, что человѣкъ первоначально былъ добръ. Марксъ, очевидно, принимаетъ ученіе Руссо, что человѣкъ отъ природы добръ, а испортила его только цивилизація. На такомъ старозавѣтномъ основаніи Энгельсъ построилъ всю исторію цивилизаціи. Предположимъ, что такое мнѣніе справедливо—но какое же отношеніе имѣетъ оно къ матеріализму?

Авторъ книги Бытія не былъ матеріалистомъ и однако онъ вѣритъ въ первобытное райское состояніе; Руссо тоже не матеріалистъ; а съ другой стороны многіе матеріалисты (напр. криминалисты школы Ламброзо) теперь не вѣрятъ въ первоначальную доброту человѣка. Марксъ полагалъ, что въ началѣ развитія, въ эпоху до цивилизаціи, существовалъ коммунизмъ и что поэтому онъ есть система вполнѣ естественная и первоначальная; мы сейчасъ будемъ подробно говорить объ этомъ первобытномъ коммунизмѣ.

Далѣе Марксъ видитъ въ матеріализмѣ гарантію интеллектуальнаго

рабочая партія оказалась бы безпомощной. Если она и побѣдитъ, она можетъ добиться нѣкоторыхъ политическихъ выгодъ, но наврядъ ли въ соціальномъ отношеніи она получитъ больше того, что даютъ ей уже и теперь швейцарскіе фабричные законы. Каждая попытка устроить идеальное коммунистическое государство была бы глупостью, и неудача такой попытки повредила бы и задержала бы развитіе человѣчества болѣе, чѣмъ даже неудача рабочаго возстанія».

[1]) Neue Zeit 1897: Борьба соціалъ-демократіи и общественный переворотъ; II. Теорія катастрофъ и колоніальная политика. Ср. брошюру Бернштейна: Общественная и частная собственность. Къ объясненію соціалистической програмы по поводу сочиненія Геда и Лафарга: Програма рабочей партіи. 1891.

равенства. Это утвержденіе также произвольно; интеллектуальнаго равенства не существуетъ и потому матеріализмъ и не можетъ утверждать его. Марксъ приводитъ всякую интеллектуальную работу къ простой мускульной—это правда, но это все таки не доказательство для его утвержденія, ибо оно невѣрно.

Кромѣ того развѣ ужъ такъ á priori понятно, что интеллектуальное равенство требуетъ и экономическаго равенства? Марксъ не понимаетъ, на какой опасный аргументъ онъ ссылается; если коммунизмъ зависитъ отъ интеллектуальнаго равенства, то онъ устраненъ сразу и навсегда.

Я не буду возражать Марксу по поводу нѣкоторыхъ его замѣчаній объ опытѣ и т. д.; они ультраматеріалистичны, но именно поэтому они и не вѣрны; они происходятъ отъ мнѣнія, будто отношенія суть все, а индивидъ ничего. Я только поставлю вопросъ, каковъ собственно былъ мотивъ у Маркса видѣть въ матеріализмѣ «логическій базисъ» коммунизма—такъ какъ его основанія недостаточны?[1]).

Матеріализмъ для Маркса равнозначителенъ съ современнымъ естествознаніемъ, а это послѣднее, какъ мы видѣли, представлялось ему основной наукой соціализма. Естествознаніе казалось ему радикальнымъ, въ особенности антиметафизическимъ и антитеологическимъ, а потому и спеціально демократическимъ.

Припомните, что и Фейербахъ превозглашалъ равенство съ точки зрѣнія естествознанія. На томъ же основаніи многіе соціалисты—и въ ихъ числѣ Марксъ и Энгельсъ—привѣтствовали дарвинизмъ. Марксъ видѣлъ въ естествознаніи опору для своего политическаго радикализма и именно поэтому въ естественно-научномъ матеріализмѣ онъ искалъ логическаго основанія для радикальнаго коммунизма и соціализма.

Я уже говорилъ, что естествознаніе само по себѣ совсѣмъ не демократично. Марксъ, однако, правъ въ томъ отношеніи, что матеріализмъ, провозглашая абсолютное оправданіе наслажденія и эгоистическую этику, былъ врагомъ стараго порядка, поскольку этотъ послѣдній основывался на офиціальной религіи и церкви. Матеріализмъ въ особенности революціоненъ въ силу своего атеизма. Это можно признать—но, вѣдь, это нѣчто другое, чѣмъ утвержденіе, будто матеріализмъ есть логическое основаніе коммунистическаго равенства.

Наоборотъ, собственно говоря, матеріализмъ противорѣчитъ коммунизму Маркса—если мозгъ есть надлежащая и конечная причина всякой духовной и соціальной жизни, то я не вижу, какимъ образомъ въ исторіи могъ бы развиться коммунизмъ.

[1]) „Святое Семейство“. (ст. 208). „Французскіе коммунисты Дезами, Гай и др. развиваютъ, какъ и Оуэнъ, ученіе матеріализма, какъ ученіе реальнаго гуманизма и какъ логическій базисъ коммунизма“.

92. Такимъ образомъ коммунизмъ Маркса не просто экономическій принципъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и философская и общая культурная система; Марксъ выводитъ эту систему изъ историческаго матеріализма; на экономическомъ коммунистическомъ строѣ зиждется вся общественная жизнь.

Въ коммунизмѣ Маркса три главныхъ элемента:

1) Коммунизмъ, какъ экономическій строй, обозначаетъ для Маркса главнымъ образомъ общность средствъ производства.

Но этимъ не исчерпывается коммунизмъ; не слѣдуетъ забывать и объ общности труда, объ обобществленіи труда (§§ 79).

2) Общность труда приводитъ насъ къ духовному коммунизму. Этотъ послѣдній вытекаетъ изъ матеріализма (§§ 47) и обозначаетъ вотъ что: личность есть ничто, а общество все; индивидуальнаго сознанія не существуетъ.

3) Наконецъ, коммунизмъ Маркса имѣетъ значеніе этическое.

Марксъ вопреки своему аморализму требуетъ коммунистическаго равенства во имя справедливости, какъ требовали этого до него и другіе.

Но коммунизмъ Маркса имѣетъ еще и другое, спеціальное этическое значеніе.

Марксъ также, какъ и Платонъ, отстаиваетъ половой и семейный коммунизмъ.

Онъ, правда, самъ не разработалъ эту сторону системы; но Энгельсъ вполнѣ привилъ къ марксизму этотъ біологическій коммунизмъ.

Однимъ словомъ—коммунизмъ Маркса представляетъ нѣчто большее, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

93. Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить коммунистическіе взгляды Маркса, прежде всего постараемся уяснить основныя понятія.

Какъ мы видѣли, Марксъ отождествляетъ понятія соціализма и коммунизма.

Такое мнѣніе вообще и теперь еще довольно распространено, хотя съ другой стороны ихъ часто и различаютъ. Одни видятъ въ соціализмѣ и коммунизмѣ различіе только въ степени; коммунизмъ есть только крайняя, т. е. высшая степень соціализма. Для другихъ, напр., для Платона, коммунизмъ есть только средство для соціализма; третьи, наконецъ, признаютъ соціализмъ, не требуя коммунизма. Самъ я различаю эти два понятія и считаю коммунизмъ просто одной изъ многихъ соціалистическихъ системъ. Нужно замѣтить, что коммунизмъ тоже можетъ имѣть различныя формы.

Другая связь между словами и понятіями—это связь между коммунизмомъ и коллективизмомъ. Теперь многіе съ большей охотой употребляютъ названіе: коллективизмъ; марксисты тоже начинаютъ предпочитать его. И тутъ не простое различіе въ словахъ: комму-

низмъ обозначаетъ въ этомъ случаѣ экономическое равенство или раздѣлъ имущества по потребностямъ; коллективизмъ отказывается отъ равенства и хочетъ раздѣлять имущества по результатамъ труда. Но часто и коллективисты признаютъ коммунизмъ отдаленной цѣлью; стало быть, коллективизмъ является тогда первымъ шагомъ по пути къ коммунизму. Какъ сказано, можно формулировать коллективизмъ, тоже имѣющій различныя формы, и безъ коммунизма.

Вообще можно сказать, что соціализмъ стремится къ болѣе справедливому или къ вполнѣ справедливому раздѣлу всѣхъ имуществъ и къ усовершенствованію общественной организаціи; справедливое раздѣленіе имуществъ принесетъ пользу прежде всего экономически слабымъ.

Въ этомъ требованіи заключаются еще другія и очень важныя требованія и задачи.

Прежде всего при каждой реформѣ общественнаго строя предполагается, что признанное зло стараго строя устранено и что недостатки новаго строя меньше и болѣе выносимы, чѣмъ недостатки стараго. Невозможно думать, чтобы какой либо новый строй былъ вполнѣ совершенъ и являлся окончательнымъ, такъ какъ это противорѣчитъ современной идеѣ о развитіи. Потому всякая соціалистическая система должна стремиться къ тому, чтобы при введеніи новаго режима экономическое производство было значительно увеличено и чтобы всѣ дѣйствительно творческія соціальныя силы во всѣхъ сферахъ развились.

Люди выносятъ лучше старые недостатки, къ которымъ они привыкли, чѣмъ захотятъ испробовать неизвѣстныя еще имъ блага. Потому то всѣмъ соціальнымъ реформаторамъ приходится неустанно подвергать справедливой и фактической критикѣ старый строй.

Соціализмъ прежде всего и главнымъ образомъ имѣетъ въ виду реформу въ раздѣленіи имуществъ. Но что именно дѣлить? Средства производства (орудія, также банки и т. д.), матеріалы производства или продукты; можно также передѣлить и политическія и религіозныя права, т. е. реформировать ихъ; наконецъ, можно говорить и о половомъ раздѣлѣ, т. е. о реформѣ брачнаго права и всей семейной жизни.

Какимъ образомъ совершать раздѣлъ, на основаніи какого принципа? По способностямъ, по результатамъ труда, по его полезности или по потребностямъ (относительно необходимымъ)? Можно примѣнять каждый изъ этихъ принциповъ раздѣла, какъ порознь, такъ и въ различныхъ ихъ комбинаціяхъ.

Въ концѣ концевъ тутъ будетъ вопросъ въ томъ, какъ дѣлящіеся расцѣниваютъ эти принципы, какъ они опредѣляютъ способности, что они считаютъ болѣе полезнымъ или необходимымъ и т. д.

И кто долженъ взять на себя раздѣлъ? Теперь ставится вопросъ о томъ, долженъ ли новый раздѣлъ быть совершенъ государствомъ или

слѣдуетъ экономически организировать общество подъ спеціальной экономической властью. Въ послѣднемъ случаѣ ставится вопросъ о дальнѣйшемъ раздѣленіи общественныхъ функцій между государствомъ и экономической (пока несуществующей) организаціей (См. объ этомъ §§ 110).

Въ обоихъ случаяхъ одни стоятъ за централизацію и связанное съ ней принужденіе—это коммунизмъ; другіе стоятъ за автономную и федеративную организацію во всѣхъ отношеніяхъ, и, стало быть, и въ экономическомъ—это соціализмъ.

Какъ слѣдуетъ устроить производство и организовать трудъ? Должно ли производство быть централизированнымъ и безъ конкуренціи? Такъ требуетъ коммунизмъ; коллективизмъ, наоборотъ, въ силу своей автономической точки зрѣнія не устраняетъ конкуренціи, а только регулируетъ ее.

Кто въ концѣ является собственникомъ. Государство? Церковь? Различныя организаціи, т. е. здѣсь церковь, тамъ различные союзы и т. д.? Или личность? Тутъ вопросъ въ различіи между собственникомъ и владѣльцемъ и въ томъ, не могутъ ли одновременно существовать различныя формы собственности?

Наконецъ, серьезный отвѣтъ на всѣ эти вопросы является и практическимъ и теоретическимъ разрѣшеніемъ вопроса о цѣнности человѣческой жизни, о ея настоящемъ смыслѣ и о ея конечной цѣли.

Я въ краткихъ словахъ опредѣлю свою собственную точку зрѣнія, поскольку считаю это необходимымъ для уясненія занимающаго насъ вопроса.

Я не признаю абсолютнаго равенства. Опытъ учитъ меня, что люди не равны ни по силамъ, ни по способностямъ. А помимо того среда навязываетъ имъ многія отличія. При соціальной реформѣ вопросъ можетъ состоять только въ томъ, чтобы добиться повозможности болѣе выносимаго неравенства. Законъ можетъ установить только равноправіе, а не равноцѣнность.

Я не признаю также и требованія экономическаго равенства. Я рѣшительно стою за солидарность, но отвергаю коммунизмъ.

Я не признаю экономическаго коммунизма и не вѣрю въ духовный (какъ описываетъ его, напр., Марксъ) и наконецъ я отвергаю коммунизмъ половой и семейный.

Я признаю, однако, что современное неравенство вредно, несправедливо. Въ настоящее время люди мрутъ и отъ голода и отъ пресыщенія (о правовомъ понятіи равенства см. слѣдующую главу).

Я не вѣрю, что бы было возможно осуществить необходимыя реформы только экономическимъ путемъ; одновременно должна произойти реформа нравовъ и взглядовъ.

Для подобной реформы недостаточно матеріализма Маркса. Исто-

рическій матеріализмъ, и матеріализмъ вообще, невозможенъ. Именно поэтому я не считаю священной и неприкосновенной ни частную, ни общественную собственность. Я сужу о всякой формѣ собственности и о ея развитіи прежде всего съ точки зрѣнія полезности, какъ о средствѣ для достиженія цѣли. И потому во всѣхъ отношеніяхъ собственности я вижу только историческія переходныя и преходящія формы.

Коммунизмъ возможенъ только въ такомъ объемѣ и на такихъ основаніяхъ, какъ его опредѣлялъ еще Аристотель, возражая Платону—именно на основѣ дружбы. Это доказывается также и опытомъ различныхъ коммунистическихъ колоній (противники коммунизма часто утверждали, что ни одна коммунистическая колонія не удалась. Это не вѣрно). Коммунизмъ невозможенъ на чисто экономической основѣ—какъ этого требуетъ историческій матеріализмъ. Основа коммунизма и состоитъ именно въ томъ, что каждый хочетъ имѣть то, что имѣетъ другой и долженъ быть тѣмъ, что уже есть другой.

Равенство еще не есть коммунизмъ—его еще слѣдуетъ сначала организовать; а всякая организація основана на нѣкоторомъ неравенствѣ. Я считаю всеобщій экономическій коммунизмъ невозможнымъ даже въ далекомъ будущемъ; для меня онъ не составляетъ общественнаго идеала.

Я, конечно, не восторгаюсь экономической централизаціей; въ политикѣ, также какъ и въ экономіи, я стою за автономію и федерацію. Государственный соціализмъ я не считаю желательнымъ; необходимо организовать самостоятельное экономическое управленіе, независимое отъ государства. Я признаю и полезность конкуренціи.

Но я считаю необходимыми широкія соціальныя реформы. Для того, чтобы указать на направленіе этихъ реформъ (помимо общепризнанныхъ, вродѣ напр. введенія прогрессивнаго налога), укажу на слѣдующія: я признаю право на существованіе и стою за признаніе легальнаго минимума существованія. Что касается до подробностей, то необходимо устранить ростовщичество и всякій паразитизмъ и настало время ограничить право наслѣдованія. Само собой разумѣется, что должно дополнить и усовершенствовать страхованіе рабочихъ, что главная и даже преимущественная задача соціальнаго законодательства должно состоять въ уничтоженіи безработицы.

Наконецъ, я нисколько не боюсь потребовать государственнаго и экономическаго надзора, основаннаго на возможно болѣе совершенной общественной статистикѣ—и притомъ надзора строгаго. Въ особенности необходимо сознающая свои цѣли политика по вопросу о населеніи.

94. Послѣ такого уясненія понятій и взглядовъ мы можемъ приступить къ критическому разбору экономическаго коммунизма Марк-

кса; о духовномъ коммунизмѣ мы уже говорили, а о половомъ будемъ говорить дальше.

Противъ коммунизма Маркса можно сдѣлать тѣже возраженія, которыя были сдѣланы нами противъ его философіи, и въ особенности противъ его матеріализма. Марксъ хочетъ совершенно новаго общества, но состоящаго изъ старыхъ людей; изъ отвращенія къ идеологіи и въ особенности къ этикѣ онъ приводитъ за коммунизмъ, собственно говоря, только одинъ аргументъ—историческое развитіе. Онъ пытается доказать, что законъ развитія, законъ отрицанія отрицанія, съ почти математической достовѣрностью приводитъ общество къ коммунизму, хотимъ мы этого или нѣтъ. Другіе коммунисты и соціалисты основываютъ свои системы на требованіяхъ высшей нравственности, а Марксъ ссылается на историческій опытъ. Коммунизмъ существовалъ и существовалъ очень долго—стало быть, онъ не утопія. Для Маркса коммунистическій соціальный идеалъ есть идеалъ вполнѣ практическій, выводъ изъ предшествующихъ коммунистическихъ и капиталистическихъ посылокъ.

При историзмѣ Маркса и Энгельса это вполнѣ понятно; но тутъ снова появляется вопросъ: развѣ то, что существовало, составляетъ достаточное основаніе для того, что должно быть, для того, что мы должны дѣлать? Да и почему же коммунизмъ, если онъ былъ такой идеальной, даже единственной идеальной, соціальной системой, исчезъ?

Марксъ, руководясь своей діалектикой, сдѣлалъ изъ капитализма и коммунизма прямое историческое и логическое противорѣчіе. Слѣдуетъ помнить при этомъ, что онъ не анализировалъ надлежащимъ образомъ капитализма, что онъ понималъ его узко и односторонне, и потому то его коммунизмъ, какъ противорѣчіе капитализму, страдаетъ тѣми же недостатками. А помимо того—могутъ существовать многія коммунистическія экономическія системы, такъ что коммунизмъ не является никоимъ образомъ единственнымъ противорѣчіемъ капитализма.

Марксъ въ особенности настаиваетъ на слѣдующемъ аргументѣ въ пользу коммунизма: при системѣ капитализма трудъ общественный, а собственность частная; это вопіющее противорѣчіе—ergo не остается ничего другого, какъ сдѣлать общественной, т. е. коммунистической, также и собственность.

Тутъ мы видимъ очевидное злоупотребленіе терминомъ: общественный; общественный трудъ еще не обозначаетъ труда коммунистическаго; это просто арифметическая сумма всего сдѣланнаго труда, необходимая для того, чтобы выяснить средній трудъ. Правда, что Марксъ охотно представляетъ общество, какъ организмъ; но это неоправдываемо; а кромѣ того и самъ онъ оставляетъ этотъ взглядъ,

устанавливая между капиталистомъ и рабочимъ чисто личный договоръ.

Коммунизмъ и исторически не является абсолютнымъ противорѣчіемъ капитализма; если судить на основаніи древности человѣчества и продолжительности предстоящаго ему будущаго, то будетъ представляться немыслимымъ, чтобы коммунизмъ былъ окончательной организаціей общества (ср. §§ 57).

Марксъ и его послѣдователи видятъ въ нѣкоторыхъ современныхъ учрежденіяхъ элементы будущаго коммунизма: капиталистическая централизація должна составлять переходъ къ коммунизму.

Такъ, наприм., Бернштейнъ («Общественная и частная собственность» ст. 10) видитъ въ коллективной формѣ акціонерныхъ обществъ «матеріальные элементы коллективной формы собственности, о которой соціализмъ говоритъ, что она сама уже создается развитіемъ капиталистическаго общества».

Я не буду спорить о словахъ; но въ акціонерныхъ обществахъ я не вижу ничего коммунистическаго; соединеніе и обобществленіе извѣстнаго количества лицъ въ акціонерномъ обществѣ имѣетъ характеръ чисто частноправовой. Не могу я усмотрѣть никакого коммунизма и никакого подготовленія къ комунистическому строю и въ монополіяхъ и въ такъ называемомъ государственномъ и муниципальномъ соціализмѣ (государственныя желѣзныя дороги, домены, учрежденія страховыя, армія, бюрократія и т. д.) Акціонерныя общества, синдикаты и т. д. хозяйничаютъ на основѣ существующихъ отношеній собственности. Раздѣленіе имуществъ между чиновниками и военными не коммунистическое, а индивидуалистическое, т. е. аристократическое, іерархическое; да и вся организація бюрократическаго и воинскаго труда іерархическая, а не коммунистическая.

Потому я не согласенъ съ тѣми катедеръ-соціалистами, которые употребляютъ слово коммунизмъ для обозначенія такого общаго хозяйства [1]).

---

[1]) Для Вагнера коммунизмъ=общему хозяйству, общему и принудительному. Вагнеръ полагаетъ, что онъ имѣетъ право употреблять терминъ коммунизмъ въ этихъ случаяхъ, не обращая вниманія на предразсудки толпы. Но гораздо лучше по возможности держаться общепризнанной терминологіи.

Терминологія Маркса и Энгельса вообще не особенно точна. Они говорятъ о личной, индивидуальной или частной собственности (или владѣніи) и противуставляютъ ей общественную или общую собственность. Энгельсъ отождествляетъ названія: всеобщій и общій (Анти-Дюрингъ ст. 187 и слѣд.); такъ для него наука то общее, то всеобщее дѣло (мышленіе всеобще, а пользованіе напр. мостомъ обще, общественно). Каутскій, какъ сказано, говоритъ объ единомъ большомъ товариществѣ и т. д.

Интересно сравнить главныя формулы Маркса въ прежнемъ и новыхъ изданіяхъ „Капитала“—читатель увидитъ, что Марксъ не имѣлъ особенно опредѣленныхъ понятій о своихъ главныхъ требованіяхъ. Во второмъ изданіи мы читаемъ (курсивъ мой): „капиталистическій способъ производства и присвоенія, а потому и капиталистическая *частная собственность*, есть первое отрицаніе *индивидуальной*, основанной на собственномъ трудѣ *частной собственности*. Отрицаніе капиталистическаго производства производится само собой съ необходимостью естественнаго процесса. Это отрицаніе отрицанія. Оно снова возстановляетъ *индивидуальную собственность*, но уже на основѣ пріобрѣтеній капиталистической эры, кооперація свободныхъ рабочихъ и ихъ *общей собственности* на землю и *на средства производства*, производимыя самимъ трудомъ“. Ср. четвертое изданіе (728): „*вытекающій* изъ капиталистическаго способа производства капиталистическій способъ присвоенія, а потому и *капиталистическая частная собственность*, есть первое отрицаніе *индивидуальной частной собственности*, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство съ необходимостью естественнаго процесса производитъ свое собственное отрицаніе. Это отрицаніе отрицанія. Оно *не возстановляетъ частной собственности, а собственность индивидуальную*, на основѣ пріобрѣтеній капиталистической эры: кооперація и *общаго владѣнія* землей и *средствами производства*, производимыми самимъ трудомъ“.

Въ первомъ положеніи Марксъ еще не выводитъ способъ присвоенія изъ способа производства и во всякомъ случаѣ тутъ онъ правъ. Марксъ нигдѣ не доказалъ, что форма присвоенія проистекаетъ изъ формы производства; да и само по себѣ это положеніе для эпохи капитализма представляетъ тавтологію. Но въ особенности любопытно то, что въ четвертомъ изданіи общее владѣніе замѣняетъ общую собственность. Сдѣлана также попытка отличать частную собственность отъ индивидуальной.

[1]) Въ критикѣ Готской программы Марксъ отличаетъ переходную стадію отъ окончательнаго коммунизма; въ переходное время подъ вліяніемъ капиталистическихъ правовыхъ воззрѣній равное право обозначаетъ, собственно, право неравное, ибо люди не равны по способностямъ, отношеніямъ (семейные, холостые) и т. д. Но Марксъ все таки принимаетъ лозунгъ равноправія или, лучше сказать, онъ терпитъ его. На высшей ступени развитія коммунистическаго общества исчезнутъ раздѣленіе труда и различіе между физическимъ и психическимъ трудомъ; будутъ дѣлиться по принципу: каждый по его способности, каждому по его потребностямъ. Стало быть, опять неравенство.

[2]) Эрфуртская программа не выставляетъ требованія коммунизма въ настоящемъ; она признаетъ его необходимость только въ общей части. Въ

Марксъ и его послѣдователи не высказываются ясно и точно о принципѣ коммунистическаго раздѣла имуществъ. Въ принципѣ признается полное равенство и прежде всего равенство въ трудѣ (раздѣленіе труда уничтожается); такимъ образомъ какъ бы принимается старый коммунистическій принципъ о раздѣлѣ имуществъ (благъ) по потребностямъ [1]).

У самого Маркса встрѣчаются и другія опредѣленія. Въ «Капиталѣ», особенно во второй и третьей частяхъ, раздѣленіе продуктовъ производится по работѣ или, какъ точнѣе—хотя все таки не особенно точно—выражается Энгельсъ, на основаніи интересовъ труда. При этомъ Энгельсъ признаетъ, что рабочій не имѣетъ права на полный продуктъ труда [2]).

У Маркса мы не находимъ указаній, кто долженъ осуществить организацію коммунизма и какую именно организацію. Конечно, для этого еще недостаточно «общество». Если государство «вымираетъ,» то кто же будетъ главой этой организаціи? И какъ велика будетъ область, охваченная коммунизмомъ? [1])

Таже неясность и неопредѣленность у Маркса и его послѣдователей и въ другихъ опредѣленіяхъ. Марксъ и Энгельсъ ожидали господства коммунизма уже въ настоящемъ — въ концѣ они оставили эту надежду также, какъ Каутскій, Бернштейнъ и друг. Такое противорѣчіе замѣчается въ томъ, что съ одной стороны ожидаются окончательное низверженіе и катастрофа капитализма посредствомъ революціи, а съ другой стороны надежды на революцію становятся слабыми и преобразованіе общества ожидается отъ техническаго, политическаго и общаго прогресса.

Однако довольно — можетъ быть, даже и черезъ чуръ много. Во всякомъ случаѣ въ третьей части «Капитала» коммунизмъ Маркса очень отощалъ. «Дѣло приводится просто... къ регулированію и особенно къ сокращенію рабочаго времени, къ раздѣленію труда и къ правильной бухгалтеріи». Это звучитъ уже совсѣмъ не такъ, какъ требованія «Коммунистическаго Манифеста».

B.

Первобытный коммунизмъ. Развитіе семьи и цивилизація.

55. Платонъ, первый великій теоретикъ коммунизма, требовалъ коммунизма ради философскихъ и этическихъ соображеній. Идеальное государство должно быть воплощеніемъ справедливости и для достиженія этой цѣли необходимъ коммунизмъ. Коммунизмъ Платона

ней даже нѣтъ слова: коммунизмъ, оно замѣнено „общественной собственностью“.

Готская программа тоже избѣгаетъ слова: коммунизмъ и говоритъ только о томъ, что принадлежитъ обществу; она признаетъ равныя права, но „для каждаго по его разумнымъ потребностямъ“ она гласитъ: „освобожденіе труда требуетъ превращенія средствъ труда въ общее имущество общества и товарищескаго (genossenschaftliche) регулированія общаго труда для общеполезнаго примѣненія и при справедливомъ раздѣленіи продуктовъ труда“.

Эйзенахская программа относительно коммунизма еще неопредѣленнѣе; въ ней требуется для рабочаго полный продуктъ его труда.

[1]) По словамъ Каутскаго (Эрфуртская программа 121) соціалистическое общество (товарищество Genossenschaft) должно производить все, необходимое для его поддержанія, и для этого „временно“ достаточно, чтобы оно имѣло размѣры современнаго государства—со временемъ же все человѣчество будетъ единымъ обществомъ (всемірной республикой).

этическій по преимуществу и уже только потомъ экономическій. Онъ долженъ былъ быть только средствомъ—онъ долженъ былъ предохранять отъ перенаселенія и спасти отъ общаго физическаго и нравственнаго вырожденія. Это вырожденіе, по мнѣнію Платона, появилось въ тогдашнемъ обществѣ постепенно потому, что простыя отношенія идеальнаго золотаго вѣка были разрушены ненасытностью и стремленіемъ къ наслажденіямъ. Въ первобытномъ государствѣ какъ бы мало оно ни было, царили миръ и спокойствіе, люди были здоровы и доживали счастливыми и довольными до глубокой старости; пищи—исключительно растительной—было достаточно, страна не была перенаселена, войнъ не было. Но люди сдѣлались надменными и жадными къ наслажденіямъ; ихъ государство казалось имъ простымъ и малымъ, потому они начали отнимать имѣнія у сосѣдей—началась война, а съ ней и внутреннія угнетенія; стремленіе къ наслажденіямъ и надменность повели къ увеличенію и обогащенію государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ ко всеобщему упадку и къ несправедливости.

Противъ такого упадка Платонъ ищетъ спасенія въ коммунизмѣ. Но его коммунистическая система оригинальна. Онъ желаетъ не всеобщаго, а частнаго коммунизма: только два высшіе, господствующіе класса, классы правительственный и воинскій, должны жить коммунистически; рабочій же народъ, прокармливающій войско и чиновниковъ, сохраняетъ частную собственность. Аристократъ Платонъ полагалъ, что государство будетъ реформировано, если будетъ реформированъ господствующій классъ; рабочій классъ, какъ бы многочисленъ онъ ни былъ, долженъ жить по старому.

Платонъ ни довольствуется однимъ только экономическимъ коммунизмомъ. Онъ хотѣлъ прежде всего, чтобы граждане были братьями—общее братство, лозунгъ французской революціи, былъ провозглашенъ еще Платономъ. Онъ стремился достигнуть этого братства не только посредствомъ воспитанія и измѣненія нравовъ, но и прямо физіологически—посредствомъ общности женъ и дѣтей. Прежняя семья должна быть уничтожена, и ее должны замѣнить не свободные браки, а браки, строго регулируемые на основаніи гигіеническихъ законовъ подбора. Для того, чтобы потомство было сильнымъ, браки должны были заключаться такимъ образомъ, чтобы на время соединялись только физіологически способные мужчины и женщины, и притомъ только ради того, чтобы государство получало предписанный контингентъ новорожденныхъ, способныхъ потомъ носить оружіе, и вообще опредѣленное количество населенія. Постояннаго сожительства не существовало бы, кромѣ старости, когда женщины уже не могутъ родить. Дѣти съ момента рожденія воспитываются государствомъ; выросшіе, они не знаютъ родителей также, какъ и родители не знаютъ своихъ дѣтей (метрики должны вестись тайно правящими

лицами; они же должны заботиться о своевременномъ спариваніи, препятствовать соединенію братьевъ и сестеръ и т. д.); такимъ образомъ должно быть достигнуто всеобщее братство; государство должно превратиться въ одну большую семью, гдѣ все старшее поколѣніе было бы отцами и матерями, а младшее братьями и сестрами.

Въ концѣ концевъ вся эта коммунистическая система основана на философскомъ ученіи Платона, въ особенности на его ученіи объ идеяхъ, стало быть, на подлинной идеологіи; коммунизмъ не былъ конечной цѣлью, а только средствомъ для достиженія этой цѣли.

Но почему я вспомнилъ о древнемъ Платонѣ? Потому, что Платонъ имѣлъ значительное вліяніе на современный соціализмъ и коммунизмъ, а также и на Маркса и Энгельса. Сравненіе ихъ съ Платономъ будетъ очень полезно для ихъ пониманія—во всякомъ случаѣ болѣе полезно, чѣмъ представляется на первый взглядъ.

Марксъ хочетъ устранить при посредствѣ коммунизма тѣ же самые недостатки, какъ и Платонъ—вырожденіе, перенаселеніе, анархію и т. д.—все это мы находимъ у Маркса также, какъ у Платона. У Маркса и Энгельса вырожденіе начинается тоже съ хищности и стремленія къ власти и т. д. Но есть, конечно, и различія; Платонъ не уничтожаетъ раздѣленія труда, милитаризма и т. п. Марксъ вопреки своему позитивизму и аморализму требуетъ коммунизма также, какъ и Платонъ, ради этическихъ соображеній, ради справедливости и истинной гуманности.

Платонъ требуетъ, чтобы философы стали господами, правителями (или чтобы правители стали философами). Марксъ этого не требуетъ, такъ какъ при коммунизмѣ всѣ становятся философами—по словамъ Энгельса уничтожается различіе между архитекторомъ и поденщиками. Чѣмъ для Платона была идеологія (въ настоящемъ смыслѣ слова), то для Маркса матеріализмъ—матеріализмъ есть философія будущаго коммунизма, есть логическая основа коммунизма вообще.

Любопытнѣйшее согласіе марксизма съ Платономъ состоитъ въ томъ, что и Марксъ сознавалъ необходимость реформировать семью на началахъ коммунистическихъ. Объ этой сторонѣ марксизма обыкновенно забываютъ—вѣроятно потому, что эту часть системы Маркса разработалъ не онъ самъ, а Энгельсъ. Какъ указываетъ самое заглавіе сочиненія Энгельса («Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. По поводу изслѣдованія Люиса Моргана 1892 г.), онъ обработалъ сочиненіе американца Моргана [1]). Энгельсъ разсказываетъ въ предисловіи, что и самъ Марксъ хотѣлъ установить связь изслѣдованій Моргана съ своимъ историческимъ матеріализмомъ, но не успѣлъ сдѣлать это. Энгельсъ воспользовался критическими замѣчаніями Маркса, сдѣланными имъ къ извлеченію изъ произведенія Моргана, дополнилъ идеи Моргана своими экономическими разъясненіями и такимъ образомъ, не смотря на зависимость отъ американскаго ученаго и отъ Фурье (изъ котораго черпалъ и самъ Морганъ) онъ далъ работу, чрезвычайно важную, какъ дополненіе системы Марксъ. Энгельсъ заявляетъ даже, что Марксъ вполнѣ уяснилъ значеніе историческаго матеріализма объясненіемъ идей Моргана.

[1]) Главное произведеніе Моргана—Ancient Society—появилось въ 1877 г. нѣмецкій переводъ Эйхгофа и Каутскаго вышелъ въ 1891 году.

96. Мы уже говорили, насколько Энгельсъ видоизмѣнилъ первоначальное опредѣленіе историческаго матеріализма, прибавивъ къ производству пищевыхъ и жизненныхъ средствъ «производство» самого человѣка, размноженіе. Такое новое опредѣленіе историческаго матеріализма мы встрѣчаемъ въ этомъ сочиненіи, изъ котораго мы только и можемъ узнать, по словамъ Энгельса, что такое, собственно, историческій матеріализмъ.

Въ краткихъ словахъ главная идея сочиненія Энгельса состоитъ въ слѣдующемъ:

Чѣмъ менѣе въ началѣ развитія развился трудъ, чѣмъ меньше была его производительность, тѣмъ болѣе общественный строй управлялся половыми и родственными узами. Несмотря на это при такомъ общественномъ строѣ, основанномъ на половыхъ отношеніяхъ и на отношеніяхъ кровнаго родства, производительность труда увеличивалась, и вмѣстѣ съ этимъ развивалась и частная собственность; появился обмѣнъ, было введено рабство и общество дифференцировалось на классы. Это распаденіе общества на классы создало совершенно новый общественный строй, противорѣчащій старому, основанному на кровномъ родствѣ. Правда, старый первоначальный строй приспособлялся къ новому, но только до извѣстной степени; наконецъ новый строй вполнѣ разложилъ старый и появилось вполнѣ новое общество, классовое и основанное на раздѣленіи труда.

Руководящимъ органомъ этого новаго общества было государство; мѣсто родовыхъ связей замѣнили мѣстныя, семейный строй замѣнился отношеніями собственности. При новомъ строѣ классовыя противорѣчія и классовая борьба, составляющія содержаніе всей записанной исторіи, достигло полнаго развитія.

Мы уже сказали, что Энгельсъ такимъ объясненіемъ принципіально измѣняетъ историческій матеріализмъ. И дѣйствительно, если въ началѣ развитія общество было организировано кровными и семейными узами, то, вѣдь, это уже совсѣмъ иныя движущія общественныя и историческія силы, чѣмъ производственныя отношенія, признаваемыя историческимъ матеріализмомъ единственными движущими исторію силами. Какимъ образомъ объяснить переходъ отъ одного общественнаго строя къ другому? По словамъ Моргана, прежнее

развитіе продолжалось сто — двѣсти тысячъ лѣтъ; а такъ какъ по Энгельсу новое государственное общество существуетъ только двѣ — три тысячи лѣтъ, то спрашивается: мыслимо ли, чтобы основа столь продолжительнаго развитія исчезла такъ безслѣдно, какъ предполагаетъ Энгельсъ? Предположимъ даже, что производственныя отношенія позднѣе получаютъ новое и большое значеніе, но были ли они дѣйствительно сильнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ прежнія соціальныя и историческія силы? Во всякомъ случаѣ первоначальная общественная организація должна была настолько подготовить дальнѣйшее развитіе и ея слѣды должны были сохраниться настолько (по крайней мѣрѣ, какъ такъ называемыя переживанія), что уже по одному этому историческій матеріализмъ получаетъ совершенно иной смыслъ.

То, что при изложеніи теоріи развитія Маркса представлялось только in abstracto, теперь проявляется въ культурно исторической конкретности; руководясь своимъ несчастнымъ закономъ отрицанія отрицанія, Энгельсъ противупоставляетъ первобытному обществу совершенно новое, цивилизованное, также какъ этому послѣднему онъ снова противупоставляетъ новѣйшее коммунистическое общество. Но съ другой стороны онъ является послѣдователемъ современныхъ идей о развитіи, при которыхъ не признаются рѣзкіе перевороты въ исторіи. Во всякомъ случаѣ историческій матеріализмъ существенно видоизмѣняется. Маркса и Моргана такимъ образомъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, невозможно отождествлять, какъ хочетъ отождествить ихъ Энгельсъ [1]).

[1]) Энгельсъ невѣрно устанавливаетъ отношеніе Маркса къ Моргану, утверждая, будто Морганъ самостоятельно открылъ историческій матеріализмъ; правда, Энгельсъ дѣлаетъ оговорку: „по своему“. Въ дѣйствительности у Моргана не имѣется никакого историческаго матеріализма. Въ этомъ отношеніи Энгельсъ совершенно невѣрно излагаетъ Моргана, какъ читатель легко убѣдится, прочтя вводную главу у Моргана посвященную методу. Энгельсъ на 1 страницѣ приводитъ цитату изъ Моргана; но она неполна и поэтому происходитъ недоразумѣніе. А именно Энгельсъ ссылается на Моргана въ защиту своего мнѣнія, что историческія эпохи различаются по прогрессу въ производствѣ пищи; а у Моргана это только одинъ изъ факторовъ, и притомъ условный; въ дѣйствительности Морганъ различаетъ историческіе періоды на основаніи четырехъ факторовъ: изобрѣтеній и открытій, строя семьи и племени и наконецъ отношеній собственности. Морганъ не придаетъ всѣмъ этимъ факторамъ одинаковаго значенія; наибольшую роль у него играютъ семейныя отношенія, тогда какъ при характеристикѣ періодовъ у Энгельса этотъ факторъ подчиненный. Морганъ раздѣляетъ эти четыре фактора на нѣсколько категорій: строй жизни — общественныя учрежденія — языкъ — семья — религія — домашняя жизнь и архитектура — собственность. Наконецъ замѣчу, что Морганъ считаетъ движущими силами исторіи идеи и стремленія; при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что методъ Моргана не діалектическій. Потому совершенно невѣрно, что точка зрѣнія Моргана тождественна съ историческимъ матеріализмомъ Маркса.

94. Чтобы понять сущность первобытнаго коммунизма Энгельса, необходимо познакомиться съ его взглядами на первобытную семью и на первобытную культуру вообще (по мнѣнію Энгельса, нельзя тутъ употребить выраженіе: цивилизація).

Энгельсъ, слѣдуя Моргану, различаетъ въ исторіи три главныхъ періода: дикость, варварство и цивилизацію. Дикость и варварство распадаются тоже на три подъотдѣла: низшая, средняя и высшая ступени. Въ краткихъ словахъ получается такая схема:

На низшей ступени дикости, во времена дѣтства человѣчества, человѣкъ жилъ на деревьяхъ, — по крайней мѣрѣ отчасти — пища была растительной, развивается рѣчь. Это переходъ отъ животнаго къ человѣку.

Средняя ступень дикости: кромѣ растительной пищи появляется и животная, сначала рыбы и вообще фауна водъ; человѣкъ уже знаетъ огонь. Новое питаніе дѣлаетъ его независимымъ отъ климата и мѣстности; онъ распространяется по берегамъ рѣкъ и морей. Неотшлифованныя каменныя орудія (древнѣйшій каменный, палеолитическій періодъ).

Къ пищевымъ средствамъ прибавляются дичь и испеченные на огнѣ плоды. При недостаткѣ пищи господствуетъ антропофагія. На этой ступени развитія стоятъ австралійцы и полинезійцы.

Высшая ступень дикости: изобрѣтеніе лука и стрѣлъ. Охота становится правильнымъ занятіемъ. Зачатки поселеній деревнями; деревянныя орудія, шлифованныя каменныя орудія (неолитическій періодъ); лодки изъ выдолбенныхъ стволовъ дерева; зачатки постройки домовъ изъ деревъ и досокъ. На этой ступени находятся сѣверозападные индѣйцы.

Низшая ступень варварства: изобрѣтеніе гончарнаго искусства, прирученіе животныхъ, культура растеній. До этой ступени развитіе по всей землѣ было одинаково. Теперь Америка отдѣляется отъ Стараго Свѣта; въ Старомъ Свѣтѣ имѣются всѣ способныя къ прирученію животныя и всѣ культурныя растенія, кромѣ маиса; въ Америкѣ изъ прирученныхъ животныхъ есть только лама, а изъ растеній только маисъ.

Средняя ступень варварства. — Въ Америкѣ: культура пищевыхъ растеній, употребленіе на постройки высушенныхъ на солнцѣ кирпичей. Перуанцы обработываютъ руды, кромѣ желѣза, но употребляютъ еще каменныя орудія и оружіе. Завоеваніе Испаніей прерываетъ дальнѣйшее самостоятельное развитіе.

Въ Азіи: прирученіе животныхъ, дающихъ молоко и мясо. Злаки, вѣроятно, еще не культивируются. Арійцы и семиты отдѣляются отъ другихъ націй, главнымъ образомъ потому, что они занимаются преимущественно скотоводствомъ. Это занятіе создаетъ пастушескую жизнь; семиты пасутъ свои стада на берегахъ Тигра и Евфрата,

арійцы—въ равнинахъ Индіи, по Оксу, Яксарту, Дону и Днѣпру. Въ западно-азіатскія и европейскія лѣсистыя страны они не могутъ переселяться, такъ какъ тамъ недостаточно корму для скота, особенно въ зимнее время; культура злаковъ начинается, вѣроятно, сначала для корма скота, а потомъ и для человѣка. Изобиліе мясной и молочной пищи объясняетъ способность и превосходство этихъ двухъ расъ (у индѣйцевъ Новой Мексики, питающихся только растеніями, мозгъ меньше, чѣмъ у другихъ индѣйцевъ, питающихся рыбой и мясомъ). На этой ступени антропофагія уже исчезаетъ и сохраняется только, какъ религіозный актъ.

Высшая ступень варварства начинается добываніемъ желѣза; съ открытіемъ и употребленіемъ алфавита развивается цивилизація: греки историческаго вѣка, итальянцы до основанія Рима, германцы Тацита, норманы во времена викинговъ.

Желѣзный плугъ и запряжка воловъ дѣлаютъ возможнымъ развитіе земледѣлія въ крупныхъ размѣрахъ и оно доставляетъ сравнительно изобильную пищу; лѣса вырубаются, населеніе значительно увеличивается. До тѣхъ поръ, пока не существовало земледѣлія, едва ли бы было возможно соединить подъ однимъ управленіемъ милліоны людей.

Высшая ступень варварства описана въ Иліадѣ Гомера.

Цивилизація развивается въ Афинахъ съ появленіемъ государства.

Краткое резюме:

Дикость: Человѣкъ присваиваетъ главнымъ образомъ готовые продукты природы; онъ способенъ приготовлять только такія орудія, которыя необходимы для такого присвоенія.

Варварство: скотоводство и земледѣліе; изученіе методовъ работы, посредствомъ которыхъ увеличивается количество продуктовъ природы.

Цивилизація: дальнѣйшая обработка продуктовъ природы, настоящія промышленность и искусство.

Въ этихъ культурныхъ рамкахъ развивается семья, т. е. половыя и семейныя отношенія.

На низшей ступени дикости, по словамъ Энгельса, господствуетъ безпорядочное смѣшеніе половъ—и притомъ абсолютное, «если только оно дѣйствительно существовало». Этимъ не исключаются отдѣльныя спариванья на нѣкоторое время; но вообще половыя и семейныя отношенія нерегулированы, неправильны, хотя подобное смѣшеніе и не есть еще проституція. Ревность не существуетъ («ревность есть чувство, сравнительно поздно развившееся»); нѣтъ и понятія о кровномъ родствѣ и о кровосмѣшеніи; это отношенія «наивно первобытныя» (naiv waldursprüngliche—любимое выраженіе Энгельса).

Первая опредѣленная форма семьи—это родственная по крови семья; сестры и братья брачутся взаимно; но братьями и сестрами

считаются не только братья и сестры по крови, а и двоюродные и троюродные. Стало быть, это браки по возрасту и по поколѣніямъ; теперь исключаются браки между родителями и дѣтьми, раньше бывшіе обычными (при смѣшеніи половъ). Такой родственной по крови семьи теперь нигдѣ не существуетъ, да и вообще она не существовала во времена историческія; но Морганъ на основаніи особой системы родства, господствующей на Гаваи и въ Полинезіи, дѣлаетъ выводъ, что она существовала, и признаетъ гавайскую систему типической.

Вторая форма семьи—это групповый бракъ (по-гавайски: пуналуа). На этой стадіи близкое кровосмѣшеніе устраняется еще болѣе: сестры (кузины и т. д.), суть общія жены общихъ мужей, но не братьевъ; у братьевъ общія жены, но уже не сестры. Потому браки братьевъ и сестеръ исключены. Эта форма установлена Морганомъ на основаніи американской организаціи родства и на Гаваи она существуетъ фактически. По словамъ Моргана это наиболѣе разработанная система родства; Морганъ приводитъ 219 названій для обозначенія различныхъ степеней родства; при системѣ родства по крови имѣется только 157 названій, при системѣ моногаміи у римлянъ 176 названій, и у арабовъ 154.

Групповый бракъ имѣетъ различныя формы; типичная его форма есть гавайскій бракъ [1]).

Этой формой и смѣшеніемъ половъ характеризуется дикость; какъ переживаніе она встрѣчается и въ позднѣйшее время. У нѣкоторыхъ народовъ встрѣчается временное смѣшеніе половъ—это остатокъ первобытнаго смѣшенія. Напр. вавилонянки должны были разъ въ годъ предаваться такому безпорядочному смѣшенію въ храмѣ Милиты; по мнѣнію Энгельса, позднѣйшее jus primae noctis есть тоже остатокъ групповаго брака и прежнихъ формъ.

Въ групповой семьѣ (также, какъ и въ семьѣ родственной по крови и при безпорядочномъ смѣшеніи половъ) отецъ неизвѣстенъ, извѣстна только мать (mater semper certa—говорили еще римляне); потому происхожденіе считается по матери. Семья естественно развилась въ роды и племена, въ которыхъ господствовало наслѣдованіе по матери. Потому же этой ступени развитія мать вообще имѣла больше значенія и авторитета, чѣмъ отецъ — существовало материнское право или матріархатъ. Энгельсъ удерживаетъ это названіе Баховена въ полномъ его значеніи: мать есть глава семьи и рода, она обладаетъ высшимъ правомъ, наслѣдованіе идетъ по женской линіи. Общество организовано матріархальными родами, родъ есть замкнутый кругъ родственниковъ по женской линіи. Энгельсъ, слѣ-

---

[1]) Названіе пуналуа значитъ товарищи; такъ называются и мужчины и женщины, группы братьевъ и сестеръ.

дуя Моргану, обыкновенно употребляетъ для обозначенія рода слово gens.

Въ семьѣ и въ родѣ хозяйство общее—болѣе или менѣе полный коммунизмъ половъ соединяется съ экономическимъ; и именно это коммунистическое хозяйство составляетъ въ свою очередь основу главенства женщинъ, потому что хозяйство это домашнее. Коммунистическое домашнее хозяйство и господство женщинъ въ домѣ, по словамъ Энгельса, тождественны.

На низшей ступени варварства появляется третья форма семьи, которую Морганъ называетъ *синдіасмической* (бракъ парный). Это уже отчасти моногамія. Отдѣльныя пары живутъ въ бракѣ, продолжительность котораго зависитъ отъ воли супруговъ. Мужчина можетъ при этомъ быть полигамистомъ и кромѣ того вступаетъ и въ случайные союзы. На этой стадіи развитія бракъ между родственниками по крови еще болѣе исключается; исключаются всѣ родственники, и не только по крови, но и по свойству, по родству по бракамъ; форма групповаго брака фактически становится невозможной. Этой формѣ семьи не соотвѣтствуетъ никакая система родства.

На этой стадіи развитія женщинъ покупаютъ, появляется также и похищеніе ихъ. Эта форма появляется на границѣ между дикостью и варварствомъ (иногда и на низшей ступени варварства); вообще эта форма характерна для варварства также, какъ групповый бракъ характеризуетъ дикость, а моногамія цивилизацію.

Когда общество достигаетъ въ своемъ развитіи средней ступени варварства, въ Старомъ Свѣтѣ происходятъ крупныя измѣненія въ хозяйствѣ и въ семьѣ. Появляются патріархи съ ихъ частной собственностью, со стадами; одновременно въ семьѣ мѣсто матери замѣняетъ отецъ. Происхожденіе по женской линіи замѣняется происхожденіемъ по мужской; дѣти начинаютъ наслѣдовать отцу. «Ниспроверженіе материнскаго права было историческимъ, всемірнымъ пораженіемъ для женщины». Уничтоженіе матріархальнаго родового строя было однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ переворотовъ, пережитыхъ человѣчествомъ и этотъ переворотъ былъ совершенъ мирными пастухами.

Съ ростомъ богатства вводится рабство, а съ рабствомъ и женщина становится рабыней.

Патріархальная семья (напр. Авраамъ въ Ветхомъ Завѣтѣ) есть переходная форма къ моногаміи. Сущность патріархальной семьи не въ полигаміи, а во власти отца; истинный типъ такой семьи—семья римская; къ семьѣ принадлежатъ и домочадцы (рабы); отецъ, мужчина, есть господинъ жизни и смерти всѣхъ членовъ семьи, и жены и дѣтей. Въ зародышѣ эта семья уже содержитъ всѣ неравенства современнаго общества—замѣчаетъ Марксъ.

Сербская и болгарская задруга (которую Энгельсъ смѣшиваетъ съ южно-славянской институціей братства—побратимства) есть тоже переходная форма—именно переходъ отъ матріархальной семьи къ современной [1]).

Наконецъ появляется теперь существующая моногамная семья. Эта форма также имѣетъ развитую систему родства. Она появилась въ эпоху между средней и высшей ступенями варварства; при ней цивилизація вытѣсняетъ варварство. Уже Гомеръ описываетъ эту форму—жена есть просто старшая изъ служанокъ. Это значитъ, что бракъ зиждется на чисто-экономическомъ фундаментѣ, чего не было при прежнихъ формахъ брака. Изъ моногаміи у грековъ необходимо развивается гетеризмъ, остатокъ прежней свободы групповыхъ браковъ; если женщина хочетъ оставаться настоящей женщиной, ей приходится сдѣлаться гетерой—въ позднѣйшее время, и до сегодня, проституція, крайняя форма гетеризма, составляетъ дополненіе моногаміи. Оставленная супруга мститъ прелюбодѣяніемъ—это тоже неизбѣжная соціальная институція при моногаміи.

98. Я не прерывалъ изложенія Энгельса ни однимъ замѣчаніемъ, хотя имѣлъ поводъ для этого при каждомъ почти положеніи. Понятно, что я не буду вдаваться въ подробности, такъ какъ насъ интересуетъ только общій вопросъ. Я буду разсматривать культурную исторію Энгельса только съ ея соціологической стороны, и вообще главная задача состоитъ въ томъ, чтобы показать читателю марксизмъ съ этой стороны, менѣе извѣстной.

Прежде всего читатель могъ убѣдиться, что Энгельсъ оставляетъ свой историческій матеріализмъ для всей древней эпохи, т. е. для времени, неизмѣримо болѣе продолжительнаго, чѣмъ вся писанная европейская исторія, такъ какъ онъ признаетъ, что тогда общество было организовано на основаніи кровнаго родства. Неподлежитъ никакому сомнѣнію, зачѣмъ это ему нужно: то, что Платонъ конструируетъ, какъ идеалъ соціальной реформы, Энгельсъ переноситъ, какъ дѣйствительность, въ прошлое, и притомъ съ очевиднымъ намѣреніемъ дать своему коммунистическому идеалу историческую, конкретную и практическую основу. По мнѣнію Энгельса первобытное общество было прямо таки единымъ тѣломъ—тогда существовалъ коммунизмъ не только экономическій, но и половой—однимъ словомъ, абсолютный. И этотъ коммунизмъ былъ этическимъ и соціальнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ.

Всякій, внимательно прочитавшій изложеніе Энгельса, замѣтитъ его внутреннія противорѣчія и слабыя мѣста, даже въ томъ случаѣ, если онъ не знаетъ о положеніи современной науки о первобытномъ

---

[1]) Энгельсъ считаетъ полигамію и поліандрію формами исключительными, „исторической роскошью“.

обществѣ—ужъ черезъ чуръ бросается въ глаза искусственность его построеній. Но въ особенности это касается основной мысли Моргана, что коммунизмъ можетъ осуществиться на этической основѣ и притомъ въ обществѣ, по возможности не эгоистическомъ, миролюбивомъ, если и ангельскомъ, то во всякомъ случаѣ очень гуманномъ. Эту идею всякій можетъ вычитать изъ сочиненія о происхожденіи семьи—а въ этомъ и состоитъ настоящее, непонятое, впрочемъ, Энгельсомъ значеніе книги Моргана для коммунизма Маркса—какъ сказано, подробное изображеніе развитія семьи интересуетъ насъ гораздо меньше.

Очевидно, что матріархальный рай Энгельса есть построеніе, не соотвѣтствующее фактамъ.

На основаніи всего того, что мы знаемъ о древнемъ человѣкѣ, можно сказать, что онъ былъ не коммунистомъ, а противникомъ всякаго коммунизма. Вообще такого коммунизма, какой желателенъ Энгельсу, никогда не существовало. Энгельсъ признаетъ эволюціонизмъ Дарвина и его первобытный человѣкъ живетъ на деревьяхъ—и понятно, что аналогія съ животными не можетъ привести къ заключенію о коммунистической жизни. И въ особенности половая ревность была развита по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ у высшихъ животныхъ. Замѣчанія Энгельса по этому поводу лишены всякаго основанія.

Если подумать далѣе, что первобытный человѣкъ и спеціально мужчина (это признаетъ и Энгельсъ) былъ воинственнымъ, что мужчина всегда превосходилъ женщину физической силой; если сообразить при этомъ, что женщина, какъ родящая и кормящая грудью, время отъ времени была исключена изъ общественной жизни—и тоже можно сказать и о беременности, по крайнѣй мѣрѣ въ послѣдніе мѣсяцы, и о менструаціи — то о матріархатѣ, какъ его понимаетъ Энгельсъ, не можетъ быть и рѣчи [1]).

Самъ Энгельсъ сомнѣвался въ существованіи безпорядочнаго смѣшенія половъ. И дѣйствительно фактически совершенно невозможно, чтобы въ первобытное время отецъ былъ настолько неизвѣстенъ, какъ полагаетъ Энгельсъ; почти настолько же невозможно, какъ и то, что была неизвѣстна мать — вѣдь, собственно говоря, теорія Энгельса—Моргана требуетъ именно послѣдняго, такъ какъ она расширяетъ понятіе сестеръ, а, стало быть, и матерей. Это возможно въ государствѣ Платона, управляемомъ философами, но невозможно въ обществѣ, философами не управляемомъ. Этимъ я, конечно, не хочу сказать того, что это общество совсѣмъ не думало — напро-

[1]) Чтобы точно представить себѣ женскій родъ Энгельса, читатель могъ бы подробно разобрать родственныя и иныя отношенія нашихъ внѣбрачныхъ дѣтей, получающихъ фамилію по матери.

тивъ, изъ литературы о первобытныхъ людяхъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что они думали больше, чѣмъ предполагаютъ многіе этнологи и соціологи.

Судя по достовѣрнымъ отчетамъ, отецъ — если говорить объ общемъ правилѣ — былъ всегда извѣстенъ и отношенія къ нему дѣтей было опредѣленными.

Конечно, происхожденіе по матери требуетъ такого же точнаго опредѣленія родства, какъ и происхожденіе по отцу; и разъ установлены общія и опредѣленныя правила относительно происхожденія, родственныя отношенія тоже должны быть хорошо извѣстны и точно опредѣлены; потому и Энгельсъ и Морганъ сами себѣ противорѣчатъ, конструируя съ одной стороны неопредѣленный половой коммунизмъ, а съ другой признавая происхожденіе по женской линіи. Аристотель основательно возражалъ Платону: какимъ образомъ мы всѣ будемъ въ идеальномъ обществѣ братьями, если не будемъ ничего знать о братствѣ и вообще о семейной жизни? Это возраженіе можно сдѣлать и Энгельсу и Моргану: они признаютъ опредѣленныя понятія о семьѣ и семейныя отношенія при безсемейномъ, неправильномъ общеніи половъ.

Новая литература о первобытной семьѣ не подтверждаетъ взглядовъ Энгельса (Моргана). По крайней мѣрѣ относительно смѣшенія половъ (въ которомъ сомнѣвается и самъ Энгельсъ) и группового брака факты говорятъ противъ Энгельса.

Всѣ спеціалисты ученые отвергаютъ эту форму семьи — Куновъ, Гроссе, Дюркгеймъ, Даргунъ, Гильдебрандъ, а также Мукке, Вестермаркъ, Штарке — только одинъ Колеръ согласенъ съ Энгельсомъ и Морганомъ [1]).

Во всякомъ случаѣ отдѣльные авторы понимаютъ дѣло каждый по своему и въ связи съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ о первобытномъ общественномъ состояніи—для насъ довольно и того, что факты

[1]) Укажу на слѣдующія работы: Штарке—Первобытная семья, ея происхожденіе и развитіе 1888. Вестермаркъ—Исторія человѣческаго брака 1891. Куновъ — Организація родства у австралійцевъ и „Общественный строй въ имперіи Инковъ 1894 г., а также In Neue Zeit 1894 г.: Экономическія основы господства матери. Ср. Даргунъ—Основы древняго семейнаго права 1892. Мукке — Орда и семья и ихъ доисторическое развитіе 1895. Коллеръ—Исторія брака, тотемизмъ, групповой бракъ, материнское право 1897. Гроссе—Формы семьи и формы хозяйства 1896. Гильдебрандъ—Право и нравы на разныхъ ступеняхъ экономической культуры 1896. Дюркгеймъ—Воспрещеніе кровосмѣшенія и его происхожденіе Année sociologique 1898). Позада—Современныя теоріи о происхожденіи семьи, общества и государства 1896. А также работы о первобытномъ хозяйствѣ Бюхера, Лавеле и др. Критичностью отличаются Куновъ, Гроссе, Дюркгеймъ, Даргунъ и Гильдебрандъ.

говорятъ противъ смѣшенія половъ — будемъ ли мы признавать это смѣшеніе абсолютнымъ или относительнымъ (групповой бракъ) [1]).

Признаваемый Энгельсомъ матріархатъ никогда не существовалъ. Морганъ въ этомъ отношеніи осторожнѣе — у него матріархатъ не играетъ большой роли — Энгельсъ высказалъ по этому поводу преувеличенныя и утопическія воззрѣнія [2]).

Куновъ внесъ очень существенныя поправки въ изложеніе Энгельса. Куновъ справедливо замѣтилъ, что Энгельсъ тутъ оставилъ свой историческій матеріализмъ; интересно то, что онъ пытается опровергнуть теорію Энгельса именно съ этой точки зрѣнія; именно потому, что по мнѣнію Кунова отношенія производства съ самаго начала развитія играли значительную роль, онъ не можетъ признать существованія половаго коммунизма и матріархата [3]). По словамъ Кунова въ первобытной семьѣ господствовалъ мужчина (дѣло было больше именно въ мужчинѣ, а не въ отцѣ) и невѣрно, что патріархатъ развился изъ предшествующаго ему матріархата. Въ Австраліи, гдѣ значительная часть населенія живетъ вполнѣ первобытно, матріархата не существуетъ; гдѣ онъ существуетъ, то общество стоитъ уже на относительно высшей ступени, какъ напр. у индѣйцевъ, описываемымъ Морганомъ [4]).

Гроссе, внимательно изслѣдовавшій отдѣльныя ступени экономическаго развитія, доказываетъ, что слѣдуетъ различать происхожденіе по женской линіи и настоящее материнское господство; на низшей ступени (у народовъ пастушескихъ) происхожденіе считается по мужской линіи, происхожденіе же по женской линіи развивается только при земледѣліи (низшей его ступени). Но и на этой ступени у нѣкоторыхъ племенъ происхожденіе считается по отцу. Гроссе держится того мнѣнія, что на этой ступени происхожденіе по матери и по отцу находятся въ равновѣсіи. Но отъ происхожденія по женской линіи во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отличать дѣйствительное господство женщины; это послѣднее встрѣчается вездѣ только въ видѣ исключенія и не потому, чтобы отношеніе дѣтей къ отцу было неизвѣстнымъ и неопредѣленнымъ [1]). На высшей же ступени земледѣлія господствуетъ патріархатъ, и притомъ очень сильный (у римлянъ, китайцевъ и т. д.).

Однимъ словомъ, никогда не существовало половаго коммунизма въ такой степени, какъ описываетъ Энгельсъ, точно также не существовало и такого экономическаго коммунизма, какимъ его изображаетъ Энгельсъ.

Что касается до самой семьи, то Энгельсъ говоритъ преимущественно о половыхъ отношеніяхъ и объ отношеніяхъ половъ; онъ не принимаетъ во вниманіе другихъ элементовъ и силъ въ семьѣ,— даже силъ экономическихъ; во всякомъ случаѣ о нихъ онъ говоритъ очень неопредѣленно; потому онъ основываетъ на экономическомъ фундаментѣ только моногамическую современную семью. Въ дѣйствительности же экономическія отношенія имѣли значительное, хотя и не единственное, вліяніе съ самаго начала.

Энгельсъ (также, какъ и Марксъ) не различаетъ родства моральнаго, соціальнаго и юридическаго отъ родства естественнаго, по крови [2]). Онъ не подвергаетъ анализу политическаго и соціальнаго значенія семьи, вліянія домашней жизни, воспитанія; онъ забываетъ о религіозномъ значеніи семьи.

Однимъ словомъ, Энгельсъ переноситъ свой идеалъ будущаго въ прошедшее. Это утопизмъ прошедшаго. Вмѣсто эмпиріи—дедукція и

---

[1]) Различные авторы предлагаютъ различныя объясненія. Куновъ признаетъ, что групповые браки могли существовать въ исключительныхъ случаяхъ, но во всякомъ случаѣ они не были всеобщими и первобытными, какъ полагаютъ Морганъ и Энгельсъ. Мукке даетъ иное истолкованіе фактамъ Моргана и т. д.

[2]) Начало положилъ Баховенъ въ 1861 году его работой: Материнское право.

[3]) Самъ Марксъ говоритъ о связи экономическихъ и семейныхъ отношеній и раздѣляетъ по стадіямъ экономическаго развитія слѣдующіе періоды развитія семьи: восточный, греко-римскій, христіанско-германскій; современная промышленность подготовляетъ экономическую основу для высшей формы семьи и отношеній половъ. Изъ отчета Энгельса не видно, какъ Марксъ представлялъ себѣ дѣло позже, подъ вліяніемъ Моргана.

[4]) Эти индѣйцы (ирокезы) находились уже на высшей экономической ступени, занимались земледѣліемъ и не смотря на это у нихъ мы встрѣчаемъ происхожденіе по женской линіи и матріархатъ, тогда какъ по мнѣнію Энгельса матріархатъ встрѣчается только на низшей ступени экономическаго развитія. Имѣются также примѣры происхожденія по женской линіи у номадовъ и пастушескихъ народовъ, у которыхъ по схемѣ Энгельса должна бы была существовать патріархальная семья: Вилькенъ находитъ матріархатъ напр. у арабовъ до Магомета. См. Вилькенъ— Матріархатъ у древнихъ арабовъ 1884. (Авторъ, впрочемъ, не особенно критиченъ).

[1]) По мнѣнію Гроссе происхожденіе по матери устраняетъ кровосмѣшеніе; причины матріархата экономическія—тамъ, гдѣ женщина производитъ столько же, сколько мужчина или даже больше, тамъ она дѣлается самостоятельнѣе и становится властью въ семьѣ и въ государствѣ. Такъ излагаетъ дѣло Куновъ въ цитированной статьѣ.

[2]) Въ этомъ отношеніи методъ Моргана (принимаемый Энгельсомъ) конструировать семейныя формы на основаніи названій степеней родства несостоятеленъ. Каутскій (Космосъ XII 1882) замѣтилъ, что эти названія опредѣляютъ возрастъ; Куновъ въ его работахъ развиваетъ эту идею и старается точнѣе обосновать ее. Изъ соціалистовъ Эрнстъ объясняетъ развитіе семьи отлично отъ Моргана и Энгельса: Исторія семьи (Zukunft 1894). Каутскій отвергаетъ теорію Моргана, изложенную въ прежнемъ его сочиненіи: Системы родства и свойства въ семьѣ 1871 г. Позднѣе онъ измѣнилъ свои взгляды, если это можно заключить изъ того, что онъ издалъ второе сочиненіе Моргана.

построеніе; но именно это построеніе то и поучительно, какъ мы сказали, именно потому, что Энгельсъ противъ своей воли доказываетъ несостоятельность историческаго матеріализма, стараясь обосновать общество совершенно иными силами, и притомъ силами по преимуществу этическими, хотя онъ и понимаетъ ихъ слишкомъ матеріалистически, слишкомъ физіологически. Энгельсъ воспринялъ старую теорію о развитіи государства и общества изъ патріархальной семьи, но на мѣсто отца поставимъ мать, а изъ мелкой семьи сдѣлалъ большую, родъ, такъ что общество сдѣлалось прямо и вполнѣ очевидно обществомъ братьевъ, сестеръ и матерей, большой семьей, связанной кровными родственными узами. Кровь, правда, не вода— гласитъ извѣстная поговорка; но тутъ не о той крови говорится, о какой говоритъ Энгельсъ. У него просто фетишизмъ родства по крови [1]).

99. Всѣ эти и другія основанія противорѣчатъ описанію Энгельсомъ родового строя.

Родъ, говоритъ Энгельсъ, есть разросшаяся групповая семья; происхожденіе считается только по женской линіи; родъ матріархаленъ; т. е. основательница его пародительница и онъ состоитъ изъ потомковъ ея дочерей, такъ какъ потомки сыновей становятся членами другихъ родовъ; на этой ступени развитія братья не вступаютъ въ бракъ съ сестрами.

Типическій родъ Энгельсъ, слѣдуя Моргану, находитъ у Ирокезовъ и особенно у племени Сенека.

Это племя распадается на восемь родовъ, называющихся именами животныхъ (волкъ, медвѣдь и т. д.);—оно организовано слѣдующимъ образомъ:

Родъ избираетъ себѣ сахема, мироваго судью, а для войны главу, военноначальника. Сахемъ всегда избирается изъ среды членовъ рода, военноначальникъ можетъ принадлежать и къ другому роду; его можетъ и не быть. Въ выборѣ одинаково участвуютъ и мужчины и женщины. Власть Сахема чисто моральная, отеческая, у него не имѣется средствъ принужденія. Достояніе умершихъ переходитъ къ роду. Мужъ и жена не наслѣдуютъ другъ другу; дѣти тоже не наслѣдуютъ отцу. Наслѣдство дѣлится между ближайшими родственниками, мужчинѣ наслѣдуютъ его единоутробные братья, сестры и братья матери; женщинѣ наслѣдуютъ ея дѣти и единоутробныя сестры, но не братья. Родъ заботится о каждомъ изъ своихъ членовъ— существуетъ всеобщее взаимное ручательство, одинъ ручается за другого. Потому родъ обязывается къ кровомщенію, если дѣло неулаживается рѣшеніемъ обоихъ родовъ, убитаго и убійцы. Родъ имѣетъ совѣтъ, въ которомъ участвуютъ всѣ взрослые, мужчины и женщины; верховная власть принадлежитъ роду; онъ избираетъ сахема, вождя, жрецовъ и низлагаетъ ихъ, опредѣляетъ виру, кровомщеніе, усыновляетъ (адоптируетъ) чужаковъ и т. д.

Изъ рода развивается высшая общественная единица, братство, фратрія (такъ Морганъ переводитъ индѣйское названіе братства). Родъ естественно увеличивается, отъ первоначальнаго рода откалываются новые, такъ что фратрія представляетъ выросшій первоначальный родъ. Она состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ родовъ, такъ какъ браки внутри рода воспрещены. Функціи фратріи общественныя и религіозныя. Совѣтъ ея состоитъ изъ сахемовъ и военачальниковъ родовъ; фратрія идетъ въ походъ сообща и т. д.

Третья, высшая единица—это племя, соединеніе нѣсколькихъ фратрій. У племени есть своя особая область, отдѣленная отъ областей другихъ племенъ нейтральнымъ поясомъ. У каждаго племени свое особое названіе и особый діалектъ. Въ среднемъ въ каждомъ племени около двухъ тысячъ человѣкъ и самое большее до двадцати шести тысячъ. Сахемы и вожди, избираемые родами, составляютъ совѣтъ племени, его управленіе. Женщины могутъ имѣть въ немъ своихъ представителей. У Ирокезовъ рѣшеніе должно быть единогласнымъ. Совѣтъ племени рѣшаетъ относительно войны и мира, и вопросы объ отношеніяхъ къ другимъ племенамъ—это отношеніе всегда враждебное, если только не заключенъ опредѣленно и точно миръ. У отдѣльныхъ племенъ имѣется отдѣльный военноначальникъ. Въ случаяхъ необходимости быстраго дѣйствія дѣло рѣшаетъ одинъ изъ сахемовъ, окончательное рѣшеніе принадлежитъ совѣту племени.

Индійцы не пошли дальше племени въ своемъ объединеніи; соединеніе племенъ бываетъ у нихъ только временнымъ. Однако, пять племенъ ирокезовъ составили «вѣчный союзъ». Союзный совѣтъ, состоящій изъ пятидесяти сахемовъ, рѣшаетъ всѣ дѣла союза; засѣданія происходятъ въ присутствіи собраннаго народа и каждый имѣетъ право слова—но рѣшеніе принадлежитъ совѣту. Рѣшеніе и тутъ должно быть единогласнымъ. Союзный совѣтъ созывается совѣтомъ племени. Союзъ имѣетъ двухъ высшихъ военноначальниковъ съ равными полномочіями.

Этотъ союзъ ирокезовъ былъ «первымъ шагомъ къ образованію націи»—но это еще не было государство, потому что все общество еще основано на естественной организаціи кровнаго родства.

[1]) Энгельсъ настаиваетъ на томъ, что въ началѣ развитія семья не имѣла никакого значенія, а только родъ; общественной единицей была не семья, а родъ; государство и теперь еще признаетъ семью въ частномъ, а не въ общественномъ правѣ. Враждебность Энгельса къ теоріи XVIII вѣка, по которой семья составляетъ то ядро, изъ коего развились общество и государство, не противорѣчитъ тому, что я говорю въ текстѣ (т. е. тому, что Энгельсъ воспринялъ патріархальную семью); онъ превращаетъ эту семью въ групповую и въ родъ, въ которые и переноситъ отношенія и понятія позднѣйшей семьи.

Энгельсъ восхищается такимъ родовымъ строемъ. «Безъ солдатъ, жандармовъ и полицейскихъ, безъ дворянства, королей, намѣстниковъ, префектовъ или судей, безъ тюремъ и судовъ—все идетъ своимъ правильнымъ ходомъ». Хозяйство многихъ семей общее, коммунистическое; земля есть собственность племени; рабства не существуетъ.

Обыкновенно еще не завоевываютъ чужихъ племенъ. Энгельсу такой родовой строй не смотря на всю его простоту представляется идеальнымъ. Какіе у этихъ варваровъ «личное достоинство, краснорѣчіе, сила характеровъ, храбрость»! Энгельсъ указываетъ на зулусовъ и нубійцевъ, храбро дравшихся съ англичанами и не убоявшихся даже скорострѣльныхъ ружей. Физически эти люди здоровы и сильны, не замѣчается никакихъ слѣдовъ вырожденія. «Таковы были люди и человѣческое общество, до тѣхъ поръ, пока не произошло его раздѣленіе на различные классы. Если сравнить ихъ положеніе съ положеніемъ громаднаго большинства теперешнихъ цивилизованныхъ людей, то разстояніе между членомъ такого рода и современнымъ пролетаріемъ и мелкимъ крестьяниномъ покажется намъ громаднымъ». «Всѣ члены рода свободные люди и каждый обязанъ защищать свободу другихъ; они равны лично по праву—ни сахемы, ни вожди не обладаютъ никакими привиллегіями; они составляютъ братство, связанное узами крови. Свобода, равенство и братство составляютъ основные принципы и не формулированные, они составляютъ единство всей общественной системы, основу организованнаго общества индійцевъ».

Такъ восхищается Энгельсъ, вслѣдъ за Морганомъ, и все таки онъ долженъ былъ сознаться, что эта организація должна была пасть.

Уже союзъ племенъ былъ погибелью этой организаціи, былъ подчиненіемъ. Все, что находилось внѣ племени, находилось и внѣ права. Если не было мирнаго договора, то между племенами свирѣпствовала война и ее вели съ той жестокостью, которая отличаетъ людей отъ животныхъ и которая смягчилась только позднѣе въ силу собственныхъ интересовъ. Расцвѣтъ родового строя предполагаетъ крайне неразвитое производство и рѣдкое населеніе на большомъ пространствѣ, «и стало быть почти полную власть надъ человѣкомъ чуждой ему и непонятной внѣшней природы, что отражалось въ дѣтскихъ религіозныхъ представленіяхъ».

«Какъ импозатны ни представляются намъ люди той эпохи, они ни различаются одинъ отъ другаго, они всѣ одинаково висятъ, какъ выражается Марксъ, на снуркѣ естественной общины. Сила этой естественной общины должна была быть сокрушена—и она была сокрушена. Но она пала вслѣдствіе вліяній, представляющихся намъ униженіемъ, грѣхопаденіемъ, съ простой нравственной высоты стараго родового общества. Самые низменные инстинкты—пошлая хищность, грубое стремленіе къ наслажденіямъ, грязная скупость, эгоистическое разграбленіе общаго владѣнія—создали новое цивилизованное классовое общество; самыя постыдныя средства—воровство, насиліе, хитрость, измѣна—подкопали старое не классовое родовое общество и погубили его. А новое общество во все время своего трехтысячелѣтняго существованія никогда не было ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ ничтожнаго меньшинства на счетъ угнетеннаго и эксплуатируемаго громаднаго большинства—и теперь оно таково еще больше, чѣмъ когда либо раньше» (ст. 82).

Утопизмъ такого патріархальнаго рая Энгельса очевиденъ. Не только подробности, но и весь смыслъ первоначальнаго развитія истолкованъ не вѣрно; и вообще все описаніе Энгельса есть ничто иное, какъ повтореніе взглядовъ Руссо о золотомъ вѣкѣ и распространенныхъ мнѣній о грѣхопаденіи перваго цивилизованнаго человѣка. Только тутъ яблоко срываетъ не Ева, а Адамъ, и руководясь другимъ мотивомъ—этотъ Адамъ совсѣмъ не заботился о познаніи добра и зла, для него все дѣло было въ самомъ яблокѣ—онъ тоже былъ приверженцемъ историческаго матеріализма

Такъ называемый первобытный коммунизмъ былъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, какимъ его представляетъ себѣ Энгельсъ. Это былъ отрицательный коммунизмъ—коммунизмъ въ силу матеріальной и умственной нужды. У первобытныхъ людей было такъ мало—у нихъ почти ничего не было—такъ что о коммунизмѣ и говорить то тутъ трудно. Отрицательны были и равенство и свобода. Человѣкъ не имѣлъ ни собственности, ни индивидуальности. Можно уяснить тогдашнее положеніе примѣромъ изъ современности: въ рѣдко населенныхъ мѣстахъ Россіи царитъ иногда оригинальнѣйшая свобода—нѣтъ никакихъ полицейскихъ, какъ въ городахъ и въ странахъ съ густымъ населеніемъ. Многимъ такая свобода представляется даже большой и болѣе заманчивой, чѣмъ въ Европѣ.

Также было и въ началѣ развитія. Людей было мало, они не имѣли ничего и сами были ничто и потому они были равны. Что напр. въ то время могъ унаслѣдовать потомокъ отъ предковъ? Очень мало, или ровно ничего. Потому говорить о правѣ наслѣдованія и правѣ собственности въ то время можно только cum grano salis и потому желаемый коммунизмъ будущаго (назову его положительнымъ) нельзя смѣшивать его съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ коммунизмомъ первобытнаго времени.

Поскольку у насъ имѣются отчеты объ организаціи различныхъ, такъ называемыхъ нецивилизованныхъ народовъ, можно заключить, что строгій коммунизмъ никогда и нигдѣ не существовалъ и не существуетъ. Даже по описанію Энгельса существовалъ только аграрный коммунизмъ—и повидимому, лишь постольку, поскольку люди еще не выдумали удовлетворительныхъ гарантій для владѣнія и частной собственности. Земля не принадлежала никому и потому поло-

жительнаго коммунизма и не существовало. При подобномъ аграрномъ коммунизмѣ всегда существуетъ частная собственность (на оружіе и т. д.) У Кунова и другихъ можно найти достаточно примѣровъ, что на очень низкой ступени экономическаго развитія существуетъ рѣзкое противорѣчіе между богатыми и бѣдными, что земля тоже довольно рано становится частной собственностью и т. д. Такимъ образомъ въ первобытномъ аграрномъ коммунизмѣ и въ коммунистическомъ хозяйствѣ невозможно усмотрѣть идеальнаго состоянія.

Впрочемъ, Марксъ не впадаетъ относительно первобытнаго коммунизма въ такія преувеличенія, какъ Энгельсъ. Изъ его описанія постоянно видно, то рядомъ съ общей собственностью всегда существуетъ и частная. Наслѣдственное право соотвѣтствуетъ степени общаго развитія. Сначала наслѣдуетъ родъ, потомъ (когда родъ развился уже въ патріархальный) наслѣдуютъ агнаты мужчины, главы семьи и уже потомъ дѣти. По словамъ Энгельса частная собственность появляется только при замѣнѣ материнскаго права правомъ отца, земля была раздѣлена только въ историческую эпоху, и тогда она стала частной собственностью и при томъ только на высшей ступени варварства съ ея «сравнительно развитымъ товарнымъ производствомъ и соотвѣтствующей ему торговлей» (ст. 93, 105).

Энгельсъ всегда описываетъ дѣло такъ, какъ будто первобытный человѣкъ и не могъ имѣть понятій о собственности. Но у первобытнаго человѣка такія понятія существовали; уже въ то время общая собственность обозначала и собственность и владѣніе, только пока еще не раздѣльныя—и раздѣлъ произошелъ тотчасъ, какъ онъ сталъ выгоднымъ. Утвержденіе, будто частная собственность произошла только изъ хищности, преувеличено.

Не говоря уже объ этомъ принципіальномъ вопросѣ, изображеніе Энгельсомъ родового строя и рода страдаетъ противорѣчіями и въ силу схематической абстрактности довольно неопредѣленно.

Мы уже сказали, что сантиментальнаго матріархата Энгельса не существовало. Дѣйствительно любопытно, что Энгельсъ восторгается рисуемыми имъ картинами райской наивности и блаженства и при этомъ сразу же признаетъ, что въ этомъ раю (создавшемся изъ за нужды) существовала антропофагія—замѣтьте, изъ за нужды. Самъ Энгельсъ признаетъ ужасную свирѣпость этихъ обитателей его рая, — и будто бы при этомъ въ немъ могла царить свобода, равенство и братство! Тамъ, гдѣ война была постояннымъ и общимъ явленіемъ, рабство, несомнѣнно, должно было появиться очень рано, тамъ должно было господствовать правительство, хотя оно могло проявляться и иначе, чѣмъ въ настоящее время. Самъ Энгельсъ говоритъ о тогдашнемъ родовомъ дворянствѣ—и, разумѣется, справедливо. Такой первобытный дворянинъ не могъ особенно отличаться отъ своихъ подданныхъ и рабовъ ни образованіемъ, ни богатствомъ; но отъ этого отношеніе между господиномъ и рабомъ не было лучше, чѣмъ оно стало позднѣе и чѣмъ оно теперь. Очень некритично мнѣніе Энгельса и въ томъ отношеніи, что онъ такъ рѣзко противупоставляетъ родовой строй государству. Въ сущности, такое противупоставленіе чисто словесное—на самомъ дѣлѣ такого противорѣчія между ними нѣтъ. Государство развивалось, какъ и всѣ институты, постепенно и родовая организація—поскольку таковая существовала—и есть именно первобытное государство. Всѣ приведенныя самимъ Энгельсомъ данныя съ полной очевидностью указываютъ на государство. Постоянныя судебныя функціи, военноначальники и т. д.—все это политическія, государственныя функціи; сейчасъ мы увидимъ, что это признаетъ и Энгельсъ.

Собственно говоря, Энгельсъ не объяснилъ происхожденія рода; какимъ образомъ появился этотъ родъ? Какимъ образомъ онъ поддерживался? Энгельсъ всегда помнитъ о простой схемѣ размноженія: у Адама и Евы были Каинъ, Авель и дочери; Каинъ и Авель должны были жениться на своихъ сестрахъ и т. д. Ну, а если Адамовъ и Евъ было много, какъ долженъ бы полагать и Энгельсъ, такъ какъ онъ признаетъ дарвинизмъ — тогда то какъ? Но предположимъ, что существовала только одна прародительская пара; — дѣйствительно ли ростъ и развитіе семьи въ родъ, а рода въ племя и въ націю, произошло такъ просто, такъ сказать, играючи?

Навѣрное, нѣтъ: Ветхій Завѣтъ говоритъ, что уже Каинъ и Авель не ужились между собой. Какъ скоро число членовъ семьи стало относительно большимъ, на людей начали воздѣйствовать новыя разнообразныя силы, какъ силы природы, такъ и соціальныя. Кромѣ кровнаго родства дѣйствовало разнообразіе почвы и вообще природы (люди распространялись); рано развиваются относительно значительныя различія въ занятіяхъ, въ питаніи и т. д. Рядомъ съ центростремительными силами появляется скоро и сила центробѣжная—борьба. Наконецъ, очень скоро появляются и люди сознательные, думающіе объ общественной организаціи. Повторяю, что я не вѣрю въ абсолютную безсмысленность и тупость первобытныхъ людей. Первобытной наивности, предполагаемой Энгельсомъ, противорѣчитъ уже крайне сложная родственная организація—какъ бы мы ни истолковывали ее – люди, выдумавшіе подобную организацію, не могли жить такъ изо дня въ день, какъ это предполагаетъ Энгельсъ.

При подобномъ политическомъ и соціальномъ мышленіи вскорѣ создается и общее міросозерцаніе, хотя и первобытное. Благодаря своему преувеличенному историческому матеріализму Энгельсъ почти совершенно забываетъ объ этомъ. О первобытной философіи и религіи онъ говоритъ только мимоходомъ и очень неопредѣленно (въ этомъ онъ опять таки слѣдуетъ Моргану). А эта первобытная рели-

гія и философія или теологія (была ли она фетишизмомъ Конта или анимизмомъ Тайлора — все равно) не была просто пассивнымъ отраженіемъ неизвѣстныхъ производственныхъ отношеній, какъ полагаютъ Марксъ и Энгельсъ, а активнымъ и притомъ очень активнымъ элементомъ, какъ это видно изъ исторіи древнѣйшихъ временъ и изъ описанія самыхъ первобытныхъ народовъ. Первобытные люди устраивали свои соціальныя и семейныя отношенія соотвѣтственно тому, какъ они объясняли себѣ міръ, жизнь и смерть; потому невозможно обосновывать эти отношенія столь исключительно на физіологическомъ родствѣ, на естественномъ подборѣ, проистекающемъ по мнѣнію Энгельса изъ убѣжденія, что кровосмѣшеніе не выгодно обществу. По мнѣнію Энгельса естественный подборъ есть настоящій и единственный принципъ развитія рода. Но люди, понявшіе вредъ кровосмѣшенія, говорили, понимали и многое другое и вообще думали объ обществѣ.

Развитіе не было столь простымъ, какъ полагаетъ Энгельсъ; въ немъ дѣйствовали многія общественныя силы. Самъ Энгельсъ признаетъ, что оно требовало экзогаміи (т. е. браковъ внѣ рода; потому фратрія должна была состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ родовъ); уже въ силу существованія экзогаміи должны были создаться гораздо болѣе сложныя отношенія, чѣмъ предполагалъ Энгельсъ. Напр. покупка и похищеніе женщинъ, переносимыя Энгельсомъ въ позднѣйшее время, существовали, навѣрное, гораздо раньше.

Немыслимо, чтобы родственная родовая организація могла долго сохраняться безпрепятственно, или чтобы члены роды были объединены и организованы однимъ только кровнымъ родствомъ. Рядомъ съ кровнымъ родствомъ рано развивается и родство соціальное; одними семейными отношеніями невозможно объяснять племеннаго и національнаго сознанія. Кромѣ естественнаго родства существуетъ еще общее соціальное, появляющееся различнымъ образомъ. Съ самаго начала рядомъ съ кровными и семейными отношеніями существуетъ нѣчто аналогичное теперешней частной и общественной дружбѣ [1]) (національное чувство и т. д.).

У людей общимъ всегда была не одна только кровь, да и кровь не всегда есть связь, наиболѣе прочная. То, что примѣнимо теперь, было примѣнимо и всегда, съ самаго начала — хотя и въ меньшей степени. Общей была, напримѣръ, земля; т. е. людей объединяло

[1]) Въ этомъ отношеніи весьма поучительны нѣкоторые союзы, не основанные на кровномъ родствѣ, у южныхъ славянъ; люди, напр., считаютъ себя связанными, если вмѣстѣ совершили путешествіе по святымъ мѣстамъ, если крещены той же водой и т. д. Интересные примѣры приводитъ Чижевскій — Искусственное родство у южныхъ славянъ 1897. (Я уже указалъ, что Энгельсъ отождествляетъ задругу съ южно-славянскимъ по братимствомъ).

не одно кровное родство, но и земля; объединяли ихъ и общія и одинаковыя опасности, и общія радости и страданія и физическій и умственный авторитетъ вождей и наконецъ общее настроеніе, въ особенности религіозное.

А о религіи то и объ ея значеніи для первобытнаго человѣка Энгельсъ и забываетъ. Потому онъ и не понималъ совершенно родоваго строя. Самъ онъ говоритъ, что роды индѣйцевъ Сенеки назывались именами животныхъ—почему? Если бы онъ предложилъ себѣ такой вопросъ, онъ понялъ бы, что тутъ все дѣло въ томъ называемомъ тотемѣ, въ идолѣ или фетишѣ рода, т. е. въ общемъ поклоненіи ему, въ общей религіи вообще. Иначе говоря, и описаніе Моргана доказываетъ, что родъ произошолъ не только въ силу кровнаго родства, но и соціально, благодаря объединенію вокругъ одного идола, благодаря вѣрѣ въ происхожденіе отъ него, благодаря общему культу. Члены рода назывались по своему идолу, они чувствовали себя объединенными и родственными съ нимъ и въ немъ—были они родственными по крови или нѣтъ, все равно. При постоянныхъ войнахъ (что признаетъ и самъ Энгельсъ) было неизбѣжно, что въ родъ вскорѣ вступили и чужаки [1]). Это было нѣчто похожее на теперешнюю національность—у насъ нѣтъ настоящаго сознанія и чувства кровнаго родства, но мы сознаемъ себя родственными и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ положительно извѣстно, что члены націи чужіе намъ по крови.

[1]) Самъ Энгельсъ говоритъ, что у ирокезовъ встрѣчается усыновленіе, принятіе въ родъ; вымирающіе роды поддерживаются массовыми усыновленіями. Усыновленіе всегда происходило очень формально, съ большими церемоніями; это новое доказательство того, что родство обусловливается не одними только кровными узами.

Куновъ, Эрнстъ и др. приводятъ родъ въ соединеніе съ тотемомъ.

Самъ Энгельсъ, говоря о греческомъ родѣ, цитируетъ Грота, настаивающаго на религіозномъ моментѣ. Энгельсъ приводитъ замѣчанія Маркса противъ Грота, что родъ объединялся „не идеально, а тѣлесно, germanice: fleischlich“: система родства поддерживала родственное сознаніе среди всѣхъ членовъ рода; оно исчезаетъ только при моногамической семьѣ. „Родовое названіе создало родословную, по сравненію съ которой названіе отдѣльной семьи представлялось незначительнымъ. Это имя и должно было ручаться за фактъ общаго происхожденія всѣхъ носящихъ его; но родословная рода шла такъ далеко назадъ, что члены уже не могли доказать своего взаимнаго дѣйствительнаго родства, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ. Само имя было уже доказательствомъ общаго происхожденія и доказательствомъ окончательнымъ, помимо случаевъ усыновленія“. Предположимъ, что Гротъ, говоря о родѣ, забылъ о кровномъ родствѣ и о родствѣ вообще; но Марксъ самъ, противъ своей воли, подтверждаетъ, что сознаніе кровнаго родства не сохранилось въ родѣ; онъ самъ указываетъ на значеніе родового имени, ничего не говоря о томъ, какимъ образомъ появилось это имя. Почему же греческій родъ не забылъ своихъ оригинальныхъ религіозныхъ обычаевъ?

Мнѣнія Энгельса о состояніи первобытнаго общества не могутъ быть правильными потому, что ни Марксъ, ни Энгельсъ не анализировали общественныхъ и историческихъ силъ. Мы видимъ, что конкретное изображеніе культурной исторіи невозможно, если точно не проанализированы соціологическіе элементы и основанія. На основаніи односторонняго историческаго матеріализма Маркса невозможно понять древности; потому что нельзя понять и современности. Односторонность, проявлявшаяся въ анализѣ капиталистической эпохи, естественно проявляется и въ изображеніи древней и древнѣйшей эпохи.

100. По мнѣнію Энгельса первоначально всѣ народы были организованы матріархальными родами. Эти роды современемъ превратились въ патріархальные, изъ которыхъ въ концѣ концевъ развилось современное государство.

Энгельсъ старается доказать, что первобытный родовой строй существовалъ у всѣхъ европейскихъ народовъ; онъ признаетъ описанную организацію ирокезовъ типичной и она составляетъ масштабъ для опредѣленія различныхъ и многочисленныхъ уклоненій. Энгельсъ подробно описываетъ родовой строй у грековъ, римлянъ и германцевъ, о кельтахъ и славянахъ онъ ограничивается нѣкоторыми замѣчаніями.

Энгельсъ находитъ у грековъ догомеровской эпохи уже патріархальный родъ, но слѣдовъ прежняго матріархата было еще не мало. Греки исторической эпохи пошли дальше той ступени развитія, которой достигли индѣйцы, спеціально ирокезы. Энгельсъ указываетъ и на различныя сходства; такъ напр. два спартанскіе короля соотвѣтствуютъ двумъ союзнымъ главамъ ирокезовъ. Организація греческихъ племенъ и вообще весь общественный строй соотвѣтствуетъ ирокезскому родовому строю.

Тоже самое можно сказать и объ эпохѣ римскихъ царей и далѣе о времени древнихъ кельтовъ. Въ Ирландіи и теперь еще «въ инстинктахъ и въ сознаніи народа» живетъ старый родъ, у шотландцевъ онъ процвѣталъ еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, когда былъ уничтоженъ англичанами.

Развитіе у германцевъ было такимъ же. Во времена Тацита уже господствовалъ патріархатъ; раньше германскіе племена были организованы матріархальными родами. Остатки первобытнаго матріархата встрѣчаются часто и въ позднѣйшую эпоху [1]).

[1]) Энгельсъ ссылается на уваженіе германцевъ къ женщинѣ, какъ на доказательство существованія у нихъ матріархата; онъ ссылается также и на этимологію—греческому: genos, латинскому: gens соотвѣтствуетъ готское: kuni, средненѣмецкое: künne; а также названіе женщины по готски: quino, старо скандинавское: kona, kuna, славянское: жена соотвѣтствуетъ первобытному матріархату. Слѣдуя Даргуну я въ опроверженіе такой этимологіи укажу на то, что спеціалисты Дельбрюкъ и Шрадеръ именно на основаніи этимологіи не допускаютъ матріархата у арійцевъ. Пейскеръ въ статьѣ о Лампрехтѣ тоже ссылается на Дельбрюка.

При изложеніи родоваго строя у германцевъ Энгельса пользуется работами Маурера, авторитетъ котораго относительно исторической эпохи для него такой же, какъ авторитетъ Моргана для эпохи доисторической [1]).

Относительно древней германской исторіи Энгельсъ черпаетъ изъ Маурера доказательство, что старые германцы были организированы въ роды, аграрно коммунистическіе. По словамъ Маурера родъ или племя селилось въ одной деревнѣ, или во многихъ, если племя было многочисленно [2]). Вслѣдствіе увеличенія населенія каждая деревня разбивалась на нѣсколько; первоначально каждая деревня занимала значительное пространство земли и на этой территоріи, деревенской маркѣ, потомъ выростали новыя деревни—поселки, и образовали вмѣстѣ съ ихъ метрополіей общину—марку. Мауреръ не уясняетъ намъ, какимъ образомъ мы должны представлять себѣ отношеніе рода къ племени и деревенской марки къ племенной.

Энгельсъ тоже не опредѣляетъ точно, что такое, собственно говоря, была первоначальная марка—была ли это деревенская марка или нѣчто высшее. Куновъ, слѣдуя Лампрехту, видитъ первоначальную марку въ сотнѣ [3]). Во всякомъ случаѣ, тутъ мы вступаемъ уже въ область исторіи—и я говорю объ этомъ только затѣмъ, чтобы уяснить мысль Энгельса, что у германцевъ занятіе новыхъ земель происходило родами, или деревнями, т. е. всей маркой—все равно, состояла ли эта марка изъ одной деревни или изъ многихъ деревенскихъ марокъ.

Въ послѣднее время Гильдебрандъ и Пейскеръ высказались противъ Маурера; повидимому, старая германская община—марка создалась въ гораздо болѣе позднее время вслѣдствіе вліянія феодальныхъ и фискальныхъ институтовъ; аграрнаго коммунизма, какъ его пони-

[1]) Георгъ Людвигъ Мауреръ (1790—1872). Здѣсь указывается только одна изъ его многочисленныхъ работъ: Введеніе къ исторіи строя марки, двора, деревни и города 1853. Вторымъ изданіемъ сочиненіе вышло въ 1896 г. съ предисловіемъ Кунова, гдѣ говорится о предшественникахъ и послѣдователяхъ Маурера, и въ особенности о Лампрехтѣ и его Исторіи германскаго народа.

Энгельсъ въ его „Развитіи соціализма“ написалъ по Мауреру прибавленіе о маркѣ.

[2]) По старой теоріи заселеніе марки происходило отдѣльными лицами хозяйничающими на своихъ дворахъ; позже внѣшнія опасности дали поводъ къ централизаціи, къ заселенію деревнями.

[3]) О изображеніи древне-германской организаціи Лампрехтомъ см. вышеупомянутый рефератъ Пейскера. Лампрехтъ для древней эпохи принимаетъ матріархатъ, изъ котораго въ историческую эпоху развился патріархатъ, что доказывается многочисленными остатками. Пейскеръ полагаетъ, что у арійцевъ вообще не существовало матріархата, а такъ какъ у германцевъ слѣды его имѣются, то онъ дѣлаетъ изъ этого тотъ выводъ, что германцы смѣшаны съ матріархальными народами.

маетъ Энгельсъ, не существовало. Англичанинъ Гомме до извѣстной степени подтверждаетъ взгляды Маурера [1]).

Въ четвертомъ изданіи своего сочиненія о семьѣ Энгельсъ рядомъ съ изложеніемъ Маурера приводитъ и новые взгляды Ковалевскаго.

Тутъ ужъ мы подходимъ къ славянамъ, у которыхъ по мнѣнію Энгельса въ древнѣйшія времена также, какъ и у германцевъ, существовали родовой строй и аграрный коммунизмъ.

У насъ и теперь еще многіе считаютъ русскій міръ (общину) и южно-славянскую задругу (домашнюю общину, домашнее товарищество) за нѣчто, совершенно особое. Для марксизма этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе.

Мы говорили уже, что Марксъ и Энгельсъ не вполнѣ уяснили себѣ вопросъ о томъ, не можетъ ли аграрный коммунизмъ Россіи сдѣлаться зародышемъ будущаго коммунистическаго развитія Европы. Съ того времени, какъ Гакстгаузенъ (1843) указалъ на русскую общину, какъ могущую воспрепятствовать пролетаризированію, на эту общину возлагали свои надежды не одни славянофилы, но и западники—соціалисты Герценъ и Чернышевскій.

Энгельсъ заимствовалъ именно у Герцена мнѣніе, что для Россіи ненужно проходить чрезъ капиталистическое развитіе. Чернышевскій также, какъ и Хомяковъ, видѣлъ въ общинѣ средство противъ пролетаризированія. Послѣдователи славянофиловъ также, какъ и послѣдующіе народники, все еще продолжаютъ восхвалять это соціальное значеніе общины; но теперешніе русскіе марксисты указываютъ на статистику и исторію: экономическая статистика доказываетъ, что и русская община пролетаризируется, а историки все больше и больше убѣждаются въ томъ, что теперешняя община произошла только въ позднѣйшую эпоху и отнюдь не столь идиллически, какъ полагаютъ славянофилы... и Энгельсъ.

Въ настоящее время даже самые упорные изъ славянофиловъ не рѣшатся утверждать, что община и задруга институты спеціально славянскіе [2]).

---

[1]) Гильдебрандъ: Право и нравы на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія 1896 Пейскера, кромѣ указанной работы, статья: Zadruha na Prachensku. 1887. Сочиненіе Гомме (Village Community. 1890) дополняетъ и исправляетъ взгляды Энгельса по отношенію къ Англіи; въ особенности заслуживаетъ вниманія его указаніе, что въ первобытной родовой маркѣ существовалъ особый классъ крѣпостныхъ. Гомме считаетъ вѣроятнымъ, что тоже было и въ Индіи и въ другихъ странахъ, и притомъ у различныхъ расъ.

Читатель можетъ справиться у Гильдебранда о положеніи вопроса въ современной наукѣ.

[2]) Марксъ отвергаетъ это мнѣніе въ сочиненіи Zur Kritik. ст. 9. (Капиталъ 1. 55). Русскіе марксисты понимаютъ теперь исторію общины по

Понятно, что я не могу здѣсь входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о русской общинѣ и объ южно-славянской задругѣ; я укажу только на то, что необходимо для пониманія взглядовъ Энгельса.

У насъ древнее хозяйство Чехіи описывается на основаніи Грюнебергской рукописи. Эта грубая и дерзкая поддѣлка, къ сожалѣнію, послужила основой исторіи Палацкаго и потому то въ относящихся къ этому предмету вопросахъ такъ долго существовалъ полнѣйшій хаосъ [1]).

Вслѣдствіе того, что Палацкій при изображеніи древне-богемскихъ и вообще древне-славянскихъ отношеній опирается на эту Грюнебергскую рукопись, вышло то что онъ согласенъ... съ Энгельсомъ. Несомнѣнно, что эта рукопись составлена по описанію Шатобріаномъ индѣйскаго племени натчесовъ (въ «Атала»); это племя (какъ указываетъ Куновъ) экономически организовано также, какъ ирокезы Моргана—и вышло то, что Палацкій и Энгельсъ описываютъ старое общество во многихъ отношеніяхъ одинаково [2]).

Въ описаніяхъ родового строя Палацкимъ и другими нашими историками экономическая организація, а также и семейныя, родственныя отношенія не достаточно уяснены. Въ особенности остается нерѣшеннымъ вопросъ, составлялъ ли родъ общину или задругу.

Гораздо лучше, чѣмъ въ чешской литературѣ, этотъ вопросъ разработанъ у русскихъ [3]). Еще между старшими славянофилами и

Чичерину (Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи 1858). Волгинъ (Основаніе народничества въ трудахъ В. Воронцова 1896) принимаетъ результатъ изслѣдованія Чичерина, т. е. что современная русская община есть продуктъ долгаго историческаго развитія и что поэтому ее нельзя сравнивать съ родовыми общинами первобытныхъ народовъ. По мнѣнію русскихъ марксистовъ община не развивается въ высшую форму, а разлагается. Бельтовъ.—Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію 1895.

Статистическія данныя о пролетаризированіи русской общины у Волгина и въ статьѣ Тернера въ „Вѣстникѣ Европы“: Общинное владѣніе и частная собственность 1895. Экономическое положеніе крестьянъ въ Россіи 1898. Ср. Ковалевскій: Экономическій строй Россіи 1898 и Симховичъ: Общественно экономическое ученіе русскихъ народниковъ (1897. Jahrbuch für Nationaloekonomie).

Новаковичъ (Selo въ XXIV № Glas сербской Академіи 1891) доказываетъ, что южно-славянская задруга не древняго происхожденія.

О распаденіи современной сербской задруги см. Балугдичъ: Изъ новой сербской статистики (Neue Zeit 1897).

[1]) Въ спорѣ о рукописяхъ я указалъ на внутреннія противорѣчія въ этихъ рукописяхъ (Въ Archiv für Slavische Philologie X).

[2]) Я указалъ уже на это сходство, а также и на различіе въ статьѣ о Палацкомъ и Энгельсѣ въ Delnicky kalendar 1896.

[3]) Для ориентированія въ богатой литературѣ по этому предмету укажу на Кесслера: Исторія и критика крестьянскаго общиннаго землевладѣнія

западниками шелъ споръ о томъ, какъ была организована старая Русь. Въ началѣ рѣзко противупоставляли родъ и общину; позднѣйшіе авторы подъ вліяніемъ новѣйшей литературы пытались согласовать родовой строй съ общиннымъ, и болѣе подробно различали различныя историческія формы аграрнаго коммунизма.

Изъ старыхъ западниковъ напр. историкъ Соловьевъ стоитъ за родовой строй: въ Россію пришли различныя, одно отъ другихъ независимыя племена; они раздѣлились на роды, управляемые избранными князьями. Патріархальный родъ, а не семья, былъ общественной единицей. Аграрнаго коммунизма не существовало; община развилась позднѣе, но она не коммунистическая.

Аксаковъ защищаетъ общинный строй; по его мнѣнію, въ Россіи никогда не было патріархальныхъ родовъ; онъ прямо утверждаетъ, что русскіе всего менѣе патріархальная нація. Старая Русь была организована на основѣ общины и семьи, главы которыхъ не избирались. Мелкія общины были подчинены большимъ (Вѣче, Земскій Соборъ, Дума), такъ что вся страна имѣла единую организацію. Аксаковъ дѣлаетъ западникамъ уступку, признавая государство чуждымъ учрежденіемъ, въ концѣ концовъ захватившимъ землю.

Аксаковъ столь же идеально описываетъ общину, какъ Энгельсъ патріархальный родъ; онъ согласенъ съ Энгельсомъ и въ томъ отношеніи, что отвергаетъ государство и признаетъ «землю» организованнымъ цѣлымъ; но славянофилъ и соціалистъ отличаются въ томъ отношеніи, что Аксаковъ обосновываетъ общину прежде всего на религіозныхъ и этическихъ силахъ, отличавшихъ славянскіе (русскій) народы и что въ общинѣ онъ не видитъ коммунизма (западнаго) [1]).

Я буду при дальнѣйшемъ изложеніи спора держаться Леонтовича. Онъ утверждаетъ, что славянскій родъ уже въ историческую эпоху организовался въ отдѣльныя большія семьи, въ задруги; старое русское общество представляло аггрегатъ задругъ [2]). На такой основѣ и въ связи съ новыми теоріями, и въ числѣ ихъ и съ теоріей Моргана, предложилъ свою теорію цитируемый Энгельсомъ М. Ковалевскій [3]).

Ковалевскій болѣе подробно, чѣмъ старые западники и славянофилы, изслѣдуетъ движущія силы и въ особенности разслѣдуетъ, какъ дѣйствовали соціально и политически экономическія, родственныя и религіозныя отношенія. Онъ держится того мнѣнія, что древнѣйшій общественный строй арійцевъ, а, стало быть, и славянъ, былъ родовымъ. Но родъ былъ организованъ не на основаніи кровнаго родства, а на основаніи вѣры въ общее происхожденіе отъ предковъ, которыхъ чтили религіозно. Такимъ образомъ сливались воедино силы экономическія, кровное родство и религія. Родъ распадался на большія семьи, на задруги; только изъ задруги — семьи развивается малая, теперешняя семья. Въ семьѣ (въ задругѣ и въ малой семьѣ) экономическія отношенія играютъ большую роль, чѣмъ въ родѣ; не только собственность, но и трудъ становятся общественными, а потому въ семьѣ солидарности больше, чѣмъ въ родѣ (въ которомъ семьи уже существуютъ, но сила ихъ еще связана).

Ковалевскій видитъ въ задругѣ переходную форму между коммунистической матріархальной семьей и современной; при этомъ онъ утверждаетъ, что германцы, по описанію Тацита, жилъ задругами, а не марками, т.-е. что экономической и общественной единицей была задруга, а не деревня или сотня (единица, состоящая изъ многихъ деревень) и не родъ [1]).

Энгельсу такой взглядъ очень нравится; ему кажется, что онъ — лучше объясняетъ германскую исторію, чѣтъ теорія Маурера; тѣмъ не менѣе онъ остается въ нерѣшительности. Куновъ опровергаетъ его, хотя и Лампрехтъ высказывается въ томъ же смыслѣ, что сотня распадается на мелкія группы, Sippen (семейныя хозяйства [2]). Куновъ полагаетъ, что Ковалевскій переноситъ русскую исторію и русскія отношенія на Германію; у русскихъ не было столь сильнаго общиннаго чувства, какъ у нѣмцевъ, что и проявилось въ большей сравнительно съ задругой общественной единицѣ.

Я не буду входить въ обсужденіе такой характеристики славянъ и ея обоснованія; это завело бы насъ очень далеко. Я не вижу у Ковалевскаго точнаго изслѣдованія того, въ какой степени дѣйствуютъ допускаемыя имъ общественныя силы и въ особенности какое значеніе имѣютъ общины. Не выяснено и значеніе территоріи. Во всякомъ случаѣ нельзя признать общину саму по себѣ общественнымъ зародышемъ (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые приверженцы Маурера); одинаково густо населенная община и одинаковый величины община можетъ охватывать нѣсколько родовъ, а можетъ, и совпадать съ однимъ родомъ, она можетъ быть большой задругой и т. д. — въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ значеніе общины будетъ различно. Все это слѣдуетъ опредѣлить точнѣе, иначе и съ родомъ выходитъ тоже, что было съ грюнебергской рукописью — на него для защиты своихъ теорій могутъ ссылаться и Соловьевъ и Аксаковъ.

въ Россіи 4 част., на статьи въ Handwörterbuch für Staatswiss: о новой русской литературѣ по этому вопросу у Милюкова и у Исаева. — Начала полит. экономіи 1898.

[1]) На это различіе указываетъ и Данилевскій: Россія и Европа 1888.

[2]) Задружно-общинный характеръ быта древней Руси. (Жур. М. Нар. Просв. 1874).

[3]) Первобытное право. 1. Родъ.

[1]) М. Ковалевскій. — Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriété 1894.

[2]) Куновъ. — Введеніе къ сочиненіямъ Маурера.

Въ русской литературѣ есть и другія теоріи о происхожденіи и значеніи общины; но и сказаннаго достаточно для признанія, что родовой строй можетъ обозначать очень различныя учрежденія. И въ особенности вѣрно то, что экономическая организація рода у различныхъ народовъ и въ разныя времена можетъ быть различной. Энгельсъ черезъ чуръ держится за ирокезскую схему, такъ что онъ находитъ ее у всѣхъ древнихъ народовъ; но по отношенію къ русской общинѣ онъ останавливается въ нерѣшительности и колеблется между Маурером и Ковалевскимъ. Русскіе марксисты не видятъ въ общинѣ рода Энгельса, не видятъ въ ней и коммунизма и той политической свободы, которую находитъ въ родѣ Энгельсъ [1]).

Въ дѣйствительности ни русская община, ни сербская задруга далеко не такъ идеальны, какъ должны бы были быть по Энгельсу— хотя община, можетъ быть, и не землевладѣлецъ, дающій отдѣльнымъ лицамъ землю во временное владѣніе, но она совсѣмъ не коммуна, въ смыслѣ Энгельса. Энгельсъ и Марксъ постоянно смѣшиваютъ два понятія: общій и общинный (въ смыслѣ коммунизма).

101. Родовой строй, появившійся на средней ступени дикости, достигаетъ, по словамъ Энгельса, высшаго развитія на низшей ступени варварства — съ этого времени онъ постоянно падаетъ и его мѣсто заступаетъ цивилизованное общество; идеальный варваръ вытѣсняется не идеальнымъ цивилизованнымъ человѣкомъ. Исторія цивилизаціи есть исторія паденія матріархальнаго рода.

Родовой строй, какъ сказано, достигаетъ полнаго развитія на низшей ступени варварства. Ирокезы составляютъ классическій примѣръ такого идеальнаго строя и идеальность его Энгельсъ вполнѣ серьезно видитъ въ томъ, что племена въ ихъ постоянныхъ войнахъ могутъ истреблять другъ друга, но не подчинять. «Величіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченность родового строя состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ мѣста ни для господства, ни для порабощенія». Въ матріархальномъ родѣ господствуетъ полная свобода, нѣтъ различія между правами и обязанностями; участіе въ общественныхъ дѣлахъ, кровомщеніе и т. д —все это представляется людямъ столь же естественнымъ, какъ ѣда, питье или охота. Родъ и племя не распадается на классы.

Населеніе было рѣдкимъ; раздѣленіе труда только естественно, между мужчиной и женщиной; мужчина господинъ въ лѣсу, а женщина госпожа въ домѣ. Хозяйство — коммунистическое для нѣсколькихъ, часто многихъ семей въ одномъ домѣ. Все производимое сообща, все, чѣмъ пользуются сообща (домъ, садъ, лодка и т. д.), есть общая собственность; частная собственность—только орудія, приготовляемыя каждымъ; мужчинѣ принадлежатъ оружіе и охотничьи и рыболовныя снаряды, а женщинѣ домашнія орудія.

[1]) Марксъ часто говоритъ въ „Капиталѣ“ объ индѣйскомъ общинномъ землевладѣніи, но отнюдь не восторгается имъ; любопытно то, что и Энгельсъ осуждаетъ его, какъ основу самой грубой изъ государственныхъ формъ, восточнаго деспотизма.

Но люди не остановились на этой ступени экономическаго развитія.

Въ Азіи они (арійцы, семиты, а, можетъ быть, туранцы) приручили животныхъ; пастухи дифференцировались отъ остальной массы варваровъ—такимъ образомъ появляется первое крупное раздѣленіе общественнаго труда (средняя ступень варварства).

Пастухи производили больше, чѣмъ всѣ другіе варвары; появляется разнообразіе имуществъ (молоко, сыръ, мясо, кожи, шерсть и т. д.), появляется, стало быть, и правильный обмѣнъ. Раньше онъ происходилъ только случайно; раздѣленіе труда тоже бывало случайнымъ, напр., тогда, когда кто нибудь былъ особенно ловкимъ и умѣлымъ въ дѣлѣ приготовленія оружія. По крайней мѣрѣ Энгельсъ полагаетъ, что такимъ образомъ объясняется существованіе мастерскихъ каменныхъ орудій, встрѣчающихся въ самыя древнія времена. «Художники работали, вѣроятно, для всей общины и обмѣнъ могъ происходить только внутри племени».

Постепенно появляется обмѣнъ и между племенами Цѣлое племя обмѣнивается съ другимъ; но стада становятся уже частной собственностью и потому личный обмѣнъ получаетъ преобладаніе. Такъ какъ скотъ былъ главнымъ предметомъ мѣны, то онъ становится деньгами (pecunia).

Въ это время начинается развитіе земледѣлія, сначала садоводства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было необходимо заготовлять на зиму кормъ для скота—злаки начинаютъ воздѣлываться сначала для скота, а потомъ уже и для людей.

Что касается до промышленности, то на этой ступени развитія появляется ткачество и обработка металловъ (бронза и позднѣе желѣзо).

Постепенно появляется и рабство; производятъ болѣе, чѣмъ потребляютъ; требуется больше труда и потому появляется потребность въ болѣе выгодной рабочей силѣ. И вотъ военноплѣнные превращаются въ рабовъ. Первое крупное общественное раздѣленіе труда увеличиваетъ производительность и богатство, а увеличеніе производительности влечетъ за собой рабство. Изъ перваго крупнаго общественнаго раздѣленія труда происходитъ первое крупное раздѣленіе общества на два класса—господъ и рабовъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. На этой стадіи развитія общественная собственность (состоящая изъ стадъ) переходитъ въ частную. Намъ неизвѣстно, когда и какъ это произошло, но это должно было произойти именно на этой стадіи развитія. Богатство и собственность расшатали первобытную семью—и замѣтьте, что этотъ великій переворотъ былъ произведенъ миролюбивыми, такъ часто восхваляемыми пастырями; они расшатали общество, тогда какъ дикіе воины и охотники до-

вольствовались въ домѣ вторымъ мѣстомъ послѣ женщинъ. Матріархатъ палъ.

Эта великая революція была произведена раздѣленіемъ труда внѣ семьи. Домашняя работа женщины утратила свое былое значеніе, свою цѣнность сравнительно съ новой дѣятельностью мужчины; работа мужчины накопляла богатства и работа женщины перестаетъ быть важной. Материнское право падаетъ, и замѣняется правомъ отца; временная моногамія становится постоянной. Такимъ образомъ отдѣльная семья сама по себѣ становится общественной силой, противуположной старому роду.

Тутъ мы доходимъ до высшей ступени варварства, до героической эпохи всѣхъ культурныхъ народовъ, до эпохи желѣзнаго меча, и также и желѣзныхъ плуга и топора. Желѣзо было послѣднимъ продуктомъ природы, вызвавшимъ переворотъ (собственно говоря, предпослѣднимъ, такъ какъ послѣднимъ былъ картофель).

Желѣзо создало земледѣліе уже въ крупныхъ размѣрахъ; лѣса были вырублены; ремесленники получили твердыя, прочныя и острыя орудія; каменныя и бронзовыя орудія исчезаютъ, хотя и постепенно (Энгельсъ напоминаетъ, что еще въ 1066 году при Гастингсѣ дрались каменными топорами). Укрѣпленный городъ, доказательство прогресса въ строительномъ искусствѣ, но также и признакъ увеличивающихся опасностей и нужды въ защитѣ, становится мѣстопребываніемъ племени или племеннаго союза. Благодаря постоянному увеличенію богатства трудъ дифференцируется, появляется второе крупное его раздѣленіе: ремесло отдѣляется отъ земледѣлія.

Богатство ростетъ, производство постоянно увеличивается; цѣнность человѣческой рабочей силы становится все большей и большей и рабство, бывшее раньше только случайнымъ, спорадическимъ явленіемъ, становится существенной составной частью общественной системы. Съ раздѣленіемъ производства на земледѣліе и ремесло появляется производство прямо для обмѣна, производство товарное. Торговля—и притомъ уже и заморская—развивается. Золото, серебро, драгоцѣнные металлы становятся деньгами, сначала нечеканными, а только взвѣшиваемыми.

Кромѣ различія между свободнымъ и рабомъ появляется уже и различіе между богатыми и бѣдными, общество распадается на новые классы. Частная собственность установлена вполнѣ, отдѣльная семья становится экономической общественной единицей.

Населеніе постоянно увеличивается, вслѣдствіе этого оно вынуждено къ тѣсному объединенію, какъ внутри, такъ и во внѣ; появляются союзы племенъ, они сливаются въ единыя народности; одновременно отдѣльныя племенныя территоріи объединятся въ одну общую. Военноначальникъ союза племенъ становится необходимымъ и постояннымъ сановникомъ. Появляется и народное собраніе. Родовое общество превращается въ военную демократію, состоящую изъ военноначальника, совѣта и народнаго собранія. Эта демократія военная потому, что война становится постояннымъ занятіемъ народа; это еще варвары, считающіе грабежъ почетнѣе работы; война становится отраслью промышленности.

При дальнѣйшемъ развитіи богатство и сила вождей увеличиваются. Въ началѣ эти вожди избирались; но такъ какъ обычно они избирались изъ одной и той же семьи, особенно со времени введенія права отца, то наслѣдственность сначала была только терпимой, потомъ на нее изъявляютъ притязанія, и наконецъ ее узурпируетъ—намѣчается основа для наслѣдственной королевской власти и для наслѣдственнаго дворянства. Первобытное родовое общество превращается въ прямую его противоположность; изъ организаціи племенъ, свободно распоряжавшихся своими дѣлами, происходитъ организація для ограбленія и угнетенія сосѣдей; избранные народомъ органы становятся угнетателями народа. Всѣ такія измѣненія порождаютъ хищность.

Тутъ мы уже на порогѣ цивилизаціи. Она начинается новымъ раздѣленіемъ труда. А именно обостряется различіе между городомъ и деревней, появляется особый классъ купцовъ. Прежніе классы занимались производствомъ; купцы не участвуютъ въ производствѣ, но госпоиствуютъ надъ нимъ, подчиняютъ производителей и эксплуатируютъ ихъ. Купцы становятся общественными паразитами.

Торговля накопляетъ богатства, но происходятъ уже кризисы. Чеканятся металическія деньги, въ нихъ непроизводитель находитъ новое средство для господства надъ производителемъ и его продуктами. И деньги выступаютъ во всей ихъ первобытной грубости и насиліи именно въ эту эпоху ихъ юности. Теперь уже не довольствуются куплей продажей; купецъ раздаетъ деньги взаймы и вотъ появляются проценты и ростовщичество. Съ какой свирѣпостью относится къ должнику древнее законодательство въ Афинахъ и въ Римѣ!

Къ богатству въ товарахъ, въ рабахъ и въ деньгахъ присоединяется скоро и богатство въ земельной собственности. Въ эпоху родоваго строя землю не продавали; теперь, когда она дѣлается частной собственной, ее продаютъ, покупаютъ, копятъ. Земля тоже становится товаромъ. Вводится и гипотека—масса должаетъ.

Появляется новая аристократія-плутократія. Старая аристократія отступаетъ на задній планъ, вытѣсняется—что мы видимъ въ Афинахъ, въ Римѣ, въ Германіи. Свободные граждане распадаются на классы по ихъ богатству; въ Греціи рабство, на которомъ зиждется общественный строй, получаетъ громадное распространеніе.

Такимъ образомъ погибъ родовой строй. Его предпосылкой къ концу средней ступени варварства было то, что члены рода и племени

постоянно жили въ своей территоріи—эта предпосылка исчезаетъ; роды и племена перемѣшались, среди гражданъ вездѣ живутъ рабы, кліенты, чужаки; торговля, промышленность и измѣненія въ собственности вызываютъ переселенія, перемѣны мѣсто жительства. Члены рода уже немогутъ собираться для совѣщаній, для охраненія своихъ интересовъ: они кое какъ еще исполняютъ неважныя общія дѣла, вродѣ религіозныхъ сборищъ и праздниковъ.

Экономическій переворотъ и произведенное имъ расчлененіе общества на классы создаетъ новые интересы и потребности. Интересы новыхъ промысловыхъ группъ и особенности потребностей города и деревни требуютъ и новыхъ органовъ, и эти органы, созданные внѣ родоваго строя, борятся съ родомъ. Противорѣчіе интересовъ ведетъ къ объединенію отдѣльныхъ группъ, богатыхъ и бѣдныхъ, ростовщиковъ и должниковъ. Масса чуждыхъ родовому строю элементовъ, вошедшихъ въ роды, стоитъ противъ родовой общины, какъ замкнутой, привиллегированной кооперації—первобытная, естественная демократія превращается въ ненавистную аристократію. Въ родовомъ обществѣ не было противорѣчій; оно не обладало никакими принудительными средствами, кромѣ общественнаго мнѣнія—новое общество есть живое противорѣчіе между свободными и рабами, между эксплуататорами богачами и эксплуатируемыми бѣдняками. Подобныя противорѣчія смягчить невозможно, они увеличиваются. Потому это общество можетъ существовать или при постоянной борьбѣ между классами или подъ властью третьей силы, которая, повидимому, стоитъ выше борящихся классовъ, подавляетъ ихъ открытыя столкновенія и позволяетъ имъ вести ихъ классовую борьбу только въ сферѣ экономической, въ такъ называемой законной формѣ. «Родовой строй отжилъ. Онъ уничтожается раздѣленіемъ труда и его результатомъ, раздѣленіемъ общества на классы. Его замѣняетъ государство».

На основаніи всего изложеннаго—такъ заканчиваетъ Энгельсъ свое изображеніе историческаго развитія—цивилизація есть та ступень общественнаго развитія, на которой вполнѣ развились раздѣленіе труда и проистекающій изъ него обмѣнъ между личностями и соединяющее то и другое товарное производство и на которой исчезаетъ все старое родовое общество.

На прежнихъ ступеняхъ развитія производство было, по существу, общественнымъ, общимъ; потребленіе происходило въ мелкихъ или крупныхъ коммунистическихъ общинахъ при прямомъ раздѣленіи продуктовъ. Производство было весьма ограниченнымъ, но производители были господами своего труда и своего продукта. Они знали, что производятъ, употребляли свой продуктъ сами, не упускали его изъ рукъ; подобное производство ни перерастало выше головы производителя, не порождало никакихъ призрачныхъ силъ, какія обыкновенно создаетъ цивилизація.

Но постепенно въ такой процессъ производства вкрадывается раздѣленіе труда. Вслѣдствіе этого погибаетъ общественное производство и общественное усвоеніе; вслѣдствіе этого правиломъ становится усвоеніе продукта отдѣльными личностями и мѣна происходитъ тоже между личностями. Постепенно получаетъ господство производство товарное.

При производствѣ для обмѣна продукты необходимо переходятъ изъ рукъ въ руки. Производитель уже не знаетъ, что будетъ съ продуктомъ; эта неувѣренность увеличивается, когда посредниками между производителями становятся деньги и купецъ. Купцовъ много и ни одинъ изъ нихъ не знаетъ, что дѣлаютъ другіе. Товары переходятъ уже не изъ рукъ въ руки, а съ рынка на рынокъ; производители перестаютъ быть господами своихъ продуктовъ; купцы тоже не господа ихъ—продукты и производство находятся подъ властью случая.

А случай есть, собственно говоря, необходимость. Согласно съ изложеннымъ раньше ученіемъ о свободѣ воли Энгельсъ говоритъ, что производящее товары общество управляется неизвѣстными законами. Эти законы управляютъ какъ производствомъ, такъ и обмѣномъ товаровъ; они противустоятъ по отношенію къ отдѣльнымъ производителямъ и обмѣнивающимся, какъ чуждыя, неизвѣстныя имъ силы, сущность которыхъ понять трудно.

Эти экономическіе законы видоизмѣняются при различныхъ ступеняхъ развитія производства; но вообще вся цивилизація находится подъ ихъ властью; еще и теперь продуктъ господствуетъ надъ производителемъ, еще и теперь общее производство регулируется не на основаніи общаго обдуманнаго плана, а слѣпыми законами, дѣйствующими съ стихійной силой. Разъ появились товары и товарный обмѣнъ, разъ признали, что и человѣкъ есть товаръ—человѣкъ становится рабомъ. Едва люди начали обмѣниваться, они сами пошли въ обмѣнъ. При рабствѣ, вполнѣ развившемся при цивилизаціи, общество впервые разбилось на классы, эксплуатирующій и эксплуатируемый; и это распаденіе продолжается въ теченіи всего періода цивилизаціи. Рабство есть первая форма эксплуатаціи, характеризующая античный міръ, за нимъ слѣдуетъ средневѣковое крѣпостничество, а потомъ въ новое время наемный трудъ. Эти три крупныя формы рабства, соотвѣтствующія тремъ большимъ періодамъ цивилизаціи.

Потому цивилизація обозначаетъ: экономически — металлическія деньги, денежный капиталъ и ростовщичество, посредничество купцовъ между производителями, частное землевладѣніе и гипотека и порабощеніе труда. Этому соотвѣтствуетъ семейная моногамическая форма,

окончательно установившаяся, господство мужчины надъ женщиной, отдѣльная семья, какъ экономическая общественная единица. Связь въ цивилизованномъ обществѣ есть государство и оно во всѣ типическіе періоды есть государство господствующихъ классовъ, оно всегда есть механизмъ для подавленія угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ. Далѣе цивилизація характеризуется установленіемъ противорѣчія между городомъ и деревней, какъ основой всего общественнаго раздѣленія труда; наконецъ введеніемъ завѣщанія посредствомъ котораго собственникъ распоряжается своей собственностью даже послѣ смерти.

Цивилизація въ силу такого ея строя совершила то, чего не могъ достигнуть родовой строй; но она совершила это при посредствѣ разнузданія наиболѣе низменныхъ стремленій и страстей, развившихся на счетъ другихъ, болѣе высокихъ способностей. «Пошлая хищность была душой цивилизаціи съ первыхъ ея дней до настоящаго времени». Съ самаго начала единственной ея цѣлью было богатство, и опять богатство, и снова богатство — и притомъ богатство не самого общества, а «оборваннаго» индивида. Если при этомъ цивилизація несла въ своихъ нѣдрахъ непрерывное развитіе науки, и временами высокій расцвѣтъ искусства, то это произошло безъ ея участія и только потому, «что безъ этого были бы невозможны современныя пріобрѣтенія богатства».

Такъ какъ основа цивилизаціи есть эксплутированіе одного класса другимъ, то ея развитіе представляетъ непрерывный рядъ противорѣчій. Каждый прогрессъ производства есть одновременно регрессъ въ положеніи угнетенныхъ классовъ, т. е. громаднаго большинства. Каждое благодѣяніе для однихъ необходимо есть зло для другихъ; каждое освобожденіе одного класса есть новое угнетеніе для другого. Поразительнымъ доказательствомъ этого служитъ введеніе машины. Если варвары не знаютъ различія между богатымъ и бѣднымъ, то цивилизація дѣлаетъ такое различіе очевиднымъ для самого тупоумнаго человѣка, такъ какъ она даетъ одному классу почти всѣ права, и налагаетъ на другой почти всѣ обязанности.

Это должно прекратиться. Что хорошо для господствующихъ классовъ, то хорошо и для всего общества, съ которымъ отождествляетъ себя господствующій классъ. Чѣмъ болѣе прогрессируетъ цивилизація, тѣмъ болѣе становится необходимымъ для нея прикрывать создаваемое ею зло мантіей любви, украшать его или лживо отрицать; верхъ такого условнаго лицемѣрія составляетъ утвержденіе, будто эксплуатація угнетенныхъ классовъ производится единственно въ интересахъ этихъ эксплуатируемыхъ.

Цивилизація накопила громадныя богатства, но человѣческій умъ — заканчиваетъ Энгельсъ — безпомощно стоитъ предъ своимъ созданіемъ. Придетъ время, когда человѣческій разумъ окрѣпнетъ и сдѣлается властелиномъ этого богатства.

Интересы общества имѣютъ безусловное преимущество предъ интересами личности. Потому если общество должно прогрессировать, то его цѣлью не можетъ быть накопленіе богатства, такъ какъ этимъ оно идетъ къ своей погибели. «Демократизмъ въ управленіи, братство въ обществѣ, равенство правъ, всеобщее образованіе — таковы будутъ слѣдующія высшія ступени развитія, и къ нимъ неуклонно образованіе ведетъ общество и опытъ и разумъ и наука. Это будетъ возрожденіе свободы, равенства и братства стараго рода — но въ высшей формѣ» (Морганъ — первобытное общество, 475).

«Задача слѣдующаго поколѣнія должна состоять въ достиженіи того, чтобы производитель господствовалъ, какъ и въ періодъ варварства, надъ своимъ продуктомъ — но уже на основаніи пріобрѣтенной теперь человѣкомъ власти надъ природой и при посредствѣ возможной теперь свободной ассоціаціи» (Энгельсъ — Происхожденіе семьи 109).

102. Это все равно, какъ если бы мы стали смотрѣть на окружающіе насъ предметы въ перевернутый другимъ концемъ телескопъ — мы бы и узнавали эти предметы и не узнавали ихъ; они казались бы намъ такими странными и маленькими.

Объ этой сторонѣ марксизма, объ его культурной исторіи обыкновенно забываютъ, хотя кромѣ Энгельса и другіе дали очень интересные этюды съ соціалистической точки зрѣнія, напр. Баксъ и Карпентеръ (въ особенности Карпентеръ есть мыслитель сильный и интересный [1]). По моему мнѣнію, эти попытки даютъ марксизму особенно яркое освѣщеніе, особенно рельефно обрисовываютъ его. И въ особенности ясными становятся въ такой исторической перспективѣ понятіе коммунизма Маркса и его истинный характеръ. Дѣйствительно, вѣдь не даромъ же матеріализмъ Маркса историческій.

Мы не будемъ говорить о подробностяхъ. Невѣренъ весь смыслъ исторіи, какъ ее изображаетъ Энгельсъ. И невѣренъ онъ просто потому, что историческій матеріализмъ невѣренъ и философски и экономически. Философія исторіи Энгельса также, какъ и его подробное изложеніе культурной исторіи, есть очевидное построеніе — вся исторія сводится къ исторіи прибавочной стоимости.

Слѣдуетъ при этомъ признать, что это сдѣлано очень ловко. Развитіе капитализма и его дурныя стороны изображены съ точки зрѣнія эволюціонизма; тамъ же, гдѣ не помогаетъ эволюція, помогаетъ гегелевскій законъ отрицанія отрицанія. И все это такъ гладко и такъ ясно! Родовой Адамъ совершаетъ капиталистическое

[1]) Баксъ — Всемірная исторія съ соціалистической точки зрѣнія; а также и другіе этюды въ сочиненіяхъ о религіи и этикѣ. Карпентеръ — Цивилизація и ея причина 1895. Моррисъ и Баксъ — Соціализмъ и его развитіе 1893.

грѣхопаденіе — почему? Какимъ образомъ случилось такъ, что люди покинули такое идеальное состояніе? Какъ это было возможно? И кто поручится, что наши потомки снова не убѣгутъ изъ будущаго коммунистическаго рая? Или тогда не будетъ уже дѣйствовать законъ отрицанія отрицанія? Любопытное соединеніе Руссо и Шопенгауера? Добрый отъ природы, потому что матеріалистическій, человѣкъ, дикарь и идеальный варваръ становится идеологомъ и капиталистомъ? Марксъ, правда, смѣется надъ первобытными тевтонскими идеями людей, искавшихъ свободы въ прошломъ германцевъ [1]), но Морганъ обратилъ и его. Энгельсу же такъ полюбилась первобытная наивность дикарей, что онъ совершенно серьезно утверждаетъ, будто введенная цивилизаціей смертная казнь много хуже первобытнаго кровомщенія. Неужели намъ опровергать то мнѣніе, что варвары—родовичи потому уже лучше цивилизованныхъ людей, что они искореняютъ другъ друга, но не подчиняютъ?

Мы уже говорили, что все изображеніе рода невѣрно. Да и вообще описаніе доисторическаго періода не соотвѣтствуетъ фактамъ. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время трудно утверждать что либо съ полной увѣренностью относительно той эпохи—а Энгельсъ разсказываетъ исторію патріархальнаго рода съ полной увѣренностью, точно онъ самъ пережилъ ее. И однако уже при его жизни сравнительная филологія, доисторическая археологія и этнологія, а также и изученіе древнѣйшихъ писанныхъ памятниковъ, настолько развились, что онъ долженъ бы былъ относиться болѣе критически и болѣе осторожно къ различнымъ мнѣніямъ [2]). Напримѣръ, укажу только на одинъ очень важный и спорный вопросъ: до сихъ поръ еще окончательно не установлено, что земледѣліе развилось позже скотоводства — возможно, что дѣло происходило какъ разъ наоборотъ; имѣются также доказательства того, что они существовали одновременно — и вообще въ этихъ и другихъ вопросахъ необходима крайняя осторожность.

Энгельсъ, впадая въ преувеличенія при описаніи родового строя, впадаетъ въ преувеличенія и при описаніи первоначальной греческой культуры—правда, что законъ отрицанія требуетъ подобнаго противорѣчія, но исторія его не знаетъ. Историки описываютъ ходъ развитія греческаго хозяйства совершенно иначе, такъ какъ они

---

[1]) „Чѣмъ же отличается наша исторія свободы отъ исторіи свободы вепря, если мы должны искать ее только въ лѣсахъ"? — Критика философіи права Гегеля (Deutsch—Französ. Jahrb.).

[2]) Напомню о томъ, что сочиненіе Шрадера, на которое я уже ссылался (Sprachvergleichung und Urgeschichte), появилось въ 1883 году; кромѣ того цитированныя работы о семьѣ появились тоже при жизни Энгельса и онъ долженъ бы былъ при установленіи своихъ взглядовъ принять ихъ во вниманіе.

опираются на критически провѣренные факты. Энгельсъ напр. принимаетъ устарѣвшее мнѣніе о громадномъ количествѣ рабовъ въ Греціи—въ дѣйствительности ихъ тамъ было значительно меньше, да они и не имѣли такого значенія, какое придаетъ имъ Энгельсъ [1]).

Въ культурной исторіи, какъ и вездѣ, Энгельсъ, собственно говоря, противорѣчитъ историческому матеріализму. Я уже доказывалъ это, говоря о родѣ и первобытномъ матріархатѣ. Вся теорія рода противорѣчитъ историческому матеріализму. Другой примѣръ такого противорѣчія, и притомъ несомнѣнно важнаго, состоитъ въ утвержденіи Энгельса, будто только варвары способны возродить умирающій отъ своей цивилизаціи міръ, какъ раньше возродили его германцы римской имперіи (ст. 162). Какъ согласовать это съ ожидаемымъ счастьемъ міра посредствомъ коммунизма? Стало быть, коммунизмъ то не поможетъ? Этнологъ Ратцель можетъ надѣяться на возрожденіе дряхлѣющей страны негритянской кровью, но какже историческій то матеріалистъ можетъ надѣяться на это?

И вѣдь это не единственная неясность въ понятіи Энгельса объ упадкѣ, какъ мы убѣдились и какъ еще убѣдимся, когда будемъ говорить о женскомъ вопросѣ. Марксъ принимаетъ ученіе Руссо и его поклонниковъ, но попадаетъ при этомъ въ просакъ, такъ какъ причину упадка видитъ только въ экономическомъ классовомъ дуализмѣ. Конечно, Марксъ признаетъ и капиталистическій періодъ тоже естественнымъ (1, 368), такъ какъ понимаетъ всю прежнюю исторію, какъ предварительную, какъ предверіе къ капиталистическому періоду—на такомъ основаніи капиталистическое общество слѣдовало

---

[1]) Энгельсъ (ст. 117) считаетъ, что во времена процвѣтанія Аѳинъ тамъ было 365,000 рабовъ и только 20.000 свободныхъ (за исключеніемъ женщинъ и дѣтей). Кромѣ того было 45,000 кліентовъ—стало быть, на каждаго взрослаго свободнаго мужскаго пола было 18 рабовъ и 2 кліента. Мейеръ (Экономическое развитіе въ древности) считаетъ, что при началѣ Пелопонезской войны аѳинское населеніе состояло изъ 135,000 свободныхъ (изъ нихъ 35,000 взрослыхъ гражданъ и 10,000 мѣтѣковъ, кліентовъ) и только изъ 100,000 рабовъ. Точно такое преувеличены и прежнія данныя относительно числа рабовъ въ Коринфѣ (460.000) и въ Эгинѣ (470,000), приводимыя Энгельсомъ. Только въ нѣкоторыхъ промышленныхъ городахъ рабовъ было больше, чѣмъ свободныхъ—вездѣ въ другихъ мѣстахъ ихъ было меньше. Но дѣло не въ одномъ только количествѣ рабовъ—гораздо важнѣе доказанный Мейеромъ фактъ, что рабство имѣло гораздо менѣе важное экономическое значеніе, чѣмъ полагали раньше; а именно, въ сельскомъ хозяйствѣ рабства не было (ни въ Греціи, ни въ Италіи); и совсѣмъ не вѣрно, что свободные совсѣмъ не работали—отношенія по существу были такими же, какъ и въ настоящее время. Вообще стоитъ прочитать сочиненіе Мейера и сравнить его съ утопіей Энгельса. Во всякомъ случаѣ было бы несправедливо не указать на то, что Энгельсъ почерпнулъ свои данныя изъ старой несоціалистической литературы.

бы сравнивать съ испорченнымъ ребенкомъ, а ужъ никакъ не съ ослабѣвшимъ мужемъ или съ лишившимся всякой силы старцемъ.

Какъ сказано, по Моргану и Энгельсу развитіе было очень продолжительнымъ (это вытекаетъ также отъ признаваемаго Энгельсомъ дарвинизма). Весь этотъ періодъ въ 100—200 тысячъ лѣтъ распадается на двѣ очень неравныя части: на эпоху до цивилизаціи и на эпоху цивилизаціи, продолжающуюся не больше трехъ тысячъ лѣтъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, припоминая расчетъ Энгельса, мы можемъ признать эпоху, когда дѣйствовалъ законъ теоріи цѣнности, въ пять-семь тысячъ лѣтъ. Сотни же тысячъ лѣтъ человѣкъ былъ всегда добрымъ, коммунистическимъ и вдругъ онъ утратилъ всѣ свои достоинства! Энгельсъ, въ качествѣ дарвиниста, вѣритъ въ наслѣдственность; какже человѣкъ послѣ столь долгаго воспитанія могъ такъ быстро испортиться? Или въ концѣ концевъ первое грѣхопаденіе было не особенно тяжелымъ? Можетъ быть, наслѣдственный грѣхъ не на столько угнетаетъ цивилизованнаго человѣка, потому что у него есть и унаслѣдованныя добродѣтели, и притомъ весьма значительныя и цѣнныя?

Всѣ эти и подобныя возраженія являются простымъ повтореніемъ критики соціологическихъ и философскихъ основъ ученія Маркса. и Энгельса-критики, содержащейся въ предыдущихъ главахъ; всѣ недостатки этого ученія очевидны in concreto въ культурной исторіи Энгельса.

При всѣхъ недостаткахъ сочиненія Энгельса о семьѣ, онъ оказалъ значительную услугу. Я считаю эту работу Энгельса за лучшую и наиболѣе сильную изъ всѣхъ его сочиненій—хотя онъ и писалъ ее по Моргану. Оригинальность Энгельса состоитъ въ томъ, что онъ соединяетъ, хотя и насильственно, идею Моргана съ мнѣніемъ Маркса и такимъ образомъ даетъ абстракной теоріи цѣнности и прибавочной стоимости конкретное культурно-историческое обоснованіе. Сочиненіе Энгельса о семьѣ есть прекрасное и цѣнное дополненіе «Капитала» Маркса.

103. Читатель можетъ расширить свои взгляды относительно коммунизма Маркса именно благодаря работѣ Энгельса о семьѣ—я еще разъ обращаю его вниманіе на это.

Прежде всего онъ усмотритъ, что и по Энгельсу никогда не существовало абсолютнаго экономическаго коммунизма—даже и въ древнѣйшую эпоху. Намъ постоянно говорятъ, что и при родовомъ строѣ у мужчинъ и у женщинъ была частная собственность, что каждому принадлежало то, что онъ сработалъ для себя (стало быть, и въ семьѣ не было полнаго коммунизма!). Энгельсъ, напр., упоминаетъ о фактѣ, что вмѣстѣ съ мертвыми сжигали и ихъ оружіе, и этимъ даетъ живое доказательство того, что частная собственность

существовала съ самаго начала, что для людей было вполнѣ ясно понятіе о частной, личной собственности [1]).

Изъ описанія Энгельса очевидно также, что первобытный коммунизмъ (общее хозяйство, общее земледѣліе и т. д.) былъ—повторяю этотъ терминъ—отрицательнымъ, т. е. вызываемымъ нуждой. Именно поэтому люди и оставили его, когда нужда стала меньше. Въ томъ то и состоитъ постоянное противорѣчіе ученія Маркса и Энгельса, что они идеализировали первобытный коммунизмъ и вмѣстѣ съ этимъ должны были признать, что онъ сохраняться не могъ. До того времени, пока людей было мало, пока они не осѣли прочно на мѣстахъ—какъ и для чего могла установиться поземельная собственность? Несомнѣнно, однако, что оружіе, столь необходимое, было уже и тогда частной собственностью и что право завѣщанія появляется уже на этой ступени развитія—чтоже иное обозначаетъ сожженіе оружія умершаго, какъ не то, что его воля управляетъ судьбой его собственности даже послѣ его смерти?

Позже земля также, какъ и оружіе, становится частной собственностью—хотя сначала эта собственность и могла быть общей и только потомъ сдѣлалась личной, индивидуальной [2]).

При обсужденіи описанія Энгельсомъ первобытнаго коммунизма не слѣдуетъ забывать и о томъ, что этотъ коммунизмъ господствуетъ только въ семьѣ... также, какъ и въ настоящее время. Различіе только въ величинѣ самой семьи. Энгельсъ, или невольно, или подъ вліяніемъ Платона, переноситъ центръ тяжести вопроса о первобытномъ коммунизмѣ въ организацію родства. Стало быть, это совсѣмъ не экономическій коммунизмъ, какъ обыкновенно его представляютъ.

Энгельсъ и тутъ впадаетъ, конечно, въ утопію—такого половаго и семейнаго коммунизма, въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ рисуется ему, никогда не существовало. Результатъ тотъ, что и вообще первобытнаго коммунизма не существовало.

С.

Женскій вопросъ.—Свободная любовь.

104. По мнѣнію Энгельса, первобытный экономическій коммунизмъ былъ тѣсно связанъ съ половымъ и семейнымъ коммунизмомъ. Этотъ

[1]) Самъ Энгельсъ говоритъ, что истинная собственность существовала только въ древнемъ (матріархальномъ) родѣ: „тутъ, и только тутъ, имѣлась выдуманная юристами и экономистами цивилизованнаго общества „пріобрѣтенная трудомъ собственность“—этотъ послѣдній выдуманный юридическій поводъ, на которой опирается теперешняя капиталистическая собственность“ (Энгельса—Семья. 164).

[2]) Каутскій (Эрфуртская программа 67) совершенно основательно отличаетъ „общую частную собственность“, но переноситъ ее въ средніе вѣка, въ крестьянскую общину.

послѣдній былъ основой коммунизма экономическаго; первобытное общество было организовано кровнымъ родствомъ.

По мѣрѣ того, какъ половой и семейный коммунизмъ замѣнялся другими формами семьи, падалъ и коммунизмъ экономическій, такъ что современныя моногамія и частная собственность есть стадія крайняго его упадка. Спасеніе современнаго общества возможно только посредствомъ возвращенія къ первобытному коммунизму, т. е. не только къ экономическому, но и къ половому и семейному. Во всякомъ случаѣ будущій коммунизмъ будетъ высшей формой первобытнаго: что касается его экономической стороны, то, какъ сказано, будутъ сохранены всѣ цѣнныя пріобрѣтенія капиталистическаго строя; что же касается половыхъ отношеній и семьи, то сохранятся также и всѣ пріобрѣтенія моногамическаго порядка.

На основаніи закона отрицанія отрицанія мы можемъ вывести изъ всего, что намъ извѣстно о первобытной семьѣ, и будущій строй семьи, т. е. предсказать его: это будетъ коммунизмъ, но такой, который сохранитъ пріобрѣтенія моногаміи, т. е. мужчина и женщина будутъ сожительствовать до тѣхъ поръ, пока имъ это нравится — это уже пріобрѣтеніе моногаміи; они разстаются и соединяются съ другими мужчинами и женщинами — это коммунизмъ. Первобытный коммунизмъ былъ смѣшеніемъ половъ (по скольку вообще таковое возможно); будущій коммунизмъ будетъ послѣдовательнымъ смѣшеніемъ половъ—въ нѣкоторомъ родѣ половымъ историзмомъ, какъ и надлежитъ признавать философіи, исторической по преимуществу.

Такая аргументація основана вполнѣ на положеніяхъ Энгельса и, какъ мы убѣдимся изъ его собственнаго изложенія, вполнѣ безупречна.

Какъ извѣстно, современная цивилизація началась у грековъ и у нихъ впервые развилась и моногамія. И она развилась сразу со всей ея суровостью—особенно въ Аѳинахъ и у іонійцевъ вообще. Именно у грековъ одновременно съ моногамическимъ порабощеніемъ женщины появляется гетеризмъ и даже педерастія — такія слѣдствія имѣла неестественность моногаміи. Въ Спартѣ женщина была свободнѣе. Такъ продолжали существовать остатки групповой семьи; у римлянъ женщину тоже уважали больше, она была свободнѣе, чѣмъ у грековъ; но особенно свободной она была у германцевъ.

Именно германцы внесли, по мнѣнію Энгельса, въ европейскую цивилизацію цѣнный культурный элементъ: моногамія была облагорожена, власть мужчины получила болѣе мягкія формы. Нѣмцы внесли этотъ прогрессивный элементъ въ моногамію не потому, что они были нравственнѣе, а потому, что стояли на низшей ступени цивилизаціи. Они жили еще въ первобытной формѣ семьи и сохранили сильные остатки матріархата. Потому то германская женщина была болѣе свободной и болѣе уважаемой; половая любовь у германцевъ была болѣе индивидуальной.

Въ германской моногаміи развилась современная индивидуальная любовь. Половая страсть впервые выступаетъ, какъ сила, въ исторіи въ любви средневѣковаго рыцаря. Замѣтьте, что это была не брачная, а наоборотъ внѣбрачная любовь; трубадуры воспѣвали даже брачную невѣрность, потому что оффиціальные браки рыцарей, господъ и князей не знали индивидуальной любви—при заключеніи брака рѣшительную роль игралъ интересъ дома, а не желанія личности. Средневѣковое бюргерство при его цеховой организаціи тоже имѣло очень ограниченный выборъ въ женщинахъ — бракъ былъ дѣломъ экономическимъ, дѣломъ касты.

Современный капитализмъ разрушилъ не только средневѣковыя экономическія отношенія, но и семейныя. Такъ какъ все превратилось въ товаръ, то онъ устранилъ всѣ старые обычные и унаслѣдованные историческіе права и нравы; они замѣнились куплей—продажей, свободнымъ договоромъ. Бракъ тоже становится такимъ договоромъ.

Энгельсъ различаетъ два типа современнаго брака. Въ католическихъ странахъ родители по старому обычаю ищутъ сыну приличной жены; вслѣдствіе этого появляется со стороны мужчины гетеризмъ, а со стороны женщины адюльтеръ.

Въ протестантскихъ странахъ выборъ спутницы жизни изъ своего класса свободнѣе и потому бракъ можетъ до извѣстной степени основываться и на любви; кромѣ того въ немъ въ силу привычнаго протестантскаго лицемѣрія больше приличія. Гетеризмъ болѣе скрытый и менѣе развитъ, адюльтеръ явленіе не столь обыкновенное. Но такъ какъ бюргеры въ протестантскихъ странахъ большіе филистеры, то протестантская моногамія обыкновенно сопровождается самой зеленой скукой, именуемой семейнымъ счастіемъ. Энгельсъ видитъ подтвержденіе такой разницы въ французскихъ и нѣмецкихъ романахъ.

Въ обоихъ случаяхъ, однако, бракъ есть условный; это чисто экономическій институтъ. Правда, форма его не прежняя покупка, но на дѣлѣ онъ остается покупкой и еще сильнѣе теперь, чѣмъ раньше, такъ какъ продажную цѣну имѣетъ теперь не только женщина, а и мужчина. Условный бракъ сдѣлался правиломъ и потому то онъ такъ часто и превращается въ самую грубую проституцію — иногда обѣихъ сторонъ, но обыкновеннѣе одной женщины, которая отличается отъ куртизанки только тѣмъ, что «она продаетъ свое тѣло не поштучно, какъ наемная работница, а разъ на всегда продается въ рабство». Энгельсъ приводитъ слова Фурье объ условномъ бракѣ: «какъ въ граматикѣ два отрицанія составляютъ утвержденіе, такъ и въ брачной морали двѣ проституціи считаются добродѣтелью».

Индивидуальная половая любовь въ старое время и до настоящаго дня среди господствующихъ классовъ встрѣчалась какъ исключеніе;

она существуетъ также и у классовъ угнетенныхъ; въ будущемъ «классическая» моногамія будетъ устранена пролетаріатомъ и соціализмомъ также, какъ частная собственность и классическая экономика.

У пролетаріевъ, говоритъ Энгельсъ, бракъ уже и теперь основанъ только на индивидуальной любви. У нихъ нѣтъ собственности, для сохраненія и унаслѣдованія которой и были введены моногамія и власть мужчинъ. У нихъ нѣтъ также и средства для сохраненія такой власти; гражданское право, защищающее эту власть, существуетъ только для имущихъ; оно стоитъ денегъ и потому почти непримѣнимо къ отношеніямъ рабочаго къ его женѣ. Въ силу того, что крупная промышленность перемѣщаетъ женщину изъ дому на фабрику и на рабочій рынокъ и очень часто дѣлаетъ изъ нея кормилицу всей семьи, въ жилищѣ пролетарія уничтожены и послѣдніе остатки господства мужчинъ—хотя и сохраняется созданное моногаміей насиліе мужчинъ по отношенію къ женщинамъ. Потому то семья пролетаріевъ уже не моногамическая, въ строгомъ смыслѣ этого слова, даже при страстной любви и несмотря на всяческія духовныя и мірскія освященія ея. Потому у пролетаріата «вѣчные спутники» моногаміи, гетеризмъ и прелюбодѣяніе, не играютъ почти никакой роли. Женщина фактически обладаетъ правомъ развода — и разъ люди не могутъ ужиться, они расходятся. «Однимъ словомъ, бракъ у пролетаріевъ моногамическій въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, но не въ смыслѣ историческомъ».

Наоборотъ, буржуазная семья основана на порабощеніи женщины, хотя бы юридически мужъ и жена были равноправными (?). Въ старомъ коммунистическомъ домашнемъ хозяйствѣ управленіе имъ публично и общественно принадлежало женщинѣ также, какъ добываніе пропитанія было дѣломъ мущины. Управленіе домомъ утратило свой общественный характеръ въ семьѣ патріархальной и еще болѣе въ семьѣ моногамической; оно сдѣлалось частнымъ дѣломъ, общество о немъ не заботится; женщина превратилась въ служанку и вытѣснена изъ общественнаго производства. Только крупное производство открываетъ ей снова путь къ общественному производству. Но и тутъ является противорѣчіе — если женщина исполняетъ свои обязанности въ домашнемъ хозяйствѣ, она не можетъ заработать ничего; если она участвуетъ въ общественномъ производствѣ, она уже не можетъ посвящать себя домашнему хозяйству. И такъ бываетъ не только на фабрикахъ, но и во всякой профессіи, до медицины и адвокатуры включительно. «Современная семья основана на открытомъ или скрытомъ домашнемъ рабствѣ женщины, а современное общество есть масса, состоящая изъ отдѣльныхъ семей, какъ его молекулъ». Такъ какъ мужчина, по крайней мѣрѣ въ имущихъ классахъ, одинъ заработываетъ и кормитъ семью, то онъ въ дѣйствительности и есть глава, хотя бы законъ и признавалъ равноправіе женщины. Въ семьѣ онъ есть представитель буржуазіи, а женщина представительница пролетаріата.

Женщина можетъ быть освобождена только соціализмомъ, только соціализмъ устранитъ экономическія условія современной моногаміи.

Моногамія произошла благодаря концентрированію богатства въ рукахъ одного мужчины и въ силу потребности оставить это богатство дѣтямъ этого мужчины—и только однимъ его дѣтямъ. Для этого было необходимо единобрачіе женщины, но, понятно, не мужчины, который и теперь, какъ и раньше, можетъ жить, какъ полигамистъ. Когда будущій переворотъ уменьшитъ заботы о наслѣдованіи до минимума (вслѣдствіе того, что постоянныя, переходящія по наслѣдству богатства — средства производства — будутъ общественной собственностью), отдѣльная семья не будетъ уже соціальной и экономической единицей, частное хозяйство превратится въ общественный промыселъ, забота о воспитаніи дѣтей, какъ брачныхъ, такъ и внѣ брачныхъ, будетъ общественнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ отпадетъ забота о «послѣдствіяхъ», составляющая въ настоящее время важнѣйшій экономическій и этическій мотивъ, препятствующій тому, чтобы дѣвушка отдавалась любимому человѣку.

Энгельсъ не боится того, что его могутъ упрекнуть въ проповѣди разнузданности—онъ, вѣдь, требуетъ для соединенія мужчины и женщины индивидуальной половой любви. А этого можно достигнуть только исключительностью этого чувства — и только тогда мужчина будетъ жить въ настоящей моногаміи, и женщина не будетъ жить въ поліандріи. Проституція тогда исчезнетъ—моногамія не уничтожится, а наоборотъ будетъ наконецъ дѣйствительностью, и не для однѣхъ женщинъ, а и для мужчинъ.

Наша половая любовь—разъясняетъ Энгельсъ—существенно отличается отъ простого полового желанія, отъ Эроса древнихъ. Она предполагаетъ взаимность въ любви и именно тутъ женщина становится вполнѣ равной мужчинѣ; современная любовь достигаетъ высокой степени напряженности и постоянства, она становится истиннымъ счастьемъ или несчастьемъ жизни. Наконецъ, и о половыхъ отношеніяхъ будутъ судить иначе, чѣмъ въ старое время; будутъ спрашивать не о томъ, брачныя ли они или внѣ брачныя, а о томъ, обусловлены ли они взаимной любовью.

Энгельсъ не желаетъ рисовать полной картины будущаго брака, какъ онъ не даетъ и полной картины будущаго коммунизма — но онъ говоритъ по крайней мѣрѣ о томъ, чего не будетъ въ будущемъ. Съ уничтоженіемъ экономической основы брака уничтожатся по крайней мѣрѣ два явленія—верховная власть мужчины и неразрушимость брачнаго союза.

Верховная власть мужчины есть простое слѣдствіе его экономи-

ческой власти и прекращается вмѣстѣ съ ея причиной. Неразрушимость брака есть частію слѣдствіе экономическихъ отношеній, при которыхъ установилась моногамія, а частію преданіе той эпохи, когда связь этихъ экономическихъ отношеній съ бракомъ еще не понималась, но освящалась религіей. Теперь эта неразрушимость нарушается тысячами средствъ. Такъ какъ нравственнымъ только бракъ, основанный на любви, то нравственнымъ бракъ остается только до тѣхъ поръ, пока продолжается эта любовь. «Но постоянство въ индивидуальной половой любви различно у разныхъ личностей, въ особенности у мужчинъ, и потому положительное прекращеніе склонности или вытѣсненіе ея новой страстной любовью дѣлаетъ разводъ благодѣяніемъ для обѣихъ сторонъ и для самаго общества. Только необходимо пощадить людей и не заставлять ихъ мараться въ безполезной грязи процесса о разводѣ».

Такимъ образомъ неразрушимость брака отпадаетъ отъ современной моногаміи — что же тогда останется отъ нея? «Это рѣшится тогда, когда выростетъ новое поколѣніе—поколѣніе мужчинъ, которымъ въ ихъ жизни не будетъ представляться даже повода покупать себѣ женщину за деньги или за другія орудія общественной власти, поколѣніе женщинъ, которымъ не будетъ повода отдаваться мужчинѣ ради какихъ либо соображеній, за исключеніемъ дѣйствительной любви, и отказывать возлюбленному изъ страха предъ экономическими послѣдствіями. Когда появятся такіе люди, то они отправятъ къ дьяволу всѣ теперешнія соображенія о томъ, что они должны дѣлать; они сами создадутъ себѣ свою собственную практику и соотвѣтственно съ этимъ и общественное мнѣніе о поведеніи каждой отдѣльной личности—и баста!»

105. Въ разъясненіяхъ Энгельса много благороднаго и прекраснаго — но онъ, какъ и всегда, преувеличиваетъ, когда онъ, напр., осуждаетъ цѣликомъ буржуазную семейную жизнь и наоборотъ идеализируетъ, тоже цѣликомъ, семейную жизнь пролетаріевъ и сообразно съ этимъ конструируетъ исторію половой нравственности.

Не такъ то легко судить вполнѣ фактически о нравственности цѣлыхъ отдѣльныхъ классовъ и установить истинныя причины безнравственности. Необлагопріятныя мнѣнія относительно богатыхъ и богатѣйшихъ классовъ довольно общераспространены именно въ вопросахъ о половой нравственности. И это основательно—но неосновательно столь же общераспространенное мнѣніе, будто менѣе богатые классы, и въ особенности крестьянство, въ этомъ отношеніи менѣе испорчены [1]).

[1]) О половой нравственности въ деревняхъ см. въ Nase Doba рефератъ о сочиненіяхъ: „Крестьянское вѣроученіе и ученіе о нравственности. — Тюрингенскаго пастора, 1896. Мои опыты и наблюденія, въ качествѣ деревенскаго пастора (1883—93). Рука помощи для кандидатовъ и молодыхъ духовныхъ 1895. Общественно-нравственныя отношенія земледѣльческаго населенія въ Германской имперіи. 1895. Вагнеръ — Нравственность въ деревнѣ 1895.

Пролетаріатъ тоже не на столько нравственненъ, какъ это утверждаетъ Энгельсъ. Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что вообще онъ нравственнѣе (хотя и грубѣе, болѣе склоненъ къ насилію) довольно широкихъ круговъ богатыхъ и высшихъ классовъ, и тѣмъ не менѣе идеализировать его такъ, какъ идеализируетъ Энгельсъ, не подобаетъ [1]).

Противъ Энгельса можно возразить многое и съ исторической точки зрѣнія — ужъ слишкомъ очевидно, что онъ конструируетъ исторію, а не изучаетъ ее.

Было бы совершенно излишне опровергать подробно такія утвержденія, какъ тѣ, будто въ древности истинная половая любовь встрѣчалась только у рабовъ и потомъ въ качествѣ продукта разложенія погибающаго стараго міра, будто бы средневѣковая половая нравственность характеризуется пѣснями трабадуровъ, будто бы только германцы создали современную моногамію и т. д. На основаніи уже извѣстной намъ схемы семья въ первобытную эпоху была основана только на естественной любви; потомъ какъ то сразу эта любовь отступаетъ на задній планъ предъ экономическими соображеніями и снова появляется только при коммунизмѣ будущаго—гегелевскій законъ отрицанія отрицанія у Энгельса управляетъ не только въ исторіи, но и въ любви. И какъ неестественно объясненіе Энгельса происхожденія моногаміи! Чтобы оставлять своимъ дѣтямъ по наслѣдству свои богатства мужчина уничтожилъ матріархатъ и ввелъ моногамію; совершенно непонятно, почему постулируемое Энгельсомъ право наслѣдованія требуетъ непремѣнно моногаміи—

[1]) Изъ цитируемой ниже статьи Эрнста приведу слѣдующее, напр., возраженіе его Энгельсу: „вообще половая нравственность улучшается съ ростомъ культуры. Рабочіе представляютъ отсталый типъ развитія въ томъ отношеніи, что они не придаютъ цѣны половой нравственности“ и т. д. Извѣстно безпристрастное мнѣніе Гёре по этому вопросу. Изъ статистической литературы укажу хотя бы на статью Принцинга: „О раннихъ бракахъ“ (Jahrbuch für Nationaloekonomie 1898). Между прочимъ изъ приводимыхъ имъ данныхъ видно, что у молодого поколѣнія женатыхъ рабочихъ (и мелкихъ ремесленниковъ) существуетъ значительный процентъ нарушенія брачной вѣрности; это явленіе есть причина развода, а Энгельсъ признаетъ только атавистическія насилія мужчины. Статистика опровергаетъ это мнѣніе: нарушеніе брачной вѣрности и взаимное соглашеніе чаще ведутъ къ разрыву и разводу, чѣмъ оскорбленія, насилія и злостное пренебреженіе со стороны мужчины. Энгельсу было бы не легко опровергнуть и тотъ фактъ, что болѣе пожилые женатые рабочіе при одинаковой заработной платѣ живутъ болѣе порядочно въ экономическомъ и семейственномъ отношеніяхъ, чѣмъ юные супруги. Энгельсъ долженъ бы былъ согласиться, что и въ бракахъ пролетаріевъ экономическія отношенія играютъ рѣшительную роль.

вѣдь, для Энгельса моногамія въ дѣйствительности есть моногамія только по имени. Наслѣдованіе у полигамистовъ турокъ, напр., вполнѣ удовлетворяетъ поставленной Энгельсомъ цѣли.

Такимъ же образомъ можно доказать, напр., что проституція встрѣчается и на гораздо болѣе низкой ступени развитія—Энгельсъ ради своего матеріализма извращаетъ не только отдѣльные факты, а и всю исторію семьи, весь ея смыслъ.

Энгельсъ благодаря своему матеріалистическому натурализму дѣлаетъ изъ семьи институтъ по преимуществу физіологическій и экономическій. Вслѣдствіе этого природа мужчины представляется ему столь существенно различной отъ женской — старая романтика съ ея половой сантиментальностью и упадочностью проявляются тутъ, какъ ученіе о свободной любви.

Прочтите у Bleibtreu'я и у Шарпантье, что они говорятъ о свободной любви и вы поймете, почему я устанавливаю нѣкоторую связь между Энгельсомъ въ женскомъ и половомъ вопросѣ и декадентами (тутъ я, разумѣется, не говорю о стилѣ) [1]).

Bleibtreu, за малыми уклоненіями, говоритъ тоже, что и Энгельсъ. И именно поэтому сравненіе ихъ такъ поучительно.

Сущность декадентства у Энгельса состоитъ въ томъ, что онъ также, какъ и всѣ декаденты, признаетъ абсолютность полового влеченія и судитъ о всѣхъ семейныхъ и половыхъ отношеніяхъ только съ этой точки зрѣнія. А таковъ именно и есть взглядъ романтиковъ-декадентовъ,—взглядъ, философски формулированный Шопенгауеромъ. Это просто фетишизмъ половой жизни, половой титанизмъ. И именно подобный титанизмъ и есть выраженіе слабости, упадочности. Половой титанизмъ всегда обусловливается слабостью, дѣйствительная сила не занимается половой схоластикой.

Сила цѣломудренна. Энгельсъ же принимаетъ обычное, декадентское мнѣніе объ абсолютности полового влеченія – и въ этомъ его основная и роковая ошибка. Тутъ мы стоимъ на границѣ двухъ міровъ, стараго и новаго. Энгельсъ не смотря на всю свою прогрессивность принадлежитъ къ старому міру; онъ хочетъ освободить женщину, онъ хочетъ спасти общество, но крѣпко держится того мнѣнія, благодаря которому порабощена въ половомъ отношеніи женщина, порабощенъ и мужчина. Безъ всякихъ доказательствъ Энгельсъ провозглашаетъ, что у мужчины индивидуальная половая любовь исчезаетъ раньше, чѣмъ у женщины и что поэтому разводъ необходимъ, чтобы мужчина могъ вступить въ новую любовную связь. Bleibtreu даже вполнѣ серьезно опредѣляетъ время, которое обыкновенно должна сохраняться любовь—три года (такой же срокъ

[1]) Bleibtreu — Letze Wahrheiten. 1894. Шарпантье — Евангеліе счастья. 1898.

назначаетъ и Шарпантье); они говорятъ также, что влюбляться можно самое большее пять разъ въ жизни. На основаніи «послѣднихъ истинъ» — Bleibtreu'я отчество (paternat) — это общественная ложь, слѣдуетъ ввести первобытный матріархатъ, о дѣтяхъ должно заботиться государство и т. д.—и все это, увѣряетъ насъ Bleibtreu, не должно называться смѣшеніемъ половъ, ибо тутъ «неодновременность, а послѣдовательность».

Въ такъ называемомъ женскомъ вопросѣ дѣло идетъ, и всегда шло, не объ одной только женщинѣ, а также и въ такой же степени и о мужчинѣ. Съ самаго начала развитія и до настоящаго времени существуетъ consensus между обѣими половинами общества. Энгельсъ уничтожаетъ этотъ consensus и потому совершенно невѣрно изображаетъ порабощеніе женщины мужчиной. Патріархатъ, какъ его описывалъ Энгельсъ, есть порабощеніе не одной только женщины, но и мужчины. Слѣдуетъ освободить не женщину отъ мужчины, и не мужчину отъ женщины--нужно освободить ихъ обоихъ съ одной стороны отъ животныхъ влеченій, а съ другой отъ декадентской испорченности.

И это произойдетъ только тогда, когда мы отдѣлаемся отъ мнимо научнаго предразсудка, будто половое влеченіе есть настоящее средоточіе всей жизни. Отъ этого предразсудка происходятъ и другіе, вродѣ того, что физическое и психическое здоровье подвергается опасности, если это влеченіе не удовлетворяется по возможности рано и по возможности полно. Это утверждаютъ и многіе медицинскіе авторитеты—и однако это ложь. А ужъ нечего и говорить о томъ, что это вопросъ совсѣмъ не только медицинскій [1]).

[1]) Вѣрные взгляды въ этомъ отношеніи высказываетъ Hegar—Половое влеченіе 1894. Книга Риббинга о половой гигіенѣ мѣстами очень груба и ошибочна. Наоборотъ, методъ изложенія дѣла у миссъ Блэкуэль (Совѣтъ родителямъ относительно нравственнаго воспитанія дѣтей въ половомъ отношеніи 1881) мнѣ очень нравится.

Изъ теперешнихъ марксистовъ большинство является послѣдователями Энгельса — Каутскій, Бебель, Эвелингъ и др. Каутскій въ вышеупомянутомъ сочиненіи: Вліяніе увеличенія народонаселенія принимаетъ неомальтузіанство; Бебель (женщина и соціализмъ) принимаетъ половой титанизмъ Гете. Въ сочиненіи „Women Anestion“ (1887).—Эдуарда и Элеоноры (Марксъ) Эвелингъ, нѣтъ ничего новаго. Противъ Бебеля см. Циглера (здѣсь я указываю только на возраженія Циглера противъ декадентской теоріи о силѣ полового инстинкта; въ другихъ вопросахъ я съ нимъ не согласенъ). Противъ вообще очень почтенной, хотя и поверхностной книги Бебеля раздаются возраженія и изъ среды соціалистовъ; (Neue Zeit. 1896. Катценштейнъ—Критическія замѣчанія о книгѣ Бебеля; возраженіе Бебеля) Ср. Бернштейна — Критика сочиненія Циглера (Neue Zeit. 1894: „Естествовѣденіе противъ обществовѣденія и въ берлинскомъ Socialdemokrat 1894. Ледебура — Естествознаніе и соціальдемократическая теорія).

Вѣрную точку зрѣнія защищаетъ Гистровъ—Вопросъ о продажѣ дѣ-

Любовь не слѣдуетъ отождествлять съ половымъ влеченіемъ. Энгельсъ, и вообще марксисты, часто ставятъ инстинктъ выше разума, они ставятъ его и выше любви. А любовь, любовь истинная, есть общеніе не только тѣлъ, а и душъ. И несомнѣнно, что существуетъ и бракъ душъ, какъ превосходно выразилась Елизавета Броунингъ,

Объ этомъ вопросѣ можно говорить много и долго, но я ограничусь только нѣсколькими словами. Противъ высказанныхъ мной теперь мнѣній были сдѣланы изъ такъ называемаго новаго лагеря возраженія, будто я проповѣдую аскетизмъ и пуританство. Нѣтъ, я не проповѣдую аскетизма, я не рекомендую насилія надъ природой и надъ тѣломъ—наоборотъ, я только не дѣлаю того различія между тѣломъ и душой, которое дѣлаютъ декаденты. Я рѣшительно осуждаю и отвергаю такой дуализмъ; я не считаю тѣло болѣе нечистымъ, чѣмъ духъ и потому самому я отвергаю не только аскетизмъ, но и декадентство.

Энгельсъ пришелъ къ декадентству благодаря своему матеріализму. Матеріализмъ заставилъ его видѣть въ современной семьѣ только экономическій институтъ; но онъ также заставилъ его привести всю семейную жизнь и все общественное значеніе семьи преимущественно къ половому союзу. Въ дѣйствительности же соціальная нравственность и все міросозерцаніе до значительной степени проявляется въ семейной жизни и въ половыхъ отношеніяхъ. Энгельсъ невольно противорѣчитъ своему экономическому матеріализму, различая типы браковъ, католическій и протестантскій.

Энгельсъ видитъ хорошо, но не все онъ видитъ.

Дѣло совсѣмъ не въ католической или въ протестантской формѣ брака и семьи, а въ католической и протестантской половой нравственности и въ міровоззрѣніи вообще.

Энгельсъ ссылается на французскіе и нѣмецкіе романы, по которымъ будто бы можно отлично познакомиться съ католическими и протестантскими браками. Совершенно вѣрно. Еще принять во вниманіе не одинъ современный романъ, а всю современную, въ особенности послѣреволюціонную европейскую литературу, то придется признать существованіе двухъ типовъ половой этики. Въ этюдахъ о современномъ титанизмѣ (фаустовщинѣ), въ особенности въ этюдахъ о Зола, Мюссе и Гете, я сдѣлалъ такой анализъ и указалъ,

вокъ (Neue Zeit. 1897). Обращаю особое вниманіе на эту статью. Противъ Гистрова въ Neue Zeit. высказались многіе, по моему мнѣнію, неосновательно.

Кромѣ Гистрова укажу еще два заявленія: Бернштейна о процессѣ Уальде (Neue Zeit. 1895 a) по поводу сенсаціоннаго процесса и b) осужденіе противуестественныхъ половыхъ отношеній) и Эрнста: Свободная любовь (въ Neue Zeit. 1896).

насколько католицизмъ съ его идеаломъ безбрачія отличается отъ протестантизма, не знающаго этого идеала. Я указывалъ также и на то, что декадентство католическое отличается отъ протестантскаго.

Энгельсъ протестантъ и впадаетъ въ протестантство декадентское. Это не та парижская половая мистика, которая постоянно колеблется между мадонной и Venus Vulgiva, не тотъ утонченный іезуитизмъ чувственности, который даже среди самыхъ грубыхъ извращенностей исповѣдуетъ аскетическій идеалъ, такъ какъ признаетъ аскетическій дуализмъ тѣла и духа—протестантское декадентство проще, откровеннѣе, грубѣе, безъ грызущихъ упрековъ совѣсти. Это менѣе возбуждающее декадентство, половая метафизика à la Шопенгауеръ. Теоретикъ протестантскаго декадентства—это Bleuler, а типическій представитель и вмѣстѣ съ тѣмъ психологъ декадентства католическаго (французскаго) Бурже (его книга о любви).

Энгельсъ до извѣстной степени находился подъ вліяніемъ Фурье, мнѣнія котораго о вопросѣ объ отношеніяхъ половъ согласуются съ тогдашнимъ французскимъ романтизмомъ.

Несомнѣнно, что въ современномъ обществѣ въ половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ происходитъ переворотъ. И не только вслѣдствіе капитализма, какъ стараются доказать Марксъ и Энгельсъ, но и вслѣдствіе общаго развитія современнаго мышленія, современной политики и этики. Человѣкъ въ лицѣ лучшихъ его представителей стремится къ высшей этикѣ, къ болѣе высокимъ и болѣе чистымъ идеаламъ въ любви и бракѣ. Такіе люди, какъ Толстой, Достоевскій, Бьернсонъ, Мопасанъ въ послѣдній періодъ своей литературной дѣятельности, указываютъ намъ направленіе развитія. Я не одобряю преувеличеній Толстого, но я увѣренъ, что современное человѣчество требуетъ чистоты нравовъ. Къ этому идетъ начатое реформаціей развитіе, устранившее матеріалистическій аскетизмъ, къ этому идетъ и такъ называемое эмансипаціонное движеніе,—однимъ словомъ, таково направленіе всего современнаго развитія нравственности.

Марксъ и Энгельсъ вѣрно отмѣтили тотъ фактъ, что современное общество нуждается въ высшей формѣ брака и любви. Но ихъ матеріализмъ заставилъ ихъ думать, будто семья разрушается только капитализмомъ и что только новое экономическое равенство женщины и мужчины можетъ создать необходимый прогрессъ. Это равенство уже достигнуто въ гораздо большей степени, чѣмъ полагаютъ Марксъ и Энгельсъ; но дѣло то въ томъ, что этотъ вопросъ не только экономическій, а и этическій—и даже этическій по преимуществу [1]).

[1]) Экономическое равенство половъ до значительной степени осуществлено у деревенскаго населенія, у рабочихъ, да и у другихъ классовъ; экономическая дѣятельность женщины, даже когда она занимается только домашнимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, признается мужчиной—въ этомъ отношеніи Марксъ и Энгельсъ просто преувеличиваютъ вліяніе капитализма и фабрикъ.

Я повторяю, что тутъ мы стоимъ на границѣ стараго и новаго, дѣйствительно прогрессивнаго, міровъ. Господа Bleibtreu и Бурже даже непредчувствуютъ, какъ они стары.

Энгельсъ тоже не является представителемъ дѣйствительно новыхъ и прогрессивныхъ взглядовъ. Недостаточно рекомендовать свободную любовь, прежде всего необходимо требовать высшей, болѣе благородной любви. Энгельсъ сильно настаиваетъ на необходимости развода—его теперь многіе требуютъ. Я не сомнѣваюсъ, что разводъ при извѣстныхъ условіяхъ хорошее средство, но возлагать на него такія надежды, какія возлагаютъ Спенсеръ и др., есть заблужденіе. Необходимо сдѣлать невозможными отношенія, ведущія къ разводу.

Энгельсъ возстаетъ противъ проституціи—это, конечно, необходимо и почтенно. Но неосновательно считать ее «необходимой» и говорить, что прелюбодѣяніе и гетеризмъ есть «неизбѣжное общественное учрежденіе» при моногаміи. Неосновательно сожалѣть о томъ, что женщины лишились половой свободы групповаго брака, тогда какъ мужчина сохранилъ такую свободу—разумѣется, женщина и мужчина должны быть равны во всемъ, но никоимъ образомъ не въ томъ, что составляетъ общественное зло.

Вообще Энгельсъ недостаточно продумалъ свое мнѣніе о проституціи и прелюбодѣяніи. Съ одной стороны онъ видитъ въ нихъ остатокъ мнимой древней и лучшей формы брака, а съ другой стороны онъ осуждаетъ ихъ, какъ безнравственныя. Проституція, прелюбодѣяніе и вообще половая безнравственность есть просто безнравственность, являющаяся и развивающаяся всегда и при всякихъ отношеніяхъ. Тутъ матеріалистическій историзмъ также повредилъ Энгельсу, какъ и другимъ. Напримѣръ, Ковалевскій видитъ въ часто встрѣчающемся въ Россіи снохачествѣ только «переживаніе»—а въ сущности тутъ дѣло просто въ недостаткахъ и слабостяхъ человѣческой природы.

Я несогласенъ и съ требованіемъ, чтобы государство (или общество) взяло на себя воспитаніе дѣтей; я вижу въ этомъ разрушеніе семьи, хотя и признаю, что и въ настоящее время семья часто разрушается нуждой и нищетой—и почти всегда богатствомъ.

И такъ какъ я вообще не признаю коммунизма, то отвергаю и коммунизмъ половой—въ какой бы формѣ онъ не проявлялся (какъ проституція, полигамія и поліандрія, свободная любовь и т. д.) Все развитіе, ученія величайшихъ моралистовъ и законодателей, предписанія христіанской церкви и идеалы лучшихъ мужчинъ и женщинъ имѣютъ одно и тоже направленіе—человѣчество стремится къ абсолютному единобрачію. Чтобы оно было возможнымъ, кромѣ необходимыхъ экономическихъ реформъ необходима и всеобщая этическая и духовная реформа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Идеологическія системы.

VII.

Государство и право.

106. Все развитіе нѣмецкой философіи и нѣмецкой жизни приводило Маркса къ политикѣ.

Политическій гнетъ въ Пруссіи и Австріи, пытавшійся задержать вызванное великой французской революціей освобожденіе умовъ,—(одинъ австрійскій министръ назвалъ управленіе Меттерниха убійствомъ духа)—мелочность, безхарактерность и очевидная неспособность абсолютизма, примѣры Франціи и Англіи, и въ особенности вліяніе іюльской революціи, усилили въ Германіи стремленія къ свободѣ и демократическій духъ, пробудили политическіе интересы и оживили радикальныя настроенія. Они проявились не только въ возстаніяхъ тридцатыхъ годовъ (въ Саксоніи, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ), но и въ попыткахъ конституціоннаго управленія (главнымъ образомъ въ Баденѣ). Марксъ началъ свою литературную и журнальную дѣятельность въ такое время, когда созрѣвалъ 1848 г.

Нѣмецкая философія, какъ я указалъ въ самомъ началѣ своего этюда, развивалась также, какъ и философія во Франціи и въ Англіи, какъ политическая и соціальная и притомъ становилась все болѣе радикальной по своему направленію. Основываясь на критицизмѣ и этическомъ ригоризмѣ Канта, Фихте пришелъ къ взглядамъ на національное воспитаніе, находившимся въ прямомъ противорѣчіи съ господствующимъ политическимъ и церковнымъ строемъ—не даромъ современные анархисты ставятъ Фихте во главѣ своихъ предшественниковъ и учителей: цѣль всякаго правительства состоитъ въ

томъ, чтобы сдѣлать правительство излишнимъ. Самъ Фихте и Фрисъ пришли къ столкновенію съ государственной властью—послѣдній за свою рѣчь на извѣстномъ Вартбургскомъ праздникѣ. Шлейермахеръ тоже подвергался преслѣдованіями правительства—наоборотъ, Гегель нашелъ своего абсолютнаго духа въ прусскомъ государствѣ. И однако именно изъ школы Гегеля вышли не только Фейербахъ, но и Марксъ и Энгельсъ.

Для Гегеля государство было чѣмъ то въ родѣ mortalis deus Гоббса, «абсолютной властію и величествомъ», отраженіемъ божественной идеи, «абсолютно совершеннымъ этическимъ организмомъ». Гегель былъ королевско-прусскимъ реалистомъ и позитивистомъ, ставившимъ государство выше церкви [1]). Но именно такое обожествленіе государство и приводило къ критикѣ существующаго общественнаго строя; система Гегеля, вопреки всему его оппортюнизму, была отрицаніемъ этого строя.

Наслѣдники Гегеля заимствовали изъ его историзма, изъ его ученія о развитіи и объ относительности всего существующаго, уваженіе не къ реставраціи и монархіи, а къ революціи и къ республикѣ. Если все существующее разумно, то разуменъ не только Альтенштейнъ, а и Робеспьеръ.

Естественно, что революція въ школѣ Гегеля началась съ теологіи и съ религіи. Въ Германіи революція была направлена прежде всего противъ нихъ, такъ какъ протестантизмъ, и какъ церковь и какъ религія, производитъ болѣе глубокое вліяніе на умы, чѣмъ католицизмъ въ революціонной Франціи. Въ Германіи такая всеохватывающая революція, какой она была во Франціи, не была необходима, да и не была возможна. Было достаточно раціоналистической революціи Гегеля и гегеліанской лѣвой.

Фейербахъ совершилъ очень основательную революцію противъ положительной религіи. Преодолѣвъ существующую религію и церковь, онъ послѣдовательно, во имя своего гуманизма, преодолѣлъ и государство; уничтожая только существующую религію, онъ хотѣлъ замѣнить уничтоженное высшимъ государствомъ и высшей религіей.

Гуманизмъ у Фейербаха получаетъ и теоретическое и практическое значеніе; практическое потому, что человѣкъ замѣняетъ христіанина, а теоретическое потому, что человѣкъ замѣняетъ Бога.

Фейербахъ требуетъ, чтобы мы сдѣлались, т. е. оставались религіозными; но нашей религіей должна сдѣлаться политика; для того же, чтобы политика могла сдѣлаться религіей, необходимъ высшій принципъ—такой принципъ въ его отрицательномъ выраженіи есть

[1]) О реакціонной эволюціи Гегеля, кодифицированной въ системѣ философіи права (1821) см. Гайма—Гегель и его время 1857.

атеизмъ, т. е. отреченіе отъ Бога, отличнаго отъ человѣка. Положительный же принципъ такой религіозной политики есть гуманность, самъ человѣкъ.

Гуманизмъ Фейербаха, дѣлая Бога человѣкомъ, ведетъ къ признанію человѣка истиннымъ и совершеннымъ государствомъ — самоопредѣляющійся, абсолютный человѣкъ есть государство.

Новое время своимъ гуманизмомъ вполнѣ преодолѣваетъ старое: вѣра замѣняется невѣріемъ, библія разумомъ, церковь и религія политикой, небо землей, молитва трудомъ, адъ матеріальной нуждой, христіанинъ человѣкомъ.

Фейербахъ понималъ, что протестантизмъ усиливаетъ государственную власть, такъ какъ переноситъ папство и дѣлаетъ изъ королевской власти политическое папство. И тѣмъ не менѣе Фейербахъ видитъ въ протестантизмѣ религіозный республиканизмъ; потому протестантизмъ, разъ изъ него исчезло религіозное содержаніе, ведетъ къ политическому республиканизму. Разъ теологія становится антропологіей, и монархія превращается въ республику.

Наконецъ Фейербахъ благодаря своему антирелигіозному и антицерковному гуманизму приходитъ къ демократизму, соціализму и коммунизму. Человѣчность не можетъ быть осуществлена однимъ человѣкомъ или одной кастой или однимъ классомъ—слѣдующей за республикой задачей человѣчества долженъ быть демократизмъ. Современное естествознаніе тоже ведетъ къ соціализму и коммунизму.

Мы уже говорили, что подобныя заявленія характерны для политическаго настроенія въ Германіи, какимъ оно было въ Германіи во времена Фейербаха. Это всего лучше видно изъ критики лѣвыхъ гегеліанцевъ. Штраусъ, Бауеръ и другіе отрекаются отъ положительной религіи и отъ ея традицій, а Штирнеръ въ его «Einzige» проповѣдуетъ уже политическій нигилизмъ; Фейербахъ восторгается республикой и пытается обосновать ее своимъ гуманизмомъ, но Штирнера республика уже не удовлетворяетъ — государство должно быть совершенно уничтожено.

Тщетно Гегель незадолго до смерти пишетъ противъ предполагаемыхъ реформъ въ англійской конституціи—англійскому чартизму того времени соотвѣтствуетъ уже замѣтное въ то время соціальное, даже коммунистическое движеніе. Уже въ тридцатыхъ годахъ провозглашается необходимость не только политической, а и соціальной революціи (Бюхнеръ); германскій соціализмъ организуется заграницей (въ Парижѣ, въ Англіи и въ Швейцаріи), но и въ Германіи есть его представители. Вейтлингъ нравится не только Марксу и Энгельсу, но и Фейербаху [1]).

[1]) См. Меринга—Исторія германской соціалъ-демократіи 86, тамъ же о Бюхнерѣ (61).

И не одни члены тайныхъ обществъ, вродѣ Бюхнера и Вейтлинга, а и ученые, вродѣ Лоренца Штейна, дѣйствуютъ въ литературѣ сороковыхъ годовъ подъ вліяніемъ французскихъ идей очень либерально и прогрессивно [1]). Вообще не слѣдуетъ забывать и о либералахъ того времени, Роттекѣ, Велькерѣ и др. Помимо философіи, литературы и прессы и либеральная государственная наука имѣла въ то время большое вліяніе на интеллигенцію; Роттекъ напр. во имя естественнаго права требовалъ не только конституціи, а и республики [2]).

107. Марксъ въ началѣ своей дѣятельности въ политической журналистикѣ былъ гегеліанцемъ, философія права Гегеля еще въ 1844 г. представлялась ему единственнымъ сочиненіемъ по германской исторіи, стоящимъ на уровнѣ современнаго знанія и современной философіи [3]). Какъ гегеліанецъ онъ видитъ въ государствѣ истиннаго руководителя общества, хотя при этомъ онъ требуетъ современнаго, свободнаго, идеальнаго государства. Марксъ очень рано началъ представлять себѣ государство также, какъ представлялъ его себѣ Фейербахъ, и идя по этой дорогѣ дальше, онъ наконецъ приходитъ къ согласію съ Штирнеромъ въ томъ его мнѣніи, что государство есть зло само по себѣ. Такое мнѣніе Марксъ высказалъ еще въ 1844 г., очевидно, подъ вліяніемъ французскаго соціализма [4]).

Принимая соціализмъ и капитализмъ, Марксъ различаетъ буржуазное общество отъ государства. Въ Deutsche-Französischen Jahrbüchern и въ «Святомъ семействѣ» онъ объясняетъ, что не государство организуетъ общество, а наоборотъ само оно поддерживается буржуазіей. Уже Гегель раздѣлялъ государство и бюргерство, о которомъ онъ былъ не очень высокаго мнѣнія; Марксъ подъ вліяніемъ французовъ устанавливаетъ болѣе точно это различіе—Штейнъ, различая буржуазію и государство, тоже находился подъ вліяніемъ французскихъ историковъ—Марксъ утверждаетъ при этомъ, что государство не есть органъ цѣлаго общества, а только одного изъ его классовъ, буржуазіи. А буржуазія—это эгоизмъ [5]); она считаетъ брата — человѣка только средствомъ для достиженія своихъ цѣлей.

Позже, въ «Капиталѣ», буржуазія превращается въ капиталистовъ, въ буржуазію капиталистическую.

Чтобы вполнѣ понять эти взгляды Маркса, необходимо познакомиться съ его мнѣніями о развитіи современнаго государства. По мнѣнію Маркса, государство есть учрежденіе новое. Для него средневѣковой феодализмъ не есть государство. Тогда господствовало христіанство — и господствовало настолько всецѣло, что для государства не было мѣста—христіанство есть отрицаніе государства. Феодальное общество для удовлетворенія своихъ практическихъ потребностей организировалось въ различныя привиллегированныя сословія; но это не было государство—вся жизнь основывалась на религіи и ею руководила церковь. Современное государство появилось только тогда, когда христіанство утратило эту соціальную силу.

А современное государство—это господство буржуазіи; оно вызвано къ жизни главнымъ образомъ французской революціей, въ особенности директоріей, бывшей завершеніемъ революціи и упроченіемъ современной буржуазіи («Святое семейство» ст. 192).

Революція устранила феодальныя привиллегіи, провозгласила свободу религіи, промышленности и т. д.; привиллегіи были замѣнены правомъ, именно такъ называемыми правами человѣка; личности были освобождены отъ цеховыхъ и сословныхъ правилъ; государство замѣняетъ и религію и церковь.

«Политическое государство» — это плеоназмъ; но Марксъ посредствомъ его настаиваетъ на томъ, что въ настоящее время политика становится, какъ училъ Фейербахъ, религіей—и во всякомъ случаѣ одной изъ религій.

Гарантируемая государствомъ свобода только отрицательная; она есть просто отрицаніе старыхъ сословныхъ привиллегій; положительное ея содержаніе — это эгоизмъ «освобожденныхъ», но испорченныхъ всѣмъ прежнимъ развитіемъ личностей; новое право, право человѣка,—это просто кодексъ разнузданнаго эгоизма освобожденныхъ личностей, которые именно въ силу своего взаимнаго эгоизма составили буржуазію; современное политическое государство есть орудіе этой эгоистической буржуазіи. Оно есть государство классовое, государство капиталистическихъ классовъ.

Марксъ охотникъ до парадоксовъ, антитезъ и логическихъ сюрпризовъ; такъ онъ внезапно заявляетъ, что именно это современное буржуазное государство, замѣнившее религію, и есть настоящее христіанское государство. Религіозная свобода, объявляетъ Марксъ, не обозначаетъ уничтоженія религіи, а наоборотъ легальное гарантированіе ея, также какъ свобода промышленности есть просто разрѣшеніе пріобрѣтать свободно, т. е. насчетъ другихъ. Потому

[1]) Между прочимъ Штейнъ (Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи 1848) предсказываетъ побѣду правъ народа надъ монархическимъ принципомъ и желаетъ ее.

[2]) Блюнчли—Исторія общаго государственнаго права и политики 1847. Ср. Ремъ—Исторія государственныхъ наукъ 1896.

[3]) Deutsche—Franz. Jahrb. Ср. § 7.

[4]) Въ упомянутой критикѣ философіи права Гегеля фейербаховскій человѣкъ для Маркса есть „міръ человѣка, государство, общество“; но въ этомъ же году въ парижскомъ журналѣ „Vorwärts“ онъ уже видитъ въ государствѣ, въ самой его сущности, зло—государство, если оно хочетъ уничтожить пауперизмъ, должно уничтожить себя самаго, такъ какъ причина зла въ немъ самомъ. См. Адлера — Основы критики Маркса, ст. 244.

[5]) Въ статьѣ о евреяхъ въ Deutsch. Französ. Jahrbuch. Ср. „Святое Семейство“ ст. 188. См. §§ 120.

то, говоритъ Марксъ, демократическое, даже атеистическое государство и есть истинно христіанское, служащее христіанству государство [1]).

Представляемое государствомъ общество находится въ упадкѣ, вырождается. Должно произойти измѣненіе, и оно произойдетъ, когда эгоистическій, индивидуалистическій человѣкъ сдѣлается настоящимъ фейербаховскимъ родовымъ существомъ, общественнымъ человѣкомъ, истиннымъ человѣкомъ, соціалистомъ, коммунистомъ, тогда исчезнутъ государство и классовыя противорѣчія и замѣнятся обществомъ.

Государство прекратитъ свое существованіе, останется только союзъ свободныхъ людей (Штирнеръ говорилъ о «союзѣ эгоистовъ»).

Потому государство есть, по мнѣнію Маркса, учрежденіе эфемерное; оно не существовало во времена коммунизма и не будетъ существовать при будущемъ коммунизмѣ. Государство—это идеологія; и притомъ идеологія практическая, какъ религія была идеологіей теоретической (Deutsch -Franz. Jahrb.); политическое, буржуазное государство есть простая фикція эгоизма. «При дальнѣйшемъ развитіи рабочій классъ поставитъ на мѣсто стараго буржуазнаго общества ассоціацію, въ которой исключаются классы и ихъ противорѣчія; настоящей политической власти существовать не будетъ, такъ какъ именно политическая власть и есть оффиціальное выраженіе классовыхъ противорѣчій въ буржуазномъ обществѣ» («Нищета философіи» ст. 163).

Когда Марксъ говоритъ о будущемъ государствѣ—какъ напр. въ въ Коммунистическомъ манифестѣ—то онъ имѣетъ въ виду государство переходной стадіи, признаваемое имъ и въ его критикѣ Готской программы (1895), или слово: государство обозначаетъ у него будущее общество.

Въ этихъ взглядахъ Маркса на государство очевидны всѣ недостатки его соціологическихъ основаній; неисторическая конструкція государства была видоизмѣнена уже Энгельсомъ, какъ мы это увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ [2]).

Въ сущности говоря, это просто «реальный» гуманизмъ Фейербаха, очищенный Марксомъ отъ всякихъ сантиментальныхъ и идеологическихъ элементовъ (уже въ полемикѣ противъ Грюна и Гесса). Для Маркса идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, остается

[1]) Совершеннымъ политическимъ государствомъ Марксъ признаетъ Соединенные Штаты (Deutsch.—Franz. Iahrb.).

На основаніи приведенныхъ въ §§ 122 разъясненій Энгельса буржуазія распадается на два лагеря: на крупныхъ землевладѣльцевъ—католическіе іезуиты и ортодоксальные протестанты—и на буржуазію въ узкомъ смыслѣ этого слова—либералы и радикалы, промышленный и капиталистическій классъ, идеологія которыхъ, т. е. религія, есть раціонализмъ.

[2]) По мнѣнію Энгельса государство начало свое существованіе въ Афинахъ и существовало также и въ среднія вѣка.

все тотъ же человѣкъ—но этотъ человѣкъ хочетъ быть совсѣмъ особымъ, отличнымъ отъ того человѣка, котораго признала декларація правъ человѣка; потому что не только политическій человѣкъ (citoyen), но и не политическій (l'homme) есть по мнѣнію Маркса испорченный человѣкъ Руссо [1]). На основаніи закона отрицанія исторія покончитъ съ этимъ человѣкомъ, т. е. при катастрофѣ, по мнѣнію Маркса неизбѣжной, этотъ испорченный человѣкъ снова превратится въ будущаго неиспорченнаго, и тогда появится общественный человѣкъ, коммунистъ.

108. Энгельсъ болѣе подробно разработалъ основныя положенія Маркса и объединилъ ихъ съ другими его ученіями. Въ сочиненіи о семьѣ Энгельсъ говоритъ о происхожденіи и историческомъ развитіи государства въ связи съ своими взглядами на первобытный коммунизмъ и на родовую организацію; въ сочиненіи противъ Дюринга онъ излагаетъ свое ученіе о государствѣ догматически.

Мы опять таки прослѣдимъ изложеніе Энгельса безъ перерывовъ—и это тѣмъ удобнѣе, что критика этой части ученія его уже до значительной степени содержится въ критикѣ основныхъ понятій.

Государство было гробовщикомъ родовой организаціи—такова основная идея Энгельса и таковъ главный предметъ его сожалѣнія. Наша несчастная цивилизація характеризуется государствомъ, частной собственностью и моногаміей. Потому оно исчезнетъ также, какъ и раньше его не было. Насколько эфемерно государство, это видно изъ вышеприведенныхъ расчетовъ—догосударственное развитіе продолжалось сотни тысячъ лѣтъ, а государство и цивилизація существуютъ только три тысячелѣтія; если принять во вниманіе, что по мнѣнію Энгельса будущее соціалистическое общество уже создается и что будущій общественный строй есть окончательный, то государство представится намъ весьма незначительнымъ эпизодомъ.

Энгельсъ признаетъ типическимъ развитіе государства у афинянъ. И прежде всего потому, что развитіе у нихъ шло самопроизвольно, безъ внутреннихъ потрясеній и безъ чуждыхъ вліяній; непосредственно изъ родового строя развилась высокоразвитая государственная форма, демократическая республика. А потомъ Энгельсъ выбираетъ исторію афинскаго государства и потому, что она въ существенныхъ ея подробностяхъ достаточно извѣстна.

Можно бы было сразу возразить противъ этихъ методологическихъ основаній Энгельса, что на афинянъ и вообще на грековъ дѣйство-

[1]) „Политическій человѣкъ есть только абстрагированный искусственный человѣкъ—человѣкъ, какъ алегорическая моральная личность. Дѣйствительный человѣкъ (въ смыслѣ господствующей буржуазіи) признается только въ формѣ эгоистическаго индивида, а настоящій человѣкъ только въ формѣ абстрактнаго гражданина (Citoyen)"—Deutsche Franz. Iahrb.

вали чуждыя азіатскія (персидское, финикійское и т. д.) вліянія, и не только въ историческую эпоху, а и много раньше; современный историкъ выразилъ бы сомнѣніе, дѣйствительно ли греки были такой чистой расы, какъ полагаетъ Энгельсъ на основаніи своихъ взглядовъ на развитіе рода—но мы оставимъ пока въ сторонѣ всѣ эти возраженія, такъ для насъ теперь дѣло не въ полной исторіи афинскаго государства, а въ уясненіи тѣхъ соціальныхъ силъ, благодаря которымъ оно произошло, по мнѣнію Энгельса.

На высшей ступени варварства, въ героическую эпоху—такъ описываетъ Энгельсъ происхожденіе афинскаго государства—четыре греческія племени еще занимали каждое свою особую область; ихъ строй состоялъ изъ народнаго собранія, народнаго совѣта и царя (Basileus). Земля была уже частной собственностью, производство и торговля товарами были уже относительно развитыми, морская торговля по большей части уже перешла отъ финикіанъ къ афинянамъ. Вслѣдствіе покупки и продажи земли, вслѣдствіе прогрессивнаго раздѣленія труда между земледѣліемъ и ремесломъ, торговлей и мореплаваніемъ, члены родовъ, фратрій и племенъ очень рано настолько перемѣнялись, что было уже необходимо устранить это зло. И это тѣмъ болѣе, что къ первоначальному населенію присоединялись и чужаки (значитъ, уже въ то время?). Потому конституція была измѣнена уже къ концу героической эпохи и общество было реорганизовано по плану, приписываемому Тезею.

Въ Афинахъ было учреждено центральное управленіе, т. е. часть дѣлъ, которыя до того времени вѣдались племенами, была признана общественными, общими и поручена засѣдавшему въ Афинахъ совѣту. Вмѣсто союза племенъ, существовавшаго у индѣйцевъ Америки, появляется въ силу сліянія племенъ греческій народъ. Такимъ же путемъ произошло и общее афинское народное право, ставшее выше обычнаго права племенъ и родовъ; афинскій гражданинъ пользуется теперь правами, какъ таковой, пользуется защитой права и на той области, въ которой живетъ чужое ему племя. Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ погибели родового строя; потому что такимъ образомъ въ общество были допущены совершенно чужіе граждане, не принадлежавшіе ни къ одному изъ аттическихъ племенъ. Тезею приписывается также раздѣленіе всего народа, не принимая во вниманіе рода, фратріи и племени, на три класса: благородныхъ (эвпатридовъ), крестьянъ (геоморовъ) и ремесленниковъ (деміурговъ); первый классъ получилъ привиллегію занимать всѣ государственныя должности.

Въ этихъ нововведеніяхъ Энгельсъ видитъ зародышъ государства. Первая попытка основанія государства состояла именно въ томъ, что распадаются роды и притомъ въ особенности въ силу того, что нѣкоторыя семьи—благородныя—завладѣваютъ родовыми должностями и соединяются внѣ своихъ родовъ въ одинъ привиллегированный классъ. Раздѣленіе труда между земледѣльцами и ремесленниками разрушаетъ старую родовую организацію. «Первая попытка образованія государства состоитъ въ разорваніи (дифференцированіи) родовъ, раздѣляя членовъ каждаго изъ нихъ на привиллегированныхъ и оттѣсненныхъ, и этихъ послѣднихъ на два другъ другу противуположные рабочіе класса».

Дальнѣйшее развитіе афинскаго общества до Солона Энгельсъ излагаетъ на основаніи извѣстнаго уже намъ общаго закона развитія: богатство увеличивается, появляется денежное хозяйство, посредствомъ котораго ростовщическое дворянство разлагаетъ старое натуральное хозяйство; въ Аттикѣ рано появляется цѣлая масса должниковъ; вексель и гипотека не обращаютъ вниманія ни на родъ, ни на фратрію, задолжавшіе крестьяне изъ собственниковъ превращаются въ арендаторовъ; на основаніи новаго права кредиторъ можетъ получать съ должника свои деньги разными способами—должники продавали даже въ рабство своихъ дѣтей для удовлетворенія кредитора; «продажа дѣтей отцомъ—таковъ первый результатъ моногаміи и права отца. Если піявка кредиторъ не удовлетворялся этимъ, онъ могъ продать и самого должника, какъ раба. Такова была прекрасная утренняя заря цивилизаціи у афинскаго народа!».

Вслѣдствіе раздѣленія труда между деревней и городомъ и дальнѣйшаго раздѣленія различныхъ городскихъ отраслей труда образовались новыя группы и онѣ для обезпеченія своихъ интересовъ создали новые органы.

Прежде всего новому государству была необходима своя собственная военная сила. Такой у афинянъ былъ сначала флотъ. Эта военная сила разрушала родовой строй во первыхъ тѣмъ, что общественная власть теперь уже не была тождественной со всей массой вооруженнаго народа, и во-вторыхъ тѣмъ, что она раздѣляла народъ по территоріи, а не по родственнымъ группамъ.

Родъ становится безсильнымъ, его замѣняетъ государство, организованное конституціей Солона и Клейсфена. Солонъ начинаетъ рядъ общественныхъ и политическихъ переворотовъ, прежде всего вмѣшательствомъ въ распредѣленіе собственности; какъ французская революція уничтожила феодальную собственность, такъ и Солонъ объявляетъ долги недѣйствительными.

Родовая организація совершенно разрушена—общество уже вполнѣ раздѣлено на экономическіе классы, органы рода становятся частными союзами, и союзами чисто религіозными.

При классовыхъ противорѣчіяхъ и благодаря имъ государство пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силу. Его существенный признакъ состоитъ въ общественной власти, отдѣленной отъ народной массы. У Афинъ, какъ сказано, сначала былъ флотъ, поставляемый наро-

домъ и народное войско для защиты противъ внѣшнихъ враговъ и противъ массы рабовъ, составлявшихъ большинство населенія. По отношенію къ гражданамъ общественная власть состояла сначала только изъ полиціи, появившейся одновременно съ государствомъ. Афинская жандармерія состояла изъ рабовъ, такъ какъ свободные афинскіе граждане не желали служить въ этихъ унизительныхъ политическихъ должностяхъ («это было старое родовое настроеніе»), только впослѣдствіи государство сдѣлало и такое ремесло почтеннымъ.

И несмотря на всѣ свои успѣхи афинское государство все таки пало—и пало оно вслѣдствіе рабства, дѣлавшаго трудъ унизительнымъ для свободныхъ гражданъ.

Римское государство развивалось нѣсколько иначе. Въ Римѣ родовое общество эпохи царей превратилось въ замкнутую аристократію (populus romanus), господствующую надъ присоединеннымъ посредствомъ завоеванія и безправнымъ народомъ, plebs. Такой дуализмъ было необходимо устранить и это было сдѣлано конституціей Туллія, организировавшей все населеніе также, какъ конституція Солона въ Афинахъ, по территоріи и по цензу. Дальнѣйшее развитіе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока Италія не пала также, какъ пали Афины, было развитіемъ этихъ зародышей, положенныхъ конституціей Туллія.

Наслѣдники Рима, германцы, представляютъ снова иной государственный типъ. Мы уже говорили о родовомъ строѣ германцевъ и намъ остается только указать на происхожденіе германскаго государства. Оно произошло вслѣдствіе завоеванія огромной чужой территоріи. Завоеванная область была раздѣлена на основахъ родового строя. Но этотъ первоначальный строй не годился для функцій завоевателей, которымъ предстояло организовать подчиненные народы; родовой строй быстро превращается въ государство, вождь побѣдоноснаго войска превращается въ короля. Этотъ послѣдній раздаетъ землю своей свитѣ—появляется новое дворянство, создавшееся насчетъ народа. Тѣмъ не менѣе родовой строй сохраняется, по крайней мѣрѣ экономически, въ Германіи, Сѣверной Франціи и Англіи въ формѣ марки-общины въ феодальномъ государствѣ, такъ какъ завоеватели не вели съ прежнимъ населеніемъ страны серьезной борьбы, такъ какъ завоеваніе не обусловливало новаго раздѣленія труда и такъ какъ вообще экономическое развитіе завоевателей и завоеванныхъ было почти одинаковымъ. Тѣмъ не менѣе вольный крестьянинъ во Франціи вслѣдствіе постоянныхъ войнъ обѣднѣлъ и превратился въ крѣпостного, хотя этотъ крѣпостной былъ уже инымъ, чѣмъ римскій рабъ и его положеніе было и лучше и свободнѣе. Общественные классы, образовавшіеся въ девятомъ столѣтіи, становятся основой новаго, полнаго жизненныхъ силъ развитія. Германцы

преобразовали также, какъ уже сказано, античную форму моногаміи и подготовили такимъ образомъ современное преобразованіе и расчлененіе западно европейскаго человѣчества.

Государство—такъ можемъ мы резюмировать всѣ разъясненія Энгельса—не представляетъ такимъ образомъ извнѣ навязанную обществу силу (какъ полагали теологи); оно не есть также «дѣйствительность нравственной идеи», и «образъ и дѣйствительность разума», какъ утверждалъ Гегель; оно есть продуктъ самого общества, достигшаго извѣстной ступени развитія.

Государство есть естественный продуктъ общества на извѣстной ступени его развитія—оно есть признаніе того, что это общество встало въ неразрѣшимое противорѣчіе само съ собой, что оно разбилось на непримиримыя противорѣчія и не въ состояніи примирить ихъ. Для того, чтобы эти противорѣчія, или, говоря конкретно, классы съ ихъ различными несогласимыми экономическими интересами, не погубили общество безплодной борьбой, была необходима сила, повидимому стоящая надъ обществомъ, которая должна была сдерживать эти столкновенія въ предѣлахъ «порядка». Эта сила, развившаяся изъ самого общества, но стоящая надъ нимъ и все болѣе и болѣе отдѣлявшаяся отъ него, и есть государство.

Стало быть, государство представляетъ прямой контрастъ съ первоначальнымъ родовымъ строемъ и потому его граждане раздѣляются по территоріи, тогда какъ родъ и его высшія организаціи были родственными союзами. Государство повсюду организовано территоріально.

Во-вторыхъ, государство характеризуется общественной военной властію; и эта власть есть уже нѣчто иное, отличное отъ первоначальнаго всеобщаго вооруженія.

Когда родовое общество распадается на классы, тогда появляется рабство, и когда рабовъ очень много, народное войско должно держать ихъ въ уздѣ, а потомъ скоро и граждане подпадаютъ подъ власть полиціи.

Эта общественная власть существуетъ во всякомъ государствѣ и очень рано состоитъ не только изъ вооруженныхъ, у нея появляются различныя «фактическія привѣски», вродѣ тюремъ и разнообразныхъ принудительныхъ учрежденій. Чѣмъ сильнѣе становятся противорѣчія, чѣмъ болѣе увеличиваются территоріи и населенія государствъ, тѣмъ болѣе упрочивается и ростетъ общественная власть, такъ что она наконецъ угрожаетъ поглотить все общество и само государство (современный милитаризмъ).

Для поддержанія такой общественной силы необходимы взносы гражданъ—появляются налоги.

Налоговъ оказывается недостаточно—появляются государственные долги.

Чиновники, обладающіе теперь общественной властью и правомъ взимать налоги, становятся выше общества—хотя они суть его органы. Какъ представители отдѣленной отъ общества, чуждой ему власти они должны поддерживать свой авторитетъ исключительными законами, дающими имъ особую неприкосновенность и безотвѣтственность. «Самый ничтожный полицейскій служитель цивилизованнаго государства обладаетъ большей властью, чѣмъ всѣ органы родового общества, взятые вмѣстѣ».

Такъ какъ государство произошло вслѣдствіе необходимости сдерживать классовыя противорѣчія и такъ какъ при этомъ оно появилось среди борьбы этихъ противорѣчій, то оно обыкновенно бываетъ государствомъ наиболѣе сильной, экономически господствующей партіи, которая чрезъ него становится политически господствующимъ классомъ и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ новыя средства подавленія и эксплуатированія угнетенныхъ классовъ. Античное государство было прежде всего государствомъ рабовладѣльцевъ, феодальное государство было органомъ дворянства для угнетенія крѣпостныхъ и обязанныхъ крестьянъ, современное конституціонное государство есть орудіе эксплуатированія наемнаго труда капиталомъ. Борящіеся классы находятся въ равновѣсіи только въ исключительныхъ случаяхъ, и тогда государство представляется въ теченіи нѣкотораго времени самостоятельнымъ, и является посредникомъ между ними; такъ, напримѣръ, абсолютная монархія семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ поддерживала равновѣсіе между дворянствомъ и буржуазіей, такъ бонапартизмъ первой и особенно второй имперіи поддерживалъ пролетаріатъ противъ буржуазіи и буржуазію противъ пролетаріата. «Новый подвигъ въ такомъ родѣ, при которомъ и государь и подданные играютъ очень комичную роль, это новая бисмарковская германская имперія—тутъ уравновѣшиваются капиталисты и пролетаріи, и тѣ и другіе одинаково мучаются во славу погибающихъ прусскихъ юнкеровъ».

Наконецъ, въ большинствѣ государствъ политическія права распредѣлены на основаніи богатствъ, т. е. тутъ уже прямо заявляется, что государство есть организація имущихъ классовъ для защиты противъ неимущихъ. Въ аѳинскомъ и римскомъ государствѣ существовалъ цензъ; средневѣковое феодальное государство распредѣляло политическую силу по величинѣ землевладѣнія; въ современномъ конституціонномъ государствѣ тоже существуетъ избирательный цензъ. И однако такое политическое признаніе отношеній собственности не существенно. Наоборотъ, оно указываетъ только на низкую степень государственнаго развитія. Высшая государственная форма, демократическая республика, въ настоящее время становящаяся все болѣе необходимой, такъ какъ только при ней одной можетъ произойти послѣдняя и рѣшительная битва между пролетаріатомъ и буржуазіей,

оффиціально не признаетъ различій по собственности. При ней богатство пользуется своей силой не прямо, но за то болѣе вѣрно. Это непрямое владычество богатства проявляется въ подкупности чиновничества (классическій образецъ этого представляетъ, по словамъ Энгельса, Америка) и въ союзѣ правительства съ биржей.

И этотъ союзъ становится тѣмъ болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ больше у государства долговъ и чѣмъ больше акціонерныя общества управляютъ не только денежнымъ и товарнымъ обращеніемъ, а и производствомъ и чѣмъ болѣе биржа является ихъ центромъ. Примѣромъ можетъ служить не одна только Америка, а и французская республика, а также и Швейцарія. И такъ дѣло идетъ не въ однѣхъ только республикахъ; Англія и новая германская имперія также вступаютъ въ союзъ съ биржей и трудно сказать, кому больше принесло пользы всеобщее избирательное право: Бисмарку или Блейредеру.

Имущіе классы непосредственно господствуютъ при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права. До тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не созрѣлъ для самоосвобожденія, онъ будетъ признавать существующій порядокъ и останется политически «хвостомъ класса капиталистовъ», его крайняго лѣваго крыла. Но по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ пріобрѣтаетъ классовое сознаніе и организуется, какъ самостоятельная партія, онъ начинаетъ избирать представителей изъ своей среды. «Такимъ образомъ всеобщее избирательное право есть мѣрило зрѣлости рабочаго класса. Въ современномъ государствѣ большаго и добиться нельзя — но и этого уже довольно. Въ тотъ моментъ, когда термометръ всеобщаго избирательнаго права будетъ показывать температуру почти кипѣнія среди рабочихъ, они также, какъ и капиталисты, будутъ знать, что нужно дѣлать».

«Стало быть, государство не существовало съ начала вѣковъ. Бывали общества, обходившіяся безъ него, не имѣвшія никакого понятія о государствѣ и государственной власти. На опредѣленной ступени экономическаго развитія, необходимо соединенной съ распаденіемъ общества на классы, это распаденіе сдѣлало государство необходимостью. Теперь мы быстрыми шагами идемъ къ такой ступени развитія производства, на которой существованіе этихъ классовъ не только перестанетъ быть необходимостью, но будетъ даже положительнымъ препятствіемъ для производства. Классы уничтожатся также, какъ они произошли. Съ ними вмѣстѣ неизбѣжно падетъ и государство. Общество, которое тогда организуетъ производство съизнова, на основѣ ассоціаціи свободныхъ и равныхъ между собой производителей, отправитъ всю государственную машину туда, гдѣ ей и быть надлежитъ — въ музей древностей, рядомъ съ прялкой и бронзовымъ топоромъ». «Государство, говорится въ другомъ, извѣстномъ произведеніи Энгельса (Анти-Дюрингъ ст. 302), не будетъ

уничтожено, оно вымираетъ». И въ особенности современный милитаризмъ, угрожающій теперь поглотить и общество и государство, погибнетъ отъ діалектики своего собственнаго развитія—конкуренція государствъ приведетъ къ финансовой катастрофѣ и всеобщая воинская повинность вслѣдствіе вооруженія пролетаріата уничтожитъ и милитаризмъ и постоянныя арміи.

109. Если не существовало такого рода и такого родового строя, какіе описываетъ Энгельсъ, то не существовало и не существуетъ и такого государства, какимъ оно представляется Энгельсу. Все, что мы сказали относительно изображенія Энгельсомъ первобытной эпохи, примѣнимо также и къ ея логически-историческому противорѣчію, къ эпохѣ государственной. Противъ мнѣнія Энгельса (и Маркса), будто государство существуетъ лишь столько времени, сколько живетъ бабочка — однодневная, возстаетъ ихъ собственный эволюціонизмъ. Въ дѣйствительности такого противорѣчія между догосударственной и государственной организаціей общества, какое признаетъ Энгельсъ, не существуетъ.

Государство настолько противно революціонному настроенію Энгельса, что онъ устраняетъ его и въ прошломъ и въ будущемъ. Но самъ онъ признаетъ существованіе при родовомъ строѣ различныхъ и многочисленныхъ должностей, существованіе сильнаго родового дворянства и даже военноначальника: а развѣ это уже не государство, хотя и въ первобытной его формѣ? Самъ Энгельсъ въ одномъ мѣстѣ (Анти-Дюрингъ ст. 187) совершенно ясно и опредѣленно говоритъ, что «зачатки государственной власти» слѣдуетъ видѣть уже въ должностяхъ первобытныхъ коммунистическихъ общинъ.

Мѣсто, на которое я теперь ссылаюсь противъ самого Энгельса, составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытную часть его сочиненія. Именно онъ пытается въ трехъ главахъ доказать въ противуположность мнѣнію Дюринга, что государство произошло не отъ насилія. Отдѣльныя мѣста этихъ главъ по истинѣ замѣчательны и можно полагать даже, что Энгельсъ прямо таки защищаетъ государство противъ Дюринга.

Несомнѣнно, что такой аргументъ, что современный капитализмъ произошелъ отъ причинъ чисто экономическихъ, «причемъ не были необходимыми ни единаго разу ни грабежъ, ни насиліе, ни государство, ни какое либо политическое вмѣшательство», очень странный аргументъ, когда его приводитъ Энгельсъ. Если мы припомнимъ, какъ Марксъ изображаетъ происхожденіе современнаго капитализма, какъ онъ обвиняетъ государство въ томъ, что оно помогало капиталистамъ угнетать рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, мы, конечно, должны удивляться тому, что Энгельсъ такъ горячо протестуетъ противъ «фокуса насилія». И это тѣмъ удивительнѣе, что самъ онъ въ своемъ сочиненіи о семьѣ признаетъ афинское государство просто

орудіемъ насилія. Вообще въ мнѣніяхъ Энгельса замѣчается часто нѣкоторое колебаніе—зародышъ позднѣйшаго его отреченія отъ революціи.

Энгельсъ не устраняетъ насилія; но оно для него только средство для достиженія экономическихъ цѣлей, тогда какъ Дюрингъ разсматриваетъ его, какъ цѣль [1]). Въ «манифестѣ», напр., противники Энгельса и Маркса объявляются по просту «мятежниками»; авторы «манифеста» прямо объявляютъ, что «ихъ цѣли могутъ быть достигнуты только насильственнымъ ниспроверженіемъ всего прежняго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы трепещутъ предъ коммунистической революціей».

Такимъ образомъ вопросъ сводится просто къ тому, какія цѣли преслѣдуютъ Дюрингъ или Марксъ и Энгельсъ, и можно ли этими цѣлями оправдать или покрайней мѣрѣ извинить насиліе.

Энгельсъ защищаетъ противъ Дюринга экономическій матеріализмъ; Дюрингъ считаетъ политическую силу непосредственной и первичной, экономическую же силу непрямой и вторичной, слѣдствіемъ или спеціальнымъ случаемъ силы политической. Энгельсъ энергично протестуетъ противъ такой теоріи и старается доказать, что первично не государство, но экономическія отношенія.

Формулировка Дюринга не особенно точна; но все же совершенно ясно, что первенство государства онъ признаетъ не въ смыслѣ первенства во времени, а въ смыслѣ цѣнности. Для него государство есть нѣчто высшее, цѣнное. Для его опроверженія было бы достаточно, если бы Энгельсъ доказалъ, что экономическія отношенія имѣютъ болѣе высокую цѣнность, что общество ими организуется лучше, чѣмъ государствомъ—вопросъ о первенствѣ во времени тутъ второстепенный. Государство могло существовать съ самаго начала развитія и все-таки быть вторичнымъ, второстепеннымъ. А Энгельсъ старается доказать, что государство моложе, что оно даже только временное явленіе, — и это для того, чтобы доказать первенство экономическихъ отношеній!

Тутъ мы снова приходимъ къ вопросу объ историческомъ матеріализмѣ и въ особенности дѣло идетъ о томъ, дѣйствительно ли государство есть только отраженіе, а, можетъ быть, даже и слѣдствіе экономическихъ или, точнѣе, производственныхъ отношеній [2]).

---

[1]) Энгельсъ не совсѣмъ вѣрно излагаетъ мнѣнія Дюринга. Дюрингъ совсѣмъ не утверждаетъ, что государство произошло только отъ насилія. Подъ словомъ Gewalt онъ понимаетъ: 1) власть, 2) силу, напр. военную и наконецъ, 3) насиліе. Энгельсъ не разграничиваетъ этихъ понятій.

[2]) „Государство еще и теперь, въ эпоху крупной промышленности и желѣзныхъ дорогъ, въ цѣломъ только есть отраженіе въ сложной формѣ экономическихъ потребностей классовъ, господствующихъ надъ производствомъ“—„Фейербахъ“ ст. 58.

Я не буду повторять своихъ возраженій противъ историческаго матеріализма; насколько вопросъ касается отношенія между государствомъ и хозяйствомъ, то ни исторія, ни анализъ государственныхъ функцій не подтверждаютъ мнѣній Маркса и Энгельса. Напр., по словамъ Энгельса государство между прочимъ характеризуется его отношеніями съ биржей; по его теоріи при громадномъ значеніи биржи для капиталистическаго хозяйства эти отношенія должны бы были быть болѣе близкими, чѣмъ это есть въ дѣйствительности; исторія биржи тоже совершенно иначе говоритъ объ ея отношеніи къ государству [1]). Также не полно и не вѣрно анализируетъ Энгельсъ и милитаризмъ и его значеніе для государства [2]).

А кромѣ того ученіе Маркса и Энгельса о государствѣ несостоятельно не только въ этихъ подробностяхъ; невѣрны самыя соціологическія и философскія его обоснованія. Государство не есть простое отраженіе экономическихъ отношеній—какъ бы не опредѣляли эти отношенія; государство имѣетъ еще и другое значеніе, помимо того, которое придаютъ ему Марксъ и Энгельсъ.

Государство далеко не столь отрицательное учрежденіе, какъ думаетъ Энгельсъ; утвержденіе, будто государство устроено только ради ограниченія классовой борьбы, невѣрно. Развитіе современнаго государства по такой формулѣ совершенно непонятно. Абсолютизмъ и его борьба съ сословіями, его стремленіе къ централизаціи, воспріятіе имъ понятія о римскомъ цезаризмѣ, обусловленное

[1]) Биржи появились въ XIV, собственно говоря, даже въ XIII вѣкѣ, какъ частныя учрежденія и государство только позже даетъ имъ концесіи и регулируетъ ихъ.

[2]) Въ Антидюрингѣ устами Энгельса говоритъ истый человѣкъ 48-го года и онъ пишетъ подробно объ арміи и ея исторіи, чтобы доказать, что армія и флотъ зависимы отъ экономическихъ условій. Вся его аргументація сводится къ тому, что для сбора и содержанія войска необходимы деньги—но вѣдь это говорилъ еще старикъ Монтекукули—и это совсѣмъ не доказываетъ историческаго матеріализма. Дѣйствительно въ числѣ причинъ, создавшихъ современную армію, Энгельсъ указываетъ на изобрѣтеніе пороха и лучшихъ орудій и на измѣненія военнаго матеріала (стало быть, причины технологическія и популяціонныя). Энгельсъ полагаетъ, что вслѣдствіе франко-нѣмецкой войны милитаризмъ достигъ своего апогея и что новый прогрессъ военнаго дѣла болѣе невозможенъ (?). Точно также и современная морская техника достигла совершенства, по мнѣнію Энгельса; въ настоящее время механикъ, управляющій на кораблѣ машиной, важнѣе капитана и Энгельсъ видитъ въ этомъ доказательство того, что современный флотъ не пригоденъ для войны. Послѣдняя война Америки съ Испаніей не подтверждаетъ мнѣнія Энгельса.

Энгельсъ преувеличиваетъ вредныя экономическія послѣдствія милитаризма—и во всякомъ случаѣ и у него и у Маркса нѣтъ точнаго изслѣдованія объ экономическомъ и общественномъ значеніи милитаризма.

О тактикѣ соціалъ-демократіи по отношенію къ милитаризму см. §§ 144.

предшествующимъ этому воспріятіемъ римскаго права и римской культуры вообще, происхожденіе современной бюрократіи и управленія и т. д., послѣдующее развитіе демократическихъ идей и учрежденій—все это не можетъ быть удовлетворительно объяснено историческимъ матеріализмомъ.

Государство учрежденіе совсѣмъ не эфемерное. Оно существуетъ съ самаго начала развитія (хотя и постоянно измѣняется) и будетъ существовать и потомъ. Государство есть положительная и постоянная организація общества, продуманная и разработанная координація и субординація личностей и ихъ различныхъ союзовъ въ единое цѣлое; государство было и есть оправдываемо, т. е. оно произошло въ силу причинъ и основаній, одобряемыхъ и разумомъ и нравственностью, и логикой и этикой. Я не буду отрицать того, что государство было съ самаго начала и до настоящаго времени несовершенно и часто даже очень несовершенно — но тоже можно сказать и о церкви, о наукѣ и искусствѣ, да и вообще о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Я не буду отрицать и того, что государство виновно во многихъ неоправдываемыхъ и несправедливыхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ—но я отрицаю положеніе, что оно произошло только вслѣдствіе жажды власти; я утверждаю, что человѣкъ отъ природы не только охотно господствуетъ, но столь же охотно подчиняется и слушается. И это послѣднее свойство человѣка тоже способствовало созданію государства, а не одно только стремленіе къ борьбѣ и власти. Еще Платонъ вѣрно понималъ эту соціальную силу, утверждая, что когда нибудь добрыхъ людей будетъ необходимо принуждать властвовать.

Между прочимъ напомню объ одномъ мѣстѣ изъ аргументаціи Энгельса противъ Дюринга. Это мѣсто довольно важно: Энгельсъ старается доказать, что люди по ихъ волѣ не равны и что поэтому нельзя строить на этой основѣ справедливости. «Два человѣка, потерпѣвшіе крушеніе, оказались на островѣ и составили общество. Формально ихъ воли совершенно равны и это признается ими обоими. Но матеріально между ними существуетъ громадное неравенство. А рѣшителенъ и энергиченъ, а В нерѣшителенъ, лѣнивъ и вялъ; А уменъ, а В глупъ. Вѣдь, очевидно, что А навяжетъ В свою волю, сначала уговорами, потомъ по привычкѣ, хотя всегда въ формѣ добровольнаго согласія В. Но рабство всетаки остается рабствомъ, будетъ ли сохранена форма добровольности или эту форму попираютъ ногами. Добровольная отдача себя въ рабство въ Германіи имѣла мѣсто въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, до тридцатилѣтней войны. Когда въ Пруссіи послѣ пораженій 1806 и 1807 годовъ было уничтожено крѣпостное право, а съ нимъ и обязанность милостивыхъ помѣщиковъ заботиться объ ихъ подданныхъ въ случаѣ нужды, болѣзней и въ старости, крестьяне просили короля оста-

вить ихъ въ рабствѣ—такъ какъ кто же будетъ заботиться о нихъ въ ихъ нищетѣ? Это таже схема (Дюринга), что два человѣка настолько же основываются (angelegt), и устраиваются на принципѣ неравенства и рабства, какъ и на принципѣ равенства и взаимной помощи».

Но, вѣдь, дѣйствительно, развѣ не очевидно, что если А и В таковы, какими ихъ описываетъ Энгельсъ, то А имѣетъ извѣстное преимущество предъ В.? И можно ли утверждать, что А порабощаетъ В и навязываетъ ему свою волю, т. е. навязываетъ ее несправедливо? Можетъ быть, и такъ; а можетъ быть, и нѣтъ. Отношенія между ними могутъ быть различны; между эгоистическимъ и неразумнымъ, и разумнымъ и эгоистическимъ руководительствомъ, между руководительствомъ вообще и вполнѣ сознательнымъ угнетеніемъ и порабощеніемъ есть цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ. Да и чтобы сдѣлалъ безъ А этотъ глупый, лѣнивый и т. д. В.?

И дѣйствительно странно, что такой выдающійся вождь партіи, какъ Энгельсъ, не понималъ того, что люди не только охотно слушаютъ вождей, но и слѣдуютъ за ними — и чѣмъ бы безъ этихъ естественныхъ человѣческихъ свойствъ была хотя бы таже соціалистическая партія? На какой другой основѣ создали бы вожди рабочихъ значительную, по истинѣ воинскую дисциплину этой партіи? И развѣ сами то они не вожди, не руководители? Психологически и соціологически между дисциплиной, послушаніемъ, лояльностью и всяческими иными подобными добродѣтелями нѣтъ никакой разницы. Тотъ же приказъ, который требуетъ борьбы съ государствомъ, требуетъ послушанія партіи, государству въ государствѣ.

Неравенство разума, чувствъ и воли, неравенство способностей и потребностей, неравенство положенія въ природѣ и въ обществѣ ведетъ къ организаціи іерархическаго расчлененнаго общества. Разумѣется, никто не будетъ спорить о томъ, что это расчлененіе несовершенно, что оно часто ведетъ къ угнетенію; это ставитъ намъ задачу: устранить несовершенства, сохраняя необходимую организацію. А Энгельсъ и Марксъ и тутъ, какъ вездѣ, какъ выплескиваютъ вмѣстѣ съ грязной водой и самого ребенка.

Миссія государства, очевидно, не только экономическая. У него есть культурныя и даже этическія задачи, и оно исполняетъ ихъ (какъ — это ужъ другой вопросъ). Я не буду указывать напр., на образованіе и т. п.; но въ особенности важно отношеніе государства къ церкви, которое Энгельсъ совершенно упускаетъ изъ виду. Развитіе этого отношенія еще далеко не закончено, хотя либерализмъ повсемѣстно и уклоняется пока отъ рѣшенія этого вопроса. Въ тысячелѣтней борьбѣ между церковью и государствомъ дѣло шло не объ однихъ экономическихъ интересахъ — уже сама продолжительность этой борьбы доказываетъ, что и государство и церковь

основываются на принципахъ этическихъ и логическихъ. Только поэтому и могла произойти ихъ борьба изъ за главенства. Энгельсъ не замѣтилъ того, что современное государство отбираетъ у церкви интеллектуальное и этическое руководительство обществомъ. Это историческое отношеніе между государствомъ и церковью нельзя упускать изъ виду при анализѣ современнаго государства. Энгельсъ не понялъ этого и потому онъ не могъ вполнѣ оцѣнить истиннаго значенія и важности современныхъ политическихъ идей, и въ особенности столь дорогихъ соціализму демократическихъ идей свободы, равенства и братства.

Особое отношеніе между церковью и государствомъ, указывающее намъ на сущность современнаго государства (т. е. на то, что государство есть учрежденіе этическое), существовало не только въ средніе вѣка и въ новое время — и раньше и всегда государство находилось въ извѣстныхъ близкихъ отношеніяхъ съ религіей. Исторія и этнографія учатъ, что политическія и религіозно-церковныя функціи сначала не были дифференцированы, онѣ отдѣлились и стали самостоятельными только позже. Самъ Энгельсъ въ томъ уже цитированномъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о первобытныхъ правительственныхъ функціяхъ, говоритъ, что чиновники кромѣ различныхъ экономическихъ, судейскихъ и другихъ функцій исполняли также и религіозныя. Энгельсъ, правда, прибавляетъ тутъ свое любимое выраженіе: при первобытномъ дикомъ состояніи — но первобытно — дикая религія не менѣе важна, чѣмъ первобытно—дикое хозяйство.

Энгельсъ долженъ бы былъ болѣе основательно изучить отношеніе государства къ религіи (къ церкви) уже потому одному, что Марксъ въ этомъ вопросѣ былъ послѣдователемъ Фейербаха. Правда, и самъ Марксъ впадаетъ въ туже ошибку, какъ и Энгельсъ, объявляя религію, и всякую идеологію вообще, дѣломъ поконченнымъ; потому и онъ не изучилъ религію и идеологію ни фактически, ни исторически.

Точно также не понималъ Энгельсъ и національности и современнаго національнаго движенія; не понималъ онъ и того, что современное государство въ высшей степени національно и что его сущность далеко не исчерпывается одними экономическими отношеніями.

Энгельсъ упускаетъ все это изъ виду. И вообще его представленіе о государствѣ нерасчлененно, такъ сказать, безформенно, аморфно—и это результатъ его матеріализма, въ силу котораго онъ не видитъ въ обществѣ ничего, кромѣ экономическихъ отношеній. Тутъ мы снова встрѣчаемся съ примитивностью марксизма.

Аморфному понятію о государствѣ Энгельсъ и Марксъ противупоставляютъ столь же аморфное понятіе объ обществѣ. Въ послѣднее время очень часто употребляютъ этотъ терминъ и онъ вполнѣ при-

годенъ, когда его примѣняютъ къ суммѣ всѣхъ различныхъ организацій, изъ которыхъ состоитъ общество. Въ дѣйствительности, in concreto, однако, существуютъ различныя по мѣстности и повремени организаціи: семья, организаціи національныя, научныя, политическія, экономическія и другія. Потому терминъ: общество имѣетъ различный смыслъ, смотря потому, насколько сложно и расчленено самое понятіе. Кромѣ того самый объемъ понятія различенъ—мы примѣняемъ его и для обозначенія меньшихъ территорій и круговъ, и для обозначенія крупныхъ единицъ; причемъ иной разъ мы понимаемъ подъ этомъ словомъ наше государство, въ другой разъ европейскія государства, а иногда и все человѣчество.

Энгельсъ и Марксъ употребляютъ иногда терминъ: общество въ смыслѣ безгосударственнаго общества, какое существовало будто бы въ началѣ развитія и какимъ оно снова будетъ въ будущемъ [1]).

Въ ученіи Маркса и Энгельса, особенно въ первый періодъ ихъ дѣятельности, проглядываетъ анархизмъ. И это тѣмъ любопытнѣе, что они, несмотря на свое отвращеніе къ государству, видятъ въ концѣ концевъ спасеніе только въ немъ. Намъ еще придется говорить объ оригинальной политикѣ марксизма, колеблющагося между революціоннымъ анархизмомъ и государственнымъ соціализмомъ—здѣсь же отмѣтимъ главнымъ образомъ одно замѣчательное противорѣчіе въ ученіи Маркса—Энгельса о государствѣ: съ одной стороны они утверждаютъ, что государство есть ничто иное, какъ результатъ, или даже только отраженіе экономическихъ отношеній, а съ другой стороны они хотятъ захватить государственную власть для того, чтобы измѣнить эти экономическія отношенія [2]).

Потому насъ не должно удивлять то обстоятельство, что Марксъ и Энгельсъ въ разное время высказывали противорѣчивыя мнѣнія относительно государства. Такъ напр. Энгельсъ въ сочиненіи о Фейербахѣ признаетъ, что крупное феодальное землевладѣніе могло произойти, «по крайней мѣрѣ сначала», отъ причинъ политическихъ—именно отъ насильственнаго присвоенія, отъ захвата. Это значитъ, что феодальное и вообще старое государство было не только экономическимъ, а и политическимъ. Точно также и въ сочиненіи противъ Дюринга говорится, что политическая сила въ исключительныхъ случаяхъ завоеванія дѣйствуетъ противно общему направленію экономическаго развитія. Въ письмѣ 1890-го года государство признается самостоятельно дѣйствующимъ рядомъ съ экономическими отношеніями факторомъ и настаивается на его происхожденіи при посредствѣ раздѣленія труда. Еще яснѣе призналъ Энгельсъ самостоятельность и оправданіе государства, когда онъ къ концу своей жизни высказался противъ революціи—о чемъ мы будемъ еще говорить въ главѣ о политикѣ.

Точно также признаютъ государство и послѣдователи Энгельса.—И не только своей парламентской дѣятельностью, но и теоретически. Всего опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ высказывается Бернштейнъ. Онъ сводитъ всѣ воззрѣнія Энгельса просто къ возраженію противъ преувеличеннаго культа государства и указываетъ, что развитіе приводитъ не къ устраненію государства, а къ его реформѣ въ направленіи соціалистическомъ.

110. Своими замѣчаніями я отнюдь не хотѣлъ сказать, что выдвиганіе Марксомъ на первый планъ экономическихъ отношеній сравнительно съ государствомъ не имѣетъ смысла. Общепризнано, что экономическія отношенія получили большее значеніе именно въ новое время; это значеніе представляется мнѣ столь важнымъ, что уже при критикѣ коммунистической программы Энгельса я указалъ, что, по моему мнѣнію, развитіе идетъ къ усовершенствованію экономической организаціи общества также, какъ и къ усовершенствованію организаціи политической. Я объясняю себѣ новѣйшее развитіе общества такимъ образомъ, что въ государствѣ и рядомъ съ нимъ должны образоваться нѣкоторые важные соціальные органы. Также, какъ церковь будетъ самостоятельнѣе по отношенію къ государству, будетъ самостоятельно по отношенію къ нему и организація экономическая. Изъ стараго государства выдѣлятся отдѣльныя сферы дѣятельности и въ особенности такимъ образомъ дифференцируются организаціи экономическая и интеллектуальная. Потому то уже и теперь экономическія и интеллектуальныя отношенія (все школьное дѣло, научныя учрежденія и организаціи, пресса, литература и искусство) представляютъ такую большую и самостоятельную, и даже международную, силу рядомъ съ государствомъ и въ немъ. Тоже до извѣстной степени можно сказать и о національности. Само государство при этомъ измѣняется; и такъ какъ развитіе еще не закончено, то отношеніе государства къ новымъ соціальнымъ силамъ со временемъ опредѣлится болѣе точно.

Чтобы еще болѣе уяснить, въ чемъ тутъ дѣло, обращу вниманіе читателя на аналогическое развитіе философіи и спеціальныхъ наукъ. Раньше всякое знаніе было философіей, оно было единымъ, но нерасчлененнымъ; въ новое время начинается развитіе спеціальныхъ наукъ и при этомъ измѣняется и сама философія. Нѣкоторые думаютъ, что она исчезнетъ и останутся только науки; но подобный

---

[1]) На неопредѣленность при употребленіи термина: общество указываетъ и Бернштейнъ: Проблеммы соціализма v. Соціально-политическое разсмотрѣніе пространства и времени (Neue Zeit. 1897). См. объ этомъ §§ 48.

[2]) Это понимаютъ и соціалисты: „посредствомъ политической силы должна быть сломана сила экономическая! Меня смущаетъ, это очевидное противорѣчіе въ міровоззрѣніи Маркса—Энгельса“—Modráček. (Академія, 1897).

афилософизмъ (если позволительно употребить подобное выраженіе) настолько же ошибоченъ, насколько ошибоченъ въ политикѣ анархизмъ. Старое централистическое государство измѣнается также, какъ и философія; изъ него выдѣляются отдѣльные спеціальные органы, они становятся самостоятельными и въ силу этого измѣняется и само государство. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ глубже и шире понимать и разсматривать съ такой точки зрѣнія понятія государственнаго права о централизаціи и автономіи—такъ какъ тутъ вопросъ не въ однихъ только мѣстныхъ разграниченіяхъ, но и въ функціональныхъ.

Марксъ и Энгельсъ не поняли этого совершающагося въ политикѣ и въ философіи процесса. Потому они отвергали философію и оставляли только науки, и точно также отвергали они и государство и признавали только экономическую организацію. Афилософизмъ — безгосударственность, анархизмъ. И тотъ и другой въ сущности отрицательны—а потому и въ теоріи и на практикѣ такъ много противорѣчій и компромиссовъ.

Вслѣдствіе новаго развитія функціи государства становятся расчлененнѣе, сложнѣе, содержательнѣе, совершенно также, какъ современная философія превосходитъ старую. Марксъ считаетъ всякую идеологію, т. е. всѣ соціальныя функціи и организаціи, кромѣ хозяйства (и науки—но науку онъ причисляетъ къ производственнымъ отношеніямъ), отжившими (überwunden); потому онъ устраняетъ и идеологію государства и потому же онъ и не понимаетъ новаго развитія этой идеологіи.

111. Изъ ученія Маркса—Энгельса о государствѣ можно сдѣлать заключеніе и объ ученіи марксизма о правѣ. Если государство есть государство капиталистовъ, эксплуататоровъ, то право и законъ суть эксплуататорское право и законъ—несправедливость.

Уже въ «Святомъ семействѣ» Марксъ доказываетъ, что современная буржуазія, это олицетвореніе эгоизма, уничтожила во имя свободы старыя привиллегіи феодальной эпохи, и замѣнило ихъ правомъ (на торгъ, на промыслы и т. д.) и что это право въ дѣйствительности есть рабство—«совершеннѣйшее рабство и безчеловѣчіе» (ст. 175), анархія и война всѣхъ противъ всѣхъ.

Въ краткихъ словахъ философія права, по изложенію Энгельса, сводится къ слѣдующему («Фейербахъ», ст. 57):

Энгельсъ отвергаетъ мнѣніе, раздѣляемое и Гегелемъ, будто государство является опредѣляющимъ для (буржуазнаго) общества;—хотя онъ и признаетъ, что такое мнѣніе можетъ казаться основательнымъ, такъ какъ за него видимость. Какъ у человѣка всѣ движущія силы его поведенія должны проходить чрезъ его мозгъ, въ которомъ онѣ превращаются въ мотивы его воли, заставляющіе его дѣйствовать, такъ и всѣ потребности буржуазнаго общества—какой бы классъ ни

господствовалъ въ немъ—должны пройти чрезъ государственную волю, чтобы онѣ получили всеобщее примѣненіе въ формѣ законовъ.

Для Энгельса это формальная и само по себѣ понятная сторона дѣла. Но сущность то въ томъ, каково содержаніе этой чисто формальной воли государства, откуда получается это содержаніе и каково оно? Въ современной исторіи воля государства опредѣляется измѣняющимися потребностями того или другого класса, изъ которыхъ состоитъ буржуазное общество—стало быть, въ настоящее время господствующаго класса капиталистовъ.

Какъ государство опредѣляется экономическими отношеніями, такъ ими же опредѣляется право государственное и, само собой разумѣется, и частное. Частное право по существу только «санкціонируетъ существующія при данныхъ обстоятельствахъ нормальныя отношенія между личностями» [1]).

Государство—таковъ итогъ всей философіи государства и права Энгельса—есть первая идеологическая сила, господствующая надъ людьми. Общество создаетъ себѣ органъ для обезпеченія своихъ общихъ интересовъ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ нападеній; этотъ органъ и есть государственная власть. Разъ появившись, она становится самостоятельной по отношенію къ обществу и создаетъ новую идеологію—право. Профессіональные политики, теоретики государственнаго права, и спеціалисты по гражданскому праву утратили связь съ экономическими отношеніями. Такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ экономическіе факты должны принимать форму юридическаго мотива, чтобы они были санкціонированы закономъ, и такъ какъ при этомъ приходится принимать во вниманіе всю уже дѣйствующую правовую систему, та правовая форма становится всѣмъ, а экономическое содержаніе ея представляется ничѣмъ. Государственное и частное право трактуются какъ отдѣльныя дисциплины, имѣющія свое самостоятельное государственное развитіе, тогда какъ въ дѣйствительности они суть только форма временныхъ экономическихъ отношеній.

Этимъ и исчерпывается вся философія права Маркса—Энгельса [2]).

---

[1]) Форма, въ которой это происходитъ, по мнѣнію Энгельса весьма различна. Въ Англіи соотвѣтственно всему ея національному развитію старое феодальное право формально по большой части сохранилось, но получило содержаніе буржуазныхъ отношеній. На западѣ было воспринято римское право. Оно было введено (heruntergebracht) судебной практикой въ мелко буржуазное и полуфеодальное общество (общее право) или обработано (и притомъ дурно обработано) учеными юристами (прусское земское право—Landrecht). Наконецъ наполеоновскій Code Civil есть классическій кодексъ буржуазнаго общества, составленный на основаніи того же римскаго законодательства.

[2]) Можно прибавить къ этому развѣ то, что въ первобытномъ обществѣ, по мнѣнію Энгельса, не существуетъ никакого права, какъ не су-

112. Прежде всего такая философія права чисто отрицательная; право образовалось только благодаря неспособности политиковъ, теоретиковъ и юристовъ, утратившихъ пониманіе о связи съ экономическими отношеніями.

Я не буду останавливаться на вопросѣ о томъ, возможно ли раздѣлять такимъ образомъ содержаніе и форму воли и говорить совершенно а la Гербартъ о «формальной воли личности и государства — главный же вопросъ тутъ опять таки объ основательности экономическаго матеріализма. И вотъ прежде всего приходится замѣтить, что содержаніе права болѣе широко, чѣмъ содержаніе хозяйства; право также, какъ и государство, вмѣшивается не только въ хозяйство, но и въ воспитаніе, въ дѣла церкви и вообще во все общественное сожительство. Законъ регулируетъ и санкціонируетъ не одни только экономическія отношенія; она устанавливаетъ напр. политическія наказанія, называетъ за оскорбленія чести и т. д.— вообще объемъ права немыслимо свести къ объему хозяйства.

Невѣрно и то, что производственныя отношенія обусловливаютъ отношенія собственности или, какъ говоритъ Марксъ, что отношенія собственности суть только юридическое выраженіе для производственныхъ отношеній. Не говоря уже о томъ, что по словамъ самого Маркса на извѣстной ступени развитія этотъ параллелизмъ исчезаетъ, и въ силу этого становится необходимымъ общественный переворотъ, исторія не доказываетъ этого параллелизма. Марксъ тутъ просто смѣшиваетъ два понятія. Само по себѣ понятно, что новые методы труда вызываютъ измѣненія въ собственности; введеніе машинъ многимъ приноситъ пользу, и многимъ вредитъ; у личностей постоянно измѣняется, и иногда значительно измѣняется, количество богатства, но самыя то отношенія собственности, т. е. понятіе собственности, не измѣняются.

Что воспринятіе римскаго права происходило не вслѣдствіе однихъ только экономическихъ основаній и что его нельзя приводить къ измѣненію производства—объ этомъ я уже упоминалъ [1]). Точно так-

---

ществуетъ и государства. При родовомъ строѣ существовали только юридическіе обычаи. Только при сліяніи племенъ, какъ оно впервые произошло въ Аѳинахъ, создался народъ, а съ нимъ и народное право.

Греческое право было народнымъ, а римляне выработали всемірное право. Это было первое право производящаго товары общества и оно отличалось непревосходимо тонкой разработкой всѣхъ существенныхъ юридическихъ отношеній между владѣльцами товаровъ (продавцы и покупатели, кредиторы и должники, договоры, обязательства и т. д.).

О реценціи этого римскаго права уже сказано выше.

[1]) Энгельсъ невѣрно объясняетъ воспріятіе римскаго права. Римское право не было только экономическимъ и воспринято оно было тоже не только ради экономическихъ основаній, а и ради юридическихъ, политическихъ и культурныхъ; историки говорятъ намъ, напр., что римское

же и при уничтоженіи феодализма есть моментъ политическій, а не исключительно только экономическій; Энгельсъ и самъ приписываетъ происхожденіе феодализма фактору политическому (захвату). Точно также и въ современныхъ формахъ акціонерныхъ обществъ, синдикатовъ, въ коммунальномъ хозяйствѣ и т. д. нельзя видѣть измѣненія понятія собственности.

Какъ вездѣ, такъ и тутъ основныя понятія марксизма представляются невыясненными.

По опредѣленію историческаго матеріализма право есть простая «надстройка», «отраженіе», экономическихъ отношеній. Уже и это не вполнѣ ясно; но далѣе говорится, что право, какъ и всякая идеологія, разъ оно существуетъ, развивается самостоятельно (хотя бы и per nefas); намъ говорятъ далѣе, что у всякой идеологіи—а стало быть, и у права—есть свои традиціи, что государство, первая идеологія, создаетъ право, какъ дальнѣйшую идеологію—всѣ эти выраженія прямо таки противорѣчатъ отраженію экономическихъ отношеній. Между отношеніями экономическими и юридическими не имѣется никакого такого параллелизма, какого мы должны бы ожидать на основаніи историческаго матеріализма. Въ первомъ, основномъ опредѣленіи историческаго матеріализма мы читаемъ, что идеологическая надстройка «скорѣе или медленнѣе» измѣняется при измѣненіи экономическаго фундамента и что вообще юридическія отношенія собственности находятся въ противорѣчіи съ производствомъ—какимъ же образомъ и въ какой степени отношенія производства суть реальный базисъ права и вообще идеологіи?

Съ такой неопредѣленностью связано и постоянное колебаніе Маркса и Энгельса между аморализмомъ и моралізмомъ. Съ одной

право служило абсолютизму, императорской централизаціи. Въ культурномъ отношеніи эта юридическая рецепція была подготовлена рецепціей латинскаго языка и всей римской культуры. Въ послѣднее время Штамлеръ (Хозяйство и право на основаніи матеріалистическаго пониманія исторіи 1896), хотя и высказываясь противъ экономическаго матеріализма, слишкомъ тѣсно связываетъ право и хозяйство: „политическая экономія, какъ соціальное изслѣдованіе, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ изслѣдованія опредѣленныхъ отдѣльныхъ правовыхъ постановленій со стороны ихъ конкретнаго осуществленія“ (ст. 204). Штамлеръ не основательно полагаетъ, будто Марксъ былъ близокъ къ его взглядамъ. Если Марксъ и говоритъ, что негръ становится рабомъ только въ „опредѣленныхъ отношеніяхъ“, что машина становится капиталомъ опять таки только въ „опредѣленныхъ отношеніяхъ“, то подъ этими опредѣленными отношеніями онъ понимаетъ не постоянно (юридически) опредѣленныя отношенія, а отношенія временно, исторически опредѣленныя. Потому Штамлеръ ошибается, говоря, будто постоянно упоминаемыя Марксомъ опредѣленныя отношенія суть отношенія юридически опредѣленныя и что поэтому Марксъ былъ уже не далекъ отъ вѣрныхъ мнѣній Штамлера.

стороны право для нихъ есть только несправедливость, а съ другой они снова ссылаются на право и справедливость. Именно для желательнаго Марксу раздѣла имущества необходимъ соціальный идеалъ — чтобы было возможно утверждать, что каждому принадлежитъ то, что онъ самъ выработалъ, или то, что ему потребно или, наконецъ, то, что каждому должно придтись по ровну. Безъ подобнаго соціальнаго идеала, регулирующаго не только экономическія и производственныя отношенія, но и юридическія, не могутъ обойтись и Марксъ и Энгельсъ.

Потому мы снова возвращаемся къ послѣднему и важнѣйшему вопросу: почему, на какихъ основаніяхъ я долженъ признать соціальный идеалъ Маркса? Въ чемъ его санкція? Самъ Энгельсъ употребляетъ это выраженіе — и потомъ что это за санкція и что вообще она обозначаетъ?

Совершенно ясно, въ чемъ тутъ дѣло: Марксъ и Энгельсъ хотятъ экспропріаціи всѣхъ частныхъ собственниковъ, они хотѣли бы, чтобы государственная власть была въ ихъ рукахъ и тогда они посредствомъ нея могли бы осуществить ихъ планы. Тутъ появляется такой вопросъ: по какому праву соціалисты будутъ пользоваться этой властью, по какому праву они осуществятъ экспропріацію, по какому праву они произведутъ желательный имъ раздѣлъ имущества? Или выражаясь болѣе конкретно, имѣю ли я, личность, Марксъ — Энгельсъ, право ниспровергнуть старый порядокъ, имѣю ли я право употребить силу, если буржуазія будетъ сопротивляться? По какому праву, я, личность, Марксъ — Энгельсъ, въ «коммунистическомъ манифестѣ», угрожалъ «мятежникамъ»? Или тутъ воля класса?

Обсуждая этотъ главный вопросъ было бы недостаточно указывать ни на парламентское большинство, ни на единогласіе родового строя; если относительно истины и права рѣшаетъ большинство или все общество, то, очевидно, что соціалистическое меньшинство не согласится съ нимъ. А вѣдь Марксъ и Энгельсъ при своемъ выступленіи на арену общественной дѣятельности были въ меньшинствѣ.

Энгельсъ въ его полемикѣ съ Дюрингомъ не могъ обойти этого вопроса. Дюрингъ допускаетъ отношеніе зависимости относительно, напр., дѣтей, хотя и признаетъ всѣ личности вполнѣ равными. Какъ основаніе зависимости дѣтей состоитъ въ невозможности для нихъ самоопредѣленія, такъ, по мнѣнію Дюринга, другія основанія неравноправности можно видѣть въ этическомъ неравенствѣ и наконецъ въ извѣстной культурной отсталости цѣлыхъ естественныхъ группъ и классовъ. Энгельсъ насмѣхается надъ Дюрингомъ, что онъ такимъ образомъ отказывается отъ своей идеи о равенствѣ и по отношенію къ дѣтямъ, безумнымъ, грубымъ некультурнымъ людямъ прибѣгаетъ къ силѣ, какъ послѣднему средству.

Для насъ совершенно безразлично, вѣрно ли судилъ Дюрингъ объ этомъ вопросѣ. Насъ интересуетъ только одинъ вопросъ: Дюрингъ приводитъ извѣстные аргументы въ защиту своихъ мнѣній, основательны они или нѣтъ — все равно; но какія же основанія у Маркса и Энгельса для пользованія силой? Вѣдь Марксъ и Энгельсъ хотятъ употреблять силу противъ «мятежниковъ», т. е. противъ тѣхъ, которые будутъ противиться экспропріаціи — чѣмъ же сила Маркса—Энгельса отличается отъ силы Дюринга?

Несомнѣнно, что въ каждомъ законѣ много несовершенствъ и много несправедливости; положительный, писаный законъ и правительственныя распоряженія не всегда тождественны съ правомъ и справедливостью. Потому то вездѣ и всегда борятся противъ насилія во имя права. Энгельсъ отождествляетъ право съ исторически существующимъ закономъ. Для самаго же права нѣтъ мѣста въ позитивизмѣ и матеріализмѣ Маркса — Энгельса; для нихъ всѣ соціальныя силы — за исключеніемъ экономическихъ — суть идеологія, т. е. нереальны и не имѣютъ оправданія. И такое veto направлено главнымъ образомъ противъ силъ этическихъ, т. е. противъ права и его окончательной этической санкціи.

Что матеріализмъ Маркса преувеличенъ и въ этомъ отношеніи — это видно изъ примѣровъ тѣхъ философовъ — матеріалистовъ, которые вопреки своей точкѣ зрѣнія или именно вслѣдствіе своей точки зрѣнія, пытаются доказать этическую санкцію права. Назову прежде всего учителя Маркса и Энгельса, Фейербаха; они могли бы также узнать и отъ позитивиста Милля, что право и его санкція не уничтожаются позитивизмомъ и матеріализмомъ [1]).

Но Марксъ и Энгельсъ тоже ссылаются, какъ уже сказано, на право и справедливость и при томъ въ смыслѣ естественнаго права въ то время, да еще и теперь, весьма распространеннаго — требованія марксизма представляются имъ понятными сами по себѣ [2]).

113. Насколько поверхностенъ во всѣхъ этихъ основныхъ вопросахъ историческій матеріализмъ, это видно въ особенности въ изложеніи Энгельсомъ ученія о такъ называемыхъ естественныхъ правахъ человѣка, объ соціалистическо-революціонномъ идеалѣ, сво-

---

[1]) Съ точки зрѣнія Маркса—Энгельса интересна попытка забытаго теперь фейербахіанца Кнаппа объяснить право матеріалистически (Система философіи права 1857). Самъ Фейербахъ вполнѣ призналъ Кнаппа (Грюнъ 1)

Недавно Элентеропулосъ сдѣлалъ попытку согласовать дарвиновское право сильнаго съ классовой борьбой—только личность дѣйствуетъ легально, борящійся же классъ eo ipso дѣйствуетъ нелегально (Критическая система философіи. Обоснованіе ученія о независимости 1897).

[2]) Въ статьѣ о гегелевской философіи Марксъ противупоставляетъ историческому праву человѣческое-естественное право.

бодѣ, равенствѣ и братствѣ, и въ его объясненіяхъ относительно равенства.

Это изложеніе представляется намъ крайне важнымъ и потому на немъ мы остановимся подробнѣе.

Представленіе о томъ, что всѣ люди, какъ таковые, имѣютъ нѣчто общее между собою и въ силу этого равны, очень старое представленіе; но современное требованіе равенства отлично отъ такого представленія; изъ этихъ общихъ свойствъ людей, изъ равенства людей, какъ таковыхъ, выводится притязаніе на равенство политическое, т. е. на общественное признаніе всѣхъ или по крайней мѣрѣ всѣхъ гражданъ или всѣхъ членовъ общества. Прошли цѣлыя тысячелѣтія до тѣхъ поръ, пока былъ сдѣланъ такой выводъ изъ первоначальнаго представленія объ относительномъ равенствѣ о равноправіи въ государствѣ и въ обществѣ и пока такой выводъ сдѣлался естественнымъ, понятнымъ самъ по себѣ.

Въ древнѣйшихъ естественныхъ коммунистическихъ общинахъ можно говорить только о равноправіи членовъ общества; женщины (Энгельсъ забываетъ тутъ о матріархатѣ), рабы, чужестранцы исключались изъ такого равенства.

У грековъ и римлянъ неравенство между людьми было больше, чѣмъ равенство. Мысль о томъ, чтобы греки и варвары, свободные и рабы, граждане и кліенты, римскіе граждане и подданные могли пользоваться одинаковыми политическими правами показалась бы древнимъ безуміемъ. При римской имперіи всѣ эти различія постепенно исчезаютъ (за исключеніемъ различія между свободными и рабами); такимъ образомъ появляется, по крайней мѣрѣ для свободныхъ, то равенство частныхъ лицъ, на основаніи котораго развилось римское право («совершеннѣйшее образованіе права, основаннаго на частной собственности»). Но до тѣхъ поръ, пока существовало противорѣчіе между свободными и рабами, о юридическихъ послѣдствіяхъ всеобщаго человѣческаго равенства не могло быть и рѣчи, что можно видѣть еще и теперь (?) въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣверо-американскаго Союза.

Христіанство знало только одно равенство между людьми—равенство въ наслѣдственномъ грѣхѣ; только въ началѣ признавалось и равенство всѣхъ избранныхъ. Слѣды общности имуществъ, замѣчаемые при появленіи новой религіи, объясняются гораздо болѣе единеніемъ преслѣдуемыхъ людей, чѣмъ дѣйствительнымъ представленіемъ о равенствѣ. Очень скоро уже устанавливается противорѣчіе между священниками и мірянами.

Германцы, наводнившіе западъ Европы, устранили на цѣлые вѣка всѣ идеи о равенствѣ при посредствѣ очень сложной системы политической и соціальной іерархіи; но этимъ они создали «компактную» культурную область и въ этой области появляется впервые система

взаимно вліяющихъ одно на другія и взаимно сдерживающихъ государствъ, по преимуществу національныхъ. Этимъ они подготовили почву, на которой позже могли развиться права человѣка, его равноцѣнность.

Феодальные средніе вѣка кромѣ того создали классъ, въ позднѣйшемъ его развитіи призванный къ тому, чтобы сдѣлаться представителемъ современныхъ требованій равенства буржуазіи. Буржуазія, бывшая сначала однимъ изъ феодальныхъ сословій, усовершенствовала промышленность и обмѣнъ продуктовъ въ феодальномъ обществѣ. Но къ концу пятнадцатаго вѣка вслѣдствіе открытія новой части свѣта и вслѣдствіе описанныхъ выше экономическихъ измѣненій произошелъ переворотъ, приведшій въ концѣ концовъ къ современной крупной промышленности и къ капитализму. Общество становится все болѣе и болѣе буржуазнымъ, а государственный строй остается феодальнымъ. Торговля, и въ особенности международная, міровая, требовала свободныхъ, ничѣмъ не стѣсняемыхъ въ своихъ движеніяхъ владѣльцевъ товаровъ, которые, какъ таковые, были бы равноправными и по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ могли бы обмѣниваться на основаніи для всѣхъ нихъ одинаковаго права. Переходъ отъ ремесла къ мануфактурѣ тоже предполагаетъ свободныхъ работниковъ (свободныхъ какъ отъ цеховыхъ стѣсненій, такъ и отъ орудій производства), могущихъ заключить договоры о трудѣ съ фабрикантами: въ качествѣ договаривающихся они должны быть равноправными съ ними.

Наконецъ равенство и равноправіе всякаго человѣческаго труда, какъ человѣческаго вообще, находитъ наиболѣе сильное, хотя пока еще и безсознательное выраженіе въ законѣ цѣнности современной буржуазной экономіи.

Государство, какъ сказано, оставалось феодальнымъ и мѣшало развитію промышленности и торговли цеховыми узами, привиллегіями, дифференціальными таможенными пошлинами и т. д. Свобода и равноправіе становятся необходимыми требованіями ради интересовъ промышленности и торговли. Эту свободу должны были требовать и для крестьянской массы; должны были требовать и уничтоженія свободы феодальныхъ помѣщиковъ отъ налоговъ и уничтоженія политическихъ привиллегій отдѣльныхъ сословій. Такъ какъ люди теперь жили уже не въ міровой имперіи, вродѣ Римской, а въ различныхъ, равныхъ одно другому государствахъ, въ которыхъ буржуазія была развита приблизительно одинаково, то было само по себѣ понятнымъ, что требованіе свободы получило общій характеръ, что это требованіе выходило за предѣлы отдѣльнаго государства и что свобода и равенство были провозглашены, какъ человѣческія права, какъ права человѣка. Характеръ этихъ правъ виденъ изъ того, что американская конституція, первая признавшая права че-

ловѣка, вмѣстѣ съ этимъ подтвердила существующее рабство негровъ—классовыя привиллегіи были отвергнуты, а расовыя признаны.

Но буржуазія съ того момента, когда она вылупалась изъ яйца феодальнаго бюргерства, съ того момента, когда она изъ средневѣкового сословія превращается въ современный классъ, является въ сопровожденіи ея тѣни — пролетаріата. И буржуазныя требованія равенства точно также сопровождаются требованіями равенства пролетаріата. Съ того момента, когда буржуазія потребовала устраненія классовыхъ привиллегій, пролетаріатъ требуетъ уничтоженія самихъ классовъ—сначала это требованіе имѣетъ религіозную форму, опирается на первобытное христіанство, а потомъ на буржуазныя теоріи равенства. Пролетаріи требовали отъ буржуазіи, чтобы она сдержала свое слово: равенство должно быть не только кажущимся, но и дѣйствительнымъ; оно должно быть осуществлено не только въ государственной, въ политической сферѣ, но и въ сферѣ соціальной и экономической. И въ особенности съ того времени, когда французская буржуазія въ эпоху великой революціи ставитъ на первый планъ буржуазное равенство, французскій пролетаріатъ отвѣчаетъ ей требованіемъ общественнаго, экономическаго равенства—равенство становится спеціальнымъ боевымъ крикомъ французскаго пролетаріата.

Потому пролетарное требованіе равенства имѣетъ двойное значеніе. Оно есть естественная реакція противъ вопіющихъ общественныхъ неравенствъ, противъ контраста между богатыми и бѣдными, между господами и слугами, между отъѣвшимися и голодными (это въ особенности примѣняется къ началу движенія, напримѣръ, къ крестьянскимъ войнамъ). Въ этомъ отношеніи пролетарное требованіе равенства есть «просто выраженіе революціоннаго инстинкта—и въ этомъ, и только въ этомъ, его оправданіе».

Во вторыхъ, требованіе это проистекаетъ изъ реакціи противъ буржуазнаго требованія равенства; оно дѣлаетъ изъ этого послѣдняго болѣе или менѣе вѣрные дальнѣйшіе выводы и является агитаціоннымъ средствомъ для возбужденія рабочихъ противъ капиталистовъ при посредствѣ программы самихъ капиталистовъ [1]),—и «въ этомъ случаѣ эта реакція существуетъ и падаетъ вмѣстѣ съ буржуазнымъ равенствомъ». «Въ обоихъ случаяхъ дѣйствительное содержаніе пролетарнаго требованія равенства есть требованіе уничтоженія классовъ. Каждое иное требованіе равенства, выходящее изъ этихъ границъ, необходимо приводитъ къ нелѣпости».

Такимъ образомъ представленіе о равенствѣ, какъ въ его буржуазной, такъ и въ пролетарной формѣ, (такъ заканчиваетъ Энгельсъ

[1]) Въ сочиненіи о семьѣ (ст. 187) говорится: „что хорошо для господствующаго класса, то должно быть хорошо и для всего общества, съ которымъ отождествляетъ себя господствующій классъ".

свои объясненія) есть продуктъ исторіи, для появленія котораго были необходимы опредѣленныя историческія отношенія, предполагающія въ свою очередь продолжительное развитіе. Поэтому идея о равенствѣ отнюдь не есть вѣчная истина, какъ утверждаютъ всѣ старыя этическія и политическія системы. Если она теперь, въ томъ или иномъ ея смыслѣ, стала сама по себѣ понятной для всѣхъ, если, говоря словами Маркса, она «теперь обладаетъ несомнѣнностью народной аксіомы», то это не есть слѣдствіе ея истинности, а слѣдствіе всеобщаго распространенія и постоянной своевременности идей восемнадцатаго вѣка.

114. Въ этомъ выводѣ Энгельса мы находимъ всѣ основныя недостатки историческаго матеріализма и его ложнаго политическаго аморализма.

Энгельсъ указываетъ, какъ развилось и распространилось понятіе о равенствѣ, и какъ соціалисты формулировали и формулируютъ эту проблему; но мы не видимъ яснаго и опредѣленнаго объясненія, почему понятіе о равенствѣ справедливо и чѣмъ оно оправдывается. Для меня, и для каждаго, желающаго дѣйствовать, необходимо знать, что я долженъ дѣлать, для меня важно имѣть обоснованныя убѣжденія. Что мнѣ за дѣло до того, какъ поступаютъ и поступали другіе? Когда я былъ ребенкомъ, намъ говорили въ тѣхъ случаяхъ, когда мы хотѣли подражать товарищамъ: если другой повѣсится, такъ и мы будемъ вѣшаться? Вѣдь и самъ Энгельсъ смѣется надъ Дюрингомъ, почему тотъ не задаетъ себѣ вопроса, почему ему его философія кажется естественной; а самъ кончаетъ тѣмъ, что требованіе равенства уже теперь стало народнымъ суевѣріемъ, что оно общераспространенное, и что идеи восемнадцатаго вѣка своевременны и въ девятнадцатомъ. Это, можетъ быть, и достаточно для историка—позитивиста, собирающаго документы и констатирующаго факты, но это недостаточно для человѣческой совѣсти. Развѣ буржуазныя идеи тоже не современны. Развѣ все не было когда то и не есть еще и теперь современнымъ предразсудкомъ? Но объ этомъ мы уже не мало говорили раньше.

Энгельсъ, полемизируя съ Дюрингомъ, хочетъ объяснить научное содержаніе идеи о равенствѣ, но вся его наука тутъ сводится къ довольно поверхностному констатированію историческихъ фактовъ. Я не хочу, однако, быть несправедливымъ по отношенію къ Энгельсу—онъ обосновываетъ пролетарное требованіе равноправія. Прежде всего оно есть «естественная реакція противъ вопіющихъ соціальныхъ неравенствъ» и «простое выраженіе революціоннаго инстинкта». И Энгельсъ прибавляетъ, что «въ этомъ, и только въ этомъ, его оправданіе».

Неужели же это и есть санкція равноправія?

Признаніе вопіющихъ общественныхъ неравенствъ приводитъ насъ

прежде всего къ требованію устраненія этихъ неравенствъ—но изъ этого еще не вытекаетъ требованіе равенства. Самъ Энгельсъ на основаніи всей предшествующей исторіи доказываетъ, что требованіе равенства развивалось постепенно, что дѣйствительное равноправіе до сихъ поръ не существуетъ; не долженъ ли я сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, что развитіе направлено только къ устраненію вопіющихъ неравенствъ? Должны ли быть устранены *всѣ* неравенства и могутъ ли они быть устранены — остается открытымъ вопросомъ. Самъ Энгельсъ требуетъ только устраненія классовъ—другія требованія равенства, идущія дальше этого, представляются ему нелѣпыми—почему?

Что такое далѣе этотъ революціонный инстинктъ? Я уже заявилъ, что не питаю особаго уваженія къ этому инстинкту, да и вообще къ инстинктамъ, которые, можетъ быть, даже и не существуютъ. И я дѣйствительно сильно сомнѣваюсь въ существованіи революціоннаго инстинкта. Самъ Энгельсъ говоритъ, что идея равенства не аксіома, а идея эмпирическая и историческая; если она есть даже идея, упрочившаяся въ силу тысячелѣтняго развитія, то это все таки не инстинктъ, если понимать подъ этимъ словомъ то, что подъ нимъ понимаютъ обыкновенно. Инстинктъ должны имѣть всѣ люди и всегда—и Энгельсъ самъ указываетъ, что *этотъ* инстинктъ не всегда существовалъ. И дѣйствительно люди всегда и вездѣ выносили и теперь еще выносятъ неравенство, и даже вопіющее неравенство они выносятъ довольно долго (Энгельсъ говоритъ, что требованіе равенства даже римлянамъ казалось безумiемъ); революціонное настроеніе (инстинктъ) развилось только въ новое время.

Революціонный инстинктъ никоимъ образомъ не можетъ оправдывать требованіе равенства—потому что въ противномъ случаѣ инстинктъ честолюбія оправдывалъ бы не только Наполеона I, но и Наполеона III, и, само собой понятно, оправдывалъ бы и стремленіе къ власти капиталистовъ. Тогда и Нитцше, и всѣ аристократы безъ различія были бы правы. Инстинктъ—вѣдь, это этическій хаосъ.

Еще слабѣе второе основаніе Энгельса. Пролетаріи оправдываютъ свое требованіе равенства тѣмъ, что они дѣлаютъ изъ буржуазнаго требованія болѣе или менѣе вѣрные дальнѣйшіе выводы. Но развѣ вопросъ о правѣ и не правѣ есть вопросъ о логическомъ силлогизмѣ? Развѣ дѣло все не сводится къ тому, справедливо ли буржуазное требованіе, каково его содержаніе, и развѣ весь вопросъ не въ томъ, оправдываемо ли требованіе пролетаріевъ? А если бы буржуазія не предъявила требованія о равенствѣ (а въ нѣкоторыхъ странахъ она и не предъявляла его), что же будетъ тогда съ дальнѣйшими выводами Энгельса? Энгельсъ правъ въ томъ, что при агитаціи argumentum ad hominem имѣетъ очень большое значеніе—но вѣдь имѣются и такіе argumenta ad hominem, которые якобы подтверждаютъ идею

неравенства. Несомнѣнно, что кромѣ выводовъ Энгельса существуетъ еще религія неравенства, въ которой Гладстонъ видитъ символъ вѣры нашего вѣка.

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ въ изложеніи Энгельса то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что въ первобытныхъ коммунистическихъ общинахъ нѣтъ и признаковъ равенства—оно и понятно, потому что это былъ коммунизмъ отрицательный, какъ я назвалъ его. Да и самъ Энгельсъ не требуетъ полнаго равенства, онъ требуетъ только уничтоженія классовъ. Но и такое требованіе неисполнимо, поскольку классы основываются на раздѣленіи труда; а мы уже говорили раньше, что при дальнѣйшемъ развитіи раздѣленіе труда не прекратится, а еще болѣе усовершенствуется.

Фактически люди не равны между собой. Всякій согласится съ тѣмъ, что они равны, какъ люди, но вѣдь дѣло идетъ о неравенствѣ людей, тоже какъ людей. Нѣтъ равенства физическаго (сила, здоровье, красота и т. д.), нѣтъ равенства и по интеллекту (здоровье его, сила, даровитость, способность), нѣтъ равенства и по чувству (его напряженность, глубина и т. д.). Общественнаго и политическаго равенства никогда не существовало. И тѣмъ не менѣе вполнѣ вѣрно, то требованіе равенства съ развитіемъ культуры распространяется и углубляется, и что нѣкоторыя вопіющія неравенства все болѣе и болѣе устраняются.

И вотъ появляется вопросъ: какимъ образомъ и въ какой сферѣ уменьшается неравенство? Отвѣтъ экономическаго матеріализма на этотъ вопросъ неудовлетворителенъ. Энгельсъ признаетъ главной и первой причиной современнаго требованія равенства появленіе и развитіе промышленности—капиталистъ требуетъ необходимо свободныхъ работниковъ. По истинѣ удивительно, что такіе люди, какъ Марксъ и Энгельсъ, могутъ такъ цѣпляться за слова! Что общаго имѣетъ эта «свобода» рабочаго (т. е. его право свободнаго передвиженія) съ свободой, какъ ее понимаетъ тріединый великій лозунгъ: свобода, равенство и братство?

Я, разумѣется, не отрицаю того, что экономическая, капиталистическая и торговая система тоже содѣйствовала освобожденію рабочихъ классовъ; но кромѣ экономическихъ факторовъ существуютъ и даже стоятъ въ первомъ ряду факторы этическіе и политическіе. Христіанство въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ проповѣдуетъ всему міру любовь къ ближнему—и неужели это не имѣло дѣйствія? Можетъ быть, эта проповѣдь и не дѣйствовала въ такой степени, въ какой это было бы желательно, но все же она дѣйствовала. Вѣдь и математическія аксіомы, провозглашенныя по крайней мѣрѣ со временъ Эвклида, еще не вошли въ сознаніе и для людей 2×2 все еще или болѣе или менѣе 4-хъ. А вѣдь это математика — наука,

основанная на аксіомахъ. Понятно, что люди еще менѣе могли вполнѣ и всецѣло принять и осуществить ученія христіанства.

Дѣйствіе тысячелѣтняго обученія людей церковью проявилось уже во время реформаціи. Богемская и германская реформація, провозгласивъ свободу совѣсти, свободу внутренняго сознанія, положила основаніе для той чистой человѣчности, которая была возвѣщена въ позднѣйшее время. Въ одномъ направленіи съ реформаціей дѣйствовали и классическое возрожденіе, гуманизмъ—человѣкъ становится идеаломъ и для науки и для философіи, и для литературы и для искусства. Этотъ идеалъ провозгласила и распространила и германская философія—Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, Фрисъ, Фихте и др., и наконецъ Фейербахъ и... Марксъ и Энгельсъ.

Энгельсъ ищетъ вмѣстѣ съ Марксомъ идею равенства, братства и свободы въ старомъ американскомъ родѣ. Въ дѣйствительности онъ могъ бы найти ее не въ Америкѣ, а поближе. Конечно, не у индѣйцевъ, а у христіанъ. Права человѣка, имѣющіе теперь главнымъ образомъ политическое значеніе, происходятъ отъ реформаціи; они суть ея фактическое развитіе. Я уже указывалъ на это значеніе реформаціи для современнаго политическаго развитія; Палацкій, напр., былъ вполнѣ правъ (болѣе правъ, чѣмъ онъ полагаетъ), признавъ въ 1848 году главныя идеи французской революціи христіанскими [1]).

Энгельсъ, впрочемъ, и самъ говоритъ, что соціалисты сначала ставили свои требованія въ формѣ религіозной—онъ могъ изъ этого сдѣлать правильные выводы, еслибы лучше понялъ религіозный вопросъ. Онъ придерживается общераспространеннаго мнѣнія, будто человѣческія права и современная идея о равенствѣ были теоретически разработаны Руссо. Въ дѣйствительности же происхожденіе ихъ иное, и даже у самаго Руссо—онъ только политически формулировалъ принципъ реформированной церкви, въ которой былъ воспитанъ.

Энгельсъ и Марксъ не понимали сущности религіи, а потому не понимали и всей важности принциповъ реформаціи. Они не понимали

[1]) Ср. Nase Doba IV мое введеніе къ переводу очерковъ Іеллинека: объясненіе человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Къ современной конституціонной исторіи, 1895. Еще ранѣе Іеллинека указывалъ Ритчи (Естественное право 1895) на происхожденіе такъ называемыхъ правъ человѣка отъ реформаціи; тоже указаніе и у Боржо (Borgeaud—„Современная демократія въ Старой и Новой Англіи“ 1894). Іеллинекъ говоритъ. „Установленіе права о неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ, священныхъ правахъ личности—происхожденія не политическаго, а религіознаго. То, что считалось до сихъ поръ дѣломъ революціи, въ дѣйствительности есть плодъ реформаціи и ея борьбы. Первый апостолъ человѣческихъ правъ не Лафайетъ, а тотъ самый Рожеръ Вилльямсъ, который, влекомый сильнымъ и глубокимъ религіознымъ энтузіазмомъ, удалился въ пустыню, чтобы основать тамъ царство религіозной свободы“.

того, что въ противность церковному абсолютизму среднихъ вѣковъ создалась церковная и религіозная демократія именно въ силу уничтоженія священства и непосредственнаго общенія каждаго изъ вѣрующихъ съ Богомъ. Слѣдствіемъ религіознаго и церковнаго освобожденія было и политическое освобожденіе. Но Марксъ и Энгельсъ не достаточно спокойно продумали объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ и потому они и не признали значенія реформаціи для политическаго и экономическаго развитія.

Политическое провозглашеніе правъ человѣка имѣло громадное значеніе и кодификація этихъ правъ была значительнымъ политическимъ прогрессомъ, хотя эти права и очень часто не осуществлялись. Утвержденіе, будто они только кажущіяся, совершенно невѣрно; еще болѣе несправедливъ Марксъ, усматривая въ правахъ человѣкъ нѣкотораго рода современное рабство. Онъ требуетъ полнаго освобожденія отъ политическихъ отношеній, отъ «политическаго государства»; права человѣка, говоритъ онъ, провозглашаютъ религіозную свободу—но они не освобождаютъ человѣка отъ религіи; они провозглашаютъ свободу собственности, но не освобождаютъ отъ собственности, они провозглашаютъ, наконецъ, свободу промышленности, но не освобождаютъ отъ грязи пріобрѣтенія [1]).

Марксъ и Энгельсъ понимаютъ подъ словомъ: свобода тотъ скачекъ въ царство свободы, о которомъ мы уже говорили,—т. е. абсолютное устраненіе всѣхъ несовершенствъ, какъ они понимаютъ ихъ, и, стало быть, не только политическую свободу, а прежде всего экономическую, а также и половую. Съ этой точки зрѣнія они осуждаютъ цѣликомъ и одинаково сильно всѣ прежнія пріобрѣтенія—хотя и ограничиваются при этомъ общими мѣстами.

Потому въ концѣ концевъ и неудивительно, что Марксъ и Энгельсъ не опредѣляютъ точно своихъ требованій равенства. Энгельсъ требуетъ уничтоженія классовъ—все другое и большее было бы нелѣпостію; потомъ должно прекратиться раздѣленіе труда,—стало быть,

[1]) Марксъ—Святое Семейство, ст. 175: „признаніе правъ человѣка современнымъ государствомъ не имѣетъ другого смысла, какой имѣло признаніе рабства античнымъ государствомъ. Какъ рабство было естественнымъ базисомъ для античнаго государства, такъ буржуазное общество есть естественный базисъ современнаго государства—люди буржуазнаго общества независимы отъ цѣлаго и связаны другъ съ другомъ только узами частныхъ интересовъ и безсознательной естественной необходимостью; они рабы промышленнаго труда и своихъ собственныхъ, а также и чужихъ эгоистическихъ подробностей“.

Въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ мы читаемъ: „идеи свободы совѣсти и религіи выражаютъ только господство конкуренціи въ сферѣ знанія“. Въ „Капиталѣ“ Марксъ видитъ въ борьбѣ противъ феодализма только кажущуюся борьбу за свободу и равенство; въ дѣйствительности она была началомъ капитализма и пролетаризаціи народа. Такого же мнѣнія держится и Энгельсъ.

должно ввести равенство въ трудѣ, а потомъ Марксъ повторяетъ старое требованіе: каждой по способности, каждому по его потребности. Объ этомъ мы уже говорили въ отдѣлѣ о будущемъ коммунизмѣ; тамъ мы установили, что Марксъ и Энгельсъ не требуютъ абсолютнаго равенства [1]).

Мы говоримъ тутъ объ юридической сторонѣ вопроса—и тутъ историческій матеріализмъ уже совершенно ничего ни объясняетъ. Марксъ и Энгельсъ видятъ въ правѣ только отраженіе экономическихъ отношеній и потому они даже и не пытаются опредѣлить правовыя понятія, и даже понятіе о собственности. Для политическаго аморализма достаточно знать, что произошло и что произойдетъ—а положительныя правовыя понятія, то, что должно произойти, для него безразличны.

---

[1]) Новые теоретики марксизма высказываются относительно требованій равенства болѣе осторожно. Напр., Бернштейнъ въ своихъ послѣднихъ статьяхъ; интересны въ этомъ отношеніи объясненія эрфуртской программы Каутскаго. Въ вышецитированномъ мѣстѣ объ увеличеніи въ будущемъ раздѣленія труда и о томъ, что въ соціалистическомъ обществѣ не необходимо равенство доходовъ, Каутскій пишетъ дальше буквально слѣдующее (161): Этимъ не утверждается, однако, что принципъ равенства (которое не необходимо должно быть единообразіемъ) дохода или матеріальныхъ жизненныхъ условій не будетъ играть роли въ соціалистическомъ обществѣ—однако оно не будетъ вынуждено, какъ цѣль, насильственнымъ и непосредственнымъ уравненіемъ; а будетъ только цѣлью естественнаго развитія, тенденціей и т. д.

Парвусъ („Равенство"—Socialist. Student 1899) требуетъ легальной гарантіи минимума средствъ существованія и предлагаетъ такую формулу: „мы хотимъ соціальнаго равенства затѣмъ, чтобы предоставить полную свободу развитію естественнаго неравенства людей".

Вышеупомянутый анонимъ Atlanticus („Будущее государство") требуетъ для тропическихъ странъ принудительнаго труда негровъ (стало быть, рабства). Каутскій, въ введеніи къ этой книгѣ, протестуетъ противъ такого требованія.

IX.

Національнизмъ и интернаціонализмъ.

115. У насъ марксистовъ упрекаютъ прежде всего въ интернаціонализмѣ, въ ненаціональности и даже во враждѣ къ національности; этотъ упрекъ не остался, какъ доказываетъ появленіе соціалистовъ-націоналистовъ, совсѣмъ безъ послѣдствій. Любопытно тутъ, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что вполнѣ очевидный интернаціонализмъ капиталистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, журналистовъ и т. д. признается вполнѣ естественнымъ, а такой же интернаціонализмъ ставится въ упрекъ соціалъ-демократіи; но такъ какъ этотъ упрекъ марксизму слышится съ разныхъ сторонъ и постоянно повторяется, то приходится внимательно отнестись къ дѣлу.

Какъ разъ въ послѣднее время со стороны соціалъ-демократовъ было сдѣлано нѣсколько заявленій по отношенію къ націонализму—и притомъ по большей части въ его пользу. На шестомъ конгресѣ австрійской соціалъ-демократіи (1897) шли дебаты о націонализмѣ и интернаціонализмѣ; докторъ Адлеръ заявилъ по этому поводу слѣдующее: «понятіе о международности въ послѣдніе годы до извѣстной степени измѣнилось въ средѣ рабочихъ. Еще въ шестидесятыхъ годахъ международность считалась равнозначущей съ отсутствіемъ національности—какъ будто бы человѣкъ можетъ отречься отъ своей исторіи, отъ своей національной индивидуальности, какъ будто возможно погруженіе въ чисто абстрактномъ понятіи о человѣчествѣ! Это было ничто иное, какъ старый буржуазный гуманизмъ и космополитизмъ. Теперь это понятіе объ интернаціонализмѣ развилось еще болѣе—и прежде всего въ Австріи. Теперь вопросъ ставится такъ: какимъ образомъ возможно объединенное содѣйствіе, объединенная борьба, и отраженіе всякой попытки насилія одной національности надъ другой? Разрѣшить этотъ вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго истекаетъ кровью вся буржуазія Австріи, такъ что она сдѣлалась

легкой добычей феодаловъ, призваніе соціалъ-демократія. Казалось чѣмъ то совершенно новымъ и небывалымъ, когда нашъ товарищъ Дашинскій воскликнулъ въ парламентѣ: «я полякъ и соціалъ демократъ! И это есть лозунгъ и рѣшеніе вопроса» [1]).

Послѣ этого объясненія говорилъ Пернерстоферъ, разъясненія котораго интересны потому, что онъ раньше принадлежалъ къ нѣмецкой націоналистической партіи:

«Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я былъ избранъ въ палату депутатовъ, какъ нѣмецкій націоналистъ и вскорѣ послѣ моего избранія рабочіе всей Австріи обратились ко мнѣ съ просьбой о помощи. Въ то время австрійская соціалъ-демократія стояла на почвѣ безплотнаго и безкровнаго интернаціонализма; въ настоящее время она стоитъ на почвѣ реализма, который я защищалъ всегда и всегда съ радостью и надеждой предвидѣлъ время, когда для меня будетъ возможно всецѣло принадлежать къ этой партіи.

Въ качествѣ нѣмецкаго націоналиста я никогда не сказалъ ни одного слова ненависти противъ другихъ націй. Я желалъ всего добраго для моего народа, и я желалъ того же и для всякаго другаго. Не отъ гуманности чрезъ націонализмъ къ звѣрству—какъ выразился Грилльпарцеръ—идетъ наша дорога, а, наоборотъ, отъ звѣрства чрезъ націонализмъ къ гуманности.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствительнаго, реальнаго интернаціонализма люди наконецъ придутъ къ убѣжденію, что можно быть добрымъ нѣмцемъ, замѣчательнымъ славяниномъ, вдохновеннымъ итальянцемъ и при этомъ быть страстнымъ, международнымъ соціалъ-демократомъ».

Норвежскіе рабочіе въ 1894 году ввели въ свою политическую программу признаніе самостоятельности Норвегіи. Недавно я прочиталъ страстное требованіе фламандскаго соціалиста Десварта о равноправіи фламандскаго языка съ французскимъ—борьба языковъ въ сущности тоже классовая борьба [2]).

---

[1]) Въ „Рабочей газетѣ“ и раньше (1896) встрѣчались такія заявленія: „соціалъ демократія не антинаціональна, а интернаціональна; она не отрицаетъ различія національностей, и не питаетъ преступныхъ надеждъ устранить ихъ. Признавая данный природой фактъ національностей, она признаетъ также и ихъ право на самостоятельное развитіе, также, какъ и необходимость общей работы, соединенія всѣхъ силъ угнетенныхъ въ Австріи для борьбы противъ угнетателей и эксплуататоровъ всѣхъ націй“.

[2]) Вопросъ объ языкахъ представляется намъ не расовымъ вопросомъ, а проявленіемъ классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы. Потому мы обязаны вести борьбу въ этой сферѣ также, какъ и въ сферѣ экономической, борьбу за доброе дѣло маленькихъ противъ большихъ, за равенство противъ привиллегіи, за справедливость противъ угнетенія. Польскій соціализмъ даетъ полезный урокъ всѣмъ нашимъ товарищамъ въ Европѣ, до извѣстной степени соединившись съ національнымъ движеніемъ. Было бы безсмыслицей и неизвинительной слабостью, еслибы рабочая партія тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ вопросъ о языкѣ, спокойно смотрѣла на отчаянную борьбу угнетенныхъ національностей. Въ этомъ случаѣ равнодушіе было бы равнозначительно съ сообщничествомъ“.

„Если несмотря на это, мы направляемъ весь нашъ умъ, всю дѣятельность и всѣ наши боевыя силы на разрѣшеніе великихъ экономическихъ вопросовъ—что и необходимо—то, все же мы должны по возможности скорѣе очистить общественную арену, на которой должна произойти послѣдняя великая битва, отъ національныхъ движеній. Непосредственные интересы нашего дѣла требуютъ быстраго и окончательнаго разрѣшенія вопроса о языкахъ“ (Pravo lidu 1898 г.).

[1]) Отмѣчу къ заявленіямъ Бебеля слѣдующее: каждый народъ и каждая часть народа, говорящіе на другомъ языкѣ, чѣмъ господствующій народъ, съ точки зрѣнія общей культуры, также какъ и съ точки зрѣнія человѣческаго права, имѣютъ право получать образованіе на языкѣ своихъ отцовъ. Въ языкѣ воплощается особый характеръ народа, по языку народъ отличается отъ всѣхъ другихъ. Въ языкѣ онъ проявляетъ свои чувства и потребности въ формѣ, единственно истинной. Вынудить народъ выражать его чувства и желанія на чужомъ ему языкѣ значитъ дѣлать насиліе надъ самой его сущностью. Конечно, не худо, если народу дается случай изучить языкъ другого цивилизованнаго народа, съ которымъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, но это не должно вредить родному языку. Я считаю всякое нападеніе на родной языкъ народа за нападеніе на общія культурныя интересы: народъ, стоящій на высотѣ задачъ эпохи, не долженъ совершать подобныхъ поступковъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, вполнѣ умѣстны слова: не дѣлай того, чего ты не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали другіе.

Французскіе соціалисты тоже сознаютъ себя французами и публично заявляютъ объ этомъ.

Наша національная пресса обыкновенно игнорируетъ подобныя заявленія; и вдругъ бѣдный читатель совершенно внезапно узнаетъ, что германскіе марксисты... ультранаціоналисты и даже шовинисты. Когда на гамбургскомъ конгрессѣ (1897 г.) соціалистъ Пфанкухъ совершенно въ духѣ оффиціальнаго патріотизма сдѣлалъ заявленіе, что въ нѣмецкой соціалъ демократіи онъ не знаетъ никакихъ польскихъ товарищей—у насъ начали кричать о соціалъ демократическомъ шовинизмѣ, хотя Либкнехтъ сейчасъ же на конгрессѣ сдѣлалъ поправку къ заявленію Пфанкуха.

Точно также отозвался и Бебель по вопросу о денаціонализированіи датчанъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ [1]).

Этому не противорѣчитъ и констатированный на штутгартскомъ собраніи партіи фактъ, что нѣмецкая соціалъ демократія смотритъ на національный вопросъ съ международной точки зрѣнія—вопросъ именно и состоитъ въ томъ, предполагаетъ ли любовь къ собственному народу ненависть къ другимъ.

Эти факты и заявленія признанныхъ вождей соціалъ демократической партіи въ концѣ концевъ достаточны для сужденія объ отношеніи ея къ національному вопросу; но такъ какъ партія раньше защищала другіе взгляды (и это подтверждаютъ и Адлеръ и Пернерсторферъ), и такъ какъ Энгельсъ и Марксъ были противъ націонализма и въ особенности противъ славянъ, то намъ все таки необходимо разсмотрѣть этотъ вопросъ.

116. Въ дѣйствительности ни Марксъ, ни Энгельсъ непонимали современнаго національнаго развитія. И это объяснимо вполнѣ, если припомнить объ ихъ собственномъ развитіи. Марксъ и Энгельсъ сдѣлались практически космополитиками противъ ихъ воли. Возмущеніе противъ абсолютизма въ Германіи привело ихъ рано во Францію и въ Англію. Англія уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ была для континента политическимъ образцомъ и убѣжищемъ, до 1848 года Франція была обѣтованной землей всѣхъ радикаловъ, и, конечно, въ томъ числѣ и нѣмецкихъ.

Въ Парижѣ вышли «Deutsch-Französische Jahrbücher» Маркса и Руге, тамъ же и въ другихъ городахъ Франціи печатались другіе листки нѣмецкихъ эмигрантовъ. Въ Парижѣ, Брюсселѣ, въ Швейцаріи сходились и объединялись рабочіе различныхъ національностей. Таково происхожденіе Коммунистическаго манифеста съ его лозунгомъ: рабочіе всѣхъ странъ (а не народовъ?), соединяйтесь. Дальнѣйшее происхожденіе и организація международнаго общества обусловливались фактическими международными отношеніями его основателей. А рабочіе и тутъ, какъ въ другихъ отношеніяхъ, дѣлали то, что дѣлаютъ ихъ работодатели. Международное общество распалось, и притомъ распалось вполнѣ естественно, въ силу того, что усилились его національныя отдѣленія. Мѣсто постояннаго международнаго общества заняли международные конгрессы. Наша богемская соціалъ демократія также заняла въ общей австрійской партіи автономное положеніе.

Точно также въ самомъ соціализмѣ мы можемъ изучать непрерывный и одновременный процессъ интернаціонализированія и націонализированія—и въ этомъ послѣднемъ распаденіе на разныя школы и направленія.

Марксъ и Энгельсъ сначала попали въ парижскій «Космополисъ» также, какъ Гейне, Берне и многіе другіе; при наступленіи реакціи послѣ 1848 года изъ Парижа они опять таки, какъ и многіе другіе, перебрались въ Лондонъ. Тамъ уже были Мадзини, Герценъ и др. И тѣмъ не менѣе Марксъ и Энгельсъ оставались нѣмцами и писали по нѣмецки, хотя въ ихъ языкѣ, особенно у Маркса, и замѣчается англійское вліяніе. Герценъ, напр., тоже оставался русскимъ. Политически они всѣ были космополитами, а по языку они были космополитами лишь въ томъ смыслѣ, что они изучили главные европейскіе языки. Они, конечно, были далеки отъ національнаго развитія континента, но тѣмъ не менѣе сознавали себя нѣмцами—и притомъ истыми, упорными нѣмцами, что доказывается не только ихъ борьбой за свободу въ Германіи и ихъ постояннымъ интересомъ къ дѣламъ родины, но и ихъ настроеніемъ по отношенію къ славянамъ [1]).

Космополитизмъ въ программѣ и на практикѣ не исключаетъ націонализма—Марксъ и Энгельсъ хотѣли во всякомъ случаѣ работать для всего человѣчества, но именно по этому они естественно работали, даже находясь на чужбинѣ, прежде всего для Германіи. Нельзя забывать и о томъ, что Марксъ и Энгельсъ, какъ нѣмцы, не могли имѣть такого національнаго настроенія, какое было тогда у насъ, чеховъ, какъ членовъ небольшаго, политически несамостоятельнаго и по отношенію къ языку угнетеннаго народа. У нѣмцевъ никто не хотѣлъ отнять языка—понятно, что національныя стремленія Маркса и Энгельса были только политическими и соціальными. Наконецъ, нельзя забывать и о томъ, что до 1848 года и первое время послѣ него національность не играла еще той роли, какую она играетъ теперь.

Теоретически, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, Марксъ и Энгельсъ подчиняютъ національность экономическимъ отношеніямъ; въ послѣдней части Капитала отношенія расъ признаются второстепенной соціальной силой.

Въ самыхъ своихъ первыхъ литературныхъ заявленіяхъ, въ статьѣ о евреяхъ и въ «Святомъ семействѣ», Марксъ отождествляетъ національность съ государствомъ; потому она для него только эгоизмъ, хотя и болѣе высокій чѣмъ эгоизмъ, отдѣльнаго сословія или отдѣльной корпораціи [2]).

Въ статьѣ о евреяхъ Марксъ приводитъ еврейскую національность къ спеціально экономическому эгоизму; точно также и въ «Коммунистическомъ манифестѣ» національныя противорѣчія понимаются, какъ экономическія. Противъ упрека, будто коммунисты отрекаются отъ отечества и національности, авторы «Манифеста» возражаютъ, что служащій капиталистамъ трудъ пролетаріевъ утрачиваетъ свой національный характеръ. «У рабочихъ нѣтъ отечества. У нихъ нельзя взять того, чего они не имѣютъ. Когда пролетаріатъ сначала заво-

---

[1]) Бернштейнъ въ предисловіи къ изданію сочиненій Лассаля указываетъ на политическія брошюры Энгельса въ защиту единства Германіи.

[2]) „Святое Семейство“ ст. 187. „Эгоизмъ національный есть естественный эгоизмъ государства въ противуположность эгоизму феодальныхъ разграниченій“. „Эгоизмъ, содержаніе котораго есть нація, болѣе общъ или чище, чѣмъ эгоизмъ, содержаніе котораго отдѣльное сословіе или отдѣльная корпорація“.

ютъ политическое господство, когда онъ сдѣлается національнымъ классомъ, онъ долженъ будетъ возсоздаться, какъ нація, сдѣлаться національнымъ—хотя никоимъ образомъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ національна буржуазія. Національныя перегородки и противорѣчія между народами исчезаютъ все болѣе и болѣе при развитіи буржуазіи, при свободѣ торговли, при міровомъ рынкѣ, при однообразіи промышленнаго производства и соотвѣтствующихъ ему жизненныхъ отношеній. Господство пролетаріата будетъ устранять все болѣе и болѣе эти перегородки и противорѣчія. Объединеніе дѣятельности, по крайней мѣрѣ цивилизованныхъ странъ, есть одно изъ первыхъ условій его освобожденія. По мѣрѣ того, какъ будетъ прекращаться эксплуатація одного человѣка другимъ, будетъ уничтожаться и эксплуатація одной націи другой. Съ противорѣчіемъ классовъ внутри націи уничтожается и враждебность между націями».

Очевидно, что Марксъ понимаетъ націю только въ политическомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ его взгляды на этотъ вопросъ мало разработаны—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Онъ никогда и не занимался національнымъ вопросомъ. Энгельсъ тоже въ этомъ отношеніи не пошелъ дальше его.

По мнѣнію Энгельса народы появились на обломкахъ стараго рода; Энгельсъ также смѣшиваетъ національность съ государствомъ; и это, конечно, значитъ, что Энгельсъ также, какъ и Марксъ, былъ противникомъ принципа національности (хотя прямо онъ этого нигдѣ не говоритъ) именно потому, что онъ былъ противъ государства—что, разумѣется, не исключаетъ его нѣмецкаго настроенія. Въ часто цитированномъ нами письмѣ Энгельсъ на вопросъ о значеніи расы прямо и ясно отвѣчаетъ, что раса есть «факторъ экономическій», но онъ не развиваетъ этой мысли. Очевидно, что основатели марксизма до конца оставались чужды вопросу о національности [1]).

117. Національное чувство и національная идея сдѣлались могучей общественной и политической силой только въ новое время.

Въ древности и въ средніе вѣка національное сознаніе было подчинено церковному, политическому и сословному. Національность, какъ принципъ соціальной и политической организаціи, начинаетъ развиваться только въ новое время и только съ конца прошлаго вѣка начинаются сознательныя проявленія національной идеи.

[1]) Энгельсъ въ уже цитированной нами статьѣ о дарвинизмѣ старается доказать, что языкъ развился при посредствѣ труда. Очевидно, что Энгельсъ и тутъ думаетъ о своей системѣ и старается возможно болѣе обосновать ее. Доказательства его въ этомъ отношеніи не особенно удачны, какъ это видно изъ самой манеры выраженій (ст. 548: „происхожденіе языка отъ труда и съ трудомъ“... А далѣе: „сперва трудъ, а послѣ и съ нимъ“ и т. д.).

Современный принципъ національности пріобрѣтаетъ силу сначала при посредствѣ реформаціи—противъ космополитическаго католицизма (собственно говоря, это тавтологія); организуются государственныя и національныя церкви; національный языкъ становится рядомъ съ латинскимъ языкомъ богослуженія, священнымъ языкомъ (переводы Библіи). Одновременно съ реформаціей философское и литературное возрожденіе приводитъ къ тому, что начинаютъ пользоваться народнымъ языкомъ, какъ культурнымъ орудіемъ. Латинскій языкъ, а потомъ и аристократическій и дипломатическій французскій отступаютъ на задній планъ предъ туземными языками. При новой организаціи народные языки становятся языками міровыми. Теперь прежній международный латинскій языкъ было бы всего удобнѣе замѣнить англійскимъ; въ настоящее время всякій, желающій прослѣдить развитіе человѣчества, долженъ кромѣ своего родного языка и кромѣ мертвыхъ знать по крайней мѣрѣ три, четыре языка. Въ филологическомъ отношеніи міръ получаетъ совсѣмъ другой характеръ.

Филологическое сознаніе, филологическое чувство представляютъ новый общественный и культурный элементъ. Не то, чтобы раньше народы не сознавали, что они чужіе другъ другу (вѣдь, они не понимали другъ друга); но языкъ раньше не былъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Потому тогда и не было тѣхъ правъ языковъ, о которыхъ говорятъ теперь. Да еще и теперь этотъ вопросъ не имѣетъ особаго значенія, напримѣръ, для англичанъ; но уже въ Германіи, а тѣмъ болѣе въ странахъ многоязычныхъ, вродѣ Австріи, вслѣдствіе различія національностей поднимаются споры объ языкѣ, и разрѣшить эти споры тѣмъ болѣе трудно, чтобы къ вопросу объ естественныхъ правахъ языка присоединяется вопросъ о полезности и практичности—мелкіе народы или даже части народовъ не могутъ быть сравнены по отношенію къ ихъ языку съ народами большими, потому что они не равны въ культурномъ отношеніи.

Интенсивныя международныя сношенія тоже содѣйствовали распространенію и укрѣпленію національнаго сознанія. Въ тотъ вѣкъ національныя чувства оказались могущественными въ борьбѣ съ универсальной монархіей Наполеона. Совсѣмъ не случайность, что какъ разъ послѣ Наполеоновской войны появляются отдѣльныя національныя теченія, и не только въ литературѣ и въ искусствѣ, но и въ юриспруденціи (Савиньи) и въ политической экономіи (Листъ); вмѣстѣ съ этимъ увеличивается число попытокъ созданія сознательной національной философіи и политики. Въ Германіи во главѣ этого движенія стоитъ Фихте съ его планомъ національнаго воспитанія, и послѣ него Гегель съ его апофеозомъ германской (особенно нѣмецкой) культуры и германскаго духа. Въ новое время той же дорогой идутъ Вагнеръ и его единомышленники (Bayreuther Blätter).

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ напомнить о Лагардѣ, а также о Ницше, и такимъ писателяхъ, какъ Ientsch, Аммонъ, Тилле и др.

Во Франціи можно указать на Мишле и др., у славянъ на русскихъ славянофиловъ, на польскій мессіанизмъ и чешскій гуманитизмъ, на попытки создать національную философію, непосредственно по германскимъ образцамъ. Эти направленія развивались—у русскихъ кромѣ славянофиловъ есть еще и народники; можно упомянуть также и о Достоевскомъ; у поляковъ, кромѣ галиційскихъ направленій (станчики, демократы), нужно упомянуть о любопытной попыткѣ Мощинскаго, старавшагося отдѣлаться и отъ стараго революціоннаго мессіанизма и отъ политическаго оппортюнизма станчиковъ. У насъ въ Чехіи такъ называемый реализмъ есть попытка органически связать себя съ старымъ гуманизмомъ.

Если прежнія направленія національной философіи и политики и были романтическими, утопическими, то новѣйшіе ихъ представители вступили на путь позитивизма (отъ реализма до натурализма). Въ особенности дарвинизмъ и современная эволюціонная соціологія имѣли вліяніе на это движеніе, задача котораго состоитъ въ раскрытіи смысла національнаго развитія и опредѣлить цѣли и тактику обще національной политики.

Историческій матеріализмъ не можетъ объяснить этого развитія. Простыми экономическими интересами невозможно объяснить національныхъ чувствъ и мышленія. Несомнѣнно, что экономическіе интересы и отношенія способствуютъ территоріальнымъ и національнымъ дифференцированіямъ. Такъ, напр., въ отношеніяхъ между ирландцами и англичанами, между чехами и нѣмцами, имѣется и экономическая сторона. Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимъ старательный анализъ и точное опредѣленіе того, что мы тутъ называемъ экономической стороной вопроса. Вышеупомянутый фламандскій соціалистъ правъ до нѣкоторой степени, утверждая, что національная борьба есть тоже борьба классовая. Другое значеніе экономическихъ отношеній можно видѣть, напр., и въ теоріи нѣкоторыхъ зоологовъ, что питаніе создаетъ новые виды; часто встрѣчаешь мнѣніе (правда, только въ разныхъ соціологическихъ замѣткахъ), что рабочіе (голодающіе) и богачи (сытые и пресыщенные) составляютъ отдѣльные два вида людей и что голодающіе пожрутъ сытыхъ.

Въ русской литературѣ и теперь идутъ споры о томъ, до какой степени община есть славянское или русское экономическое учрежденіе—марксисты Бельтовъ, Волгинъ и Струве все еще имѣютъ основанія для полемики противъ народниковъ и славянофиловъ.

Зомбартъ весьма своевременно указалъ на то, что характеръ соціализма различенъ у разныхъ народовъ—даже совершенно очевидные и сознательные экономическіе и классовые интересы не могутъ уничтожить національнаго характера.

Задача защитниковъ историческаго матеріализма должна состоять въ изслѣдованіи какъ этого, такъ и другихъ моментовъ съ ихъ точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ они должны бы были подвергнуть анализу различные элементы національности, а прежде всего изслѣдовать дѣйствіе естественной среды (климатъ, почва и т. д.). При этомъ было бы необходимо болѣе точно разграничить понятія о національности и объ отечествѣ—этого требовалъ еще Колларъ [1]).

При посредствѣ опредѣленія біологическаго элемента историческій матеріализмъ могъ бы дойти до того, что увидалъ бы въ національности подтвержденіе своего ученія. Я имѣю тутъ въ виду теорію Гобино, на основаніи которой кровь составляетъ сущность расы и національности; потому исторія есть, собственно говоря, повѣствованіе о смѣшеніи крови и о вырожденіи, пока не наступаетъ этическая смерть расъ и народовъ. Если Энгельсъ въ теоріи Моргана усматриваетъ историческій матеріализмъ Маркса, то онъ могъ бы усмотрѣть его и въ этой теоріи Гобино, тѣмъ болѣе что у него, также какъ у Моргана, кровь играетъ по истинѣ мистическую роль.

Вообще имѣется извѣстное согласіе между современной національной идеей и старымъ родовымъ строемъ, какъ его описываетъ Энгельсъ. Въ сознаніи и въ чувствѣ національной связи имѣется организаціонная сила, аналогичная по своимъ слѣдствіямъ съ мнимой общественностью стараго рода. Рода (такого, какимъ его описываетъ Энгельсъ) никогда не существовало, но я уже указалъ на то, что на основаніи современнаго національнаго (искусственнаго) родства можно сдѣлать выводъ о первоначальныхъ родахъ и племенахъ. Мэнъ въ національномъ чувствѣ, и особенно въ панславизмѣ и пангерманизмѣ, видитъ прямое возрожденіе стараго кровнаго родства [2]).

Государство, какъ уже сказано, невозможно смѣшивать съ національностью. А различія между ними Энгельсъ и Марксъ и не понимали. Но во всякомъ случаѣ государство и національность очень часто совпадаютъ [3]).

Современное національное движеніе, какъ политическое и соціальное, демократично. У чеховъ, дѣйствительно, національныя стремленія всегда были свободомысленными и народными. Палацкій уже до 1848 года высказалъ положеніе, что современная національность по существу своему направлена противъ государства; онъ противу-

[1]) Въ статьѣ: Отечество (Socialist Monatshefte 1897) Педро Дорадо выдѣляетъ вполнѣ основательно элементъ территоріальный.

[2]) Мэнъ—Lectures in the Early History of Institutions.

[3]) Нужно также отличать патріотизмъ (какъ болѣе политическій и государственный) отъ національнаго чувства.

поставляетъ абсолютизму и централизаціи государства національность, какъ новую и высшую соціальную и культурную силу. Въ Германіи національное движеніе было тоже демократическимъ.

Наконецъ національность тѣсно связана съ языкомъ, правомъ и нравственностью, съ искусствомъ и литературой, съ философіей и религіей.

Конечно, старательный анализъ долженъ по возможности точно констатировать отношеніе и степень всѣхъ этихъ элементовъ—при этомъ должно имѣть постоянно въ виду ихъ развитіе: національная идея и національное чувство измѣняются.

Само собой понятно, что необходимо не только опредѣленіе отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается понятіе о національности и національномъ чувствѣ, необходимо также и синтетическое пониманіе всего національнаго чувства и мышленія и ихъ соціальныхъ дѣйствій; въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о національной идеѣ и національной политикѣ. Слѣдуетъ опредѣлить степень соціально-политическаго дѣйствія этой идеи. Лично мнѣ навряд ли необходимо говорить о томъ, что я не признаю такого націонализма, который подчиняетъ всѣ соціальныя силы національной идеѣ.

118. Формулы Маркса и Энгельса по отношенію къ національному вопросу слабы во всѣхъ отношеніяхъ.

Только недавно Каутскій болѣе внимательно отнесся къ этому вопросу, избравъ объектомъ изученія національныя отношенія въ Австріи. Онъ признаетъ относительную независимость національнаго принципа. Интересно то, что онъ приходитъ къ національной программѣ Гавличка и Палацкаго 1848 года — т. е. къ національному федерализму. Эту программу Каутскаго принимаютъ теперь и чешскіе и вообще австрійскіе соціалисты [1]).

[1]) „Борьба національностей и государственное право въ Австріи“ (Neue Zeit 1897). Къ этой статьѣ Каутскаго примыкаютъ другія статьи въ N. Z. Verus — Борьба національностей въ Австріи; Каутскій—Еще о борьбѣ національностей (Въ 1897 году въ сборникѣ Socialpolitische Flugschriften была напечатана брошюра Verus'a: Дезорганизація — авторъ требуетъ кромѣ административной автономіи также и національной. Основывается на Каутскомъ и Бернеръ: Націонализмъ и соглашеніе въ Австро-Венгріи (N. Z. 1898)

Каутскій въ болѣе ранней статьѣ (Современная національность 1897) разрабатываетъ мнѣніе Энгельса. Онъ видитъ въ національности искусственное образованіе, замѣнившее родовой строй. Современная національность родилась вмѣстѣ съ торговымъ капиталомъ—экономическія противорѣчія на иностранномъ рынкѣ сдѣлались противорѣчіями національными. Экономическое развитіе начиная съ XIV вѣка формируетъ національность и потому національная идея есть идея буржуазная по преимуществу. Въ новой статьѣ Каутскій болѣе точно разбираетъ идею національности и указываетъ на три фактора, воздѣйствовавшіе на развитіе современной національности: а) потребность буржуазіи и товаропроизводителей вообще по возможности обезпечить внутренній рынокъ и расширить внѣшній; это приводитъ къ объединенію внутри и къ замкнутости извнѣ. b) Стремленіе къ политической свободѣ—демократія и с) распространеніе въ массахъ національнаго литературнаго образованія.

[1]) См. Масарика—Идея Палацкаго о богемскомъ народѣ 1899.

Я не знаю, понимаетъ ли самъ Каутскій свою программу во всей ея полнотѣ — я по крайней мѣрѣ не думаю, чтобы онъ сознавалъ все ея значеніе.

Національная идея развивалась вмѣстѣ съ идеей гуманности — этическая подкладка національности есть гуманность. Гердеръ, какъ мнѣ кажется, былъ первымъ, ясно высказавшимъ современную идею гуманности и національности; человѣчество составлено не изъ искусственныхъ организмовъ (государство и т. д.), а изъ естественныхъ, національныхъ. Для Гердера каждая нація есть естественный членъ человѣчества, какъ цѣлаго.

Идея гуманности имѣетъ примѣненіе не только экстенсивное, но и интенсивное.

Я уже говорилъ (§ 50), что въ прошломъ вѣкѣ на основѣ идеи гуманности были провозглашены не только общія человѣческія права (выше была рѣчь и объ ихъ церковно-религіозномъ происхожденіи), но и изучалась и толковалась національная и народная психія. Рядомъ съ государствомъ и въ государствѣ на первый планъ все опредѣленнѣе выступаетъ нація. Въ государствахъ смѣшанныхъ національностей къ человѣческимъ правамъ причисляются и права языка. Во Франціи, конечно, не было основаній заботиться о правахъ языковъ, но совсѣмъ иное положеніе въ Австріи, въ Бельгіи, вообще въ странахъ, населенныхъ нѣсколькими народностями. Тутъ вопросъ о національности и объ языкѣ острѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Напр., англичанинъ даже не можетъ надлежащимъ образомъ вдуматься въ австрійскія отношенія.

Въ прежнихъ своихъ статьяхъ я доказывалъ, что возродители нашей, чешской національности Колларъ, Шафарикъ, Палацкій, Гавличекъ и Сметана старались обосновать національную идею на идеѣ гуманности [1]). Палацкій напр. выводитъ требованіе равноправія языковъ и національностей изъ лозунга французской революціи; свобода, равенство и братство. Палацкій также, какъ и Колларъ, является тутъ ученикомъ Гердера.

Съ точки зрѣнія государственнаго права права языковъ обыкновенно признаются естественными также, какъ и права человѣка; въ этомъ этическая и юридическая основа національной идеи. Національная идея теперь становится продуманнымъ общимъ культурнымъ принципомъ—націи, какъ естественныя единицы, какъ члены человѣчества, стремятся къ планомѣрному коллективному дѣйствію и мышленію.

Рядомъ съ націоналистическими направленіями мышленія суще-

ствуютъ и болѣе или менѣе космополитическія направленія. Типомъ такого различія можетъ служить развитіе мышленія въ Россіи, противорѣчіе между двумя лагерями славянофиловъ и западниковъ. Но именно тутъ, въ этомъ противорѣчіи, мы видимъ, что между двумя крайностями имѣются многочисленные переходы и что космополитизмъ и національнизмъ не абсолютно исключаютъ другъ друга (Бакунинъ и Герценъ). Какъ могучая личность не можетъ довлѣть себѣ самой, и живетъ не только своими собственными силами, а и тѣмъ еще, что она есть членъ общины и общества, такъ и нація есть членъ человѣчества и необходимо живетъ не только своей собственной жизнью, но до извѣстной степени и жизнью другихъ націй. Мы видимъ, что въ исторіи организація всего человѣчества, какъ цѣлаго, непрерывно прогрессируетъ («централизація земнаго шара» — Палацкаго) и какъ одновременно съ этимъ части человѣчества индивидуализируются, дифференцируются. Каждая личность есть центръ и вмѣстѣ съ тѣмъ периферія; происходитъ непрерывное организированіе личностей, массы и великаго цѣлаго.

Исторія указываетъ намъ на опыты созданія великихъ всемірныхъ государствъ, но онъ же указываетъ и на ихъ распаденіе; въ одномъ и томъ же государствѣ мы видимъ непрерывную борьбу между централизмомъ и автономіей. Въ религіи тоже явленіе — мировыя церкви борятся съ національными, даже съ прямо мѣстными; католицизмъ и протестантизмъ суть результаты и вмѣстѣ съ тѣмъ представители этихъ двухъ направленій. Тоже противорѣчіе мы видимъ въ сферѣ экономической и наконецъ въ искусствѣ, въ литературѣ, въ философіи и даже въ языкѣ [1]).

Марксъ, какъ уже сказано, отстаивалъ направленіе космополитическое. И однако, слѣдуетъ понять надлежащимъ образомъ его космополитизмъ — такъ какъ и космополитическая идея бываетъ различной по времени и по обстоятельствамъ. Въ Германіи либеральная партія и въ особенности гегеліанская лѣвая была космополитической. Но фактически этотъ космополитизмъ при тогдашней политической разрозненности былъ національнизмомъ, стремившимся къ единству Германіи (это въ особенности слѣдуетъ сказать объ Энгельсѣ). И вмѣстѣ съ этимъ этотъ космополитизмъ нѣмецкихъ либераловъ былъ орудіемъ противъ политическаго гнета. Обыкновенно въ этомъ именно смыслѣ высказывались Фейербахъ, Руге и др.[2]).

[1]) Вмѣсто все объемлющаго термина: международность—слѣдовало бы выражаться болѣе точно и говорить по содержанію дѣла о междугосударственности, между церковности, между хозяйственности и т. д.

[2]) Напр. слѣдующее заявленіе Руге въ 1844 г. (Письма Руге изд. Нерлиха 1886. ст. 361): „безъ ниспроверженія патріотизма невозможно пріобрѣсти Германію для свободы. При помощи патріотизма ее можно на уськать на всякую свободу, точно вѣрнаго пса".

Зомбартъ высказалъ мысль, что соціализмъ и національнизмъ всегда были противорѣчіемъ и, вѣроятно, всегда останутся таковымъ; они всегда будутъ представлять два противуположныхъ полюса, около которыхъ вращается исторія человѣчества. Зомбартъ выставляетъ такую формулу философіи исторіи только потому, что онъ самъ понимаетъ идею національности, какъ онъ самъ говоритъ, въ «самомъ широкомъ смыслѣ», и поэтому онъ забываетъ, что централизація и автономія, національизація и интернаціонализація суть просто двѣ стороны одного и того же процесса.

Интернаціонализмъ можетъ относиться къ національнизму двояко: или отрицательно, т. е. онъ можетъ отрицать національную идею и тогда на практикѣ онъ является по отношенію къ языкамъ абсолютизмомъ; или можетъ понимать національность положительно и признавать ее—и тогда онъ является по отношенію къ языкамъ и къ народностямъ федерализмомъ и автономіей. Само собой разумѣется, что въ обоихъ случаяхъ возможны различныя формулировки.

На самомъ дѣлѣ уже на основаніи программы, принимаемой и Каутскимъ и Пернерсторферомъ, между соціализмомъ и національнизмомъ не существуетъ абсолютнаго антагонизма. И однако всегда будутъ существовать нѣкоторыя натянутыя отношенія между интернаціонализмомъ и національнизмомъ—и въ этомъ смыслѣ Зомбартъ вполнѣ правъ—до тѣхъ поръ, пока національность будетъ пониматься абсолютно, до тѣхъ поръ, пока каждая нація будетъ считать себя избранной и единственной избранной.

Но это только переходная и преходящая фаза развитія. Теперь большинство людей не можетъ любить своего народа безъ отрицанія другихъ народностей; но уже и теперь наши стремленія болѣе высоки—мы хотимъ не только терпѣть другія народности, а и признавать ихъ, положительно и истинно любя только свой народъ.

Я уже неоднократно высказывалъ свое мнѣніе по этому поводу. Потому могу въ краткихъ словахъ высказать свой приговоръ о соціализмѣ и объ его отношеніи къ національной идеѣ.

Въ соціализмѣ и его международности я вижу естественное противорѣчіе и поправку къ національному эгоизму и шовинизму—и эта поправка тѣмъ болѣе необходима, что національная идея и національное чувство также злоупотребляются различными спекуляторами, и мелкими и крупными, какъ и религія, наука, журналистика,—какъ все, однимъ словомъ. Когда австрійскіе соціалисты критикуютъ австрійскую политику, англійскіе—англійскую и т. д., то въ этомъ я вижу только выгоду для общаго развитія.

Вліяніе соціализма въ этомъ отношеніи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе фантастично и утопично понимаетъ соціализмъ международность,

чѣмъ положительнѣе понимаетъ онъ народность [1]). По моему мнѣнію особыя услуги можетъ соціализмъ принести мелкимъ народностямъ—онъ, естественно, заботится именно о маленькихъ людяхъ.

Совершенно вѣрно, что раньше космополитизмъ соціализма былъ достаточно-таки безкровенъ—какъ это признаетъ и Адлеръ. Но и такой безкровный космополитизмъ имѣетъ свое значеніе и во всякомъ случаѣ онъ не хуже безкровнаго націонализма.

Марксъ и его послѣдователи не усмотрѣли въ національномъ движеніи новыхъ сверхъ и антигосударственныхъ соціальныхъ силъ; они не усмотрѣли въ немъ проявленія коллективнаго сознанія. Демократизмъ современнаго національнаго движенія и его народность гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ полагаетъ Марксъ. Это очевидно изъ согласія нѣкоторыхъ славянофильскихъ и соціалистическихъ теорій. На это я уже указывалъ, марксизмъ же—именно только марксизмъ, а не соціализмъ вообще—въ силу своего матеріализма и узкаго аморализма не могъ понять національной идеи. А вѣдь національная идея есть тоже идея и при томъ идея этическая.

119. Взглядъ Маркса на національный вопросъ всего яснѣе высказанъ по поводу двухъ острыхъ современныхъ вопросовъ, славянскаго и еврейскаго.

Очень характерна нелюбовь Маркса къ славянскимъ народамъ и особенно къ Россіи. Марксъ и Энгельсъ отождествляли славянскій вопросъ съ панславизмомъ; но изъ ихъ заявленій вполнѣ очевидно, что они раздѣляли антипатіи тогдашнихъ нѣмецкихъ либераловъ противъ чеховъ и вообще всѣхъ славянъ, за исключеніемъ поляковъ. Въ позднѣйшее время Энгельсъ и его младшіе единомышленники, а также и самъ Марксъ, высказывались уже въ болѣе умѣренномъ и

[1]) Укажу напр. на статью въ „Рабочей газетѣ“ 1895 г.: „Азіатская опасность“. Тамъ указывается на то, что скоро Японія и Китай будутъ конкурировать съ Европой и что поэтому европейскіе рабочіе потеряютъ работу. Въ интересѣ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всей бѣлой расы говорится о конкуренціи Японіи (поддерживаемой деньгами европейскихъ капиталистовъ), обращается также вниманіе и на китайскихъ рабочихъ, подавляющихъ промышленность бѣлыхъ рабочихъ благодаря своей умѣренности. Статья кончается воззваніемъ противъ капиталистовъ, эгоизмъ которыхъ угрожаетъ всей нашей культурѣ.

„Тутъ только культурная борьба рабочаго класса проявляется въ ея истинномъ значеніи. Очевидно, что только побѣда пролетаріата, отнятіе у эксплуататоровъ средствъ производства, употребленіе значительно развитыхъ производительныхъ силъ на пользу всего общества, а не на обогащеніе отдѣльныхъ личностей, можетъ спасти бѣлую расу и ея тысячелѣтнюю, богатую и могучую культуру. Болѣе чѣмъ, когда либо, рабочій классъ долженъ сознать свою задачу, свою отвѣтственность, а также и все свое вліяніе“.

Въ предыдущей главѣ (§§ 114) мы уже указали на требованіе соціалиста Atlanticus о сохраненіи рабства негровъ.

миролюбивомъ тонѣ. Но Россія и позже оставалась для германскихъ соціалистовъ общественнымъ и политическимъ пугаломъ.

Противъ Россіи Энгельсъ и Марксъ высказались очень рѣзко еще въ 1849 году въ «Новой Рейнской газетѣ» [1]).

Марксъ писалъ противъ славянъ и въ недавно изданныхъ его письмахъ: «Восточный вопросъ» (писано 1853—56 г.); тутъ онъ снова доказываетъ, что слабость Австріи заключается въ панславизмѣ славянскихъ народовъ. Въ рядѣ статей: Revelations of Diplomatic History of 18 Centhury (1857) министерство виговъ обвиняется въ томъ, что оно было подкуплено Россіей [2]).

[1]) Марксъ писалъ въ 1849 году о тогдашнемъ панславизмѣ слѣдующее (цитирую по статьѣ о Кошутѣ въ Neue Zeit 1894 г.): „прямая цѣль панславизма есть возстановленіе славянскаго государства отъ Рудныхъ горъ и Карпатовъ до Чернаго, Эгейскаго и Адріатическаго морей подъ главенствомъ Россіи—царство, которое охватывало бы кромѣ нѣмецкаго, итальянскаго, мадьярскаго, молдаванскаго, турецкаго, греческаго и албанскаго языковъ еще дюжину славянскихъ языковъ и нарѣчій. Всѣ эти элементы должны сдерживаться вмѣстѣ не тѣмъ, что до сихъ поръ объединяло и развивало Австрію, а абстрактными свойствами славянства и такъ называемымъ славянскимъ языкомъ, общимъ якобы большинству жителей. Но гдѣ же это славянство, кромѣ какъ въ головахъ нѣкоторыхъ идеологовъ? Гдѣ этотъ славянскій языкъ, кромѣ какъ въ фантазіи господъ Палацкаго, Гая и компаніи, да еще въ древнеславянскомъ языкѣ русской церкви, котораго не понимаетъ теперь ни одинъ славянинъ? Въ дѣйствительности всѣ эти народы стоятъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, отъ довольно высокой степени развитія современной промышленности (созданной нѣмцами) и образованія въ Богеміи и до варварства почти номадовъ кроатовъ и болгаръ—и потому всѣ эти народности въ дѣйствительности имѣютъ противуположные интересы. Въ дѣйствительности славянскій языкъ этихъ десяти или двѣнадцати націй представляетъ собою столько же различныхъ нарѣчій—причемъ одни націи не понимаютъ нарѣчія другихъ—которыя навряд ли даже можно свести къ различнымъ главнымъ племенамъ (чешскому, иллирическому, болгаро-сербскому); эти нарѣчія въ силу полнаго отсутствія литературы и вслѣдствіе грубости большинства этихъ народовъ превратились въ настоящія patois, и за немногими исключеніями надъ ними стоитъ въ качествѣ литературнаго языка какой нибудь чужой, неславянскій языкъ. Такимъ образомъ единство панславизма есть или чистая фантазія или“... и т. д.

[2]) Ср. отчетъ Герцена—(Сборникъ посмертныхъ статей). Энгельсъ также остался врагомъ Россіи („Иностранная политика Россіи“—Neue Zeit 1889).

Современные нѣмецкіе маркисты и теперь еще смотрятъ на дѣло также, какъ Марксъ и Энгельсъ.

Драгомановъ (въ Zeit 1898 г.) указываетъ на національный шовинизмъ Лассаля, Энгельсъ во время послѣдней русско-турецкой войны выступилъ противъ Россіи и за Турцію въ брошюрахъ: „Дебаты о восточномъ вопросѣ въ германскомъ рейхстагѣ“ и „Къ восточному вопросу или должна ли Европа сдѣлаться казацкой? Слово увѣщанія нѣмецкому народу“. Въ отвѣтъ на эту брошюру одинъ сербскій анонимный писатель издалъ въ Цюрихѣ въ 1887 году брошюру: „Къ восточному вопросу или

О Богеміи Марксъ писалъ ужъ и совсѣмъ некрасиво и мелочно [1]).

Относительно польскаго вопроса марксисты высказывались съ самаго начала совершенно иначе. О Польшѣ Марксъ всегда отзывался съ симпатіей; въ «Коммунистическомъ манифестѣ» высказана симпатія къ революціи, имѣвшей цѣлью освобожденіе Польши. Международное общество было основано при манифестаціи въ пользу независимости Польши. Польская соціалъ демократія непрерывно и систематически работаетъ для польской національной самостоятельности; соціалъ демократическая партія всей Европы интересуется польскимъ вопросомъ.

Въ 1896 году въ Лондонѣ происходилъ международный митингъ, на которомъ вожди соціалъ демократіи требовали самостоятельности Польши. И это тѣмъ любопытнѣе, что прежній общій интересъ къ Польшѣ значительно ослабѣлъ—прошло уже то время, когда вся Европа интересовалась польскимъ вопросомъ и нѣмецкіе поэты воспѣвали Польшу [2]).

должна ли соціалъ декократическая партія сдѣлаться турецкой? Слово увѣщанія германской Соціалъ-демократіи". Антипатія къ Россіи видна и въ заявленіяхъ англійскихъ соціалистовъ (напр. Бакса), которые въ послѣднее время высказались за Турцію не только противъ Россіи, но и противъ Греціи.

[1]) Въ письмахъ о 1848 году (Революція и контръ-революція въ Германіи) говорится, напр., слѣдующее: „боецъ чешской національности проф. Палацкій самъ только переодѣтый нѣмецъ, до настоящаго времени не умѣющій правильно и безъ иностраннаго акцента говорить на чешскомъ языкѣ. Но, какъ это часто бываетъ, умирающая чешская національность—умирающая по свидѣтельству всѣхъ извѣстныхъ фактовъ четырехъ послѣднихъ столѣтій,—въ 1848 году сдѣлана послѣднее усиліе, неудача котораго должна доказать, что Богемія можетъ существовать только, какъ составная часть Германіи, хотя бы обитателя ея и продолжали въ теченіи еще нѣсколькихъ вѣковъ говорить языкомъ не нѣмецкимъ". Каутскій въ Введеніи къ своему переводу этихъ письма признаетъ ошибку Маркса и говоритъ, что чешскій народъ обладаетъ всѣми свойствами культурнаго народа.

[2]) Въ Neue Zeit въ 1896 г. вели любопытное обсужденіе о тактикѣ въ пользу освобожденія Польши. Одни говорили противъ революціи, другіе за старую революціонную тактику. Отчетъ см. въ Nase Doba 1897 г.

Я уже говорилъ о преніяхъ по этому поводу на гамбургскомъ конгрессѣ.

Въ отчетѣ Pravo Lidu разсказывается, что Либкнехтъ говорилъ за предложеніе польскихъ делегатовъ, пробовавшихъ, чтобы въ округахъ съ преобладающимъ большинствомъ польскаго населенія кандидатами (въ рейхстагѣ) ставились только такія лица, которыя говорятъ какъ по польски, такъ и по нѣмецки: „это требованіе вполнѣ естественно. Мы должны бороться со всякой попыткой внести въ нашу партію враждебное отношеніе къ полякамъ. Такая враждебность съ средины этого столѣтія усердно распространялась всѣми реакціонными партіями въ угоду Россіи, въ которой изъ страха предъ соціализмомъ прусскіе юнкера и капиталистическіе классы видятъ свою единственную опору. Мы не

Мнѣніе соціалъ демократической партіи о Россіи тоже до значительной степени теперь измѣнилось [1]).

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ проглядываетъ революціонная точка зрѣнія Маркса. Марксъ не первый и не послѣдній изъ нѣмцевъ, судящихъ о Россіи подобнымъ образомъ. Не слѣдуетъ забывать и о томъ, что и у насъ, въ Богеміи, Палацкій и Гавличекъ въ 1848 году были врагами Россіи.

должны сердиться на поляковъ за то, что они хотятъ организоваться національстически. Мы, вѣдь, тоже не потерпѣли бы раздѣла Германіи. Самъ Марксъ передалъ нѣмецкимъ рабочимъ обязанность помогать полякамъ въ ихъ борьбѣ за возстановленіе Польши. Соціалъ демократія должна соблюдать одинаковую справедливость по отношенію ко всѣмъ народамъ".

По этому поводу органъ польскихъ эмигрантовъ-соціалистовъ въ Лондонѣ Przedswit опубликовалъ заявленія Маркса отъ 1866 года въ женевскомъ конгрессѣ международнаго общества. Цитирую его по Pravo Lidu (1897): a) почему европейскіе рабочіе ставятъ этотъ (польскій вопросъ)? Прежде всего потому, что буржуазные писатели и агитаторы согласились замалчивать его, хотя всѣ другія національности, и даже ирландская находятъ въ нихъ горячихъ защитниковъ. Какъ объяснить это единодушное молчаніе относительно Польши? Объяснить его можно только тѣмъ, что аристократія и буржуазія видитъ въ Россіи свой послѣдній оплотъ противъ вздымающейся волны пролетаріата. И ничѣмъ нельзя лучше и успѣшнѣе сдерживать эту великую державу, какъ возстановленіемъ Польши на демократической основѣ. b) При современномъ положеніи средней Европы и въ особенности Германіи намъ необходимо теперь демократическое правительство больше, чѣмъ когда либо. Если мы не возстановимъ Польшу, Германія превратится въ крѣпость Священнаго Союза. Если, наоборотъ, Польша будетъ возстановлена, Германіи не останется дѣлать ничего другого, какъ соединиться съ республиканской Франціей. Международное рабочее движеніе будетъ постоянно прерываться, затрудняться и сдерживаться до тѣхъ поръ, пока мы не разрѣшимъ этого великаго рабочаго вопроса. c) На нѣмецкихъ рабочихъ въ особенности падаетъ обязанность дать толчекъ къ разрѣшенію этого вопроса, такъ какъ Германія была одной изъ трехъ державъ, раздѣлившимъ Польшу. Общій совѣтъ международнаго общества—приводитъ далѣе газета слова Маркса—предлагаетъ поэтому конгрессу принять резолюцію о необходимости распространенія принципа національнаго самоопредѣленія и возстановленія независимой Польши. Это предложеніе наткнулось, однако, на сопротивленіе французскихъ делегатовъ. Ихъ пророческій взоръ уже въ то время провидѣлъ будущій русско-французскій союзъ. Но все таки большинство англійскихъ и нѣмецкихъ делегатовъ высказалось за предложеніе общаго совѣта и приняло предложенную Беккеромъ резолюцію".

Послѣднее соціалистическое обсужденіе польскаго вопроса—это статья Каутскаго (Neue Zeit 1895. Finis Poloniae I. Поляки, революція, панславизмъ. II. Независимость Польши).

[1]) Слонимскій указываетъ, что Марксъ въ первомъ изданіи „Капитала" весьма враждебно говоритъ о Россіи; во второмъ изданіи рѣзкія выраженія выпущены, какъ полагаетъ Слонимскій, изъ соображеній литературной политики.

По отношенію къ другимъ славянамъ Марксъ полонъ предубѣжденій потому, что они были противниками революціи. Въ качествѣ революціонера онъ стоитъ за поляковъ и за независимость Польши, восхваляетъ мадьяровъ [1]), желаетъ объединенія Италіи и враждебно относится къ Австріи, такъ какъ видитъ въ ней очагъ и опору абсолютизма.

Симпатія къ Франціи и къ французской республикѣ—это старая любовь Маркса.

Въ національной политикѣ Маркса я вижу прежде всего слѣдствіе его революціоннаго соціализма — онъ расцѣниваетъ народы по степени ихъ революціоннаго настроенія. При этомъ выходитъ то, что Марксъ не уяснилъ себѣ принципіальныхъ вопросовъ и недостаточно ріентировался въ конкретныхъ современныхъ вопросахъ—уже не говоря о томъ, что его сужденія излишне рѣзки [2]). Марксъ постоянно находится подъ вліяніемъ старыхъ предразсудковъ и, очевидно, иногда и подъ вліяніемъ личныхъ отношеній [3]).

Въ его сужденіяхъ виденъ также и нѣмецъ, прошедшій либеральную школу того времени. Въ немъ виденъ также и потомокъ евреевъ, которыхъ заставили креститься. Наконецъ въ немъ виденъ и гонимый, и потому ожесточенный, эмигрантъ — и только принявъ все это во вниманіе, мы можемъ понять его рѣзкія и, я осмѣливаюсь прямо заявить это, несправедливыя сужденія о его собственномъ народѣ и въ особенности о франко-нѣмецкой войнѣ. Во всякомъ случаѣ вѣрно и то, что предъ Марксомъ и Энгельсомъ стояло сильное шовинистское направленіе; если припомнить, какъ часто совершенно несправедливо поступали съ соціалистами, то мы поймемъ, что они не принимаютъ участія въ ежегодныхъ седанскихъ празднествахъ [4]).

---

[1]) См. Меринга—Исторія германской соціалъ демократіи ст. 371.

[2]) Адлеръ. (Основы критики Маркса ст. 252) упрекаетъ Маркса за цитированныя нами заявленія въ 1848 году относительно денаціонализированія славянъ въ грубости. Я не намѣренъ защищать Маркса примѣромъ Лагарда и Момзена, а укажу только на то, что и многіе славяне говорили тоже, что и Марксъ.

[3]) Тутъ я имѣю въ виду отношеніе Маркса къ Бакунину см. объ этомъ у Герцена.

[4]) Объ отношеніи Маркса и Энгельса къ франко-германскому вопросу см. „Гражданская война во Франціи“ 3 изд. Энгельса 1891 г.

19 іюня 1870 г. въ Берлинѣ было вручено объявленіе французами войны; 23 іюня общій совѣтъ международнаго общества (въ Лондонѣ) опубликовалъ прокламацію противъ войны. Послѣ битвы при Седанѣ и капитуляціи Наполеона была издана вторая прокламація (9 октября). Марксъ видѣлъ въ присоединеніи французскихъ провинцій къ Германіи усиленіе Россіи и основаніе для будущаго союза между ней и Франціей: „неужели германофилы дѣйствительно думаютъ, что свобода и миръ Германіи будутъ обезпечены, если они заставятъ Францію броситься въ объятія Россіи? Если счастье оружія, надменность успѣха, и династическія интриги приведутъ Германію къ ограбленію Франціи, то для нея останутся открытыми только двѣ дороги. Или она должна сдѣлаться, какъ это всегда бывало, орудіемъ усиленія Россіи или должна послѣ непродолжительнаго отдыха готовиться къ новой „оборонительной“ войнѣ, не къ одной изъ вновь испеченныхъ лакализированныхъ войнъ, а къ расовой борьбѣ противъ соединенныхъ расъ славянской и романской.

„Нѣмецкіе рабочіе энергически поддерживали войну, воспрепятствовать которой было не въ ихъ силахъ, какъ войну за независимость Германіи и за освобожденіе ея и всей Европы отъ тяжелаго гнета второй имперіи. Нѣмецкіе промышленные рабочіе совокупно съ земледѣльческими рабочими дали геройскому войску свои мускулы, свои груди, оставляя дома свои полуголодныя семьи. Децимируемые битвами заграницей, они были децимированы и дома нищетой. Теперь съ своей стороны они требуютъ гарантій, что ихъ громадныя жертвы принесены ими не даромъ, что они дѣйствительно завоевали свободу, что побѣда, одержанная ими надъ бонапартійскими арміями, не превратится въ пораженіе германскаго народа, какъ было въ 1815 году. И какъ первой изъ такихъ гарантій они требуютъ почетнаго мира для Франціи и признанія французской республики“.

Въ манифестѣ германскаго соціалъ демократическаго комитета 5 октября 1870 года Марксъ слѣдующимъ образомъ означаетъ свои мнѣнія о тогдашнемъ положеніи дѣлъ:

„Военная камарилья, профессора, буржуазія и кабацкіе политики увѣряютъ насъ, что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи есть средство навсегда защитить Германію отъ войны съ Франціей. Наоборотъ, это самое лучшее средство для того, чтобы сдѣлать такую войну постояннымъ европейскимъ учрежденіемъ. И дѣйствительно, это самое вѣрное средство для увѣковѣченія военнаго деспотизма въ возрожденной Германіи, какъ необходимости для удержанія Эльзаса и Лотарингіи. Это самое непогрѣшимое средство для того, чтобы превратить миръ въ простое вооруженное перемиріе, до тѣхъ поръ, пока Франція не оправится настолько, чтобы потребовать возвращенія утраченныхъ ею провинцій. Это непогрѣшимое средство для того, чтобы разорить и Францію и Германію посредствомъ взаимнаго растерзанія“.

„Плуты и дураки, открывшіе такую гарантію вѣчнаго мира, должны бы знать изъ прусской исторіи, изъ исторіи Тильзитскаго мира, что подобныя насильственныя мѣры для укрощенія жизнеспособнаго народа приводятъ къ прямой противуположности поставленной цѣли. Да развѣ и можно сравнивать Францію, даже послѣ утраты ею Эльзаса и Лотарингіи, съ Пруссіей послѣ Тильзитскаго мира?“.

Собственно говоря, и Марксъ и Энгельсъ признали результаты франко-нѣмецкой войны и послѣдній сдѣлалъ изъ нихъ и дальнѣйшіе выводы (§ 143).

120. Совершенно естественно, что еврейскій вопросъ былъ для Маркса вполнѣ соціальной проблемой.

Въ нѣмецкой литературѣ и журналистикѣ объ этомъ вопросѣ писали уже въ прошломъ вѣкѣ.

Вѣкъ философіи, гуманности и просвѣщенія, вѣкъ правъ человѣка не могъ оставить безъ обсужденія этого вопроса. Не даромъ въ Германіи Лессингъ писалъ своего «Натана». Въ духѣ этого идеаль-

наго еврея Мендельсонъ, самъ еврей и ученикъ Лессинга, начинаетъ работать для эмансипаціи евреевъ и... христіанъ; онъ, какъ говоритъ Шереръ, не мало способствовалъ тому, что нѣмецкіе евреи стали нѣмцами. Въ особенности въ Берлинѣ евреи благодаря своему богатству получаютъ вліяніе, гораздо большее, чѣмъ это согласуется съ буквой прусскаго законодательства — театръ, литературные салоны и журналистика вступаютъ въ компромиссъ съ еврейской буржуазіей. Во времена Маркса Гейне былъ наиболѣе виднымъ изъ представителей такого еврейско-христіанскаго синкретизма.

Еврейскій вопросъ ставится и доходитъ до общественнаго сознанія не только философіей и литературой, но еще болѣе политическимъ и въ особенности экономическимъ развитіемъ.

„Если французскій шовинизмъ до той поры, пока существуютъ старыя государственныя отношенія, имѣлъ нѣкоторое оправданіе въ томъ фактѣ, что въ 1815 году Парижъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Франція послѣ немногихъ проигранныхъ сраженій были принесены въ жертву—какую же пищу получитъ этотъ шовинизмъ, разъ граница будетъ къ востоку отъ Вогезовъ и къ сѣверу отъ Меца?

Что лотарингцы и эльзасцы желаютъ вкусить благъ нѣмецкаго управленія, этого не посмѣетъ утверждать даже тевтоманъ. Тогда провозглашается принципъ пангерматизма и обезпеченныхъ границъ, и онъ приведетъ съ востока къ прекраснымъ результатамъ для Германіи и для всей Европы.

Кто не оглушенъ совершенно криками минуты и кто не имѣетъ интереса оглушать нѣмецкій народъ, тотъ пойметъ, что война 1870 года необходимо несетъ въ своихъ нѣдрахъ войну Германіи съ Россіей также, какъ война 1866 года несла въ своихъ нѣдрахъ войну 1870 года...

Вполнѣ отъ побѣдителей нѣмцевъ зависитъ теперь, будетъ ли эта война полезной или вредной. Если они возьмутъ Эльзасъ Лотарингію, то Франція будетъ воевать съ Германіей вмѣстѣ съ Россіей. Излишне указывать на вредныя послѣдствія.

Если же они заключатъ съ Франціей почетный миръ, то эта война освободитъ Европу отъ диктатуры Россіи, заставитъ Пруссію распуститься въ Германіи, обезпечитъ западному континенту мирное развитіе и наконецъ принесетъ пользу самому русскому народу.

И однако, я боюсь, что плуты и дураки съиграютъ свою безумную игру безпрепятственно, если только рабочій классъ Германіи en masse не скажетъ своего слова.

Настоящая война открываетъ новую эпоху всемірной исторіи потому, что Германія доказала, что она и безъ нѣмецкой Австріи способна идти своей дорогой, независимо отъ иностранцевъ. Что она свое единство сначала нашла въ прусской казармѣ—это наказаніе, которое она вполнѣ заслужила. Мелочи, вродѣ, напримѣръ, столкновенія между сѣверо-германскими національ-либералами и сѣверо-германской народной партіей не будутъ болѣе безполезно загораживать ей дорогу. Отношенія разовьются въ крупныхъ размѣрахъ и упростятся. Если при этомъ рабочій классъ Германіи не будетъ играть приличествующей ему роли, это уже будетъ его вина. Эта война перемѣстила центръ тяжести рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію. Такимъ образомъ на германскій рабочій классъ возлагается большая отвѣтственность“ (Neue Zeit 1894).

Въ то же время (средина сороковыхъ годовъ), когда у насъ въ Богеміи Небескій (подъ нѣмецкимъ вліяніемъ) ставитъ на очередь еврейскій вопросъ, онъ обсуждался и въ Германіи гегеліанцами, и обсуждался онъ живо. Штирнеръ писалъ о евреяхъ, объ ихъ эмансипаціи въ особенности писалъ Бруно Бауеръ, а о самомъ Бауерѣ писалъ и Марксъ [1]).

Статья Маркса составляетъ важный вкладъ въ этотъ вопросъ; она кромѣ того чрезвычайно хорошо уясняетъ политическія и религіозныя идеи Маркса, и потому мы сдѣлаемъ изъ нея довольно подробныя извлеченія.

По мнѣнію Маркса Бауеръ дѣлаетъ ту основную ошибку, что видитъ въ еврейскомъ вопросѣ вопросъ религіозный и національный, тогда какъ въ дѣйствительности это вопросъ экономическій. А именно Бауеръ требуетъ отъ евреевъ, чтобы они также, какъ и христіане, эмансипировались отъ религіи, и тогда евреи и христіане сойдутся, какъ люди и притомъ сойдутся въ сферѣ научной—наука объединитъ ихъ. Въ политическомъ отношеніи Бауеръ также, какъ Мендельсонъ, требуетъ полнаго отдѣленія государства отъ церкви, требуетъ, чтобы государство было вполнѣ нерелигіознымъ и свободнымъ и демократическимъ.

Само собой понятно, что для Маркса этого недостаточно. Намъ извѣстно уже, какъ думаетъ Марксъ о такъ называемомъ безрелигіозномъ или нерелигіозномъ государствѣ—главную ошибку Бауера онъ видитъ въ томъ, что тотъ борется съ христіанскимъ государствомъ, тогда какъ онъ долженъ бы былъ бороться съ государствомъ вообще. По мнѣнію Маркса свободное государство есть органъ буржуазіи и этимъ опредѣляется отношеніе его къ религіи: «это отношеніе къ религіи людей, составляющихъ государство». Это значитъ вотъ что: государство признаетъ себя свободнымъ отъ религіи, но эта свобода не настоящая, такъ какъ люди не отказались отъ религіи. Точно также современное государство отказывается и отъ частной собственности, уничтожая избирательный цензъ—но это только политическое, а не дѣйствительное уничтоженіе частной собственности; фактически она продолжаетъ существовать.

Религіозный человѣкъ находится въ такомъ же противорѣчіи съ человѣкомъ политическимъ (государственнымъ гражданиномъ), въ какомъ находится къ нему купецъ, поденщикъ или крупный землевладѣлецъ. Политическая эмансипація имѣетъ то значеніе, что она представляетъ послѣднюю фазу человѣческой эмансипаціи въ преж-

---

[1]) Въ статьѣ: „Къ еврейскому вопросу въ Deutsche—Franz. Jahrbüch. (1844) и потомъ въ „Святомъ семействѣ“ (1845). Въ „Новой рейнской газетѣ“ (1848—49) онъ писалъ въ томъ же направленіи (Марксъ критикуетъ сочиненія Бауера: Еврейскій вопросъ 1843 г. и способны ли теперешніе евреи и христіане сдѣлаться свободными?—Тоже 1843 г.

немъ міровомъ строѣ—но это не дѣйствительная, не фактическая эмансипація. Политическая эмансипація человѣка отъ религіи обозначаетъ только то, что религія изъ общественнаго права переносится въ частное. Именно поэтому совершенное христіанское государство есть государство атеистическое и демократическое, а совсѣмъ не прежнее такъ называемое христіанское государство.

Потому—продолжаетъ Марксъ возражать Бауеру—политическая эмансипація не сдѣлаетъ еврея человѣкомъ; наоборотъ, именно благодаря политической свободѣ онъ и можетъ остаться евреемъ; свободное государство уничтожаетъ привиллегіи только одной религіи, не уничтожая самой религіи [1]).

По мнѣнію Бауера, эмансипація евреевъ труднѣе, чѣмъ освобожденіе христіанъ [2]). Христіанину приходится пройти только одну ступень развитія, чтобы отказаться отъ религіи—еврею же нужно отдѣлаться не только отъ своего характера, но и отъ христіанства, которое есть завершеніе юдаизма, и это завершеніе, это развитіе чуждо еврею. Для того, чтобы освободиться, еврей долженъ обратиться не къ христіанству, а къ уничтоженному христіанству, къ уничтоженной религіи вообще, т. е. къ просвѣщенію, къ критикѣ и къ ея слѣдствію, къ свободной человѣчности.

Марксъ отвергаетъ такую аргументацію Бауера, какъ узко теологическую; тайну еврейства слѣдуетъ искать не въ его религіи, а наоборотъ, тайну еврейской религіи надо искать въ дѣйствительныхъ, фактически существующихъ евреяхъ.

«Какова свѣтская основа еврейства? Практическая потребность—эгоизмъ».

«Каковъ свѣтскій культъ еврея? Спекуляція. Каковъ его свѣтскій богъ?—деньги.

«Стало быть, освобожденіе отъ спекуляціи и отъ денегъ, т. е. отъ практическаго, реальнаго еврейства, было бы самоосвобожденіемъ нашего времени».

Марксъ требуетъ такой общественной организаціи, при которой не было бы предпосылокъ и возможности для спекуляціи—и тогда

[1]) Марксъ утверждаетъ противъ Бауера, что еврей можетъ также, какъ и христіанинъ, пріобрѣсти такъ называемыя человѣческія права. Бауеръ отрицаетъ это, но онъ отрицаетъ это также и по отношенію къ христіанамъ; человѣкъ долженъ отказаться отъ религіи, если онъ хочетъ быть участникомъ въ общихъ человѣческихъ правахъ. Марксъ доказываетъ, что еврей также, какъ и христіанинъ, можетъ сначала получить гражданскія права; но онъ можетъ также добиться и человѣческихъ правъ. Эти права признаютъ свободу совѣсти и права культа, стало быть, привиллегію вѣры—или какъ одно изъ правъ человѣка или какъ слѣдствіе свободы, одного изъ правъ человѣка.

[2]) Что Бауеръ говоритъ въ такомъ тонѣ объ освобожденіи христіанъ—это объясняется тогдашнимъ (въ 1843 году) абсолютизмомъ.

еврей становится невозможнымъ. Его религіозное сознаніе разлетѣлось бы тогда въ дѣйствительной чистой общественной атмосферѣ, какъ разлетается туманъ. Еврей есть настолько же слѣдствіи прежняго общества, какъ и христіанинъ; поэтому когда онъ увидитъ всю тщету своей практичности, когда онъ будетъ работать надъ устраненіемъ себя самого, онъ будетъ вырабатываться изъ своего прежняго развитія къ человѣческой эмансипаціи и будетъ бороться противъ высшаго практическаго выраженія человѣческаго самоотчужденія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Маркса, еврейство составляетъ антисоціальный элементъ, появившійся вслѣдствіе предыдущаго развитія, во всякомъ случаѣ не безъ содѣйствія самихъ евреевъ: «эмансипація евреевъ въ ея окончательномъ значеніи есть эмансипація человѣчества отъ еврейства».

А пока еврей уже освободился по своему, по еврейски—онъ только терпимъ и однако онъ своими деньгами опредѣляетъ судьбу всѣхъ государствъ. Еврей освобождается также и тѣмъ, что чрезъ него (хотя также и безъ него) деньги стали міровой силой и практическій еврейскій духъ сталъ практическимъ духомъ христіанскихъ народовъ. «Евреи эмансипировались постольку, поскольку христіане стали евреями».

Отношеніе еврея къ государству неистинное, лживое—государство не признаетъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ его власти. Но таково, по мнѣнію Маркса, и вообще отношеніе государства къ деньгамъ. Въ идеѣ политика стоитъ выше денегъ, а въ дѣйствительности она стала ихъ рабыней.

Еврейство сохраняется рядомъ съ христіанствомъ не только какъ его религіозная критика, а еще болѣе потому, что практически-еврейскій духъ, еврейство, поддерживается христіанскимъ обществомъ, даже достигаетъ въ немъ своего наивысшаго развитія. Еврей есть только спеціальное проявленіе еврейства всего буржуазнаго общества. «Буржуазное общество постоянно производитъ евреевъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ».

«Каково само по себѣ основаніе еврейской религіи? Практическая потребность—эгоизмъ».

«Потому монотеизмъ евреевъ въ дѣйствительности есть политеизмъ многихъ потребностей, политеизмъ, дѣлающій даже отступничество объектомъ божественнаго закона. Но практическая потребность, эгоизмъ есть принципъ буржуазнаго общества и проявляется въ чистомъ своемъ видѣ, какъ принципъ, когда буржуазное общество вполнѣ развиваетъ изъ себя политическое государство. Богъ же практической потребности и эгоизма—это деньги».

«Деньги есть ревнивый богъ Израиля, предъ которымъ не можетъ устоять ни какое иное божество. Деньги принижаютъ всѣхъ боговъ человѣка, превращая ихъ въ товаръ. Деньги есть всеобщая, само-

создающаяся цѣнность всѣхъ вещей. Потому они лишили весь міръ, какъ міръ человѣка, такъ и природу, ихъ первоначальной цѣнности. Деньги—это отчужденная отъ человѣка сущность его труда и его существованія и эта отчужденная сущность господствуетъ надъ человѣкомъ и онъ покланяется ей и обожаетъ ее».

У еврея нѣтъ національности: его національность—это національность купца, денежнаго человѣка вообще. Безпочвенный законъ евреевъ, и въ особенности ихъ талмудъ, есть ничто иное, какъ религіозная каррикатура безпочвенной нравственности и права, чисто формальная обрядность, которой облекаетъ себя міръ эгоизма. Еврейскій талмудизмъ есть іезуитизмъ всеобщаго эгоизма; ловко обойти законъ—таково важнѣйшее искусство этого міра.

Еврейство, какъ религія, не можетъ развиваться болѣе, такъ какъ міросозерцаніе практической потребности находитъ свое завершеніе не въ теоріи, а только въ практикѣ, именно потому, что его мудрость—это практика. Еврейство не можетъ создать новаго міра; разумъ эгоизма пассивенъ, не развивается самъ по себѣ; онъ расширяется только съ развитіемъ соціальныхъ отношеній.

Еврейство достигло своего наивысшаго развитія съ завершеніемъ буржуазнаго общества, и такое завершеніе произошло только въ христіанскомъ мірѣ. «Только при господствѣ христіанства, дѣлающаго всѣ національныя, естественныя, нравственныя и теоретическія отношенія человѣка внѣшними, буржуазное общество могло вполнѣ отдѣлиться отъ государственной жизни, разорвать всѣ узы человѣчества, поставить на мѣсто этихъ узъ, этихъ родовыхъ связей эгоизмъ, эгоистическія потребности, разбить міръ человѣчества на атомы, на враждебно стоящія другъ противъ друга личности».

Христіанство произошло отъ юдаизма, и снова распустилось въ юдаизмѣ. Христіанинъ съ самаго начала былъ теоретикъ—еврей; потому еврей есть практическій христіанинъ. «и практическій христіанинъ снова сдѣлался евреемъ».

Христіанство только повидимости преодолѣло реальное еврейство. Оно было слишкомъ знатнымъ, слишкомъ спиритуалистическимъ, чтобы устранить грубость практическихъ потребностей какъ нибудь иначе, какъ не полетами къ небу».

Христіанство есть возвышенная мысль еврейства, а еврейство есть низменное утилитарное примѣненіе христіанства». Но такое утилитарное примѣненіе можетъ сдѣлаться всеобщимъ только тогда, когда христіанство, какъ вполнѣ развитая религія, завершило теоретически самоотчужденіе человѣка отъ него самого и отъ природы. Только теперь еврейство достигло общаго господства, сдѣлавъ продажными и отчужденнаго человѣка и отчужденную природу. «Отчужденіе отъ себя на практикѣ есть торговое отчужденіе».

Человѣкъ до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ узахъ религіи,

можетъ осуществить свою собственную сущность только въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ ее чуждой, фантастической сущностью (антропоморфизмъ); потому при господствѣ эгоизма онъ можетъ быть только практическимъ, т. е. онъ можетъ производить только практическіе предметы и эти свои продукты и всю свою дѣятельность онъ ставитъ подъ власть чуждой сущности, давая имъ (т. е. своимъ продуктамъ и своей дѣятельности) значеніе чуждой сущности—денегъ.

Христіанскій эгоизмъ благочестія, жаждущій вѣчной награды, въ законченной своей практикѣ превращается въ еврейскій физическій эгоизмъ, небесная потребность превращается въ земную, субъективизмъ становится эгоизмомъ. Упорство и выносливость еврея объясняются не его религіей, а человѣческой основой его религіи — эгоизмомъ.

И такъ какъ реальная сущность еврея осуществилась въ буржуазномъ обществѣ, то это общество и не можетъ убѣдить его въ недѣйствительности его религіозности—его религія есть идеальное отраженіе практической потребности.

«Когда обществу удастся уничтожить эмпирическую сущность еврейства, спекуляцію и ея предпосылки, еврей станетъ невозможнымъ, такъ какъ субъективная основа еврейства, практическая потребность, очеловѣчится, такъ какъ устранится конфликтъ индивидуально-чувственнаго существованія человѣка съ его родовымъ существованіемъ».

«Общественная эмансипація еврея есть освобожденіе общества отъ еврейства».

Эта статья Маркса интересна и въ стилистическомъ отношеніи—въ ней мы знакомимся съ Марксомъ въ его молодости и съ его любовью къ сильнымъ антитезамъ. Его мысли о еврейскомъ вопросѣ представляютъ по большей части простое обостреніе идеи Фейербаха объ эгоистическомъ монотеизмѣ евреевъ. (Бауеръ тоже даетъ характеристику евреевъ по Фейербаху).

Объясненія Маркса блестящи, но неубѣдительны. Собственно говоря, они гораздо болѣе ловки, чѣмъ приличествуетъ при истинно-серьезномъ разборѣ важнаго вопроса.

Видѣть въ еврействѣ завершеніе христіанства ужъ совсѣмъ не подобаетъ; доказывать, что христіанство снова превращается въ еврейство—это значитъ ужъ черезъ чуръ смѣло пользоваться остріемъ гегелевскаго отрицанія отрицанія. Развѣ евреевъ не было до христіанства? Что христіане породили своихъ собственныхъ евреевъ—это справедливо только до извѣстной степени.

Марксъ не хочетъ видѣть въ еврейскомъ вопросѣ національной, расовой стороны—и однако она имѣется; евреи особый народъ, хотя и забыли свой родной языкъ. Языкъ не есть единственный и важнѣйшій признакъ національности.

Марксъ вообще невѣрно разсматриваетъ религіозный вопросъ и потому онъ и не можетъ понять этой стороны еврейскаго вопроса. А еврейскій вопросъ фактически есть и религіозный, хотя и въ различной степени въ разныхъ странахъ. Галиційскіе и русскіе ортодоксальные евреи ужъ, конечно, не Спинозы и не Мендельсоны

Въ идеѣ Бауера, что еврей представитель низшей ступени развитія, есть кое что вѣрное и потому стоитъ подумать о томъ, какимъ образомъ еврей (тутъ относительно различныхъ странъ могутъ быть значительныя различія), не проходя стадіи христіанства, можетъ перейти вмѣстѣ съ христіаниномъ въ высшую стадію—хотя и не антихристіанскую, какъ полагаетъ Бауеръ. Противъ послѣдняго можно возразить, что значительная часть евреевъ уже и безъ того участвовали въ общемъ развитіи—но, конечно, этого нельзя сказать о всѣхъ евреяхъ.

Марксу тутъ опять-таки помѣшалъ его матеріализмъ. Въ своемъ одностороннемъ матеріализмѣ онъ свелъ всю сущность еврейства и христіанства къ эгоизму. Можно, конечно, сдѣлать изъ еврея въ нѣкоторомъ родѣ органъ всеобщей хищности, нѣкотораго рода громоотводъ всяческихъ хищеній—но въ этомъ будетъ только доля правды.

Марксъ недостаточно полно анализируетъ свойства евреевъ, онъ неотличаетъ хорошихъ сторонъ ихъ характера отъ дурныхъ. Точно также, впрочемъ, онъ не анализируетъ хорошихъ и дурныхъ качествъ и христіанъ (различныхъ націй). Потому его сужденіе объ евреяхъ не особенно отличается отъ осужденія ихъ Штирнеромъ. И однако еврейскій народъ характеризуется не одной только спекуляціей и спекулянтами, а также и Іереміей, Спинозой, и даже самимъ Христомъ. Во всякомъ случаѣ Марксъ не могъ воспользоваться для своего историческаго матеріализма сильнымъ мессіанизмомъ евреевъ—а вѣдь отчасти именно мессіанизмъ объясняетъ поведеніе евреевъ... да и самого Маркса.

Марксъ не понималъ также и исторической и культурной стороны еврейскаго вопроса. Воспріятіе юдаизма христіанствомъ, и главнымъ образомъ воспріятіе Ветхаго Завѣта, было, безъ сомнѣнія, фактомъ громадной важности. Марксъ правъ, утверждая, что христіане объевреились (только въ извѣстной степени!); но это было не во вредъ имъ, а также и на пользу; именно реформація была въ значительной степени воспріятіемъ Ветхаго Завѣта и юдаизма—и повторяю, это принесло пользу современнымъ народамъ. Потому совсѣмъ не случайность, что еврейскій вопросъ въ странахъ католическихъ представляется болѣе острымъ, чѣмъ въ странахъ протестантскихъ.

Я, разумѣется, не утверждаю, что возможно воспріять весь юдаизмъ. Тутъ примѣнимо то, что примѣнимо къ ихъ рецепціи римскаго

права и вообще классической культуры; слѣдуетъ принять пригодную и добрую часть и разработать свое собственное вмѣстѣ съ воспринятымъ въ живомъ и творческомъ синтезѣ. Дѣло именно въ этомъ—а отъ этого мы пока еще очень далеки.

Разумѣется, этой работой евреи должны заняться также, какъ и христіане.

И такого рѣшенія не даетъ намъ ни современный, столь распространенный теперь антисемитизмъ, ни антисемитизмъ Маркса. Формулы Маркса тутъ абсолютно непримѣнимы, потому что въ сущности онъ просто обходитъ самый вопросъ. Формула Маркса теперь не удовлетворяетъ и самихъ марксистовъ; такъ, напр., недавно Бернштейнъ упрекалъ англичанина Бакса въ антисемитизмѣ.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ возраженій Бауеру Марксъ говоритъ, что когда еврей увидитъ тщету своей практичности и постарается преодолѣть ее, тогда онъ будетъ работать ради общаго человѣческаго освобожденія.

И вотъ часть такой реформаторской работы я вижу въ сіонизмѣ. Я тутъ не имѣю въ виду переселеніе евреевъ въ Палестину — они спокойно могутъ остаться тамъ, гдѣ пребываютъ теперь; но они должны понять, что ихъ нравственный характеръ и все ихъ міросозерцаніе нуждаются въ реформѣ. Ссылаться на христіанъ имъ не приходится — въ большинствѣ случаевъ это только пустая увертка. Современнымъ евреямъ недостаетъ самокритики ихъ пророковъ; они пребываютъ въ плѣну у того самаго оригинальнаго объективизма, который въ качествѣ національнаго наслѣдія получилъ и Марксъ. Изъ страха предъ большинствомъ евреи не рѣшаются заглянуть въ свою совѣсть; вѣрно, что виновны въ этомъ и христіане—но тутъ они только соучастники въ этой винѣ. Евреи теперь черезъ чуръ самодовольны — это ихъ величайшій порокъ Но во всякомъ случаѣ тоже можно сказать и объ антисемитизмѣ.

Совершенно понятно, что многіе евреи примыкаютъ къ соціализму — его революціонный характеръ, и политически и соціально, пригоденъ для людей угнетенныхъ. Въ Германіи уже Гейне восхвалялъ революціонное настроеніе пролетаріата, Лассаль, а послѣ него Марксъ сдѣлались вождями германскаго, да почти и всего европейскаго соціализма. Гейне видѣлъ въ Лассалѣ нѣкоего Мессію—и навѣрное, и самъ онъ также, какъ и Марксъ, былъ настроенъ мессіанистически; но мессіанизмъ Маркса страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, который онъ самъ приписываетъ всѣмъ евреямъ—марксизмъ черезъ чуръ практиченъ, черезъ чуръ объективенъ, и черезъ чуръ матеріалистиченъ.

IX.

Религіозный вопросъ.

121. «Для Германіи критика религіи по существу закончена, а критика религіи есть предпосылка всякой критики». Такими словами Марксъ начинаетъ свою критику философіи права Гегеля и такъ онъ высказываетъ свое мнѣніе, что религіозный вопросъ дѣло покончeнное. Тоже самое говоритъ и Энгельсъ въ его разборѣ Карлейля.

Для Маркса и Энгельса религія есть высшая, т. е. наиболѣе далекая отъ матеріальной экономической основы идеологія. Религія для нихъ есть ничто иное, какъ антропоморфизмъ—критика религіи Фейербаха представляется имъ довершеніемъ и устраненіемъ всякой религіи. Во всякомъ случаѣ они, какъ мы видѣли уже, полагаютъ, что слѣдуетъ продумать гуманизмъ Фейербаха послѣдовательно до конца, чего самъ Фейербахъ не сдѣлалъ. Въ особенности слѣдуетъ понять, что у религіи осталось еще одно убѣжище — экономика: а именно, по мнѣнію Маркса, современный человѣкъ есть фетишистъ, и фетишъ его—это товаръ и деньги. Религіозный фетишизмъ обожествлялъ продукты головы, а экономическій фетишизмъ обожествляетъ продукты собственныхъ рукъ—товаръ.

Этотъ фетишизмъ будетъ окончательно ниспровергнутъ только критикой этого фетиша — товара, т. е. «Капиталомъ» Маркса. Потому что «религіозное отношеніе дѣйствительнаго міра можетъ вообще исчезнуть только тогда, когда отношенія практической обыденной жизни людей будутъ представлять разумныя отношенія ихъ другъ къ другу и къ природѣ».

Я уже указывалъ, что Фейербахъ возродилъ деизмъ XVIII столѣтія, именно въ той формѣ, какую онъ имѣлъ у Юма. Авторитетъ позитивизма Фейербаха и Конта поддержали Маркса и Энгельса въ этомъ ложномъ и одностороннемъ воззрѣніи, къ этому присоединилось и вліяніе антирелигіозной философіи Штирнера, Бауера и Штраусса, а также и философіи Шопенгауера и вообще вліяніе тогдашняго нѣмецкаго либерализма.

Основой во всякомъ случаѣ былъ ультра-раціонализмъ Гегеля. Потому для Маркса религія была только теоріей и при томъ дѣтскимъ, устраненнымъ наукой міровоззрѣніемъ прошлаго, теологіей и антропоморфическимъ суевѣріемъ.

Раціонализмъ Гегеля былъ здоровой реакціей противъ романтической сантиментальности, видѣвшей религію только въ чувствѣ; но какъ всякая реакція, онъ былъ преувеличеніемъ. Гегель старался еще найти какой нибудь компромиссъ съ религіей также, какъ и Фейербахъ, но Марксъ окончательно разорвалъ съ ней также, какъ и со всякой идеологіей. Его критика не пощадила даже этическаго элемента религіи — мораль тоже идеологія; и потому у Маркса остается только положительная наука, и прежде всего естествознаніе и политическая экономія.

122. Энгельсъ пытается и тутъ объединить воззрѣнія Маркса и свои собственныя въ одно цѣлое; во всякомъ случаѣ намъ нечего удивляться тому, что онъ, собственно говоря, излагаетъ только исторію религіи, а не ея философію—въ этомъ отношеніи его некритическій историзмъ остается вполнѣ послѣдовательнымъ.

Религія — говорится въ сочиненіи о Фейербахѣ — какъ высшая форма идеологіи, произошла въ древнія времена изъ невѣрныхъ, первобытныхъ—антропоморфическихъ представленій человѣка относительно его собственной и окружающей его природы. Религіозная идеологія, какъ и всякая иная, есть «занятіе мыслями, какъ самостоятельными, независимо развивающимися, подчиненными только ихъ собственнымъ законамъ сущностями».

Первоначальныя религіозныя представленія обыкновенно бываютъ общими для родственныхъ группъ — и въ особенности это примѣнимо къ арійцамъ. Когда эти группы дѣлятся, у каждаго изъ народовъ религіозныя представленія развиваются самостоятельно соотвѣтственно съ условіями ихъ жизни; боги становятся національными и погибаютъ вмѣстѣ съ этими народами.

Римское государство уничтожило старыя національности. Потому погибли и старые боги, а также и римскіе, потому что они были созданы и приспособлены (zugeschnitten) къ узкому пространству города Рима. Но чувствовалась потребность дополнить міровое государство міровой религіей, какъ это видно изъ попытокъ признать рядомъ съ туземными богами всѣхъ, заслуживающихъ вниманія чужихъ. Но новая мировая религія не можетъ быть декретирована императорами. Новая міровая была «уже создана въ тиши»; христіанство было смѣсью обобщенныхъ восточныхъ теологій, главнымъ образомъ бу-

дійской, и популяризированной греческой философіи, главнымъ образомъ стоической.

Только теперь приходится съ большими трудностями опредѣлять, чѣмъ было первоначальное христіанство; извѣстная намъ оффиціальная форма есть только государственная религія, провозглашенная только спустя 250 лѣтъ, когда фактически было доказано, что она соотвѣтствуетъ потребностямъ времени.

Въ средніе вѣка христіанство также приспособлялось къ феодализму; католицизмъ есть іерархическій феодализмъ. Средневѣковая теологія присоединила къ себѣ всѣ формы идеологіи: философію, политику, юриспруденцію и этимъ вынудила всякое общественное и политическое движеніе принимать теологическую или религіозную форму. «Исключительно питаемые религіей умы толпы должны были облекать свои собственные интересы въ религіозную одежду для того, чтобы произвести великое ниспроверженіе.»

Протестанская ересь вышла, какъ противорѣчіе феодальному католицизму, изъ среды буржуазіи—сначала на югѣ Франціи у альбигойцевъ въ эпоху наибольшаго процвѣтанія тогдашнихъ городовъ. Буржуазія съ самого начала создала нѣкоторый «привѣсокъ», состоящій изъ неимущихъ городскихъ плебеевъ, не принадлежавшихъ не къ какому сословію, изъ поденщиковъ и другихъ слугъ, предвѣстниковъ и предшественниковъ современнаго пролетаріата; потому и ересь распадалась на умѣренную, буржуазную и на революціонную, плебейскую, бывшую въ немилости и у буржуазныхъ еретиковъ.

Протестантская ересь ни могла быть подавлена, такъ какъ буржуазія побѣдила. Мѣстная борьба буржуазіи съ феодальнымъ дворянствомъ сдѣлалась борьбой всей націи, ересь превращается въ великое дѣло, въ такъ называемую реформацію. Но буржуазія еще не была настолько сильной и развитой, чтобы объединить всѣхъ мятежниковъ, городскихъ плебеевъ, низшее дворянство и крестьянство и чтобы быть ихъ руководителемъ. Прежде всего было побѣждено дворянство; крестьяне возстали, но были подавлены. Крестьянское возстаніе было высшей точкой, до которой достигло все это революціонное движеніе, но города не пришли на помощь крестьянамъ, князья подавили революцію и получали весь барышъ отъ движенія. Лютеранская реформація въ Германіи погибла и погубила страну; на цѣлыхъ три вѣка Германія исчезаетъ изъ среды самостоятельно дѣйствующихъ въ исторіи государствъ.

Вторымъ актомъ буржуазной революціи была англійская реформація. Она была дѣйствительнѣе и удачнѣе германской, потому что были болѣе республиканской и демократической. Кальвинъ съ истинно французской рѣзкостью выдвигаетъ на первый планъ истинно буржуазный характеръ реформаціи, онъ республиканизировалъ и демократизировалъ церковь. Кальвинизмъ оказалъ большія услуги республиканцамъ въ Женевѣ, въ Голландіи и въ Шотландіи, освободилъ Голландію отъ Испаніи и Германіи и далъ въ особенности англійской революціи ея идеологическую окраску («идеологическій костюмъ»). Но и англійскій кальвинизмъ не былъ признанъ вполнѣ, потому что революція 1689 года была закончена компромиссомъ части дворянства и буржуазіи. Англійская государственная церковь была возстановлена, но уже не въ видѣ католицизма, съ королемъ вмѣсто папы, и сильно кальвинизированной.

Третьимъ и послѣднимъ актомъ освобожденія новаго времени была французская революція. Во Франціи кальвинистское меньшинство было подавлено, возвращено къ католицизму или изгнано въ 1685 году—но это не помогло старому режиму.

Вскорѣ появился свободомыслящій Пьеръ Бэйль, въ 1694 году родился Вольтеръ; насильственныя мѣры Людовика XIV принесли пользу только буржуазіи, и она могла совершить переворотъ въ формѣ, соотвѣтствующей развитой буржуазіи, т. е. въ формѣ не религіозной, а исключительно политической. Христіанство оказалось неспособнымъ служить какой либо прогрессивной партіи идеологическимъ «облаченіемъ» ея стремленій; оно остается исключительнымъ достояніемъ господствующихъ классовъ. При этомъ у каждаго изъ этихъ классовъ своя собственная религія: у крупныхъ землевладѣльцевъ дворянъ—іезуитизмъ или протестантская ортодоксія, у либеральной и радикальной буржуазіи—раціонализмъ—при этомъ совершенно безразлично, «вѣрятъ ли эти господа въ свою религію или нѣтъ».

Стало быть, «религія, разъ образовавшись, содержитъ въ себѣ извѣстный матеріалъ, передаваемый преданіемъ, такъ какъ вообще во всѣхъ сферахъ идеологіи преданіе есть большая консервативная сила. Но измѣненія, происходящія въ этомъ матеріалѣ, проистекаютъ изъ классовыхъ отношеній, т. е. изъ экономическихъ отношеній между людьми, производящими эти измѣненія.»

123. Какъ видитъ читатель, тутъ все или изъ Фейербаха или изъ Конта.

«Высшія существа, создаваемыя нашей религіозной фантазіей, суть только фантастическія отраженія собственнаго нашего существа» (Энгельсъ—«Фейербахъ» ст. 12). Но существуетъ ли кромѣ религіозной фантазіи еще и нерелигіозная? И почему фантазія бываетъ религіозной? Тождественна ли фантазія съ фантастическимъ? Всегда ли отраженіе фантастично и только фантастично? Есть ли религія вообще только слѣдствіе фантазіи и фантастическаго? На основаніи психологіи творческой фантазіи и изслѣдованія антропоморфизма Каутомъ фейербаховщина Энгельса была по меньшей мѣрѣ анахронизмомъ. Во всякомъ случаѣ Энгельсъ и тутъ, какъ вездѣ, допускаетъ

большія неточности и непослѣдовательности; только что признавъ объясненіе Фейербаха, онъ тутъ же, чрезъ три страницы, приводитъ распространенное анимистическое объясненіе (Тайлора или Сенсера?), даже не задавая вопроса о томъ, насколько согласуются объ эти теоріи.

Вообще можно сказать только то, что Энгельсъ даже не пытался дать психологическаго объясненія религіознаго чувства и религіозной идеи. Если онъ и говоритъ, что представленіе о личномъ безсмертіи скучно, то это еще не основаніе для того, чтобы разсуждать о религіи, какъ о мелкомъ и поблекшемъ деизмѣ. Можно, разумѣется, объяснять монотеизмъ «дистилированіемъ» или абстрагированіемъ силъ природы и т. д. — Но такое объясненіе все таки не будетъ научнымъ.

Энгельсъ могъ бы узнать о религіи кое что большее. При сколько нибудь критическомъ мышленіи онъ могъ бы, напримѣръ, понять, что антропоморфизмъ Фейербаха еще не составляетъ всей сущности религіи. Онъ могъ бы даже понять, что объясненіе Фейербаха неудовлетворительно и само по себѣ. Не говоря уже о томъ, что антропоморфизмъ представляетъ болѣе высокую стадію религіознаго развитія,—стало быть, не настолько «первоначаленъ», какъ полагаетъ Энгельсъ,—фантазія и эгоизмъ не достаточны для объясненія религіи. [1])

Фейербахъ связалъ свой деизмъ съ своей сантиментальной теоріей любви. Марксъ и Энгельсъ—деисты безъ сантиментальности. Они считаютъ религію просто ненаучнымъ міровоззрѣніемъ, вообще простой теоріей; по ихъ мнѣнію, вся религія заключается въ теологіи. Они также, какъ Фейербахъ и Контъ, видятъ въ теперешней теологіи и философіи послѣднюю идеологическую фазу; эта идеологія, довершенная въ системѣ Гэгеля, исчезнетъ и настанетъ вѣкъ новой философіи (любимое словцо Фейербаха), вѣкъ неидеологическій—вѣкъ матеріализма и его отраженія въ практической жизни, коммунизма.

Марксъ и Энгельсъ, какъ и всѣ односторонніе раціоналисты, при этомъ и не подумали о томъ, что религія можетъ имѣть извѣстное отношеніе къ чувству и къ волѣ, что вообще чувства и воля имѣютъ для человѣка большое значеніе.

Марксъ и Энгельсъ совершенно упускаютъ изъ виду присутствіе въ религіи этическаго элемента. Кантъ для нихъ не существуетъ.

[1]) Я, понятно, не могу обсуждать здѣсь этого вопроса. Мои краткія указанія и то, что я сказалъ въ 11-й главѣ о Фейербахѣ и о вопросѣ объ антропоморфизмѣ, для моихъ цѣлей достаточны. Дальнѣйшія свѣдѣнія о религіозномъ вопросѣ у Пфлейдерера — Религіозная философія 1896 г.; у Гарнака—Исторія догмъ 1892 г.; у Соссея—Учебникъ исторіи религіи 1897 г. и наконецъ въ Исторіи церкви хотя бы Карла Мюллера.

Но, вѣдь, и Фейербахъ могъ бы поучить ихъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ и онъ пытался обосновать какъ антропоморфизмъ, такъ и свою религію человѣчества этически—первый онъ строитъ на эгоизмѣ, вторую на любви. Правда, что Фейербахъ дѣлаетъ религію слишкомъ романтической, дѣломъ только одного сердца. Но такая односторонность не устраняетъ все таки того факта, что отношеніе человѣка къ человѣку можетъ быть понимаемо религіозно, что религія ведетъ человѣка не только къ Богу и къ міру, а и къ ближнему. Это понималъ Фейербахъ и потому онъ стремился создать религію гуманности, хотя и на матеріалистической основѣ. Энгельсъ осмѣиваетъ такое стремленіе; по его мнѣнію, это все равно, что понимать современную химію, какъ настоящую алхимію; если религія можетъ существовать безъ Бога, то и алхимія можетъ существовать безъ философскаго камня.

И однако современная химія вполнѣ естественно развилась изъ алхиміи. Точно также и новая религія естественно развивается изъ старой. Между Богомъ Канта или Лотце и средневѣковымъ или даже Богомъ дикарей существуетъ такое же различіе, какъ и между всякими другими понятіями. Кантъ тоже допускаетъ антропоморфизмъ, а Контъ даже фетишизмъ—но между антропоморфизмомъ «Критики чистаго разума» и «первобытной религіей» дикаря есть разница—это разница между критическимъ и некритическимъ мышленіемъ.

Кромѣ того тутъ главное то дѣло въ томъ, что отношеніе человѣка къ человѣку можно понимать религіозно, sub Specie aeternitatis, что религія кромѣ теоретическихъ догмъ имѣла и имѣетъ и этическое содержаніе. Выше развитыя религіи всегда и настаиваютъ особенно на такомъ этическомъ содержаніи. Для Энгельса и Маркса этотъ фактъ просто не существуетъ—а если и существуетъ, то только какъ отрицательный, въ томъ смыслѣ, что они совершенно отвергаютъ христіанскую этику.

Марксъ и Энгельсъ упускаютъ по этому изъ виду и присутствіе въ религіи элемента соціальнаго, т. е. то, какимъ образомъ религія вырабатывалась коллективной работой ума и чувства, и какъ могущественно она воздѣйствовала на обобществленіе людей. Это могло бы уяснить имъ уже одно могучее вліяніе церкви. Они, правда, и сами говорятъ, что первыя соціалистическія системы были религіозными; но они подробно не изслѣдуютъ этого вопроса, и приписываютъ это просто старому суевѣрію и требуютъ, чтобы современный соціализмъ былъ чисто научнымъ, позитивнымъ.

Какъ и вездѣ, въ этомъ основномъ вопросѣ Марксу повредилъ его философскій примитивизмъ. Понятно, что онъ изуродовалъ всякую идеологію, а также и религію, на прокрустовомъ ложѣ своего матеріализма и позитивизма. Всѣ исканія современныхъ Фаустовъ, Монфредовъ, Каиновъ, Ролла, Ивановъ и Алешъ (Карамазовыхъ);

вся духовная борьба отъ Гете до Гарборга, отъ Канта до Нитцше, отъ Шлейермахера до Ритчля—вся эта великая борьба за Бога есть только отраженіе экономическихъ отношеній! Христіанскій Богъ есть ничто иное, какъ отраженіе капиталистическихъ экономическихъ отношеній,—можетъ быть, только антропоморфическая идеализація жаждущаго власти, богатства и наслажденій капитализма.

124. Религія для Маркса и Энгельса имѣетъ огромное значеніе несмотря на неудовлетворительность ихъ философіи религіи. Это видно изъ всѣхъ работъ Маркса и даже изъ его «Капитала». Вездѣ, гдѣ только есть какой нибудь поводъ говорить о религіи и церкви или о какомъ нибудь духовномъ (напр. Мальтусѣ), Марксъ не можетъ сдержать себя и даетъ волю своему гнѣву и ненависти. И именно этотъ гнѣвъ, эта ненависть къ религіи и характерны.—Атеизмъ для Маркса и Энгельса, какъ и для большинства атеистовъ, революціоненъ.

Марксъ, говоря по поводу ученія Фейербаха объ отношеніи религіи и политики, признаетъ это еще въ Deutsch-Franz. Jahrbücher (въ статьѣ о философіи права Гегеля).

Критика религіи, говоритъ онъ, есть предпосылка всякой критики; человѣкъ искалъ въ своемъ фантастическомъ небѣ сверхъ человѣка, и нашелъ только нечеловѣка, только свое собственное отраженіе. Человѣкъ видитъ свое собственное ничтожество и нищету религіи и потому eo ipso протестуетъ и противъ экономической нищеты. Религія — это вздохъ угнетенныхъ, это—чувство безсердечнаго свѣта, это — духъ бездушнаго положенія». Такъ какъ человѣкъ (Фейербаховскій) есть только общество, то въ обществѣ благодаря критикѣ религіи пробуждается сознаніе. Религія есть «опіумъ народа» — критика религіи дѣлаетъ опьяненнаго человѣка трезвымъ, она разочаровываетъ людей для того, чтобы они думали, дѣйствовали и измѣняли дѣйствительность. И тогда «критика неба превращается въ критику земли, критика религіи въ критику права, критика теологіи въ критику политики». Въ другомъ, уже цитированномъ нами мѣстѣ Марксъ признаетъ религію теоріей, а политическое государство практикой.

Въ новое время и особенно въ нашъ вѣкъ пробужденіе отъ положительной религіи дѣйствительно есть частое и даже всеобщее явленіе. Всѣ мы испытали это на себѣ—и Фаустъ Гете и Ролла—Мюссе, и Каинъ и Манфредъ — Байрона, и Иванъ Достоевскаго — всѣ... а также и Марксъ.

Но въ то время какъ Гете, Мюссе, Байронъ, Достоевскій, а также и Кантъ, а за нимъ и всѣ крупные философскіе мыслители стремились къ сверхъ-положительной религіи, Марксъ отрицаетъ религію и довольствуется революціоннымъ атеизмомъ.

Гете и Кантъ понимали дѣло глубже и шире. Не говоря уже о

невозможности матеріализма вообще, а ргіогі невѣроятно, чтобы религія, игравшая до сихъ поръ такую большую роль, исчезла и была замѣнена положительной наукой и именно съ точки зрѣнія современнаго эволюціонизма, защищаемаго Марксомъ и Энгельсомъ, будетъ вѣрнѣе ожидать отъ современнаго религіознаго кризиса болѣе широкаго и высшаго развитія религіи.

Другъ и соратникъ Маркса, Гейне испугался атеизма, когда тотъ началъ пахнуть сыромъ, водкой и табакомъ, Марксъ и Энгельсъ не убоялись его и въ этой формѣ. «Голова эмансипаціи человѣка есть философія, а сердце — пролетаріатъ» — восклицаетъ Марксъ еще въ 1844 году—это еще довольно аристократично; но Энгельсъ позже уже безъ всякихъ оговорокъ привѣтствуетъ въ пролетаріатѣ наслѣдника германской классической философіи. «Философія замѣнитъ религію; пролетаріатъ уничтожитъ церковь и служащее ему буржуазное государство».

Потому, собственно говоря, революціонная движущая сила для Маркса и у Маркса не естествознаніе, а атеизмъ. Марксизмъ и теперь еще черпаетъ изъ атеизма или по крайней мѣрѣ изъ вражды къ положительной религіи сильнѣйшіе мотивы отрицанія и переворота. Въ этомъ отношеніи, пожалуй, и правы враги соціализма, консерваторы и реакціонеры—но именно поэтому они должны бы были спросить себя, почему теперь такъ многіе враждебно настроены противъ церкви? Не суть ли сами оффиціальные ея представители причиной этого—и притомъ въ значительной степени?

Марксъ и Энгельсъ напрасно учили, будто идеологія не дѣйствуетъ: ихъ идеологія дѣйствовала, и дѣйствовала довольно сильно. Ихъ критикующій и возмущающій атеизмъ оправдываетъ положеніе Фейербаха, что религія есть положительный элементъ, а философія отрицательный. Если для вѣрующихъ религія есть положительная движущая сила, то для невѣрующихъ она сила отрицательная и стоитъ подумать, какой способъ дѣйствія въ данномъ случаѣ сильнѣе.

Какъ доказываетъ появленіе радикальныхъ направленій въ христіанскомъ соціализмѣ, не всѣ теологи настолько близоруки, чтобы искать исторической причины антирелигіознаго направленія соціализма (марксизма) въ самомъ соціализмѣ и въ его ошибкахъ и недостаткахъ. Соціализмъ въ религіозномъ вопросѣ стоитъ на сторонѣ современной философіи и только наивные апологеты еще и теперь могутъ воображать, будто борьба современной науки и философіи съ теологіей (я не говорю, съ религіей) есть только заблужденіе разума—тотъ фактъ, что эта борьба продолжается уже цѣлые вѣка, могъ бы, наконецъ, заставить защитниковъ положительной религіи открыть глаза—могъ бы онъ заставить открыть глаза и тѣхъ изъ ихъ враговъ, которые считаютъ религію дѣломъ поконченнымъ.

Къ такимъ врагамъ принадлежали и Марксъ и Энгельсъ. Ихъ не

удовлетворяетъ христіанство, «какъ религія рабовъ и угнетенныхъ»[1]). Нитцше, какъ видите, былъ не первый, онъ и не послѣдній. Марксъ и Энгельсъ повторяютъ только то, что уже раньше ихъ говорили Руссо, Юмъ и многіе другіе (и Фейербахъ).

125. «Человѣкъ дѣлаетъ религію, а не религія человѣка» — такимъ изреченіемъ а la Фейербахъ Марксъ отвергаетъ то мнѣніе, что религія можетъ имѣть вліяніе, которое ей приписывалъ и самъ Фейербахъ. Энгельсъ тоже протестуетъ противъ мнѣнія, что великіе историческіе періоды различаются только религіозными измѣненіями; крупные «поворотные пункты» исторіи, говоритъ Энгельсъ, только сопровождаются религіозными измѣненіями, да и это можно сказать только о міровыхъ религіяхъ: буддизмъ, христіанство и исламъ. Старыя племенныя и національныя религіи не были пропагандистскими и пали, когда была уничтожена самостоятельность племенъ и народовъ. Только въ «болѣе или менѣе искусственно созданныхъ міровыхъ религіяхъ», въ особенности въ христіанствѣ и въ магометанствѣ, мы находимъ, что общія историческія движенія получаютъ религіозную окраску; но даже въ христіанствѣ этотъ религіозный отпечатокъ переворотовъ ограничивается первыми стадіями борьбы буржуазіи за освобожденіе отъ XIII до XVII вѣковъ. Это не объясняется, какъ полагалъ Фейербахъ, сердечными и религіозными потребностями человѣка, а всей средневѣковой исторіей, которая не знала иной идеологіи, кромѣ религіи и теологіи. Когда буржуазія въ XVIII вѣкѣ достаточно окрѣпла, чтобы имѣть свою собственную, соотвѣтствующую ея классовой точки зрѣнія идеологію, она совершила свою великую и окончательную революцію (французскую); она при этомъ ссылалась исключительно на юридическія и политическія идеи, и «заботилась о религіи лишь постольку, поскольку она ей мѣшала; но ей и въ голову не приходило, поставить на мѣсто старой религіи новую; извѣстно, что Робеспьеръ потерпѣлъ въ этомъ неудачу»[2]).

Но, вѣдь, не одна только попытка Робеспьера доказывала, что религія во время французской революціи играла значительную роль —

---

[1]) Энгельсъ-Анти-Дюрингъ ст. 100. Ср. статью его о Карлейлѣ (Положеніе Англіи, въ Deutsch-Franz. Jahrb.).

[2]) „Фейербахъ“ ст. 32. О значеніи слова: „сопровождается“ съ точки зрѣнія историческаго матеріализма я говорилъ уже раньше; читатель отмѣтилъ утвержденіе Энгельса, что міровыя религіи пропагандистскія; сдѣлались ли онѣ міровыми вслѣдствіе религіозной пропаганды и не представляютъ ли онѣ поэтому простого отраженія и спутниковъ экономическаго развитія? И почему это религія сразу становится пропагандистской? На всѣ эти вопросы у Энгельса отвѣта не имѣется. Читатель замѣтилъ также раньше утвержденіе, что христіанство развивалось „въ тиши“, когда появилась потребность въ немъ — и подобныхъ выраженій внимательный читатель найдетъ не мало у Энгельса.

объ этомъ можно справиться въ исторіи революціи. Но я не буду говорить теперь объ исторіи религій, даже объ исторіи буддизма и ислама, а обращу вниманіе только на тѣ вопросы, которые представляются мнѣ важными для соціализма (марксизма) и для современнаго общественнаго движенія.

Прежде всего я сдѣлаю одно методологическое замѣчаніе. Энгельсъ въ силу своего историзма гораздо болѣе интересуется исторіей религіи, чѣмъ самой религіей. Этотъ методъ теперь особенно примѣняется къ изученію религій, и, конечно, этому не мало содѣйствовалъ современный эволюціонизмъ; полагаютъ, что сущность религіи можно понять только изъ ея историческаго развитія. Я считаю этотъ методъ преувеличеніемъ и придерживаюсь реализма: сущность религіи мы поймемъ всего лучше и всего полнѣе при изученіи современной жизни, при изученіи себя самихъ. Развѣ мы опредѣляемъ сущность красоты изученіемъ исторіи искусства и эстетики?

Точно также обстоитъ дѣло и съ изученіемъ религіи. Я этотъ вопросъ уже достаточно уяснилъ въ своихъ основныхъ положеніяхъ, изложенныхъ во второй и въ третьей главахъ и тамъ подготовилъ читателя къ занимающему насъ теперь вопросу. Если наше сознаніе и то, что происходитъ съ нами и вокругъ насъ, не можетъ дать намъ полнѣйшаго представленія о религіи—то какже мы поймемъ сознаніе первобытнаго человѣка, которое мы, вѣдь, должны конструировать по масштабу нашего сознанія?

Потому то я останавливаюсь на послѣднихъ фазахъ религіознаго развитія, и въ особенности на развитіи со временъ реформаціи—и дѣлаю это еще потому, что это развитіе особенно важно для пониманія марксизма.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что великое реформаціонное движеніе у насъ въ Богеміи, въ Германіи, да и вездѣ, проистекало изъ религіозныхъ и этическихъ потребностей. Этому учитъ насъ исторія и психологическій анализъ самого процесса реформаціи. Мы видимъ, что реформація измѣняетъ весь образъ жизни и церковный порядокъ—измѣняются догматы, сущность церкви становится иной, измѣняется отношеніе церкви къ государству, вся индивидуальная и общественная жизнь становится иной. Совершенно невѣрно, чтобы въ реформаціи дѣло шло только о борьбѣ буржуазіи съ феодальной аристократіей, что реформація была только «костюмомъ», «одѣяніемъ»; религіозное измѣненіе есть существенная и важная часть всѣхъ измѣненій, произведенныхъ реформаціей и вмѣстѣ съ ней. Религіозное движеніе было подготовлено реформаціонными попытками, продолжавшимися въ теченіи вѣковъ, когда о Марксо—Энгелевской буржуазіи и помину не было; съ другой стороны реформація установилась уже тогда, когда буржуазіи не была

еще настолько экономически развитой, чтобы новая религія могла быть для нея «костюмомъ» и «маской».

Измѣнилось все міровоззрѣніе, весь строй жизни; началось дѣйствительно новое время, поскольку вообще время можетъ быть новымъ. Новость состояла главнымъ образомъ въ томъ, что люди начали самостоятельно, на свой собственный рискъ, и думать и дѣйствовать. Гусъ освободилъ совѣсть. Одновременно съ реформаціей распространяется и воспріятіе старой культуры (Возрожденіе, Гуманизмъ). Начинаютъ мыслить не только философски и религіозно, но и научно. Развивается наука; она, спеціальная наука, становится, рядомъ съ философіей и теологіей, духовной и соціальной силой. Съ этихъ поръ философія и теологія становятся врагами — теологія шагъ за шагомъ, постепенно отступаетъ предъ философіей, опирающейся на науку и приспособляется къ ней. Пробужденный религіознымъ и церковнымъ движеніемъ раціонализмъ проявляется болѣе и болѣе во всѣхъ сферахъ мышленія и дѣйствія. Съ реформаціей и возрожденіемъ, и именно благодаря имъ и ихъ очевиднымъ результатамъ, появляется вѣра въ прогрессъ и въ усовершенствованіе и эта вѣра побѣждаетъ средневѣковый абсолютизмъ. Въ соціальномъ и политическомъ отношеніи было чрезвычайно важно уничтоженіе священства, въ особенности въ реформированныхъ церквахъ; это было важнымъ и богатымъ послѣдствіями измѣненіемъ сравнительно съ средневѣковымъ католицизмомъ и папствомъ, сила котораго состояла въ раздѣленіи общества на мірянъ и клериковъ. Теперь вмѣсто одного папы каждая личность становится папой. Церковь демократизируется.

Подчиненное средневѣковой теократіи государство становится самостоятельнѣе и могущественнѣе, чѣмъ прежде, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно покровительствовало реформаціи, такъ и въ тѣхъ, гдѣ оно было руководителемъ контръ-реформаціи. Какъ разъ въ католическихъ странахъ, во Франціи и въ Австріи, появляется абсолютизмъ во всей полнотѣ своего могущества. Вообще развивается современное государство, которое теперь беретъ на себя многія изъ задачъ, раньше исполняемыхъ церковью. Марксъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ, говоря, что современное государство болѣе христіанское, чѣмъ средневѣковое—государство теперь болѣе сознательно опирается на этическія и интеллектуальныя общественныя силы.

Рядомъ съ государствомъ, и главнымъ образомъ тоже подъ вліяніемъ реформаціи, развивается и національность.

Общество вообще начинаетъ дифференцироваться церковно (появляются національныя церкви), государственно, національно, соціально и экономически. Это дифференцированіе (автономія) есть только одна сторона историческаго процесса; одновременно развивается и другая его сторона, централизація (абсолютизмъ, централизмъ въ большомъ и маломъ).

Тотъ фактъ, что человѣкъ такимъ образомъ становится самостоятельнѣе, обозначаетъ, что усиливается детерминистическое міросозерцаніе; человѣкъ признаетъ причинныя отношенія не только въ природѣ, но и въ своемъ собственномъ духѣ, и въ обществѣ — индивидъ беретъ на себя отвѣтственность (это и есть оправдываемая сторона такъ называемаго индивидуализма). Человѣкъ начинаетъ предвидѣть и разсчитывать. Онъ становится экономнѣе и перестаетъ жить изо дня въ день. Экономическій трудъ освящается тѣмъ, что идеаломъ становится семья вмѣсто прежняго идеала аскетизма. А семья — это значитъ больше заботы, больше труда, больше расчета.

Новая противуаскетическая этика дѣлаетъ человѣка большимъ реалистомъ, большимъ натуралистомъ.

Вотъ что, вообще говоря, обозначаетъ реформація, и въ особенности кальвинизмъ. А противъ этой реформаціи стояла церковь, которая волей неволей должна была отчасти принять принципы реформаціи, конечно на старой основѣ духовнаго абсолютизма, іерархической организаціи священства и папства, какъ основѣ всемірной централистической церкви. Въ противуположность національнымъ церквамъ католицизмъ твердо держится за космополитическій теократизмъ. Великое зданіе церкви и абсолютная власть верховнаго ея главы все еще дѣйствуютъ на католиковъ такимъ образомъ, что они — хотя бы и не вѣрили болѣе — все таки истинной церковью считаютъ только свою. И скептикъ и свободомыслящій все еще немного побаиваются своей церкви. Непогрѣшимость догмы и папы есть громадная соціальная и политическая сила.

Какъ сказано, католицизмъ со времени Тридентскаго собора становится другимъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Въ противуположность протестантизму онъ есть преимущественно вѣра въ авторитетъ; его міросозерцаніе индетерминистическое—этимъ объясняется его вѣра въ чудеса. Палацкій, сравнивая католицизмъ съ протестантизмомъ, полагаетъ, что нѣтъ никакой разницы въ томъ, признавать ли одно чудо или сотни и тысячи чудесъ — это невѣрно. Различіе между протестантскимъ детерминизмомъ и католическимъ индетерминизмомъ очень большое. Католицизмъ признаетъ чудесное въ принципѣ, вся жизнь переполнена чудесами; религіозные акты имѣютъ рѣшающее значеніе для жизни и для вѣчности. Протестантизмъ, напротивъ, ограничиваетъ чудесное—и кромѣ того, оставивъ вѣру въ пресуществленіе, онъ уничтожаетъ власть человѣка надъ Богомъ.

Чудодѣйственный индетерминизмъ приводитъ къ большей беззаботности и къ нехозяйственности.

Аскетическій идеалъ укрѣпляетъ вѣру въ двойственность тѣла и духа и ведетъ къ презрѣнію тѣла.

Въ виду такихъ различій со времени Вестфальскаго мира существуютъ постоянныя напряженныя отношенія между двумя мірами, католическимъ и протестантскимъ. И это составляетъ значительную соціальную и политическую движущую силу. Протестантизмъ ведетъ все къ новому и новому развитію — реформація въ принципѣ есть постоянное реформированіе, обновленіе. Наоборотъ, католицизмъ и ex thesi и по традиціи есть рѣшительный противникъ такого развитія; но именно поэтому онъ вынужденъ къ постояннымъ компромиссамъ, чтобы сохранить свои позиціи—католицизмъ послѣ Тридентскаго собора есть по существу церковно-политическій іезуитизмъ.

Въ послѣднее время греко-россійская церковь и созданное ей міросозерцаніе начинаютъ дѣйствовать и на Западѣ; и это воздѣйствіе гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно въ этомъ признаются (литературныя вліянія; попытки уніи съ англиканами и старокатоликами и т. д.); но пока для Западной Европы весь вопросъ сводится къ антагонизму между католицизмомъ и протестантизмомъ.

Что же обозначаетъ этотъ антагонизмъ? Что обозначаетъ этотъ важный церковный дуализмъ? Неужели это устраненная идеологія? Всякій, хоть сколько нибудь внимательно наблюдавшій надъ европейскимъ развитіемъ, не будетъ утверждать этого. Развитіе Франціи и Италіи, отношеніе Австріи и Пруссіи — однимъ словомъ, вся исторія есть открытый протестъ противъ мнѣнія, будто религія есть поконченное дѣло.

Почему католицизмъ и протестантизмъ продолжаютъ существовать вопреки всякому прогрессу въ техникѣ, въ наукѣ и въ философіи? Что обозначаетъ постоянный и крупный антагонизмъ противъ теологіи со стороны философіи, науки и литературы? Что обозначаетъ повсемѣстное великое и напряженное стремленіе къ новой религіозной жизни? Что обозначаетъ современная протестантская теологія, эта странная и неустанная умственная работа безчисленныхъ теологовъ? что обозначаетъ рядомъ съ этимъ философское и научное движеніе въ католицизмѣ? Что, наконецъ, обозначаетъ непрерывный антагонизмъ между церковью и государствомъ?

Неужели все это только «отраженіе», «костюмъ», «маска» экономическихъ отношеній?

Разумѣется, Марксъ и Энгельсъ не могли просмотрѣть протестантизма, но они были не въ состояніи понять произведеннаго имъ переворота. Я уже говорилъ, насколько мелочно отзывался Марксъ объ этой великой революціи. Энгельсъ понялъ ея политическія слѣдствія, но не могъ какъ слѣдуетъ переварить ихъ.

Энгельсъ и Марксъ по отношенію къ протестантизму держались

по большей части взглядовъ французскихъ соціалистовъ и Конта, они видѣли въ немъ только отрицаніе католицизма и разложеніе церкви. Въ этомъ видно нѣчто романтическое, нѣкоторое возрожденіе среднихъ вѣковъ, имѣвшее вліяніе и на Фейербаха и на Гегеля въ его первомъ періодѣ. Съ этой точки зрѣнія протестантизмъ представляется половинчатымъ, и дѣйствительно, онъ до значительной степени половинчатъ и отрицателенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ попытку созданія и новой религіи и новой жизни.

Крупный церковный и религіозный дуализмъ Западной Европы проявляется также и въ соціализмѣ. Соціализмъ въ странахъ протестантскихъ (Англія и Германія) очень различенъ отъ соціализма странъ католическихъ (Франція, Италія, Испанія). Конечно, тутъ играютъ роль и различія національныхъ характеровъ и т. д.; имѣется различіе и между соціализмомъ въ Англіи и въ Германіи; но рѣшающее значеніе имѣютъ не эти различія: главное различіе между двумя типами соціализма, французскимъ и англійскимъ, проявляющееся какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, можетъ въ послѣдней инстанціи быть приведено къ различію религіозному.

Французскій соціализмъ политическій, радикальный и революціонный—англійскій не радикаленъ и по преимуществу экономическій (трэдъ-уньонизмъ). Французскій соціализмъ утопическій, нереалистическій, а англійскій (и нѣмецкій) реалистическій, научный. Прогрессивный, философски мыслящій католикъ радикальнѣе прогрессивнаго протестанта, онъ больше отрицатель, именно потому, что его противники менѣе прогрессивны. Французы практическіе революціонеры и въ теоріи и на практикѣ болѣе фантастичны. Если внимательно читать Сенъ-Симона, Фурье, Кабе и др., то вскорѣ найдешь у нихъ несмотря на весь ихъ радикализмъ политику католицизма, церкви и папства; политика Конта, собственно говоря, такая же, какъ у де-Местра,—хотя Контъ и уничтожаетъ всѣ догмы. Повторяю, что католицизмъ своей церковной организаціей и своей политикой дѣйствуетъ и на невѣрующихъ и на скептиковъ.

Я объясняю революціонное и анархистское настроеніе, распространенное во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи и въ Австріи не ихъ національнымъ характеромъ (вездѣ къ тому же различнымъ), а вліяніями воспитанія. Церковь и до сихъ поръ продолжаетъ воспитывать христіанскій міръ; и поскольку людьми насъ дѣлаетъ воспитаніе, положительныя и отрицательныя дѣйствія церкви составляютъ еще и теперь огромную духовную силу. Протестантскіе народы, въ особенности усвоившіе принципы реформаціи, сразу совершили крупный переворотъ. Католическіе же народы хронически и по временамъ въ острой формѣ возстаютъ противъ церкви и поддерживающаго ее государства. Протестантизмъ уничтоженіемъ священства сдѣлалъ мірянъ самостоятельными и въ теоріи и на практикѣ; онъ пріучаетъ

людей мыслить критически и менѣе мѣшаетъ ихъ самостоятельной дѣятельности, чѣмъ католицизмъ; раціонализмъ составляетъ самую сущность протестантизма, тогда какъ для католицизма онъ eo ipso обозначаетъ революцію. Какая разница между протестантскими Фаустами и Манфредами и католическими Октавами и Ролла или Раскольниковыми и Иванами Карамазовыми!

Вся современная философія по существу протестантская. Философія католическихъ странъ существуетъ только per nefas—она отрицательнѣе, скептичнѣе, радикальнѣе протестантской и дѣйствуетъ болѣе революціонно (особенно на молодежь). Въ Германіи наприм. Штирнеръ и Нитцше дѣйствуютъ менѣе возбуждающе, чѣмъ во Франціи; сравните вліяніе Бюхнера и Молешота въ Германіи и въ Россіи! Контрастъ между церковными жизнью и догмой и міровоззрѣніями и строемъ жизни, требуемыми наукой и философіей, больше и сильнѣе—это вызываетъ революціонное настроеніе, Фаустъ побѣждаетъ свой скептицизмъ, а Октавъ впадаетъ въ отчаяніе.

И не только современная философія, но и современная политика протестантская. Политическіе національныя и демократическія идеи происхожденія протестантскаго, какъ я уже указывалъ. И въ особенности протестантскіе современный парламентаризмъ и конституціонализмъ. Онъ происхожденія англійскаго—и именно это и означаетъ, что онъ протестантскій. Люди, съ дѣтства росшіе въ духовной самостоятельности, не руководимые никакими священниками, люди, на которыхъ не имѣлъ никакого вліянія авторитетъ церковной іерархіи и церковь вообще, демократичнѣе, т. е. они болѣе уважаютъ и чужое мнѣніе и чужой трудъ. У французовъ форма конституціи радикальнѣе, но они менѣе демократы, чѣмъ англичане.

Въ католическихъ странахъ парламентъ (англійскій) есть contradictio in adjecto. Католицизмъ абсолютистиченъ; принципъ большинства и признаніе меньшинства не согласуются съ принципомъ quod semper, quod ubique, quod ab omnibus. То обстоятельство, что католицизмъ не такъ послѣдователенъ, какъ раньше, что онъ принялъ принципы и учрежденія реформаціи, объясняется вынужденными уступками и тактическимъ оппортюнизмомъ. Католицизмъ по самой его сущности аристократиченъ и даже абсолютистиченъ—признаніе республики Львомъ XIII противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ папства. Потому то парламентаризмъ въ Австріи и во Франціи совсѣмъ иной, чѣмъ въ Англіи и въ Германіи [1]). Въ католическихъ странахъ парламентская политика безпокойна, непостоянна, нервозна—иначе говоря, революціонна и анархична. Франція представляетъ классическую страну революціи и анархизма.

[1]) Въ Венгріи парламентаризмъ процвѣтаетъ, но тамъ, какъ постоянно повторяетъ вѣнская газета Vaterland, режимъ протестантскій, кальвинскій.

Энгельсъ не понялъ этого революціоннаго настроенія и вообще великой французской революціи. Онъ, правда, говоритъ, что въ національномъ собраніи вмѣсто гугенотовъ засѣдали свободомыслящіе; но онъ ошибается, полагая, что религія не имѣла никакого значенія для революціи Не одинъ только Робеспьеръ, какъ указываетъ и самъ Энгельсъ, пытался создать республиканскую религію, усвоивъ религіозныя идеи кальвиниста Руссо—уничтоженіе государственнаго католицизма и возстановленіе его Наполеономъ доказываютъ, что при революціи религіозный вопросъ тоже существовалъ—не даромъ янсенисты еще до энциклопедистовъ совершили религіозный переворотъ. Руководящія идеи революціи, права человѣка, тоже происхожденія религіознаго, протестантскаго.

Современное хозяйство тоже протестантское. Марксъ и Энгельсъ вполнѣ основательно признаютъ экономическія отношенія Англіи типичными. Англичане и вообще протестантскіе народы благодаря своему детерминизму, т. е. своей рѣшимости быть самостоятельными и постоянными, трудолюбивѣе, хозяйственнѣе, по сравненію съ индетерминистами и романтиками католиками. Католики аристократичнѣе. Сравните англійскаго купца съ австрійскимъ или хоть съ русскимъ. Въ Англіи есть торговля, тамъ покупаютъ и продаютъ—а въ Австріи и Россіи это просто игра [1]).

И не только современное хозяйство, но и его теорія, экономика, есть плодъ протестантскаго духа—и прежде всего Англіи.

Это отличіе католическихъ и протестантскихъ народовъ относительно хозяйства, политики, философіи, религіи и этики проявляется, какъ сказано, и въ соціализмѣ, въ двухъ его типахъ, въ католическомъ и протестантскомъ или, если угодно, во французскомъ и въ англійскомъ. Марксизмъ тоже протестантскій; католическая, французская его стадія была для него только переходной.

Энгельсъ совершенно вѣрно призналъ такое различіе для семейной жизни и установилъ католическій и протестантскій типы семьи; но мы видимъ, что различіе это и глубже и общѣе. Историческій матеріализмъ не признаетъ вліянія религіи и вообще идеологіи и

[1]) Лавеле указываетъ на это экономическое различіе католическихъ и протестантскихъ народовъ. Въ послѣднее время часто говорятъ объ экономическомъ упадкѣ романскихъ странъ. См. любопытныя данныя въ іюньскомъ номерѣ Академіи 1898.

Лавеле также указываетъ, что католическіе народы вообще падаютъ, и что будущее принадлежитъ германцамъ и славянамъ—это уже другой вопросъ, и отвѣтить на него не такъ то легко. Во всякомъ случаѣ любопытно то, что сами французы говорятъ о вырожденіи (Дюмонъ, Лапужъ и др.); многіе видятъ въ католицизмѣ по крайней мѣрѣ одну изъ причинъ упадка.

потому онъ не въ состояніи понять духовнаго движенія и настроенія новаго времени [1]).

Поэтому Марксъ и Энгельсъ такъ и не уяснили себѣ различія между католическимъ и протестантскимъ или французскимъ и англійскимъ и нѣмецкимъ соціализмомъ, несмотря на то, что это различіе имѣетъ громадное значеніе именно для нихъ. Они соединили Фейербаховскій матеріализмъ съ французскимъ, хотя самъ Фейербахъ вполнѣ справедливо отдѣлялъ свой матеріализмъ отъ французскаго. Марксъ и Энгельсъ приняли также въ свою протестантскую философію тактику капиталическаго соціализма, его революціонерство. Они не сознавали, что подобное соединеніе вполнѣ неорганическое. Потому то они постоянно, шагъ за шагомъ, были вынуждены дѣлать уступки и наконецъ Энгельсъ окончательно высказался противъ революціи. Тоже самое и Марксъ, неоднократно отрекшійся въ третьей части «Капитала» отъ его первой части.

Энгельсъ и Марксъ мыслили о религіи слишкомъ абстрактно. То есть, они философствовали на основаніи фейербаховскаго опредѣленія религіи вмѣсто того, чтобы наблюдать и изучать конкретную религіозную жизнь современности и прошлаго. Защитники историзма тутъ дѣйствовали совершенно неисторично. Они видѣли въ религіи только одностороннюю теорію, не обращая вниманія на то, что религія захватываетъ всего человѣка,—и его голову, и его сердце, даже его тѣло. Марксъ и Энгельсъ не поняли этическаго, а, стало быть, и соціальнаго и политическаго вліянія религіи; они не понимали церкви, какъ учрежденія соціально политическаго, даннаго исторіей. Потому они не понимали громаднаго воспитательнаго вліянія не только церковнаго ученія, но и церковнаго управленія, вліянія духовенства, въ одномъ случаѣ священниковъ, въ другомъ проповѣдниковъ; они не поняли того, что если религія и церковь и не имѣютъ уже теперь вліянія положительнаго, то имѣютъ еще очень сильное вліяніе отрицательное.

Марксъ и Энгельсъ вообще не понимали религіознаго вопроса. Въ деталяхъ они указывали на экономическую сторону революціи и церкви, а также на эгоистическіе интересы князей, воспользовавшихся для своихъ цѣлей то реформаціей, то контръ-реформаціей — но для объясненія религіи и ея историческаго развитія ихъ матеріалистическія формулы не достаточны.

126. Большинство ортодоксальныхъ католическихъ писателей признаютъ соціализмъ плодомъ либерализма и въ концѣ концевъ протестантизма; съ другой стороны соціализмъ объявляется сыномъ или по меньшей мѣрѣ своднымъ братомъ католицизма. Этотъ послѣдній тезисъ защищаетъ постоянно Достоевскій. Гильти («Счастье» 11.241) полагаетъ, что протестантизмъ опаснѣе для соціализма, чѣмъ католицизмъ.

[1]) Мнѣ незачѣмъ повторять то, что я говорилъ уже въ другихъ мѣстахъ: когда я говорю о католическомъ и протестантскомъ соціализмѣ, о католическомъ и протестантскомъ бракѣ, и т. д., то понятно, что я не имѣю въ виду артодоксальныхъ католическихъ или протестантскихъ партій, направленій, и личностей.

Благопріятно настроенные по отношенію къ соціализму писатели, какъ католики, такъ и протестанты, очень любятъ выставлять свою церковь, какъ соціальную или даже соціалистическую; они стараются доказать, что именно ихъ церковь разрѣшитъ соціальный вопросъ или будетъ наслѣдницей соціалъ-демократіи. Нитти, напр., доказываетъ, что въ католицизмѣ больше соціализма, чѣмъ въ протестантизмѣ; лютеранская реформація болѣе соотвѣтствуетъ духу среднихъ классовъ, тогда какъ католицизмъ и по происхожденію и по традиціи коммунистиченъ. Лютеранская церковь остается вѣрной своему направленію; потому въ Германіи католическій соціализмъ имѣетъ большое значеніе и сильнѣе по числу его приверженцевъ, чѣмъ евангелическій; хотя католиковъ въ странѣ и меньше [1]). Мейеръ въ его книгѣ о капитализмѣ говоритъ, что католическій и демократическій соціализмъ родные братья; временно они враждуютъ, но современемъ примирятся. Наоборотъ, Науманъ ожидаетъ, что евангелическій соціализмъ унаслѣдуетъ соціализму демократическому.

Среди германскихъ соціалъ-демократовъ часто высказывается нѣкоторое расположенное къ католицизму. Подобныя заявленія встрѣчаются нерѣдко (Бебель) [2]).

Каутскій наоборотъ высказывается болѣе скептически по поводу отношенія соціализма къ католицизму. Другіе тѣмъ не менѣе придерживаются взглядовъ Бебеля [3]).

[1]) Нитти — Католическій соціализмъ 1895 г. ст. 85 (въ англійскомъ переводѣ говорится: Catholicism is communist — слово communist значитъ скорѣе „всеобщій“; но въ указателѣ всѣ подобныя мѣста отводятся подъ рубрику: коммунизмъ, потому я и перевожу: коммунистическій.

[2]) Такъ напр. Бебель въ рѣчи въ Котбусѣ говоритъ, что протестантизмъ нашелъ милостивый пріемъ у государей въ тотъ моментъ, когда Лютеръ сталъ на сторону князей. Католицизмъ дѣйствовалъ иначе! Онъ давно уже созналъ, что ни одна церковь не можетъ долго противиться волѣ народа. Такъ напр. папа Левъ XIII говоритъ, что церковь должна позаботиться о томъ, чтобы рабочіе получали надлежащую плату. Выдающіеся учителя изъ ордена іезуитовъ уже давно высказали положеніе, что ни природа, ни религія не требуютъ опредѣленной государственной формы. Такое заявленіе вытекало и изъ практики. Вслѣдствіе лучшей политики католическаго духовенства, находящагося гораздо болѣе протестантскихъ пасторовъ въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ съ рабочими, соціалъ демократіи и до сихъ поръ не удалось настолько распространиться среди католиковъ, какъ среди протестантовъ. Пусть протестантское духовенство и дальше дѣйствуетъ такимъ образомъ и паства достанется соціалъ-демократіи.

[3]) Каутскій въ разборѣ сочиненія Мейера (Neue Zeit 1893, 1. Капитализмъ конца вѣка V, Католицизмъ и соціалъ демократія).

Я уже обратилъ вниманіе на то, почему Марксъ и Энгельсъ относятся враждебно къ протестантизму. Но это недостаточно объясняетъ отношеніе къ нему Бебеля и другихъ. По моему мнѣнію, католицизмъ просто импонируетъ нѣкоторымъ изъ соціалистовъ своей мировой политикой и церковной организаціей (Достоевскій видитъ согласіе между католицизмомъ и соціализмомъ главнымъ образомъ въ стремленіи къ власти; при этомъ это мнѣніе Достоевскаго объясняется и тѣмъ, что онъ зналъ только французскій, католическій соціализмъ).

Мнѣ, разумѣется, незачѣмъ указывать на то, что между ученіями марксизма— а мы, вѣдь, говоримъ о немъ, а не о соціализмѣ вообще—и церковнаго христіанства очень мало общаго.

Правда, что въ Новомъ Завѣтѣ съ особенной любовью говорится о маленькомъ человѣкѣ, что Христосъ съ большой охотой обращался къ бѣднымъ, чѣмъ къ богатымъ [1]). Но для Христа собственность была дѣломъ безразличнымъ, тогда какъ соціализмъ, и въ особенности марксизмъ, основываетъ все свое міросозерцаніе на хозяйствѣ. Марксизмъ живетъ на землѣ и знать не хочетъ неба. Очевидно все различіе между такъ называемымъ христіанскимъ и марксистскимъ коммунизмомъ. Оффиціальные католицизмъ и протестантизмъ стоятъ на сторонѣ противниковъ пролетаріата—этимъ и объясняется вражда соціалистовъ противъ существующихъ церквей [2]).

Въ отдѣльныхъ церквахъ при различныхъ условіяхъ наблюдается различная тактика по отношенію къ соціализму. Тамъ, гдѣ католицизмъ находится въ оппозиціи къ государству, легко можетъ случиться, что соціалисты будутъ, напр., голосовать вмѣстѣ съ католиками за допущеніе іезуитовъ и т. д. Теперь въ Германіи католики поддерживаютъ соціалистовъ противъ правительства, а завтра они будутъ бороться противъ соціалистовъ. Все это не рѣшаетъ вопроса объ истинномъ характерѣ церкви и объ ея отношеніи къ соціализму. Теперь всѣ европейскія церкви обращаютъ болѣе вниманія на соціализмъ. Католики и протестанты стараются привлечь къ себѣ массы, рабочихъ—многіе, конечно, съ лучшими намѣреніями; но и тутъ не мало спекуляторовъ и такимъ образомъ къ различнымъ демагогіямъ присоединяется и христіанская.

На основаніи всего сказаннаго о католицизмѣ и протестантизмѣ дѣло обстоитъ такъ: соціализмъ развивается во всѣхъ странахъ въ силу одинаковыхъ причинъ. Поскольку существуетъ церковный дуализмъ слѣдуетъ различать соціализмъ католическій отъ протестантскаго; марксизмъ по его сущности и направленію болѣе близокъ къ протестантизму.

Но какъ католицизмъ и протестантизмъ вопреки ихъ антагонизму являются дополняющими другъ друга, такъ и въ марксизмѣ рядомъ съ протестантскими элементами можно найти и католическіе. Не говоря уже о томъ, что сначала Марксъ и Энгельсъ восприняли, какъ уже сказано, соціализмъ католическій, французскій, многія изъ ученій Маркса подобны католическимъ: интернаціонализмъ, преобладающее значеніе среды и вообще устраненіе личности, философскій объективизмъ, суровая партійная дисциплина и авторитетность—все это указываетъ на католическую окраску марксизма [1]).

Клерикалы Австріи объявляютъ соціализмъ порожденіемъ не только протестантизма и либерализма, но и еврейства. Указываютъ на Маркса, Лассаля и другихъ соціалистовъ евреевъ. Объ этомъ я уже говорилъ въ прошлой главѣ; здѣсь скажу только то, что въ соціализмѣ во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего еврейскаго. Теоретически и практически онъ существовалъ до Маркса и до Лассаля; философскими основаніями марксизма были протестантское гегеліанство и Фейер-

---

Въ Socialist Monatshefte 1898 г. интересна статья Лютгенау: „Соціализмъ и церкви". Авторъ обращаетъ вниманіе на заявленіе „Osservatore romano", что католическая церковь можетъ отлично ужиться не только съ буржуазной, а и съ соціалистической республикой. Точно также и въ Civilta cattolica уже давно очень дѣльно и прилично отзываются о соціализмѣ и его вождяхъ. Самъ Лютгенау признаетъ папскую энциклику о рабочемъ вопросѣ и вообще для него католическая политика симпатичнѣе протестантской: онъ предсказываетъ, что католизмъ дольше переживетъ вѣкъ капитализма, чѣмъ протестантизмъ (замѣтьте, что статья Лютгенау указана Катрейномъ въ числѣ книгъ, „переполненныхъ подлыми нападками на все святое"—„Соціализмъ"—Катрейна).

[1]) Въ этомъ смыслѣ разсматривается Новый Завѣтъ Rogge: Irdische Besitz um Neuen Testament, 1897.

[2]) Бебель напоминаетъ, что Лютеръ сталъ на сторону князей; правда, что онъ позже очень сурово нападалъ на мятежныхъ крестьянъ. Мнѣнія Лютера о рабочемъ излагаетъ Вальтке: Gesindeordnungen in Sachsen bis zum Jahre 1835 (Schmoller's Staats und Socialwissenschaf. Forschungen XII).

Ср. Ульгорнъ — Католицизмъ и протестантизмъ по отношенію къ соціальному вопросу 1887. Его же — Дѣятельность христіанской любви 1882—90. Риггенбахъ—Призрѣніе бѣдныхъ при реформаціи 1883. Ратцингеръ (католикъ)—Исторія церковнаго призрѣнія бѣдныхъ 1884.

[1]) Интересна была бы въ этомъ отношеніи подробная статистика въ Германіи, гдѣ можно сравнить обѣ церкви. Въ Neue Zeit (1896—Гекъ: Соціалъ демократія и религіозные вѣроисповѣданія) на основаніи народной переписи 1890 года сравниваютъ отдѣльныя области Германіи по вѣроисповѣданію и по числу соціалистическихъ избирателей: данныя указываютъ, что протестантскія страны доступнѣе католическимъ соціалистическимъ идеямъ. Гекъ полагаетъ, что въ подробностяхъ такой параллелизмъ прекращается и что тутъ вообще нельзя говорить о какомъ либо соціальномъ законѣ; тѣмъ не менѣе эти параллели подтверждаютъ органическія отношенія между протестантизмомъ и марксизмомъ.

Насколько существуетъ внутреннее родство между протестантизмомъ и марксизмомъ, это всего лучше доказывается христіанскимъ (католическимъ) соціализмомъ въ Австріи: его основатели Фогельзангъ и Рудольфъ Мейеръ были протестанты (первый перешелъ въ католицизмъ).

бахъ. Въ выработкѣ марксизма игралъ большую роль не только еврей Марксъ, но и протестантъ Энгельсъ.

То обстоятельство, что въ соціалистической партіи много евреевъ, обусловливается многими причинами. Прежде всего тѣмъ, что существуютъ не одни только богатые евреи въ Польшѣ, въ Галиціи, въ Россіи, въ Австріи — но и громадный еврейскій пролетаріатъ. Соціализмъ долженъ быть симпатиченъ евреямъ потому, что онъ заступается за всѣхъ угнетенныхъ; и наконецъ образованныхъ евреевъ привлекаетъ раціонализмъ и матеріализмъ соціализма. То обстоятельство, что евреи проникли въ соціалистическіе органы печати, объясняется тѣми же причинами, которыя объясняютъ проникновеніе ихъ въ журналистику вообще.

127. Марксъ и Энгельсъ сильно ошибались, утверждая, что религіозный вопросъ дѣло поконченное. Развитіе соціализма и марксизма доказываетъ прямо противуположное.

Въ послѣдніе годы въ программу германской, а также и австрійской и богемской соціалъ демократіи принято опредѣленіе, что религія есть частное дѣло. Это опредѣленіе принято еще съ 1875 года. Лассаліанцы не были столь враждебны религіи, какъ эйзенахцы; программа соглашенія между ними признала религію частнымъ дѣломъ. На конгрессѣ соціалъ-демократической партіи въ Галле (1890) борьба противъ религіи была прекращена, на Кельнскомъ конгрессѣ (1893) былъ данъ пароль, чтобы ораторы при ихъ агитаціи или совершенно не касались религіознаго вопроса или касались его съ крайней осторожностью и чтобы они не возбуждали противъ себя духовенства. Наконецъ эрфуртская программа признала еще разъ религію частнымъ дѣломъ.

Также вопросъ поставленъ и въ Австріи [1]). Очевидно, что такая его постановка есть либерализмъ и оппортунизмъ.

Марксъ не считалъ религію частнымъ дѣломъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается марксистами въ настоящее время [2]).

---

[1]) Укажу на статью: „Религія есть частное дѣло“ въ Arbeiter Zeitung 1895 г. и на статью Socialism a naboženstvi—Крапка въ Socialni democrat 1893 г.

[2]) Марксъ говоритъ, что чисто политическая эмансипація, эмансипація государства отъ религіи, не есть полная эмансипація; свободное отъ религіи государство не обозначаетъ еще свободныхъ отъ религіи людей. „Громадное большинство оттого, что оно становится частно религіознымъ, не перестаетъ быть религіознымъ“ (Deutsch-Französ. Jahrbuch. св. „Святое семейство“ 172. Марксъ не призналъ бы лозунга Кавура: свободная церковь въ свободномъ государствѣ и не могъ бы одобрить новую программу соціалъ-демократической партіи, такъ какъ онъ требовалъ полнаго освобожденія отъ религіи. Въ проэктѣ готской программы требовалась свобода совѣсти; Марксъ въ его критикѣ протестуетъ противъ такого требованія, какъ буржуазной, либеральной формулы и видитъ

Несомнѣнно, что принятая въ Галле формула либерально-оппортунистская. Слово «частный» можетъ обозначать индивидуальный, личный, субъективный (такъ какъ напр. протестантизмъ понимаетъ религію въ противуположность католицизму), но оно значитъ также и «не общественный». А въ этомъ второмъ смыслѣ слова религія никогда не была и не можетъ быть частнымъ дѣломъ — и именно марксизмъ и исключаетъ подобное пониманіе [1]).

Насколько я знаю рабочихъ, для нихъ религіозный вопросъ рѣшительно самый важный, жизненный вопросъ и онъ интересуетъ ихъ больше, чѣмъ «Капиталъ» Маркса. Классовое сознаніе въ соціалъ-демократіи усиливается всего болѣе борьбой противъ клерикаловъ, и это борьба имѣетъ рѣшительное вліяніе на членовъ партіи. Потому все, что относится до религіи и философіи, читается ими съ особой охотой, больше всего другого, не исключая и сочиненій по политической экономіи. Кажется, тоже наблюдается и въ другихъ странахъ [2]).

И не одно только отрицаніе положительной религіи составляетъ могущественную общественную силу соціализма, лучшіе изъ рабочихъ, насколько я могъ замѣтить, жаждутъ религіозной жизни и понимаютъ соціализмъ именно религіозно, вопреки Марксу и всѣмъ программамъ. Отъ этого то и происходитъ мнѣніе, что соціализмъ, собственно говоря, есть тоже религія—религія пролетаріата.

И въ этомъ мнѣніи есть доля истины. Мы знаемъ изъ исторіи соціализма, что соціализмъ и коммунизмъ проповѣдывался прежде всего религіозными сектами. Современный соціализмъ въ прежнее время тоже имѣлъ религіозный характеръ — и не только французскій соціализмъ, но и нѣмецкій съ англійскимъ (въ протестантизмѣ религіозный его характеръ менѣе силенъ, чѣмъ въ католицизмѣ). Соціалистическая масса, и даже масса марксистовъ все еще продолжаютъ понимать соціализмъ также, какъ онъ понимался Вейтлингомъ и вообще прежними поколѣніями, т. е. религіозно.

въ немъ, совершенно согласно съ взглядами, высказанными имъ въ Deutsch.-Franz. Jahrbuch., только свободу религіозной совѣсти; рабочая же партія, наоборотъ, должна освободить совѣсть отъ религіозныхъ призраковъ.

[1]) Упомянутая статья въ Arbeiter-Zeitung въ защиту этой формулы всего лучше опровергаетъ тезисъ о частномъ характерѣ религіи: религія есть суевѣріе, а суевѣріе всего больше вредитъ рабочимъ, такъ какъ поддерживаетъ невѣжество — и потому самому будто бы и выходитъ, что религія есть частное дѣло!

[2]) Интересный отчетъ объ Англіи и Америкѣ у Кнаппа: „Университеты и соціальный вопросъ 1895 г. Изъ отчета видно, что и тамъ у самыхъ бѣдныхъ изъ рабочихъ стремленіе къ общему образованію сильнѣе, чѣмъ къ знаніямъ, практически примѣнимымъ при работѣ въ мастерскихъ.

Даже Энгельсъ считаетъ христіанство пролетарнымъ и по крайней мѣрѣ соціалистическимъ движеніемъ. Конечно изъ того, что первоначальное христіанство и старыя секты были соціалистическими, еще не слѣдуетъ, что и теперешній соціализмъ религіозенъ; но все таки въ попыткѣ изображать христіанство соціализмомъ можно видѣть нѣкоторую склонность къ религіи [1]).

Марксизмъ въ массѣ проявляется, какъ вѣра. Правда, что и другія политическія партіи въ массѣ таковы же; я не буду ссылаться на Фейербаха, признававшаго политику современной религіей; достаточно констатировать фактъ, что вѣра среди соціалистовъ очень живая вѣра. Соціализмъ возбуждаетъ и усиливаетъ у его приверженцевъ великую надежду и довѣріе на будущее — а именно это и есть религіозное вѣрованіе. Въ соціализмѣ есть нѣкое мессіанистское упованіе—и этотъ элементъ внесенъ въ него изъ еврейства Марксомъ и Лассалемъ. Соціализмъ усиливаетъ сознаніе общности между людьми и ведетъ къ стремленію къ самопожертвованію—а эти свойства религіозныя. Религія, вѣдь, не только теоретическое объясненіе міра, а и моральное и соціальное.

Марксъ и Энгельсъ вслѣдствіе ихъ позитивистическаго культа почти совершенно не цѣнили соціальнаго вліянія вѣрованій на общество — они могли бы въ этомъ отношеніи поучиться у ихъ собственной партіи. Вѣра есть высшій, для всякаго нормальнаго человѣка необходимый объективизмъ и она eo ipso соціальна; объективизмъ Марксъ черезъ чуръ желченъ.

Рабочая масса еще не утратила своихъ вѣрованій до такой степени, какъ ея интеллигенція и именно поэтому слѣдуетъ различить между вѣрой массы и философіей ея теоретическихъ вождей, старающихся сдѣлать соціализмъ чисто научной и экономической системой.

Но и нѣкоторые изъ вождей не смотря на всю ихъ философію и науку, въ сущности, вѣрующіе — даже въ томъ случаѣ, когда они проповѣдуютъ атеизмъ. Къ такимъ вѣрующимъ я причисляю напр., и Бебеля; его вдохновеніе, его атеистическій фанатизмъ, проглядывающій во всѣхъ его сочиненіяхъ, имѣютъ въ себѣ нѣчто религіозное; я не считаю эту религію великой, но въ этомъ отношеніи Бебель не хуже своихъ религіозныхъ противниковъ [2]).

[1]) Я говорилъ уже объ этой попыткѣ Энгельса и указалъ, что утвержденія Энгельса не вполнѣ вѣрны. Каутскій („Предшественники новаго соціализма“) также, кажется, видитъ въ первоначальномъ христіанствѣ болѣе пролетаріата, чѣмъ слѣдуетъ; не говоря уже о томъ, что рабочихъ было не такъ много, какъ вообще полагали ранѣе, они и не имѣли такого вліянія на развитіе христіанства, какое имъ приписываютъ соціалисты. Но я долженъ замѣтить, что въ заявленіяхъ напр. пастора Наумана и его друзей найдется не мало мѣста, подтверждающимъ мнѣніе Каутскаго и др.

[2]) Такія положенія, какъ, напр.: „въ одномъ отношеніи соціалъ демократія стоитъ вполнѣ на высотѣ современной науки — именно въ невѣріи“ или: „мы стремимся въ области политики къ республикѣ, въ сферѣ экономической къ соціализму, и въ той, которую теперь называютъ религіозной, къ атеизму“—не должны вводить насъ въ заблужденіе. Тутъ дѣло не столько въ содержаніи, сколько въ чувствѣ, въ вдохновеніи, съ которымъ дѣлаются подобныя заявленія—понятно, что дѣло также и въ цѣли, къ которой стремится ораторъ.

Если, наконецъ, припомнить какъ великъ вездѣ процентъ христіанскихъ соціалистовъ, то мы не будемъ сомнѣваться въ томъ, что теперешній соціализмъ въ высокой степени религіозенъ. Я не утверждаю, что онъ чисто религіозный и что онъ есть религія будущаго, потому что въ немъ имѣется и сильный нерелигіозный, чисто интеллектуальный элементъ (его антирелигіозное направленіе доказываетъ скорѣе именно религіозный его характеръ).

Въ этомъ отношеніи соціализмъ находится въ томъ же положеніи, какъ и другія партіи реформъ и реформаторскія движенія. Именно потому, что онъ хочетъ быть вполнѣ новымъ міросозерцаніемъ, онъ волей — неволей долженъ быть религіознымъ. Повторяю, что никто не долженъ обманываться проповѣдью безрелигіозности, атеизма, выходомъ изъ оффиціальной церкви и т. д.— теперь часто болѣе религіозны бываютъ тѣ, которые не хотятъ имѣть религіи. Матеріализмъ, къ которому примкнули Марксъ и Энгельсъ въ эпоху реакціи, былъ направленъ преимущественно противъ церкви и именно поэтому онъ былъ признаніемъ религіи. Самая ожесточенная борьба часто ведется между партіями, стоящими на одной почвѣ — протестантъ видитъ въ католикѣ большаго врага, чѣмъ въ евреѣ; по этому же и церкви такъ враждуютъ противъ соціализма. Энгельсъ признавалъ германское рабочее движеніе наслѣдникомъ нѣмецкой классической философіи; а нѣмецкая философія и теперь, какъ и всякая философія, признаетъ своей главной проблеммой вопросъ религіозный.

Потому не слѣдуетъ удивляться, что новые теоритики соціализма, а также марксисты, усердно занимаются философіей религіи. Я уже въ перечисленіи источниковъ указалъ на нѣкоторыхъ авторовъ: Лютгенау, Дитцгена, Петерса въ Германіи, Бакса въ Англіи, Гронленда, въ Америкѣ и т. д.

Нѣмецкіе теоретики возвращаются къ религіи человѣчества Фейербаха [1]); у нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчается сильное религіозное вдохновеніе.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ марксизмѣ произойдетъ такая

[1]) Либкнехтъ на конгрессѣ въ Галле отъ имени всей партіи заявилъ: „у насъ тоже есть вѣра въ высшій идеалъ“—и эта вѣра есть „религія человѣчества“ Энгельсъ въ своемъ сочиненіи о Фейербахѣ тоже говоритъ объ истинно человѣческой этикѣ—соціализмъ не пошелъ дальше идеала гуманности.

же реакція, какъ и въ другихъ современныхъ направленіяхъ — позитивистическое пресыщеніе наукой не утоляетъ голода истинно, дѣйствительно голодающихъ и жаждущихъ душъ. Фейербахъ тоже къ концу своей жизни началъ думать о богемскихъ братьяхъ, воспитателяхъ и учителяхъ Шлейермахера [1]).

Соціализмъ и въ особенности марксизмъ, внося въ массы философію, вносятъ въ нихъ и религіозный вопросъ. Очевидно, что оффиціальные стражи церкви начинаютъ понимать это.

---

[1]) У Грюна II, ст. 236: Цинцендорфъ и Гернгутеры (1865).

X.

Этическій вопросъ.

128. На каждой сходкѣ соціалъ демократовъ всякій внимательный слушатель получаетъ оригинальное двойственное впечатлѣніе; онъ слышитъ, что ораторы, развивая свои соціальные планы, отрекаются отъ всякаго морализированія, и вдругъ тутъ же онъ слышитъ, какъ тѣже ораторы сразу, безъ всякаго перехода, взываютъ противъ несправедливости современнаго общественнаго строя къ чувствамъ слушателей и требуютъ равенства во имя человѣчности и естественнаго права — однимъ словомъ, тутъ тотъ самый дуализмъ аморализма и морализма, который мы видимъ во всемъ «Капиталѣ» Маркса и который вообще такъ характеренъ для историческаго матеріализма.

Мы знаемъ уже, что Марксъ и Энгельсъ приняли гуманизмъ Фейербаха; и дальше этого гуманизма они, собственно говоря, и не пошли, несмотря на весь ихъ позитивизмъ.

Идея гуманности во времени Фейербаха господствовала въ философіи и вообще въ литературѣ; Фейербахъ пытался дать этой идеѣ новое обоснованіе и общее значеніе посредствомъ его теоріи религіи. Онъ отвергаетъ гуманизмъ, проистекающій изъ эгоизма и именно потому превращающійся въ теологію и провозглашаетъ нетеологическій гуманизмъ любви — для него жизнь и любовь тождественны.

Задолго до Фейербаха этики, главнымъ образомъ англійскіе, настаивали на чувствѣ симпатіи — и въ числѣ ихъ былъ Юмъ; Кантъ и его послѣдователи настаивали, напротивъ, на авторитетѣ разума. Фейербахъ принялъ симпатію Юма или гуманность, но онъ понималъ ее въ смыслѣ тогдашней романтики и сантиментальности.

Марксъ и Энгельсъ восприняли гуманность Фейербаха, но хотѣли устранить изъ нея всякую сантиментальность. Уже въ статьяхъ въ Deutsch — Franz. Jahrbücher и въ «Святомъ семействѣ» гуманизмъ

Фейербаха превращается въ реальный гуманизмъ. Марксъ отвергъ положительно сантиментальное любезниченье уже въ 1846 году; но слѣдуетъ замѣтить, что онъ не вполнѣ отвергаетъ любовь, хотя и считаетъ ее менѣе важной, чѣмъ требованіе соціальныхъ реформъ, вытекающее изъ общественныхъ отношеній [1]).

Точно также и Энгельсъ гораздо позднѣе отвергаетъ сантиментальную этику Фейербаха, «любите другъ друга» — эта старая пѣсня, глупость, хотящая общаго примиренія — и въ силу этого по-

[1]) Въ напечатанной Струве статьѣ изъ Westphalisch. Dampfboot 1846 г. (Neue Zeit 1895: „Двѣ до сихъ поръ неизвѣстныя статьи К. Маркса“) говорится между прочимъ слѣдующее:

„Чувствительное сердце, трепещущее при видѣ господствующихъ теперь страданій, есть по словамъ Гуцкова, самый лучшій ораторъ за коммунизмъ. Во всякомъ случаѣ общая любовь къ людямъ, проповѣдуемая первоначальнымъ христіанствомъ—которое поэтому многіе считали осуществленіемъ коммунизма—есть источникъ, изъ коего проистекали идеи о соціальной реформѣ. Извѣстно, что всѣ прежнія и многія изъ новыхъ соціальныхъ стремленій имѣли христіанскій религіозный отпечатокъ; противъ злой дѣствительности, противъ ненависти проповѣдывали о царствѣ любви. Для начала и того было довольно. Но такъ какъ опытъ учитъ, что эта любовь въ теченіи восемнадцати вѣковъ не стала дѣятельной, что она не могла измѣнить общественныхъ отношеній и основать свое царство, то изъ этого очевидно, что эта любовь, не могущая побѣдить ненависти, не даетъ энергической дѣятельной силы, необходимой для общественныхъ реформъ. Эта любовь тратится на сантиментальныя фразы, которыми не устранишь дѣйствительныхъ, фактическихъ условій; она только усыпляетъ человѣка, кормя его тепленькими чувствованіями. Но нужда даетъ человѣку силу; кто долженъ помочь себѣ, тотъ и помогаетъ. Потому что дѣйствительное положеніе этого міра, рѣзкое противорѣчіе въ теперешнемъ обществѣ между капиталомъ и трудомъ, между буржуазіей и пролетаріатомъ, противорѣчіе, всего болѣе развитое въ промышленномъ обращеніи, есть иной, болѣе сильно бьющій источникъ соціалистическаго міросозерцанія, требованія соціальныхъ реформъ. Эти условія жизни вопіютъ къ намъ: „такъ не можетъ продолжаться, должно быть иначе, и мы сами, люди, должны сдѣлать это инымъ“. Эта желѣзная необходимость даетъ соціалистическимъ стремленіямъ и распространеніе и дѣятельныхъ послѣдователей, и она проложитъ дорогу для соціалистическихъ реформъ посредствомъ преобразованія современныхъ отношеній обращенія скорѣе, чѣмъ вся любовь, пламенѣющая во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ всего свѣта“.

Въ силу такого любвеобилія Криге (издатель Ньюіоркской газеты Volksstribuné) изображаетъ коммунизмъ такимъ любезнымъ и любящимъ, и сводитъ все всемірное революціонное движеніе къ парѣ словечекъ: любовь—ненависть, коммунизмъ—эгоизмъ. Такое лицемѣрное изображеніе коммунизма, не какъ „разрушенія“, а какъ „дополненія“ существующихъ дурныхъ отношеній и иллюзій, оставляемыхъ буржуазіей, видно во всѣхъ нумерахъ газеты. Какое разслабляющее вліяніе такое любвеобиліе оказываетъ на оба пола, и какую массовую истерію и блѣдную немочь оно должно вызвать у „дѣвственницъ“ — объ этомъ пусть подумаетъ самъ Криге“.

слѣдніе остатки революціоннаго настроенія исчезли изъ философіи Фейербаха.

Но въ концѣ концовъ и Энгельсъ обѣщаетъ только этику гуманизма, «дѣйствительно человѣческую нравственность».

Я не буду повторять, что у Маркса и Энгельса позитивизмъ Фейербаха и Гегеля поддерживался французскими и англійскими вліяніями—уже Гегель сохранялъ этику только для «ограниченнаго разума»; всемірная исторія идетъ своимъ путемъ надъ головами отдѣльныхъ личностей—всякая идеологія и въ особенности всякая этика отвергается; читатель не забылъ о любопытной психологіи «дѣятельной силы дѣятельныхъ силъ» Энгельса. И тѣмъ болѣе должно поразить его, что въ концѣ концовъ Энгельсъ возвращается къ реальному гуманизму и... къ нравственности.

Этотъ для марксизма столь важный и характерный переворотъ мы находимъ въ сочиненіи противъ Дюринга, особенно въ изслѣдованіи теоретико-познавательнаго обоснованія этическаго принципа.

Энгельсъ опровергаетъ требованіе всеобщей любви съ точки зрѣнія позитивистической относительности. Всеобщихъ и абсолютныхъ этическихъ правилъ быть не можетъ, потому что относительность господствуетъ не только въ сферѣ познанія, но и въ сферѣ практическаго дѣйствія. По классификаціи наукъ Энгельса этика принадлежитъ къ наукамъ историческимъ; а именно въ нихъ абсолютныя истины рѣже, чѣмъ въ наукахъ біологическихъ и естественныхъ. Противорѣчіе добра и зла «существуетъ исключительно въ сферѣ нравственной, т. е. принадлежащей къ исторіи человѣка и именно тутъ конечныя истины въ послѣдней инстанціи посѣяны всего рѣже».

Представленія о добрѣ и злѣ, продолжаетъ Энгельсъ, измѣняются соотвѣтственно времени и народу; одновременно предлагаются различныя нравственныя ученія. Въ настоящее время проповѣдуется не одна мораль, а цѣлыхъ три: христіанско феодальная (она дѣлится на католическую и протестантскую; и тутъ тоже различныя системы отъ іезуитско католической и ортодоксально протестантской до либерально просвѣщенной), современная буржуазная и наконецъ пролетарная мораль будущаго. Всѣ эти теоріи нравственности проповѣдуются одновременно—которая же изъ нихъ истинная? «Ни одна—въ смыслѣ абсолютной окончательности, но, разумѣется, вѣрнѣе всѣхъ та, которая соединитъ въ себѣ наибольшее количество болѣе постоянныхъ элементовъ, представляющихъ въ настоящемъ ниспроверженіе этого настоящаго, будущее—стало быть, нравственность пролетарная».

Каждый классъ и каждое сословіе имѣютъ, стало быть, свою собственную нравственность, хотя бы въ трехъ этихъ теоріяхъ нравственности и было кое что общее, именно постольку, поскольку онѣ

представляютъ различныя ступени одного и того же историческаго развитія. Энгельсъ признаетъ даже, что «всѣ теоріи нравственности по необходимости должны быть болѣе или менѣе согласны», такъ какъ они примѣняются къ одинаковымъ или къ приблизительно одинаковымъ экономическимъ ступенямъ развитія. Напр , заповѣдь: не укради! пригодна для всѣхъ временъ, въ которыя признается частная собственность—но именно поэтому она не есть вѣчная нравственная заповѣдь.

Энгельсъ потому отвергаетъ «нравственную догматику, какъ вѣчный, окончательный и неизмѣнный нравственный законъ»; нравственные принципы не «поднимаются надъ исторіей и различіями народовъ». Какъ общество до сихъ поръ двигалось въ классовыхъ противорѣчіяхъ, такъ и нравственность всегда была классовой. А таковая нравственность оправдываетъ или господство и интересы господствующихъ классовъ или она является представительницей возмущенія противъ этого господства и будущіе интересы угнетенныхъ, если эти угнетенные классы становятся достаточно для этого сильными. «Несомнѣнно при этомъ, что въ цѣломъ въ нравственности также, какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго познанія, осуществляется прогрессъ. Но мы все таки не выходимъ изъ классовой нравственности. Выше классовыхъ противорѣчій и даже воспоминаній о нихъ стоящая, дѣйствительно человѣческая нравственность будетъ возможна только на такой ступени общественнаго развитія, которая не только преодолѣетъ классовыя противорѣчія, но и забудетъ о нихъ въ практической жизни».

129. Эти мнѣнія требуютъ объясненій въ двухъ направленіяхъ. Дѣло тутъ въ формальномъ и въ матеріальномъ этическомъ принципѣ—въ первомъ отношеніи предъ нами вопросъ о ноетическомъ обоснованіи этики, т. е. нравственности, вопросъ о такъ называемой нравственной, этической санкціи; вторая задача есть задача о содержаніи нравственной заповѣди—въ данномъ случаѣ объ идеѣ гуманности.

Почему я не могу противиться нѣкоторымъ нравственнымъ требованіямъ, почему и откуда я получилъ понятіе о долгѣ?—на эти основные вопросы Марксъ и Энгельсъ не даютъ намъ отвѣта, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они вынуждены признать нравственность въ той или иной формѣ.

Маркса и Энгельса тутъ путаетъ ихъ позитивизмъ. Изъ страха предъ абсолютными понятіями и вслѣдствіе своего историзма они отрицаютъ существованіе абсолютныхъ этическихъ требованій и допускаютъ только относительныя. Позитивный релятивизмъ поддерживается ихъ психологическимъ иллюзіонизмомъ—тамъ, гдѣ нѣтъ очевиднаго сознанія, нѣтъ и очевидной совѣсти.

Этики всѣхъ направленій, Юмъ также, какъ и Кантъ, Гербертъ также, какъ и Шопенгауеръ, Бенеке также, какъ и Фейербахъ,

Милль также, какъ и Спенсеръ и самъ отецъ позивитизма Контъ признаютъ, что совѣсть есть такой же данный фактъ, какъ и всѣ другіе факты и явленія. Какой нибудь минералъ есть фактъ не болѣе несомнѣнный, чѣмъ то обстоятельство, что насъ возмущаетъ безчеловѣчіе и радуетъ человѣчность. Разница только въ томъ, какимъ образомъ различные этики ноетически обосновываютъ эти факты, но всѣ они—даже матеріалисты, какъ Фейербахъ и Милль—признаютъ обязательность этическаго принципа.

Почему Марксъ и Энгельсъ противники капиталистической эксплуатаціи? Неужели только потому, что капиталистическая система невѣрна экономически, а не потому также, что она неоправдываема, несправедлива и возмущаетъ ихъ чувство человѣчности? Если бы капитализмъ былъ невѣренъ только экономически, Марксъ навряд ли написалъ свой «Капиталъ». Вѣдь капитализмъ, какъ признаетъ самъ Марксъ, экономически лучше другихъ прежнихъ системъ—зачѣмъ же мы будемъ замѣнять его коммунизмомъ? Почему мы должны стремиться къ равенству?

Почему и на основаніи какого права мы должны принять коммунизмъ? Только потому, что, «Коммунистическій манифестъ» угрожаетъ мятежникамъ? Но почему же явились эти мятежники, откуда они взялись? Если бы у насъ не было иныхъ внутреннихъ основаній для признанія равенства (абсолютнаго или только большаго по сравненію съ существующимъ теперь), у Маркса противъ власти капитализма не было бы ничего, кромѣ коммунистическаго насилія. Остается только одно—насильственный переворотъ; но откуда же тогда придетъ то царство свободы, которое съ такимъ вдохновеніемъ описываетъ Энгельсъ? Неужели только посредствомъ новаго насилія надъ старымъ насиліемъ?

Аморализмъ Маркса есть психологическій и соціологическій утопизмъ. Онъ является просто невозможнымъ. Общество организовано не только технически и экономически, а и этически—право и нравственность суть реальныя соціальныя силы; они оправдываемы и ихъ оправданіе проистекаетъ не изъ ихъ полезности для личности и общества, а изъ существующаго у человѣка чувства человѣчности.

Марксъ и Энгельсъ не подумали хорошенько объ этомъ. Такъ напр., Марксъ въ выше цитируемой статьѣ 1846 года противупоставляетъ любви требованіе соціальныхъ реформъ—но что такое это требованіе въ психологическомъ отношеніи, какъ оно появилось и чѣмъ оно оправдываемо? Почему оно болѣе оправдываемо, чѣмъ желаніе общественнаго спокойствія, противъ котораго именно и долженъ бороться Марксъ своимъ требованіемъ общественныхъ реформъ?

Въ главѣ о правѣ я обратилъ вниманіе читателя на то, что

Марксъ ссылается на естественное право—что это за право? При изслѣдованіи развитія идеи равенства мы опять таки приходимъ къ критическому вопросу: чѣмъ оправдываема эта идея? Очевидно, недостаточно взять точкой отправленія данную исторически буржуазную идею равенства и выводить изъ нея «болѣе или менѣе вѣрныя, дальнѣйшія требованія». Почему я долженъ дѣлать то, и не дѣлать другого, если большинство современниковъ не только не считаютъ эти требованія «болѣе или менѣе вѣрными», а считаютъ ихъ абсолютно ложными?

Марксъ и Энгельсъ преувеличиваютъ относительность нравственнаго закона. Собственно говоря, не существуетъ соціальныхъ и экономическихъ классовъ такихъ, какіе признаются Марксомъ; не существуетъ и такой классовой морали, какую признаетъ Марксъ. Я нисколько не отрицаю нравственныхъ различій въ разныя времена у разныхъ народовъ, группъ и классовъ; но опытъ учитъ, что несмотря на такія различія всегда было у нихъ и много общаго и что люди въ особенности согласны именно по отношенію къ главнымъ нормамъ нравственности будущаго. Да и откуда бы Энгельсъ узналъ объ этой общей нравственности будущаго, если бы эта нравственность не смотря на всѣ классовыя противорѣчія не существовала и теперь, хотя и въ неразвитой формѣ? Съ самаго начала развитія люди всегда были только людьми и если бы въ зародышѣ не существовало чувствъ истинной человѣчности, человѣчество никогда не достигло бы современнаго нравственнаго развитія, и никогда не достигнетъ той высшей ступени, къ которой оно стремится. Потому то въ концѣ концовъ и самъ Энгельсъ долженъ былъ признать дѣйствительно человѣческую нравственность. Въ будущемъ, при господствѣ коммунизма, «дѣйствительная человѣчность» будетъ не столь общей, какъ это было бы желательно Энгельсу—это обусловливается человѣческой слабостью; но это не возраженіе противъ абсолютности идеи человѣчности и только доказываетъ, что Энгельсъ не уяснилъ себѣ понятія объ исторической относительности.

Въ краткихъ словахъ вотъ что можно сказать о ноетическомъ обоснованіи нравственнаго закона: позитивный аморализмъ ложенъ, такъ какъ онъ противно принципамъ позитивизма признаетъ иллюзіей положительный фактъ—очевидное сознаніе обязательности чувства человѣчности. Неестественность такого ученія необходимо должна привести къ признанію «дѣйствительно человѣческой нравственности будущаго».

Это значитъ, что только чувство человѣчности санкціонируетъ себя само. Въ концѣ концовъ это должны были признать и Марксъ и Энгельсъ (они, вѣдь, признали естественное право); но они помимо уже указанныхъ основаній не хотятъ допустить такой абсолютной санкціи изъ страха религіозной санкціи нравственнаго закона.

Мое мнѣніе объ этомъ отношеніи религіи и нравственности со-

стоитъ въ слѣдующемъ: какъ я уже пытался указать, я не считаю религію поконченной и устраненной. Совсѣмъ напротивъ. Но я отдѣляю религію или, вѣрнѣе сказать, религіозность отъ нравственности; нравственность, по моему мнѣнію, санкціонируется не религіей; но такъ какъ я признаю религіозность, то и нравственность я разсматриваю религіозно, съ точки зрѣнія религіознаго міросозерцанія.

130. Перейдемъ теперь къ второму главному вопросу этики, къ вопросу о содержаніи нравственнаго закона.

И для Маркса и Энгельса такое содержаніе составляетъ идея гуманности—дѣйствительно человѣческая нравственность; но этотъ вопросъ все таки требуетъ нѣкоторыхъ важныхъ разъясненій.

Прежде всего у Маркса и Энгельса играетъ очень большую роль рѣзкій контрастъ между человѣчностью и безчеловѣчіемъ. Законъ отрицанія отрицанія проявляется тутъ во всей его рѣзкости, какъ этическій дуализмъ. И во всякомъ случаѣ этотъ контрастъ не анализированъ точно и психологически

Марксъ и Энгельсъ, очевидно, тутъ слѣдуютъ многочисленнымъ образцамъ классическихъ экономистовъ, раскалывающихъ по методу Смита человѣка на два существа: эгоистическое и альтруистическое. И такое методологическое раздѣленіе Смита у нихъ получаетъ совершенно особое значеніе: первобытный человѣкъ былъ альтруистомъ, затѣмъ послѣдовала эпоха эгоизма, хищности и жажды власти, и наконецъ снова настанетъ время альтруизма.

Такое этическое раздѣленіе на крупныя культурныя эпохи дополняется раздѣленіемъ на два большихъ класса; въ эпоху капиталистическую эгоизмъ отводится на долю капиталистовъ, а альтруизмъ на долю рабочаго класса. Трудно представить себѣ, какъ это люди и цѣлыя эпохи, цѣлые классы развились столь односторонне, но уже Платонъ представлялъ себѣ дѣло именно такъ и Марксъ кое чему выучился у Платона.

Марксъ и Энгельсъ считаютъ альтруизмъ въ человѣкѣ очень слабымъ. Человѣкъ представляется имъ существомъ по существу эгоистическимъ, если онъ даже и принимаетъ утилитаріанизмъ. Но вопросъ объ эгоизмѣ и альтруизмѣ нигдѣ подробно не разрабатывается. Марксъ и Энгельсъ очень скоро становятся приверженцами позитивистическаго аморализма и потому для нихъ вопросъ о томъ, существуетъ ли у человѣка эгоизмъ и альтруизмъ, и сколько именно эгоизма и сколько альтруизма и т. д. утрачиваетъ всякое значеніе. Но вскорѣ снова выступаетъ на сцену моралистъ, а съ нимъ и дуализмъ человѣчности—любви и безчеловѣчія.

Старый вопросъ о дуализмѣ эгоизма и альтруизма имѣетъ въ соціологіи большое значеніе.

Я уже указалъ и повторяю здѣсь настоятельно, что между эгоиз-

момъ и альтруизмомъ не существуетъ такого противорѣчія, какое признаютъ многіе психологи, соціологи и моралисты. Уже въ томъ есть нѣкое petitio principii, что личность постоянно противупоставляютъ обществу—я знаю только общество, составленное изъ личностей; между личностями существуетъ антагонизмъ, но существуетъ также и солидарность. Съ этой, справедливой, по моему мнѣнію, соціологической точки зрѣнія, которую я развиваю во всей этой работѣ и главнымъ образомъ въ IV главѣ, отношеніе между эгоизмомъ и альтруизмомъ представляется въ другомъ освѣщеніи, чѣмъ обыкновенно его освѣщаютъ. Я не признаю абсолютнаго дуализма эгоизма и альтруизма; рядомъ съ эгоизмомъ и противъ него стоятъ, напр., честолюбіе, стремленіе къ новизнѣ, и другіе чувства и страсти, устраняющія рѣзкое противорѣчіе между эгоизмомъ и альтруизмомъ. А разъ я не усматриваю никакого абсолютнаго противорѣчія между личностью и обществомъ, то я не могу признать и абсолютнаго коллективизма; съ другой стороны, требуя энергическаго развитія собственной индивидуальности, я отнюдь этимъ не исповѣдую абсолютнаго эгоизма, ибо индивидуализмъ и эгоизмъ совсѣмъ не одно и тоже. А кромѣ того и не всякій эгоизмъ безполезенъ для общества и дуренъ. [1]) Я, разумѣется, не буду предлагать выдавать преміи за эгоизмъ—я только отрицаю крайній этическій дуализмъ.

А разъ отпадаетъ психологическій дуализмъ, то отпадаетъ и культурно историческій и соціальный дуализмъ Маркса и Энгельса. Великія эпохи въ исторіи человѣчества слѣдуютъ одна за другой не какъ абсолютныя противорѣчія и классы не такъ абсолютно раздѣлены. Въ обществѣ больше любви и солидарности, чѣмъ допускаетъ Марксъ, и мы можемъ надѣяться, это эта солидарность будетъ расти. Марксъ впадаетъ въ крайность, раздѣляя все общество на ангеловъ правой и дьяволовъ лѣвой стороны—человѣкъ не ангелъ и не дьяволъ, а существо, занимающее средину между ними.

Марксъ и Энгельсъ сначала придавали больше значеніе всеобщей солидарности, чѣмъ позже. Въ предисловіи къ второму изданію (1892) сочиненія о положеніи англійскихъ рабочихъ Энгельсъ говоритъ, что въ первомъ изданіи (1845) онъ видѣлъ въ коммунизмѣ не теорію одной только рабочей партіи, а ученіе, стремившееся къ освобожденію всего общества, и, стало быть, и капиталистовъ. Въ абстрактѣ это и теперь остается вѣрнымъ, но на практикѣ это хуже,

[1]) Энгельсъ тоже вполнѣ основательно указываетъ, что эгоизмъ способствовалъ прогрессу человѣчества; онъ указываетъ, что первобытная, чисто звѣрская свирѣпость на войнѣ позже смягчилась въ виду собственной выгоды воиновъ („Происхожденіе семьи“ ст. 92).

Марксъ также признавалъ національный эгоизмъ болѣе высокимъ, чѣмъ личный и сословный.

чѣмъ безполезно. Когда Энгельсъ говоритъ дальше, что его точка зрѣнія въ 1845 году не была точкой зрѣнія научнаго соціализма, что въ ней отражалась еще классическая философія, то, право, приходится пожалѣть о томъ, что позднѣйшая позитивная научность вытѣснила эту философію. Въ дѣйствительности же во многихъ сочиненіяхъ и заявленіяхъ Маркса и Энгельса и въ позднѣйшее время встрѣчаются мѣста, гдѣ говорится именно о цѣломъ и о солидарности цѣлаго [1]). Марксъ и Энгельсъ, какъ дуалисты, только позже проповѣдуютъ классовую борьбу и насильственный переворотъ.

Такая точка зрѣнія и не вѣрна и неоправдываема; она и несправедлива и неестественна. И въ научномъ смыслѣ она понесла должное наказаніе. Марксъ въ его третьей части дезавуировалъ первую, а Энгельсъ въ концѣ концовъ отрекся отъ революціи, а стало быть, и отъ насильственной классовой борьбы.

Да оно и понятно: если все теперь господствующее общество, вся буржуазія, только эгоистична, хитра и жаждетъ власти, то какимъ образомъ произойдетъ улучшеніе, какимъ образомъ получитъ преобладаніе и общее дѣйствіе пролетарная будущая нравственость Энгельса? Развѣ насиліе пролетаріата можетъ сломить эгоизмъ господствующихъ классовъ и превратить его въ альтруизмъ? Развѣ изъ насилія и посредствомъ насилія можетъ произойти «дѣйствительно человѣческая нравственность»?

131. Тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, Марксъ и Энгельсъ выбросили вмѣстѣ съ грязной водой изъ ванны ребенка; изъ недовольства романтической сантиментальностью они замѣнили гуманизмъ Фейербаха «реальнымъ» гуманизмомъ, а потомъ даже гуманизмомъ... классовой борьбы. Вѣдь именно такъ можно назвать ихъ позднѣйшій гуманизмъ, такъ какъ, вѣдь, гуманизмъ то все таки остается для нихъ идеаломъ, хотя они и приносятъ въ жертву своему позитивизму и историзму и нравственность, а съ ней вмѣстѣ и любовь.

Сантиментальность, это подражаніе истинному чувству, истинной любви, по существу своему есть эгоизмъ; въ то время, когда Марксъ и Энгельсъ развивались въ романтической Германіи, сантиментальность была еще достаточно сильной. Поэтому Марксъ имѣлъ полное основаніе остерегаться ее. Но его опасенія были преувеличены,

[1]) Такое мѣсто встрѣчается и въ предисловіи къ изданію „Коммунистическаго манифеста“ 1883 года. Энгельсъ говоритъ тутъ слѣдующее: съ того времени, когда исчезъ древній аграрный коммунизмъ, исторія сдѣлалась исторіей классовой борьбы. Эксплуатируемые классы борятся съ эксплуатирующими, угнетенные съ господствующими. Но теперь борьба достигла такой степени, когда эксплуатируемый и угнетенный классъ, пролетаріатъ, не можетъ освободиться отъ класса угнетающаго и эксплуатирующаго, отъ буржуазіи, не освобождая при этомъ всего общества, и навсегда, отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы.

они доказываютъ, что онъ не понималъ развитія современнаго человѣчества въ его цѣлостности и придалъ поэтому такое преувеличенное значеніе явленію преходящему и совершенно эфемерному.

Развитіе идей гуманности должно бы было спасти Маркса отъ этого заблужденія.

Гуманизмъ возрожденія создалъ новый этическій идеалъ—онъ поставилъ человѣка рядомъ съ христіаниномъ, часто даже противъ христіанина. Этотъ гуманизмъ боролся съ аскетизмомъ; онъ воспринялъ не только идеалъ классической красоты, но онъ преклонялся и предъ римскимъ этическимъ идеаломъ, предъ идеаломъ мужественности и политической дѣятельности. Къ христіанской любви, къ христіанскимъ добродѣтелямъ присоединяется такимъ образомъ новый этическій элементъ. Реформація тоже проповѣдуетъ антиаскетическую нравственность, она признаетъ критику и разумъ, и принимаетъ до значительной степени Ветхій Завѣтъ—такіе люди, какъ Кромвель и индепенденты отнюдь не были изнѣженными сантиментальными людьми. Не былъ такимъ и нашъ Хелчицкій, хотя онъ и былъ врагомъ войны и насилія—прочтите его сочиненія — не былъ такимъ и Шишка, обмѣнявшій мечъ и копье на перо и книгу. Въ томъ же направленіи идеалъ гуманности развивается и въ позднѣйшее время и еще и теперь — и даже романтика проповѣдуетъ не одну безполезную любовную чепуху, а и возрожденіе старыхъ національныхъ до христіанскихъ доблестей. Во всякомъ случаѣ и естественное состояніе Руссо было по истинѣ замѣчательной смѣсью варварства и цивилизаціи.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ—у Лессинга, Гердера, Шиллера и др.— идеалъ гуманности становится чисто раціоналистическимъ, идеаломъ просвѣщенія. Противъ преувеличеннаго раціонализма въ прошломъ, а потомъ и въ нашемъ вѣкѣ, наступаетъ романтическая и сантиментальная реакція и она снова замѣняется реакціей натуралистической и реалистической.

Посредствомъ такого развитія идеалъ гуманности получаетъ содержаніе, недопускающее опасной сантиментальности. Подумайте о главнѣйшихъ этическихъ направленіяхъ нашего вѣка, проповѣдующихъ идеалъ гуманности: Кантъ съ его пуританскимъ ригоризмомъ и раціонализмомъ; Бенеке съ его практическимъ гедонизмомъ; Фейербахъ съ его любовью; Шопенгауеръ съ его горечью и гнѣвомъ; Нитцше съ его сверхъ человѣкомъ, потомъ Милль, Спенсеръ и др.— не забудьте и о позитивизмѣ, реализмѣ, натурализмѣ, матеріализмѣ, эволюціонизмѣ въ философіи и искусствѣ... и опасенія Маркса и Энгельса относительно чувствительнаго гуманизма Фейербаха покажутся вамъ совершенно необоснованными.

Марксъ и Энгельсъ не оцѣнили вполнѣ политическаго значенія провозглашенія правъ человѣка; а это значеніе состояло въ томъ,

что идеалъ гуманности вслѣдствіе законодательной кодификаціи перешелъ изъ царства идей и желаній въ политическую и общественную практику. Къ правамъ человѣка восемнадцатаго столѣтія въ девятнадцатомъ присоединяются права національности и языка, а соціализмъ стремится къ признанію экономическихъ правъ человѣка (право на трудъ и т. д.).

Идеалъ гуманности не даетъ Марксу и Энгельсу права на отрицаніе ни его происхожденіемъ, ни его развитіемъ—потому они волей неволей должны были всегда признавать его. Другого идеала у насъ теперь и не имѣется.

Но этотъ идеалъ можетъ быть формулируемъ и обоснованъ различнымъ образомъ. Это будетъ зависѣть отъ того, въ чемъ мы видимъ сущность человѣка: въ разумѣ или въ чувствѣ и волѣ. Въ первомъ случаѣ на практикѣ будетъ одна дѣятельность, а во второмъ—другая; долгъ человѣчности распространяютъ или на узкій кругъ (напр. только на свой народъ) или на всю Европу или на все человѣчество.

Такъ напр. французы понимаютъ идеалъ гуманности болѣе политически, англичане этически и соціально, нѣмцы философски, русскіе религіозно и соціально, чехи національно и соціально и т. д.

Также различаются и отдѣльные мыслители. Посмотрите, какъ различно формулируютъ идеалъ гуманности Кантъ, Контъ и Милль! Какъ различны между собой Гердеръ, Кантъ, Фейербахъ, Кирѣевскій и Коллеръ, Достоевскій и Нитцше! И однако у всѣхъ нихъ этическій и соціальный идеалъ—люди и человѣчность.

Безъ любви, конечно, нѣтъ и не можетъ быть идеала гуманности. Изъ отвращенія къ идеологіи Марксъ отвергаетъ этику и нравственность любви. Онъ не съумѣлъ отдѣлить любовь отъ сантиментальности. Его собственный идеалъ гуманности черезъ чуръ интеллектуаленъ, односторонне позитивенъ. Соціализмъ долженъ сдѣлаться научнымъ — конечно, такъ... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть соціальнымъ.

Если Марксъ не хотѣлъ учиться относительно смысла жизни и общества у Христа, то онъ могъ учиться у отца скептицизма и позитивизма Юма. Юмъ, конечно, не былъ ни суевѣрнымъ, ни сантиментальнымъ человѣкомъ, но онъ понималъ, что человѣкъ безъ нравственности и гуманности погибъ. Другимъ примѣромъ могъ бы служить Милль. Онъ позитивистъ и матеріалистъ, онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ безсмертіе—и однако онъ не отказывается отъ идеала гуманности; онъ даже требуетъ во имя человѣчности самопожертвованія. А Шопенгауеръ? Онъ, разумѣется, мистикъ и очень суевѣренъ; но за то онъ принципіальный человѣко-ненавистникъ— и все таки онъ не отказываетъ людямъ въ сочувствіи. А Зарату-стра? Развѣ онъ не сочувствуетъ своему сверхъ—человѣку.

Идеалъ гуманности у Маркса и Энгельса ужасается романтической сантиментальности и вслѣдствіе этого впадаетъ въ гедонизмъ. Да и кромѣ того, можно совершенно серьезно спросить, дѣйствительно ли Энгельсъ, излагая свою теорію свободной любви, отдѣлался отъ всякой сантиментальности. Я въ этомъ сомнѣваюсь — у Энгельса вообще не мало романтизма. Этика Маркса и Энгельса, повторяю, есть гедонизмъ. Тутъ повліяли и Фейербахъ, и французскій матеріализмъ и классическая политическая экономія, предпосылка которой есть наслажденіе и пробужденіе новыхъ потребностей. Марксъ и Энгельсъ восприняли общераспространенную либеральную мораль, по своему существу аристократическую, не задавая себѣ вопроса о томъ, возможно ли на такой основѣ создать новый общественный порядокъ.

132. Психологамъ и моралистамъ предстоитъ не мало труда, если они захотятъ дать намъ анализъ настоящей, истинно современной любви.

Конечно, эта любовь должна быть энергичной, дѣятельной. Ни сантиментальности, ни игры въ любовь — мускульное христіанство, какъ говорятъ янки.

Дѣйствительная любовь вынослива, обдуманна, постоянна. Ей недостаточно чувствовать страданіе, когда попадется на глаза бѣднякъ и нарушитъ душевное равновѣсіе. Теперь любовь означаетъ вотъ что: не имѣть покоя и отдыха до тѣхъ поръ, пока существуютъ физическія и нравственныя страданія, постоянно и открыто бороться съ этими страданіями, даже тогда, когда мы ихъ не видимъ, потому что только сантиментальный эгоизмъ возбуждается зрѣлищемъ страданій. Благодѣяніе ради скуки не есть любовь. Теперь многіе даже пользуются страданіями; такъ много теперь въ обществѣ карьеристовъ — акробатовъ благотворительности, какъ назвалъ такихъ господъ Григоровичъ...

Любовь не слѣпа — мы хотимъ любви безъ мистики и безъ фетишизма

Любовь не требуетъ мученичества, не требуетъ и жертвъ. До тѣхъ поръ, пока есть мученики, есть и мучители — за каждые пустяки не стоитъ мучить себя, не стоитъ приносить себя въ жертву. Декаденты находятъ теперь блаженство въ страданіи и грусти. Нѣтъ, любовь есть взаимность; а взаимность не требуетъ жертвы.

Гавличекъ говоритъ: «раньше люди умирали за ихъ родину, за благо ихъ народа; а мы хотимъ жить и работать для родины и для народа». Это современное настроеніе, современная любовь.

Тоже говоритъ и Достоевскій. Его Алеша честный юноша; онъ ищетъ истины, отъ всей души онъ хочетъ осуществить ее въ дѣлахъ, онъ хотѣлъ бы по возможности скорѣе, даже немедленно совершить какое нибудь великое дѣло, и онъ отдалъ бы для этого

свою жизнь. «Къ несчастью, такіе юноши не понимаютъ, что, можетъ быть, въ подобныхъ случаяхъ пожертвовать жизнью есть самая легкая изъ жертвъ; наоборотъ, пожертвовать пятью, шестью годами своей бурной юности на трудное, тяжелое обученіе, на науку — именно съ цѣлью употребить свои силы на служеніе той же истинѣ, для того же дѣла, которое вдохновляетъ ихъ и которое они хотятъ совершить — такая жертва превышаетъ силы многихъ изъ нихъ»...

Рескинъ говоритъ: «высшая мудрость не въ самоотрицаніи, а въ томъ, чтобы выучиться находить высшую радость въ очень мелкихъ дѣлахъ».

Американецъ Гоуэлль (я намѣренно привожу слова человѣка практическаго, а не философа) говоритъ: «мы попытаемся быть способными къ маленькимъ жертвамъ, приносить которыя другимъ долженъ каждый изъ насъ — и этого будетъ вполнѣ достаточно. Многія женщины, готовыя умереть за своего мужа, дѣлаютъ его несчастнымъ, потому что онѣ не умѣютъ жить для него. Не презирайте ежедневныхъ мелочей».

Но довольно цитатъ. Тоже можно прочитать и въ дневникѣ Аміеля, признающаго смерть болѣе легкой, чѣмъ старость, потому что легче сразу отказаться отъ блага, чѣмъ ежедневно приносить мелкія жертвы. Тоже говорится и въ недавно вышедшей книгѣ Метерлинка: La Sagesse et la destinée. Да — именно такова или почти такова современная любовь.

Эта любовь есть трудъ, трудолюбіе, энергія. Трудъ любви не аристократическій спортъ, разыскивающій себѣ враговъ въ герояхъ и исполинахъ; настоящій трудъ борется съ безчисленными мелкими, незначительными, ежедневными врагами, съ микробами зла и физической и нравственной нищеты. Гете романтически оплакивалъ смерть отца семьи; Аміель тоже умѣетъ понять весь трагизмъ рановременнаго конца юной жизни, но онъ понимаетъ также и постепенное умираніе и его безчисленныя жертвы и самоотреченіе.

Любовь постоянно и послѣдовательно въ самомъ зародышѣ поражаетъ зло; она оберегаетъ и хранитъ, она въ крайнемъ случаѣ не отступаетъ и предъ желѣзомъ. Но она только охраняетъ и защищаетъ, а не совершаетъ новыхъ насилій.

Любовь вообще не хочетъ быть повинной въ какомъ либо насиліи.

Нравственность и любовь не для праздничныхъ только дней, а и для будней.

И понятно, что намъ необходимы нравственность и религія не абстрактныя, не въ системахъ и книгахъ, а въ жизни, и притомъ также въ хозяйствѣ и въ политикѣ.

Этика не для кабинета и религія не для церкви. Всякое дѣйствіе,

всякое мышленіе подлежатъ этическимъ нормамъ — и притомъ дѣятельность и мышленіе всѣхъ, и въ одинаковой степени.

Демократизмъ есть не только политическая система, а также, и прежде всего этическая.

Демократическая этика имѣетъ свой ясный и опредѣленный соціальный и политическій идеалъ, къ которому она стремится не только въ парламентѣ (это все таки обыкновенно аристократическая, праздничная политика, игра въ политику), но и вездѣ, во всемъ, черезъ все. Эта этика не полагается на отношенія и учрежденія, потому что она знаетъ, что въ концѣ то концовъ отношенія и учрежденія суть только люди.

Эта этика не боится также и иниціативы. Теперь больше, чѣмъ прежде, нужны люди, которые не боялись бы брать на себя отвѣтственность—и для этого необходимо спокойствіе и мудрая обдуманность.

Демократическая трудовая этика не аскетическая, но она и не гедонизмъ. Она не вѣритъ, чтобы задача разумнаго человѣка состояла въ постоянномъ исканіи все новыхъ и новыхъ наслажденій.

Современная этика не матеріалистическая. Общественной солидарности было бы очень мало работы, еслибы вся жизнь уже была готовой въ мозгу. Современная этика разсматриваетъ жизнь личности и человѣчества sub specie aeternitatis — она вѣритъ въ прогрессъ, она вѣритъ, что посредствомъ общественной солидарности будутъ вырабатываться все болѣе сильныя и лучшія индивидуальности — но индивидуальности, а не эгоисты.

133. Матеріализмъ Маркса и его презрѣніе къ этикѣ въ дѣйствительности вполнѣ не современны. Поэтому не удивительно, что марксисты и тутъ пошли по другой, новой дорогѣ.

Въ 1892 году въ Берлинѣ было основано Нѣмецкое общество этической культуры — соціалисты должны были занять опредѣленное положеніе по этому вопросу. О движеніи этомъ писали въ Neue Zeit Мерингъ, Каутскій, Бернштейнъ и др. Вначалѣ они высказались противъ него, но въ позднѣйшихъ статьяхъ они до извѣстной степени примирились съ нимъ и даже въ концѣ концовъ сами основали, если я не ошибаюсь, свое собственное этическое общество въ Берлинѣ [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить по этому поводу любопытную статью Конрада Шмидта [2]). Шмидтъ отвергаетъ христіанскую этику и ея сверхъестественное обоснованіе, но онъ знаетъ, что это не есть еще отрицаніе всякой этики. Съ большей опредѣленностью и точностью

[1]) Отчетъ объ обсужденіи этаго вопроса въ Nase Doba 1. Пр. Кайцль—Ethika a Socialism.

[2]) Въ газетѣ: Ethische Cultur 1894—„Соціалистическая нравственность“.

Шмидтъ формулируетъ этическую проблемму и вполнѣ опредѣленно спрашиваетъ: въ чемъ состоитъ обоснованіе этики? Шмидтъ отвергаетъ эгоизмъ и уталитаріанство. Онъ утверждаетъ, по моему мнѣнію вполнѣ справедливо, что того, что называютъ счастіемъ, которое признали бы таковымъ и точно опредѣлилъ всякій, не существуетъ; утвержденіе, что слѣдуетъ подчинять свои дѣйствія благу или счастію общества, тоже ничего не объясняетъ, такъ какъ намъ неизвѣстно, въ чемъ общество усматриваетъ свое благо или счастіе. Но Шмидтъ видитъ уже въ мірѣ животныхъ нѣчто аналогичное не эгоистическому поведенію, такъ какъ индивидуальное животное живетъ не только для себя, но заботится также и о поддержаніи вида и потому содѣйствуетъ чему-то высшему и болѣе общему. Точно также, только въ высшей степени, человѣкъ, какъ существо, одаренное разумомъ, можетъ дѣлать сознательно то, что животное дѣлаетъ инстинктивно; онъ можетъ поставить себѣ опредѣленную, ясную цѣль и подчинить свои дѣйствія высшему и болѣе общему дѣлу. Шмидтъ вноситъ поправку въ мнѣніе Маркса о классовой борьбѣ: несмотря на такую борьбу нѣкоторыя правила признаются всѣми классами, напр. что не должно лгать, обманывать и т. д.; классовая мораль для Шмидта есть послѣдствіе высшей морали. Нормы классовой борьбы уже предполагаютъ другія нормы. На вопросъ, что же такое въ дѣйствительности этическое поведеніе, Шмидтъ отвѣчаетъ: вѣрность партіи, готовность къ жертвамъ, чувство долга. Эта вѣрность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрность общественному идеалу, вырабатываемому всѣми движущими силами современнаго общества. Эта сознательная и радостная вѣрность обществу, никогда не успокоивающемуся и вѣчно стремящемуся къ безконечному прогрессу, въ ея «чистой формѣ» представляетъ ручательство въ томъ, что живущіе борятся за свободу будущихъ поколѣній. Это сознаніе раньше было присуще только немногимъ просвѣщеннымъ умамъ, а теперь оно болѣе или менѣе ясно и для массъ. «Индивидуальная воля сознаетъ себя связанной съ возвышенными и при этомъ вполнѣ реальными прогрессивными стремленіями вида. Сознаніе такой связи, какъ бы смутно оно ни было, открываетъ намъ новые источники нравственнаго самоудовлетворенія и помогаетъ выносить жертвы борьбы. Безъ всякой надежды на награду воля наша, хотя по формѣ еще и связанная съ самоудовлетвореніемъ, выростаетъ изъ эгоистически ограниченнаго содержанія». Шмидтъ признаетъ, что отдѣльный пролетарій можетъ лучше охранять свои личные матеріальные интересы, если онъ не будетъ учавствовать въ борьбѣ—но кромѣ личныхъ матеріальныхъ потребностей онъ чувствуетъ и другія—напр. потребность оставаться вѣрнымъ цѣлому, партіи.

Я привожу эти мнѣнія не затѣмъ, чтобы подвергать ихъ крити-

кѣ, а только для доказательства того, что марксисты оставляютъ свои прежнія мнѣнія относительно этики [1]).

Бернштейнъ также, какъ и Шмидтъ, признаетъ этику, онъ вполнѣ отказался отъ аморализма Маркса.

Каутскій и другіе въ ихъ послѣднихъ заявленіяхъ тоже признали самостоятельность и соціальную дѣйствительность этическихъ, неэгоистическихъ силъ [2]).

Если указать еще на такихъ писателей, какъ Петеръ и Лютгенау, проповѣдующихъ религію гуманности, то можно утверждать, что у современныхъ марксистовъ гуманизмъ Фейербаха подъ вліяніемъ эволюціонизма превратился въ антиэгоистическую этику прогресса [3]).

И не только въ Германіи, а и въ другихъ странахъ марксисты теперь признаютъ самостоятельность и дѣйствительность этики, нѣкоторые, какъ напр. Баксъ, никогда и не отрекались отъ этики [4]).

Не зачѣмъ, кажется, указывать на то, что съ другой стороны многіе соціалисты—не марксисты все еще объясняютъ поведеніе человѣка на основаніи теоріи эгоизма [5]).

134. Совершенно понятно, что современные соціалисты заинтересованы гораздо больше практическими нравственными вопросами, чѣмъ анализомъ этическихъ принциповъ.

И прежде всего интересуютъ современные вопросы о происхожденіи преступленія и о сущности и цѣли наказанія.

Соціализмъ вообще, а также и марксизмъ, ищетъ въ каждой винѣ коллективнаго элемента—и совершенно справедливо. Грѣхъ коллективенъ и наслѣдственъ. Но коллективность и наслѣдственность не уничтожаютъ личной отвѣтственности—и тутъ различныя теоріи расходятся. Марксизмъ черезъ чуръ ослабляетъ личную отвѣтственность (§§ 47—50).

Для соціализма очень важно опредѣлить причины преступленія, и въ особенности причины экономическія. Для соціалистовъ въ особенности важенъ вопросъ объ отношеніи бѣдности и нищеты, умѣреннаго состоянія и богатства къ преступности [1]).

Ферри очень кстати обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что теперь люди (до значительной степени подъ вліяніемъ искусства, театра и журналистики) интересуются только крупными преступленіями (собственно говоря, возбуждаются ими); тогда какъ причины преступности слѣдуетъ искать въ громадномъ количествѣ «микробовъ міра преступленія», въ громадномъ количествѣ хроническихъ, мелкихъ, незначительныхъ, ежедневныхъ преступленій [2]).

Изъ спеціальныхъ вопросовъ соціалистовъ интересуетъ вопросъ о политическихъ преступленіяхъ. Поверхностная книга Ламброзо (нѣмецкій переводъ Куреллы 1891 г.) дала по крайней мѣрѣ поводъ къ обсужденію этаго вопроса [3]).

Въ послѣднее время много говорятъ о преступности толпы [4]).

Особенно интересуется соціализмъ вопросомъ о причинахъ проституціи. Намъ извѣстно, какъ Энгельсъ излагаетъ развитіе ея и утверждаетъ, что она есть спутница моногаміи и исчезнетъ не раньше уничтоженія капиталистическаго строя [5]).

---

[1]) Эти мнѣнія, видимо, раздѣляются и партійной журналистикой, напр. берлинскимъ „Соціалъ демократомъ“.

[2]) См. предисловіе Каутскаго къ вышеуказанному сочиненію Atlanticus'a: „рядомъ съ чувствами голода и любви сильнѣйшія стремленія въ человѣческой природѣ соціальныя. Человѣкъ отъ природы есть животное общественное и общественные инстинкты: честолюбіе, чувство долга и преданность другимъ, такъ глубоко укоренились у него, что даже вѣка ожесточеннѣйшей конкуренціи не могли совершенно уничтожить ихъ. Эта сторона человѣческой природы найдетъ въ соціалистическомъ обществѣ богатую почву для развитія и проявленія.

[3]) Ср. Вольтмана—Система нравственнаго сознанія и особенно изложеніе отношенія критической философіи къ дарвинизму и соціализму 1893—очень снисходительная провѣрка Маркса съ точки зрѣнія Канта и вмѣстѣ съ тѣмъ синтезъ Канта, Дарвина и Маркса.

[4]) Баксъ требуетъ конкретной этики—отождествленія себя съ человѣчествомъ; онъ не отдѣляетъ нравственность отъ политики. „Въ соціализмѣ этика становится политикой и политика этикой“. Религія тоже сохранится, но она есть только высшее и болѣе широкое проникновеніе въ этическое значеніе долга и братства, составляющаго конечную связь общества.

[5]) Обзоръ различныхъ соціалистическихъ направленій былъ бы въ этомъ отношеніи очень поучителенъ. Такъ напр. почтенный Сидней Веббъ (English Progress towards Social Democracy—Fabian Tract № 159) прямо защищаетъ теорію эгоизма и при этомъ полагаетъ, что нравственныя привычки не прогрессируютъ — я привожу это только какъ примѣръ того, что соціализмъ при внимательномъ его анализѣ разбивается на различныя философскія направленія. Имена писателей, указанныхъ въ этой и въ предъидущей главѣ, достаточно указываютъ на это.

[1]) Относительно дальнѣйшихъ указаній сошлюсь на цитированную уже работу Листа: Учебникъ германскаго уголовнаго права. Относительно вліянія экономическихъ отношеній на преступность и нравственность см. §§ 28. Потомъ Баеръ—Преступникъ въ антропологическомъ, юридическомъ и естественнонаучномъ отношеніи 1893. Моррисонъ—Преступленіе и его причины 1891. Изъ соціалистовъ Ферри — Преступленіе, какъ соціальное явленіе. Ср. статью Ферри—Уголовная антропологія и соціализмъ (Neue Zeit. 1896) и Луксъ:—Socialpolit. Handbuch 1892).

[2]) Ферри—Микробы міра преступленія (Socialist. Monatshefte 1898).

[3]) Neue Zeit. 1814: „Естественная исторія политическаго преступленія“—Гроссе, противъ Каутскаго, опровергающаго Ломброзо. Каутскій — Ломброзо и его защитникъ. Лангъ—Снова о Ломброзо.

[4]) О книгѣ Сигеле: „Психологія толпы критическая статья Бернштейна въ Neue Zeit 1947.—„Толпа и преступленіе“.

[5]) Статья Гистрова.

О наказаніи самъ Марксъ высказалъ преувеличенно-коллективистическіе взгляды. Личность не должна подвергаться наказанію; слѣдуетъ уничтожить антисоціальныя, обусловливающія преступность отношенія. Въ соціалистическомъ обществѣ наказаній не будетъ [1]).

Марксисты въ настоящее время отстаиваютъ вѣрное положеніе, что необходимо главнымъ образомъ предупрежденіе преступленія, а не наказаніе [2]).

---

[1]) „Святое Семейство“ ст. 285: „при человѣческихъ отношеніяхъ наказаніе дѣйствительно будетъ ничѣмъ инымъ, какъ приговоромъ надъ собой самого виновнаго. Его не надо будетъ уговаривать, что внѣшнее насиліе надъ нимъ другихъ есть насиліе, которому онъ самъ подвергъ себя; наоборотъ онъ найдетъ въ другихъ людяхъ естественныхъ искупителей отъ наложеннаго имъ на себя наказанія, т. е. отношеніе будетъ какъ разъ обратнымъ“ (Гегель именно и говоритъ, что въ наказаніи преступникъ осуждаетъ себя самого. Марксъ называетъ это „спекулятивнымъ пластыремъ стараго jus Talionis“). „Уголовная теорія, признающая въ преступникѣ человѣка, можетъ сдѣлать это только въ абстракціи, именно потому, что принужденіе, наказаніе само по себѣ противорѣчитъ человѣческому отношенію“.

[2]) Ср. мнѣніе Бернштейна объ общественномъ наказаніи и общественномъ осужденіи (по поводу дѣла Уильде). Потомъ Баксъ—Этика соціализма: уголовный законъ при соціализмѣ.

XI.

Соціализмъ и искусство.

135. Искусство въ философіи Маркса и Энгельса не играетъ почти никакой роли. Можно, конечно, и у Маркса найти иногда сужденіе о томъ или другомъ изъ поэтовъ, иногда онъ высказываетъ и эстетическіе взгляды; но разъясненія вопроса объ общественномъ значеніи искусства и объ его отношеніи къ соціализму мы не найдемъ у Маркса, хотя онъ самъ началъ свою литературную дѣятельность стихотвореніями (ненапечатанными) [1]).

Но если нельзя сказать ничего объ отношеніи къ искусству Маркса и Энгельса, то это непримѣнимо къ послѣдователямъ Маркса и вообще къ соціализму. Потому намъ необходимо заняться и этой отраслью идеологіи, хотя придется ограничиться немногими словами о наиболѣе важныхъ вопросахъ.

Съ возрожденіемъ и реформаціей въ искусствѣ и литературѣ проявляется новый духъ. Правда, въ Италіи искусство служитъ церкви и папству, но пониманіе человѣка по античнымъ образцамъ (гуманизмъ) приводитъ къ новой оцѣнкѣ человѣческой красоты и человѣческаго тѣла. На сѣверѣ, въ Голландіи, въ Германіи, а потомъ и въ Англіи протестантизмъ устраняетъ аскетическій идеалъ средневѣковаго искусства; искусство все еще служитъ религіи, но уже внутренней, глубокой религіи. Вмѣстѣ съ этимъ простая гражданская жизнь становится объектомъ искусства, какъ простой народный языкъ становится языкомъ литературнымъ и богослужебнымъ. Нѣкоторое время контръ-реформація оказываетъ преобладающее вліяніе на живопись и скульптуру, но искусство и церковь кончаютъ и тутъ сти-

---

[1]) Объ эстетическихъ взглядахъ и о поэтической дѣятельности Маркса почти ничего неизвѣстно; нѣкоторыя указанія у Меринга въ Исторіи соціалъ-демократіи ст. 159.

лемъ рококо просвѣщеннаго абсолютизма. Раньше храмъ и архитектура его составляли точку отправленія для живописи и скульптуры и музыки, теперь на протестантскомъ сѣверѣ и вообще въ новое время храмъ утрачиваетъ свое прежнее значеніе въ этомъ отношеніи. Вообще церковь перестаетъ быть для искусства тѣмъ, чѣмъ она была раньше. Государство наслѣдуетъ отчасти отъ церкви и руководительство искусствомъ, но оно все таки не можетъ вполнѣ замѣнить въ этомъ отношеніи церкви. Для этого современное государство было ещѣ недостаточно приготовленнымъ, да и теперь оно не достаточно приготовлено.

Политическая революція XVIII вѣка проявилась также и въ искусствѣ, она была подготовлена имъ, по крайней мѣрѣ литературой. Новое демократическое настроеніе учитъ вездѣ цѣнить народную поэзію— въ Германіи, Англіи, Россіи собираются народныя пѣсни. И посмотрите, какое значеніе имѣли эти пѣсни хотя бы для Гете, какую роль играли въ возрожденіи Чехіи! Дидро создаетъ мѣщанскую драму, даже Вольтеръ дѣлаетъ уступки новому направленію. Съ одной стороны народная поэзія, съ другой права человѣка.

Въ XIX вѣкѣ революція продолжается въ искусствѣ и въ литературѣ. Одинъ Байронъ для освобожденія народовъ сдѣлалъ больше, чѣмъ сотни тайныхъ обществъ.

Романтизмъ съ его историзмомъ и національзмомъ скоро обращается къ соціализму (Жоржъ-Зандъ). Противники романтизма, поставившіе своей задачей наблюденіе настоящаго, идутъ дальше по пути романтиковъ. Послѣ фантастическихъ «Несчастныхъ» Гюго братья Гонкуры защищаютъ религію гуманности любящимъ изученіемъ низшихъ классовъ и распространеніемъ демократическихъ идей равенства. Такая программа изложена въ предисловіи къ «Жермини Ласертё»; отъ Лауры Руссо и Манонъ Леско Прево до Жермини, Нана и Сафо типъ французской куртизанки прошелъ много фазъ развитія—для Франціи очень характерно, что ея новый романъ пытается рѣшить соціальный вопросъ на фонѣ жизни куртизанки. Энгельсъ не даромъ видѣлъ въ разницѣ католическаго романа отъ протестантскаго различіе взглядовъ на семейную жизнь. Я уже говорилъ, что это различіе имѣетъ болѣе общее значеніе. Это дуализмъ католическаго и протестантскаго воззрѣнія на жизнь и міръ, проявляющійся въ искусствѣ и литературѣ и даже въ самомъ соціализмѣ.

Въ Англіи литература и искусство соціализировались раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ и по своему. Сравните напр. опредѣленную соціалистическую программу Жоржъ-Занда съ ея современникомъ Гудомъ (его стихотвореніе: Пѣсня о рубашкѣ появилось въ 1844 году)— французскія искусство и литература болѣе политически-революціонны, а англійскія болѣе соціальны. Кромѣ Гуда слѣдуетъ упомянуть о Диккенсѣ, Теккерсѣ, Шарлотѣ Бронте, и Броунингѣ; Д. Элліотъ

тоже обозначаетъ новую эпоху послѣ переворота, произведеннаго Байрономъ, Шелли и Ландоромъ.

Въ то время, когда въ литературѣ выступилъ Марксъ, Гейне былъ вождемъ политической и соціальной литературы [1]). Но маленькій человѣкъ и его жизнь, а также все національно – народное появляется въ нѣмецкой поэзіи только у Геббеля и Готффрида Келлера—послѣдній также, какъ и Марксъ и Энгельсъ, былъ сознательнымъ ученикомъ Фейербаха.

Въ новой русской литературѣ горячимъ заступникомъ «бѣдныхъ людей», «угнетенныхъ и оскорбленныхъ» является Достоевскій. У поляковъ Красинскій знаменуетъ поворотъ отъ политической поэзіи къ соціальной, въ Богеміи такой поворотъ совершаютъ Маха и одна изъ первыхъ Божена Немцова.

Не только реалисты и натуралисты, но и ихъ наслѣдники, декаденты различныхъ направленій ищутъ союза съ соціализмомъ также, какъ прерафаелиты и ихъ наслѣдники въ Англіи. Но не всѣмъ имъ удалось такъ, какъ Моррису. Арно Гольцъ, Шлафъ, Генкель и др. скоро оставляютъ соціализмъ, «Ткачи» Гауптмана тоже не имѣютъ особаго значенія для соціализма.

Не слѣдуетъ однако, обманываться внѣшними совпаденіями и заглавіями сочиненій. Такъ напр. въ произведеніяхъ Зола немного соціализма — и въ Нана, и въ Жерминалѣ. Для него рабочій нѣчто въ родѣ того, чѣмъ былъ негръ въ робинзонсвской литературѣ.

Къ соціализму нѣкоторыхъ современныхъ художниковъ и литераторовъ приводитъ ихъ возмущеніе противъ стараго режима; положительныхъ же точекъ соприкосновенія не особенно много. Такъ напр. очень часто къ соціалистамъ причисляются писатели-анархисты, хотя анархизмъ съ его аристократомъ—сверхъ-человѣкомъ представляетъ прямую противуположность соціализму. На этомъ основаніи напр. даже Нитцше имѣлъ въ средѣ соціалистовъ поклонниковъ, если не послѣдователей. Я признаю, однако, что художественный аристократизмъ даже изъ однихъ дѣйствительно художественныхъ мотивовъ можетъ обращаться къ рабочей массѣ—масса такъ называемой интеллигенціи и богатая буржуазія не обладаютъ глубокимъ пониманіемъ такого искусства [2]).

---

[1]) Мерингъ въ Исторіи соціализма различаетъ для сороковыхъ годовъ соціалистическую лирику отъ политической; къ соціалистическимъ лирическимъ поэтамъ онъ причисляетъ Бекса, Мейснера, Ленау, Гейне, Гервега, Фрейлиграта, Верта и Дронке, къ политическимъ—Гейне, Гофмана, Прутца и Гервега. Такое различіе въ деталяхъ не легко провести. Ленау въ главныхъ его сочиненіяхъ не соціалистъ; Гейне тоже, хотя и видѣлъ въ Лассалѣ мессію, но вдохновлялся и Ротшильдомъ.

[2]) „И вотъ я изъ своего собственнаго опыта понялъ мечты и желанія этихъ самыхъ аристократическихъ и самыхъ исключительныхъ ху-

Общественное развитіе новаго времени часто должно было вліять не особенно благопріятно на искусство и литературу. Они не потеряли пока своихъ старыхъ оффиціальныхъ покровителей (церковь, государство и аристократію), но современный идейный міръ указываетъ сильнѣйшимъ изъ художниковъ новую дорогу. Буржуазія не проявляетъ особаго пониманія искусства—ея лозунгъ: много и подешевле, а это не согласуется съ истиннымъ искусствомъ. Если даже ремесленная работа страдаетъ отъ такого механическаго массоваго производства, то солидная и изящная работа совсѣмъ не находитъ потребителя. Потому то художественный промыселъ почти совершенно отдѣлился отъ труда и все болѣе и болѣе становится самостоятельной отраслью, прозябающей кое какъ въ различныхъ промышленныхъ школахъ. Не вездѣ имѣются Моррисъ и Кране.

Архитектура теперь работаетъ также, какъ фабрика—дешево и скоро. Въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, взглянувъ хотя бы на нашу «золотую» Прагу.

Такъ какъ пролетаризированіе не останавливается на рабочемъ, существуетъ многочисленный пролетаріатъ художниковъ и литераторовъ—богема въ ея новой формѣ наполняетъ своимъ мелкимъ анархизмомъ газеты, журналы и служитъ современнымъ капиталистическимъ архитекторамъ декораторами. Какая разница съ старымъ декоративнымъ искусствомъ!.. Вѣдь, и Микель Анджело былъ тоже декораторомъ.

Пока соціализмъ сосредоточиваетъ всѣ свои силы на политикѣ и организаціи массъ—потому для искусства у него не хватаетъ ни времени, ни силъ, въ особенности у марсизма при его ультра позитивистическомъ стремленіи къ чисто научному образованію. Къ искусству не подходитъ также хроническій революціонизмъ и отрицаніе марксизма. Искусство также, какъ и философія, ищетъ новаго синтеза. Все новое искусство ясно доказываетъ, что матеріализмъ принципіально потерпѣлъ крушеніе и именно благодаря искусству, въ которомъ теперь многіе ищутъ замѣны старой религіи. Потому понятно, что соціализированіе искусства и литературы обусловливается болѣе соціальными отношеніями, чѣмъ вліяніемъ научнаго соціализма.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ родовъ искусства мы замѣтимъ вліяніе соціализма главнымъ образомъ въ стилѣ и въ реторикѣ. Унаслѣдованный классическій литературный языкъ со временъ французской революціи вездѣ обогатился новыми народными словами и оборотами—популяризированіе есть лозунгъ не одной только науки.

Во всякомъ случаѣ тутъ дѣйствуетъ ни одинъ только соціализмъ, а и демократизмъ. Потому вездѣ теперь лучшіе современные писатели замѣтно отличаются отъ классиковъ. Лассаль былъ отчасти правъ, говоря о нѣмецкихъ классикахъ, что они народны только потому, что народъ къ счастью плохо ихъ понимаетъ. Въ извѣстной степени языкъ и вкусъ страдаютъ отъ часто преувеличенной вульгарности, но этотъ недостатокъ перевѣшивается многими выгодами. У рабочаго и крестьянина нервы покрѣпче, чѣмъ у буржуа или аристократа; стиль и образы, дѣйствующіе на массу, потому солиднѣе, сильнѣе, энергичнѣе, массивнѣе и при извѣстныхъ условіяхъ даже грубѣе, выраженія рѣзче, проще, періоды короче и толстые томы замѣняются маленькими брошюрами, статьями и т. д.

Въ этомъ отношеніи особенно соціалистическая критика при всѣхъ ея значительныхъ фактическихъ недостаткахъ имѣетъ много преимуществъ—прямоту и искренность. Я говорю о критикѣ по отношенію къ людямъ своего лагеря. Не такъ хороша критика противниковъ, несоціалистовъ; въ марксизмъ вслѣдствіе начавшагося въ немъ кризиса проникла настоящая схоластика.

Благопріятное измѣненіе можно замѣтить и относительно театра, когда онъ обращается къ массамъ. Исторія берлинской свободной сцены и ея превращеній (съ 1884 года) составляетъ интересный образецъ исторіи современнаго театра и соціализма.

Живопись тоже соціализируется [1]). Соціалистическая (и анархистская) каррикатура оказываетъ критикѣ и пропагандѣ серьезныя услуги. Въ особенности это теперь можно сказать о живописи тенденціозной. Понятно, что тутъ преимущественно пользуются сюжетами захватывающими, потрясающими.

И однако соціализированіе живописи и вообще искусства состоитъ не въ изображеніи рабочей жизни и не въ изображеніи необычайнаго. То, что я назвалъ бы положительнымъ соціализмомъ, встрѣчаются довольно рѣдко.

Скульптура тоже охотно выбираетъ сюжеты изъ жизни народа и рабочихъ. Но вообще современный скульпторъ бросилъ свои классическія образцы съ ихъ неразработанной физіогномикой и пытается выразить безпокойную душу современнаго человѣка.

Архитектура могла бы сдѣлаться очень соціальной, если бы она не работала такъ односторонне подъ гнетомъ преданія и не такъ служила бы капиталистамъ. Новыя формы наблюдаются на желѣзно-

---

дожниковъ и поэтовъ, любителей нѣжной, тающей красоты, англійскихъ прерафаелитовъ, Вилльямса Морриса, Вальтера Крана и др., обращавшихся къ народу именно потому, что они были аристократы въ искусствѣ, враги шаблоновъ и искусственности, творцы новаго, требовавшаго и отъ публики новой, свѣжей, не притупленной способности къ воспріятію, къ впечатлѣніямъ; они были въ политикѣ соціалистами именно потому, что въ своихъ мечтахъ, въ своихъ идеяхъ и въ своемъ искусствѣ они были индивидуалистами" (Сальда—Cas 1898 г.).

[1]) Мутеръ—Исторія живописи въ XIX вѣкѣ 1893. 22 глава: Соціалистическая тенденціозная картина.

дорожныхъ вокзалахъ и тому подобныхъ зданіяхъ; но о соціальности современнаго жилища приходится судить по тѣмъ домамъ, въ которыхъ обыкновенно живутъ массы людей. Въ большинствѣ такихъ домовъ есть показныя комнаты, но мало жилыхъ, дѣтскихъ и комнатъ для прислуги. Высшіе классы не имѣютъ по большей части и понятія объ «искусствѣ въ домѣ»; вообще безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что вопросъ о жилищѣ не есть исключительно рабочій вопросъ.

Современныя политическія и соціальныя стремленія отразились также и въ музыкѣ. Нашъ Сметана представляетъ образецъ народной художественной музыки; уже у Берліоза, въ его Бенвенуто Челлини, рабочая пѣсня имѣетъ, если я не ошибаюсь, дѣйствительно новый соціальный оттѣнокъ [1]).

Вообще музыка, можетъ быть, наиболѣе соціальное изъ искусствъ. И не только потому, что ее одновременно могутъ слушать многіе, и что новая инструментальная музыка объединяетъ массу художниковъ. Музыка, и въ особенности пѣсня, по большей части развивалась вмѣстѣ съ работой; Бюхеръ полагаетъ даже, что ритмъ пѣсни регулировалъ работу и создалъ трудолюбіе.

137. Соціальное значеніе искусства очень велико. Соціалисты—не менѣе ихъ, впрочемъ, и буржуазія—односторонне заботятся только о научномъ образованіи; но въ искусствѣ образовательныхъ элементовъ не менѣе, чѣмъ въ наукѣ. И можетъ быть, даже больше.

Въ особенности вездѣ много читаются романы и несомнѣнно, что многіе получаютъ свое образованіе изъ изящной литературы. Правда, что такое чтеніе не особенно поучительно Я уже упоминалъ о Зола и говорилъ, какъ у него мало соціальнаго; во всякомъ случаѣ его романтическое суевѣріе и его фантастика не годятся для марксистовъ, или годятся только затѣмъ, чтобы дополнить посредствомъ чтенія романовъ Зола свой позитивизмъ фетишизмомъ.

Но дѣло не въ одномъ только чтеніи. Музыка, живопись и скульптура тоже имѣютъ значительное воспитательное и образовательное вліяніе. Это было извѣстно еще Платону, какъ это видно изъ законовъ объ искусствѣ въ его Республикѣ. Не только у грековъ, но еще и въ настоящее время поэты и художники суть создатели боговъ и настоящіе догматики для народа.

Этой потребности удовлетворяетъ современная техника. Соціализму, заботящемуся объ удешевленіи всѣхъ средствъ образованія, искусство ставитъ свои новыя задачи.

[1]) У Аміеля есть замѣчаніе, что музыка Вагнера соціалъ-демократическая; она безъ лирики и мелодіи и потому она есть музыка массы, музыка безъ индивидуальности. Я держусь иного мнѣнія о Вагнерѣ и его музыкѣ.

Соціальная, даже соціалистическая эстетика развивается въ Англіи. Въ англійскомъ искусствѣ замѣтно вліяніе Рёскина; его ученики—соціалисты пошли дальше его. Моррисъ и Баксъ написали даже цѣлую исторію и теорію искусства съ соціалистической точки зрѣнія. Мы приведемъ оттуда по крайней мѣрѣ нѣкоторыя положенія [1]).

Искусство должно быть соціализировано, соціализмъ возродитъ искусство. Искусство и трудъ должны объединиться, такъ какъ искусство есть только расцвѣтъ труда, самъ трудъ. Искусство для искусства есть могила искусства. Моррисъ и Баксъ называютъ отдѣлившееся отъ труда искусство «существительнымъ» (substantivisch), а искусство, тѣсно и органически связаное съ трудомъ, «прилагательнымъ» (adjectivisch).

Въ началѣ цивилизаціи искусство было такимъ прилагательнымъ, какъ это видно изъ различныхъ попытокъ украшать оружіе и т. п. Только у грековъ оно становится существительнымъ (Моррисъ и Баксъ въ этомъ отношеніи не согласны съ изложеніемъ исторіи культуры Энгельсомъ). У римлянъ во времена имперіи искусство становится академическимъ въ худшемъ смыслѣ этого слова. Къ счастію пришли варвары, создавшіе въ срединѣ XIII столѣтія «объективное» искусство. Съ того времени снова начинается развитіе «существительнаго», «субстантивнаго» искусства, а теперь наступаетъ полный его упадокъ. И помочь тутъ можетъ только соціализмъ.

Онъ поможетъ прежде всего тѣмъ, что вся непріятная работа будетъ исполняться машинами, что рабочіе, т. е. все человѣчество, освобожденное отъ такихъ непріятныхъ и вредныхъ работъ, найдетъ въ изящной работѣ и удовольствіе и свою настоящую цѣль. Искусство и трудъ снова сольются воедино. Живопись, скульптура и архитектура соединятся; по образцу среднихъ вѣковъ архитектура, какъ искусство, преимущественно обусловливаемое ассоціаціей силъ, будетъ руководящимъ искусствомъ для живописи и скульптуры. Архитектура и музыка настоящія искусства будущаго. Романъ, напротивъ, исчезнетъ за отсутствіемъ матеріала.

Извѣстный живописецъ, Вальтеръ Кранъ, товарищъ и сотрудникъ Морриса, излагаетъ тоже очень поучительные взгляды [2]).

Художники въ соціалистическомъ обществѣ будутъ снова Дюрерами и Гольбейнами, мастерами какъ въ ремесленной, такъ и въ художественной работѣ, умѣлыми въ разныхъ, если возможно, во всѣхъ искусствахъ; Кранъ переноситъ абсолютную приспособленность Маркса въ сферу искусства, соединяя его съ идеаломъ Вагнера.

[1]) Socialism, its Growth and Outcome—Морриса и Бакса 1893.

[2]) Claims of Decorativ Art. 1892. Cp. Arts and Crofts Essays. Съ предисловіемъ Морриса. 1893.

По мнѣнію Крана, художникъ необходимо принадлежитъ соціализму, такъ какъ онъ хочетъ показать людямъ все, что можетъ; искусство хочетъ сообщаться другимъ—а это и есть соціализмъ. Истинное искусство выростаетъ изъ народа; истинный художникъ долженъ отправляться отъ народнаго искусства, сохранившагося еще кое гдѣ въ счастливыхъ странахъ.

Моррисъ и Кранъ также, какъ и Рёскинъ, стоятъ за жизнь въ деревнѣ и ожидаютъ—этаго ожидалъ и Энгельсъ—что соціализмъ всего лучше разовьется именно въ деревнѣ.

Недавно Толстой далъ намъ систему общественной эстетики. Искусство, по его мнѣнію, есть такая дѣятельность, посредствомъ которой художникъ сознательно посредствомъ внѣшнихъ символовъ сообщаетъ другимъ пережитыя имъ чувства, чтобы эти другіе заразились ими и пережили ихъ. Искусство для Толстаго не есть выраженіе чувства, а средство, объединяющее людей въ одинаковыхъ чувствованіяхъ. Истинное искусство по мнѣнію Толстаго можетъ быть только религіознымъ—и потому то современное искусство со временъ возрожденія все болѣе и болѣе портится.

Однако, я увлекся, погрузившись въ эстетику. Я хотѣлъ только указать, что соціализмъ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей есть попытка единаго, а, стало быть, и художественнаго міросозерцанія. Марксистскій матеріализмъ дополняется англійскимъ соціализмомъ, не столь крайнимъ и не столь исключительно стоящимъ на точкѣ зрѣнія историческаго матеріализма [1]). Марксъ понималъ работу черезъ чуръ матеріалистически; онъ, философъ и спеціалистъ, презиралъ идеологію, а также и искусство. Въ силу своего преувеличеннаго позитивизма онъ впадаетъ въ философскій интелектуализмъ. Къ его преувеличенному аморализму присоединяется столь же преувеличенное презрѣніе къ красотѣ.

---

[1]) Изъ нѣмецкихъ марксистовъ Петерсъ (Вѣра въ человѣчество) сдѣлалъ попытку объяснить съ гуманистической точки зрѣнія искусство и красоту.

Нѣмецкіе марксисты въ ихъ органахъ усердно занимаются литературной и художественной критикой. Таково напр. и произведеніе Мерингa: Lessing — Legende 1893. Изъ другихъ критиковъ назову Эрнста (автора двухъ небольшихъ драмъ: Lumpenbagasch. Im chambre separée. Критика общественнаго строя; вліяніе Шлафа и Гольца).

XII.

Марксизмъ есть абсолютный объективизмъ.

138. Изъ всѣхъ нашихъ разъясненій до очевидности ясно, что соціализмъ, и въ особенности марксизмъ, не есть вопросъ о ножѣ и вилкѣ, какъ выразился въ 1838 году о чартизмѣ пасторъ методистовъ Стефенсонъ [1]). Самъ Марксъ въ одномъ изъ разговоровъ съ Вейтлингомъ выразилъ мысль, что нѣмецкій пролетаріатъ есть теоретикъ пролетаріата европейскаго, англійскій—экономистъ, а французскій—политикъ [2]). «Нѣмецкое рабочее движеніе есть наслѣдникъ классической нѣмецкой философіи»—сказалъ Энгельсъ.

Марксизмъ — система философская и политическая. Философскій элементъ марксизма — это его матеріализмъ, а политическій — его революціонерство.

Исходя отъ Гегеля и спеціально отъ гегеліанской лѣвой, Марксъ воспринялъ матеріализмъ Фейербаха и заканчиваетъ ту сторону философскаго развитія Германіи, которая, начиная съ Шеллинга, была реакціей противъ идеализма, и въ особенности идеализма Фихте. Марксъ является прямой противоположностью Фихте, а, стало быть, и Штирнера и всѣхъ субъективистовъ — его философія есть абсолютный объективизмъ.

Для этого объективизма первенство принадлежитъ природѣ, а не человѣку, матеріи, а не духу, тѣлу, а не сознанію—поэтому абсолютный объективизмъ есть натурализмъ и матеріализмъ, индивидуальное сознаніе для него есть иллюзія (ложное сознаніе—Энгельса).

Абсолютный объективизмъ по отношенію къ людямъ есть гуманизмъ, но чисто объективистическій (реальный); первенство принадлежитъ не личности, а обществу и исторіи и потому въ соціальномъ

---

[1]) Энгельсъ—„Фейербахъ“ 233.

[2]) Мерингъ—Исторія нѣмецкой соціалъ демократіи. I. 86.

отношеніи абсолютный объективизмъ проявляется въ крайнемъ коммунизмѣ и въ абсолютномъ историзмѣ. Марксизмъ есть принципіальное отраженіе индивидуальности.

Абсолютный объективизмъ по преимуществу практиченъ, а не теоретиченъ. Еще Кантъ указывалъ вліяніе нѣмецкой философіи на практику; Марксъ прямо объявляетъ, что истина—это сила. «Вопросъ о томъ, обладаетъ ли человѣческое мышленіе объективной истиной, есть вопросъ не теоріи, а практики. Человѣкъ долженъ на практикѣ доказать истину, т. е. дѣйствительность и силу, реальность (Diesseitigkeit) своего мышленія. Борьба о дѣйствительности или недѣйствительности мышленія, изолированнаго отъ практики, есть вопросъ чисто схоластическій» [1]).

Въ соціальномъ отношеніи марксизмъ есть «практика ниспроверженія». «Философы только различнымъ образомъ истолковывали міръ, а надо измѣнить его». Потому марксизмъ есть прежде всего критика существующаго и эта критика въ его рукахъ превращается въ орудіе политической борьбы: «вашъ существенный пафосъ есть негодованіе, вашъ существенный трудъ есть обвиненіе».

Абсолютный объективизмъ Маркса есть вмѣстѣ съ тѣмъ позитивизмъ. Марксъ признаетъ только положительную, точную науку—естествознаніе и натуралистическую экономику, которая ставится рядомъ съ естествознаніемъ, какъ наука объ обществѣ. Вся остальная умственная работа—это идеологія, и въ особенности религія и мораль. Потому марксизмъ есть и хочетъ быть позитивистическимъ аморализмомъ. Такъ какъ индивидуальное сознаніе есть иллюзія, то иллюзія и цѣлесообразная душевная дѣятельность личности.

Марксизмъ, какъ позитивизмъ, есть рѣшительный раціонализмъ, интеллектуализмъ; имъ руководитъ только «мышленіе, безсердечное мышленіе» [2]); въ этой системѣ нѣтъ мѣста для чувства.

Марксизмъ есть очень важный членъ развитія нѣмецкой философіи и философіи вообще. Положительно непонятно, что историки философіи не отвели марксизму подобающаго ему мѣста въ исторіи современнаго духовнаго развитія.

Марксъ исходитъ изъ гегелевскаго пантеизма, превращая его въ натурализмъ; онъ заимствовалъ у Гегеля и его методъ и богатую сокровищницу идей.

Марксъ заимствовалъ свой позитивизмъ отъ Гегеля и Фейербаха; историки философіи до сихъ поръ не оцѣнили также и философіи Фейербаха и ея значенія. Фейербахизмъ—это возрожденіе и продолженіе деизма прошлаго вѣка, и въ особенности деизма Юма; Фейербахъ превратилъ деизмъ въ гуманизмъ, а Марксъ принялъ этотъ гуманизмъ и позже усилилъ его вліяніями Сенъ-Симона, Конта, Прудона и англійскаго позитивизма.

[1]) Замѣчанія о Фейербахѣ.

[2]) Марксъ въ 1850 г. въ Новой Рейнской газетѣ. У Меринга I. 432.

Соціологическая и экономическая система Маркса можетъ быть понята только въ этомъ ея философскомъ значеніи; его ученія суть послѣдовательное развитіе его абсолютнаго объективизма.

Важнѣйшіе тезисы этого объективизма слѣдующіе:

Истинная сущность человѣка проявляется въ исторіи. Человѣкъ—это не индивидуумъ, а видъ, человѣчество, масса *(реальный, позитивный гуманизмъ и реализмъ)*.

Наступаетъ новая міровая эпоха. Вся прежняя исторія только предварительная, преддверіе къ истинной жизни человѣчества; эту стадію своего развитія человѣчество прожило въ духовномъ снѣ и только теперь оно пробуждается отъ этаго сна—отъ иллюзіи своей идеологіи.

Такое пробужденіе приводитъ къ позитивизму и матеріализму, къ признанію производственныхъ отношеній реальнымъ базисомъ общественной организаціи. Эти отношенія—физическій трудъ—опредѣляютъ историческое развитіе, а не идеологія (государство, право), мораль, искусство, религія и философія—*(Позитивистическій, историческій матеріализмъ)*.

Общество можетъ существовать только трудомъ, массовымъ трудомъ, т. е. работой всѣхъ. Первоначально общество было организовано на основѣ равнаго для всѣхъ труда; но развилась цивилизація, а цивилизація—это эксплуатація работающаго большинства неработающимъ меньшинствомъ. Такимъ образомъ теперь общество раскололось на два большіе класса — на господствующую буржуазію и крупныхъ землевладѣльцевъ, на капиталистовъ и на громадное большинство рабочихъ, пролетаріевъ.

Въ цивилизованномъ обществѣ такимъ образомъ свирѣпствуетъ классовая борьба, при которой неработающіе капиталисты присвоиваютъ себѣ весь продуктъ, производимый прибавочнымъ трудомъ пролетаріевъ, за исключеніемъ того, что необходимо для сохраненія существованія послѣднихъ. Слѣдствіе такой эксплуатаціи есть грозящая катастрофа, очевидное вырожденіе не только пролетаріата, но и въ концѣ концевъ и капиталистовъ. Эта катастрофа можетъ быть предотвращена только новой общественной организаціей на основаніи абсолютнаго экономическаго равенства и равенства въ трудѣ. Такая организація можетъ быть создана только окончательной соціальной революціей, которой ожидали Марксъ и Энгельсъ *(Классовая борьба цивилизаціи. — Прибавочная стоимость. — Коммунизмъ. — Теорія катастрофъ и соціальный переворотъ.*

Соціализмъ есть теоретическій, научный протестъ противъ современнаго общественнаго строя. Въ его зачаткѣ онъ былъ идеалогическимъ и только марксизмъ есть научный позитивизмъ; его философія

уже не есть идеологія, она есть наука, положительная философія— иначе окончательное сознаніе будущаго общественнаго строя *Научный соціализмъ)*.

Посредствомъ марксизма масса, громадное большинство человѣчества, доходитъ до яснаго самосознанія. Индивидуальное сознаніе есть иллюзія, недостаточно и классовое сознаніе. Только сознаніе всей массы, духовный коммунизмъ, самый широкій, есть дѣйствительное, вѣрное и справедливое сознаніе. Коммунизмъ есть система не только экономическая и соціальная, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть духовная и этическая система, духовный и отчасти семейный коммунизмъ *(Коммунизмъ, какъ сознаніе и организація массы)*.

Потому научный соціализмъ послѣдовательно международенъ—онъ есть сознаніе и организація массы человѣчества (Интернаціонализмъ).

Мы подробно излагали и обсуждали выше всѣ эти ученія марксизма. Абсолютный объективизмъ настолько же ложенъ, какъ и абсолютный субъективизмъ. Ложенъ и научно несостоятеленъ и матеріализмъ. Онъ несостоятеленъ съ точки зрѣнія метафизики и теоріи познанія; не удовлетворителенъ и позитивизмъ. Если дѣйствительно человѣчество пробудилось отъ идеалогическаго сна, то пробудившееся сознаніе и мышленіе должны прежде всего выдержать испытаніе предъ критикой теоріи познанія—а критика есть могила матеріализма. Потому то и марксисты заговорили о возвратѣ къ Канту.

Невозможно поэтому также защищать и историческаго или экономическаго матеріализма. Не говоря уже о неудовлетворительной разработкѣ самаго понятія, Марксъ и Энгельсъ сами доказали его невѣрность тѣмъ, что они выставляютъ свой соціализмъ, какъ научную систему будущей организаціи до существованія этой коммунистической экономической и соціальной организаціи. По ученію историческаго матеріализма «вся идеалогическая надстройка медленнѣе или быстрѣе рушится при измѣненіи экономической основы». А Марксъ объявляетъ свою систему не только идеалогической, но и окончательной — стало быть, эта система не надстройка, а позитивистическое предвидѣніе экономическихъ производственныхъ отношеній будущаго, предпосылка.

Методъ историческаго матеріализма тоже неудовлетворителенъ. Объективной діалектики не существуетъ; объективный историзмъ Маркса въ сущности есть некритическій субъективизмъ; для Маркса характерно отсутствіе научнаго измѣренія степени.

У Маркса не было философской самостоятельности. Цѣли его часто вѣрны, онъ признаетъ недостатки прежнихъ системъ, но самъ онъ не въ состояніи создать новую. Этимъ и объясняется его возвращеніе къ старымъ ученіямъ и системамъ. Такъ онъ раньше всего впалъ въ отжившій примитивный матеріализмъ; онъ не могъ преодолѣть Гегеля, остановился на поверхностномъ позитивизмѣ и въ концѣ концовъ вернулся къ романтикѣ Руссо. Точно также онъ не могъ развить дальше ученія Смита и Рикардо, а только односторонне изложилъ ихъ. Вообще, марксизмъ, какъ система и методъ, представляется эклектизмомъ и диллетантизмомъ. Марксъ сводитъ умственный трудъ къ физическому и высшій трудъ къ простому; онъ не понималъ, что такое творческій синтезъ; ему именно недоставало этой истинно философской силы.

Также можно объяснить оригинальную недостаточность разработки его системы.

Марксизмъ былъ во всемъ сыномъ своего времени. Онъ выражаетъ многія справедливыя современныя желанія, но онъ не есть то новое міросозерцаніе, которое видитъ въ немъ Энгельсъ съ такой трогательной дружеской преданностью. Философскій трагизмъ марксизма, если можно такъ выразиться, состоитъ именно въ томъ, что онъ хочетъ служить новымъ стремленіямъ и идеаламъ съ старыми идеями. Это въ особенности можно сказать о гедонизмѣ Маркса и о его политикѣ: ниспроверженіе и переворотъ не всегда значатъ созданіе чего либо новаго; въ революціонизмѣ Маркса скрывается тотъ самый старый абсолютизмъ, противъ котораго боролся Марксъ; гедонизмъ аристократиченъ и противорѣчитъ настоящей философіи труда.

139. Разрѣшить современныя задачи можетъ только новый творческій синтезъ.

Новая философія должна прежде всего опредѣлить свое методологическое и фактическое отношеніе къ сильно развившейся и прогрессивной наукѣ. По мѣрѣ того, какъ наука отдѣлялась отъ философіи и становилась самостоятельной, измѣнялась и исчезала старая философія. Этотъ процессъ развитія Марксъ понялъ столь же мало, какъ и процессъ развитія новаго государства.

Марксъ находился подъ вліяніемъ пріобрѣтеній естествознанія. Въ соціологіи и въ экономикѣ онъ держался за современный натурализмъ, совсѣмъ неорганически соединяя его съ устарѣлымъ понятіемъ гегелевской философіи исторіи.

Новая философія должна также разрѣшить проблему всеобщаго образованія. Это послѣднее не тождественно съ философіей, хотя оно тѣсно связано съ ней. Проблемма просвѣщенія, разрѣшить которую пытались уже въ прошломъ столѣтіи, ставится при популяризаціи наукъ въ новой формѣ.

Но новая философія должна рѣшить не одну только эту методологическую проблему, предъ ней прежде всего и преимущественно стоитъ проблема теоріи познанія: Что есть истина? Въ сущности тутъ вопросъ въ томъ, какъ преодолѣть скептицизмъ Юма.

Между прочимъ эту задачу самымъ широкимъ образомъ ставитъ себѣ Кантъ—и въ этомъ состоитъ историческое и культурное значеніе его критицизма.

На созданной Кантомъ основѣ развивалась вся дальнѣйшая германская философія, но ни результаты работы философовъ, ни ихъ методы не привели къ желательному, начатому Кантомъ синтезу. Этимъ и объясняется современный призывъ вернуться къ Канту. И къ этому призыву присоединяются теперь и марксисты. Сами же Марксъ и Энгельсъ довольствовались матеріализмомъ.

Новая философія должна снова подвергнуть критикѣ противорѣчіе между объективизмомъ и субъективизмомъ. Пріобрѣтенія естествознанія и постоянные политическіе, и въ особенности революціонные, опыты дали преобладаніе объективизму въ формѣ матеріализма, натурализма, реализма, позитивизма, историзма и соціализма. Но субъективизмъ тоже требуетъ своихъ правъ—возобновляется критика теоріи познанія, современный человѣкъ старается отдѣлаться отъ фатализма, угнетающаго его волю посредствомъ натуралистическаго и историческаго детерминизма. А Марксъ изъ страха предъ субъективизмомъ подавляетъ личность и приноситъ ее въ жертву массы.

Новая философія старается быть справедливой по отношенію къ прошлому. Современное мышленіе, вѣрящее въ свое собственное развитіе и въ свой собственный прогрессъ, ищетъ формулы этого прогресса: теорія познанія должна сдѣлаться критикой соціальнаго и историческаго сознанія. А Марксъ довольствуется некритическимъ историзмомъ.

Новая философія и фактически (посредствомъ разрѣшенія загадки о субъективизмѣ и объективизмѣ), и исторически (при помощи прежнихъ пріобрѣтеній) становится въ противорѣчіе съ старой философіей и главнымъ образомъ съ теологіей; новая философія также, какъ и новая литература и искусство, старается разрѣшить религіозный вопросъ. Она должна опредѣлить свое отношеніе къ новой борьбѣ титановъ.

Ставится проблема о церковномъ и религіозномъ дуализмѣ, о дуализмѣ католицизма и протестантизма. Религіозный вопросъ дѣйствуетъ на современнаго человѣка въ такой конкретной формѣ. А Марксъ рѣшаетъ его абстрактнымъ отрицательнымъ атеизмомъ, признавая не только религію, но и все прежнее человѣческое мышленіе, всѣ прежнія стремленія идеологій и иллюзій.

Проблема новой философіи не только теоретическая, но и практическая. Дѣло тутъ идетъ прямо таки о новой жизни. Уже Кантъ указывалъ новой философіи на практику. Въ этомъ направленіи идутъ всѣ современныя стремленія. Шопенгауеръ только выразилъ общее настроеніе, признавая волю міровой субстанціей. Марксъ понималъ это, но онъ черезъ чуръ односторонне указывалъ на матеріальный трудъ. Одинъ трудъ не спасетъ насъ—дѣло въ цѣли, къ которой мы стремимся при посредствѣ нашего труда. Дьяволъ, Мефистофель, также работаетъ—и очень усердно. Марксъ, ожидая новой

общественной организаціи отъ ниспроверженія, отъ политическаго переворота, уступалъ анархизму его эпохи.

Современный человѣкъ чувствуетъ себя нехорошо, онъ безпокоенъ, нервенъ, неуравновѣшенъ, въ своей неувѣренности онъ колеблется между прошлымъ и будущимъ. Этимъ объясняются пессимизмъ нашего времени и самая тяжелая болѣзнь нашего вѣка, склонность къ самоубійству (§§ 147).

Соціализмъ тоже есть выраженіе этаго современнаго настроенія. Какъ объективизмъ, онъ не пессимистиченъ; его движущее настроеніе есть негодованіе, гнѣвъ—чувство объективистическія. Какъ объективизмъ, онъ ищетъ спасенія въ измѣненіи существующихъ отношеній, не думая о томъ, что эти отношенія суть по большей части сами люди. Безъ самопознанія обойтись нельзя.

Въ концѣ концевъ и сами Марксъ и Энгельсъ поняли односторонность и отрицательность революціоннаго объективизма и потому рекомендовали парламентскую политику. Не будучи въ состояніи объяснить преобладаніе экономическаго развитія, они должны были ограничиться аморальнымъ экономизмомъ и политицизмомъ. Правда, что самъ Марксъ ссылается на право и справедливость, но изъ страха предъ сантиментальностью онъ не хочетъ понять нравственности новой любви и гуманности.

140. Говоря о философіи, объявляющей себя нападеніемъ на общественный и міровой порядокъ, мы не можемъ избѣжать вопроса о ея цѣнности, и въ особенности о ея цѣнности этической и общественной. Я старался разбирать Маркса и Энгельса по возможности безпристрастно и фактически, и сознаюсь, что мнѣ это было не легко. Философія Маркса есть вызовъ и хочетъ быть такимъ вызовомъ. Тѣмъ не менѣе я попробую возможно спокойнѣе формулировать свой окончательный приговоръ.

Философская неточность, диллетантскій эклектизмъ марксизма не могутъ дѣйствовать благопріятно ни на умъ, ни на сердце. Абсолютный догматизмъ узкаго и первобытнаго матеріализма наполняетъ его адептовъ той интеллектуальной надменностью, которая всегда портитъ людей, считающихъ себя единственными избранными. Критика безъ самокритики всегда опасна.

Матеріализмъ и механичность марксизма узки и мелочны. Въ немъ есть что-то невеликодушное.

Марксъ былъ прежде всего человѣкомъ партіи, и только человѣкомъ партіи. Онъ не знаетъ всеобщаго чувства солидарности. Своимъ революціоннымъ гнѣвомъ онъ усиливалъ не соціальныя чувства и порождалъ ненависть. Я сознаюсь, что эти чувства во всякомъ случаѣ не хуже раздушеннаго индеферентизма высшихъ классовъ. Грубый этическій матеріализмъ, собственно говоря, есть достояніе этихъ классовъ; да и самъ Марксъ заимствовалъ свой философскій

матеріализмъ отъ буржуазныхъ философовъ и экономистовъ. Арнольдъ сказалъ однажды, что высшіе классы матеріалистичны, средніе пошлы, а низшіе грубы и насильственны. И самъ Арнольдъ видитъ причину этихъ свойствъ въ черезъ чуръ большомъ неравенствѣ собственности. Марксизмъ черезъ чуръ отрицателенъ. «Капиталъ» Маркса — это экономическая транскрипція Мефистофеля.

Марксизмъ, какъ отрицаніе, цѣпляется за все, что въ модѣ — натурализмъ, позитивизмъ, дарвинизмъ, декадентство, Золя... все это въ пестрой смѣси.

Марксизмъ фаталистиченъ. Онъ ставитъ все на одну карту. Только дилетантизмъ спасаетъ его отъ крайнихъ послѣдствій.

Но марксизмъ обладаетъ и значительными преимуществами.

Благодаря его объективизму онъ не позволяетъ скептическому субъективизму проникнуть въ массы и поддерживаетъ въ нихъ надежды на будущее, усиливаетъ вѣру въ прогрессъ и не допускаетъ пессимистическаго настроенія. Онъ, хотя и односторонне, но все же указываетъ человѣку на трудъ и этимъ оправдываетъ свой философскій и соціальный революціонизмъ.

141. О самомъ Марксѣ и Энгельсѣ я могу сказать только то, что мнѣ извѣстно изъ ихъ сочиненій. Ихъ біографія мнѣ не извѣстна (объ ихъ жизни мы имѣемъ только краткія замѣтки).

Впервые я познакомился съ «Капиталомъ» Марксъ еще въ годы моего студенчества; 1873 года имѣлъ на меня вообще очень большое вліяніе — всемірная выставка въ Вѣнѣ и тогдашній финансовый крахъ заставили меня приняться за изученіе политической экономіи. Тогда мнѣ попалось новое изданіе «Капитала». Съ этого времени я постоянно возвращался къ Марксу — позже я познакомился съ сочиненіями Энгельса. Политическое и общественное развитіе послѣднихъ лѣтъ вынудило меня, наконецъ, произвести этотъ пересмотръ соціализма и марксизма.

Меня всегда поражало у Маркса его оригинальное пренебреженіе къ важнымъ фактамъ, именно къ важнымъ соціальнымъ силамъ. Напр., возьмите его теорію цѣнности — въ цѣнности онъ видитъ только трудъ. Столь же абстрактна и вся философія исторіи Маркса — она видитъ только одну сторону экономическаго развитія, отвергая или не видя все другое. Это какой то соціологическій дальтонизмъ. Марксъ есть сухой, абстрактный утопистъ.

Я не знаю навѣрное, но чувствую въ немъ что то, напоминающее мнѣ о методѣ Спинозы... а можетъ быть, и о характерѣ Спинозы.

Вначалѣ меня отталкивало у Маркса характерное для него сектантство. Оно связано съ абстрактностью и узостью. Современемъ это впечатлѣніе сгладилось — по крайней мѣрѣ я могъ объяснить себѣ причину этого свойства Маркса. Если я не ошибаюсь, это свойство

присуще многимъ эммигрантамъ. Герценъ совершенно вѣрно указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ на такое вліяніе изгнанія. На чужбинѣ и въ чуждой средѣ человѣкъ предоставленъ своему гнѣву — у него появляются особая горечь и отрицаніе, сохраняется революціонное настроеніе. Усиливается сектантскій абсолютизмъ, сектантское доктринерство. Марксъ — еретикъ, архіеретикъ.

Къ этому отчасти присоединилось и національное предрасположеніе. Гнѣтъ, который выносили его родители и онъ самъ, какъ евреи, дѣйствовалъ также, какъ и позднѣйшее изгнаніе. Бернштейнъ обращаетъ вниманіе на вліяніе еврейскаго происхожденія и общественнаго положенія Лассаля — по моему мнѣнію, это примѣнимо и къ Марксу. На это указываетъ и Людвигъ Штейнъ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, Марксъ былъ другимъ челавѣкомъ, чѣмъ Лассаль. Если позволительно уяснить свою мысль сравненіемъ, то я скажу, что если бы Лассаль былъ кавалерійскимъ офицеромъ, то Марксъ служилъ бы въ артиллеріи и притомъ въ химической лабораторіи арсенала.

Я уже достаточно говорилъ о вопросѣ, какія философскія и литературныя вліянія сформировали умъ Маркса. Я попытался указать, къ какому именно умственному современному ему направленію примкнулъ Марксъ и что было сродно ему. Для меня очень важенъ тотъ фактъ, что Марксъ любилъ Гейне и его произведенія. И этотъ фактъ кажется мнѣ тѣмъ болѣе значительнымъ, что самъ Марксъ былъ серьезный человѣкъ, а Гейне напоминалъ больше Лассаля; да Гейне и видѣлъ мессію въ Лассалѣ, а не въ Марксѣ. Въ любви Маркса къ Гейне я вижу доказательство извѣстной горечи, извѣстнаго анархическаго настроенія. У Маркса нѣтъ ни капли юмора — но у него много гнѣва, какъ у Шопенгауера.

Такія свойства Маркса замѣтны уже въ первыхъ его статьяхъ. Въ особенности я укажу на его статью о евреяхъ и на статьи въ Deutsch-Franz. Jahrbücher. Вездѣ одна только критика и борьба — часто противъ прежнихъ товарищей.

Марксъ, какъ писатель, силенъ, даже часто насильственъ; по крайней мѣрѣ вначалѣ онъ прибѣгаетъ къ натянутымъ антитезамъ чаще, чѣмъ это позволяетъ логика; позже его сталъ проще

Силу и оригинальность Маркса я вижу въ его попыткѣ заставить экономику служить революціи... Вообще философская система Маркса развилась не изъ единаго философскаго принципа, а изъ воли, опредѣленной объективнымъ міромъ, изъ энергіи отрицанія. Марксъ есть воплощенное противорѣчіе, живое отрицаніе отрицанія.

Къ Энгельсу я пришелъ независимо отъ Маркса — чрезъ Дюринга. Въ университетѣ я слышалъ, что исторія философіи Дюринга хорошее противоядіе противъ всякой ученой философіи. Дюрингъ не столько противоядіе, сколько ядовитъ — но это къ дѣлу не отно-

сится; меня интересовало узнать, что могъ сказать Энгельсъ противъ Дюринга. Скажу по правдѣ—Энгельсъ мнѣ понравился больше Маркса. Правда, я сразу увидалъ, что его философскія основанія неточны и часто довольно поверхностны—но вопросъ не въ этомъ. Другіе и основательнѣе Энгельса, но менѣе его значительны. Энгельсъ импонируетъ мнѣ, какъ Selfmade—man въ философіи.

Мнѣ нравится и его преданность Марксу—да и вообще ихъ сорокалѣтняя работа есть прекрасный образчикъ научной дружбы. Она говоритъ за обоихъ, и не только за ихъ характеръ, но и за серьезность ихъ научныхъ стремленій.

Энгельсъ никоимъ образомъ не слабѣе Маркса. Марксъ сильнѣе въ критикѣ; Энгельсъ мягче — я хочу сказать, научно мягче — но онъ многостороннѣе, шире. Какъ человѣкъ, онъ добродушнѣе. Въ особенности я цѣню его сочиненіе о семьѣ. Хотя онъ и обработалъ въ немъ Моргана и Маурера — но эта обработка согласно съ съ принципами историческаго матеріализма указываетъ на значительную силу и оригинальность. Энгельсъ сдѣлалъ тутъ для философіи исторіи то, что тщетно старался сдѣлать Марксъ для экономики — онъ далъ довольно гармоничное, единое цѣлое. Изданная отдѣльно часть Анти-Дюринга, «Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ», тоже очень удачное произведеніе. Да и весь Анти-Дюрингъ живое и поучительное сочиненіе. Брошюра о Фейербахѣ не смотря на нѣкоторую ея поверхностность имѣла тоже большое значеніе для созданія марксизма. Энгельсъ менѣе отрицателенъ, чѣмъ Марксъ.

На Энгельса гораздо болѣе и дольше, чѣмъ на Маркса, имѣлъ вліяніе Фурье. По моему мнѣнію, это для Энгельса довольно характерно — въ немъ больше поэзіи и добродушія. Для распространенія и усиленія марксизма Энгельсъ, по моему мнѣнію, сдѣлалъ больше самого Маркса. Его вліяніе на марксистовъ очень замѣтно.

Марксъ и Энгельсъ много сдѣлали для пониманія истиннаго значенія соціализма, для пониманія соціальнаго рабочаго вопроса, вопроса о пролетаріатѣ — въ этомъ отношеніи невозможно не цѣнить очень высоко ихъ заслугъ. Они представили рабочей массѣ всѣ важнѣйшіе современные вопросы; они возбудили и руководили этой массой въ дѣлѣ теоретическаго и практическаго разрѣшенія этихъ вопросовъ — и это заслуга большая и заслуживающая теплой признательности.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Критика практики марксизма.

XIII.

Главные вопросы политики марксизма.

A.

Революція или реформа?

142. Марксъ началъ свою дѣятельность журналиста на манеръ всѣхъ лѣвыхъ гегеліанцевъ критикой существующаго положенія литературы и политики. Сначала Марксъ направляетъ свою критику противъ идей, а не противъ практики; по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что настоящую опасность представляютъ идеи коммунизма, а не практическія попытки—«такъ какъ на практическія попытки можно отвѣчать пушками». Но запрещеніе «Рейнской газеты» и дальнѣйшее личное развитіе, въ особенности пребываніе въ Парижѣ, имѣли на Маркса рѣшительное вліяніе. Съ теоретической критикой было покончено, когда Марксъ сдѣлался членомъ тайныхъ революціонныхъ обществъ—съ этаго времени его лозунгомъ становится практическая революція.

Уже въ статьяхъ Deutsch Franz. Jahrbuch. (1844) онъ проповѣдывалъ, какъ намъ извѣстно, пролетарно-философскую революцію; въ замѣткахъ о Фейербахѣ (1845) онъ требуетъ вмѣсто теоріи практическо-критической дѣятельности, т. е. революціи, «практики ниспроверженія». Тутъ именно мы встрѣчаемъ изреченіе, что истина

есть сила. Въ сочиненіи противъ Прудона (1847) Марксъ доказываетъ, что общество, основанное на классовой борьбѣ, ведетъ къ столкновеніямъ между людьми—и что это есть окончательное рѣшеніе. Сочиненіе заканчивается словами Жоржъ-Занда: «борьба или смерть—кровавая война или ничто: такъ неумолимо ставится вопросъ».

Въ коммунистическомъ манифестѣ (1848) говорится: «коммунисты стыдятся скрывать свои взгляды и намѣренія. Они открыто заявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты только посредствомъ насильственнаго ниспроверженія всего существующаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы трепещутъ предъ коммунистической революціей. Пролетаріату нечего терять, кромѣ его цѣпей, а выиграть онъ можетъ цѣлый міръ».

Въ томъ же году Марксъ рекомендуетъ революціонный терроръ, какъ единственное и простѣйшее средство [1]).

Неудачи 1848 и 1849 годовъ ни устранили революціоннаго настроенія Маркса. Онъ постоянно ожидаетъ и предсказываетъ революцію. Въ 1850 году онъ снова ждетъ взрыва европейской революціи и говоритъ, измѣняя извѣстное выраженіе роялистовъ: «революція мертва, да здравствуетъ революція.» — Республика соединенныхъ буржуазныхъ партій имѣетъ только тотъ смыслъ и заслугу, что она представляетъ оранжерею для выращиванія революціи [2]).

Въ 1851 и 1852 годахъ въ статьяхъ объ революціи, напечатавшихъ въ ньюіоркской газетѣ «Трибуна» Марксъ объявляетъ революцію 1848 года самопроизвольнымъ выраженіемъ потребностей народовъ (эти потребности очень опредѣленно чувствуются во всѣхъ странахъ) и онъ ожидаетъ слѣдующаго скораго взрыва окончательной революціи.

Тѣ же надежды выражены и въ статьяхъ о Крымской войнѣ, написанныхъ въ 1853—56 годахъ.

Съ этого времени вся дальнѣйшая теоретическая и политическая дѣятельность Маркса посвящена революціи. Международное общество, выдающимся членомъ и душой котораго былъ Марксъ, принимало участіе въ парижской коммунѣ; извѣстно, однако, что общій совѣтъ общества не совѣтывалъ начинать возстаніе; и только тогда, когда оно уже началось, общество пристало къ коммунѣ и Марксъ въ печати защищалъ ее. Въ самомъ Парижѣ члены Международнаго Общества были самыми разумными и практичными изъ участниковъ возстанія [3]).

[1]) „Существуетъ только одно средство сократить убійственныя смертныя муки стараго общества и упростить кровавыя потуги родовъ новаго —это средство революціонный терроръ". Новая Рейнская газета 1890.

[2]) „Классовая борьба во Франціи". Изданіе Энгельса 1895 г.

[3]) Марксъ въ адресѣ общаго совѣта относительно гражданской борьбы

На конгрессѣ въ Гагѣ (1872) Марксъ восхваляетъ коммуну. Въ 1875 году въ критикѣ готской программы онъ говоритъ о революціонной диктатурѣ пролетаріата. Въ главномъ произведеніи Маркса настроеніе вполнѣ революціонное; онъ выставляетъ, какъ аксіому, положеніе: насиліе есть повитуха стараго общества, чреватаго новымъ; вообще вся первая часть «Капитала» есть призывъ къ возмущенію противъ насильственной дѣятельности капитализма.

Но за первой частью послѣдовала третья и въ ней теперешній экономическій строй отрицается уже не столь абсолютно. Какъ уже замѣчено, нельзя опредѣлить, когда именно у Маркса произошло такое измѣненія взглядовъ—но самый фактъ остается несомнѣннымъ.

Марксъ, впрочемъ, и раньше высказывался иногда не такъ радикально, и иногда даже прямо противъ революціи. Характерно для такого его колебанія его поведеніе въ 1850 году; въ окружномъ посланіи союза коммунистовъ, написанномъ въ мартѣ, Марксъ и Энгельсъ хотятъ, чтобы революція была постоянной и даже требуютъ, чтобы «такъ называемые» эксцессы, примѣръ народнаго мщенія противъ ненавистныхъ лицъ и общественныхъ зданій, были не только терпимы, но даже руководимы—и уже черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого тѣ же Марксъ и Энгельсъ энергично борятся съ «молодыми», желавшими слѣдовать ихъ совѣтамъ и пойти дальше ихъ. Разсказывающій объ этомъ Мерингъ [1]) объясняетъ такое измѣненіе взглядовъ тѣмъ, что Марксъ понялъ иллюзорность «революціонной игры» въ ближайшемъ будущемъ и потому такъ энергично предупреждалъ противъ нея. Можетъ быть и такъ. Но и въ позднѣйшее время имѣются данныя, доказывающія ту же нерѣшительность; я полагаю, что основныя понятія Маркса и Энгельса по этому вопросу были не выработанныя и колеблющіяся [2]).

143. Энгельсъ также, какъ и Марксъ, проповѣдывалъ революцію. Въ Анти-Дюрингѣ онъ говорилъ о своей партіи, что она есть «самая революціонная изъ партій, какія только существовали въ исто-

во Франціи въ 1871 году защищаетъ не только все возстаніе, но и отдѣльные его акты, напр. разстрѣляніе заложниковъ; адресъ этотъ заканчивается словами: „Рабочій Парижъ съ его коммуной будетъ вѣчно славиться, какъ славный предтеча новаго общества. Память о его мученикахъ навѣки запечатлѣна въ большомъ сердцѣ рабочаго класса. Его насильниковъ исторія уже теперь пригвоздила къ позорному столбу и всѣ молитвы ихъ поповъ безсильны будутъ спасти ихъ отъ этаго позора".

[1]) Мерингъ—Исторія I. 426.

[2]) Тоже колебаніе я вижу и въ отношеніи Маркса къ международному обществу. Бернштейнъ (Neue Zeit. 1897) разсказываетъ, что Марксъ считалъ соціалистическое измѣненіе общества въ Англіи и въ Америкѣ осуществимымъ законными средствами, при этомъ онъ заявилъ однажды, что крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ не слѣдуетъ эксплуатировать, а надо выкупить ихъ земли. Ср. наконецъ и третью часть „Капитала".

ріи»; въ томъ же сочиненіи онъ, говоря противъ неравенства, ссылается на революціонный инстинктъ. И уже въ слѣдующемъ году, незадолго до смерти, Энгельсъ высказывается противъ революціи.

И опять таки и Энгельсъ и раньше высказывался менѣе радикально; ему принадлежитъ изреченіе, что «соціалисты возьмутъ и отступное»; вообще у Энгельса можно найти и болѣе и менѣе радикальныя настроенія—тоже колебаніе, что и у Маркса [1]).

Но раньше, чѣмъ заняться принципіальнымъ вопросомъ, скажемъ нѣсколько словъ о вышеупомянутыхъ заявленіяхъ Энгельса въ 1895 году. Я имѣю въ виду введеніе къ статьямъ Маркса: «Классовая борьба въ Франціи въ 1848—1850 годахъ». Энгельсъ перепечаталъ ихъ изъ Новой Рейнской газеты 1850 года и присоединилъ свое введеніе, которое можно назвать его политическимъ завѣщаніемъ. Эти заявленія Энгельса такъ значительны и играли такую важную роль въ марксизмѣ, что они заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія.

Энгельсъ прежде всего сознается, что онъ также, какъ и Марксъ, жилъ съ 1848 года въ иллюзіи, ожидая экономическаго всемірнаго кризиса и за нимъ соціальной революціи; историческое развитіе не только уничтожило эту иллюзію, но и вполнѣ измѣнило условія, при которыхъ долженъ вести борьбу пролетаріатъ: «способъ борьбы 1848 года теперь устарѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ».

Энгельсъ принималъ дѣятельное участіе въ революціи 1848 года и мы знаемъ отъ его біографовъ —да это видно, впрочемъ, и изъ его сочиненій (въ Анти-Дюрингѣ—мѣсто о развитіи воинскаго дѣла)— что съ этаго времени его сильно интересовало военное дѣло; тѣмъ любопытнѣе и значительнѣе его критика революціи съ стратегической точки зрѣнія.

По словамъ Энгельса всѣ прежнія революціи были революціями меньшинства; даже и тамъ, гдѣ въ ней участвовало большинство, оно участвовало, сознательно или нѣтъ, въ интересахъ меньшинства. Революція ниспровергала господствующее меньшинство только за тѣмъ, чтобы вмѣсто него власть попала въ руки другого меньшинства.

Обыкновенно послѣ перваго крупнаго успѣха побѣдившее меньшинство распадается, часть довольствуется достигнутымъ, другая

[1]) Я уже обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что Энгельсъ въ разное время не одинаково отзывался объ основныхъ принципахъ Коммунистическаго манифеста. Также и въ другихъ его сочиненіяхъ: въ вопросѣ о жилищахъ (1887) онъ противъ общественныхъ реформъ; въ новомъ изданіи „Разоблаченій о процессѣ коммунистовъ“ (1885) онъ перепечатываетъ старую революціонную программу 1848 года; а въ 1865 году (Прусское военное положеніе и германская рабочая партія) онъ совѣтуетъ принять отъ реакціи всякую уступку — но прибавляетъ при этомъ, что не слѣдуетъ давать ей за это вознагражденія и т. д.

ставитъ новыя и болѣе широкія требованія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти радикальныя требованія даже осуществляются, но часто только на минуту, такъ какъ умѣренная партія снова получаетъ преобладаніе и радикальныя измѣненія снова устраняются, вполнѣ или отчасти. Побѣжденные радикалы кричатъ объ измѣнѣ или приписываютъ свое пораженіе случайности—въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: пріобрѣтенія первой побѣды могутъ быть обезпечены только второй побѣдой болѣе радикальной партіи; когда это достигается, радикалы и ихъ успѣхи снова сходятъ со сцены.

Во всѣхъ переворотахъ новой исторіи, начиная съ великой англійской революціи XVII вѣка, замѣчаются эти характерныя черты. Въ 1848 году революціонный пролетаріатъ былъ тоже въ меньшинствѣ; онъ являлся, правда, представителемъ интересовъ большинства, но переворотъ все таки не удался; «именно въ 1848 году можно было перечислить людей, хоть сколько ни будь понимавшихъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать освобожденія». «И тѣмъ не менѣе движеніе существовало, инстинктивное, самопроизвольное, непреодолимое».

Съ 1848 года вся Европа вполнѣ измѣнилась экономически; Франція, Австрія. Венгрія, Польша, Россія, и въ особенности Германія стали промышленными странами; появился настоящій промышленный пролетаріатъ и такимъ образомъ борьба двухъ классовъ, въ 1848 году существующая помимо Англіи только въ Парижѣ, да въ нѣкоторыхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, распространилась по всей Европѣ. Въ то время, какъ въ 1848 году пролетаріатъ, необъединенный, колеблющійся между вдохновеніемъ и отчаяніемъ, былъ разбитъ на отдѣльныя неорганизованныя секты, теперь вслѣдствіе работы Маркса пролетаріатъ всего міра организованъ въ единую большую международную армію. «Если даже эта могущественная армія пролетаріата все еще не достигла цѣли, если она далеко не въ состояніи добиться побѣды однимъ великимъ ударомъ, а напротивъ должна медленно подвигаться впередъ, отъ одной позиціи до другой, тяжелой и упорной борьбой, то это разъ навсегда доказываетъ, насколько въ 1848 году было невозможно завоевать общее соціальное преобразованіе простымъ сюрпризомъ».

Государственный переворотъ 1851 года составляетъ дальнѣйшее доказательство незрѣлости тогдашнимъ плановъ пролетаріата. Но хозяйничаніе Наполеона, также какъ и политика Бисмарка въ Германіи, помогла самосознанію пролетаріата. Бисмаркъ отомстилъ Наполеону и «король Вильгельмъ возстановилъ не только мало-германскую Имперію, но и французскую республику. Могильщики революціи 1848 года становятся исполнителями ея завѣщанія».

Пролетаріатъ организуется, какъ Международное Общество. Въ

Парижѣ при посредствѣ коммуны въ 1871 году онъ одержалъ побѣду, но снова только на одно мгновеніе—коммунисты не знали, что имъ дѣлать.

Буржуазія напрасно радовалась тому, что революціонная коммуна похоронила пролетаріатъ. Наоборотъ именно со времени коммуны и франко-германской войны начинается сильное его развитіе. Этому содѣйствуетъ и современный милитаризмъ. Благодаря введенію всеобщей воинской повинности во всѣхъ странахъ всякая война, кромѣ всемірной, стала невозможной; промышленность можетъ развиваться спокойно и вмѣстѣ съ этимъ налоги, увеличивающіеся вслѣдствіе милитаризма, гонятъ пролетаріатъ въ объятія соціализма.

Война 1870 года—повторяетъ Энгельсъ положенія Маркса въ его прокламаціяхъ противъ франко-германской войны—перенесла центръ тяжести европейскаго рабочаго движенія въ Германію. Во Франціи необходимы годы, чтобы оправиться отъ пораженія, понесеннаго коммуной; въ Германіи французскія милліарды помогли лихорадочному развитію промышленности, что въ свою очередь повело къ болѣе прочной организаціи рабочихъ. Рабочіе воспользовались введеніемъ въ 1866 году всеобщаго избирательнаго права и скоро создали могущественную политическую партію. Государство сначала попыталось подавить ее посредствомъ исключительнаго закона—но законъ скоро былъ устраненъ и теперь государство безпомощно. Нѣмецкіе рабочіе добились того, что ни гдѣ не удавалось—они выковали изъ всеобщаго избирательнаго права острое политическое оружіе. Всеобщая подача голосовъ была и раньше введена въ нѣкоторыхъ странахъ, но нигдѣ рабочіе не съумѣли воспользоваться ей—это произошло только въ Германіи. Нѣмецкіе рабочіе изъ этого средства политическихъ плутней (Наполеонъ) сдѣлали орудіе освобожденія. Избирательная агитація даетъ соціалистамъ такое средство, подобныхъ которому не существуетъ, чтобы придти въ соприкосновеніе съ массой, еще не пріобрѣтенной соціализмомъ; въ парламентѣ представители рабочихъ имѣютъ трибуну, съ которой они авторитетно могутъ бесѣдовать и съ своими противниками и съ внѣ парламента находящимися лицами.

При такомъ удачномъ пользованіи всеобщимъ избирательнымъ правомъ появляется и совершенно новый методъ борьбы пролетаріата. Рабочіе признали, что государственныя учрежденія, въ которыхъ установилось господство буржуазіи, представляютъ новыя орудія для борьбы пролетаріата противъ этихъ самыхъ учрежденій. Пролетаріи участвуютъ въ выборахъ въ ландтаги разныхъ государствъ, въ общинные совѣты, въ промышленные суды; буржуазія должна бороться съ пролетаріатомъ за каждый постъ. «И такимъ путемъ правительства и буржуазія дошли до того, что они боятся гораздо болѣе законной дѣятельности рабочей партіи, чѣмъ

незаконной, гораздо болѣе боятся успѣховъ въ выборахъ, чѣмъ возстанія».

Условія борьбы совершенно измѣнились и въ этой сферѣ. Возстаніе стараго типа, уличная борьба и баррикады, съ 1848 года значительно устарѣли. «Не будемъ питаться иллюзіями: дѣйствительная побѣда возстанія надъ войскомъ въ уличной борьбѣ, побѣда въ борьбѣ какъ бы между двумя арміями, величайшая рѣдкость». И въ возстаніяхъ обыкновенно дѣло не въ такой побѣдѣ; дѣло обыкновенно въ томъ, чтобы утомить войска нравственнымъ вліяніемъ, котораго при борьбѣ въ открытомъ полѣ не существуетъ. Если это удается, возстаніе побѣждаетъ; если нѣтъ, оно погибло; такъ и бывало въ большинствѣ случаевъ—такъ какъ войско, даже если оно будетъ въ меньшинствѣ, лучше вооружено, находится подъ лучшимъ и единымъ руководствомъ, его силы лучше бываютъ использованы. Оно также выше по своей дисциплинѣ. Инсургенты въ самомъ лучшемъ случаѣ при дѣйствительномъ тактическомъ дѣлѣ могутъ хорошо построить баррикады и хорошо защищать ихъ. Организація боевыхъ силъ обыкновенно не удается инсургентамъ; у насъ нѣтъ единаго плана, о концентрированіи боевыхъ силъ въ одномъ пунктѣ для рѣшительной битвы не можетъ быть и рѣчи. Потому обычна только пассивная защита; нападеніе возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ и обыкновенно занимаютъ только мѣста, оставленныя войсками. Кромѣ того у войска есть артиллерія и обученные корпуса; неудивительно, что война на баррикадахъ даже тогда, когда она ведется съ геройскимъ мужествомъ, заканчивается пораженіемъ возстанцевъ, ибо начальникъ войска, не смущаемый политическими соображеніями, можетъ дѣйствовать на основаніи правилъ тактики.

По словамъ Энгельса частая удача возстаній до 1848 года объясняется различными причинами. Въ Парижѣ, въ іюлѣ 1830—го и въ февралѣ 1848 годовъ, также, какъ и въ большинствѣ возстаній въ Испаніи, между инсургентами и войсками стояла національная гвардія; она или прямо становилась на сторону инсургентовъ, выдавая имъ оружіе, или своимъ поведеніемъ заставляла войска колебаться. Когда эта національная гвардія была противъ возстанія, инсургенты были побѣждены (что и случилось въ іюнѣ 1848 года въ Парижѣ). Въ другихъ случаяхъ начальники войскъ не обладали энергіей и т. д. Даже въ классическую эпоху уличной борьбы баррикады дѣйствовали болѣе морально, чѣмъ матеріально; онѣ были только средствомъ, чтобы поколебать вѣрность войска—разъ этого не достигали, возстаніе терпѣло пораженіе.

Уже въ 1849 году инсурекція не имѣла никакихъ надеждъ на успѣхъ. Буржуазія вездѣ становится на сторону правительства и войска; баррикады утратили свое очарованіе; солдатъ видитъ за ними не народъ, а отбросы обществъ; офицеръ выучился бороться

противъ уличныхъ нападеній А съ того времени отношенія еще больше измѣнились—и все въ пользу войска.

Если выросли города, то увеличились и арміи. Гарнизоны при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ могутъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ превратиться въ громадную армію. У войска скорострѣльныя орудія—и наоборотъ для инсургентовъ всѣ условія ухудшились. Пролетаріату не удается сгруппировать вокругъ себя всѣ средніе слои, «народъ», стало быть, останется разрозненнымъ. И если бы среди инсургентовъ было относительно много опытныхъ солдатъ—у нихъ нѣтъ оружія; предположимъ, что они захватятъ оружіе въ оружейныхъ лавкахъ (а полиція можетъ заранѣе сдѣлать это оружіе непригоднымъ, отнявъ у него казенники)—все это оружіе принесетъ мало пользы, такъ какъ оно разныхъ калибровъ. Да наконецъ современныя прямыя и широкія улицы какъ будто нарочно приспособлены для обстрѣливанія. «Революціонеръ долженъ быть сумашедшимъ, рекомендуя для баррикадной борьбы новые рабочіе округа на сѣверѣ и востокѣ Берлина».

Господствующіе классы, пожалуй, и сами желаютъ, говоритъ Энгельсъ, поставить рабочихъ подъ ружья и пушки—но это напрасное желаніе [1]). Прошло то время, когда небольшое сознательное меньшинство во главѣ безсознательной массы осуществляло переворотъ внезапно, сюрпризомъ. Теперь масса должна сама дѣйствовать, когда дѣло идетъ о ней. А чтобы массы поняли, о чемъ идетъ дѣло, соціализмъ и работаетъ при помощи своей новой тактики.

Энгельсъ находитъ, что и въ романскихъ странахъ рабочіе покидаютъ свою старую революціонную тактику; вездѣ необходима «медленная работа пропаганды и парламентской дѣятельности». Само по себѣ понятно, что и германскіе соціалисты не отказываются отъ своего права на революцію. «Вообще право на революцію есть единственное дѣйствительное историческое право»—единственное право, на которомъ основаны всѣ современныя государства безъ исключенія, даже и Мекленбургъ, дворянская революція котораго была закончена въ 1755 году «наслѣдственнымъ соглашеніемъ», еще и теперь дѣйствующей грамотой феодализма. Право на революцію считается общимъ сознаніемъ настолько неопровержимымъ, что даже генералъ Богуславскій выводилъ право на государственный переворотъ, которое онъ признавалъ за императоромъ, изъ этого права народа.

Энгельсъ, впрочемъ, не занимается другими странами—въ Германіи соціалъ-демократія занимаетъ особое положеніе и потому предъ ней стоитъ и особая задача, «по крайней мѣрѣ сначала». Уже теперь (1895) пролетаріатъ располагаетъ $2^1/_4$ милліонами избирателей; если количество голосовъ будетъ постоянно увеличиваться, если развитіе и дальше пойдетъ въ томъ же направленіи, то къ концу столѣтія «мы пріобрѣтемъ большую часть среднихъ слоевъ общества, мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ, и предъ нами должны будутъ волей или неволей склониться всѣ другія силы. Наша главная задача состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать этотъ непрерывный ростъ до тѣхъ поръ, пока движеніе не переростетъ существующую правительственную систему. И тогда будетъ только одно средство временно задержать и даже на нѣкоторое время подавить непрерывный ростъ соціалистическаго движенія въ Германіи—крупное столкновеніе съ войсками, кровопусканіе, какъ было въ Парижѣ въ 1871 году.

[1]) Что Энгельсъ не совсѣмъ ужъ клевещетъ на господствующіе классы, это доказываетъ брошюра депутата германскаго рейхстага Фехенбаха-Лауденбаха: „Слѣдуетъ ли принудить соціалъ демократію къ открытой революціи, къ уличной борьбѣ?“ 1896. Авторъ протестуетъ противъ статьи въ бисмарковской газетѣ Hamburg Nachrichten.

Иронія всемірной исторіи, заканчиваетъ Энгельсъ свои разсужденія, переворачиваетъ все вверхъ ногами; «революціонеры, ниспровергатели процвѣтаютъ лучше при законныхъ средствахъ, чѣмъ при незаконныхъ и при ниспроверженіи»—партіи порядка погибаютъ на законномъ основаніи, созданномъ ими самими. «И если мы не будемъ такъ безумны, чтобы для ихъ удовольствія ринуться въ уличную борьбу, то имъ въ концѣ концевъ не останется ничего другого, какъ самимъ нарушить эту столь роковую для нихъ законность». Раньше господствующія партіи только и умѣли помогать себѣ всевозможными преслѣдованіями пролетаріевъ и соціалистовъ—и вотъ происходитъ тоже, что происходило 1600 лѣтъ тому назадъ въ Римѣ; преслѣдуемая религія христіанъ была наконецъ провозглашена государственной религіей.

144. Итакъ—революція и переворотъ! Очевидно, что двойственность заключается въ самой системѣ; въ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи съ самаго начала существуетъ двойное политическое направленіе, болѣе радикальное и болѣе умѣренное, и вождямъ никакъ не удается ясно и точно разграничить ихъ.

Въ самой партіи происходитъ тоже, что было у Маркса и Энгельса; принимались одновременно самыя различныя рѣшенія, то болѣе радикальныя, то болѣе умѣренныя—единой, теоретически обоснованной тактической программы не существуетъ. Не будемъ говорить о болѣе отдаленномъ прошломъ—уже самое соединеніе лассаліанцевъ («мирнымъ и легальнымъ путемъ») и эйзенахцевъ было неорганическимъ соединеніемъ двухъ тактически различныхъ направленій. Законъ противъ соціалистовъ заставлялъ принять принципіальное рѣшеніе; но конгрессъ въ Виденѣ показалъ, что это рѣшеніе не было принципіальнымъ; партія отвергла рѣшительныхъ анархистовъ, высказалась противъ революціи, но за то исключила изъ готской программы слово: законный («соціалистическая рабочая партія Германіи стремится всѣми

законными средствами къ свободному государству» и т. д.). И одновременно новый органъ партіи, «Socialdemokrat», объявилъ, что соціалистическій идеалъ можетъ быть достигнутъ только насильственнымъ ниспроверженіемъ.

Такъ идетъ дѣло и до послѣдняго времени. Цюрихскій конгрессъ (1893) высказался противъ компромисса—а Фольмаръ остался въ партіи, несмотря на то, что вотировалъ за правительственный бюджетъ; два раза на конгрессахъ обсуждался вопросъ объ его исключеніи; но оба раза устроили компромиссы.

Неудивительно, что въ партіи появились «молодые». Одинъ изъ нихъ, Мюллеръ, указалъ, что вожди соціалъ-демократовъ противорѣчатъ сами себѣ, и что ихъ программа, несмотря на всѣ ихъ радикальныя фразы, оппортунистская [1]).

И дѣйствительно, у выдающихся вождей партіи можно найти заявленія и за и противъ революціи—очень часто у нихъ существуетъ обычная въ политической жизни двусмысленность. Но вообще можно сказать, что вѣра въ революцію все болѣе и болѣе исчезаетъ. Признаютъ вмѣстѣ съ Либкнехтомъ, что «насиліе въ теченіе вѣковъ есть факторъ реакціонный» и наконецъ Энгельсъ пытается обосновать парламентскую тактику.

Заявленія Энгельса противъ революціи повели къ живому обсужденію этого вопроса.

Каутскій съ своемъ объясненіи Эрфуртской программы тоже высказался не за революціонную тактику; въ особомъ разсужденіи, составляющемъ соціалъ-демократическій катихизисъ (1894), онъ приводитъ противъ революціи тѣ же аргументы, съ которыми потомъ выступилъ Энгельсъ [2]). Но заявленія Каутскаго недостаточно опредѣленны.

Рѣшительнѣе всѣхъ и болѣе открыто отвергаетъ революцію Бернштейнъ и онъ основывается на отрицаніи теоріи катастрофъ Маркса [3]).

Бернштейнъ высказывается также и за компромиссъ [4]). Противъ непримиримыхъ, требующихъ революціонной тактики, Бернштейнъ говоритъ, что соціалъ-демократическая партія должна и можетъ вступать въ компромиссы, когда найдетъ это необходимымъ. Онъ доказываетъ исторически, что партіи и движенія падали часто именно потому, что были непримиримыми. Чартисты были непримиримые, и потому, утверждаетъ Бернштейнъ, они ничего и недобились и только оппортунисты добились избирательной реформы въ 1867 и 1884 году [1]). Оно приводитъ и другой примѣръ изъ исторіи совѣта лондонскаго графства. Въ 1892 году коалиція рабочихъ, радикальныхъ и умѣренныхъ соціалистовъ начала энергическую реформаторскую дѣятельность; радикалы были недовольны, начали агитацію и въ 1895 году произошли новые выборы; радикалы остались непримиримыми, но побѣду одержали реакціонеры.

Далѣе Бернштейнъ указываетъ на то, что германская соціалъ-демократическая партія и образовалась то при посредствѣ компромисса и что это большая ошибка утверждать, будто соціализмъ есть eo ipso радикализмъ. Конечно, компромиссъ не долженъ касаться основныхъ принциповъ, дѣло идетъ о компромиссѣ въ дѣйствіи, а не о компромиссѣ въ принципахъ. Первый компромиссъ и необходимъ и возможенъ, такъ какъ всякая партія, если она только хочетъ выидти изъ стадіи сектантства, должна добиваться какого нибудь успѣха. Бернштейнъ для защиты своихъ взглядовъ ссылается на самого Маркса.

Очень живо обсуждался вопросъ о законности компромисса по поводу послѣднихъ выборовъ въ прусскій ландтагъ. Въ Neue Zeit было посвящено нѣсколько статей этому вопросу, и между прочимъ и статьи Бебеля и Либкнехта. Каутскій изложилъ все это обсужденіе въ вышеупомянутой статьѣ о компромиссѣ [2]).

Каутскій принялъ формулировку вопроса Бернштейномъ, на основаніи которой компромиссъ въ дѣйствіи, а не въ программѣ, не опасенъ для пролетаріата; и этотъ компромиссъ въ дѣйствіи необходимъ, такъ какъ одинъ пролетаріатъ еще пока не въ состояніи дѣлать практической политики. По другому поводу Каутскій тоже ссылается на Маркса, утверждая, что онъ не былъ принципіальнымъ противникомъ компромисса [3]).

---

[1]) Гансъ Мюллеръ: „Классовая борьба въ нѣмецкой соціалъ демократіи“ 1892 ст. 36: „программа Фольмара настоящая программа партіи, осуществить которую вынужденъ стремиться и Бебель, не смотря на все свое сопротивленіе“.

[2]) „Соціалъ демократическій катехизисъ: II. Революція и анархизмъ“ (Neue Zeit 1893).

[3]) „Борьба соціалъ демократіи и общественный переворотъ (Neue Zeit. 1897.

[4]) Противъ итальянца Лерды (Тактика соціалъ демократической партіи — Neue Zeit. 1897) писалъ Бернштейнъ: Классовая борьба и компромиссъ (ibid).

[1]) Но не подѣйствовалъ ли тутъ страхъ предъ возобновленіемъ радикальнаго направленія?

[2]) Каутскій: Что такое компромиссъ? (Neue Zeit 1897). Ср. его же: Выборы въ прусскій ландшагъ и реакціонная масса (ibid).

[3]) Каутскій N. Z. 1896. Либкнехтъ о Марксѣ. Тутъ дается такое опредѣленіе компромисса: „въ чемъ сущность политическаго компромисса? Въ томъ, что различныя политическія организаціи или направленія соглашаются относительно общей планомѣрной дѣятельности, и обозначаютъ пункты, въ которыхъ ихъ стремленія одинаковы и потому возможна совмѣстная работа. Дѣлаемыя взаимно уступки состоятъ въ томъ, что въ тѣхъ пунктахъ, по отношенію къ которымъ соглашеніе не состоялось, или прекращается на время всякая дѣятельность, или каждой, вступившей въ компромиссъ партіи представляется полная свобода дѣйствія“.

Характеренъ для новыхъ взглядовъ и настроеній случай Шиппеля на гамбургскомъ конгрессѣ 1897 года. Шиппель, какъ депутатъ, выразилъ желаніе, чтобы въ рейхстагѣ соціалисты вотировали за лучшее вооруженіе арміи—армія, вѣдь, существуетъ и потому было бы лучше, чтобы нѣмецкіе солдаты, главнымъ образомъ рабочіе, могли лучше сопротивляться врагамъ.

Требованіе Шиппеля встрѣтило возраженія: милитаризмъ есть главная сила классоваго государства и потому ему слѣдуетъ отказывать во всемъ. Приверженцы Шиппеля сослались на Бебеля, который хотѣлъ нѣсколько лѣтъ до этого вотировать въ рейхстагѣ за темные мундиры, на томъ основаніи, что они защищаютъ лучше нѣмецкихъ солдатъ отъ вражескихъ пуль. Бебель самъ тогда вмѣшался въ дебаты и указалъ на разницу его требованія отъ требованія Шиппеля—лучшее вооруженіе есть лучшее средство для уничтоженія человѣческой жизни, а темное сукно защищаетъ жизнь, да и стоитъ дешевле [1]). Либкнехтъ потомъ заявилъ, что для милитаризма не слѣдуетъ вотировать ни гроша и что Шиппель неправъ [2]). Мнѣ кажется, что это невѣрно: Шиппель говорилъ очень разсудительно и его заявленіе отнюдь не было сюрпризомъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто внимательно наблюдалъ за развитіемъ соціалъ-демократической партіи [3]).

Другимъ поучительнымъ примѣромъ въ послѣднее время была полемика о Турціи. Баксъ стоялъ за турокъ, такъ какъ варварство лучше цивилизаціи—а Бернштейнъ за грековъ и цивилизацію [4]).

Борьба за радикализмъ и оппортунизмъ ведется не въ одной только Германіи.

Въ Англіи радикальное направленіе вообще въ меньшинствѣ и политика компромисса практикуется и рекомендуется различными соціалистическими направленіями. Недавно Шау отъ имени Фабіанцевъ высказался противъ фразистаго радикализма вообще и германскаго въ особенности — нѣмецкіе соціалисты въ политикѣ дѣти и романтики [5]).

Отъ имени демократической федераціи по этому вопросу высказался Джонъ Бёрнсъ: «есть люди, думающіе, что революція въ Англіи приведетъ насъ къ тысячелѣтнему царству. А я утверждаю, что это будетъ адъ, сопровождаемый ужасной реакціей. Единственная тактика, которой мы можемъ держаться, это научный оппортунизмъ. Я не хочу отстаивать невозможныхъ взглядовъ, не хочу быть блестящимъ дуракомъ. Я знаю, что нужно дѣлать и дѣлаю все, что можно». Репортеръ при этомъ прибавляетъ, что онъ говорилъ о Бёрнсѣ съ Энгельсомъ и тотъ сказалъ ему, что Бёрнсъ обладаетъ настоящимъ инстинктомъ рабочаго; возможно, что его политика и его мнѣнія не всегда правильны, но что въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о борьбѣ и страданіи за рабочихъ, во всей Англіи нѣтъ ни одного человѣка, который сдѣлалъ бы это съ такой охотой, какъ Бёрнсъ [1]). И Бёрнсъ—прибавлю я—по поводу безпорядковъ нисколько не колебался требовать, чтобы стрѣляли въ производящихъ насилія мятежниковъ, причемъ онъ настаивалъ даже на примѣненіи остраго оружія.

Отъ имени независимой рабочей партіи высказалъ свои взгляды Макдональдъ въ лекціи въ Фабіанскомъ обществѣ въ 1895 году, причемъ рѣзко напалъ на не научный радикализмъ соціалистическаго демократизма [2]).

Во Франціи, а также и въ Италіи тоже рекомендуютъ оппортунизмъ — и это тѣмъ любопытнѣе, что именно въ этихъ странахъ соціализмъ все еще революціонный и анархистскій. Въ 1894 году во Франціи часть соціалистовъ агитировала за выборъ въ Сенатъ; болѣе радикальные были, конечно, противъ этого. Жоресъ тогда защищалъ выборы. О революціи часто высказывался Девилль (марксистъ). Вначалѣ онъ, какъ и многіе другіе, былъ за революцію [3]). Потомъ онъ сталъ умѣреннѣе. Въ 1893 году онъ пытался доказать, что революція есть кризисъ, характеризирующій завершеніе періода эволюціи. Революція—это разрушеніе существующей системы и закона, но это разрушеніе не обязательно должно быть насильственнымъ. Революція можетъ быть и мирной. Какъ на примѣръ Девилль указываетъ на революцію 1870 года, когда была возстановлена республика безъ всякаго кровопролитія. Именно о такой революціи и думаютъ соціалисты—капиталисты будутъ, вѣроятно, столь же разумны, какъ были бонапартисты 4 сентября 1870 года. А пока соціалисты стараются пробудить классовое сознаніе у большинства рабочихъ—и притомъ законнымъ и мирнымъ путемъ. Поддерживать же законъ всегда и всѣми способами невозможно не только для соціалистовъ, а и для всѣхъ другихъ партій [4]). Въ новой книгѣ Девилль

[1]) Neue Zeit 1897 г.: Hamburger Parteitag.

[2]) Pravo Lidu 1897.

[3]) Обращу вниманіе на то, что самъ Каутскій (до Шиппеля) въ своей полемикѣ съ Баксомъ защищаетъ войну и военное начальство противъ демократическихъ предразсудковъ, проистекающихъ изъ философіи просвѣщенія. Недавно за милитаризмъ высказался (хотя и осторожно и дипломатично) и кандидатъ въ депутаты, а теперь уже депутатъ Гейне. См. Ледебура: Какимъ образомъ соціалъ демократія привыкаетъ къ оппортунизму—Socialist. Monatshefte 1898.

[4]) Бернштейнъ: Побѣда турокъ и соціалъ демократія (Neue Zeit 1897).

[5]) Шау—Иллюзіи соціализма 1896.

[1]) „Соціализмъ въ Англіи"—Ere nouvelle 1897.

[2]) „Проблема демократіи въ Англіи" (сокращенный переводъ Бернштейна N. Z. 1895).

[3]) Collectivisme et revolution 1879.

[4]) Deville—Socialisme, Revolution, Internationalisme.—Ere nouvelle 1893.

очень опредѣленно высказывается противъ революціонныхъ насилій; тутъ онъ прямо называетъ революціонеровъ реакціонерами [1]).

Отъ имени малопистовъ (послѣдователей Малопа, интегральнаго соціализма) осуждаетъ революцію Ренаръ [2]).

Изъ итальянцевъ я уже упоминалъ о Лердѣ и объ отвѣтѣ ему Бернштейна. Другіе тоже высказали свое мнѣніе. Ферри понимаетъ революцію въ эволюціонномъ смыслѣ и протестуетъ противъ мятежа и противъ насилій противъ личностей (противъ анархизма дѣла). Только эволюція и революція полезны обществу; бунты же и насилія имѣютъ незначительное вліяніе на развитіе и антисоціальны и и негуманны [3]); противъ теоріи катастрофъ высказывается и Мерлино, и съ нимъ соглашается Ферреро [4]).

Среди польскихъ и чешскихъ соціалистовъ тоже идетъ споръ о революціонной тактикѣ и приводитъ къ тѣмъ же результатамъ— столь же живая полемика ведется о тактикѣ и среди голландскихъ соціалистовъ. Наконецъ отъ имени испанскихъ соціалистовъ Иглезіасъ заявилъ, что буржуазія могла бы убѣдиться въ томъ, «что мы не хотимъ захватить власть насильственно, тѣми же средствами, какія она когда то примѣняла, насиліемъ и кровопролитіемъ, а только законными средствами, соотвѣтствующими цивилизаціи» [5]).

Всѣ эти факты достаточно доказываютъ, что въ марксизмѣ и вообще въ соціализмѣ происходитъ измѣненіе взглядовъ относительно политической тактики, и именно въ сторону тактики не революціонной.

145. Совершенно очевидно, что прежній революціонизмъ оставляется и въ теоріи и на практикѣ. Какое громадное измѣненіе взглядовъ отъ указанія Маркса и Энгельса на то, что такъ называемые эксцессы, образцы народнаго мщенія должны быть не только терпимы, но и руководимы до политическаго завѣщанія Энгельса, отъ первой части «Капитала» до третьей. Это должно было дѣйствовать на наслѣдниковъ и, какъ мы видѣли, дѣйствуетъ. Читателя не должно при этомъ приводить въ смущеніе то обстоятельство, что многіе изъ соціалистовъ высказываютъ свои мнѣнія по этому вопросу осторожно и именно «политически» двусмысленно.

Самое то главное тутъ въ томъ, что измѣненіе мнѣній, какъ это видно изъ всѣхъ заявленій, не исключая и разсужденій Энгельса, не обосновано принципіально. Необходимость революціи Марксъ и Энгельсъ пытались обосновать принципіально, а о ненужности ея говорится также, какъ Марксъ рядомъ съ первой частью «Капитала»

[1]) Principes socialistes 1896.
[2]) Renard—Le regime socialiste 1898.
[3]) Ferri—Socialismoe scienza positive 1894.
[4]) Статья Мерлино въ Socialist. Monatshefte 1897.
[5]) Въ Vorwärts 1898.

написалъ третью. Энгельсъ въ концѣ концевъ отрекся отъ революціи — но философскую обработку обоихъ направленій онъ предоставилъ своимъ наслѣдникамъ. И эти послѣдніе до сихъ поръ не исполнили этой задачи въ той степени, въ которой требуетъ этого революціонная обосновка марксизма.

Мнѣ представляется важнымъ именно то обстоятельство, чтобы вопросъ о переворотѣ былъ поставленъ во всей его полнотѣ и реальности, чтобы философія переворотовъ Маркса и Энгельса была уяснена во всемъ ея значеніи для всей ихъ системы. И это тѣмъ болѣе необходимо, что вообще объ этомъ вопросѣ не думаютъ и не говорятъ настолько, насколько это было бы теперь необходимо.

Марксъ хотѣлъ создать философію практическую по преимуществу — философія должна не объяснять міръ, а измѣнить его. Мы говорили уже, что тутъ Марксъ слѣдуетъ Канту, что онъ идетъ по пути, проложенному нѣмецкой философіей послѣ Канта. Потому то и необходимо уяснить себѣ, какъ онъ подходитъ къ поставленной задачѣ, какъ онъ разрѣшаетъ вопросъ о своей практической философіи—однимъ словомъ, необходимо уяснить себѣ, правъ ли Марксъ, утверждая, что истина есть сила.

Марксъ самъ очень рано поставилъ этотъ критическій вопросъ— и далъ на него очень подробный отвѣтъ въ своей статьѣ о философіи права Гегеля. До сихъ поръ на эту работу не обращали того вниманія, какое она заслуживаетъ, а она является существеннымъ звеномъ въ развитіи Маркса и главное то въ томъ, что въ ней изложено основаніе его политики. Потому я сдѣлаю изъ этой статьи краткое извлеченіе. Если тутъ и встрѣтятся нѣкоторыя повторенія того, что уже я цитировалъ, то это не помѣшаетъ, такъ какъ мы такимъ образомъ прослѣдимъ весь ходъ мысли Маркса.

Марксъ начинаетъ съ окончательнаго результата нѣмецкой философіи и этотъ результатъ онъ видитъ въ критикѣ религіи Фейербаха; такъ какъ онъ всецѣло принимаетъ этотъ результатъ, то предъ нимъ стоитъ дальнѣйшая задача — именно переходъ отъ критики религіи къ критикѣ государства и всего общественнаго строя.

Фейербахъ подвергалъ критикѣ только одну религію и именно поэтому слѣдующіе за нимъ философы должны подвергнуть критикѣ государство и политику. Такъ какъ Фейербахъ сводитъ религію къ антропоморфизму — такова сущность всей дальнѣйшей аргументаціи Маркса—то этимъ онъ указываетъ, что религія есть фантастическое отраженіе дѣйствительнаго человѣка, что Богъ человѣка есть самъ человѣкъ. Потому критика такого бога есть, собственно говоря, критика дѣйствительнаго человѣка. Такъ какъ Фейербахъ указываетъ, что религія фантастична, то этимъ онъ даетъ косвенное доказательство того, что дѣйствительный человѣкъ фантастиченъ и что вся его сущность несовершенна. Человѣкъ въ его фантастическомъ

небѣ, гдѣ онъ ищетъ сверхъ человѣка, находитъ только отраженіе себя самого, нечеловѣка. Критика религіи указываетъ, что религія есть ничто иное, какъ самосознаніе человѣка, но человѣка несовершеннаго, не нашедшаго самого себя или утратившаго самого себя. Несовершенство религіи есть несовершенство человѣка; а человѣкъ не абстрактное существо, а міръ человѣка, государство, общество. Это государство, это общество создаетъ религію, которая, какъ это доказывается ея критика, есть извращенное міровоззрѣніе, такъ какъ самый міръ извращенъ. Религія есть только образъ этаго ничтожнаго міра. Такимъ образомъ критика религіи естественно переходитъ въ критику того, что создало религію — въ критику человѣка, государства, общества. «Критика неба превращается въ критику земли, критика религіи въ критику права, критика теологіи въ критику политики».

Установивъ такія методологическія основанія, Марксъ переходитъ къ политической критикѣ.

Критика должна прежде всего направиться на положеніе Германіи въ 1843 году. Это положеніе почти таково, каково было положеніе Франціи въ 1789 году, и потому оно не соотвѣтствуетъ духу времени, проявленія котораго Марксъ видитъ только во Франціи и въ ея революціонномъ движеніи. Вообще для исторіи у Маркса «французское измѣреніе времени».

Потому положеніе Германіи таково, что его нельзя просто отрицать. «Если я буду отрицать напудренныя косы, то все таки останутся ненапудренныя косы». Лозунгомъ должно быть: война положенію Германіи! Оно ниже уровня исторіи, оно ниже всякой критики, хотя и остается объектомъ критики, какъ преступникъ, стоящій ниже уровня человѣчности, остается объектомъ палача. Въ борьбѣ съ этимъ положеніемъ критика уже не есть «страсть головы, а голова страсти»; она уже не есть анатомическій ножъ, а оружіе; ея объектъ есть ея врагъ, котораго нужно не опровергнуть, а уничтожить, такъ какъ онъ уже опровергнутъ. Потому критика перестаетъ быть самоцѣлью и становится простымъ средствомъ. «Ея существенный пафосъ есть негодованіе, ея существенная работа — нападеніе».

Политическое положеніе Германіи столь печально, что критика уже не можетъ заниматься имъ просто какъ интереснымъ объектомъ, — она съ нимъ абсолютно покончила, она должна уничтожить, разрушить его. Критика должна начать съ нимъ столкновеніе, начать съ нимъ рукопашную битву, а въ битвѣ уже не спрашиваютъ о томъ, есть ли противникъ благородный, равный и интересный противникъ — въ рукопашной битвѣ нужно опрокинуть противника. Потому критика не должна оставлять нѣмцамъ ни минуты самообмана, ни минуты резиньяціи. «Нужно выучить народъ пугаться себя самого, чтобы внушить ему храбрость».

Политическое и вообще все практическое положеніе Германіи печально и позорно, и только нѣмецкая философія стоитъ на высотѣ современности. «Въ философіи мы современники настоящаго, но исторически мы не современны ему». Нѣмецкая философія есть идеальное продолженіе нѣмецкой исторіи. У прогрессивныхъ народовъ государственное положеніе разлагается на практикѣ, а въ Германіи, гдѣ это положеніе даже и не существуетъ, происходитъ сначала критическое разложеніе философскаго отраженія этого состоянія.

И такъ какъ только одна нѣмецкая философія права и государства, въ особености философія Гегеля, «стоитъ al pari съ оффиціальной современностью», то необходима критика этой философіи и, стало быть, критика всѣхъ германскихъ отношеній. И масштабомъ при этомъ долженъ быть прогрессъ болѣе развитыхъ народовъ (именно Франціи); съ этой точки зрѣнія практическая политическая партія основательно требуетъ отрицанія философіи. Но такое отрицаніе не состоитъ въ томъ, чтобы обернуться спиной къ философіи и осудить ее; надо требовать возврата къ жизни, а нѣмецкая жизнь и заключается въ этой философіи, и въ ней одной, а потому «нельзя уничтожить философію, не осуществляя ее».

Теоретическая политическая партія дѣлаетъ туже ошибку, только наоборотъ. Именно она видитъ въ теперешней борьбѣ только критическую борьбу философіи съ нѣмецкимъ міромъ, не думая о томъ, что и сама философія принадлежитъ къ этому міру, что она есть его идеальное дополненіе. Эта партія критическая по отношенію къ положенію Германіи, но некритическая по отношенію къ себѣ самой, такъ какъ она довольствуется результатами философіи или считаетъ различныя другія требованія за непосредственныя требованія и результаты философіи. Однимъ словомъ, она хочетъ осуществить философію, не уничтожая ее.

Философія права и государства Гегеля есть послѣднее, самое полное и самое послѣдовательное выраженіе нѣмецкаго государственнаго и правового сознанія. «Нѣмцы въ политикѣ думали о томъ, что другіе народы дѣлали. Германія была ихъ теоретической совѣстью». Потому критика этой философіи не должна заниматься самой собой, а задачами, для разрѣшенія которыхъ есть только одно средство — именно практика.

А практика — это революція.

«Спрашивается, можетъ ли Германія дойти до практики, стоящей на высотѣ принциповъ, т. е. до революціи, которая бы поставила ее не только на высоту оффиціальнаго уровня современныхъ наро-

довъ, но и на высоту человѣческую, которая будетъ ближайшимъ будущимъ этихъ народовъ»?

«Во всякомъ случаѣ оружіе критики не можетъ замѣнить критику оружія; матеріальную силу надо ниспровергнуть матеріальной же силой; но и теорія становится матеріальной силой, когда она охватываетъ массы. Теорія способна охватить массы, когда она демонстрируетъ ad hominem; а она демонстрируетъ ad hominem, когда дѣлается радикальной. Быть радикальнымъ значитъ смотрѣть въ корень вещей. Очевидное доказательство радикализма нѣмецкой теоріи, и стало быть и ея практической энергіи есть ея отправленіе отъ рѣшительнаго и положительнаго устраненія религіи. Критика религіи заканчивается ученіемъ, что человѣкъ для человѣка есть высшее существо, стало быть, категорическимъ императивомъ измѣнить всѣ отношенія, при которыхъ человѣкъ есть униженное, оставленное, презрѣнное существо».

Эта теоретическая эмансипація имѣетъ для Германіи практическое значеніе, такъ какъ революціонное прошлое Германіи теоретическое — реформація. «Какъ тогда революція началась въ мозгу монаха, такъ теперь въ мозгу философа».

Лютеръ не исполнилъ своей задачи. Онъ побѣдилъ рабство изъ набожности, но поставилъ на его мѣсто рабство изъ убѣжденія. Онъ разбилъ вѣру въ авторитетъ, возстановивъ авторитетъ вѣры. Онъ превратилъ поповъ въ мірянъ, превратилъ мірянъ въ поповъ. Онъ освободилъ человѣка отъ внѣшней религіозности, сдѣлавъ его внутренне религіознымъ.

Стало быть, протестантизмъ не былъ истиннымъ рѣшеніемъ задачи, но онъ поставилъ настоящую задачу. «Дѣло идетъ не о борьбѣ мірянина съ попомъ внѣ его (т. е. внѣ мірянина), а о борьбѣ съ своимъ собственнымъ внутреннимъ попомъ, съ своей поповской натурой. И если протестантское превращеніе нѣмцевъ мірянъ въ поповъ освободило мірскихъ папъ, князей, со всемъ ихъ клиромъ, привилегированными и филистерами, то философское превращеніе поповскихъ нѣмцевъ въ людей освободить народъ. Но какъ эмансипація не остановилась на однихъ князьяхъ, такъ и секуляризація имуществъ не остановилась на ограбленіи церкви, совершенномъ прежде всего лицемѣрной Пруссіей. Тогда крестьянская война, самый радикальный фактъ нѣмецкой исторіи, разбилась о теологію. Теперь, когда теологія сама потерпѣла крушеніе, самый несвободный фактъ нѣмецкой исторіи, status quo (наше положеніе), разобьется о философію. За день до реформаціи официальная Германія была безусловнѣйшей рабыней Рима. За день до своей революціи она есть безусловная рабыня Пруссіи и Австріи, юнкеровъ и филистеровъ.

Стало быть, Германія должна совершить радикальный переворотъ. Но революціи нуждаются «въ матеріальной основѣ, въ пассивномъ элементѣ», т. е. въ народѣ; откуда взять его? Народъ осуществляетъ теорію всегда въ той мѣрѣ, въ какой она есть осуществленіе его потребностей. Можетъ ли нѣмецкій народъ быть радикальнымъ?

Нѣмецкій народъ не прошелъ своевременно среднія ступени политическаго освобожденія, онъ на практикѣ не дошелъ до той ступени, которую уже пережилъ въ теоріи. Какимъ же образомъ онъ можетъ выдти теперь изъ своихъ собственныхъ рамокъ и пойти дальше рамокъ современныхъ народовъ? Германія сопровождала современные народы въ ихъ развитіе только абстрактной дѣятельностью своего мышленія, а не учавствовала дѣятельно въ борьбахъ этого развитія: она учавствовала въ страданіяхъ этого развитія, не раздѣляя его наслажденій, его частичнаго удовлетворенія. Потому Германія когда нибудь будетъ на уровнѣ европейскаго паденія, никогда не достигая уровня европейскаго освобожденія. «Ее можно сравнить къ фетишистомъ, болѣющимъ страданіями христіанства». И потому то въ Германіи вопросъ не только въ политическомъ, частичномъ переворотѣ, оставляющемъ неприкосновенными столбы дома, а во «всеобщемъ человѣческомъ освобожденіи».

Частичный, политическій переворотъ состоитъ въ томъ, что часть буржуазнаго общества освобождается и достигаетъ всеобщаго господства. Эта часть, этотъ опредѣленный общественный классъ остается на своемъ мѣстѣ, но признается, однако, всеобщимъ представителемъ, если ему удастся пробудить и въ себѣ самомъ и въ массахъ чувство всеобщности. На время этотъ классъ становится соціально и головой и сердцемъ общества. Только во имя всеобщихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ потребовать себѣ всеобщаго господства». Для того, чтобы революція всего народа совпадала съ эмансипаціей отдѣльнаго класса, въ немъ должны быть концентрированы всѣ недостатки общества. Съ другой стороны отдѣльная «общественная сфера должна считаться очевиднымъ зломъ всего общества; такъ что освобожденіе отъ этой сферы представляется всеобщимъ освобожденіемъ. Сословіе должно быть сословіемъ освобожденія par excellence, а другое сословіе должно быть очевиднымъ сословіемъ угнетенія. Во время французской революціи такое отрицательно — всеобщее значеніе имѣло духовенство и дворянство, а положительно — всеобщее буржуазія.

Въ Германіи Марксъ не находитъ ни отрицательнаго, ни положительнаго сословій. Тамъ нѣтъ ни одного класса, который обладалъ бы соотвѣтствующей послѣдовательностью, опредѣленностью, рѣшительностью и безпощадностью, при которыхъ онъ являлся бы отрицательнымъ представителемъ всего общества. Съ другой стороны ни у одного сословія нѣтъ и той широты души, которая могла бы отождествить ее, хотя и на время, съ душой всего народа, нѣтъ той геніальности, которая вдохновляетъ матеріальную силу (массу)

къ политическому насилію, нѣтъ той революціонной смѣлости, которая хочетъ быть всемъ. Нѣмцы, какъ личность, и какъ классы, довольствуются своимъ скромнымъ эгоизмомъ — нѣмецкіе средніе классы знаютъ и чувствуютъ, что они представляютъ только филистерскую умѣренность всѣхъ остальныхъ классовъ.

Въ Франціи, наоборотъ, всякій, если онъ есть нѣчто, хочетъ быть всемъ. Тамъ частичное освобожденіе есть основа всеобщаго. Въ Германіи же всеобщее освобожденіе есть непремѣнное условіе, conditio sine qua non, частичнаго. Во Франціи дѣйствительность постепеннаго освобожденія должна породить полную свободу, а въ Германіи невозможность такого постепеннаго освобожденія. Во Франціи каждый классъ народа есть идеалистъ и сознаетъ себя представителемъ общественныхъ потребностей. Такимъ образомъ роль освободителя въ драматическомъ движеніи переходитъ отъ одного класса къ другому, пока, наконецъ, она не достается на долю класса, который организуетъ всѣ условія дѣйствительно человѣческаго существованія на основаніи общественной свободы. Въ Германіи, гдѣ практическая жизнь столь же бездушна, какъ и душевная жизнь непрактична, ни одинъ классъ буржуазнаго общества не имѣетъ потребности въ всеобщемъ освобожденіи и не обладаетъ способностью къ нему, до тѣхъ поръ, пока онъ не вынуждается къ этому своимъ непосредственнымъ положеніемъ, матеріальной нуждой и своими цѣпями.

Гдѣ же положительная возможность нѣмецкаго освобожденія?

«Отвѣтъ—въ образованіе класса съ радикальными цѣпями, класса буржуазнаго общества, который не есть классъ буржуазнаго общества, сословія, которое есть уничтоженіе всѣхъ сословій, сферы, обладающей въ силу своихъ универсальныхъ страданій универсальнымъ характеромъ, и не предъявляющей притязаній ни на какое особое право, такъ какъ она не подвергается никакой особой несправедливости, а просто несправедливости, сферы, которая можетъ ссылаться не на какое либо историческое, а только на человѣческое право, которая не находится ни въ какомъ одностороннемъ противорѣчіи съ послѣдствіями нѣмецкаго государства, а во всестороннемъ противорѣчіи съ его предпосылками; наконецъ, сферы, которая не можетъ освободиться, не освобождаясь отъ всѣхъ остальныхъ сферъ общества и потому не освобождая всѣхъ остальныхъ сферъ, которая, однимъ словомъ, есть полная утрата человѣка и потому можетъ найти себя, только снова найдя человѣка. Это уничтоженіе общества, какъ отдѣльнаго сословія, и есть пролетаріатъ» [1]).

[1]) Въ „Святомъ семействѣ“ (ст. 49) Марксъ повторяетъ это: „такъ какъ абстракція отъ всякой человѣчности, даже отъ призрака человѣчности, нашла свое практическое завершеніе въ развитомъ пролетаріатѣ, такъ какъ въ условіяхъ жизни пролетаріата всѣ условія жизни современнаго общества доведены до предѣла безчеловѣчности, такъ какъ человѣкъ утратилъ въ себѣ себя самого, и притомъ теоретически еще не зная этой утраты, и вынужденъ къ возмущенію противъ этого безчеловѣчія непосредственно, при посредствѣ неотвратимой, не прикрываемой ничѣмъ, абсолютно повелительной нужды, то пролетаріатъ и можетъ и долженъ освободить себя. Но онъ не можетъ освободить себя, не уничтожая своихъ собственныхъ жизненныхъ условій. Онъ не можетъ уничтожить своихъ собственныхъ жизненныхъ условій, не уничтожая всѣхъ нечеловѣческихъ условій жизни современнаго общества, соединившихся, какъ въ фокусѣ, въ его положеніи“.

Пролетаріатъ въ Германіи начинаетъ создаваться промышленнымъ развитіемъ по мѣрѣ того, какъ старый общественный строй, а въ особенности среднее сословіе, подвергается острому разложенію. Пролетаріатъ, возвѣщая о разложеніи прежняго мірового порядка, открываетъ этимъ тайну своего существованія, ибо онъ есть фактическое разложеніе этого мірового порядка. Когда онъ требуетъ отрицанія частной собственности, онъ дѣлаетъ принципомъ общества то, что общество сдѣлало принципомъ, что воплощено въ немъ, въ пролетаріатѣ, какъ отрицательный результатъ общества, безъ всякаго его участія. Пролетарій по отношенію къ созидающемуся міру обладаетъ тѣмъ же правомъ, какимъ обладаетъ король по отношенію къ уже создавшемуся міру, когда онъ называетъ народъ своимъ народомъ, какъ онъ называетъ лошадь своей лошадью. Король, объявляя народъ своей частной собственностью, высказываетъ этимъ, что частный собственникъ есть король.

Такимъ образомъ пролетаріатъ есть матеріальное орудіе философіи, а философія есть духовное орудіе пролетаріата и «когда молнія мысли основательно проникнетъ въ эту наивную народную почву, совершится освобожденіе нѣмца и превращеніе его въ человѣка».

«Единственное практически возможное освобожденіе Германіи есть освобожденіе на основаніи теоріи, признающей человѣка высшимъ существомъ для человѣка. Въ Германіи освобожденіе отъ среднихъ вѣковъ возможно только, какъ одновременное освобожденіе отъ частичныхъ побѣдъ надъ средними вѣками. Въ Германіи не можетъ быть сокрушенъ ни одинъ видъ рабства, не сокрушая рабства всякаго рода. Основательная Германія не можетъ быть революціонной, не будучи революціонной до основанія. Освобожденіе нѣмца есть освобожденіе человѣка. Голова этого освобожденія есть философія, а сердце его пролетаріатъ. Философія не можетъ осуществиться безъ уничтоженія пролетаріата; пролетаріатъ не можетъ уничтожиться безъ осуществленія философіи».

«Когда исполнятся всѣ внутреннія условія, заря нѣмецкаго освобожденія будетъ возвѣщена крикомъ гальскаго пѣтуха».

146. Это введеніе къ «Критикѣ философіи права Гегеля» одно изъ лучшихъ и наиболѣе сильныхъ изъ всего, написаннаго Марк-

сомъ, хотя стиль черезъ чуръ напыщенъ; антитезы, да и вся вообще аргументація, часто построены только на словахъ [1]).

Эта философія переворота, въ сущности, уже опровергнута нами всей предыдущей критикой—но въ виду важности вопроса слѣдуетъ болѣе подробно остановиться на наиболѣе важныхъ его сторонахъ.

И прежде всего насъ снова поражаетъ не критическій историзмъ Маркса. Онъ признаетъ философію религіи Фейербаха, какъ окончательную философскую систему и принимаетъ безъ всякой критики невѣрную теорію, будто бы всякая религія есть антропоморфизмъ. Точно также онъ принимаетъ ученіе Гегеля и опять таки чисто исторически, не подвергая критикѣ его теоретико-познавательныхъ и метафизическихъ основаній.

Мы уже говорили объ очень важномъ для нашего вопроса отношеніи теоріи къ практикѣ. Марксъ черезъ чуръ односторонне видитъ теорію только въ одной религіи и также односторонне объясняетъ онъ и практику—онъ видитъ практику только въ политикѣ, а политику только въ революціи, такъ что практика и революція становятся для него синонимами.

Переходъ отъ теоріи къ практикѣ, т. е. къ революціи, для Маркса ужъ очень легокъ: категорическій императивъ переворота для него вполнѣ очевиденъ. Онъ не задаетъ себѣ вопроса, можетъ ли переворотъ вообще осуществить тотъ идеалъ гуманности, къ которому онъ стремится и можетъ ли онъ осуществить его въ одно мгновеніе и сдѣлать его всеобщимъ. Марксъ отнюдь не смущается и тѣмъ соображеніемъ, что переворотъ есть не только практика, но и насиліе, т. е. что онъ при извѣстныхъ условіяхъ приводитъ къ убійству.

Отрицаніе отрицанія Гегеля работаетъ на всѣхъ парахъ. Марксъ конструируетъ пролетаріатъ, хотя онъ и долженъ сознаться, что промышленное развитіе Германіи еще не создало пролетаріата. Марксъ также конструируетъ и нравственныя свойства «пассивныхъ» и «матеріальныхъ» основъ переворота. Гегеліански конструированный, лишенный всякой человѣчности скелетъ пролетаріата позже, въ «Капиталѣ, кое какъ прикрывается необходимыми экономическими и статистическими лохмотьями.

Марксъ, конечно, не думалъ о томъ, что пролетаріатъ,—если онъ дѣйствительно таковъ, какимъ онъ его описываетъ,—именно поэтому и не можетъ сдѣлать того, чего отъ него требуютъ. Марксъ предается черезъ чуръ даже преувеличенному руссотизму, когда онъ въ человѣкѣ, вполнѣ нецивилизованномъ, ищетъ человѣчности Фейербаха. Такая несчастная, нищенская масса будто бы можетъ понять философію Маркса, будто бы эта масса можетъ исполнить то, и только то, чего отъ нея хотятъ философы? Марксъ, правда, еще въ 1850 году далъ приказъ, чтобы руководили «такъ называемыми» эксцессами народной мести—но, вѣдь, и Робеспьеръ былъ то же философъ, но при такомъ руководительствѣ онъ потерялъ голову, и буквально и въ переносномъ смыслѣ слова; а вонъ Наполеонъ, не будучи философомъ, получилъ отъ него наслѣдство.

Правда и то, что Марксъ ожидалъ, что молнія философскаго мышленія основательно пробьетъ наивную народную почву.

Но голодъ, какъ впослѣдствіи говорилъ и самъ Марксъ, еще не создаетъ философіи; несчастная, выродившаяся масса не можетъ произвести переворота, ни человѣческаго, ни сверхъ человѣческаго

Мы уже обратили вниманіе читателя на то, что въ этой статьѣ Марксъ отзывается о пролетаріатѣ аристократически. Это очень характерно для этого направленія, хотя самъ Марксъ и не сознавалъ этого. Въ отношеніи философіи и пролетаріата мы видимъ уже предвкушеніе сверхъчеловѣка Нитше въ политическомъ мундирѣ или скорѣе Мюльгаузена, вытаскивающаго себя изъ болота за свою собственную косу—нѣмецкіе порядки ниже всякой критики, и именно поэтому несчастіе и нищета въ Германіи превратятся во всеобщую человѣчность!...

Статья Маркса о Гегелѣ показываетъ намъ Маркса, какъ романтика и идеолога. Когда въ 1850 году между Марксомъ и Шаперъ. Виллихомъ произошелъ разрывъ, Марксъ такимъ образомъ охарактеризовалъ свои разногласія съ тогдашними радикалами: «вмѣсто критическаго взгляда меньшинство ставитъ догматическій, вмѣсто матеріалистическаго міросозерцанія идеалистическое. Вмѣсто реальныхъ отношеній для него простая воля есть движущая пружина переворота. Въ то время, какъ мы говоримъ рабочимъ: вамъ надо пережить 15, 20, 50 лѣтъ гражданскихъ войнъ и народной борьбы, не только для того, чтобы измѣнить отношенія, но и чтобы самимъ измѣниться и сдѣлаться способными къ политическому господству, вы говорите: мы должны сразу получить власть, а иначе мы лучше ляжемъ спать. Въ то время, какъ мы указываемъ нѣмецкимъ рабочимъ на недостаточное развитіе германскаго пролетаріата, вы самымъ пошлымъ образомъ льстите національному чувству и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ—что, конечно, популярнѣе. Какъ демократы сдѣлали слово: народъ святымъ существомъ, такъ и вы слово: пролетаріатъ. Вы также, какъ и демократія, на мѣсто революціоннаго развитія ставите революціонныя фразы» [1]).

Эта критика дѣйствительно, была бы превосходной по отношенію

---

[1]) Напр. „*основательная* Германія не можетъ быть революціонной, не будучи революціонной *до основанія*“ — какъ *основаніе* для радикализма и т. д.

[1]) Меринго—исторія 1. ст. 430.

къ статьѣ о Гегелѣ и къ нѣкоторымъ другимъ заявленіямъ, если бы Марксъ и позднѣе—и въ этомъ то вся суть, вся оригинальность—самъ не раздѣлялъ тѣхъ же взглядовъ и того же революціоннаго настроенія.

Романтика и идеологія тутъ очевидны («простая воля движущая пружина переворота»), но этимъ вопросъ еще не исчерпывается.

147. Марксъ выводитъ политическій переворотъ изъ новой нѣмецкой философіи, онъ прямо объявляетъ, что философія есть критика, и притомъ критика революціонная.

Для него философія практична по преимуществу, «практика — есть практика неспроверженія», революція; для матеріализма Маркса дѣйствительность не въ міровоззрѣніи, не въ теоріи, а въ дѣйствительной чувственной дѣятельности, и эта дѣятельность есть практически—критическая, революціонная. «Философы только различнымъ образомъ истолковывали міръ, а необходимо измѣнить его». Истина есть сила.

Марксъ не понималъ критики современной философіи.

Для Канта, категорическій императивъ котораго онъ перечеканилъ въ категорическій императивъ переворота, критика была средствомъ философскаго сознанія, разложенія мифа и мистики. При посредствѣ критики Кантъ созналъ свое отношеніе ко всему прошлому и въ особенности къ религіи. Эта критика должна была служить средствомъ для новаго философскаго синтеза.

Марксъ не былъ критическимъ въ такомъ смыслѣ слова. Наоборотъ, онъ былъ некритическимъ, такъ какъ безъ всякой критики воспринялъ различныя ученія Гегеля, Фейербаха, позитивизма и эволюціонизма. Критика Маркса по существу догматическая—Штирнеръ, объявляя критику догматизмомъ, отлично могъ бы указать на Маркса.

Критика Маркса была частью критической дѣятельности лѣвыхъ гегеліанцевъ, Фейербаха, Штрауса, Штирнера, Гейне. Критика Маркса по преимуществу отрицательная, и потому революціонная. Самъ Марксъ не обманываетъ себя на этотъ счетъ. Онъ воспринимаетъ критику религіи и теологію Фейербаха вполнѣ сознательно и съ опредѣленной политической цѣлью. Критика неба должна сдѣлаться критикой земли, критика Бога—критикой абсолютизма.

Потому то критика Маркса и не была творческой. Онъ считаетъ религію дѣломъ абсолютно поконченнымъ, т. е. онъ не критикуетъ, а отрицаетъ ее. А такъ какъ религія абсолютно дурна, то и человѣкъ долженъ быть дуренъ и презрѣненъ, ибо онъ, вѣдь, создаетъ Бога по образцу своему. А такъ какъ человѣкъ есть государство-общество, то отрицаніе религіи направлено противъ всего общественнаго строя. Отрицаніе религіи заканчивается отрицаніемъ государства, не только историческаго, но и государства вообще. Нужно ли

говорить о томъ, что человѣкъ не такъ ужъ абсолютно дуренъ и презрѣненъ.

Критика Маркса есть невѣріе, но невѣріе, которое вѣритъ въ другую догму, да и при томъ въ старую догму. Марксъ принялъ старый матеріализмъ, да кстати принялъ и старую тактику. Отрицаніе, вѣдь, необыкновенно старая тактика.

Понятно, что «категорическій императивъ» Маркса и Энгельса долженъ былъ потерпѣть полное пораженіе. Некритическая философія всегда ведетъ къ этому некритическому измѣненію своей собственной точки зрѣнія и въ теоріи и въ практикѣ, къ критикѣ ex post.—къ критикѣ не философской, а чисто эмпирической. Это не критика принциповъ, некритичность. Историческіе аргументы противъ другихъ историческихъ аргументовъ. Простая, такъ называемая, логика фактовъ.

Въ концѣ концовъ въ критикѣ все дѣло въ мотивахъ, въ ея этическомъ характерѣ. Мы, вѣдь, спрашиваемъ не только о томъ, что и какъ критикуется, а и о томъ, на какомъ основаніи и для какихъ цѣлей.

Критика Маркса не субъективная, а чисто объективистическая. У него нѣтъ и слѣда самокритики. Онъ абсолютный объективистъ. Его отрицаніе относится только къ объекту и его критика аморальна.

Критика Маркса гораздо хуже даже того негодованія, котораго онъ требуетъ. Она, по его выраженію, просто нападеніе. Она направлена противъ внѣшняго міра и никогда не противъ себя самой.

Критика Маркса видитъ только дурное, не обращая вниманія на хорошее. При всей ея рѣзкости она замѣчательно узка, мелочна и невеликодушна.

Эта революціонная критика есть орудіе аристократическаго стремленія къ власти. Это вполнѣ очевидно изъ раздѣленія общества на философствующую голову и революціонное сердце.

Первоначально Марксъ думалъ о философской критикѣ, но очень скоро перешелъ къ критикѣ отрицательной.

148. Очевидно, что теорія переворота Маркса и Энгельса проистекала изъ философіи, а не изъ анализа экономическаго положенія. Марксъ и Энгельсъ перешли къ соціализму уже послѣ того, какъ они стали революціонерами. Теорія переворота Маркса противорѣчитъ выработанному позже болѣе опредѣленно историческому матеріализму.

Установить это обстоятельство до чрезвычайности важно: переворотъ является не какъ результатъ прямой критики экономическаго положенія, а какъ логическое послѣдствіе философіи религіи Фейербаха. Марксъ совершенно опредѣленно высказываетъ это.

Точно также и Энгельсъ выводитъ въ сочиненіи о Фейербахѣ переворотъ изъ релятивизма (относительности) Гегеля, т. е. опять таки изъ философіи. Объ этомъ мы уже говорили, а теперь укажемъ, почему этотъ выводъ представляется намъ невѣрнымъ.

Право на переворотъ не можетъ быть доказано никакимъ релятивизмомъ и никакимъ эволюціонизмомъ. Оправданіе или осужденіе въ этомъ отношеніи не можетъ быть доказано только исторически или только біологически или естественно исторически. Когда современный геологъ говоритъ намъ, что крупныя преобразованія земнаго шара произошли посредствомъ суммированія мелкихъ и постоянныхъ измѣненій, то я могу, конечно, сдѣлать изъ этого антиреволюціоные выводы, но не долженъ дѣлать ихъ. Точно также я не могу дѣлать изъ исторіи никакихъ выводовъ о томъ, какъ я долженъ поступить—а, вѣдь, въ этомъ и весь вопросъ.

Изъ релятивизма и изъ эволюціонизма можно выводить и теорію революціи и совершенно обратное, смотря потому, какъ мы формулируемъ законъ развитія и прогресса.

Изъ ученія о прогрессѣ выводится только ученіе объ измѣненіи и преобразованіи, а не ученіе о насильственномъ характерѣ этихъ измѣненій и преобразованій. Эволюціонизмъ Конта и вообще современный эволюціонизмъ совсѣмъ не революціонный—и Контъ и Спенсеръ и др. были рѣшительными врагами революціи.

Релятивизмъ также не располагаетъ къ перевороту въ Марксовомъ смыслѣ этого слова уже потому одному, что онъ не признаетъ ничего абсолютнаго. Это мы видимъ не только на примѣрѣ самого Конта, но и на примѣрѣ его эпигона диллетанта Ренана. Энгельсъ просто вноситъ въ релятивизмъ позитивизма абсолютное. Уже Гегель дѣлалъ изъ своей философіи другіе выводы и вся его школа разбилась на нѣсколько направленій. Однимъ словомъ—выводъ Маркса изъ новой философіи совершенно неудаченъ. И въ концѣ то концовъ остается только тотъ фактъ, что Марксъ былъ абсолютно недоволенъ міромъ и это недовольство установилось у него до его экономической критики.

149. Понятно, что я совсѣмъ не утверждаю, будто Марксъ не имѣлъ никакихъ экономическихъ основаній для недовольства; я указываю только на то, что его политическая теорія не была «надстройкой» его экономическаго матеріализма, а «предстройкой», если можно такимъ терминомъ обозначить фактъ, что философія революціи Маркса въ политическомъ и особенно въ философскомъ отношеніи была идеологической. Революція противъ религіи превратилась въ революцію противъ государства. Такъ это было въ прошломъ, какъ совершенно вѣрно указалъ Энгельсъ, такъ было и съ Марксомъ и съ Энгельсомъ, какъ опять таки совершенно вѣрно объясняютъ они оба.

Тутъ само собой представляется сравненіе революціонерства Маркса съ пессимизмомъ Шопенгауера. Этотъ пессимизмъ, вѣдь, тоже развился изъ новой нѣмецкой философіи, да и вообще между Марксомъ и Шопенгауеромъ имѣется нѣкоторое сходство.

Довольно часто разсуждали объ отношеніяхъ между соціализмомъ и пессимизмомъ и разсуждали сами соціалисты. Каутскій говоритъ, что міровоззрѣніе Маркса занимаетъ надлежащую позицію между оптимизмомъ и пессимизмомъ. Малонъ полагаетъ, что соціалисты мыслятъ какъ пессимисты, а дѣйствуютъ какъ оптимисты. Лерда, о которомъ мы уже говорили, спрашиваетъ, почему угнетенные классы, и въ особенности пролетаріатъ, не предаются пессимизму, а наоборотъ постоянно находятъ силы и мужество въ новой борьбѣ; онъ видитъ въ пессимизмѣ форму стоицизма [1]).

Противники соціализма говорятъ объ его отношеніи къ пессимизму въ томъ же родѣ. Вагнеръ находитъ противорѣчіе въ томъ, что соціалисты понимаютъ прошлое вполнѣ пессимистически, и наоборотъ будущее наивно оптимистически. Штейнъ говоритъ о Марксѣ и Энгельсѣ, то они по отношенію къ прошлому пессимистическіе эволюціонисты, а по отношенію къ будущему оптимистическіе катастрофисты [2]).

Можно отыскать не мало сходства между Шопенгауеромъ и Марксомъ. Уже при анализѣ историческаго матеріализма мы имѣли основаніе сравнивать психологическій иллюзіонизмъ Маркса съ иллюзіонизмомъ Шопенгауера.

Психологія индивидуальныхъ мотивовъ у Энгельса тоже указываетъ на психологію Шопенгауера. Предпочтеніе, отдаваемое Марксомъ практикѣ передъ теоріей, тоже можетъ быть сравниваемо съ ученіемъ Шопенгауера о волѣ—не смотря на то, что Шопенгауеръ разсматриваетъ философію теоретически — и это тѣмъ болѣе, что это ученіе должно было поддержать у Маркса его аморализмъ. Въ метафизическомъ отношеніи оба эти ученія сродни нигилизму и оба приводятся къ Юму — Шопенгауеръ прямо, а Марксъ не прямо, чрезъ Фейербаха. Но во всякомъ случаѣ есть и разница между ними: Марксъ раціоналистъ, интеллектуалистъ, а Шопенгауеръ—эмоціоналистъ и мистикъ. Шопенгауеръ гораздо субъективнѣе и т. д. [3]).

Тутъ насъ именно и интересуетъ различіе между объективизмомъ и субъективизмомъ.

Выскажу въ немногихъ словахъ свое мнѣніе по этому вопросу.

---

[1]) Каутскій—Вліяніе увеличенія населенія. О Малонѣ у Штейна—Соціальный вопросъ Лерда—Пессимизмъ и Соціализмъ (Monatshefte 1898).

[2]) Ср. заявленіе Фейербаха: „я всегда былъ пессимистомъ по отношенію къ настоящему, но не по отношенію къ будущему“—Грюнъ. II, стр. 320.

[3]) О философіи Шопенгауера съ соціалистической точки зрѣнія см. Decsey—Шопенгауеръ, какъ общественный философъ (Akademie 1897).

Я признаю пессимизмъ двоякаго рода — одинъ ведетъ человѣка къ отрицанію жизни, и въ крайнемъ случаѣ къ самоубійству. Это пессимизмъ страданія, самообвиненія и отчаянія — пессимистъ субъективный. Тутъ утомлена душа (Гарбергъ).

Но есть и другой пессимизмъ, объективный — въ крайнемъ случаѣ онъ приводитъ къ убійству. Тутъ душа отравлена (Раскольниковъ или Иванъ Достоевскаго). Этого рода пессимизмъ часто называется нигилизмомъ, анархизмомъ.

У Шопенгауера, какъ и у всякаго пессимиста, имѣются оба эти элемента. Шопенгауеръ въ достаточной степени объективистъ (его воля), а потому и въ его пессимизмѣ преобладаетъ революціонное отрицаніе и критика, гнѣвъ. Майтлендеръ субъективенъ и потому кончаетъ самоубійствомъ, и въ теоріи и въ жизни; Шопенгауеръ уклоняется отъ самоубійства при помощи ловкой аргументаціи [1]).

Въ критикѣ Маркса есть кое что Шопенгауеровское, нѣкоторый гнѣвъ, вродѣ Шопенгауеровскаго. Но критика міра и общества у Маркса еще объективнѣе; чѣмъ у Шопенгауера; о состраданіи, какъ у того, у Маркса и рѣчи нѣтъ; онъ опускаетъ поводья своему гнѣву, своей ненависти въ революціи — хотя бы только и теоретической; во всякомъ случаѣ для него революція—рукопашная, ножъ и оружіе, требующіе уничтоженія врага, матеріальная сила, когда она охватываетъ массы. Лерда дѣлаетъ одно очень мѣткое психологическое замѣчаніе о пессимизмѣ — этотъ послѣдній есть до нѣкоторой степени подавленное въ зародышѣ революціонерство.

Я указалъ въ другой работѣ [2]) на громадное значеніе субъективнаго пессимизма, in concreto на современную склонность къ самоубійству и на психопатію. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ — въ цивилизованныхъ странахъ (гдѣ имѣется статистика) ежегодно совершается шестьдесятъ тысячъ (60000) самоубійствъ; нѣкоторыя статистики утверждаютъ даже, что число ихъ вдвое болѣе. Но примемъ только число самоубійствъ въ 60000, — развѣ эта цифра не страшна? Что такое сравнительно съ ней война? Въ теченіи десяти лѣтъ рядомъ съ нами, вокругъ насъ умираютъ отъ своихъ собственныхъ рукъ по меньшей мѣрѣ 60000 человѣкъ—и мы не трогаемся съ мѣста. И еще ужаснѣе то, что ежегодно ищутъ смерти двѣ тысячи малолѣтнихъ, часто прямо дѣти. Какой бы поднялся крикъ, если бы на Кубѣ или на Филиппинахъ нѣсколько человѣкъ

[1]) На общественные взгляды Майнлендера указываетъ Сусанна Рубинштейнъ: Филиппъ Майнлендеръ, какъ философъ (Socialist. Monatshefte 1898). Ломброзо въ этюдѣ объ убійцѣ императрицы Елизаветы замѣчаетъ, что анархистскія покушенія часто бываютъ не прямымъ самоубійствомъ. Объ этой сторонѣ психіи много наблюденій у Толстого и Достоевскаго.

[2]) „Самоубійство, какъ массовое общественное явленіе“ 1881 г.

пали въ открытомъ бою—а что это значитъ, по сравненію даже съ однимъ случаемъ, когда въ отчаяніе приходитъ ребенокъ?!

Потому то я давно уже говорю, что современная склонность къ самоубійству есть настоящій соціальный вопросъ.

Объясненіе, даваемое историческимъ матеріализмомъ, неудовлетворительно. Современный человѣкъ приходитъ въ отчаяніе не изъ за одной только нищеты, съ другой стороны онъ становится ненавистникомъ тоже не вслѣдствіе одной нищеты [1]). Это настроеніе имѣетъ и другіе источники—въ головѣ и въ сердцѣ, въ философіи. У Маркса мы особенно ясно видимъ, откуда у него явилось такое настроеніе и самъ онъ намъ говоритъ объ этомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Фейербахъ уничтожилъ небо, философіи ничего другого не оставалось, какъ революціонизировать землю. Фаустъ, Каинъ, Манфредъ, Ролла, Иванъ—всѣ эти современные титаны начинаютъ борьбой съ Высшимъ и кончаютъ революціей или смертью. Шопенгауеръ тоже устранилъ Бога и объявилъ міровой субстанціей слѣпую, ни къ чему не стремящуюся волю. Марксъ и Энгельсъ тоже на мѣсто Бога поставили матерію и отдались во власть слѣпого случая. Энгельсъ вполнѣ послѣдовательно видитъ въ слѣпомъ злѣ движущую міровую силу, исторія дѣлается слѣпыми страстями хищности и жажды власти. Въ слѣпомъ и ничтожномъ мірѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени для радости и для любви.

Когда Христосъ испустилъ духъ Свой, разсказываетъ евангелистъ, стало темно на землѣ и солнце потускнѣло—также затемняется и внутренняя человѣка, когда въ немъ умираетъ божество или когда человѣкъ убиваетъ его. Гегелевская лѣвая убила Бога также, какъ Шопенгауеръ. Дѣло Гегеля докончили Фейербахъ, Штраусъ, Штирнеръ и Марксъ. И стало темно и солнце потускнѣло.

[1]) Еще не давно Тейфенъ (Общественная нищета и общество въ Австріи) призналъ вѣрнымъ мое мнѣніе, что склонность къ самоубійству есть истинно соціальный вопросъ; но причину самоубійства онъ видитъ только въ нуждѣ.

Историческій матеріализмъ признаетъ и пессимизмъ слѣдствіемъ капиталистическихъ экономическихъ отношеній. Гереа (Причина пессимизма Revue internationale de Sociologie 1894). Авторъ вполнѣ основательно перечисляетъ различныя причины (общую безнравственную конкуренцію, борьбу за существованіе, половую испорченность, результатомъ которой дѣти родятся нервными и вырождающимися, вообще безнравственность à la Rolla, дурное воспитаніе и въ особенности преувеличенную спеціализацію и недостатокъ общаго міросозерцанія, вытекающій изъ этого мистицизмъ и т. д.)—Но въ заключеніе декретируетъ, что всѣ эти причины происходятъ отъ буржуазной общественной организаціи. Но тогда почему же пессимизмъ развился только въ наше время, тогда какъ буржуазная организація существуетъ уже вѣка? Почему онъ развился главнымъ образомъ въ Германіи, почему онъ не распространенъ въ такой же степени въ Англіи, въ странѣ экономически болѣе прогрессивной?

Человѣкъ, устранившій Бога, садится на Его тронъ. Фейербахъ устранилъ стараго Бога, но не смѣлъ занять его мѣсто—онъ все еще держится за человѣчество и за любовь. Штирнеръ, Марксъ и другіе были смѣлѣе.

Старый Богъ творитъ, а новые боги Гегеля творить не могутъ—они только критикуютъ дѣло стараго Бога. Одни, объективисты, критикуютъ міръ и общество; субъективисты критикуютъ себя самихъ. Но человѣкъ долго не выдерживаетъ одной критики и отрицанія—онъ не можетъ долго быть богомъ, ему страшно при всемъ его богоподобіи.

Человѣкъ не выдерживаетъ одиночества—и онъ уничтожаетъ себя самого. Фаустъ Ленау, Манфредъ Байрона, Ролла Мюссе, Панкратій—Красинскаго, всѣ титаны Стриндберга, Бурже, Гауптмана—всѣ они таковы.

Другіе стараются уйти отъ этого страшнаго субъективизма и отъ убійственнаго уединенія проявленіями себя въ насиліи; одинъ опрокидывается на всю природу, другой бросается въ борьбу, самые гордые изъ нихъ—Раскольниковъ, Иванъ—испытываютъ свое богоподобіе въ уничтоженіи. Нѣкоторые удовлетворяются и меньшимъ—постоянной критикой, отрицаніемъ, критикой злобной, «безсердечнымъ мышленіемъ».

И то и другое есть эгоизмъ. Одни умираютъ изъ эгоизма, другіе убиваютъ изъ эгоизма. Не добро быть человѣку одному—и не только не добро, а и невозможно.

Статистика, какъ сказано, указываетъ, что въ цивилизованныхъ странахъ ежегодно почти шестьдесятъ тысячъ человѣкъ добровольно ищутъ смерти. Та же статистика говоритъ, что въ тѣхъ же странахъ ежегодно совершается около пятнадцати тысячъ убійствъ. Число и тѣхъ и другихъ увеличивается, но гдѣ больше самоубійствъ, тамъ меньше убійствъ и наоборотъ, гдѣ чаще убійства, тамъ рѣже самоубійства. Субъективизмъ и объективизмъ взаимно исключаются, какъ меланхолія и экзальтація, какъ слезы и гнѣвъ. Самоубійство есть бредъ субъективизма, убійство бредъ объективизма—и то и другое бредъ эгоизма. Одинъ убиваетъ себя потому, что не можетъ любить; другой убиваетъ другого, потому что ненавидитъ. Понятно, что есть и переходы—субъективистъ можетъ сдѣлаться объективистомъ, и наоборотъ.

Исторія учитъ насъ и относительно духовнаго характера нашего столѣтія. Оно восприняло отъ восемнадцатаго вѣка скептицизмъ, критику, отрицаніе и революцію и продолжало ихъ. Но настроеніе становится все болѣе меланхоличнымъ и возбужденнымъ. Вольтеръ еще смѣялся, а Мюссе уже не смѣется, Шопенгауеръ сердится; французскій писатель Швобъ полагаетъ, что современный человѣкъ разучился смѣяться [1]).

[1]) Марсель Швобъ—Specilege 1896.

Каждая борьба требуетъ жертвы—и борьба титановъ тоже [1]).

И эту борьбу ведемъ мы всѣ—и уже давно. Многіе утомились, многіе покинули ряды. Побѣдимъ ли мы и чѣмъ?

Всякій мыслящій человѣкъ стремится уйти отъ общей умственной и нравственно-религіозной анархіи. Одни возвращаются къ старымъ авторитетамъ и къ старому порядку, къ старой теологіи, къ старому государству. Характерный признакъ времени есть усиленіе вліянія католицизма.

Другіе ищутъ спасенія въ диллетантствѣ; склеивая различныя мысли, они хотятъ наполнить душевную пустоту пестрымъ разнообразіемъ (диллетантство и эклектизмъ Ренана — различные «молодые»).

Третьи—и число ихъ легіонъ—скоро оставляютъ борьбу; это либералы разныхъ сортовъ и направленій. Очень пестрая толпа: лѣвая со своимъ свернутымъ знаменемъ и равнодушная или хитрая правая. Обѣ хотятъ служить двумъ богамъ, и служатъ.

Небольшая кучка хочетъ довести до конца начатую борьбу. Но и эти люди не согласны между собой. Для однихъ самая борьба есть цѣль, для другихъ она есть только средство къ высшей духовной жизни—они хотятъ завоевать себѣ новаго Бога.

Марксъ тоже сталъ въ ряды современныхъ титановъ. Онъ знаетъ, что исходитъ онъ отъ Фейербаха и продолжаетъ борьбу, начатую Лютеромъ; но онъ ошибается, считая борьбу Фейербаха побѣдоносной.

Онъ ошибается также и въ томъ, что старый міръ можетъ быть навсегда уничтоженъ послѣдней политической борьбой. Онъ убѣдился потомъ въ своей ошибкѣ и Энгельсъ затрубилъ отступленіе послѣднимъ соціалистическимъ борцамъ баррикадъ.

Марксъ не могъ довести борьбу до конца. Не обладая творческимъ синтезомъ, онъ удовольствовался диллетантскимъ синкретизмомъ гегелевскаго пантеизма, французскаго и англійскаго позитивизма, фейербаховскаго гуманизма и матеріализма, дарвиновскаго эволюціонизма и экономическаго смитіанства. Мало новаго и въ неорганическомъ соединеніи мало жизненнаго и живого!

150. Съ реформаціей и возрожденіемъ начинаетъ измѣняться старый церковно-политическій режимъ—происходитъ всеобщее преобразованіе, временами проявляющееся въ насильственныхъ перевороо-

[1]) Подтвержденіе моего анализа XIX вѣка я нахожу у Достоевскаго. Во всѣхъ его романахъ и статьяхъ онъ пытался разрѣшить эту двойную проблемму во всѣхъ ея формахъ и видоизмѣненіяхъ: именно какъ понять психологическую, соціальную, и метафизическую проблемму атеизма и проблемму современнаго отчаивающагося самоубійства и возмущающагося убійства. Укажу на 11 отдѣлъ VI главы въ III книгѣ его „Бѣсовъ", гдѣ очень рѣзко поставлена эта психологическая проблемма.

тахъ. Это попытка новаго, сознательнаго основанія жизни и общества; это попытка создать новое міросозерцаніе, новыя политику, религію и этику. Въ такіе переходные періоды, когда старое уже утратило свою силу, а новое еще не готово, царитъ общая умственная и нравственно религіозная анархія.

Эта анархія проявляется всего радикальнѣе въ философскомъ и соціальномъ отрицаніи, въ революціи.

Марксизмъ есть тоже попытка создать новое міросозерцаніе. Ошибка Маркса въ томъ, что онъ старое абсолютно отрицалъ. И эта ошибка получила возмездіе: старый, устарѣвшій матеріализмъ провозглашается основой новаго ученія.

На практикѣ абсолютное отрицаніе Маркса потерпѣло крушеніе благодаря лучшимъ элементамъ его собственнаго ученія и благодаря опыту. Революціонерство вообще несостоятельно. По мѣрѣ того, какъ марксизмъ распространяется въ массахъ, т. е. становится соціальнымъ, его отрицаніе и революціонный характеръ мѣшаетъ ему; онъ долженъ сдѣлаться положительнымъ и творческимъ. Потому то марксизмъ проходитъ тѣ же стадіи, какъ и всякая радикальная ересь. По мѣрѣ того, какъ онъ пріобрѣтаетъ большинство, онъ утрачиваетъ свою отрицательность. Какъ и всѣ отрицательно-радикальныя партіи, марксизмъ уступаетъ давленію стараго. Онъ вступаетъ въ компромиссы и становится оппортунизмомъ.

Революціонеръ въ концѣ концевъ принимаетъ тактику существующихъ партій и направленій—и фригійская шапка становится только символомъ.

Именно такое значеніе и имѣло авторитетное контръ революціонное заявленіе Энгельса.

Фаустъ Гете къ концу жизни дѣлается политикомъ, государемъ, желавшимъ отнять у моря новую землю. Фаустъ Маркса оставляетъ свою титаническую борьбу и спѣшитъ къ избирательной урнѣ.

151. Теперь намъ будетъ не трудно точно опредѣлить отношеніе соціализма и въ особенности марксизма къ анархизму.

На практикѣ марксизмъ высказывается противъ анархизма очень рѣзко—я говорю: на практикѣ, такъ какъ до сихъ поръ не имѣется принципіальнаго, философскаго разграниченія марксизма отъ анархизма. Оба лагеря очень горячо дебатируютъ этотъ вопросъ, но эти дебаты идутъ главнымъ образомъ о различіяхъ политическихъ. Либкнехтъ напр., уже на конгрессѣ партіи въ Галле заявилъ, что всякій, отвергающій парламентскую дѣятельность, уже тѣмъ самымъ признаетъ себя анархистомъ; такое различеніе для практики, можетъ быть, и пригодно, но никакой теоретической цѣнности оно не имѣетъ; да даже и на практикѣ то оно не годится, такъ какъ нѣкоторые анархисты тоже высказываются за парламентскую дѣятельность. Либкнехтъ говорилъ также, что соціализмъ—это общественный міръ,

а анархизмъ — общественная война — но, вѣдь, это просто ловкая фраза и больше ничего.

Современный марксизмъ устанавливаетъ свое отношеніе къ извѣстнымъ системамъ анархизма и потому его противники должны держаться именно этихъ заявленій и никогда не смѣшивать марксизма и анархизма.

Что же касается до такъ называемаго анархизма дѣла, то руководящіе органы и выдающіяся личности современнаго марксизма высказались противъ него столь опредѣленно, что только злая воля или незнаніе можетъ отождествлять марксизмъ и практическій анархизмъ [1]). Даже такой рѣзкій противникъ соціализма, какъ Г. Адлеръ, протестуетъ противъ такого смѣшенія, какъ противъ оскорбленія. наносимаго соціалъ демократической партіи [2]).

Мнѣ не зачѣмъ повторять, что анархизмъ дѣла есть только одна изъ формъ общераспространеннаго анархистскаго настроенія; а анархизмъ проявляется повсемѣстно—и въ философіи, и въ религіи, и въ искусствѣ, и въ политикѣ, и въ экономикѣ. Сущность анархизма въ эгоизмѣ, признающемъ себя самого богомъ. Анархизмъ—это абсолютизмъ и автократизмъ. Но существуютъ различныя степени и формы анархизма. Насколько терминологія не установилась, это видно изъ того, что Толстого и различныя религіозныя секты тоже называютъ анархистскими.

Современный марксизмъ отвергаетъ также и теоретическій и этическій анархизмъ. Не только соціалистическіе собранія и конгрессы (международные конгрессы въ Брюсселѣ 1891 г., и въ Цюрихѣ 1893 г.) постоянно исключаютъ анархистовъ, но и теоретики соціализма постоянно высказываются противъ нихъ. — Но преимущественно на основаніи утилитарныхъ соображеній [3]).

Что касается до отношенія Маркса къ анархизму, то напомню прежде всего о его рѣзкомъ отношеніи къ Бакунину и Штирнеру [4]).

---

[1]) Напр. заявленія по поводу убійства Карно въ Neue Zeit 1894, въ Arbeiterzeitung 1894 и т. д. Столь же рѣшительно высказались марксисты противъ анархистовъ по поводу убійства императрицы Елисаветы. Не только австрійскія партіи (Pravo Lidu и Arbeiterzeitung), но и въ Германіи напр. Бебель на особомъ собраніи поэтому поводу говорилъ противъ анархизма.

[2]) Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Часть дополнительная.

[3]) Въ этомъ отношеніи особенно брошюра Плеханова (анархизмъ и соціализмъ 1894). Плехановъ выставляетъ противъ анархизма тотъ фактъ, что онъ не революціоненъ; анархическое возмущеніе, какъ бы насильственно оно не было, антиреволюціонно. Насилія и беззаконія не революціонны; наоборотъ, они задерживаютъ переворотъ.

[4]) Противорѣчіе между Штирнеромъ и Марксомъ признаетъ еще Руге (Мерингъ—исторія стр. 205). Послѣ Маркса и Энгельса осталось еще неизданное сочиненіе противъ Штирнера.

Это отношеніе могло до значительной степени быть личнымъ. Что же касается догмы, то въ матеріализмѣ Маркса имѣется сильный элементъ анархизма, который и проявляется въ видѣ хроническаго революціонерства.

Марксъ анархистъ въ силу своего философскаго и политическаго отрицанія, своего атеизма, позитивистическаго аморализма и революціонной безгосударственности. На практикѣ, а позже и въ теоріи Марксъ и Энгельсъ уже не были анархистами.

Во всякомъ случаѣ у Маркса слѣдуетъ различать не только различныя фазы его развитія, но и различныя ученія. Такъ напр., читатель вспомнитъ о «примѣрахъ народнаго мщенія ненавистнымъ личностямъ» (1850) — это, разумѣется, анархизмъ; но и тутъ Марксъ требуетъ, чтобы такіе факты и «такъ называемые эксцессы», были непросто терпимы, но и руководимы.

Что же касается безгосударственности (астатизма) Маркса, то онъ не возстаетъ, какъ крайніе анархисты противъ всякой политической и соціальной власти, противъ всякаго правительства; онъ отвергаетъ только государственное правительство и авторитетъ, а не авторитетъ общества. Это, какъ уже сказано, нѣсколько неопредѣленно, утопично, но во всякомъ случаѣ это не анархизмъ въ строгомъ смыслѣ этого термина [1]).

Но такъ какъ марксизмъ съ теоретическимъ анархизмомъ сходятся въ борьбѣ противъ современнаго государства, то возможно, что рекомендуется по временамъ общее дѣйствіе соціалистовъ и анархистовъ [2]). Это тѣмъ болѣе не должно удивлять насъ, что и анархисты въ послѣднее время оставляютъ свою непримиримость въ политикѣ; по крайней мѣрѣ теперь они отказались отъ нѣкоторыхъ

---

[1]) Г. Адлеръ защищаетъ соціалъ демократію отъ отождествленія ея съ анархизмомъ, но и онъ видитъ въ теоріи Маркса „цѣль анархистскую“.—И именно въ безгосударственности Маркса. Ср. объ этомъ политическомъ анархизмѣ Маркса и Энгельса полемику съ Адлеромъ въ Neue Zeit 1895.

Напр. Энгельсъ въ Анти-Дюрингѣ (ст. 303) высказывается противъ анархизма и отвергаетъ ученіе о немедленномъ уничтоженіи государства.

Бернштейнъ отвергаетъ и осуждаетъ анархистское ученіе Макая. Штирнера и Прудона. (См. его критику біографіи Штирнера — Макая N. Z. 1898) Каутскій писалъ противъ анархизма въ упомянутой статьѣ: Соціалъ-демократическій катехизисъ (N. Z. 1893. Революція и анархизмъ), Шмидтъ въ статьѣ о соціалистической этикѣ. Девилль въ брошюрѣ: Анархизмъ 1887.

Изъ немарксистовъ см. Шау: Невозможность анархизма. Fabian Tract № 45).

[2]) Напр. Катилина — Анархистское ученіе и его отношеніе къ соціализму. Socialist. Akademiker 1895.

требованій, которыя ставились прежними анархистами [1]). Многіе анархисты считаютъ себя просто лѣвымъ крыломъ соціализма и надѣются, что руководителями пролетаріата сдѣлаются «молодые».

Марксизмъ по позднѣйшей формулировкѣ Маркса коллективистиченъ, антииндивидуалистиченъ, а анархизмъ индивидуалистиченъ; марксизмъ крайне объективистиченъ, а анархизмъ субъективенъ; марксизмъ подчиняетъ личность историческому развитію, анархисты настаиваютъ на свободѣ въ самомъ индетерминистическомъ смыслѣ слова. Энгельсъ, какъ уже сказано, говоритъ объ «отдѣльной оборванной личности» — анархистъ такъ выражаться не можетъ. Для Маркса еще въ 1844 году человѣкъ былъ «государство, общество»; уже тогда онъ отождествлялъ анархію съ буржуазнымъ обществомъ и отвергалъ ихъ обоихъ [2]).

Въ «Капиталѣ» Марксъ обвиняетъ капиталистическій режимъ въ анархизмѣ производства и распредѣленія.

Психологи и соціологи расходятся въ опредѣленіи того, что индивидуально и что коллективно; въ политическомъ отношеніи тоже нельзя точно разграничить эти два понятія. Между обществомъ и индивидомъ абсолютнаго противорѣчія не имѣется.—Объ этомъ мы достаточно подробно говорили въ четвертой главѣ. Индивидъ всегда въ обществѣ и составляетъ часть его, онъ противупоставляетъ себя обществу только въ теоріи. In concreto существуетъ только организованное цѣлое (церковь, государство, нація и т. д.), противъ котораго стоятъ неорганизованныя или полуорганизованныя группы индивидовъ и индивиды, стремящіеся къ новой организаціи и именно поэтому возстающіе противъ существующихъ организаціи и тѣмъ не менѣе тѣсно съ ними связанные. Потому коммунистическаго анархизма существовать и не можетъ [3]).

Теперь послѣ всѣхъ этихъ разъясненій для насъ должно быть ясно, что въ вопросѣ объ отношеніи марксизма къ анархизму слѣдуетъ различать первоначальный марксизмъ отъ позднѣйшаго; далѣе необходимо отдѣлить анархистскіе элементы, которые имѣются въ ученіи Маркса и другихъ и, наконецъ, надо различать различныя системы самого анархизма. Напр., ученіе Энгельса о свободѣ любви и о семьѣ есть ученіе анархистское.

---

[1]) Такъ напр. нѣкоторые анархисты рекомендуютъ участіе въ парламентскихъ выборахъ. См. Вейднеръ—Отношеніе анархистовъ къ выборамъ. Socialist. Monatshefte 1898.

[2]) „Святое семейство“ (ст. 183): „анархія есть законъ буржуазнаго общества, освобожденнаго отъ расчлененныхъ привиллегій; а анархія буржуазнаго общества есть основа современнаго общественнаго положенія, и это послѣднее въ свою очередь есть опора анархіи. Они оба противуположны, но взаимно обусловливаются“. Бебель тоже говоритъ, что анархизмъ есть послѣдовательный, конечный выводъ изъ буржуазнаго либерализма.

[3]) О теоріяхъ анархистовъ. См. статью Штамлера въ Zukunft 1894.

Афилософизмъ и астатизмъ марксизма анархичны; источника этого анархизма надо искать въ матеріализмѣ и въ аморальномъ объективизмѣ. Это именно и есть абсолютизмъ и автократизмъ.

Позднѣйшее практическое развитіе марксизма освободилось отъ политическаго и соціальнаго анархизма, но принципіальнаго, философскаго разграниченія, повторяемъ, до сихъ поръ не сдѣлано. Самъ Марксъ сказалъ однажды, что практическій коммунизмъ не опасенъ; опаснѣе идеи, подчиняющія себѣ нашъ разумъ и нашу совѣсть. И именно потому то и необходимо принципіальное разграниченіе съ анархизмомъ.

152. Анархистскій революціонизмъ былъ роковымъ для системы идей Маркса; Марксъ не понялъ до конца, насколько не согласуется такой революціонизмъ съ его экономическій системой. Философскій эклектизмъ привелъ Маркса и къ эклектикѣ въ политической практикѣ, а потому и къ внутреннимъ противорѣчіямъ. Марксъ и Энгельсъ въ свою нѣмецкую философію восприняли не только французскій соціализмъ, а и французскій революціонизмъ.

Марксъ не понялъ, что ему не приходится вдохновляться французскими образцами. Онъ просмотрѣлъ анархизмъ французскаго соціализма; онъ не понялъ, что французская революціонная тактика несоединима органически съ нѣмецкой философіей и съ нѣмецкимъ соціализмомъ. Различіе между нѣмецкой и французской революціей есть различіе протестантизма и католицизма и ихъ духовнаго вліянія (§§ 125). Нѣмецкая голова, начиненная протестантской философіей, несоединима съ французской боевой готовностью. Различіе французскаго и вообще романскаго соціализма отъ англійскаго и германскаго есть различіе анархизма и соціализма, католической и протестантской революціи. Энгельсъ въ 1895 году въ концѣ концевъ и высказалъ тактическія послѣдствія нѣмецкой философіи, послѣ того, какъ и онъ и Марксъ во время своего пребыванія въ Англіи отрѣшились отъ французскихъ вліяній.

Эволюціонизмъ, наоборотъ, принятый Марксомъ и Энгельсомъ, и исключающій крайній катастрофизмъ, теорію, созданную Марксомъ при помощи гегелевскаго отрицанія, согласуется съ духомъ протестантизма и нѣмецкой философіи. Неясность и противорѣчія теоріи прогресса Маркса (§§ 53) проявляются въ колебаніи при выборѣ тактическихъ средствъ [1]).

[1]) Отъ марксистовъ часто можно услыхать: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Самъ Марксъ думалъ также, хотя и не всегда и непослѣдовательно. Въ рѣчи о свободѣ торговли (1849 г. въ нѣмецкомъ изданіи сочиненія противъ Прудона) онъ высказывается за свободу торговли только потому, что она ускоритъ наступленіе соціальнаго переворота. „Вообще теперь покровительственная система консервативна, тогда какъ свобода торговли дѣйствуетъ разрушительно. Она разлагаетъ прежнія національности

И въ особенности Марксъ самъ подкопался подъ свою теорію катастрофъ, усвоилъ теорію цѣнности Рикардо. Теорія, выводящая цѣнность исключительно изъ труда, по самому существу нереволюціонна. Правда, что Марксъ вслѣдствіе своего революціоннаго настроенія особенно налагаетъ на прибавочномъ трудѣ, на прибавочной стоимости и на эксплуатаціи капиталистами, но съ другой стороны все таки остается тотъ фактъ, что только трудъ, и при томъ только экономическій трудъ, есть основа общества. Марксъ по необходимости въ третьей части видоизмѣняетъ теорію цѣнности первой, а потомъ и Энгельсъ прямо признаетъ законную парламентскую тактику болѣе современной и болѣе дѣйствительной, чѣмъ незаконную, революціонную. Такое отрицаніе Энгельсомъ теоріи катастрофъ Маркса, несомнѣно, было въ духѣ позднѣйшаго развитія самого Маркса. Марксъ и Энгельсъ наконецъ почувствовали, если не поняли, различіе между нѣмецкимъ, протестанскимъ соціализмомъ и французскимъ, католическимъ.

B.

Марксизмъ и парламентаризмъ.

154. Въ критикѣ ученія Маркса и Энгельса о государствѣ мы уже указали на оригинальное соединеніе анархизма и государственнаго соціализма (§§ 109).

На основаніи прежнихъ взглядовъ Маркса и Энгельса политическая и парламентская дѣятельность была бы по меньшей мѣрѣ излишней: государство—такъ говорилось въ то время—не можетъ уничтожить пауперизма, этого главнаго общественнаго зла—такъ какъ причина зла лежитъ въ самой сущности государства; «существованіе государства и существованіе рабства нераздѣльны» [1]).

и доводитъ до крайнихъ предѣловъ противорѣчіе между пролетаріатомъ и буржуазіей. Однимъ словомъ: система свободы торговли ускоряетъ наступленіе соціальной революціи. И только въ этомъ смыслѣ я и подаю голосъ за свободу торговли". Въ критикѣ готской програмы Марксъ стоитъ противъ общаго воспрещенія дѣтскаго труда—это реакціонно, такъ какъ раннее участіе дѣтей въ работѣ есть одно изъ могущественнѣйшихъ революціонныхъ средствъ.

Баксъ противъ колонизаціи потому, что безъ нея европейскій капитализмъ скорѣе погибнетъ. Также думаютъ и многіе радикалы, именно на этомъ основаніи протестующіе противъ парламентской дѣятельности и т. п. Но съ другой стороны Марксъ и Энгельсъ не противъ „отступного" (особенно не противъ соціальнаго законодательства) и компромиссовъ.

[1]) Марксъ въ 1844 г. въ парижскомъ Vorwärts—у Адлера—Grundlagen der Marxischen Kritik. ст. 245.

Понятно, что молодымъ радикаламъ, помнившимъ о такихъ и подобныхъ изреченіяхъ и ученіяхъ, не такъ то легко быть переварить призывъ Энгельса къ парламентской дѣятельности. Но уже и самъ Марксъ въ «Капиталѣ» требуетъ регулированія государствомъ продолжительности рабочаго дня и Энгельсъ слѣдуетъ за нимъ. За вождемъ пошли и ученики и нѣкоторые даже забѣжали впередъ. Фольмаръ свелъ марксизмъ къ государственному соціализму еще раньше, чѣмъ Энгельсъ открыто отрекся отъ революціи. Еще въ 1894 году Энгельсъ въ Анти-Дюрингѣ (ст. 302) утѣшался тѣмъ, что государственный соціализмъ выступитъ только одинъ и послѣдній разъ, а черезъ годъ онъ уже отрекается отъ революціи [1]). Участіе въ парламентской дѣятельности, т. е. фактическое признаніе государства, приводитъ скоро и къ признанію теоретическому. Партія остается въ оппозиціи, но соціалистическіе депутаты, хотя бы и противъ воли, при посредствѣ критики, усовершенствуютъ существующій парламентскій режимъ, упрочиваютъ конституціонное государство. Послѣ подачи Фольмаромъ голоса за бюджетъ слѣдуютъ попытки усовершенствованія милитаризма. Безспорно, что марксистская теорія государственнаго права раньше или позже будетъ согласована съ марксистской парламентской тактикой. Тутъ, какъ и вездѣ, ясной и систематической теоріи предшествуютъ попытки практическія.

Очень понятно, что теперь партія марксистовъ даже преувеличиваетъ значеніе парламентаризма и политической дѣятельности. Это есть естественная реакція противъ прежняго катастрофизма. Въ этомъ отношеніи не вполнѣ ужъ такъ неправедливы многія заявленія «молодыхъ».

Во всякомъ случаѣ такое преобладаніе политиканства тоже обусловливается теоріей Маркса и Энгельса, будто соціальная борьба есть всегда борьба политическая. Эта политическая односторонность, выражаясь словами Маркса, идеологична. Это означаетъ, что партія соціалъ демократовъ будетъ всегда въ средѣ современной демократіи партіей общественныхъ реформъ. Она можетъ быть радикальнѣе другихъ партій реформы, но стоитъ она на одной съ ними почвѣ. Въ различныхъ сектахъ можно найти не мало аналогичныхъ этому отношеній.

Что же касается до радикализма, то тутъ, право, нечего особенно пугаться и смущаться названіями и заявленіями: радикализмъ, даже и политическій, не всегда бываетъ самымъ радикальнымъ изъ направленій мышленія, особенно если употреблять этотъ терминъ не только въ смыслѣ простого отрицанія стараго, а и въ смыслѣ истинно прогрессивнаго созданія новаго.

[1]) Фольмаръ—О государственномъ соціализмѣ 1892. Рецензія Каутскаго этой брошюры въ Neue Zeit 1892. Если Каутскій видалъ сущность государственнаго соціализма въ томъ, что сила совершающаго соціальную реформу государства независима отъ народной массы, то на это можно возразить, что такая независимость есть вопросъ степени, а не принципа.

154. Государственный соціализмъ и отреченіе отъ революціи вносятъ въ марксизмъ и измѣненіе взглядовъ на форму конституціи.

Марксизмъ, въ качествѣ радикальной демократіи, за республиканскій строй; ученіе о равенствѣ приводитъ къ экономическому и политическому коммунизму, т. е. къ республиканизму.

Марксъ съ самаго начала исповѣдывалъ республиканизмъ; онъ выводилъ его изъ фейербаховскаго гуманизма. Дѣйствительно, настоящіе люди—это «духовныя существа, свободные люди, республиканцы» [1]).

Но въ томъ же году Марксъ объявляетъ, что формы конституцій безразличны. Я уже говорилъ объ его утвержденіи, что государство не въ состояніи помочь пауперизму. Для того, чтобы дѣйствительно уничтожить зло, государство должно уничтожить себя само, такъ какъ основа зла заключается въ сущности государства, а не въ опредѣленной государственной формѣ, какъ полагаютъ многіе радикалы и революціонеры, предлагающіе замѣнить эту государственную форму какой нибудь другой.

Такимъ образомъ Марксъ то является радикальнымъ республиканцемъ, то почти одновременно онъ не соглашается съ радикалами, восхваляющими республику. Онъ оказывается согласнымъ съ Штирнеромъ. Для Штирнера республика тоже, что абсолютная монархія, такъ какъ безразлично, будетъ ли монархомъ князь или народъ.

На Маркса въ этомъ отношеніи всего болѣе повліялъ С. Симонъ, ученикъ котораго Кантъ тоже не раздѣлялъ мнѣнія радикаловъ о значеніи конституціи.

Вопросъ о конституціонныхъ формахъ въ настоящее время ставится государственной наукой иначе, чѣмъ раньше. По мѣрѣ того, какъ узнаютъ всю сложность соціальной организаціи и по мѣрѣ того, какъ масса получаетъ большое значеніе и въ теоріи и на практикѣ, вопросъ о формѣ конституціи обсуждается болѣе покойно и болѣе фактически. Старый политическій радикализмъ видитъ всю сущность государства въ личности государя—это былъ настоящій политическій и соціологическій антропоморфизмъ и фетишизмъ. Въ древности, у Платона и Аристотеля, конституціонныя формы играли очень большую роль—такъ было и въ средніе вѣка и даже часто и въ нашемъ столѣтіи.

Послѣ опытовъ французской революціи и позднѣйшимъ начали судить о государствѣ не по буквѣ конституціи и по оффиціальному суверенитету, а по реально существующимъ отношеніямъ.

Въ болѣе просто организованныхъ обществахъ, мелкихъ и мало-

[1]) Письмо Маркса къ Руге въ Deutsch—Franz. Jahrbuch. 1844.

людным, конституціонная форма важнѣе, инициатива государя и его совѣтниковъ очевиднѣе и дѣйствительнѣе. Старое государство—это было такъ называемое высшее общество, «общество» вообще, стало быть, извѣстное подлежащее счету количество людей, такъ какъ народная масса политически въ счетъ не шла.

Я уже указывалъ, какъ пало или, лучше сказать, какъ падаетъ старое государство—такъ какъ развитіе далеко не закончено. Абсолютизмъ въ странахъ наиболѣе прогрессивныхъ смягчался вездѣ тѣмъ, что число правящихъ увеличивалось, что государство демократизировалось. То, что говорилъ о себѣ когда то Людовикъ XIV, теперь говоритъ всякій избиратель. Теперь вообще право голоса является оружіемъ и средствомъ демократизированія государства. Государство становится конституціоннымъ и парламентарнымъ.

Поэтому теперь нельзя судить о существующемъ государствѣ по его конституціонной формѣ. Англія, Германія и Австрія монархіи; въ нихъ существуютъ конституціи и парламентаризмъ—и, однако, какая на практикѣ разница между этими государствами! Въ новое время всѣ общественныя и политическія силы, существенно способствовавшіе организаціи общества, освобождены. Теперь и религія уже не то, чѣмъ была раньше; теперь философія, наука, искусство (и школа и журналистика) силы, раньше не существовавшія; теперь имѣютъ громадное значеніе экономическія отношенія и средства сообщенія—однимъ словомъ, теперь общество не то, чѣмъ оно было до революціи, не только количественно, но и качественно. Въ этомъ новомъ обществѣ государство, сила политическая, есть только одна изъ соціальныхъ силъ, и не всегда и не вездѣ наибольшая, хотя государство и остается и останется организаторомъ всѣхъ соціальныхъ силъ.

Это развитіе современнаго общества естественно отражается и въ различныхъ теоріяхъ государственнаго права. Отразилось оно и въ ученіи Маркса о государствѣ. Это развитіе видно уже и въ общераспространенныхъ взглядахъ о государственномъ правѣ.

Во многихъ соціалистическихъ газетахъ вы встрѣтите утвержденіе, что французская и американская республика нисколько не лучше монархій, а даже хуже; и теоретики соціализма, вопреки Марксу и Энгельсу, не видятъ въ республикѣ единоспасающаго средства.

Бернштейнъ, напр., открыто утверждаетъ, что въ Англіи республиканская агитація была бы безсмыслицей; современный монархизмъ въ Англіи не составляетъ препятствія ни для одной реформы, которой серьезно захочетъ народъ [1]).

Ферри идетъ еще дальше—онъ признаетъ республиканизмъ также,

[1]) Бернштейнъ: Борьба соціалъ демократіи и революція (Neue Zeit 1897).

какъ и атеизмъ, частнымъ дѣломъ отдѣльныхъ фракцій буржуазіи и утверждаетъ, что соціализмъ не имѣетъ никакого интереса въ республиканской пропагандѣ.

Правда, марксизмъ въ своихъ программахъ все еще требуетъ республики [1]).

Бебель однажды замѣтилъ, что отцы закона противъ соціализма суть отцы анархизма въ Германіи—и дѣйствительно защитники монархіи очень часто могутъ вредить защищаемому ими дѣлу своей политикой. «Соціализмъ—это человѣческое общество безъ плутовъ»—сказалъ въ своей рѣчи Турати, бывшій раньше соціалистомъ... и при этомъ онъ имѣлъ въ виду Криспи. Нельзя упомянуть о Криспи безъ того, чтобы не подумать о большомъ прогрессѣ анархизма. И дѣйствительно, существуетъ анархизмъ сверху—и притомъ очень сильный. Криспи былъ анархистомъ не только тогда, когда приготовлялъ бомбы; онъ остался анархистомъ и тогда, когда сдѣлался совѣтникомъ короля. Защитникамъ монархіи въ Германіи тоже извѣстно, какъ подѣйствовала (и не только на массы!) борьба между государемъ и старымъ канцлеромъ. Въ средніе вѣка магнаты выходили противъ короля съ оружіемъ въ рукахъ; въ вѣкъ седьмой великой державы борьба ведется въ газетахъ, иногда при посредствѣ мемуаровъ и подобныхъ средствъ. А вѣдь Бисмаркъ такъ сознательно защищалъ монархію, и притомъ и противъ соціалистовъ. Странная иронія, странное коварство судьбы! Правда, Бисмаркъ разъ заявилъ, что онъ, собственно говоря, республиканецъ — и однако вполнѣ искренно и вполнѣ сознательно посвятилъ всю свою жизнь дѣлу своего короля.

Легитимизмъ заключаетъ съ революціей компромиссы (и притомъ часто весьма компрометирующіе). Подумайте, что обозначала власть Наполеона послѣ французской революціи, казнившей короля! Вѣдь самъ папа короновалъ его императоромъ. Легитимизмъ призналъ не только Наполеона I, но и Наполеона III. Правда, онъ не хотѣлъ отдать ему ни одной изъ своихъ дочерей; всетаки Наполеонъ III былъ выскочка, а не аристократическій искатель приключеній (да и самъ называлъ себя соціалистомъ), но все же онъ призналъ его. А развѣ папа, этотъ представитель и защитникъ легитимизма, не призналъ республики?..

Штирнеръ не былъ вполнѣ неправъ, говоря о конституціонализмѣ, что онъ идетъ дальше республики, такъ какъ представляетъ разлагающееся государство.

Я уже упомянулъ о брошюрѣ фрейгера Фехенбаха—Лауденбаха, направленной противъ бисмарковскихъ «Гамбургскихъ извѣстій», ре-

[1]) Ср: критику Каутскаго на Ферри: Дервинизмъ и марксизмъ (Neue Zeit 1894).

комендовавшихъ чисто іезуитское средство заставить соціалистовъ прибѣгнуть къ соціальной революціи. Съ другой стороны аристократъ Фехенбахъ—Лауденбахъ нападаетъ не только на соціалъ-демократію, но и на всѣхъ демократовъ—выскочекъ; онъ видитъ революцію и въ тѣхъ демократическихъ классахъ, которые не принадлежатъ къ рабочему сословію. Авторъ возстаетъ противъ политики Бисмарка и хочетъ расколоть соціалъ-демократическую партію посредствомъ общественныхъ реформъ. При этомъ онъ возлагаетъ всѣ свои надежды на германскихъ государей, и въ особенности на императора. Они должны противиться капиталистамъ; если они будутъ защищать капитализмъ, то этимъ докажутъ свою безполезность. Бебель, давшій рефератъ о сочиненіи старомоднаго юнкера, цитируетъ изъ него также изреченіе: въ концѣ концевъ король, терпящій капитализмъ, есть «вѣнчанный эксплуататоръ и врагъ народа», преклоняющійся предъ богатствомъ и ради него жертвующій обязанностями по отношенію къ своему народу... Но подобное поведеніе не рѣдкость и у республиканцевъ, и теперь, напр., во французскомъ парламентѣ—припомните разоблаченія Дрюмона о семейныхъ дѣлахъ президента Фора, панамское дѣло и дѣло Дрейфуса.

Въ послѣднее время не мало говорятъ о «соціальной имперіи». Пытаются примирить монархію съ соціализмомъ, разсуждая такъ: соціализмъ борется не противъ монархіи, а противъ экономическихъ классовъ, потому монархъ настолько же можетъ примкнуть къ соціализму, насколько онъ уже примкнулъ къ конституціонизму, т. е. къ демократизму. Такъ представляютъ себѣ дѣло демократы; въ тоже время юнкеры не прочь направить монархію противъ капитализма и для этого попользоваться соціалистами... «соціальное королевство» и влѣво и вправо.

Въ связи съ этими конституціонными вопросами соціалистической партіи приходится опредѣлить свое отношеніе къ милитаризму и къ постоянной арміи. Въ Эрфуртской программѣ требуется «замѣна постоянной арміи народнымъ войскомъ». Требованіе не ясно, такъ какъ неустановлено, что именно нужно понимать подъ народнымъ войскомъ. Полемика между Шиппелемъ и Каутскимъ доказываетъ, насколько вопросъ не выясненъ съ чисто технически-военной его стороны. Въ политическомъ отношеніи, понятно, вопросъ сводится къ тому, должна ли партія абсолютно отрицать существующій милитаризмъ. Я уже указывалъ на то, что въ послѣднее время депутатъ Шиппель пытался защищать подачу голоса за лучшее вооруженіе арміи [1]).

[1]) Шиппель, подъ псевдонимомъ „Изегримъ“ въ Socialist monatshefte 1898 (Очерки общественно политической литературы и движенія) доказываетъ, что Энгельсъ не вѣрилъ въ превосходство системы милиціи. Каутскій въ Neue Zeit 1898 защищаетъ Энгельса говоря, что онъ желалъ введенія милиціи и далѣе такимъ образомъ формулируетъ свое

Съ прежней точки зрѣнія Маркса довольно трудно отвергать милитаризмъ; тотъ, кто признаетъ силу истиной, въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ привести только утилитарные аргументы; но въ концѣ то концевъ побѣждаетъ все таки эта сила—истина, т. е. правымъ оказывается тотъ, у кого больше силы. Я уже указывалъ на то, что Марксъ и Энгельсъ забываютъ о соціальномъ значеніи милитаризма. Они дѣйствительно не дали подробнаго анализа и экономическаго его значенія. Ихъ утвержденія относительно неблагопріятныхъ его слѣдствій положительно преувеличены. Скорѣе всего дѣло представляется такъ, что современный милитаризмъ, съ чисто экономической его стороны, есть необходимая составная часть капиталистическаго режима, и потому не приходится нападать на милитаризмъ, какъ на bête noire—это обыкновенно дѣлаютъ друзья мира.

Марксисты не всегда послѣдовательны въ разсужденіяхъ объ этомъ вопросѣ, такъ напр., они совершенно иначе относятся къ Франціи чѣмъ къ Россіи; но если они такъ воинственно настроены противъ Россіи, какъ это часто замѣчается, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что они должны стоять и за вооруженную готовность Германіи къ бою?

Оффиціальная внѣшняя политика вездѣ представляетъ старую стадію политическаго развитія. Въ этой средѣ демократизмъ, повидимому, еще очень слабъ. Но это такъ только повидимому. Теперь и въ этой сферѣ настроеніе массъ играетъ болѣе рѣшительную роль, чѣмъ раньше—и при этомъ тутъ не нужны посольства, а просто хорошіе народные ораторы, и народныя газеты. Марксизмъ вслѣдствіе своего идеала гуманности, конечно, приводитъ къ истинно великодушной всемірной политикѣ. Но къ этому приводятъ и современные пути сообщенія, ростущая міровая торговля и вообще всемірная организація человѣчества. Тутъ то и появляются тѣ вопросы о національности и интернаціональности, о которыхъ мы уже говорили, и въ особенности вопросы о колоніальной политикѣ.

155. Въ политическомъ развитіи новаго времени старый аристократизмъ все болѣе и болѣе замѣняется современнымъ демократизмомъ, олигархическій абсолютизмъ замѣняется политическимъ релятивизмомъ. Эмпиризму и индукціи въ наукѣ соотвѣтствуетъ распространеніе и расширеніе политической силы и политическихъ правъ. Понятно, что въ современномъ государствѣ соединены остатки стараго режима и зачатки новаго; такая переходная стадія существуетъ во всѣхъ общественныхъ сферахъ, а также и въ государствѣ. Фак-

мнѣніе: „профессіональная армія и демократія—два понятія, взаимно исключающіяся, демократія имѣетъ гарантію только при системѣ милиціи“. „Кто теперь оказываетъ помощь, хотя бы моральную, своимъ согласіемъ, системѣ профессіональныхъ армій, тотъ врагъ демократіи, врагъ пролетаріата“. Но противъ послѣдняго положенія погрѣшилъ не только Фольмаръ съ его голосованіемъ за бюджетъ, а и самъ Бебель.

тически современное государство есть довольно неорганическое соединеніе стараго и новаго — половинчатость есть признакъ конституціонализма. Понятно, что это не въ одинаковой степени примѣнимо ко всѣмъ странамъ. Всякій, сколько нибудь внимательно наблюдавшій надъ современнымъ государствомъ и изучавшій его развитіе, замѣтитъ эту половинчатость; она чувствуется даже и такими людьми, которые не могутъ отдать себѣ отчета въ ея характерѣ. Этимъ обусловливается сильно распространенныя недовольство и возбудимость, не различить которыхъ отъ анархизма могутъ только слѣпые реакціонеры.

Политическая философія выработала много проэктовъ реформы; я упомяну только о наиболѣе важныхъ, и притомъ только о такихъ, которыми занимается также и марксизмъ [1]).

Прежде всего и непрерывно ставится вопросъ объ избирательной реформѣ; повсемѣстно демократическія и прогрессивныя партіи требуютъ всеобщаго избирательнаго права, а тамъ, гдѣ оно уже существуетъ, его реформы. Соціалисты тоже выставляютъ это требованіе — они требуютъ введенія всеобщаго избирательнаго права тамъ, гдѣ оно еще не существуетъ; гдѣ же оно уже введено, какъ въ Германіи, они требуютъ системы пропорціональнаго представительства, или, иначе говоря, представительства меньшинства и введенія

[1]) Для свѣденій о политическихъ вопросахъ новаго времени укажу читателю прежде всего на соціалистическія работы Конта, Спенсера и др.

О современномъ государствѣ, о конституціонализмѣ и о демократизмѣ см. слѣдующія сочиненія:

Сиджвикъ—Elements of Politics 1897. Милль—Представительное правительство 1865. Леруа—Больe—Современное государство и его функціи 1891. Дайси.—Введеніе къ изученію конституціоннаго права 1893. Моро—Очеркъ конституціоннаго права 1894. Де-ля.—Грассери—федеративное государство. 1897. Боржо.—Происхожденіе и пересмотръ конституцій въ Америкѣ и въ Европѣ 1893. Гели.—Французскія конституціи 1879. Боржо.—Современная демократія въ старой и новой Англіи 1894. Дэли.—Заря раціонализма 1892. Дикинсонъ—Развитіе парламента въ XIX вѣкѣ 1895. Токвиль—Демократія въ Америкѣ. 1874. Брайсъ—Американская республика 1891. Бутми—Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи 1887. Шамбрюнъ—Права и свобода въ Соединенныхъ Штатахъ 1889, Боржо—Исторія плебисцита—1887. Мэнъ—Народное правительство 1886. Лекки—Демократія и свобода 1896. Дониторпъ—Индивидуализмъ 1889. Бенуа—Кризисъ современнаго государства 1897. Бюхеръ—Парламентаризмъ 1894. Морлей—О компромиссѣ 1896. Рѣчи Бисмарка, въ особенности рѣчь 24 января 1882 г. по поводу указа императора относительно его конституціонныхъ правъ.

О выборахъ и объ избирательной реформѣ см. Шарбонье—Организація выборовъ и представительства во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ 1883. Сигфридъ—Пранорціональные выборы 1893. Пранорціональное представительство 1888. Курти—Результаты референдума въ Швейцаріи 1898. Гансъ Шмидтъ—Примѣненіе и дѣйствіе права инціативы въ Швейцаріи (Deutsche Worte 1895).

всеобщаго права голоса при выборахъ въ ландтагъ и въ общинные совѣты; они требуютъ также распространенія всеобщаго права голоса и на женщинъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ соціалисты требуютъ прямого народнаго законодательства, референдума и инціативы [1]).

Парламентаризмъ основывается на принципѣ большинства. Но при всеобщемъ голосованія мнѣнія и воля большинства не получаютъ точнаго выраженія, часто de facto господствуетъ меньшинство и иногда даже незначительное. Энгельсъ говоритъ о переворотѣ, что онъ обыкновенно бываетъ дѣломъ меньшинства; и тоже и на тѣхъ же основаніяхъ часто примѣнимо и къ парламентскому большинству. Этимъ и объясняются требованія пропорціональной избирательной системы и представительства меньшинства.

Очевидно, что при демократизированіи государства вопросъ прежде всего сводится къ отысканію наиболѣе практическаго способа для выраженія массой избирателей ихъ воли наиболѣе быстрымъ и точнымъ образомъ, способа ихъ участія въ дѣлахъ управленія и въ контролѣ надъ управленіемъ. Чѣмъ болѣе увеличивается численность населенія государствъ и общинъ, чѣмъ сложнѣе становятся общественныя отношенія, чѣмъ болѣе образовано населеніе и чѣмъ болѣе развиты его потребности, тѣмъ чувствительнѣе несоотвѣтствіе между волей населенія и волей парламента, а иногда и волей бюрократіи и правительства.

Въ этомъ отношеніи было предложено не мало реформъ, не огра-

[1]) Соціалъ демократы въ Эрфуртской программѣ (1891) требовали пропорціональнаго избирательства; раньше въ Zukunft (1887) велась оживленная полемика относительно этой системы выборовъ. Теперь голоса раздѣлились. Одни отвергаютъ пропорціональное представительство или считаютъ его невозможнымъ для большаго государства. Advocatus—Пропорціональная избирательная система и выборы въ германскій Рейхстагъ (Neue Zeit 1894). Въ редакціонной статьѣ въ N, Z. 1896 г. система пропорціональныхъ выборовъ признается пока для Германіи излишней роскошью. За пропорціональные выборы высказались Петеръ Браунъ (N. Z. 1894) и Бебель („Соціалъ демократія и всеобщее право голоса 1895). Недавно (N. Z. 1897) за пропорціональное представительство высказался и Либкнехтъ.

Приверженцами прямаго народнаго законодательства, референдума и инціативы являются швейцарскіе соціалисты, а германскіе противники этихъ реформъ, Каутскій—Парламентаризмъ, народное законодательство и соціалъ-демократія 1893. Противъ прямаго народнаго законодательства высказывается и Бернштейнъ (N, Z. 1897: Вопросы соціализма. 5. Общественно политическое значеніе пространства и числа). Ср. статью англійскаго соціалиста (изъ независимой рабочей партіи) Макдональда: Вопросы демократіи въ Англіи (N. Z. 1895. Переводъ Бернштейна). Онъ тоже противникъ референдума и инціативы.

Возраженія анархистовъ противъ всей парламентской дѣятельности соціалистовъ у Тейстлера—Парламентаризмъ и рабочіе 1895.

ничивающихся только одной техникой избирательной системы и парламентской, и имѣющихъ цѣлью и интеллектуальное и этическое усовершенствованіе всей политической системы.

Въ Австріи всѣ партіи, и въ числѣ ихъ и соціалистическія, обращаютъ односторонне все свое вниманіе на центральный парламентъ и не обращаютъ особаго вниманія на одновременное политическое усиленіе меньшихъ представительныхъ корпорацій, до отдѣльныхъ общинъ включительно. Много говорятъ объ автономіи и о федерализмѣ, но обыкновенно это обозначаетъ только болѣе мелкій, и въ концѣ концовъ менѣе гибкій централизмъ. Именно въ этомъ смыслѣ Палацкій и назвалъ дуализмъ удвоеннымъ централизмомъ. Потому слѣдуетъ отличать автономію отъ самоуправленія.

Для общества и для государства одновременно и постоянно необходима рядомъ съ централизаціей и автономія; рядомъ съ централизирующими силами должны дѣйствовать и децентрализирующія, автономныя—и притомъ не только въ сферѣ экономической, а и въ политикѣ, въ національной и церковной сферахъ, однимъ словомъ, вездѣ. Англійскіе соціалисты очень энергично участвуютъ въ общинномъ управленіи; муниципальный соціализмъ—таковъ современный и очень удачный лозунгъ англійскаго самоуправленія [1]). Подъ именемъ децентрализаціи, сдѣлавшейся необходимой, слѣдуетъ понимать не только мѣстную автономію, но и автономію функцій.

Марксъ, какъ и всѣ коммунисты, склонялся къ централизму. Капиталистическій централизмъ долженъ быть по ученію Маркса переходной ступенью къ соціалистическому обществу. Но именно поэтому Марксъ видитъ въ будущемъ противорѣчіе централизму въ общинѣ [2]).

Такъ какъ рабочіе тѣснятся въ городахъ, то марксизмъ и обращаетъ вниманіе преимущественно на городскихъ рабочихъ. Марксъ и Энгельсъ, правда, требуютъ разселенія по деревнимъ, но фактически марксизмъ все еще ученіе городское и централистическое. Впрочемъ, уже имѣются попытки программы общиннаго соціализма (напр. Бранденбургская программа).

156. Современная политика не исчерпывается демократизированіемъ государства. У ней есть еще другая, не менѣе важная задача—а именно: сдѣлать изъ политики практическую науку и основанное на наукѣ практическое искусство, организовать и обезпечить посредствомъ демократизаціи общественное вліяніе спеціально

---

[1]) Сидней Веббъ—Лондонская программа 1891. Гуго—Городское управленіе и муниципальный соціализмъ въ Англіи 1897.

[2]) „Гражданская война во Франціи“ Планы Маркса всего лучше можно окрестить названіемъ коммунальнаго федерализма, федераціи общинъ

политическаго образованія. Масса (большинство — меньшинство) и индивидъ — ни та, ни другой не могутъ существовать безъ силы, даваемой знаніемъ.

Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы органически обезпечить общественное вліяніе спеціалистовъ-политиковъ. Политика, безспорно, есть особая спеціальность; существуетъ нѣчто въ родѣ особаго политическаго таланта—этихъ фактовъ не можетъ отрицать самый ярый демократъ. Я тутъ говорю не объ объемѣ или спеціальномъ образованіи депутатовъ; понятно, что депутатъ — не спеціалистъ не можетъ рѣшать вопросовъ объ устройствѣ школъ, о налогахъ и т. д. Но школа, налоги, желѣзныя дороги и т. д. — все это еще не политика.

Если политическое образованіе и политическое искусство не даются ни рожденіемъ, ни крупнымъ цензомъ, то за нихъ не можетъ служить ручательствомъ и низкій цензъ или отсутствіе ценза. Вѣроятно, конечно, что среди большаго количества лицъ найдется и болѣе политически мыслящихъ людей; но именно тутъ то и появляется вопросъ, какимъ образомъ обезпечить имъ не случайное и не временное, а постоянное политическое вліяніе. Вожди марксистовъ очень мало думали объ этомъ главномъ вопросѣ дѣйствительно научной и философской политики.

Въ настоящее время вопросъ въ томъ, какимъ образомъ устранить въ политикѣ политическія суевѣрія и политическій мистицизмъ.

Марксъ, слѣдуя Фейербаху, протестовалъ противъ антропоморфизма въ религіи, а также послѣдовательно и въ политикѣ; критика неба, говоритъ онъ, превращается въ критику земли, критика религіи — въ критику права, критика теологіи — въ критику политики. Совершенно вѣрно—но Марксъ замѣнилъ критику отрицаніемъ и теоріей катастрофъ, а эта послѣдняя, повторяю, не критична.

Энгельсъ съ цѣлью полученія политической силы призналъ конституціонизмъ и парламентаризмъ; его наслѣдникамъ приходится думать о томъ, какъ усовершенствовать этотъ парламентаризмъ. Въ такой работѣ марксизму мѣшало, да и теперь еще сильно мѣшаетъ, его некритическое, даже, скажу прямо, суевѣрное понятіе о массѣ. Марксъ и Энгельсъ были противниками антропоморфизма и мистицизма, но въ политикѣ они не могли вполнѣ отдѣляться ни отъ антропоморфизма, ни отъ мистицизма. Ихъ понятіе о массѣ некритическое, нерасчлененное, антропоморфичное и приводитъ къ демократическому суевѣрію.

157. Политическое или тактическое слѣдствіе этаго суевѣрія и—связаннаго съ нимъ понятія объ обществѣ, какъ организмѣ, понятія, приводящаго къ отрицанію индивидуальнаго сознанія, къ признанію сознанія коллективнаго, духовнаго коммунизма (просимъ читателя припомнить наши разъясненія относительно понятія о массѣ и

индивидѣ, изложенныя въ четвертой главѣ)—есть политическій примитивизмъ.

Такъ какъ Марксъ и Энгельсъ не анализируютъ основныхъ политическихъ понятій, то они приводятъ сложную общественную и историческую жизнь къ простымъ сущностямъ и формуламъ.

Общество—масса—не есть нѣчто простое; наоборотъ, оно очень сложно; оно есть организація не только безчисленныхъ индивидовъ, но и различныхъ подчиненныхъ организацій и притомъ подлежитъ непрерывному развитію и измѣненію—общество есть вещь sui generis и его нельзя считать просто организмомъ, какъ это дѣлаютъ Марксъ и Энгельсъ.

Марксизмъ дѣлитъ эту ошибку со всѣми другими политическими партіями,—и въ особенности съ радикальными. Всякій радикализмъ, какъ прогрессивный, такъ и консервативный, по своей сущности есть политическій примитивизмъ.

158. У всякаго суевѣрія есть свои авгуры — и демократическая политика до настоящаго времени представляетъ жреческую тайну, не смотря на общественное мнѣніе. Истинно научная политика должна быть совершенно публичной, какъ публична теперь медицина.

Истинно демократическая политика должна отказаться отъ всякой таинственности, этаго наслѣдія аристократическаго и романтическаго революціонерства.

Истинно демократическая политика должна также отдѣлаться отъ преувеличенной партійности. Партіи будутъ существовать всегда, но онѣ не должны препятствовать развитію личности, не должны насиловать обоснованныхъ личныхъ убѣжденій. Марксъ говорилъ: moi, je ne suis pas marxiste — но послѣдователи не могутъ сказать о себѣ этого. Теперь партія давитъ личность, партія становится препятствіемъ для прогресса и образованія.

Суевѣрный антропоморфическій примитивизмъ не анализируетъ причинъ общественныхъ и политическихъ явленій. Именно поэтому и существуетъ нереалистическое пониманіе общества и его развитія. Не понимаютъ надлежащимъ образомъ полноты и сложности общества, не понимаютъ различія мѣстностей и времени, мышленіе становится абстрактнымъ и становится чѣмъ то вродѣ соціальной математики или физики. Это соціологія и политика юридическихъ, антропологическихъ фикцій, такъ называемыхъ нравственныхъ и юридическихъ личностей. Это антропоморфизмъ, хотя и въ абстрактной формѣ. Марксисты свободны отъ этаго недостатка, но за то они понимаютъ общество и исторію механически, матеріалистически.

Политическій примитивизмъ проявляется въ чрезмѣрномъ примѣненіи аналогій. Марксъ и Энгельсъ болѣе, чѣмъ это подобаетъ, судятъ о всемъ человѣчествѣ и о всей исторіи по образцу сначала Франціи, а потомъ Англіи. Они не понимаютъ разницы между французской и англійской политикой—потому не вполнѣ понимаютъ и сущность парламентаризма. Англійскій парламентаризмъ есть слѣдствіе протестантизма, также какъ и идеи національности и демократизма по своему происхожденію суть идеи протестантскія; Франція республика, но ея парламентаризмъ не годится для нея, да и во всѣхъ католическихъ странахъ онъ до сихъ поръ не органическое явленіе. Во Франціи парламентаризмъ не препятствуетъ постояннымъ волненіямъ—и именно потому, что французы, не смотря на весь ихъ скептицизмъ, дисциплинированные церковью католики; католицизмъ и англійскій парламентаризмъ взаимно исключаются. Конечно, и у католиковъ можетъ быть парламентъ, но этотъ парламентъ долженъ быть инымъ, отличнымъ отъ англійскаго, протестантскаго. По той же причинѣ парламентаризмъ не процвѣтаетъ и въ Австріи—и онъ относительно лучше въ Германіи и въ Венгріи. Политики и государственные люди католическихъ странъ должны подумать о созданіи своего парламента—но подражаніе, аналогія всегда удобнѣе.

Марксъ и Энгельсъ не поняли также и того, на сколько сильно еще и теперь дѣйствуютъ церкви своими ученіями и своей общественной организаціей; Марксъ полагалъ, что критика религіи закончена и потому онъ совершенно не думалъ объ отношеніи различныхъ государствъ въ церкви. А въ дѣйствительности это отношеніе имѣетъ огромное значеніе для политики, не желающей ограничиваться только отчетомъ о текущихъ дѣлахъ. Для соціализма же особенно важно различіе между католическимъ и протестантскимъ соціализмомъ, о которомъ мы уже говорили.

Политическій примитивизмъ въ высшей степени непрогрессивенъ. Онъ ищетъ своихъ образцовъ и своихъ идеаловъ ужъ въ черезъ чуръ отдаленномъ прошломъ. Руссо — типъ примитивнаго политическаго мыслителя. А Марксъ и Энгельсъ взяли его себѣ образцомъ. Такой руссотизмъ утопиченъ—въ обществѣ нѣтъ искомой простоты.

Политическій примитивизмъ соединяется съ преувеличеннымъ историзмомъ. Утопистъ бѣжитъ изъ настоящаго въ прошлое, и въ возможно болѣе далекое и неизвѣстное прошлое. Потому исторія не даетъ ему надлежащаго поученія, хотя бы онъ и принималъ современный эволюціонизмъ, который кромѣ того и самъ то въ сферѣ исторіи и соціологіи часто становится примитивнымъ, такъ какъ ищетъ аналогій и образцовъ въ зоологическомъ развитіи.

Политическій примитивизмъ проявляется въ отсутствіи единаго философскаго міросозерцанія. «Общій планъ» и «общая воля» Энгельса существуютъ только на бумагѣ. Это порождаетъ политическій диллетантизмъ и эклектизмъ, подражаніе всяческимъ образцамъ, и возможнымъ и невозможнымъ, политическую эпизодичность и перемежающееся возбужденіе.

Это порождаетъ, наконецъ, политику, болѣе отрицательную, чѣмъ

положительную и страхъ предъ отвѣтственностью. Такой страхъ характеренъ для теперешняго демократизма. Всегда только партія, а еще лучше нація—и никогда я. Прикрываются при этомъ любовью къ народу, дисциплиной и т. д., а въ большинствѣ случаевъ это отсутствіе мужества, отсутствіе самостоятельности мышленія и воли. Марксизмъ подавляетъ «оборваннаго индивида» въ пользу мифической «большой массы». Демагогія побиваетъ демократію. Истинно демократическая политика невозможна безъ массы сильныхъ индивидуальностей.

Отрицаніе ведетъ къ анархіи и къ революціонерству. Отсутствіе общихъ политическихъ взглядовъ замѣняется въ теоріи диллетантизмомъ, а на практикѣ судорожной агитаціей. Агитація не есть дѣйствіе. Революціонерство и мелкія политическія работы взаимно исключаются. Политика еще и теперь въ значительной степени есть игра.

Отсутствіе политическаго и философскаго образованія ведетъ къ преувеличенію значенія парламентской политики. Такимъ образомъ развивается то политиканство кабачковъ, которое съ его демократическимъ пивомъ отнюдь не лучше блазированнаго реакціонерства съ его аристократическимъ шампанскимъ.

Отсутствіе философскаго образованія проявляется въ непониманіи значенія неполитической политики, если мнѣ позволено будетъ назвать такъ политическое воспитаніе избирателей и подготовленіе будущаго. Близорукій политическій матеріализмъ гонится только за непосредственными успѣхами и за прямымъ и непосредственнымъ господствомъ.

Политическій примитивизмъ довольствуется политикой минуты, одного дня. Въ такой политикѣ нѣтъ ни надежды на будущее, ни пониманія прошлаго. Въ ней нѣтъ ни единства, ни величія—это парламентская и административная мастеровщина.

И наконецъ ужъ черезъ чуръ много личной политики и черезъ чуръ мало политики міровой.

Эта политика обращаетъ вниманіе только на то, что бросается въ глаза, что громко кричитъ. Средства ея тоже рыночныя. Объ анализѣ и объ изученіи истинныхъ соціальныхъ причинъ и слѣдствій и рѣчи нѣтъ. Марксизмъ—нужно отдать ему справедливость—пріучаетъ къ политическому наблюденію и къ политическому анализу уже хотя бы тѣмъ, что вездѣ отыскиваетъ экономическія причины.

Отсутствіе оригинальности у политическихъ партій просто таки ужасно. Очень немногія изъ нихъ имѣютъ самостоятельную политику и преслѣдуютъ опредѣленныя и ясныя цѣли — большинство живетъ, собственно говоря, только ошибками своихъ противниковъ. Это истое воплощеніе отрицанія. Такое обоюдное отрицаніе имѣетъ часто то слѣдствіе, что партіи съ совершенно различными программами дѣлаются похожими одна на другую; начинаютъ подражать не только

своимъ товарищамъ, но и своимъ противникамъ — и притомъ тѣмъ больше, чѣмъ больше эти противники импонируютъ. Реакція подражаетъ радикализму, а радикализмъ реакціи, и въ концѣ концевъ происходитъ такой круговоротъ, цѣль которой совершенно неизвѣстна и непонятна. Всякій внимательный наблюдатель очень скоро увидитъ этотъ оригинальный consensus враждующихъ партій.

Общественная машина кое какъ идетъ—и этого довольно для насъ. Мы полагаемся на другихъ, хотя другъ другу и недовѣряемъ. Правда, что то происходитъ и должно происходить. Мы уважаемъ логику фактовъ, съ эмфазомъ говорилъ о вѣчныхъ историческихъ законахъ, въ нашей фаталистической косности мы постоянно ждемъ чудесъ и мессій — и разумѣется, тщетно. А тогда мы выражаемъ наше недовольство въ безплодной критикѣ и въ жалобахъ на весь міръ.

Эти недостатки политическаго примитивизма вы найдете теперь во всѣхъ партіяхъ. Но они же характеризуютъ и современныя европейскія правительства. Отвѣтственность за современное положеніе общества падаетъ, вѣдь, на всѣхъ. Только реакціонный примитивизмъ можетъ видѣть источникъ всяческаго зла въ радикализмѣ; въ дѣйствительности мѣра отвѣтственности не меньшая и для тѣхъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточено прямое руководительство обществомъ. Если радикализмъ дѣйствительно есть то зло, которое видитъ въ немъ реакція, то почему же школы, церковь и т. д., не могутъ устранить этого зла? Неужели намъ нужно вѣрить въ политическое грѣхопаденіе?

Съ этой точки зрѣнія экономическое консолидированіе соціальной партіи представляется главной политической обязанностью. Классовая борьба, собственно говоря, не имѣетъ политическаго характера; по моему мнѣнію, уже въ настоящее время совершенно излишне доказывать, что парламентская тактика есть не единственная, и даже не наиболѣе дѣйствительная политическая работа [1]).

Потому то англійскіе рабочіе и безъ всякаго марксизма болѣе соціалисты, чѣмъ нѣмецкіе марксисты. Въ различныхъ неполитическихъ ассоціаціяхъ и въ экономическихъ предпріятіяхъ англійскихъ рабочихъ я вижу пока образецъ настоящей соціальной работы. Но я не хочу дать поводъ къ недоразумѣніямъ, не хочу быть непонятымъ—я отнюдь не противъ политической организаціи, наоборотъ, я всецѣло за нее; но я не могу не сказать, что въ Германіи и въ Австріи преувеличиваютъ значеніе такой организаціи. Я утверждаю только, что не слѣдуетъ такъ пренебрегать экономическими союзами, потребительными и производительными товариществами, какъ пренебрегаютъ ими въ Германіи и въ Австріи. Въ этомъ отношеніи образцомъ для насъ должны служить Англія, Швейцарія и Бельгія.

[1]) Это поняли теперь и въ Германіи. См. Кампфмейеръ—О предѣлахъ политической силы (Socialist. Monatshefte 1898).

Я, разумѣется, знаю о противуположныхъ взглядахъ, мнѣ извѣстно, что указываютъ на аристократизмъ трэдъюніоновъ и на великій вопросъ о безработныхъ и т. д. И все таки я настаиваю на своемъ мнѣніи, опираясь на опытъ и на мнѣнія англійскихъ теоретиковъ, особенно на классическіе труды супруговъ Веббъ. Да и среди марксистовъ есть горячіе защитники трэдъюніоновъ и товариществъ [1]). Конечно, политика союзовъ не согласуется съ теоріей катастрофъ.

Современный марксизмъ страдаетъ всѣми недостатками обычнаго политиканства. — И собственно говоря, это противорѣчитъ его экономическому матеріализму. Именно съ точки зрѣнія этого матеріализма онъ и долженъ бы былъ заняться прежде всего экономической организаціей рабочей партіи. Марксъ и Энгельсъ при всемъ своемъ экономическомъ матеріализмѣ не понимали того, что историческій процессъ ведетъ къ самостоятельности общественной экономической организаціи (§§ 110).

159. Рабочій классъ долженъ также усовершенствовать свои старыя образовательные союзы—или, лучше сказать, приспособить ихъ къ требованіямъ новаго времени. Запущено, вѣдь, не только эстетическое, художественное образованіе массъ, но и ихъ нравственное образованіе [2]). Рабочій, отвыкшій отъ пьянства и отказавшійся отъ игры, рабочій, въ особенности настаивающій на половой нравственности, сдѣлаетъ для политической эмансипаціи рабочихъ больше, чѣмъ полагаютъ близорукіе политиканы. А въ этомъ направленіи можно сдѣлать еще очень многое—можно завоевать цѣлый міръ.

[1]) См. Послѣсловіе Бернштейна къ „Исторіи британскаго трэдъ-уніонизма“—С. и Б. Вебба. Другаго мнѣнія Каутскій въ его объясненіи эрфуртской программы. Если я вѣрно понимаю его, то онъ не противъ профессіональной организаціи, и требуетъ только того, чтобы трэдъ уніоны ни отдѣлялись отъ пролетаріата; но производительныя ассоціаціи онъ, повидимому, не одобряетъ, по крайней мѣрѣ онъ не ожидаетъ отъ нихъ, какъ и отъ соціальнаго законодательства, никакихъ дѣйствительныхъ улучшеній. Гуго, знатокъ трэдъ уньоновъ, тоже не за нихъ: „Промышленные союзы и соціалъ демократія“ (N. Z. 1898). Ср. еще по этому вопросу: Legien (на промышленномъ конгрессѣ въ Кельнѣ 1893)—значеніе промышленной организаціи для классовой борьбы (Socialist Monatshefte 1897) и Haenisch—О поддержкѣ безработныхъ (N. Z. 1897).

Объ отношеніи Маркса къ трэдъ уньонизму. См. въ N. Z. 1896 г. письмо Маркса къ Швейцеру о лассальянствѣ и промышленной борьбѣ (хотя изъ этого письма нельзя сдѣлать никакихъ заключеній) и одобреніе производительныхъ ассоціацій въ третьей части „Капитала“.

Энгельсъ („Вопросъ о жилищахъ“) не особенно восторгается всеобщимъ распространеніемъ потребительныхъ обществъ; онъ боится, что это распространеніе будетъ причиной паденія заработной платы.

[2]) И въ особенности вопросъ о народномъ образованіи долженъ занимать марксизмъ въ виду его позитивизма—и не только вопросъ о популяризированіи науки; онъ долженъ заняться также и подробной критикой теперешней школьной системы и помогать выработкѣ истинно демократической педагогіи.

Очень часто замѣчается среди марксистовъ фетишизмъ — теперь, молъ, ничего нельзя сдѣлать, нужно измѣнить все общество и т. д. Это именно и есть утопизмъ, на практикѣ часто приводящійся къ ничего недѣланью. Общественная работа не должна быть односторонней; она должна быть общей, такъ сказать, концентрической. Рабочіе должны участвовать во всей культурной работѣ; поэтому они должны организоваться не только политически, а и экономически и культурно, они должны составлять союзы всякаго рода, чтобы поддержать прогрессъ и ихъ собственный, и общества. Вѣдь, и Марксъ и Энгельсъ хотѣли абсолютной приспособленности человѣка, универсальности — а поводы для этого существуютъ и теперь, и вездѣ и всегда.

Но для этого необходимо отказаться отъ матеріализма, особенно отъ экономическаго матеріализма, отъ аморализма; необходимо проникнуться чувствомъ общей отвѣтственности и работать для живущихъ и будущихъ поколѣній. Для этого необходимо исполнять всякую работу, а не только одну политическую, руководясь одной точкой зрѣнія и подчиняя ее высшей цѣли—демократизмъ долженъ сдѣлаться общимъ міровоззрѣніемъ. И политика такого демократизма была бы истинной политикой всей жизни, всего міра — политикой sub specie aeternitatis.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Окончательный выводъ.

XIV.

Научный и философскій кризисъ въ марксизмѣ.

160. Надѣюсь, что даже противники моихъ взглядовъ признаютъ, что діагнозъ, выражающійся въ заглавіи этой послѣдней части, вытекаетъ логически изъ анализа системы Маркса—Энгельса. Я принялъ также во вниманіе и работы послѣдователей Маркса, такъ что окончательный выводъ примѣняется ко всему максизму отъ его зачатковъ до настоящаго времени.

Я привелъ многочисленныя доказательства того, что кризисъ въ марксизмѣ охватывающій, глубокій и принципіальный.

Я представилъ доказательства, что ученики Маркса и Энгельса видоизмѣнили и даже прямо оставили ихъ теоріи; они отказались отъ метафизическаго матеріализма и отъ строгаго историческаго матеріализма; они оставляютъ теорію цѣнности Маркса; они признали, что экономическое развитіе не приводитъ къ централизаціи капитала и къ экспропріированію капиталистическихъ, принадлежащихъ къ среднимъ классамъ, собственниковъ, какъ предполагалъ и ожидалъ Марксъ; по этому пролетаризированіе и вырожденіе рабочихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и всего общества, уже не представляется имъ столь значительнымъ, такъ полагалъ Марксъ; о коммунизмѣ ученики начинаютъ судить достаточно трезво; въ теоріи о первобытномъ родовомъ строѣ внесены поправки и вмѣстѣ съ этимъ подвергнуто пересмотру и ученіе о государствѣ; вновь обосновано ученіе о національности; религіозные и этическіе вопросы вновь разрабатываются въ направленіи,

противоположномъ позитивистическому аморализму и афилософизму Маркса; наконецъ, на практикѣ оставлена теорія и политика катастрофъ. Мнѣ думается, что всѣ эти различія отнюдь не второстепенныя. Они касаются самыхъ основъ системы—повторяю, что кризисъ принципіальный.

Въ различныхъ мѣстахъ этой книги я привожу примѣры того, что уже Энгельсъ видоизмѣнилъ положенія Маркса, хотя и незамѣтнымъ образомъ.

Но кризисъ начался не у послѣдователей Маркса, онъ существовалъ уже у самихъ Маркса и Энгельса. Марксъ въ третьей части своего «Капитала» оставляетъ ученія первой части,—по крайней мѣрѣ онъ не могъ примирить противорѣчій. Энгельсъ также вполнѣ опредѣленно отрекся отъ революціонной тактики. Неужели это еще не глубокій и охватывающій кризисъ? Мы видѣли, что Марксъ и Энгельсъ съ теченіемъ времени видоизмѣнили свои взгляды, и притомъ въ вопросахъ отнюдь не маловажныхъ. Припомните напр. разнообразныя опредѣленія историческаго натурализма! Я указалъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ органическимъ развитіемъ, не съ прогрессомъ ученія—нѣтъ: различныя опредѣленія ставятся рядомъ неорганически, безъ всякой связи, они не обработываются въ единое цѣлое. Тутъ мы видимъ только уступки разнымъ возраженіямъ, а не обработку и болѣе точное формулированіе. Такія же противорѣчія, такое же отсутствіе единства мы часто встрѣчаемъ у Маркса и Энгельса, и притомъ въ вопросахъ самыхъ существенныхъ. Такъ напр. дарвинизмъ соединяется съ гегеліанствомъ, ученіе Моргана приравнивается къ ученію Маркса, мальтузіанство сначала отрицается, а потомъ признается и т. д. И ученіе стоитъ противъ ученія не только въ подробностяхъ — метафизическая и теоретико-познавательная основа марксизма есть неудачный синтезъ разнородныхъ взглядовъ.

Теоретики соціализма и сами признаютъ, что кризисъ существуетъ. Въ полемикѣ съ Баксомъ Каутскій призналъ, что въ марксизмѣ существуютъ два направленія, различныя и по методу и по тактикѣ [1]). Бернштейнъ въ полемикѣ съ тѣмъ же Баксомъ говоритъ о внутреннемъ измѣненіи марксизма въ сферѣ практической, въ политикѣ [2]).

[1]) „Я охотно признаю заслугу Бакса, состоящую въ томъ, что онъ своимъ нападеніемъ на насъ вызвалъ эти разъясненія и уясненіе различій. Какъ бы тамъ ни думали о результатахъ этой полемики, она установила одно, какъ несомнѣнный фактъ: это тотъ фактъ, что между людьми, признающими результаты работъ Маркса и Энгельса, существуютъ два направленія, которыя, независимо отъ индивидуальныхъ различій, встрѣчающихся во всякомъ направленіи, различаются по методу теоретическаго изслѣдованія, а также и по ихъ практической тактикѣ“ (Neue Zeit 1896. Утопическій и матеріалистическій марксизмъ).

[2]) „Борьба соціалъ демократіи и общественный переворотъ“ (Neue Zeit 1897): „во всѣхъ странахъ, гдѣ соціалистическая партія получила поли-

При такомъ положеніи дѣла марксистамъ не остается ничего болѣе, какъ начать пересмотръ не только отдѣльныхъ ученій, но главнымъ образомъ философскихъ основаній марксизма. И этотъ пересмотръ долженъ произойти вполнѣ сознательно и вполнѣ открыто, безъ всякихъ партійныхъ соображеній.

Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о кризисѣ, а не о упадкѣ и притомъ о научномъ и философскомъ кризисѣ одного марксизма, а не всего соціализма.

Кризисъ, само собой разумѣется, долженъ коснуться и марксистскихъ партій. Въ послѣдніе годы въ германской партіи происходили ожесточенные литературные споры—и притомъ о вопросахъ принципіальныхъ, что прямо требуетъ пересмотра ихъ (дѣло Фольмара, полемика Шенланка съ Каутскимъ и Либкнехта съ Бебелемъ, полемика Бернштейна съ Баксомъ, Плеханова съ Бернштейномъ и Шмидтомъ, штутгартскаго конгресса съ Бернштейномъ и т. д.).

Понятно, что для вождей соціалъ-демократическихъ партій эти споры не особенно пріятны; но, по моему мнѣнію, дипломатизированіе и замалчиваніе вредитъ партіи больше, чѣмъ открытый пересмотръ спорныхъ вопросовъ и признаніе, что философскія, и побольшей части и соціологическія основанія марксизма несостоятельны.

Партіи всегда развиваются нѣсколько иначе, чѣмъ теоріи. Марксъ полагалъ, что религія поконченное дѣло, по крайней мѣрѣ для Германіи; и однако церкви, несмотря на современную, антицерковную философію, существуютъ. Партіи и учрежденія, развившіяся въ силу истинныхъ потребностей времени и людей, могутъ быть только измѣняемы и улучшаемы при посредствѣ критики.

Соціализмъ проистекаетъ изъ очевидныхъ несовершенствъ и безнравственности многихъ общественныхъ учрежденій; его жизненная почва въ великой матеріальной и нравственной нищетѣ народовъ—фактическая критика марксизма не можетъ уничтожить этого источника. Еслибы марксизмъ и оказался вполнѣ несостоятельнымъ, еслибы всѣ марксисты вполнѣ согласились съ этимъ, все таки отъ этого соціализмъ не былъ бы уничтоженъ. Это призналъ и сказалъ и одинъ изъ теоретиковъ соціализма [1]). Я полагаю, что противники соціализма

тическое значеніе, наблюдается одинаковое явленіе—а именно то, что въ ней совершается внутреннее измѣненіе. Прежняя напыщенность фразеологіи и аргументаціи исчезаетъ, стремленіе къ обобщеніемъ слабѣетъ, не разсуждаютъ больше о раздѣлѣ медвѣжьей шкуры послѣ совершенія общаго „Кладерадача“, вообще не занимаются такъ много этимъ интереснымъ событіемъ, а изучаютъ подробности современныхъ вопросовъ и ищутъ рычаговъ и точекъ приложенія силъ, чтобы подвинуть впередъ развитіе общества въ направленіи соціализма... Формально такое измѣненіе представляется отпаденіемъ отъ чистоты принципа... Нѣтъ недостатка также нигдѣ и въ элементахъ, страстно сопротивляющихся этому явленію“.

[1]) По крайней мѣрѣ по отношенію къ теоріи цѣнности Маркса—Фишеръ: Теорія цѣнности Маркса 1894 (ст. 41).

напрасно возлагаютъ надежды на кризисъ, происходящій въ марксизмѣ—благодаря этому кризису соціализмъ, напротивъ, можетъ пріобрѣсти новыя значительныя силы, если только его вожди вполнѣ свободно и искренно будутъ критиковать его основанія и отдѣлаются отъ его недостатковъ.

162. Подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и эта часть моей книги, я изложилъ вкратцѣ въ вѣнской газетѣ Zeit главные факты, оправдывающіе мой діагнозъ.

Мои заявленія были поводомъ къ публичнымъ и письменнымъ разсужденіямъ; и я для уясненія вопроса сдѣлаю нѣсколько замѣчаній объ этомъ.

Понятно, что прежде всего меня интересуютъ мнѣнія соціалистовъ и въ особенности марксистовъ. Первымъ высказался Баксъ въ статьѣ Zeit («Соціализмъ, какъ міросозерцаніе»). Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя несогласія въ подробностяхъ, то можно сказать, что Баксъ вполнѣ подтверждаетъ и принимаетъ мой діагнозъ. Онъ согласенъ и съ тѣмъ, что я болѣе, чѣмъ кто либо другой, настаиваю на томъ, что марксизмъ есть попытка создать новое общее міросозерцаніе. Но именно поэтому онъ и полагаетъ, что кризисъ въ марксизмѣ есть только броженіе, что марксизмъ есть міросозерцаніе только создающееся. Баксъ признаетъ, что марксисты уже сознаютъ невѣрность ихъ метода, на основаніи котораго они считали раньше всѣ сферы человѣческаго знанія только нѣкоторымъ дополненіемъ къ экономикѣ. Изъ статьи Бакса видно, что онъ считаетъ матеріализмъ, какъ философскую основу марксизма, несостоятельнымъ.

Каутскій признаетъ (въ письмѣ) «дѣйствительный кризисъ» въ марксизмѣ, но только въ одномъ пунктѣ—въ философскомъ его обоснованіи. Онъ признаетъ, что среди марксистовъ неокантіанство сдѣлало большіе успѣхи—и притомъ у лучшихъ изъ марксистовъ не только въ Германіи, но и въ Италіи и въ другихъ странахъ [1]).

По моему мнѣнію, кризисъ философскаго основанія есть кризисъ всей системы. Марксъ и Энгельсъ, вѣдь, стремились именно къ единому міросозерцанію и пытались обосновать его позитивнымъ матеріализмомъ. Я старался указать связь отдѣльныхъ научныхъ сферъ съ этимъ несостоятельнымъ философскимъ основаніемъ.

Но кризисъ происходитъ не только въ философіи, а и въ спеціальныхъ научныхъ дисциплинахъ. Это подтверждается и послѣднимъ конгрессомъ германской соціалъ-демократической партіи въ Штуттгартѣ.

[1]) При корректурѣ этой послѣдней главы я получилъ сочиненіе Бернштейна (Voraussetzungen des Socialismus 1899); могу сказать о немъ только то, что оно подтверждаетъ мой діагнозъ. Замѣчу только, что Бернштейнъ замѣняетъ лозунгъ: „назадъ къ Канту!“ другимъ—„назадъ къ Ланге.“

Neue Zeit признаетъ, что этотъ конгрессъ доказалъ, что партія по отношенію къ теоріи не стоитъ на высотѣ современной науки; оно сожалѣетъ о теоретическихъ разногласіяхъ въ большой части партіи и въ пренебреженіи къ теоріи, которое и на практикѣ должно неизбѣжно привести къ тому, что «всѣ практическіе успѣхи утратятъ свою несомнѣнность».

Если Neue Zeit и утѣшается тѣмъ соображеніемъ, что на практикѣ, наоборотъ, существуетъ единство и согласіе, то я считаю это только обсахаренной облаткой для весьма горькой пилюли [1]).

Дѣло, конечно, не въ этомъ конгрессѣ. Дѣло въ томъ, что въ марксизмѣ происходитъ не только философскій, а и научный кризисъ. Поднятый вновь Бернштейномъ вопросъ о томъ, исчезаетъ ли среднее сословіе, какъ училъ Марксъ, есть вопросъ экономическій и соціологическій. Потому то я и говорю, что кризисъ въ марксизмѣ долженъ разрѣшаться научно—и по крайней мѣрѣ во всемъ объемѣ марксизма. Я говорю «научно» потому, что уже и теперь появляются ловкіе люди, пытающіеся покончить дѣло фразами и комплементами [2]).

Въ виду этого ловкаго оппортунизма партія и обязана произвести строгій научный пересмотръ въ ея же собственныхъ интересахъ. Всякій мыслящій человѣкъ видитъ, что теперь партія по рукамъ и ногамъ связана традиціями. У каждой идеологіи, говоритъ Марксъ, есть своя традиція—и это примѣняется и къ идеологіи Маркса, особенно въ политикѣ. Нужно имѣть мужество, чтобы вполнѣ и послѣдовательно принять политическую программу Энгельса 1895 года и тогда не будутъ необходимы ловкія заклейки чрезмѣрно мудрыхъ писателей и тактиковъ, которые въ концѣ то концевъ губятъ всякую партію. Фактически соціалъ-демократическую партію все еще дѣлаютъ отвѣтственной за старые взгляды и изреченія Маркса и Энгельса, на самомъ дѣлѣ устраненные позднѣйшими ихъ ученіями. Бернштейнъ

[1]) Незадолго до собранія партіи Бебель написалъ въ Vorwärts статью о выборахъ въ прусскій ландтагъ, возбудившую большую сенсацію; Бебель констатируетъ, что именно въ практическомъ вопросѣ въ партіи существуетъ такое разногласіе, какъ никогда раньше.

[2]) Я уже указывалъ на депутата Гейне и теперь имѣю въ виду его же. Въ Deutsche Worten—Пернерсторфера онъ написалъ рефератъ о новой книгѣ Барта и тамъ онъ напр. говоритъ, что „марксистское“ формулированіе экономическаго матеріализма есть „Избытокъ юношеской живости. Гейне признаетъ практическую цѣнность идеаловъ и т. д.—Но въ концѣ концовъ онъ полагается на практику, на „добрые инстинкты массъ и на традиціи ихъ вождей.“ Вообще марксисты охотно ссылаются на эти инстинкты: авторъ статьи о штуттгартскомъ конгрессѣ въ Neue Zeit тоже надѣется на „счастливый практическій инстинктъ, живущій въ партіи и столько разъ помогавшій ей преодолѣвать теоретическія затрудненія.“

вполнѣ правъ, говоря, что у партіи нѣтъ смѣлости казаться тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности. «Чѣмъ безпристрастнѣе и безпартійнѣе наука, тѣмъ болѣе она согласуется съ интересами и стремленіями рабочихъ»—сказалъ Энгельсъ (Фейербахъ, 68).

Кризисъ въ марксизмѣ есть вопросъ не одной только партіи, а и философіи и науки, и всѣ, кто отъ всего сердца заинтересованы надлежащимъ рѣшеніемъ соціальныхъ вопросовъ, должны внимательно слѣдить за нимъ.